OCR: Allan Shade, janex@narod.ru

Джордж Ритцер

Современные социологические теории

5-е издание

Серия «Мастера психологии»

Перевели с английского А. Бойков, А. Лисицына

Главный редактор	*Е. Строганова*
Заведующий редакцией	*Л. Винокуров*
Руководитель проекта	*Е. Цветкова*
Выпускающий редактор	*А. Борин*
Научный редактор	*И. Малыш*
Литературные редакторы	*В. Родионова, И. Трофимова*
Художник обложки	*С. Маликова*
Корректоры	*М. Рошаль, Н. Викторова*
Верстка	*Т. Гусева*

ББК 60.5 УДК 316

Ритцер Дж.

Р90 Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 5-318-00687-6

Эта книга о самых интересных и главных идеях в социологии, выдержавших проверку временем, и о системе взглядов на основные социальные проблемы. Автор умело расставляет акценты, анализируя представленные теории. Структура книги дает возможность целостно воспринять большой объем материала в перспективе исторического становления теории социологии, а биографические справки об авторах теорий делают книгу более энциклопедичной. В первой части издания представлен выборочный исторический обзор теорий и воззрений мыслителей, чье творчество подробно анализируется автором в последующих разделах. Предмет рассмотрения второй части — основные школы современной социологической теории в контексте широкого движения к теоретическому синтезу и попыток объединить микро- и макротеории. В третьей части рассматриваются два ведущих направления в современной социологической теории, касающиеся соотношения микро- и макросвязей. Заключительная, четвертая, часть посвящена изложению взглядов наиболее значительных теоретиков постмодернизма и тенденциям развития сегодняшней теории социологии. Книга, несомненно, привлечет внимание не только специалистов различного профиля и студентов, но и любого читателя, интересующегося законами жизни общества.

© 2000 by The McGraw-Hill

© Перевод на русский язык ЗАО Издательский дом «Питер», 2002

© Издание на русском языке, оформление ЗАО Издательский дом «Питер», 2002

Права на издание получены по соглашению с McGraw-Hill
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-318-00687-6

ISBN 0-07-229604-6 (англ.)

ООО «Питер Принт», 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.
Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.
Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 953005 - литература учебная.
Подписано в печать 26.08.02. Формат 70x100 7/16. Усл. п. л. 55,47. Тираж 4500 экз. Заказ № 1126.
Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Краткое содержание

Часть I
Введение 15
Глава 1
Исторический обзор социологической теории: ранние годы 16
Глава 2
Исторический обзор социологической теории: поздние годы..... 61
Часть II
Современная социологическая теория: основные школы..... 113
Глава 3
Структурный функционализм, неофункционализм и теория конфликта..... 114
Глава 4 Разновидности неомарксистской теории 161
Глава 5 Теория систем 215
Глава б
Символический интеракционизм 238
Глава 7
Этнометодология 287
Глава 8
Теория обмена, сетевая теория итеория рационального выбора .. 317
Глава 9
Современная теория феминизма 357
Часть III Развитие интеграции в современной социологии 415
Глава 10 Интеграция микро- и макропозиций..... 416
Глава 11 Интеграция действия и структуры 446
Часть IV От современной к постсовременной социальной теории (и далее) 483
Глава 12 Новейшие теории современности..... 484
Глава 13 Структурализм, постструктурализм и возникновение постмодернистской социальной теории 521

Оглавление

Предисловие 13

Часть I **Введение** **15**

Глава 1 Исторический обзор социологической теории: ранние годы 16

Введение 17

Социальные силы, повлиявшие на развитие социологической теории 19

- Политические революции 19
- Промышленный переворот и подъем капитализма 19
- Подъем социализма 20
- Феминизм 20
- Урбанизация 21
- Изменения в религии 21
- Рост науки 22

Интеллектуальные силы и развитие социологической теории 23

- Просвещение 23
- Консервативная реакция на Просвещение 24
- Развитие французской социологии 26
- Развитие немецкой социологии 34
- Истоки британской социологии 51
- Ключевая фигура ранней итальянской социологии 58
- Развитие европейского марксизма на рубеже веков 59

Глава 2 Исторический обзор социологической теории: поздние годы 61

Ранняя американская социологическая теория 61

- Политика 61
- Социальные изменения и интеллектуальные течения 62
- Чикагская школа 68

Женщины в ранней социологии : 74

Социологическая теория до середины XX века 75

- Подъем Гарвардского университета, Лиги ллюща и структурного функционализма 75
- Чикагская школа в период упадка 81
- Развитие марксистской теории 82
- Карл Мангейм и социология знания 83

Социологическая теория второй половины XX в. 84

- Структурный функционализм: расцвет и упадок 84
- Радикальная социология в Америке: Ч. Райт Миллз 85

Развитие теории конфликта 86
Возникновение теории обмена..... 88
Драматургический анализ: творчество Ирвинга Гофмана 90
Развитие социологии повседневности..... 91
Расцвет и упадок (?) марксистской социологии 95
Вызов со стороны феминистской теории 97
Структурализм и постструктурализм..... 99
Развитие социологической теории в наши дни 100
Микро-макроинтеграция..... 100
Интеграция действия и структуры 101
Теоретический синтез..... 103
Теории современности и постсовременности 104
Защитники современности..... 104
Проповедники постсовременности 105
Теории в преддверии XXI в..... 106
Поликультурная социальная теория..... 106
Постмодернистские и пост-постмодернистские социальные теории 108
Теории потребления..... 109
Прочие теории..... 110

Часть II Современная социологическая теория: основные школы 113

Глава 3 Структурный функционализм, неофункционализм и теория конфликта 114
Структурный функционализм 115
Функциональная теория стратификации и ее критика..... 116
Структурный функционализм Толкотта Парсонса 118
Структурный функционализм Роберта Мертона..... 131
Содержательная критика 136
Неофункционализм 142
Теория конфликта..... 145
Творчество Ральфа Дарендорфа 147
Основная критика и попытки ее отразить 151
Обобщающая теория конфликта..... 153

Глава4 Разновидности неомарксистской теории 161
Экономический детерминизм 161
Гегельянский марксизм 162
Георг Лукач 163
Антонио Грамши..... 165
Критическая теория..... 166
Основная критика социальной и интеллектуальной жизни 167
Основной вклад 172
Критика критической теории 176

Идеи Юргена Хабермаса 176
Критическая теория в наши дни 180
Неомарксистская экономическая социология 182
Капитал и труд 182
Труди монопольный капитал 185
Фордизм и постфордизм 190
Исторически ориентированный марксизм 193
«Современная мировая система» 193
Постмарксистская теория 200
Аналитический марксизм 201
Постмодернистская марксистская теория 207
«После марксизма» 210
Критика постмарксизма 213
Глава 5 Теория систем 215
Социология и современная теория систем 215
Использование теории систем 215
Некоторые общие принципы 217
Применение к социальному миру 219
Общая теория систем Никласа Лумана 219
Автопоэзийные системы 221
Общество и психические системы 223
Двойная возможность 225
Эволюция социальных систем 226
Дифференциация 227
Социология знания Лумана 233
Критика 235
Глава 6 Символический интеракционизм 238
Основные исторические источники 238
Прагматизм 238
Бихевиоризм 240
Между редукционизмом и социологизмом 241
Воззрения Джорджа Герберта Мида 242
Приоритет социального 242
Действие 243
Жесты 246
Значащие символы 248
Мыслительные процессы и разум 249
Самость 252
Общество 257
Символический интеракционизм: основные принципы 259
Мыслительная способность 259
Мышление и взаимодействие 260
Усвоение значений и символов 261

Действие и взаимодействие 262
Осуществление выбора 263
«Я» итворчество Ирвинга Гофмана 264
Группы и общества 274
Критика 276
К синтезу и целостности в символическом интеракционизме 277
Переосмысливая Мида и Блумера 278
Сближение макро- и микроподходов 280
Символический интеракционизм и исследования культуры . 282
Будущее символического интеракционизма 284
Глава 7 Этнометодология 287
Определение этнометодологии 287
Разновидности этнометодологии 290
Первые примеры этнометодологии 293
Эксперименты с нарушением привычного порядка 293
Выполнение тендерной роли 295
Анализ разговоров 296
Телефонные разговоры: идентификация и распознавание ... 296
Инициирование смеха 298
Побуждение к аплодисментам 299
Неодобрительные возгласы 300
Сентенции и рассказы в процессе взаимодействия 301
Формулировки 302
Сочетание речевых средств и невербальных действий 303
Проявление нерешительности (и уверенности в себе) 304
Исследование социальных институтов 305
Собеседование при приеме на работу 305
Переговоры руководителей 305
Звонки в центры чрезвычайных ситуаций 306
Разрешение конфликтов при участии посредников 307
Критика традиционной социологии 309
Затруднения и противоречия в этнометодологии 310
Синтез и интеграция 312
Этнометодология и символический интеракционизм 313
Этнометодология и микро- и макропорядок 314
Глава 8 Теория обмена, сетевая теория и теория рационального выбора 317
Теория обмена 317
Бихевиоризм 317
Теория рационального выбора 318
«Социальная психология групп» 319
Теория обмена Джорджда Хоманса 321
Теория обмена Питера Блау 328

Работы Ричарда Эмерсона и его последователей 334
Сетевая теория..... 342
Теория рационального выбора..... 346
«Основания социальной теории»..... 347
Глава 9 Современная теория феминизма 357
Основные теоретические проблемы 358
Социологические теории тендера:
сбО-хгг. по настоящее время 360
Макросоциальные теории тендера 361
Микросоциальные теории тендера 365
Разновидности современной теории феминизма 367
Тендерное различие 369
Тендерное неравенство.....373
Тендерное угнетение 378
Структурное угнетение.....385
Феминизм и постмодернизм 397
Феминистская социологическая теория 400
Феминистская социология знания.....400
Макросоциальный уровень 402
Микросоциальный уровень 405
Субъективность.....408
К обобщающей теории 411
ЧАСТЬ III Развитие интеграции в современной социологии 415
Глава 10 Интеграция микро- и макропозиций.....416
Полярные микро- и макропозиции 416
Движение к интеграции ми'кро- и макропозиций 418
Примеры интеграции полярных позиций 419
Интегрированная социологическая парадигма.....419
Многомерная социология 422
Субъективные уровни анализа.....424
Модель перехода от микро- к макроуровню 426
Микрооснования макросоциологии.....429
Назад в будущее: фигурационная социология
Норберта Элиаса 432
«История манер» 436
«Власть и вежливость» 441
Глава 11 Интеграция действия и структуры 446
Введение.....446
Основные теории интеграции действия и структуры.....446
Структурационная теория.....447
Культура и деятельность 453

Габитус и поле 456
Колонизация жизненного мира 470
Основные различия в теориях действия — структуры 476
Соединение структуры и действия
и микро-макроинтеграция 479
Основные сходства 479
Фундаментальные различия 479

Часть IV От современной к постсовременной социальной теории (и далее) 483

Глава 12 Новейшие теории современности 484
Классические теоретики о современности 484
Сокрушительная сила современности 486
Современность и ее последствия 487
Современность и идентичность 491
Современность и интимность 492
Общество риска 493
Создание рисков 495
Управление рисками 496
Макдональдизация, глобализация/американизация
и новые средства потребления 497
Макдональдизация 497
Глобализация или американизация? 499
Новые средства потребления 501
Есть ли опасность? 504
Современность иХолокост 506
Плод современности 506
Роль бюрократии 507
Холокости макдональдизация 508
Незавершенный проект современности 510
Хабермас против постмодернистов 514
Информационализм и сетевое общество 515

Глава 13 Структурализм, постструктурализм и возникновение
постмодернистской социальной теории 521
Структурализм 523
Лингвистические истоки 523
Антропологический структурализм: КлодЛеви-Стросс 524
Структурный марксизм 525
Постструктурализм 526
Воззрения Мишеля Фуко 528
Постмодернистская социальная теория 537
Умеренная постмодернистская социальная теория:
Фредрик Джеймсон 544

Радикальная постмодернистская социальная теория: Жан Бодрийяр 549
Постмодернистская социальная теория и социологическая теория 552
Применение постмодернистской социальной теории 553
Критика и пост-постмодернистская теория 557
Приложение Социологические метатеории и метатеоретическая схема анализа социологической теории 562
Метатеории в социологии 562
Рефлексивная социология Пьера Бурдье 567
Концепция Томаса Куна 569
Социология: полипарадигмальная наука 571
Парадигма социальных фактов 571
Парадигма социального определения 572
Парадигма социального поведения 572
К более целостной социологической парадигме 572
Уровни социального анализа: обзор 573
Уровни социального анализа: модель 578
Список литературы 582
Алфавитный указатель ..... 671 .

Джереми, с любовью

Предисловие

За последние три десятилетия прошлого и нынешнего веков «Современные социологические теории» выходят в свет пятый раз.

Занимаясь переработкой данной книги, я снова был потрясен актуальностью этой области знаний. Самым большим изменением, отличающим данное издание, стал возврат к системной теории (чему была посвящена часть главы в третьем издании данной книги), о которой идет речь в главе 5. Необходимость этого продиктована возрастающим международным интересом и вниманием к работе выдающегося немецкого системного теоретика Никласа Лумана. Его взглядам посвящена основная часть главы. Среди других существенных изменений следует отметить включение разделов, касающихся применения идей постмодернизма, критики постмодернизма и расцвета пост-постмодернизма (глава 13), обсуждение новых средств потребления, а также размышления Мануэля Кастеллса об информационном обществе (гЛава 12). Кроме того, в тексте сделано бесчисленное количество незначительных поправок, чтобы привести его в соответствие с современной действительностью или же прояснить суть разногласий. В текст (и библиографию) включено много новых ссылок, так что книга отражает последние достижения науки.

Однако, работая над этой книгой, в которой насчитывается более 500 страниц, я не ставил перед собой цель увеличить объем текста (хотя это и случилось в ряде мест). Наоборот, я старался не допустить этого и даже намеревался сделать в тексте некоторые сокращения. Я не уверен, что преуспел в последнем, но тем не менее текст был существенно сокращен, особенно в разделах, касающихся теорий, уже не столь актуальных в настоящее время, как когда-то. Также была предпринята попытка сократить тот текст, в котором фактически не приводится никаких доводов. Кроме того, я постарался сделать книгу более легкой для чтения, добавив заголовки и подзаголовки.

Настоящее издание менее яркое по сравнению с предыдущими изданиями книги. Отчасти это связано с тем, что не было необходимости увеличивать объем текста. Также следует принять во внимание, что книга выходит в преддверии нового тысячелетия, в то время когда в построении социальных теорий настал перерыв, период консолидации. Это не означает, что сейчас не рождаются новые теории, однако в основном процесс теоретизирования затрагивает уже существующие категории, и с момента выхода последнего издания новые социологические теории, представляющие, на наш взгляд, особую важность, не появлялись.

Иными словами, за последние несколько лет не появилось ничего, что можно было бы поставить на одну ступень с возникновением микро-макро и агент-структурных теорий, а также постмодернистской социальной теории в 1980-х - начале 1990-х гг. Некоторые теории стали более актуальными, например теория рационального выбора, а также теория систем, в то время как другие — неофункционализм, метатеоретизирование - потеряли свою остроту, по крайней мере в насто-

ящий момент. Но эти перемены не являются радикальным изменением теоретической картины. Возможно, это начало более долгого периода консолидации или же временное затишье перед расцветом серии новых социальных теорий.

Я хочу поблагодарить Патрисию Ленгерманн и Джилла Нейбруг-Брентли за главу, посвященную современной теории феминизма, которая ломает стереотипы. Эта глава не только сделала книгу сильнее, но и существенно повлияла на теоретизирование, независимое от нее. Я также благодарю Дугласа Гудмана и Маттиаса Джанга за соавторство в разделе, раскрывающем теорию систем Никласа Лумана. Если бы доктор Джанг после защиты докторской диссертации в университете Чеминица (с его знанием немецкого языка как родного) не занимался научной работой в Мэрилендском университете и не провел совместную с Гудманом экспертизу, этот раздел не был бы написан. Также спасибо рецензентам: Мабоуд Ансари, Дэвиду Эшли, Дж. А. («Хэнс») Бэккеру, Кифу Готхэму, Питеру Кивисто, Дж. Кнотгерусу, Джеймсу Маршаллу, Нейлу Маклохлинну, Мартину Орру, Роберту Перрину, Джейн Э. Ринехарт, Сьюзан Роксбург, Терезе Л: Шилд и Питеру Зингельманну. Я также хочу поблагодарить персонал *McGraw-Hill,* особенно Салли Констейбл, Кэти Блэйк и Кэрри Сэстак. Спасибо также моим ассистентам Джен Гизин и Зиннии Ко, взявшим на себя работу в библиотеках, и моему сыну Джереми Ритцеру, который составил указатель терминов в книге.

ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ

Глава 1
Исторический обзор социологической теории: ранние годы

На наш взгляд, книгу, знакомящую с современной теорией социологии, лучше всего начать с кратких — в одну строку — итоговых положений различных теорий.

- Современный мир представляет собой железную клетку рациональных систем, из которой невозможно выбраться.
- Капитализм имеет тенденцию к саморазрушению.
- Мораль в современном мире значит гораздо меньше, чем в ранних обществах.
- Город способствует рождению личности определенного типа.
- Люди склонны разыгрывать в обществе разные роли.
- Отношения в обществе построены на принципе взаимозависимости.
- Люди создают мир, который в конечном итоге порабощает их.
- Люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок.
- Общество — это интегрированная система социальных структур и функций.
- Общество — это сокрушительная сила, всегда готовая к неистовству и безумию.
- Несмотря на представления о том, что Западный мир претерпел процесс либерализации, на самом деле атмосфера в нем становится все более подавляющей.
- Современный мир вступил в постмодернистскую эру, для которой характерны отсутствие аутентичности, фальшь, симуляция реальности.

Данная книга предназначена для того, чтобы помочь читателю лучше разобраться в этих идеях, а также в теориях, откуда они были извлечены.

Введение

Представление истории социологической теории — важная задача (S. Turner, 1998), но, так как мы уделяем этому только две главы (1 и 2), вниманию читателя предлагается выборочный исторический обзор (Giddens, 1995). Его цель — дать представление о теориях и взглядах тех мыслителей, чье творчество будет подробно рассмотрено в этой книге. В последних главах читатель обнаружит, что полезно будет снова вернуться к этим двум обзорным главам и рассмотреть обсуждаемые вопросы в их контексте. (Особенно рекомендуется периодически возвращаться к рис. 1.1 и 2.1, которые представляют содержание упомянутых глав в схематическом виде.)

Теории, рассматриваемые в данной книге, *широко* применяются, затрагивают *социальные проблемы ключевого значения* и *выдержали проверку временем.* Эти критерии составляют определение *теории социологии.* Внимание сфокусировано на важной теоретической работе *социологов* или на исследованиях, сделанных ими в других областях и *ставших важными для социологии.* Вкратце, это книга о «крупных идеях» в социологии, которые выдержали проверку временем (или обещают выдержать), и о системах взглядов на главные социальные проблемы.

Данное определение дано по контрасту с формальными научными определениями, которые часто используются в теоретических текстах такого рода. Одним из научных определений могло бы быть следующее: теория — это ряд взаимосвязанных утверждений, позволяющих систематизировать знания, объяснить и предвидеть явления социальной жизни и поколение новых исследовательских гипотез (Faia, 1986). Хотя данное определение вполне приемлемо, оно не соответствует множеству обсуждаемых в данной книге теорий. Другими словами, большинство классических и современных теорий уступают данному, им не хватает одного или нескольких формальных компонентов понятия теории, тем не менее большинством социологов они рассматриваются как теории.

Едва ли возможно установить точную дату зарождения социологической теории. С незапамятных времен люди размышляли и строили теории относительно социальной жизни. Но мы не станем углубляться во времена греков или римлян или средние века. Мы не дойдем даже до XVII в., хотя Олсон (Olson, 1993) проследил развитие социологической традиции до середины 1600-х гг. и дошел до работы Джеймса Харрингтона об отношениях между экономикой и государством. Это объясняется не отсутствием относящихся к социологии идей у людей в те эпохи, а тем, что наше исследование не принесло бы значительных результатов. Пришлось бы потратить много времени ради нескольких идей, перекликающихся с современной социологией. В любом случае, никто из относящихся к тем эпохам мыслителей не считал себя социологом. Очень немногих из них считают таковыми сейчас. (Для обсуждения одного исключения см. биографический очерк Ибн-Халдуна.) Только в 1800-х гг. появились мыслители, которых с уверенностью можно назвать социологами. Это классики социологической мысли, представляющие для нас интерес (Camic 1997; для понимания того, что делает теорию классической см. Connel, 1997; Collins 1997b), и начинаем мы с изучения главных социальных и интеллектуальных сил, которые сформировали их идеи.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ	**Франция** *Просвещение* Монтескье (1689–1755) Руссо (1712–1778)	*Консервативная реакция* Де Бональд (1754–1740) Де Майстр (1753–1821)	Сен-Симон (1760–1825)	Конт (1798–1857)		Дюркгейм (1858–1917)	
Политические революции	**Германия**		Гегель (1720–1831)	*Младогегельянцы* Фейербах (1804–1872)	Маркс (1818–1883)	*Экономические детерминисты* Каутский (1854–1938)	*Гегельянцы-марксисты* Лукаш (1885–1971)
Промышленный переворот и подъем капитализма		Кант (1724–1804)			*Немецкая историческая школа* Дильтей (1733–1911)		Вебер (1864–1920)
					Ницше (1844–1900)	Зиммель (1858–1918)	
Подъем социализма	**Италия**						
Феминизм					Парето (1748–1923)		
Урбанизация						Моска (1858–1941)	
Изменения в сфере религии	**Великобритания**						
		Политическая экономия Смит (1723–1790)					
Рост науки			Рикардо (1772–1823)	*Эволюционная теория* Спенсер (1820–1903)			

Рис. 1.1. Социологические теории: ранние годы

Социальные силы, повлиявшие на развитие социологической теории

Любая интеллектуальная область формируется под влиянием социального окружения. Это особенно верно в отношении социологии, которая не только происходит из социального окружения, но также избирает это окружение в качестве основного объекта своего изучения. Мы коротко остановимся на нескольких наиболее важных социальных аспектах XIX и начала XX в., аспектах, которые имели величайшее значение для развития социологии.

Политические революции

Длинная череда политических революций, начавшаяся с Французской революции в 1789 г. и растянувшаяся на весь XIX в., стала основным фактором в развитии социологического теоретизирования. Влияние этих революций на многие общества было огромным, за этим последовали многие позитивные изменения. Однако внимание теоретиков привлекли не позитивные последствия, а скорее негативные аспекты изменений. Более всего писатели были потрясены последовавшим беспорядком и хаосом, особенно во Франции. Они объединились, желая восстановить порядок в обществе. Некоторые из них, придерживавшиеся крайних взглядов, буквально ратовали за возврат к мирным и относительно упорядоченным дням средневековья. Передовые мыслители признавали, что произошедшие в обществе изменения делают такой возврат невозможным. Соответственно, они пытались найти новые основы стабильности в обществах, подвергшихся потрясениям в результате политических революций XIX и XX вв. Этот интерес к вопросу социального порядка стал главной заботой классических теоретиков социологии, в особенности Конта (Conte) и Дюркгейма.

Промышленный переворот и подъем капитализма

Промышленная революция, охватившая многие западные страны, в основном в XIX и начале XX в., оказала столь же важное влияние на формирование социологической теории, как и политическая революция. Промышленный переворот представлял собой не единичное событие, а целый ряд взаимосвязанных преобразований, кульминацией которых стало превращение Западного мира из сельскохозяйственной (в значительной степени) в преимущественно индустриальную систему. Большое число людей покидало фермы и сельскохозяйственные угодья ради работы на фабриках, количество которых все возрастало. На самих фабриках проводили целую серию технологических усовершенствований. Возник класс экономической бюрократии для обслуживания потребностей промышленности и возникающей капиталистической экономической системы. Идеал такой системы — свободный рынок, где можно обмениваться большим количеством промышленной продукции. В подобной системе немногие получали огромные прибыли, но большинство вынуждено было работать долгие часы за низкую зарплату. Реакция на промышленную систему и капитализм в целом привела к возникновению рабочего движения, а также ко многим радикальным движениям, нацеленным на низвержение капиталистической системы.

Промышленный переворот, капитализм и реакция против них привели к колоссальному перевороту в устройстве западного общества, перевороту, серьезно повлиявшему на социологов. На заре развития социологической теории такие выдающиеся мыслители, как Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм и Георг Зиммель, и менее значительные фигуры активно изучали данные изменения, а также возникшие вследствие этих изменений проблемы в обществе. Эти ученые на протяжении всей своей жизни занимались социальными проблемами и во многих случаях пытались разработать программы для их решения.

Подъем социализма

Ряд изменений, направленных на преодоление издержек промышленной системы и капитализма, можно объединить под заголовком «подъем социализма». Хотя некоторые социологи прославляли социализм как средство решения индустриальных проблем, большинство противились этому как с человеческой, так и с научной точек зрения. С одной стороны, Карл Маркс активно выступал за свержение капиталистической системы и замену ее социалистической. Хотя он не развил саму теорию социализма, но затратил много усилий на критику разных аспектов капиталистической системы. К тому же он занимался политической деятельностью, которая, как он надеялся, могла привести к возникновению социалистического общества. Однако Маркс не был типичным теоретиком-социологом в ранние годы развития теории. Большинство ранних социологов, таких как Вебер и Дюркгейм, были против социализма (по KpaftHeq мере, в том виде, как его представлял Маркс). Признавая наличие проблем внутри капиталистической системы, они предпочитали социальные реформы, а не революцию, за которую ратовал Маркс. Социализма они боялись еще больше, чем капитализма. Этот страх повлиял на развитие социологической теории больше, чем усилия Маркса, направленные на поддержку социалистической альтернативы капитализму. Фактически, как можно заметить, во многих случаях социологическая теория сформировалась в качестве реакции против марксизма и, более обобщенно, против социалистической теории.

Феминизм

В определенном смысле перспектива зарождения феминизма существовала всегда. Где бы и когда бы женщины ни находились в подчиненном положении, в той или иной форме они всегда протестовали против сложившейся ситуации (Lerner, 1993). Предвестников феминистского движения можно найти уже в 1630-х гг. Высший же взлет женской активности и появление соответствующей литературы наблюдались в те моменты современной западной истории, когда происходила борьба за отделение церкви от государства. Первые всплески феминистской активности начались в 1780-х и 1790-х гг. наряду с дебатами, сопутствующими Американской и Французской революциям; намного более организованное движение отмечалось в 1850-х гг., ставших эпохой объединения противников рабства и людей, ратующих за политические права для среднего класса: это была своего рода массовая мобилизация за всеобщее избирательное право для женщин и за реформу гражданско-

го и промышленного законодательства в начале XX в., особенно в «Прогрессивную эру»[1] в Соединенных Штатах.

Все это оказало влияние на развитие социологии, особенно на работы женщин в этой или смежных областях: Харриет Мартино, Шарлотт Перкинс Гильман, Джейн Адаме, Флоренс Келли, Анна Джулия Купер, Ида Уэллс-Барнетт, Марианн Вебер и Беатрис Поттер Вэб, если упомянуть только нескольких. Однако их творения со временем были отодвинуты на периферию и стали составной частью других теорий или вовсе проигнорированы, вычеркнуты из списка публикаций по социологии теми мужчинами, которые стояли у истоков формирования социологии как инструмента политической поддержки.

Феминизм остался лишь на обочине социологии в работах радикальных теоретиков-мужчин и более экстремальных теоретиков из числа женщин. Те, кто занимает центральное место в теории социологии — от Спенсера, Вебера и Дюркгейма и далее, в основном консервативно реагировали на возникающие феминистские споры, относясь к вопросам пола как к несущественной теме для той сферы знания, которую они публично определяли как социологию. Такое отношение сохранялось даже тогда, когда женщины стали принимать активное участие в разработке социологической теории. Только сейчас гендерная политика (политика в области пола), история развития которой дает нам представление о том, как менялась реакция мужчин на требования феминистов, получила признание в социологии (см. например, Deegan, 1988; Fitzpatrick, 1990; Gordon, 1994; Lengermann and Nie-brugge-Brantley, 1998; Rosenberg, 1982).

Урбанизация

В результате промышленного переворота множество людей в XIX и XX вв. были с корнем вырваны со своих насиженных мест в деревнях и поселились в городах. Такая массовая миграция была вызвана в значительной степени созданием рабочих мест в промышленности в городских районах. Однако приспособление к городской жизни породило многие трудности.

К тому же разрастание городов повлекло за собой бесчисленные проблемы: перенаселенность, загрязнение окружающей среды, шум и т. д. Сущность городской жизни и ее проблемы привлекли внимание многих ранних социологов, особенно Макса Вебера и Георга Зиммеля. Фактически, первая школа американской социологии — Чикагская школа — в значительной степени стала известна благодаря интересу к городской жизни и использованию Чикаго в качестве лаборатории для изучения урбанизации и сопутствующих ей проблем.

Изменения в религии

Социальные изменения, порожденные политическими революциями, промышленным переворотом и урбанизацией, оказали глубокое влияние на религиозность населения. Многие ранние социологи имели религиозный опыт и были активно,

[1] «Прогрессивная эра» — период политики реформизма 1900—1917гг., которую проводили президенты Т. Рузвельт и В. Вильсон. — *Примеч. ред.*

АБДЕЛЬ РАХМАН ИБН-ХАЛДУН: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Существует традиция воспринимать социологию исключительно как относительно современный западный феномен. Однако ученые занимались социологией с давних пор и в разных странах. Примером служит Абдель Рахман Ибн-Халдун.

Ибн-Халдун родился на севере Африки, в Тунисе 27 мая 1332 г. (Faghirzadeh, 1982). Происходил из образованной семьи, обучался Корану, математике и истории. На протяжении своей жизни служил разным султанам в Тунисе, Марокко, Испании и Алжире в качестве посла, управляющего королевского двора и члена ученого совета. Ему пришлось провести два года в тюрьме за веру в то, что правители государства не являются божественными ставленниками. После примерно двух десятилетий политической деятельности Ибн-Халдун вернулся в Северную Африку, где в течение пяти лет интенсивно учился и занимался сочинительством. Благодаря созданным в это время трудам, он прославился и занялся чтением лекций в центре исламского обучения, в университете при мечети Ал-Азхар в Каире. На своих лекциях, пользовавшихся большой популярностью, Ибн-Халдун подчеркивал важность связи между социологической мыслью и историческим наблюдением.

К моменту своей смерти в 1406 г. Ибн-Халдун создал собрание сочинений, многие идеи которых созвучны современной социологии. Он был привержен научному познанию общества, эмпирическому исследованию и поиску причин социальных феноменов. Он уделял много внимания социальным институтам (например, в политике и экономике) и их взаимоотношениям. Он интересовался сравнением современного и примитивного обществ. Ибн-Халдун не оказал значительного влияния на классическую социологию, но, так как ученые вообще и исламские ученые в частности заново открывают его труды, вероятно, оценка его исторической значимости возрастет.

а в некоторых случаях и профессионально, вовлечены в религию (Hinkle and Hinkle, 1954). Они внесли в социологию те же цели, которые существовали в их религиозной жизни. Они хотели улучшить жизнь людей (Vidich and Lyman, 1985). Для некоторых, например Конта, социология превратилась в религию. На социологических теориях других можно было безошибочно распознать религиозный отпечаток. Дюркгейм написал одну из своих главных работ по религии. Значительная часть работ Вебера посвящена религиям мира. Маркс тоже интересовался проблемами религии, но преимущественно с критической точки зрения.

Рост науки

В то время когда развивалась социология, роль науки возрастала не только в колледжах и университетах, но и обществе в целом. Продукция научных технологических разработок проникала во все сферы жизни, в связи с чем наука приобретала огромный престиж. Те, кто был связан с наиболее успешными отраслями науки (физика, биология и химия), имели уважение в обществе. Социологи (особенно Конт и Дюркгейм) интересовались наукой и хотели моделировать социологию по образцу физики и биологии. Вскоре возникли дебаты между теми, кто полностью принимал научную модель, и теми, кто, как, например, Вебер, считали, что отличительные характеристики общественной жизни не позволяют слепо следовать научной модели (Lepenies, 1988). Вопрос взаимоотношений между социологией и строгой наукой обсуждается до сих пор, хотя даже беглый взгляд на ведущие журналы в этой области указывает на преобладание тех, кто считает социологию академической наукой.

Интеллектуальные силы и развитие социологической теории

Хотя социальные факторы весьма важны, в центре внимания этой главы находятся те интеллектуальные силы, которые играют центральную роль в формировании социологической теории. В реальном мире, конечно, интеллектуальные силы неотделимы от социальных сил. Например, в дискуссии по поводу Просвещения, которая следует далее, мы обнаружим, что это движение в конечном счете обеспечило интеллектуальную основу для различных социальных изменений.

Многие интеллектуальные силы, обусловившие развитие социальных теорий, обсуждаются в том национальном контексте, где наиболее ощущается их влияние (Levine, 1995). Мы начинаем с Просвещения и его влияния на развитие социологической теории во Франции.

Просвещение

С точки зрения многих исследователей, эпоха Просвещения представляет собой переломный этап в развитии поздней социологии (Hawthorn, 1976; Hughes, Martin, and Sharrock, 1995; Nisbet, 1967; Zeitlin, 1981,1990,1994,1996). Просвещение было периодом выдающегося интеллектуального роста и изменений в философской мысли.[1] Большое количество давнишних идей и убеждений, многие из которых относятся к социальной жизни, были ниспровергнуты и заменены другими во время Просвещения. Наиболее выдающиеся мыслители, ассоциируемые с эпохой Просвещения, — это французские философы Шарль Монтескье (1689-1755) и Жан-Жак Руссо (1712-1778). Однако влияние Просвещения на социологическую теорию было скорее негативным и косвенным, чем прямым и позитивным. Как утверждает Ирвинг Цайтлин: «Ранняя социология развивалась как противостояние идеям Просвещения» (Zeitlin, 1981, p. 10).

На мыслителей, которых принято относить к эпохе Просвещения, повлияли, кроме всего прочего, два интеллектуальных течения: философия XVII в. и наука.

Философия XVII в. ассоциируется с работами таких мыслителей, как Рене Декарт, Томас Гоббс и Джон Локк. Основное значение придавалось созданию грандиозных и очень абстрактных систем общего характера, состоящих из рациональных идей. Эти мыслителипридерживались убеждения, что система идей должна быть общей и отвечать здравому смыслу. Они прилагали огромные усилия к тому, чтобы вывести свои идеи из реальной жизни и апробировать их на ней же. Другими словами, они хотели объединить эмпирическое исследование с рациональным мышлением. (Seidman, 1983, p. 36-37). Моделью этого служила наука, в особенности физика Ньютона. С этого момента мы видим, как начинается применение

[1] Эта часть основана на работе Ирвинга Цайтлина (Zeitlin, 1981,1990,1994,1996). Хотя анализ Цайт-лина представлен здесь из-за его ясности и последовательности, у него есть ряд ограничений: существуют более удачные аналитические работы по Просвещению, много других факторов участвуют в формировании социологии, а Цайтлин склонен преувеличивать значение некоторых фактов (например, влияние Маркса). Но в целом, принимая во внимание цели этой главы, Цайтлин дает нам удобную отправную точку.

научного метода к социальным исследованиям. Мыслители Просвещения хотели не только заимствовать свои идеи, хотя бы частично, из реального мира, они также стремились к тому, чтобы эти идеи служили на благо социальному миру и помогали его критически анализировать.

Помимо этого, для Просвещения было характерно убеждение, что люди в состоянии понять мироздание и управлять им с помощью разума и эмпирического исследования. Идея состояла в том, что раз физическим миром управляют законы природы, то, вероятно, что и социальным миром тоже правят свои законы. Таким образом, задача философа заключалась в раскрытии законов социального мира с помощью разума и исследований. Поняв, как работают законы социального мира, мыслители Просвещения переходили к практической цели — созданию «лучшего», более рационального мира.

Подчеркивая роль разума, философы Просвещения склонны были отвергать веру в традиционную власть. Исследуя традиционные ценности и институты, они зачастую считали их неразумными, т. е. противоречащими природе человека и препятствующими его росту и развитию. Философы Просвещения, ориентированные на практическое воплощение своих идей и реальные изменения в обществе, видели свою миссию в том, чтобы преобразовать эти неразумные системы. Теоретиком, на которого Просвещение оказало самое прямое и позитивное влияние, был Карл Маркс. Но он разрабатывал свои ранние теории в Германии.

Консервативная реакция на Просвещение

Очевидно, что на французскую классическую социологию, подобную теории Маркса, непосредственно и позитивно повлияло Просвещение. Французская социология стала рациональной, эмпирической, научной и ориентированной на изменения, но не в меньшей степени она была также сформирована рядом идей, развившихся из противодействия Просвещению. С точки зрения Сэдмана, «идеология, противостоящая Просвещению, фактически представляла собой либерализм Просвещения, только в перевернутом виде. На месте модернистских предпосылок в критике Просвещения обнаруживается сильное антимодернистское настроение» (Seidman, 1983, p. 51). Как мы видим, социология вообще и французская социология в частности с самого начала была неудобоваримой «мешаниной» из идей эпохи Просвещения и идей ей противоречащих.

Наиболее радикальной формой оппозиции идеям Просвещения была французская католическая контрреволюционная философия, представленная идеями Луи де Бональда (1754-1840) и Жозефа де Местра (1753-1821) (Reedy, 1994). Эти люди возражали не только против Просвещения, но и против Французской революции, которую они считали отчасти результатом того способа мышления, который был характерен для Просвещения. Де Бональд, например, был потрясен революционными изменениями и жаждал возвращения к миру и гармонии Средневековья. С этой точки зрения общество имело божественное происхождение; следовательно, разум, столь важный для философов Просвещения, рассматривался как подчиненный по отношению к традиционным религиозным представлениям. Более того, считалось, что, поскольку Бог создал общество, людям не следует вмешиваться в существующий порядок и пытаться изменить священное творение. К тому же

де Бональд возражал против подрыва таких традиционных институтов, как патриархат, моногамный брак, монархия и католическая церковь.

Хотя воззрения де Бональда представляют собой довольно крайнюю форму консервативной реакции, творчество этого мыслителя дает ясное представление об основных составляющих этого учения. Консервативные мыслители отказались от того, что они называли «наивным» рационализмом Просвещения. Они не только признавали иррациональные аспекты социальной жизни, но также приписывали им положительный смысл. Таким образом, они рассматривали такие феномены, как традиция, повышенная эмоциональность, воображение и религия, в качестве полезных и необходимых компонентов социальной жизни. Они отрицали перевороты и стремились сохранить существующий порядок, осуждали такие формы развития, как Французская революция и промышленный переворот, считая их разрушительными силами. Консервативные мыслители были склонны подчеркивать роль общественного порядка, эта роль стала ведущей темой трудов нескольких теоретиков-социологов.

Цайтлин (Zeitlin, 1981) выделил десять основных утверждений, которые, по его мнению, происходят из воззрений представителей консервативной реакции и составляют основу классической французской социологической теории.

1. В то время как мыслители Просвещения были склонны подчеркивать значимость индивидуальности, интерес консервативных реакционеров носил более социальный характер: акцентировалась роль общества и других более масштабных феноменов. Общество рассматривалось как нечто большее, чем просто совокупность индивидуумов. Считалось, что общество обладает своими законами развития и корнями, уходящими в глубокое прошлое.
2. Общество становилось главной единицей анализа; оно рассматривалось как более важное по отношению к индивидууму. Именно общество создавало индивидуума, преимущественно в процессе социализации.
3. Индивидуум не рассматривался как основной элемент внутри общества. Общество состояло из таких компонентов, как роли, положение, отношения, структуры и институты. Роль индивидуума была лишь немного большим, чем простое заполнение ячеек этих компонентов.
4. Части общества считались взаимосвязанными и взаимозависимыми. Конечно, эта взаимозависимость составляла главную основу общества. Такая точка зрения вела к консервативной политической ориентации. Так как все части общества взаимозависимы, то ослабление одной ведет к подрыву другой и, в конце концов, всей системы в целом. Это означало, что все изменения в социальной системе следовало производить с величайшей осторожностью.
5. Изменения рассматривались как угроза не только для общества и его компонентов, но и индивидуумов, живущих в этом обществе. Разные компоненты общества были призваны удовлетворять потребности людей. Предполагалось, что разрушение институтов порождает страдания людей, что в свою очередь приводит к социальному беспорядку.
6. Общая тенденция состояла в том, чтобы рассматривать разные крупные составляющие общества как полезные и для индивидуума, и для общества.

В результате отсутствовала мотивация для выявления и оценки негативного действия существующих социальных структур и институтов.

7. Мелкие компоненты, такие как семья, соседство, группы, сформированные по религиозному признаку или роду занятий, также считались важными для индивидуума и общества. В них создавалась близкая и теплая атмосфера, необходимая для выживания в современном обществе.
8. Предполагалось, что разные изменения в современном обществе, такие как индустриализация, урбанизация и бюрократизация, вносят беспорядок. К ним относились со страхом и тревогой, указывали на необходимость разрабатывать способы нейтрализации их разрушительного воздействия.
9. В то время как эти пугающие изменения вели к более рационально устроенному обществу, консервативная оппозиция подчеркивала важность иррациональных факторов в жизни общества (например, ритуалов, церемоний, богослужений).
10. Наконец, консерваторы отстаивали иерархическую систему общества. Считалось важным, чтобы в обществе существовала дифференцированная система общественного положения и вознаграждения.

Эти десять утверждений, сформированных консервативной реакцией на Просвещение, следует считать непосредственной интеллектуальной основой для развития социологической теории во Франции. Многие из этих идей проникли в социологическую мысль на ранних этапах ее развития. При этом некоторые идеи Просвещения (например, эмпиризм) также оказали влияние.[1]

Развитие французской социологии

Теперь мы обратимся к основанию социологии как отдельной дисциплины, в особенности к творчеству трех французских мыслителей: Клода Сен-Симона, Огюста Конта и, главным образом, Эмиля Дюркгейма.

Клод Анри Сен-Симон (1760-1825) был предшественником Огюста Конта. Конт в молодые годы служил у Сен-Симона секретарем и был его учеником. Идеи этих двух мыслителей очень схожи, и все-таки между ними возникла ожесточенная полемика, которая привела их к неприятию друг друга (Pickering, 1993; Thompson, 1975). Наиболее интересный аспект деятельности Сен-Симона — его роль в развитии консервативной (как у Конта), *а также* радикальной марксистской теории. С консервативной точки зрения Сен-Симон хотел сохранить общество таким, каким оно было, но не искал возврата к средневековью в отличие от де Бональда и де Местра. Кроме того, он был *позитивистом* (Durkheim, 1928/1962: Socialism. New York; Collier Books). Это значит, он верил в то, что при изучении социальных явлений должны применяться те же научные методы, которые использовались в науках естественных. С радикальной точки зрения Сен-Симон видел необходи-

[1] Хотя мы подчеркивали разрыв между Просвещением и его оппозицией, Сэдман утверждает, что существует также связь и преемственность. Во-первых, оппозиция восприняла научную традицию, развитую Просвещением. Во-вторых, она подхватила и значительно расширила утверждаемую Просвещением идею коллективности (в противовес индивидуализму). В-третьих, в обоих случаях существовал интерес к проблемам современного мира и их негативному воздействию на личность.

мость социалистических реформ, особенно централизованного планирования экономики. Но он даже не приблизился к тому, что сделал впоследствии Маркс. Хотя Сен-Симон, как и Маркс, видел, как капиталисты вытеснили феодальную знать, он считал немыслимым, что рабочий класс сменит капиталистов. Многие идеи Сен-Симона можно обнаружить в трудах Конта, однако Конт развил их и систематизировал (Pickering, 1997).

Огюст Конт (1798-1857) был первым, кто использовал термин *социология* (Pickering, см. далее).[1] Он имел огромное влияние на более поздних теоретиков социологии (особенно на Герберта Спенсера и Эмиля Дюркгейма). Как и многие классики теоретической социологии и большинство современных социологов (Lenzer, 1975), Конт полагал, что изучение социологии должно быть научно обоснованным.

Конт был сильно обеспокоен тем, что во французском обществе царило безвластие, и критиковал мыслителей, породивших идеи Просвещения и революцию. Он разработал свою теорию, «позитивизм», или «позитивную философию», чтобы бороться с философией Просвещения, которую считал негативной и пагубной. Воззрения Конта находятся в согласии и ощущают на себе влияние французских католиков — противников революции (особенно де Бональда и де Местра). Однако его труды отличаются от трудов последних по крайней мере по двум аспектам. Во-первых, он не считал возможным возврат в Средневековье; развитие науки и промышленности сделали это невозможным. Во-вторых, Конт создал гораздо более сложную теоретическую систему, чем его предшественники, что было достаточным для формирования значительной части ранней социологии.

Конт разработал *социальную физику,* или то, что в 1832 г. он назвал *социологией* (Pickering, см. далее). Применение термина *социальная физика* поясняет, что Конт стремился создать социологию по образцу точных наук. Предполагалось, что эта новая наука, которая, на его взгляд, должна была в конечном счете стать *единственной* главенствующей наукой, будет заниматься как социальной статикой (существующими социальными структурами), так и социальной динамикой (социальными изменениями). Хотя и то и другое включает поиски законов социальной жизни, Конт считал социальную динамику важнее социальной статики. Акцент на изменениях отражал его интерес к социальным реформам, в частности к реформе, осуществленной Французской революцией и Просвещением. Конт не стремился к переменам путем революций, так как считал, что естественная эволюция общества приведет к лучшим результатам. Реформы же нужны только для того, чтобы немного содействовать процессу.

Это подводит нас к краеугольному камню контовского подхода — его эволюционной теории, или *закону трех стадий.* Данная теория утверждает, что существуют три интеллектуальные ступени, через которые на всем протяжении своей истории проходит мир. По Конту, этот процесс характерен не только для мира в

[1] Признавая, что Конт ввел в научный оборот слово «социология», Эриксон (Eriksson, 1993) подвергает сомнению то, что Конт является основателем современной научной социологии. В роли истинных прародителей последней Эриксон скорее видит Адама Смита и, более широко, шотландских моралистов. См. также L. Hill (1996) о значимости Адама Фергюсона и Ulmann-Margalit (1997) о Фергюсоне и Адаме Смите.

Огюст Конт: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Огюст Конт родился в Монпелье, во Франции, 19 января 1798 г. (Pickering, 1993, p. 7). Его семья принадлежала к среднему классу, отец достиг поста официального местного представителя сборщика налогов. Хотя Конт рано стал студентом, он так и не получил диплом об окончании колледжа. Он и весь его класс были исключены из Политехнической школы за бунтарское поведение и политические воззрения. Это исключение неблагоприятно повлияло на научную карьеру Конта. В 1817 г. он стал секретарем (и «приемным сыном» [Manuel, 1962, p. 251]) Клода Анри Сен-Симона, философа, который был старше Конта на 40 лет. В течение нескольких лет они тесно работали вместе, и Конт признавал, сколь многим он обязан Сен-Симону: «Я, бесспорно, интеллектуально очень многим обязан Сен-Симону... он мощнейшим образом способствовал моему продвижению в философском направлении, которое я выбрал для себя сегодня и которому без колебаний буду следовать всю жизнь» (Durkheim, 1928/1962:144). Но в 1824 г. последовал разрыв, поскольку Конт решил, что Сен-Симон хочет исключить имя Конта из одной из статей. Позже Конт писал о своих отношениях с Сен-Симоном как о «катастрофических» (Pickering, 1993:238) и описывал его как «развращенного обманщика» (Durkheim, 1928/1962, p. 144). В 1852 г. Конт сказал о Сен-Симоне: «Я ничем не был обязан этой персоне» (Pickering, 1993, p. 240). Хайлброн (Heilbron, 1995) описывает Конта как невысокого (возможно 5 футов, 2 дюйма[1]), немного косоглазого и очень неуверенного при общении, особенно с женщинами. Он был также отчужден от общества в целом. Эти факты могут помочь объяснить женитьбу Конта на Каролине Массан (брак длился с 1825 по 1842 г). Она была незаконнорожденной, позже Конт назвал ее «продажной женщиной», хотя такая оценка была недавно поставлена под сомнение (Pickering, 1997, p. 37). Неуверенность в себе Конта находилась в противоречии с его огромной уверенностью в своих интеллектуальных способностях, и, по-видимому, такое самомнение было обоснованным:

> Чудесная память Конта хорошо известна. Наделенный фотографической памятью, он мог процитировать слова любой страницы, однажды им прочитанной. Его способность к концентрации была такова, что он мог набросать целую книгу, не прикоснувшись к бумаге. Он читал лекции, не пользуясь конспектами. Когда он садился писать книги, то записывал все по памяти (Schweber, 1991:134).

1 фут = 30,48 см, 1 дюйм - 2,54 см — *Примеч. ред.*

целом: группы, общества, науки, индивиды и даже умы проходят те же три стадии. Первая ступень — *теологическая,* она относится к периоду до 1300 г. В течение этого времени главенствующая система идей ставила на первое место веру в то, что сверхъестественные силы и религиозные фигуры, созданные по образу человека, являются источником всего сущего. Социальный и физический мир в особенности считались творением Бога. Вторая ступень — *метафизическая,* она относится к периоду примерно с 1300 по 1800 г. Для этого времени была характерна вера в то, что абстрактные силы, «природа», а не персонифицированные боги могут объяснить практически все. Наконец, в 1800 г. мир вступил в *позитивную* стадию, характеризующуюся верой в науку. Люди склонялись к тому, чтобы оставить поиски абсолютных причин (Бога или природы) и вместо этого сосредоточились на наблюдении социального и физического миров в поисках тех законов, которые ими управляют.

Очевидно, что в своей теории мира Конт сделал акцент на интеллектуальных факторах. Действительно, он утверждал, что причина социального беспорядка — беспорядок интеллектуальный. Источник этого беспорядка лежит в более ранних

Огюст Конт: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (ОКОНЧАНИЕ)

В 1826 г. Конт задумал провести в собственной квартире серию из 72 публичных лекций на основе его философских идей. Курс привлек значительную аудиторию, однако был приостановлен после трех лекций, вслед за тем как с Контом случился нервный срыв. Он продолжал страдать от психических расстройств и однажды в 1827 г. попытался (неудачно) покончить с собой, бросившись в Сену.

Хотя Конт не мог получить постоянной должности в Политехническом институте, в 1832 г. он все же добился там незначительного поста ассистента. В 1837 г. ему предоставили дополнительную должность экзаменатора на приемных испытаниях, и первое время, она давала сносный доход (до этого времени члены семьи нередко оказывали ему материальную помощь). В этот период Конт работал над трудом, принесшим ему наибольшую известность, — шеститомной работой «Курс позитивной философии», которая была целиком опубликована в 1842 г. (первый том вышел в 1830 г.). В данной работе он подчеркивал идею о том, что социология должна быть признана главной наукой. Конт также критиковал Политехнический институт, это привело к тому, что в 1844 г. его деятельность на посту ассистента прекратилась. К 1851 г. он закончил четырехтомный труд «Система позитивной политики», имевший более практические цели и предлагавший глобальный план реорганизации общества.

Хайлброн утверждает, что сильнейший удар в жизни Конта последовал в 1838 г., именно тогда он потерял надежду на то, что кто-нибудь примет его работу о науке в целом и социологии в частности всерьез. В это время он также провозгласил в своей жизни «гигиену мозга» Конт стал избегать читать произведения других авторов, в результате чего безнадежно потерял связь с последними интеллектуальными достижениями. А после 1838 г. Конт начал развивать свои странные идеи о реформировании общества, нашедшие выражение в «Системе позитивной политики». Конт дошел до того, что вообразил себя высоким священником новой религии человечества; он верил в мир, которым в конце концов будут руководить социологи-священники. (На Конта сильно повлияли его католические истоки.) Интересно, что, несмотря на свои скандальные идеи, Конт, в конечном счете, приобрел значительное число последователей как во Франции, так и в ряде других стран.

Огюст Конт умер 5 сентября 1857 г.

системах идей (теологической и метафизической), которые продолжали существовать и в позитивную (научную) эпоху. Только когда позитивизм обретет полный контроль, прекратятся социальные перевороты и революции. Поскольку это процесс эволюционный, нет необходимости в социальных переворотах и революциях. Однако позитивизм, возможно, наступит не столь быстро, как этого бы хотелось некоторым. Здесь социальный реформизм и социология Конта совпадают. Социология могла бы ускорить воцарение позитивизма и, следовательно, привнести порядок в социальный мир. Прежде всего, Конт не хотел казаться сторонником революции. На его взгляд, в мире было уже достаточно беспорядка. В любом случае, с точки зрения Конта, были необходимы интеллектуальные изменения, так что поводов для социальной и политической революции было мало.

Нам уже встречались некоторые воззрения Конта, которые имели большое значение для развития классической социологии: его базовый консерватизм, реформизм и сциентизм, а также его эволюционный взгляд на мир. Есть и другие аспекты его творчества, которые заслуживают упоминания, потому что они тоже были призваны сыграть важную роль в развитии социологической теории. Напри-

мер, его социология *не* фокусируется на личности, а скорее рассматривает в качестве базовой единицы анализа более крупные организмы, такие как семья. Конт также настаивал на том, чтобы обращать внимание *как* на социальную структуру, *так и* на социальные изменения. Важную роль в развитии позднейшей социологической теории, особенно в творчестве Спенсера и Парсонса, сыграл акцент Кон-та на систематичном строении общества — связях между различными его компонентами. Он также придавал большое значение роли общественного согласия. Конт не считал плодотворной идею о том, что для общества характерен неизбежный конфликт между рабочими и капиталистами. Кроме того, он подчеркивал, что необходимо заниматься абстрактными теориями и проводить социологические исследования. Он убеждал социологов использовать такие методы, как наблюдение, эксперимент и сравнительный исторический анализ. Наконец, Конт полагал, что в конце концов социология станет наиболее влиятельной научной силой в мире благодаря своей особой способности объяснять социальные законы и разрабатывать реформы, нацеленные на решение внутренних проблем общества.

Конт стоял на переднем крае развития позитивной социологии (Bryant, 1985; Halfpenny, 1982). По мнению Джонатана Тернера, позитивизм Конта подчеркивал, что «социальная вселенная отвечает за развитие абстрактных законов, которые можно проверить, тщательно собирая данные», и «эти абстрактные законы укажут нам основные и наиболее общие свойства социальной вселенной, и они точно определят их "естественные связи"» (1985, p. 24). Как мы увидим, некоторые классики (особенно Спенсер и Дюркгейм) разделяли контовский интерес к раскрытию законов социальной жизни. Сохраняя важное значение в современной социологии, позитивизм в то же время подвергся нападению с нескольких сторон (Morrow, 1994).

Хотя для создания школы своей социологической теории Конту недоставало крепкой академической базы, тем не менее он заложил основу развития важного направления социологической теории. Но его роль для потомков была приуменьшена последователем Конта во французской социологии и наследником части его идей Эмилем Дюркгеймом. (По поводу дискуссий о признании Дюркгейма, как и других классиков, чьи теории обсуждались в этой главе, см. Parker, 1997; Mouzelis, **1997.)**

Эмиль Дюркгейм (1858-1917). Просвещение, отрицательно повлиявшее на труды Дюркгейма, оказало на них и некоторое позитивное воздействие: например, упор на научный подход и социальный реформизм. Однако наилучшим образом ; можно охарактеризовать Дюркгейма как наследника консервативной традиции, особенно в той части, как она была выражена в произведениях Конта. Но тогда как Конт оставался вне научных кругов, Дюркгейм основал все растущую академическую базу по мере прогресса в своей карьере. Дюркгейм узаконил социологию во Франции, и его труды, в конечном счете, стали ведущими в развитии социологии в целом и социологической теории в частности (R.Jones, см. далее).

По своим политическим взглядам Дюркгейм был либералом, но в интеллектуальном плане он занимал более консервативную позицию. Как Конт и католики-противники революции, Дюркгейм опасался социального хаоса и ненавидел его. На его работы повлияли беспорядки, ставшие результатом общих социальных из-

менений, которые обсуждались ранее в этой главе, и другие, такие как промышленные забастовки, разложение правящего класса, разногласия церкви и государства, рост политического антисемитизма, более характерного для современной Дюркгейму Франции (Karady, 1983). Фактически большинство его произведений посвящено изучению социального порядка. Он считал, что социальный беспорядок *не является* необходимой частью современного мира и может быть уменьшен с помощью социальных реформ. В то время как Маркс рассматривал проблемы современного мира как неотъемлемую часть общества, Дюркгейм (как и большинство других классических теоретиков) придерживался иного мнения. Таким образом, идеи Маркса о необходимости социальной революции находились в противоречии реформизму Дюркгейма и прочих. По мере развития социологической теории именно дюркгеймовский интерес к порядку и реформам стал преобладающим, а позиция Маркса осталась в тени.

Социальные факты. Дюркгейм разработал четкую концепцию предмета социологии, а затем проверил ее эмпирическим путем. В своих «Правилах социологического метода» (1895/1964), Дюркгейм утверждал, что особым предназначением социологии является изучение того, что од назвал социальными фактами. Он представлял себе социальные факты в виде сил (Takla and Pope, 1985) и структур, которые носят внешний и принудительный характер по отношению к индивиду. Изучение этих крупномасштабных структур и сил, например институционализованного закона и коллективных моральных верований, и их влияние на людей стало волновать многих более поздних теоретиков социологии (например, Парсонса). В книге «Самоубийство» Дюркгейм (Durkheim, 1897/1951) утверждал, что если он смог установить связь между таким родом индивидуального поведения, как самоубийство, с социальными причинами (социальными фактами), то это можно было считать убедительным примером значимости социологической дисциплины. Но Дюркгейм не исследовал причины самоубийств отдельного индивидуума; его скорее интересовали причины различий в показателях самоубийств между группами, регионами, странами и разными категориями людей (например, женатыми и одинокими). Основным его аргументом было то, что к различиям в показателях самоубийств приводят природа социальных фактов и изменения в них. Например, война или экономический кризис могут создать коллективное состояние депрессии, которое, в свою очередь, ведет к росту показателей самоубийств. На эту тему можно еще много говорить, но самое главное, что Дюркгейм разработал отчетливую социологическую концепцию и пытался продемонстрировать ее пользу в научном изучении самоубийства.

В «Правилах социологического метода» Дюркгейм различает два типа социальных фактов: материальные и нематериальные. Хотя в своей работе он касается обоих, основной акцент делается на нематериальных социальных фактах (например, культуре, социальных институтах), а не на материальных социальных фактах (например, бюрократии, законе). Этот упор на нематериальные факты был ясен уже в его главной ранней работе — «Общественное разделение труда» (1893/1964). В данной работе он уделяет особое внимание сравнительному анализу того, что объединяло общество в примитивную и современную эпохи. Он сделал вывод, что раннее общество, главным образом, объединяли нематериальные социальные

Эмиль Дюркгейм: биографический очерк

Эмиль Дюркгейм родился 15 апреля 1858 г. в Эпинале, во Франции. Он происходил из старого рода раввинов, и сам учился на раввина, но к подростковому возрасту отказался от этого пути (Strenski, 1997, p. 4). Начиная с этого времени его не угасавший в течение всей жизни интерес к религии стал носить более академический, нежели теологический характер (Mestrovic, 1988). Дюркгейма не удовлетворяло не только его религиозное образование, но также образование в целом, как и особое внимание, уделявшееся литературным и эстетическим предметам. Он тяготел к научным методам и нравственным принципам руководства социальной жизнью. Он отказался от традиционной карьеры ученого в области философии и вместо этого пытался приобрести научное образование, необходимое для того, чтобы внести свой вклад в нравственное руководство обществом. Хотя Дюркгейм интересовался научной социологией, в то время такой дисциплины, как социология, не существовало, поэтому между 1882 и 1887 гг. он преподавал философию в ряде провинциальных школ под Парижем.

Его интерес к науке усилила поездка в Германию, где он познакомился с научной психологией, созданной Вильгельмом Вундтом (Durkheim, 1887/1993). В последующие за этим годы Дюркгейм опубликовал много работ. Свои труды он частично основывал на опыте, приобретенном в Германии (R. Jones, 1994). Эти публикации помогли ему получить место на философском отделении университета в Бордо в 1887 г. Там Дюркгейм прочел первый курс лекций социальной науки во французском университете. Это был особенно впечатляющий поступок, потому что всего десять лет назад при одном упоминании Огюста Конта в студенческой диссертации во французском университете разразился скандал. Однако главную обязанность Дюркгейма составляли курсы для школьных учителей по педагогике, и самый главный его курс был в области нравственного воспитания. Целью Дюркгейма было внушить нравственную систему преподавателям, которые, как он надеялся, затем привьют эту систему молодежи, стараясь противодействовать нравственному вырождению, которое Дюркгейм наблюдал во французском обществе.

Последующие годы были отмечены для Дюркгейма рядом удач. В 1893 г. он опубликовал свою докторскую диссертацию, «Общественное разделение труда», а также свою диссертацию о Монтескье на латыни (Durkheim, 1892/1997; W. Miller, 1993). А за его главной методологической работой, «Правила социологического метода», появившейся в 1895 г., последовало (в 1897) эмпирическое применение социологических методов в исследовании «Самоубийство» . К 1896 г. Дюркгейм стал профессором в Бордо. В 1902 г. он получил место в известном французском университете Сорбонне и в 1906 г. стал профессором педагогики. В 1913 г. это звание сменилось на профессора педагогики и социологии. Другая известнейшая работа Дюркгейма, «Элементарные формы религиозной жизни», была опубликована в 1912 г.

Сегодня Дюркгейма считают политически консервативным, и его влияние в рамках социологии, конечно, тоже было консервативного толка. Однако в свое время на него смотрели как на либерала, что подтверждалось его активной публичной позицией в защите Альфреда Дрейфуса, еврейского армейского капитана, военный суд над которым по обвинению в шпионаже многими рассматривался как антисемитский (Farrell, 1997).

Дюркгейма глубоко задело дело Дрейфуса, особенно его антисемитский характер. Но Дюркгейм не приписывал этот антисемитизм расизму французов. Он считал это типичным симптомом моральной болезни, с которой столкнулось французское общество в целом (Birnbaum and Todd, 1995). Он говорил:

факты, в особенности строгая коллективная мораль, или то, что он назвал «коллективной совестью». Но из-за сложностей современного общества та самая «коллективная совесть» пришла в упадок. Первейшим объединяющим звеном в современном мире было сложное разделение труда, которое создавало зависимые отношения между людьми. Вместе с тем Дюркгейм считал, что современное разделение труда принесло некоторые «патологии»; другими словами, это был непод-

> Когда общество претерпевает страдания, оно ощущает необходимость найти кого-нибудь, кого можно считать ответственным за болезнь, кому оно может отплатить за свои несчастья: и те, против кого уже настроено общественное мнение, естественно, избираются для этой роли. Это отверженные, которые служат жертвами искупления. Что укрепляет меня в этом мнении, это то, как был воспринят исход дела Дрейфуса в 1894 г. На бульвары хлынула волна радости. Люди, как победу, отмечали то, что должно было стать поводом для общественного траура. Наконец они знали, кого винить в экономических бедах и нравственных несчастьях, с которыми жили. Все беды от евреев. Обвинение было официально подтверждено. Уже из-за одного этого казалось, что жизнь улучшается, и люди почувствовали утешение (Lukes, 1972, p. 345).

Таким образом, интерес Дюркгейма к делу Дрейфуса происходил от его глубокого жизненного интереса к нравственности и нравственному кризису, с которыми столкнулось современное ему общество.

Для Дюркгейма решение проблем, вскрытых делом Дрейфуса и подобных кризисов, лежало в окончании морального беспорядка в обществе. Поскольку это не могло произойти быстро или просто, Дюркгейм предлагал отдельные действия, такие как применение суровых мер ктем, кто подстрекает к ненависти, атакже попытки правительства показать обществу, что оно введено в заблуждение. Он убеждал людей «иметь мужество заявить вслух, что они думают, и объединиться, чтобы добиться победы в борьбе с общественным безумием» (Lukes, 1972, p. 347).

Интерес Дюркгейма (Durkheim, 1928/1962) к социализму рассматривается как аргумент против его консерватизма, но его социализм сильно отличался от того, который интересовал Маркса и его последователей. Фактически Дюркгейм определял марксизм как набор «сомнительных и устаревших гипотез» (Lukes, 1972, p. 323). Для Дюркгейма социализм представлял собой движение к нравственному возрождению общества с помощью научной морали, и его не интересовали краткосрочные политические методы или экономические аспекты социализма. Он не считал пролетариат спасением общества и серьезно возражал против агитации и насилия. Социализм для Дюркгейма сильно отличался оттого, что мы обычно понимаем под социализмом; он просто представлял себе систему, в которой должны были применяться нравственные принципы, открытые научной социологией.

Дюркгейм, как мы увидим на протяжении этой книги, имел глубокое влияние на развитие социологии, но его влияние этим не ограничивается (Halls, 1996). Большое воздействие на другие области Дюркгейм оказал своим журналом «Социологический ежегодник» (L'annee sociologique), который был основан в 1898 г. Вокруг журнала образовался интеллектуальный кружок, центром которого был Дюркгейм. Через него Дюркгейм и его идеи повлияли на такие области, как антропология, история, лингвистика и, что несколько забавно, учитывая его критику этой сферы, психология.

Дюркгейм умер 15 ноября 1917 г. Он был знаменит во французских интеллектуальных кругах, однако должно было пройти еще двадцать лет, чтобы, с публикацией «Структуры социального действия» Талкотта Парсонса (Parsons, 1937), его творчество значительно повлияло на американскую социологию.

ходящий метод объединения общества. Учитывая консерватизм социологии Дюркгейма, ясно одно: он не считал, что для решения этих проблем нужна революция. Наоборот, он предлагал разнообразные реформы, которые могли бы «залечить» современную систему и поддержать ее существование. Хотя он признавал, что возврата к веку, когда главенствовала коллективная совесть, быть не может, он все же полагал, что общественную мораль в современном обществе можно укрепить

и что люди таким образом могли бы лучше справляться с патологиями, которые они переживают.

Религия. В более поздних трудах Дюркгейма социальные факты занимали еще более ключевую позицию. Фактически, он сосредоточился на, возможно, крайней форме нематериального социального факта — религии — в своей последней главной работе, «Элементарные формы религиозной жизни» (Durkheim, 1912/1965). Дюркгейм изучал примитивные общества, пытаясь найти корни религии. Он полагал, что их удастся легче обнаружить в условиях сравнительной простоты примитивного общества, чем в сложности современного мира. Как ему казалось, он открыл, что источником религии было общество как таковое. Общество определяет ряд вещей как религиозные, остальные — как мирские. В частности, в случае, который исследовал Дюркгейм, род был источником примитивной религии, *тотемизма,* в которой обожествлялись растения и животные. В свою очередь, тотемизм рассматривался как особый вид нематериального социального факта, как форма коллективной совести. В конце концов Дюркгейм пришел к убеждению, что общество и религия (или, более широко, коллективная совесть) — одно и то же. С помощью религии общество выражает себя в форме нематериального социального факта. Затем Дюркгейм в определенном смысле пришел к обожествлению общества и его основных продуктов. Понятно, что, обожествляя общество, Дюркгейм занял очень консервативную позицию, отрицавшую свержение божества *или* его социального источника. Отождествляя общество с Богом, Дюркгейм не стремился к социальной революции. Напротив, он был социальным реформатором, искавшим пути совершенствования работы общественной системы. Как в этом, так и в других отношениях Дюркгейм, очевидно, шел в одном русле с французской консервативной социологией. В то же время он избежал многих крайностей последней, что способствовало признанию его самой значительной фигурой французской социологии.

Упомянутые книги и другие важные произведения способствовали выделению определенной области социологических исследований в научном мире во Франции рубежа веков, и они позволили занять Дюркгейму ведущую позицию в этой развивавшейся сфере. В 1898 г. Дюркгейм основал научный журнал, посвященный социологии, — «Социологический ежегодник» (Besnard, 1983a). Журнал стал мощным инструментом развития и распространения социологических идей. Дюркгейм стремился к тому, чтобы поощрять рост интереса к социологии, и сделал свой журнал ядром, вокруг которого формировалась группа его последователей. Позже им предстояло развить его идеи, перенести их во многие другие области и в изучение иных аспектов социального мира (например, в социологию закона и социологию города) (Besnard, 1983a). К 1910 г. Дюркгейм сформировал сильный социологический центр, в результате чего во Франции стало наблюдаться оформление социологии в виде научных институтов (Heilbron, 1995).

Развитие немецкой социологии

Если ранняя история французской социологии представляет собой последовательный процесс развития от эпохи Просвещения и Французской революции к консервативной реакции и возрастающей важности социологических идей Сен-

Симона, Конта и Дюркгейма, немецкая социология была «фрагментарной» с самого начала. Трещина образовалась между Марксом (и его соратниками), который оставался лишь на подступах к социологии, и титанами традиционной немецкой социологии, Максом Вебером и Георгом Зиммелем.[1] Однако хотя сама теория Маркса считалась неприемлемой, ее идеи так или иначе нашли свое место в господствующем направлении немецкой социологии.

Корни и природа теорий Карла Маркса (1818-1883)

Огромное влияние на мировоззрение Карла Маркса оказал немецкий философ Г. В. Ф.Гегель (1770-1873).

Гегель. Согласно Боллу, «нам трудно оценить, в какой степени Гегелю удалось завладеть немецкой мыслью во второй четверти XIX в. В основном это касалось его философии, на которой воспитывались немцы, включая молодого Маркса, обсуждавшие историю, политику и культуру» (Ball, 1991, p. 25).На формирование мировоззрения Маркса во время обучения в Берлинском университете повлияли идеи Гегеля, а также раскол, произошедший между последователями Гегеля после его смерти. «Старогегельянцы» продолжали подписываться под идеями учителя, в то время как «младогегельянцы», хотя все еще работали в гегельянских традициях, выступали с критикой многих положений его философской системы.

Сущность философии Гегеля составляют два понятия: диалектика и идеализм (Hegel, 1807/1967,1821/1967). *Диалектика* представляет собой как способ мышления, так и образ мира. С одной стороны, это образ мышления, который подчеркивает важность процесса, отношений, динамику, конфликты и противоречия — динамический, а не статический способ размышления о мире. С другой стороны, это мнение, что мир представлен не статическими структурами, а процессами, отношениями, динамикой, конфликтами и противоречиями. Хотя диалектика обычно связана с именем Гегеля, она, конечно же, предшествует его появлению в философии. Маркс, воспитанный в традициях Гегеля, принял важность диалектики. Однако он выступал с критикой некоторых аспектов использования этого понятия Гегелем. Например, Гегель намеревался рассматривать диалектику только в отношении идей, тогда как Маркс чувствовал, что она также применима и к более материальным аспектам жизни, например экономике.

Имя Гегеля также ассоциируется с философией *идеализма,* в которой акцент делается на важности разума и результатах психической деятельности, а не на материальном мире. Определение физического и материального миров с точки зрения социологии шире, чем физический и социальный мир как таковые. В крайней форме идеализм утверждает, что существуют *только* разум и психологические образы. Некоторые идеалисты верили, что их психические процессы останутся неизменными, даже если физический и социальный миры перестанут существовать. Идеалисты придавали особое значение не только психическим процессам, но также идеям, появляющимся в результате этих процессов. Гегель

[1] Опровержение этого и мнение о преемственности взглядов марксистов и основного направления социологии см. у Сэдмана (Saidman, 1983).

Карл Маркс: биографический очерк

Карл Маркс родился в Пруссии, в Трире, 5 мая 1818 г. Его отец, адвокат, обеспечивал семье довольно типичное для среднего класса существование. Родители Маркса были выходцами из иудейских семей, но по причинам, связанным с работой, отец принял лютеранство, когда Карл был совсем юным. В 1841 г. Маркс получил степень доктора философии в Берлинском университете, учебном заведении, где отмечалось сильное влияние Гегеля и младогегельянцев, поддерживающих, хотя уже с некоторой долей критики, своего наставника. Докторская диссертация Маркса была сухим философским трактатом, но в ней предвосхищались многие из его последующих идей. После окончания университета он начал писать для либерально-радикальной газеты и через десять месяцев стал ее главным редактором. Однако из-за занимаемых политических позиций газета вскоре была закрыта правительством. Ранние очерки, опубликованные в тот период, отражали те взгляды, которыми Маркс будет руководствоваться на протяжении всей жизни. В них сочетались демократические принципы, гуманизм и юношеский идеализм. Он не принимал абстрактность философии Гегеля, наивное мечтание об утопическом коммунизме и не приветствовал тех деятелей, которые настаивали на проведении политических акций, так как считал их преждевременными. Неприятие деятелей подобного рода лежит в основе творчества Маркса:

> Практические попытки, если даже они предприняты народными массами, могут быть встречены пушечными выстрелами, как только станут опасными, но идеи, которые завладели нашим разумом и нашими убеждениями, идеи, которые идут от нашей совести, цепями, из которых никто не может вырваться на свободу, не разбив своего сердца, они демоны, которых можно победить, только подчинившись им (Marx, 1842/1977:20).

Маркс женился в 1843 г. и вскоре после этого был вынужден уехать из Германии в Париж, где царила более либеральная атмосфера. Там, продолжая полемизировать с идеями Гегеля и его соратников, он столкнулся с двумя новыми группами идей: французским социализмом и английской политэкономией. Способ, посредством которого он объединил гегельянство, социализм и политическую экономию, сформировавшие его интеллектуальную ориентацию, был уникальным. В этом отношении также большое значение имела встреча Маркса с человеком, ставшим другом на всю жизнь, благодетелем и соратником — Фридрихом Энгельсом (Carver, 1983). Сын владельца текстильной фабрики, Энгельс стал социалистом, критикующим условия, с которыми приходилось сталкиваться рабочему классу. Во многом сочувствие Маркса страданиям рабочего класса обусловлено идеями Энгельса. В 1844 г. в знаменитом кафе в Париже между Марксом и Энгельсом состоялась длительная беседа, которая заложила фундамент их пожизненного союза. В этой беседе Энгельс сказал: «Наше полное согласие по всем теоретическим областям становится очевидным и наша совместная работа ведет начало с этого момента». (McLellan 1973, p. 131). В следующем году Энгельс опубликовал выдающуюся работу «Положение рабочего класса в Англии». В этот период Маркс написал ряд серьезных работ (многие из них не были опубликованы при его жизни), включая «Святое семейство» и «Немецкую идеологию» (обе написаны в соавторстве с Энгельсом), а также выпустил «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», в которых четко прослеживается его растущая заинтересованность сферой экономики.

уделил огромное внимание развитию подобных идей, особенно тем, к которым он относился как к «духу» общества.

Фактически, Гегель предлагал нечто вроде теории эволюции мира в идеалистических терминах. Сначала люди были наделены способностью понимать окружающий их мир только на сенсорном уровне. Они могли воспринимать такие вещи, как свет, запах, и чувствовать социальный и физический мир. Позже люди разви-

Карл Маркс: биографический очерк (окончание)

Несмотря на то что Маркс и Энгельс разделяли взгляды по теоретическим вопросам, у них было много различий. Маркса, скорее, можно охарактеризовать как теоретика, несобранного интеллектуала, преданного своей семье. Энгельс имел практический склад ума, был талантливым и аккуратным деловым человеком, который не верил в институт семьи. Несмотря на все различия, Маркс и Энгельс создали тесный союз. Они вместе писали книги и статьи, работали в радикальных организациях, а Энгельс даже материально поддерживал Маркса в последние годы его жизни, так что Маркс мог посвятить себя интеллектуальной и политической деятельности. Несмотря на тесную связь имен Маркса и Энгельса, Энгельс уточнял, что он был младшим партнером:

> Маркс мог очень хорошо работать без меня. Я бы никогда не достиг того, что сделал Маркс. Маркс стоял выше, видел дальше и смотрел на вещи шире и пристальнее, чем все остальные. Маркс был гением (Engels, цит. по McLellan, 1973, p. 131-132).

На самом деле, многие полагали, что Энгельсу не удалось понять многие тонкости творчества Маркса (C.Smith, 1997). После смерти Маркса Энгельс стал ведущим выразителем марксистской теории. Хотя иногда он несколько искажал и чрезмерно упрощал ее, он остался верным той политической перспективе, которую «выковал» с Марксом.

Так как некоторые из произведений Маркса беспокоили прусское правительство, правительство Франции (по настоянию Пруссии) изгнало Маркса в 1845 г., и он переехал в Брюссель. Его радикализм рос, и он стал активным членом международного революционного движения. Он также общался с Коммунистической лигой, и его попросили написать документ (вместе с Энгельсом), разъясняющий ее цели и убеждения. В результате появился «Манифест коммунистической партии» 1848 г., работа, которая отличалась провозглашением политических лозунгов (например, «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»).

В 1849 г. Маркс переехал в Лондон и после провала политической революции 1848 г., стал отходить от активной революционной деятельности и приступил к более серьезному и детальному изучению жизни рабочих в системе капиталистических отношений. В 1852 г. он начал проводить в Британском музее свое знаменитое исследование условий жизни рабочего класса при капитализме. Эти исследования в конечном счете вылились в написание трех томов «Капитала», первый из которых был опубликован в 1867 г.; другие два были изданы посмертно. На протяжении этих лет Маркс жил в бедности, едва сводя концы с концами; ему удалось выжить только благодаря небольшому доходу от его произведений и финансовой поддержке Энгельса. В 1864 г. Маркс снова оказался вовлеченным в политическую деятельность, вступив в Интернационал — международное движение трудящихся. Вскоре он стал душой этого общества и посвятил ему несколько лет. Маркс начал приобретать славу как лидера Интернационала, так и автора «Капитала». Но раскол Интернационала к 1876 г., провалы разных революционных движений не прошли для Карла Маркса бесследно. Эти печальные события и тяжелая болезнь окончательно подорвали его силы и здоровье. Жена Маркса умерла в 1881 г., дочь — в 1882, и сам Маркс — в 14 марта 1883 г.

ли способность осознавать, понимать самих себя. С развитием самопознания люди пришли к осмыслению того, что они могли бы стать большим, чем есть на самом Деле. Иными словами, выражаясь терминами диалектического подхода Гегеля, возникло противоречие между тем, кем люди являлись, и тем, кем, как они чувствовали, могли бы стать. Решение этого противоречия лежит в развитии осведомленности индивида о его или ее месте в духе общества. Индивиды приходят

К пониманию того, что их основное предназначение заключается в развитии и расширении духа общества в целом. Следовательно, индивиды в схеме Гегеля развиваются от понимания вещей к пониманию самих себя и далее к пониманию их места в более глобальной системе вещей.

Гегель, таким образом, предложил основную теорию эволюции мира. Это субъективная теория, согласно которой изменение происходит на уровне сознания. Однако подобная перемена, как правило, происходит независимо от действующих лиц. Они оказываются не более чем беззащитными существами, подвластными неизбежной эволюции сознания.

Фейербах. Творчество Людвига Фейербаха (1804-1872) стало своего рода мостиком между Гегелем и Марксом. Как младогегельянец Фейербах выступал с критикой взглядов Гегеля. Среди прочего Фейербах отмечал, что Гегель переоценивает роль сознания и духа общества. Принятие Фейербахом философии материализма привело его к заключению, что необходимо отойти от идеализма Гегеля и сфокусировать внимание не на идеях, а на материальной сущности реальных человеческих существ. В своей критике Гегеля Фейербах сделал упор на религии. Согласно Фейербаху, Бог есть нечто иное, как простое проецирование людьми их человеческой сущности на безличную силу. Люди помещают Бога над собой, в результате чего они отдаляются от Бога и проецируют на него серию позитивных характеристик (Он совершенный, всемогущий и святой), в то время как себя заставляют считать несовершенными, бессильными и грешными. Фейербах доказывал, что такой вид религии необходимо изжить и этому может способствовать философия материализма, согласно которой именно люди (не религия) становятся высочайшей целью, самоцелью. Реальные люди, не абстрактные идеи, как, например, религия, обожествляются философией материализма.

Маркс, Гегель и Фейербах. С одной стороны, Маркс был подвержен влиянию, а с другой критиковал как Гегеля, так и Фейербаха. Маркс, следуя Фейербаху, выступал с критикой приверженности Гегеля к философии идеализма. Он занял эту позицию не только из-за принятия материалистической ориентации, но также из-за интереса к практической деятельности. К таким социальным фактам, как богатство и состояние, Гегель относился скорее как к идеям, нежели как к реальным, материальным сущностям. Даже рассматривая явно материальные процессы, как, например, труд, Гегель принимал во внимание только абстрактный умственный труд. Это сильно отличается от интереса Маркса к труду реальных, наделенных сознанием людей. Кроме того, Маркс чувствовал, что идеализм Гегеля привел его к очень консервативной политической ориентации. Согласно Гегелю, процесс эволюции происходил независимо от людей и их деятельности. В любом случае, когда, казалось бы, люди движутся по пути большего осознания мира, как это могло бы быть, необходимость каких-либо революционных перемен отсутствует; процесс уже движется в желаемом направлении. Какие бы проблемы ни существовали, они лежат в сознании, и, следовательно, их решение следует искать в изменении мышления.

Маркс занимал совершенно отличную позицию, доказывая, что проблемы современной жизни можно свести к реальным, материальным причинам (например, структурам капиталистического строя) и что решение этих проблем, следовательно,

можно найти, *только* низвергнув эти структуры с помощью коллективной деятельности большого количества людей (Marx and Engels,1845/1956, p. 254). Гегель «поставил мир с ног на голову» (т. е. сфокусировался на сознании, а не на реальном материальном мире), Маркс, со своей стороны, построил свою диалектику на материальной основе.

Маркс одобрял критику Гегеля Фейербахом по ряду пунктов (например, ее материализм и неприятие абстрактности теории Гегеля), но он был далек от полной удовлетворенности позициями самого Фейербаха (Thompson, 1994). Во-первых, Фейербах делал акцент на религии, тогда как Маркс верил, что следует анализировать весь социальный мир и экономику в частности. Хотя Маркс принимал материализм Фейербаха, он чувствовал, что Фейербах зашел слишком далеко в своей односторонней, недиалектической сосредоточенности на материальном мире. Фейербаху не удалось включить самый важный вклад Гегеля — диалектику—в свою материалистическую ориентацию, особенно взаимоотношения между людьми и материальным миром. Наконец, Маркс доказывал, что Фейербах, как и многие философы, не учитывал роль праксиса — практической деятельности, в особенности революционную активность. Как Маркс об этом писал: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир; но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (цит. по: Tucker, 1970, p. 109).

Маркс выделил у этих двух мыслителей два наиболее важных, как он считал, элемента — диалектику Гегеля и материализм Фейербаха — и объединил их в своем собственном направлении, *диалектическом материализме,* который делает упор на диалектических отношениях в материальном мире.

Политэкономия. Вполне естественно, что материалист Маркс, проявляющий большой интерес к экономическому сектору общества, обратился к творчеству *политических экономистов* (таких, как Адам Смит, Давид Рикардо). Маркса очень привлекали многие их позиции. Он приветствовал их основную предпосылку — труд является источником всякого благосостояния. Это, в конечном счете, способствовало созданию Марксом *трудовой теории стоимости,* в которой он доказывал, что прибыль капиталистов основана на эксплуатации трудящихся. Капиталисты проделывали довольно простой трюк, платя рабочим меньше, чем они заслуживают, так как размер их заработной платы ниже стоимости товаров, которые они на самом деле произвели за рабочее время. Эта *прибавочная стоимость,* которая сохранялась и вновь вкладывалась капиталистом, была основой целой капиталистической системы. Капиталистическая система развивалась, постоянно повышая уровень эксплуатации трудящихся (и, следовательно, сумму добавочной стоимости) и вкладывая прибыль в расширение системы.

На Маркса также повлияло изображение политическими экономистами ужасов капиталистической системы и эксплуатации трудящихся. Но как бы они ни описывали зло, которое несет капитализм, Маркс критиковал политических экономистов за то, что они считали это зло неизбежной составляющей капиталистического строя. Маркс не одобрял принятие ими капитализма в целом, а также тот способ, посредством которого они принуждали людей работать ради экономического успеха в рамках данной общественной системы. Он также критически отзывался о политических экономистах по поводу того, что им не удалось

увидеть конфликт, присущий взаимоотношениям между капиталистами и трудящимися и что они отрицали необходимость радикальных изменений в экономическом порядке. Марксу было трудно принять подобную консервативную экономику, которая укрепила его уверенность в обязательном осуществлении радикального перехода от капитализма к социализму.

Маркс и социология. Маркс не был социологом и не считал себя таковым. Хотя его творчество слишком широко, чтобы быть обозначенным термином *социология,* в трудах Маркса мы встречаем и социологическую теорию. Идеи Маркса нашли отклик в сердцах многих, в связи с чем прослеживался интерес к проблемам марксистской социологии, в первую очередь в Европе. Но у большинства ранних социологов его творчество вызывало негативную реакцию, которая стала причиной создания их собственной социологии. До самого недавнего времени социологическая теория, особенно в Америке, характеризовалась либо враждебным отношением к теории Маркса, либо ее игнорированием. Как мы увидим в главе 2, со временем ситуация коренным образом изменилась, но негативная реакция на труды Маркса была главной силой в формировании многих социологических теорий (Gurney, 1981).

Основная причина неприятия Маркса была идеологической. Многие из ранних социологов-теоретиков выступали наследниками консервативной реакции на падение эпохи Просвещения и последствия Французской революции. Радикальные идеи Маркса и радикальные социальные изменения, которые он предсказывал и пытался воплотить в жизнь, по-видимому, пугали многих мыслителей и были им ненавистны. Маркса перестали воспринимать как идеолога. Было доказано, что он не являлся серьезным социологом-теоретиком. Однако социология сама по себе не могла быть действительной причиной непринятия Маркса, так как работы Кон-та, Дюркгейма и других мыслителей-консерваторов также с трудом можно назвать идеологическими. Именно природа идеологии, а не существование социологии как таковой послужила поводом для неприятия взглядов многих социологов-теоретиков. Они были готовы и стремились купить консервативную идеологию под предлогом социологической теории, но не радикальную идеологию, предложенную Марксом и его последователями.

Были, конечно же, и другие причины, по которым Маркса отвергали многие ранние социологи. Его воспринимали скорее как экономиста, а не социолога. Хотя ранние социологи, конечно, допускали важность экономики, они также доказывали, что она должна рассматриваться как один из ряда компонентов социальной жизни.

Другая причина первоначального неприятия Маркса заключалась в природе его интересов. Если ранние социологи активно откликались на события эпохи Просвещения, хаос Французской революции и, позднее, промышленный переворот, Маркс относился к такого рода беспорядкам гораздо спокойнее. Наоборот, то, что его больше всего интересовало и волновало, это гнетущий характер капиталистической системы, корни которой уходят в промышленный переворот. Маркс хотел изложить теорию, которая объясняла бы этот гнетущий характер и помогла бы разрушить такую систему. Маркса интересовала революция, которая противоречила консервативной обеспокоенности реформами и последовательными переменами.

Другое различие, не представляющее никакой ценности, — это различие в философских истоках между теорией Маркса и консервативной социологической

теорией. Большинство консервативных теоретиков испытывали сильное влияние философии Эммануила Канта, что заставило их мыслить узко, оперируя причинно-следственными категориями. Это означает, они стремились доказать, что изменение А (скажем, изменения во взглядах в эпоху Просвещения) ведет к изменению Б (скажем, политическим переменам во времена Французской революции). В противовес этому, Маркс, как мы видели, больше был подвержен влиянию Гегеля, который мыслил скорее диалектически, чем причинно-следственными категориями. Помимо всего прочего, диалектика настраивает нас на постоянные взаимные действия общественных сил. Таким образом, диалектик рассмотрит пример, приведенный выше, как непрерывное, постоянное взаимодействие идей и политики.

Теория Маркса. Проще говоря, Маркс предложил теорию капиталистического общества, базирующуюся на его видении основной природы человеческих существ. Маркс считал, что люди по своей сути производители; это значит, что необходимость работать, чтобы выжить, заложена в человеческой природе и характере. Действуя таким образом, они производят пищу, одежду, орудия труда, жилье и другие необходимые вещи, позволяющие им жить. Их производительность — совершенно естественный способ, посредством которого они выражают основные творческие порывы. Более того, эти порывы выражаются сообща, во взаимодействии с другими людьми; иными словами, люди изначально существа общественные. Им необходимо работать вместе, чтобы производить то, что необходимо для жизни.

На протяжении всей истории этот естественный процесс производства подрывался сначала жалкими условиями существования в первобытном обществе, а потом разнообразными структурными формированиями, созданными обществом в ходе истории. Эти структуры всячески мешали естественному производственному процессу. Однако именно в капиталистическом обществе, которое их ломает, эта проблема стоит наиболее остро; развал в естественном производственном процессе достигает своей кульминации при капитализме.

В основном капитализм есть структура (или точнее серия структур), которая воздвигает барьеры между индивидом и производственным процессом, продуктами (результатами) данного процесса и другими людьми; в конечном итоге она даже разделяет самих индивидов. Это основное значение понятия *отчуждения:* разрыв естественной взаимосвязи между людьми, а также между людьми и тем, что они производят. Отчуждение происходит в результате того, что капитализм превратился в двухклассовую систему, в которой несколько капиталистов владеют производственным процессом, продуктами и рабочим временем тех, кто на них работает. Вместо естественного производства для самих себя, в капиталистическом обществе люди производят продукты для маленькой группы капиталистов, что противоестественно. С точки зрения мыслящего человека, Маркс интересовался структурами капитализма и их гнетущим влиянием на исполнителя. С политической точки зрения его волновала проблема освобождения людей от угнетающих структур капитализма.

Маркса более интересовало, как поспособствовать кончине капитализма, нежели представлять возможное утопическое социалистическое государство (Lovell,

1992). Он верил, что противоречия и конфликты при капитализме приведут диалектически к его окончательному краху, но он не думал, что этот процесс неизбежен. Люди должны были действовать в нужное время определенными способами для того, чтобы возник социализм. Капиталисты имеют большие ресурсы в своем распоряжении, чтобы предупредить приход социализма, но их могут преодолеть согласованные действия классово-сознательного пролетариата. Что пролетариат создаст в ходе данного процесса? Что есть социализм? В самых общих чертах, это общество, в котором люди впервые могут приблизиться к идеальному представлению Маркса об эффективности производства. Применяя современные технологии, люди могли бы гармонично взаимодействовать с природой и другими людьми, чтобы создавать необходимое для выживания. Другими словами, в социалистическом обществе люди больше не будут отчуждены друг от друга и от природы.

Корни и природа учений Макса Вебера (1864-1920) и Георга Зиммеля (1858-1918)

Поскольку Маркс и его последователи в конце XIX — начале XX в. остались за пределами основного направления немецкой социологии, немецкую социологию в значительной степени можно рассматривать как оппозиционную учению Маркса.

Вебер и Маркс. Альберт Саломон заявлял, что большая часть теорий величайшего мыслителя — представителя ранней немецкой социологии Макса Вебера развивалась «в длительных и напряженных дебатах с духом Маркса» (Salomon, 1945, p. 596). Возможно, это преувеличение, но во многом теории Маркса отводилась негативная роль в учении Вебера. Однако с другой стороны, Вебер работал в марксистских традициях, пытаясь пополнить теорию Маркса. Также в теории Вебера было много исходных положений учения, принадлежащего Марксу (Burger, 1976). Мы можем пролить свет на источники немецкой социологии, обрисовывая в общих чертах каждую из точек зрения на взаимоотношения между Марксом и Вебером (Antonio and Glassman, 1985; Schroeter, 1985). Следует иметь в виду, что Вебер не был хорошо знаком с работой Маркса (многое из этого не было опубликовано до смерти Вебера) и был противником в большей степени деятельности марксистов, а не творчества самого Маркса (Antonio, 1985, p. 29; Turner, 1981, p. 19-20).

Вебер был склонен рассматривать Маркса и марксистов своего времени как экономических детерминистов, которые предлагали односторонние теории социальной жизни. Таким образом, теория Маркса воспринималась как копирующая все исторические разработки на экономическую основу и рассматривающую все современные структуры как созданные на экономическом фундаменте. Хотя это неверно относительно собственной теории Маркса, таковой была позиция многих поздних марксистов.

В теории экономического детерминизма внимание Вебера больше всего привлекло представление, что идеи по сути простые отражения материальных (особенно экономических) интересов, что материальные интересы определяют идеологию. С этой точки зрения полагалось, что Вебер «поставил Маркса на голову» (как Маркс перевернул Гегеля). Вместо того чтобы сосредоточиться на экономических факторах и их влиянии на идеи, Вебер уделил много внимания идеям и их

влиянию на экономику. Рассматривая идеи скорее как простое отражение экономических факторов, Вебер считал их достаточно автономными силами, способными глубоко воздействовать на экономический мир. Большое значение Вебер придавал системам религиозных идей. В частности, его интересовало влияние религиозных идей на экономику. В «Протестантской этике и духе капитализма» (Weber, 1904—1905/1958) он затрагивал протестантизм, главным образом как систему идей и ее влияние на возникновение других систем идей, «дух капитализма» и, в конечном счете, на капиталистическую экономическую систему. Вебер проявлял схожий интерес к другим мировым религиям, изучая, как их сущность могла бы помешать развитию капитализма в соответствующих обществах. На основе подобного рода деятельности некоторые ученые пришли к заключению, что Вебер разрабатывал свои идеи в оппозицию идеям Маркса.

Другая точка зрения на отношение Вебера к Марксу, как упоминалось ранее, заключалась в том, что он не столько оппонировал Марксу, сколько пытался пополнить его теоретические воззрения. В данном случае Вебер скорее следует традициям Маркса, нежели предлагает нечто совершенно противоположное. Его труды по религии, объясняемые с этой точки зрения, были просто попыткой показать, что не только материальные факторы влияют на идею, но и сами идеи воздействуют на материальные структуры.

Хороший пример, иллюстрирующий мнение, что Вебер «дополнял» теорию Маркса, мы находим в теории стратификации. В своем труде, посвященном стратификации, Маркс делал акцент на *классе,* экономическом измерении стратификации. Хотя Вебер принимал важность этого фактора, он доказывал, что другие измерения стратификации также важны. Он заявлял, что представление о социальной стратификации следует расширить, включив такие параметры, как престиж *{статус)* и *власть.* Включение этих дополнительных параметров не противоречит взглядам Маркса, а просто расширяет их.

Согласно и той и другой точкам зрения, представленным выше, теория Маркса была важной для Вебера. Элементы правды есть в обеих позициях; по ряду вопросов Вебер был не согласен с Марксом, тогда как другие его идеи Вебер развивает и дополняет.

Однако третья точка зрения, представленная в данном параграфе, наилучшим образом характеризует отношения между Марксом и Вебером. Согласно ей, мировоззрение Вебера сформировалось под влиянием Маркса, а также многих других мыслителей.

Другие влияния на Вебера. Мы можем распознать ряд источников теории Вебера, включая немецких историков, философов, экономистов и политических теоретиков. Среди тех, чьему влиянию был подвержен Вебер, особенно выделяется философ Иммануил Кант (1724-1804). Но мы не можем недооценивать ту роль, которую сыграл и Фридрих Ницше (1844-1900), в частности особое значение, которое он придавал сверхчеловеку (герою), в творчестве Вебера, где подчеркивается необходимость для индивидов противиться влиянию бюрократии и других структур современного общества.

Немецкая социология и марксизм имеют разные философские корни. Как мы уже говорили, Гегель, а не Кант оказал важное воздействие на теоретические

МАКС ВЕБЕР: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Макс Вебер родился в Эрфурте, в Германии, 21 апреля 1864 г. в семье, принадлежащей к среднему классу. Значительные разногласия между родителями сильно повлияли как на его интеллектуальную ориентацию, так и на его психическое развитие. Его отец был чиновником, занимавшим весьма важный политический пост. Так как он принадлежал политической верхушке, то воздерживался от каких-либо действий или взглядов, которые потребовали бы личных жертв или угрожали бы его положению внутри системы. К тому же Вебер-старший был человеком, который предавался земным наслаждениям, чем (а также многим другим) представлял собой резкую противоположность своей жене. Мать Макса Вебера была набожной кальвинисткой. Она старалась вести аскетическую жизнь, в которой не было бы места для тех удовольствий, которых жаждал ее муж. Заботы матери Вебера носили скорее духовный характер; ее беспокоило то, что она несовершенна, а значит, ее душе не суждено быть спасенной. Серьезные различия между родителями создали напряжение в отношениях между супругами, и это напряжение сильно влияло на Вебера.

Когда Вебер был ребенком, он не мог подражать сразу обоим родителям. Ему пришлось выбирать (Marianne Weber, 1975:62). Сначала он, казалось, выбрал отцовский взгляд на жизнь, но позже ему стал ближе подход его матери. Необходимость выбирать между такими полярными противоположностями сказалась на психике Макса Вебера.

В 18 лет Макс Вебер ушел из дома, чтобы какое-то время посещать занятия в Гейдельбергском университете. Вебер уже доказал свое раннее интеллектуальное развитие, но при этом он имел серьезные проблемы в общении и установлении социальных контактов. Поступая в Гейдельберг, Макс был слишком робким и замкнутым. Однако ситуация быстро изменилась после того, как он стал тяготеть к образу жизни отца и присоединился к отцовскому старому братству дуэлянтов. Там он сформировался в социальном плане. Чувствовать себя более раскрепощенным помогало пиво, которое Вебер потреблял в больших количествах вместе со своими товарищами. Кроме того, он гордо показывал шрамы, воспринимавшиеся своеобразной торговой маркой подобных братств. Вебер не только демонстрировал тождество с образом жизни своего отца, но также выбрал, по крайней мере на тот момент, карьеру своего отца — право.

Спустя три семестра Вебер оставил Гейдельберг для прохождения военной службы и в 1884 г. вернулся в Берлин, в дом своих родителей, чтобы пройти курс в Берлинском университете. Он оставался там на протяжении следующих восьми лет, в течение которых закончил свою учебу, получил степень доктора философии, стал адвокатом (см. Turner and Factor, 1994, к обсуждению влияния правового мышления на теоретизирование Вебера) и начал преподавать в Берлинском университете. Со временем Вебер стал все больше интересоваться экономикой, историей и социологией, которые впоследствии стали делом его жизни. В течение восьми лет пребывания в Берлине Вебер находился в финансовой зависимости от отца. Это обстоятельство все больше его тяготило. В то же самое

воззрения Маркса. Если философия Гегеля заставляла Маркса и марксистов искать связи, конфликты и противоречия, то философия Канта ставила перед необходимостью, по крайней мере немецких социологов, опираться на более статичные перспективы. По Канту, мир представляет собой беспорядочное смешение событий, который не может быть познан непосредственно. Мир познается посредством мышления, которое фильтрует, отбирает и классифицирует эти события. Кант различал содержание реального мира и те формы, посредством которых это содержание можно постичь. Подчеркивание этих форм придавало работе социологов, следующих традициям Канта, более статический характер, по сравнению с марксистами, которые трудились в традициях Гегеля.

Теория Вебера. Если основным достижением Карла Маркса стала теория капитализма, то среди работ Вебера особого внимания заслуживает теория процесса

время Веберу стали ближе ценности его матери, и антипатия к отцу возросла. Он перенял аскетический образ жизни и погрузился в работу. Например, в студенческие годы его привычку работать описывали следующим образом: «Он следует жесткой рабочей дисциплине, расписывает свою жизнь по часам, делит ежедневную рутину на точные части для разных предметов, экономит по-своему, питаясь вечерами в своей комнате фунтом отбивной с кровью и четырьмя жареными яйцами» (Mitzman, 1969/1971, p. 48; Marianne Weber, 1975, p. 105). Таким образом, Вебер, следуя примеру матери, стал аскетичным и старательным, неустанным тружеником, выражаясь современным языком, «трудоголиком».

Благодаря своему усердию, в 1896 г. Вебер получает место профессора экономики в Гейдельберге. Но в 1897 г., когда преподавательская карьера Вебера в самом расцвете, его отец умирает. Смерть наступила во время бурного спора между Максом Вебером и Вебером-старшим. Вскоре после этого у Вебера стали проявляться тревожные симптомы. Произошел нервный срыв. Вебер часто страдал от бессонницы и вследствие этого не мог продуктивно работать. Следующие шесть или семь лет его состояние было близко к полному истощению. В 1903 г. силы стали возвращаться к Веберу, но только в 1904 г. Вебер начал возвращаться к активной преподавательской деятельности. Тогда он прочитал свою первую после перерыва в шесть с половиной лет лекцию (в Соединенных Штатах). В 1904-1905-х гг. Вебер публикует одну из своих известнейших работ «Протестантская этика и дух капитализма». В этом произведении он рассмотрел религию своей матери на научном уровне. Вебер посвятил много времени изучению религии, хотя сам не был религиозен.

Несмотря на то что проблемы с психикой все еще оставались, в 1904 г. Вебер вернулся к активной деятельности и создал ряд своих важнейших работ. Он публикует свои исследования мировых религий в историко-мировой перспективе (например, Китая, Индии и древнего иудаизма). Незадолго до своей смерти (14 июня 1920 г.) он работал над самым важным своим произведением *«Экономика и общество».* Хотя эта книга была опубликована и впоследствии переведена на многие языки, она не закончена.

Кроме написания многотомных произведений в тот период Вебер предпринял ряд других действий. В 1910 г. он способствовал созданию немецкого социологического общества. Его дом стал местом встреч для широкого круга интеллектуалов, среди которых следует упомянуть Георга Зиммеля, Роберта Мичелса и его брата Альфреда, а также философа и литературного критика Георга JlyKa4a(Skaff, 1989, p.186-222). Кроме того, Вебер проявлял политическую активность и писал очерки на злобу дня.

В жизни Вебера и, что более важно, в его творчестве, присутствовали трения между бюрократическим мышлением, которое было характерно для его отца, и религиозностью его матери. Эти неразрешимые противоречия присутствовали на протяжении всей жизни Вебера и нашли отражение в его творчестве.

рационализации (Brubaker, 1984; Kalberg, 1980,1990,1994). Вебер задавался вопросом, почему институты в западном мире постепенно стали более рациональными, тогда как, казалось, мощные барьеры, создаваемые властными структурами, должны были предотвратить подобное.

Хотя понятие рациональности в трудах Вебера используется по-разному, для нас представляет интерес процесс, включающий один из четырех типов, выделяемых Калбергом (Kalberg, 1980,1990,1994; см.. также Brubaker, 1984; Levine, 1981a), именуемый *формальной рациональностью.* Формальная рациональность характеризуется вниманием к действующему лицу, который выбирает способы достижения Цели и результатов. В этом случае выбор делается в соответствии с привычными правилами, инструкциями и законами. Они, в свою очередь, устанавливаются разнообразными крупномасштабными структурами, особенно бюрократией и эко-

номикой. Вебер излагал свои теории в контексте большого количества сравнительных исследований Запада, Китая, Индии и многих других регионов земного шара. В этих исследованиях он пытался описать факторы, которые помогли бы вызвать или воспрепятствовать рационализации (они могут быть причиной или же, наоборот, препятствуют).

Вебер рассматривал бюрократию (и исторический процесс бюрократизации) как классический пример рационализации, но сегодня рационализацию, наверное, лучше всего иллюстрируют рестораны быстрого питания (Ritzer, 1996), которые представляют собой формально рациональную систему, где люди (как персонал, так и покупатели) вынуждены искать самые рациональные способы для достижения цели. Раздаточное окошко, например, является рациональным средством, с помощью которого персонал может раздавать еду, а клиенты ее получать. Скорость и продуктивность такой системы диктуются основными принципами работы ресторанов быстрого питания, а также правилами и инструкциями, в соответствии с которыми они действуют.

Вебер рассматривал процесс бюрократизации в рамках более широкого вопроса политических институтов. Он различал три типа системы власти: традиционную, харизматическую и рационально-легальную. Только в современном Западном мире может развиваться рационально-легальная система власти и только внутри этой системы возможно проследить развитие современной бюрократии в полном масштабе. Над остальным миром доминировали традиционная и харизматическая системы власти, которые, главным образом, препятствовали развитию рационально-легальной системы власти и современной бюрократии.

Итак, *традиционная* власть берет свое начало из длительно существующей системы убеждений. Примером может служить лидер, который пришел к власти, так как его или ее семья или род всегда обеспечивали руководство группой (групповое лидерство). *Харизматический* лидер приходит к власти благодаря своим экстраординарным способностям, характерным особенностям или, вероятнее всего, просто из-за *убеждения* части последователей, что руководитель обладает подобными чертами. Хотя эти два типа власти имеют историческую важность, Вебер полагает, что на Западе и, в конечном счете, в других уголках земли прослеживается тенденция к *рационально-легальной* власти. В данных системах власть устанавливается правилами, легально и рационально предписанными. Таким образом, власть президента Соединенных Штатов в конечном счете диктуется законами общества. Эволюция рационально-легальной власти и сопутствующей ей бюрократии — только часть главного довода Вебера касательно рационализации западного мира.

Вебер также произвел сложный детальный анализ рационализации таких феноменов, как религия, закон, город и даже музыка. Мы можем проиллюстрировать образ мышления Вебера только на одном примере — рационализации экономических институтов. Этот тип рационализации Вебер рассматривает, анализируя отношения между религией и капитализмом. Проводя широкомасштабное историческое исследование, Вебер пытался понять, почему рациональная экономическая система (капитализм) распространилась на Западе и почему она потерпела неудачу в других частях света. Центральную роль в этом процессе Вебер отводит религии. Он на равных ведет диалог с марксистами, пытаясь доказать, что религия не

была только эпифеноменом, как полагали многие марксисты тех времен. Наоборот, она сыграла ключевую роль в развитии капитализма на Западе, а также в том, что его развитие где-либо еще в мире потерпело крах. Вебер доказывал, что именно необычайно рациональная религиозная система (кальвинизм) сыграла главную роль в подъме капитализма на Западе. В противоположность этому, в других частях света, которые он изучил, Вебер обнаружил еще и иррациональные религиозные системы (например, конфуцианство, даосизм, индуизм), которые препятствовали развитию рациональных экономических систем. Вместе с тем создается ощущение, что данные религии представляют собой только временные барьеры; что касается экономических систем — целой социальной структуры, то они в конечном счете станут рационализованными.

Хотя рационализация занимает центральное место в теории Вебера, она не исчерпывает всего, что касается его учения. В одном параграфе нельзя изложить полностью его теоретические воззрения. Поэтому давайте вернемся к развитию социологической теории. Ключевым вопросом в этом отношении представляется следующий: почему теория Вебера оказалась более привлекательной для поздних социологов-теоретиков, чем теория Маркса?

Принятие теории Вебера. Одна из причин заключается в том, что Вебер оказался более удобным для поздних социологов-теоретиков с политической точки зрения. Вместо того чтобы признавать радикализм Маркса, Вебер по одним вопросам был скорее либералом, а по другим — консерватором (например, в отношении к роли государства). Хотя он подвергал суровой критике многие стороны современного капиталистического общества и пришел к тем же критическим заключениям, что сделал когда-то Маркс, Вебер не был единственным, кто предлагал радикальное решение проблем (Hems, 1993). На самом деле, он чувствовал, что радикальные реформы, предлагаемые марксистами и другими социалистами, больше навредят, чем принесут пользу.

Позднее социологи-теоретики, особенно американские, рассматривали общество в свете враждебной критики теории Маркса. Будучи более консервативными по своему мировоззрению, они подыскивали теоретическую альтернативу марксизму. Одним из тех, кто привлек их внимание, был Макс Вебер. (Среди других можно назвать Дюркгейма и Вильфредо Парето.) В конце концов рационализация затрагивала не только капиталистические, но и социалистические общества. В самом деле, с точки зрения Вебера, рационализация представляла даже большую проблему в социалистическом, чем в капиталистическом обществе.

Вебер достаточно снисходительно относился к форме, в которой представлял свои суждения. Он провел большую часть своей жизни, занимаясь детальным историческим исследованием, и его политические заключения зачастую делались в контексте его исследований. Обычно они звучали очень научно и академично. Маркс провел большое количество серьезных исследований, при этом он оставил много явно спорных суждений. Например, в «Капитале» (1867/1967) он описывает капиталистов как «вампиров» и «оборотней». Более академичный стиль Вебера способствовал тому, что он стал угодным для поздних социологов.

Другая причина того, что Вебер оказался более приемлемым для восприятия, заключалась в том, что та философская традиция, которой он следовал, была

благоприятной для поздних социологов. Дело вг том, что Вебер действовал в традициях Канта, а это, как мы уже знаем, значит, что он имел тенденцию мыслить причинно-следственными категориями. Такой тип мышления был более приемлемым для поздних социологов, по большей мере незнакомых и не удовлетворенных диалектической логикой, которая лежит в основе работ Маркса.

Наконец, Вебер рассматривал социальный мир более широко, чем Маркс. Если Маркс оказался почти полностью поглощенным экономикой, Вебер интересовался широким спектром социальных феноменов. Это различие в акцентах, как оказалось, дало гораздо больше поздним социологам в плане их деятельности, чем явно более узконаправленные интересы Маркса.

Вебер выпустил большинство своих произведений в конце 1800 — начале 1900-х гг. Если говорить о профессиональной принадлежности, то раньше Вебера считали скорее историком, которого волновали социологические проблемы, но с начала 1900-х гг. центром его интересов все более и более становилась социология. В самом деле, он стал ведущим социологом того времени в Германии. В 1910 г. он основал (среди прочих вместе с Георгом Зиммелем, к которому мы обратимся позже) Немецкое социологическое общество *{German Sociological Society)* (Glatzer, 1998). Его дом в Гейдельберге был интеллектуальным центром не только для социологов, но для ученых разных областей знаний. Его труды пользовались большой популярностью в Германии, тем не менее в Соединенных Штатах они имели еще большее влияние, особенно после того, как Талкотт Парсонс представил идеи Вебера (а также других теоретиков, в частности Дюркгейма) широкой американской аудитории. Если идеи Маркса не имели значительного позитивного воздействия на американских социологов-теоретиков вплоть до 1960-х гг., то Вебер смог завладеть их умами уже к концу 1930-х гг.

Теория Зиммеля. Георг Зиммель был современником Вебера и соучредителем Немецкого социологического общества. Зиммель был нетипичным социологом-теоретиком (Frisby, 1981; Levin, Carter, and Gorman, 1976a, 19766). С одной стороны, он оказал непосредственное и глубокое влияние на развитие американской социологической мысли, поскольку Маркса и Вебера игнорировали на протяжении ряда лет. Труды Зиммеля способствовали формированию одного из ранних центров американской социологии — Чикагского университета и его главной теории — символического интеракционизма (Jaworski, 1995; 1997). Чикагская школа и символический интеракционизм господствовали в американской социологии в 1920 — начале 1930-х гг. (Buimer, 1984). Взгляды Зиммеля были весьма популярны в Чикаго. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что главные представители Чикагской школы ранних лет — Альбион Смолл и Роберт Парк — познакомились с теорией Зиммеля в Берлине в конце 1800-х гг. Парк присутствовал на лекциях Зиммеля в 1899 и 1900 гг., а Смолл вел обширную переписку с ним на протяжении 1890-х гг. Они познакомили с его идеями студентов факультета в Чикаго, перевели некоторые из его работ и представили широкой американской аудитории (Frisby, 1984, p. 29).

Другим нетипичным аспектом деятельности Зиммеля был его «уровень» анализа или, по крайней мере, тот уровень, благодаря которому он стал известен

в Америке. Если Вебер и Маркс занимались крупномасштабными вопросами, такими как рационализация общества и капиталистической экономики, то Зиммель стал известен вследствие работ, посвященных проблемам меньшего масштаба, в частности индивидуальному действию и взаимодействию. Он стал популярен благодаря своим размышлениям, унаследованным от философии Канта, о *формах* взаимодействия (например, конфликт) и *типах* взаимодействующих лиц (например, чужак). Зиммель считал, что понимание сути взаимодействий между людьми _ одна из основных задач социологии. Однако невозможно изучить огромное число взаимодействий в социальной жизни, не имея понятийных инструментов. Иначе говоря, необходимо знать, как возникли формы взаимодействия и типы взаимодействующих лиц. Зиммель выделял ограниченное количество форм взаимодействия, которые встречаются в различном социальном окружении. Располагая информацией о формах взаимодействия, можно проанализировать и понять значение различного социального окружения для процесса взаимодействия. Развитие ограниченного числа типов взаимодействий может быть также полезным в объяснении установок к взаимодействию. Эта работа оказала сильное влияние на символический интеракционизм, который, как следует из названия, главным образом касался взаимодействия. Зиммель также интересовался более глобальными проблемами, близкими к тем, что владели умами Маркса и Вебера. Но эти труды имели меньшее значение, чем его работы по взаимодействию, хотя в настоящее время намечаются признаки растущего интереса к крупномасштабным аспектам социологии Вебера.

Зиммель стал более доступным ранним американским социологам-теоретикам и благодаря своей работе по взаимодействию. Кроме серьезных многотомных трудов, каковые мы встречаем у Маркса и Вебера, Зиммель написал также ряд очерков на такие животрепещущие темы, как бедность, проституция, скупость и расточительство, чужеродность. Краткость подобных очерков и высокий уровень интереса к материалу сделали более легким распространение идей Зиммеля. К сожалению, очерки оказали и отрицательный эффект, затмив собой более крупные труды Зиммеля (например, «Философию денег», переведенную в 1978 г.; см. Poggi, 1993), потенциально более значимые для социологии. Тем не менее именно благодаря кратким и рассудительным очеркам Зиммель намного сильнее повлиял на раннюю американскую социологическую теорию, чем Маркс или Вебер.

На «Философии денег» следует остановиться подробнее. Перевод этой книги привлек к творчеству Зиммеля внимание целого ряда теоретиков, интересующихся культурой и проблемами общества. Хотя макроориентация Зиммеля в «Философии денег» прослеживается наиболее четко, в его произведениях она присутствовала всегда. Например, она четко прослеживается в знаменитых работах Зиммеля но диаде и триаде. Зиммель полагал, что некоторые важные с точки зрения социологии события происходят, когда группа из двух человек (диада) превращается в триаду путем подключения третьей стороны. Появляются те социальные возможности, которые не могут существовать в диаде. Например, в триаде один из членов может стать арбитром или посредником в разногласиях между двумя ос-

Георг Зиммель: биографический очерк

Георг Зиммель родился в самом сердце Берлина 1 марта 1858 г. Он изучал широкий круг предметов в Берлинском университете. Однако его первая попытка написать диссертацию была отклонена, а один из его преподавателей заметил: «Мы сделаем ему большое одолжение, если не будем поддерживать его в этом намерении» (Frisby, 1984, p. 23). Несмотря на это, Зиммель проявил упорство и получил степень доктора философии в 1881 г. Он оставался в университете в качестве преподавателя вплоть до 1914 г., хотя занимал всего лишь должность *приватдоцента* с 1885 до 1900 г. Зиммель читал лекции, но его труд не оплачивался, а средства к существованию зависели от платы, вносимой студентами. Несмотря на трудности, Зиммель преуспел на этой должности, главным образом потому, что был отличным лектором и привлекал большое количество вносящих плату за обучение студентов (Frisby, 1981, p. 17; Salomon, 1963/1997). Его стиль был так популярен, что лекции привлекали внимание даже образованных членов берлинского общества, каждая лекция становилась общественным событием.

О неординарности Зиммеля свидетельствует тот факт, что его суждения были в некоторой степени противоречивыми и, следовательно, нередко ставили в тупик:

> Если мы сопоставим характеристики, оставленные родственниками, друзьями, студентами, мы обнаружим ряд подчас противоречивых отзывов, касающихся Зиммеля. Некоторые изображают его высоким и стройным, другие — человеком маленького роста, вызывающим сострадание. Говорят, что его внешность была непривлекательной, типично еврейской, но в то же время очень интеллигентной и благородной. Известно, что он был трудолюбивым, но в то же время забавным и слишком ясно выражающим свои мысли лектором. Наконец, мы знаем, что он был блестящим интеллектуалом [Lukacs, 1991, p. 145], дружелюбным и благосклонным, однако справедливо и то, что *внутри* он был нерациональным, мрачным и диким. (Schnabel, цит. по: Poggi, 1993, p. 55)

Зиммель написал бесчисленное количество статей («Метрополия и психическая жизнь») и книг («Философия денег»). Он был хорошо известен в немецких академических кругах и даже приобрел своих последователей за рубежом, особенно в Соединенных Штатах, где его работы имели огромное значение для развития социологии. Наконец, в 1900 г., Зиммель получил официальное признание и почетное звание в Берлинском университете, которое, однако, не дало ему полного академического статуса. Зиммель старался добиться многих академических должностей, но потерпел неудачу, несмотря на поддержку таких ученых, как Макс Вебер.

тальными. И, что более важно, двое из членов могут объединиться и доминировать над другим членом. Это демонстрирует в маленьком масштабе то, что может случиться с появлением крупных структур, которые отделятся от индивидов и станут господствовать над ними.

Именно данная тема положена в основу «Философии денег». Зиммель интересовался, прежде всего, появлением в современном обществе денежной экономики, которая становится изолированной от индивидов и начинает господствовать над НИМИ. Эта тема, в свою очередь, является частью еще более крупной и наиболее известной работы Зиммеля, касающейся господства культуры в целом над индивидом. Как считал Зиммель, в современном мире культура и ее различные составляющие (включая денежную экономику) все больше расширяются, и по мере их развития снижается ценность индивида. Таким образом, например, если промышленные технологии, связанные с современной экономикой, развиваются и усложняются, навыки и возможности отдельного трудящегося постепенно теряют свою значимость.

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (ОКОНЧАНИЕ)

Одна из причин его неудач заключалась в его еврейской национальности, а в Германии IXX в. господствовал антисемитизм (Kasler, 1985). Так, в докладе о Зиммеле, написанном в Министерство образования, он описывался как «совершенный израильтянин по своему внешнему виду, поведению и образу мыслей» (Frisby, 1981, p. 25). Другая причина — род работы, которую он выполнял. Многие статьи появились в газетах и журналах; они были написаны для аудитории более широкой, нежели университетские (Rammstedt, 1991). Кроме того, так как Зиммель не имел постоянной должности в университете, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь публичными лекциями. Аудиторию Зиммеля, это касается как читателей его произведений, так и слушателей лекций, составляла интеллектуальная общественность, а не профессиональные социологи, и это приводило к появлению насмешливых суждений со стороны его коллег-профессионалов. Например, один из современников проклинал Зиммеля из-за «его влияния, сказавшегося... на общей атмосфере и повлиявшего прежде всего на высшие уровни журналистики» (Troeltsch, цит. по: Frisby, 1981, p.13). Личные неудачи Зиммеля также связаны с тем, что немецкие академики тех дней не проявляли должного уважения к социологии.

В 1914 г. Зиммель, наконец, получил постоянную академическую должность во второстепенном университете (в Страсбурге), но и там чувствовал себя отчужденно. Во-первых, он сожалел о том, что оставил свою аудиторию берлинских интеллектуалов. Так, его жена написала жене Макса Вебера: «Георг воспринял расставание с аудиторией очень тяжело... Студенты были очень любящими и сочувствующи ми... Это было расставание в самом расцвете жизненных сил» (Frisby, 1981, p. 29). Во-вторых, Зиммель не принимал участия в активной жизни университета в Страсбурге. Так, он писал Веберу: «Едва ли найдется что-либо, чтобы сообщить о нас. Мы живем в заточении, уединившись, безразличные, оторванные от внешнего мира. Академическая активность равняется нулю, люди.., чужие и внутренне враждебные» (Frisby, 1981, p. 32).

Первая мировая война началась вскоре после получения Зиммелем назначения в Страсбург: лекционные залы были превращены в военные госпитали, а студенты ушли на войну. Таким образом, личность Зиммеля и его труды оценили в немецких научных кругах лишь после его смерти в 1918 г. Он не сделал обычной академической карьеры. Тем не менее Зиммель сумел привлечь большое количество последователей, и его слава как ученого росла с годами.

В конце концов, трудящийся сталкивается с промышленной машиной, над которой он или она смогут осуществлять в лучшем случае лишь незначительный контроль. В общих чертах, Зиммель полагал, что в современном мире еще дальнейшее развитие культуры ведет к снижению значимости индивида.

Как мы уже говорили, наибольший интерес для социологов представляет исследование Зиммеля, касающееся форм взаимодействия и типов взаимодействующих лиц.

Истоки британской социологии

Мы изучали развитие социологии во Франции (Конт, Дюркгейм) и Германии (Маркс, Вебер и Зиммель). Обратимся теперь к сравнительному изложению развития социологии в Англии. Как мы увидим, идеи, появившиеся на континенте, имели влияние на раннюю британскую социологию, однако более важную роль сыграли коренные воздействия.

ЗИГМУНД ФРЕЙД: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Другой ведущей фигурой в немецкой социальной науке в конце XIX и начале XX в. был Зигмунд Фрейд. Не будучи социологом, Фрейд тем не менее повлиял на творчество многих социологов (например, Толкотта Парсонса и Норберта Элиаса), и его идеи продолжают оставаться актуальными для социальных теоретиков (Brennan, 1997; Carveth, 1982; Kaye, 1991;Kurzweil, 1995).

Зигмунд Фрейд родился в австро-венгерском городе Фрайберге 6 мая 1856 г. (Puner, 1947). В 1859 г. его семья переехала в Вену, и в 1873 г. Фрейд поступил в медицинскую школу при Венском университете. Фрейда больше интересовала наука, чем медицина, и он стал работать в физиологической лаборатории. Фрейд получил диплом и, после того как покинул лабораторию в 1882 г., стал работать в больнице, а затем занялся частной медицинской практикой, специализируясь на нервных болезнях.

Сначала Фрейд, пытаясь изучить один из видов неврозов, известный как *истерия,* использовал гипноз. Он обучился ему в Париже у Жана Мартина Шарко в 1885 г. Позже он перенял изобретенный его другом венским врачом Иозефом Брейером метод, при котором истерические симптомы исчезали (пациент проговаривал обстоятельства, при которых впервые появились симптомы). К1895 г. Фрейд совместно с Брейером опубликовал книгу с рядом революционных выводов: причины таких неврозов, как истерия, носят психологический (а не физиологический, как тогда считалось) характер; лечение должно включать обсуждение первопричин болезни. Так родилась практическая и теоретическая область *психоанализа.* После того как Фрейд пришел к убеждению, что в корне неврозов лежат сексуальные факторы или, более широко, либидо, он пошел независимым путем. В течение нескольких последующих лет Фрейд совершенствовал свои терапевтические методы и много писал о своих открытиях.

К 1902 г. Фрейд начал собирать вокруг себя последователей, они еженедельно встречались у него дома. К 1903-1904 гг. другие ученые (например, Карл Юнг) стали использовать идеи Фрейда в своей психиатрической деятельности. В 1908 г. состоялся первый Психоаналитический конгресс, а в следующем году для распространения психоаналитических знаний был основан периодический журнал. Вскоре после его появления Фрейд порвал отношения с Юнгом и некоторыми другими учениками, и в психоанализе выделилась новая область. Эти ученые отделились для развития собственных идей и основали свои группы. Первая мировая война замедлила продвижение психоанализа, но он расширялся и заметно развивался в 20-х г. XX в. С подъемом нацизма центр психоанализа переместился в Соединенные Штаты, где и остается по сей день. Фрейд оставался в Вене до нацистского захвата власти в 1938 г., несмотря на то что был евреем и нацисты сожгли его книги уже в 1933 г. Четвертого июня 1938 г., только после того как был заплачен выкуп и вмешался президент Рузвельт, Зигмунд Фрейд покинул Вену. С 1923 г. Фрейд страдал от рака челюсти, он умер в Лондоне 23 сентября 1939 г.

Политическая экономия, амелиоризм и социальная эволюция

Филип Абраме (Abrams, 1968) утверждал, что британскую социологию сформировали в XIX в. три зачастую противоречивых источника: политическая экономия, амелиоризм и социальная эволюция.[1] Таким образом, когда в 1903 г. было основано Лондонское социологическое общество, в определении термина «социология» не было единого мнения. Однако мало кто сомневался, что социология является наукой. Своеобразие британской социологии придали различия во взглядах, которые мы вкратце рассмотрим.

Политическая экономия. Мы уже затрагивали *политическую экономию,* которая стала теорией индустриального и капиталистического общества, частично

[1] О более поздних исследованиях в британской социологии см. Abrams et al (1981).

восходящей к творчеству Адама Смита (1723-1790).[1] Как мы увидели, политическая экономия повлияла на Карла Маркса. Маркс детально изучил политическую экономию и относился к ней критически. Иного направления придерживались британские экономисты и социологи. Они склонны были согласиться с мыслью Смита о том, что существует «невидимая рука», которая регулирует рынки труда и товаров. Рынок рассматривался как независимая реальность, стоящая над индивидами и контролирующая их поведение. В отличие от Маркса, британские социологи, как и представители школы классической политической экономии, считали рынок позитивной силой, источником порядка, гармонии и объединения общества. Поскольку они смотрели на рынок и, более широко, на общество с этих позиций, задачей социолога было не критиковать общество, а просто собирать данные о тех законах, по которым оно функционирует. Цель — обеспечить правительство фактами, необходимыми, чтобы понять, как работает система, и мудро руководить ее работой.

Акцент делался на фактах, но на каких? В то время как Маркс, Вебер, Дюркгейм и Конт искали в структурах общества базовые факты, британские мыслители пытались фокусироваться на индивидах, составляющих эти структуры. Занимаясь крупномасштабными структурами, они стремились собрать данные на индивидуальном уровне и затем объединить их для формирования коллективного портрета. В середине XIX в. в британской социальной науке ведущее место занимала статистика, этот вид сбора данных считался важнейшей задачей социологии. Целью было накопление «чистых» фактов без теоретизирования или философствования. Эмпирические социологи в корне отличались от социальных теоретиков. Вместо общего теоретизирования «акцент был сделан на разработке более точных показателей, лучших методов классификации и сборки данных, улучшенных показателей, отображающих жизненные процессы, создании лучших методов сравнения отдельных групп данных, и т. д.» (Abrams, 1968, p. 18).

Парадоксально, но социологи, делавшие упор на статистику, пришли к пониманию ограниченности своего подхода. Некоторые из них стали ощущать необходимость более широкой теоретической базы. Для них такая проблема, как бедность, указывала на недостатки в рыночной системе и в обществе в целом. Однако большинство социологов, поскольку фокусировалось на индивидах, не анализировало общую систему; вместо этого они обратились к более детальным нолевым исследованиям и к развитию более сложных и точных статистических методов. По их мнению, корень проблемы должен был лежать в неподходящих методах исследования, *а не в* системе как таковой. Как заметил Филип Абраме: «Упорно фокусируясь на материальном положении индивида, статистики посчитали сложным перейти к пониманию бедности как продукта социальной структуры... Они не дошли и, вероятно, не могли бы Дойти до концепции структурного притеснения» (Abrams, 1968, p. 27). Помимо своей теоретико-методологической приверженности к изучению индивидов статистики слишком тесно работали с творцами правительственной политики, чтобы сделать вывод о том, что проблема заключалась в политико-экономической системе.

Амелиоризм. Второй определяющей чертой британской социологии, отличной от политической экономии, хотя и связанной с ней, был *амелиоризм,* или стрем-

[1] Смита обычно считают ведущей фигурой шотландского Просвещения (Chitnis, 1979) и одним из шотландских моралистов (Schneider, 1967xi), пытавшихся определить основу социологии.

ление решить проблемы общества путем исправления человеческой личности. Хотя британские ученые осознавали, что в обществе имелись проблемы (например, бедность), они все еще верили в общество и хотели сохранить его таким, каким оно было. Их желанием было предотвратить насилие и революцию и реформировать систему таким образом, чтобы она и далее сохраняла свою сущность. Прежде всего, они хотели предупредить пришествие социалистического общества. Таким образом, как и французская социология и некоторые направления немецкой социологии, британская социология имела консервативную ориентацию.

Поскольку британские социологи не могли или не хотели видеть источник таких проблем, как бедность, в обществе в целом, они находили источник внутри самих индивидов. Это было ранней формой того, что Уильям Райан (Ryan, 1971) позже назвал «обвинением жертвы». Большое внимание уделялось длинному ряду индивидуальных проблем: «равнодушию, духовной нищете, загрязнению, плохой санитарии, пауперизму, преступности и пьянству, прежде всего — пьянству» (Abrams, 1968, p. 39). Ясно, что ученые стремились найти простую причину всех социальных бед, и первейшей самоочевидной проблемой был алкоголизм. Этот вариант идеально подходил амелиористам, так как все сводил к патологии личности, а не общества. Амелиористам недоставало теории социальной структуры, теории социальных причин и теории индивидуальных проблем.

Социальная эволюция. В британской социологии гораздо сильнее наблюдалось присутствие социальной структуры, и оно проявилось во второй половине XIX в. с ростом интереса к *социальной эволюции.* Одним из важных влияний было творчество Огюста Конта, частично переведенного на английский язык в 50-х гг. XIX в. Гарриетом Мартино (Hoecker-Drysdale, см. далее). Хотя творчество Конта не вызвало мгновенного интереса, к последней четверти века ряд мыслителей обратил внимание на него и его исследование крупных структур общества, его научную (позитивную) ориентацию, его тенденцию к сравнительному подходу и эволюционную теорию. Тем не менее некоторые британские мыслители построили свою концепцию мира на оппозиционных контовской теории началах (например, тенденция поднимать социологию до статуса религии).

По мнению Абрамса, истинное значение Конта состояло в том, что он обеспечил базу для возможной оппозиции против «подавляющего гения Герберта Спенсера» (Abrams, 1968, p. 58). Спенсер был ведущей фигурой британской социологической теории, особенно эволюционной теории, как в позитивном, так и в негативном плане *(J.* Turner, см. далее).

Герберт Спенсер (1820-1903)

Пытаясь понять идеи Спенсера, полезно сравнить и сопоставить их с теорией Конта.

Спенсер и Конт. Спенсера часто относят к той же категории социологов, что и Конта, из-за их влияния на развитие социологии, но между идеями этих мыслителей существуют значительные различия. Например, Спенсера гораздо сложнее считать консерватором. Фактически Спенсер в молодости был скорее политическим либералом и сохранил элементы либерализма на протяжении всей жизни. Однако верно и то, что со временем Спенсер становился все более консерватив-

ным в своих воззрениях, и его основное влияние на социологию, как и у Конта, было консервативного толка.

Одним из его либеральных принципов, мирно сосуществовавших с консерватизмом, было его согласие с доктриной *laissez-faire:*[1] он считал, что государство не должно вмешиваться в дела индивидов, за исключением тех случаев, когда необходимо осуществлять довольно пассивную функцию защиты граждан. Это означало, что Спенсер, в отличие от Конта, не выступал за социальные реформы; он хотел, чтобы социальная жизнь свободно развивалась без внешнего контроля.

Такое отличие характеризует Спенсера как *социального дарвиниста* (G.Jones, 1980). Он придерживался эволюционного взгляда, что мир со временем становится лучше, поэтому его стоит оставить в покое; внешнее вмешательство может только ухудшить ситуацию. Он разделял взгляд, что социальные институты, как растения и животные, постепенно позитивно приспосабливаются к своему социальному окружению. Он также перенял дарвинистский подход и считал, что процесс естественного отбора, «выживание наиболее приспособленного», происходит и в социальном мире. (Интересно, что именно Спенсер придумал выражение «выживание сильнейшего» несколькими годами *ранее* появления труда Чарльза Дарвина, посвященного естественному отбору.) Таким образом, если отсутствует препятствие в виде внешнего вмешательства, люди, «сильнейшие», выживут и преуспеют, в то время как «слабейшие», в конце концов, вымрут. Другим различием было то, что Спенсер делал упор на личность, в то время как Конт фокусировался на более крупных единицах, таких как семья.

Конт и Спенсер разделяли с Дюркгеймом и прочими приверженность к научной социологии (Haines, 1992), что казалось очень привлекательной перспективой для ранних теоретиков. Другое влияние творчества Спенсера, роднившее его с Контом и Дюркгеймом, была склонность к видению общества как *организма.* В этом отношении Спенсер заимствовал свой взгляд и понятия из биологии. Его интересовала структура общества в целом, взаимные отношения *частей* общества и *функции* частей по отношению друг к другу и к системе.

Самое важное, что Спенсер, как и Конт, придерживался эволюционной концепции исторического развития. Однако Спенсер критиковал эволюционную теорию Конта по нескольким основаниям. В частности, он отрицал контовский закон трех стадий. Спенсер утверждал, что Конт довольствовался исследованием эволюции в царстве идей, с точки зрения интеллектуального развития. Спенсер, однако, пытался разработать эволюционную теорию применительно к реальному, материальному миру.

Эволюционная теория. Можно указать по меньшей мере две главные эволюционные позиции в творчестве Спенсера (Haines, 1988; Perrin, 1976).

Первая относится прежде всего к увеличению *размера* общества. Общество растет путем умножения числа индивидов и формирования групп. Увеличение размера общества вызывает появление более крупных и разнообразных социальных структур, а также рост дифференциации функций, которые они выполняют. Помимо увеличения размера развитие общества происходит путем объединения,

[1] *Laissez-faire* (фр.) — «предоставьте (людям) делать свои дела, предоставьте (делам) идти своим чередом» — лозунг свободы и невмешательства государства в экономику. — *Примеч. ред.*

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Герберт Спенсер родился в Дерби, в Англии, 27 апреля 1820 г. Он не получил такого же образования в области искусства и гуманитарных наук, как и в технических и прикладных предметах. В 1837 г. он начал работать инженером на железной дороге, что продолжалось до 1846 г. В течение этого периода Спенсер не прекращал самостоятельно заниматься и стал публиковать научные политические труды.

В 1848 г. Спенсер был назначен редактором журнала «Экономист», и его интеллектуальные воззрения начали укрепляться, К 1850 г. он завершил свою главную работу — «Социальная статика». Во время написания этой работы Спенсер начал страдать бессонницей, и с годами его умственные и физические проблемы только умножались. На протяжении последующих лет ему было суждено пережить ряд нервных срывов.

В 1853 г. Спенсер получил наследство, которое позволило ему оставить работу и до конца дней жить как свободный ученый. Он никогда не имел университетской степени и не занимал научного поста. По мере того как его жизнь становилась все более изолированной, а физические и умственные недомогания возрастали, Спенсер становился все более плодовитым как ученый. В конце концов он достиг славы не только внутри Англии, но и приобрел мировую известность. Как написал Ричард Хофштедтер: «Через три десятилетия после Гражданской войны было невозможно активно работать в какой-либо интеллектуальной области, не изучив Спенсера» (Richard Hofstadter, 1959, p. 33). Одним из его сторонников был важный промышленник Эндрю Карнеги, который написал Спенсеру во время смертельной болезни последнего в 1903 г. следующее письмо:

> Дорогой господин Учитель!.. Вы каждый день приходите ко мне в мыслях, и навязчиво вторгается в мои мысли извечное «почему». — Почему он лежит? Почему я должен ходить?.. Мир движется дальше, не сознавая, кто его величайший ум... Но однажды мир обратится к его учению, и Спенсер займет свое место среди великих. (Carnegie, цит. по: Peel, 1971, p. 2).

Спенсера ожидало иное.

т. е. с помощью все большего слияния групп. Таким образом, Спенсер говорит об эволюционном движении от простого к сложным, вдвойне сложным и втройне сложным обществам.

Спенсер также предлагает теорию эволюции от *воинственных к индустриальным* обществам. Ранние — воинственные — общества характеризуются тем, что их структура определялась наступательными и оборонительными надобностями войны. Будучи критически настроенным в отношении войны, Спенсер считал, что на раннем этапе ее функцией было объединение обществ (например, с помощью завоеваний) и создание более крупных человеческих совокупностей, необходимых для развития индустриального общества. Однако с появлением индустриального общества война теряет свой функциональный характер и служит препятствием для дальнейшей эволюции. Индустриальное общество основано на дружбе, альтруизме, узкой специализации, поощрении достижений, а не врожденных качеств, и добровольной кооперации высокодисциплинированных индивидов. Такое общество объединяется добровольными договорными отношениями и, что более важно, сильной общей моралью. Роль правительства ограничена и сведена лишь к тому, чем не следует заниматься гражданам. Очевидно, современные индустриальные общества носят менее воинственный характер, чем ранние общества. Хотя Спенсер видит общую эволюцию в сторону индустриальных обществ, в то же время он признает возможность периодических возвратов к войне и более воинственным обществам.

Герберт Спенсер: биографический очерк (окончание)

Одним из интереснейших качеств Спенсера, которое в конечном счете стало причиной его интеллектуального уничтожения, было его нежелание читать чужие труды. Этим он походил на другого раннего гиганта социологии, Огюста Конта, который практиковал «гигиену мозга». О необходимости читать чужие работы Спенсер говорил: «Всю свою жизнь я был мыслителем, а не читателем, и мог вместе с Гоббсом сказать, что "если бы я прочитал так же много, как другие, я бы знал также мало"» (Wiltshire, 1978, p. 67). Друг спросил Спенсера, что он думает о какой-то книге, и «он ответил, что, посмотрев в книгу, он увидел, что ее основное утверждение ошибочно и поэтому не позаботился о том, чтобы прочитать ее» (Wiltshire, 1978, p. 67). Один автор написал, что Спенсер «непостижимым образом впитывал знания как будто кожей... кажется, он никогда не читал книг» (Wiltshire, 1978, p. 67).

Если он не читал трудов других ученых, откуда тогда пришли идеи и проницательность Спенсера? Согласно Спенсеру, они появились непроизвольно и интуитивно из его разума. Он говорил, что его идеи появлялись «мало-помалу, ненавязчиво, без сознательного намерения или ощутимого усилия» (Wiltshire, 1978, p. 66). Спенсер считал такую интуицию гораздо более эффективной, чем тщательное изучение и мышление: «Решение, достигнутое описанным путем, с большей вероятностью верно, чем достигнутое с определенным усилием, которое искажает мышление» (Wiltshire, 1978, p. 66).

Спенсер страдал из-за своего нежелания серьезно читать чужие труды. Фактически, если он читал чью-то работу, зачастую делал это только ради того, чтобы найти подтверждение своим собственным, независимо созданным идеям. Он не обращал внимания на те идеи, которые расходились с его. Так, современник Спенсера Чарльз Дарвин говорил о нем: «Если бы он научился большей наблюдательности, даже за счет... некоторой потери силы мысли, он был бы чудесным человеком» (Wiltshire, 1978, p. 70). Пренебрежение Спенсера принятыми среди ученых правилами привело его к ряду скандальных идей и бездоказательных утверждений об эволюции мира. По этим причинам социологи в XX в. отвергали творчество Спенсера и замещали его тщательным научным подходом и эмпирическими исследованиями.

Спенсер умер 8 декабря 1903 г.

В своих произведениях по этике и политике Спенсер изложил другие взгляды на эволюцию общества. С одной стороны, он считал, что прогресс общества направлен в сторону идеала, или совершенного, нравственного состояния. С другой стороны, он утверждал, что выживают сильнейшие общества, а слабейшим обществам суждено умереть. Результат такого процесса — адаптация общества в целом на новом уровне.

Спенсер предложил богатый и многоплановый набор идей о социальной эволюции. Сначала его идеи имели большой успех, затем в течение многих лет отвергались, а еще позже стали вновь востребованы во время появления неоэволюционных социологических теорий (Buttel, 1990).

Антиспенсеровская реакция в Британии. Спенсер был больше известен как автор крупномасштабной теории социальной эволюции, несмотря на то что делал акцент на личности. В этом отношении он находился в конфронтации с социологией, которая существовала в Британии до него. Однако антиспенсеровская реакция больше базировалась на угрозе, которую представляла его идея выживания сильнейшего для амелиоризма, столь дорогого большинству ранних британских социологов. Хотя Спенсер позже отрекся от некоторых своих самых скандальных идей, он *продолжал* отстаивать философию выживания сильнейшего и выступать против правительственного вмешательства и социальных реформ:

> Добром поощрять никчемность — крайняя жестокость. Это намеренно вызывает несчастья для будущих поколений. Нет большего бедствия для потомства, чем завещание им растущего отряда слабоумных, бездельников и преступников... Все усилия природы направлены на то, чтобы избавиться от таких представителей общества, очистить мир от них и освободить пространство для лучшего... Если они недостаточно полноценны, чтобы жить, они умирают, и это лучшее, что они могут сделать (Spenser, цит. по: Abrams, 1968, p. 74).

Такое настроение явно находилось в противоречии с амелиоративным направлением британских реформаторов-социологов.

Ключевая фигура ранней итальянской социологии

Мы завершаем этот очерк о ранней, главным образом, консервативной, европейской социологической теории кратким упоминанием одного из итальянских социологов — Вильфредо Парето (1848-1923). Парето в свое время был авторитетным социологом, однако его актуальность сегодня минимальна (об одном исключении см. Powers, 1986). В 1930-е гг. наблюдался краткий всплеск интереса к творчеству Парето, когда ведущий американский теоретик Талкотт Парсонс уделил ему, наряду с Вебером и Дюркгеймом, много внимания. Однако в последние годы, за исключением нескольких важнейших его концепций, значение и актуальность Парето также уменьшилась (Femia, 1995).

Цайтлин утверждал, что Парето разработал свои «главные идеи как опровержение взглядов Маркса» (Zeitlin, 1981, p. 171). Фактически Парето отвергал не только воззрения Маркса, но и значительную часть философии Просвещения. Например, если философы Просвещения придавали особое значение рациональности, то Парето подчеркивал роль иррациональных факторов, например, человеческих инстинктов. Такой взгляд также согласуется с отрицанием теории Маркса. То есть, поскольку иррациональные, инстинктивные факторы рассматривались как столь важные *и* столь неизменные, невозможно было надеяться достичь кардинальных социальных изменений путем экономической революции.

Парето разработал теорию социальных изменений, которая находилась в конфронтации с марксистской теорией. Если теория Маркса фокусировалась на роли масс, то Парето предлагал элитную теорию социальных изменений, которая утверждала, что в обществе неизбежно главенствует элита, которая действует на основе просвещенного эгоизма. Она правит массами людей, которые управляются иррациональными силами. Поскольку им не хватает интеллектуальных способностей, массы, в системе Парето, вряд ли могут быть революционной силой. Социальные изменения происходят, когда элита начинает вырождаться и заменяется новой элитой из неправящих слоев или лучших представителей масс. Когда у власти находится новая элита, процесс начинается заново. Таким образом, мы имеем циклическую теорию социальных изменений вместо однонаправленных теорий, предлагавшихся Марксом, Контом, Спенсером и другими. Кроме того, паретовская теория изменений по большей части игнорирует бедственное положение масс. Элиты приходят и уходят, а жизнь огромных масс остается без изменений.

Эта теория, однако, не была долговременным вкладом Парето в социологию. Его научная концепция социологии и социального мира выражалась словами: «Мое

желание — сконструировать систему социологии по образцу небесной механики [астрономии], физики, химии» (цит. по: Hook, 1965, p. 57). Иначе говоря, Парето понимал общество как систему в равновесии, целое, состоящее из взаимозависимых частей. Изменение в одной части рассматривалось как фактор, ведущий к изменениям в других частях системы. Системная концепция общества Парето была важнейшей причиной такого большого внимания, какое уделил Парсонс творчеству Парето в своей книге 1937 г. «Структура социального действия», и это было важнейшим влиянием Парето на воззрения Парсонса. Вместе со схожими взглядами, разделявшимися социологами с органическим подходом к обществу (например, Контом, Дюркгеймом и Спенсером), теория Парето сыграла главную роль в развитии концепции Парсонса и, более широко, — структурного функционализма.

Сегодня редкий социолог читает произведения Парето. Мы же хотим сказать, что последний известен своей теорией круговорота элит, а его творчество можно рассматривать как отрицание Просвещения и марксистской точки зрения.

Развитие европейского марксизма на рубеже веков

В то время как многие социологи XIX в. развивали свои теории в оппозиции к Марксу, со стороны ряда марксистов наблюдалась одновременная попытка прояснить и расширить марксистскую теорию. Примерно между 1875 и 1925 гг. произошло некоторое пересечение марксизма и социологии (Вебер в данном случае составляет исключение). Две идейные школы развивались параллельно, между ними почти не происходило взаимообмена.

После смерти Маркса сначала в марксисткой теории доминировали те, кто усматривал в его теории научный и экономический детерминизм. Валлерштайн называет это периодом «ортодоксального марксизма» (1986, p. 1301). Фридрих Энгельс, благодетель и соратник Маркса, переживший Маркса, может считаться первым представителем такого учения. Сущность данного подхода заключается в том, что научная теория Маркса вскрыла экономические законы, которые правят капиталистическим миром. Эти законы указывали на неизбежное крушение капиталистической системы. Ранние марксисты, такие как Карл Каутский, пытались найти лучшее понимание действия этих законов. В то же время эта точка зрения имела ряд противоречий. С одной стороны, казалось, что она вырабатывает политические действия, краеугольный камень позиции Маркса. То есть, казалось бы, не было необходимости в том, чтобы личности, особенно рабочие, что-либо делали. В системе, которая неизбежно рушилась, все, что им нужно было делать, — это сидеть и ждать ее гибели. С другой стороны, в теории детерминистский марксизм, казалось, выявил диалектическую связь между индивидами и крупными социальными структурами.

В начале XX в. такое положение привело к реакции среди теоретиков марксизма и к развитию «гегельянского марксизма». Гегельянские марксисты отказывались сводить марксизм к научной теории, игнорирующей индивидуальную мысль и действие личности. Они назывались *гегельянскими марксистами,* потому что пытались объединить интерес Гегеля к сознанию (который, как считают некоторые, включая автора этих строк, разделял и Маркс) с интересом детерминистов к экономическим структурам общества. Гегельянские марксисты были значимы по тео-

ретическим и практическим причинам. В теории они восстановили важность личности, сознания и отношений между мыслью и действием. В практическом плане они подчеркивали значимость в социальной революции индивидуального действия.

Главным представителем такой точки зрения был Георг Лукач (Fischer, 1984). По мнению Мартина Джея, Лукач был «отцом-основателем западного марксизма», а его работа «Класс и классовое сознание» «широко признана в качестве кодекса гегельянского марксизма» (1984, p. 84). Лукач в начале XX в. попытался объединить марксизм с социологией (особенно теории Вебера и Зиммеля). Вскоре, с развитием критической теории в 20-х и 30-х гг. XX в., это объединение стало более интенсивным.

Резюме

В данной главе приведен обзор истории ранней социологической теории. Первая и более краткая часть посвящена различным социальным факторам развития социологической теории. Хотя таких влияний было много, мы уделяем основное внимание тому, как на социологическую теорию повлияли политическая революция, Промышленная революция, рост капитализма, социализм, урбанизация, религиозные изменения и развитие науки. Вторая часть главы исследовала влияние интеллектуальных факторов на развитие социологической теории в разных странах. Мы начали с Франции и роли Просвещения, делая акцент на консервативной и романтической реакции на него. Социологическая теория во Франции-развивалась вне этого взаимодействия. В этом контексте мы изучили главных представителей ранних лет французской социологии: Клода Анри Сен-Симона, Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма.

Затем мы перешли к Германии и роли Карла Маркса в развитии социологии в этой стране. Мы обсудили параллельное развитие марксисткой теории и социологической теории и влияние первой на социологию, как положительное, так и] отрицательное. Мы начали с корней теории Маркса в гегельянстве, материализме и политической экономии. Сама теория Маркса описана кратко. Затем мы обсудили корни немецкой социологии. Чтобы показать разные источники немецкой социологии, мы говорили о творчестве Макса Вебера. Обсуждались также некоторые причины того, почему теория Вебера оказалась более приемлемой для позд-них социологов, чем идеи Маркса. Этот раздел завершился кратким обзором твор-чества Георга Зиммеля.

Далее рассматривалось развитие социологической теории в Британии. Главными источниками британской социологии были политическая экономия, амелио-ризм и социальная эволюция. В этом контексте мы затронули творчество Герберта Спенсера, а также полемику, его сопроводавшую.

Первая глава завершается кратким рассмотрением итальянской социологической теории, в частности творчества Вильфредо Парето, и развития марксистской теории в Европе на рубеже веков, главным образом, экономического детерминизма и гегельянского марксизма.

Глава 2
Исторический обзор социологической теории: поздние годы

Трудно привести точную дату рождения социологии как науки в Соединенных Штатах. В Оберлине уже в 1858 г. существовал курс, посвященный социальным проблемам, контовский термин *«социология»* использовался Джорджем Фицхью в 1854 г., а Уильям Грэхем Самнер вел курс социальных наук в Иейле с 1873 г. В течение 80-х гг. XIX в. начали появляться специальные курсы под названием *«Социология».* Первое отделение с использованием этого термина в названии было основано в Канзасском университете в 1889 г. В 1892 г. Альбион Смолл переехал в Чикагский университет и основал новое отделение социологии. Чикагское отделение стало первым важным центром американской социологии в целом и социологической теории в частности (F. Matthews, 1977).

Ранняя американская социологическая теория

Политика

Швендингеры (Schweninger and Schwendinger, 1974) утверждают, что ранних американских социологов лучше всего характеризовать как политических либералов, а не консерваторов, что можно было сказать о большинстве ранних европейских теоретиков. Либерализм, характерный для ранней американской социологии, состоял, главным образом, из двух элементов. Во-первых, он опирался на веру в свободу и благосостояние личности. В данном отношении на него гораздо больше повлияли взгляды Спенсера, чем воззрения Конта, делавшего акцент на коллективных общностях. Во-вторых, многие связанные с этим направлением социологи переняли эволюционный взгляд на прогресс в обществе (Fine, 1979). Однако появились разные точки зрения по поводу лучшего способа достижения этого прогресса. Некоторые утверждали, что для

содействия социальным реформам правительство должно предпринять некоторые шаги, в то время как другие отстаивали доктрину *laissez-faire,* доказывая, что надо предоставлять различным компонентам общества возможность самостоятельно решать свои проблемы.

Либерализм в своей крайней форме очень близок к консерватизму. И вера в социальный прогресс, и реформы или доктрину *laissez-faire,* и убежденность в значимости личности приводят к поддержке системы в целом. Главным аспектом здесь вступает вера в то, что социальная система работает или может быть реформирована таким образом, что станет работать. Система в целом критикуется мало; в случае Америки это означает, в частности, почти абсолютную уверенность в капитализме. Вместо неизбежной классовой борьбы ранние социологи видели будущее классовой гармонии и классового сотрудничества. По сути, это говорило о том, что ранняя американская социологическая теория помогала оправдать эксплуатацию, внутренний и международный империализм и социальное неравенство (Schwendinger and Schwendinger, 1974). В конце концов, политический либерализм ранних социологов имел чрезвычайно консервативные последствия.

Социальные изменения и интеллектуальные течения

В своем анализе ранней американской социологической теории Роско Хинкл (Hincl, 1980) и Эллсворт Фурман (1980) обозначили несколько основных условий ее появления. Огромное значение имели социальные изменения, произошедшие в американском обществе после Гражданской войны (Bramson, 1961). В главе 1 мы обсудили совокупность факторов развития европейской социологической теории; некоторые из них (такие, как индустриализация и урбанизация) также были тесно связаны с развитием социологической теории в Америке. С точки зрения Фурмана, ранние американские социологи видели позитивные возможности' индустриализации, но при этом хорошо осознавали ее опасности. Хотя этих ранних социологов привлекали идеи об угрозах индустриализации, порожденные рабочим движением и группами социалистов, они не выступали за радикальное переустройство общества.

Артур Видих и Стэнфорд Лайман (Vidich and Lyman, 1985) приводят веские доводы в пользу влияния христианства, особенно протестантизма, на формирование американской социологии. Американские социологи сохранили протестантский интерес к спасению мира и просто заменили один язык (науку) другим (религией). «С 1854 г., когда в Соединенных Штатах появились первые работы по социологии, до начала Первой мировой войны социология явилась нравственным и интеллектуальным откликом на проблемы американской жизни и мысли, организаций и убеждений» (Vidich and Lyman, 1985, p. 1). Социологи пытались определить, изучить и содействовать решению социальных проблем. В то время как священник старался улучшить жизнь человека с позиции религии, социолог делал то же самое в пределах общества. Благодаря своим религиозным корням, а также религиозным параллелям, большая часть социологов не подвергала сомнению фундаментальную законность существования общества.

Другим важным фактором формирования американской социологии, рассмотренным Хинклом и Фурманом, стало одновременное появление в Америке в конце XIX в. научных профессий (включая социологию) и современной университетской системы. В Европе же университетская система сложилась еще *до* появления социологии. Поэтому социологии трудно было пробить себе дорогу в Европе, проще оказалось внедриться в новую американскую университетскую систему, находившуюся в процессе становления.

Еще одним свойством ранней американской социологии (как и прочих обще ственных дисциплин) было то, что, отвернувшись от исторической точки зрения, она обратилась к позитивной, или «научной», ориентации. Как пишет Росс, «же лание достичь обобщенной абстракции и применения количественных методов отвратило американских социальных ученых от объяснительных моделей в духе истории и культурной антропологии и от обобщающей толковательной модели, предложенной Максом Вебером» (1991, p. 473). Вместо того чтобы разъяснять долгосрочные исторические перемены, социология обратилась к научному изуче нию краткосрочных процессов.

Еще одним фактором оказалось влияние авторитетной европейской теории на американскую социологию. Европейские теоретики в значительной степени были создателями социологической теории, и американцы могли использовать эту основу. Из европейских ученых наибольшее влияние на американцев оказали Спенсер и Конт. В ранний период имело определенное значение и творчество Зиммеля, а Вебер и Маркс в течение ряда лет не оказывали серьезного воздействия. В качестве иллюстрации влияния ранней европейской теории на американскую социологию интересен и поучителен пример Герберта Спенсера.

Влияние Герберта Спенсера

Почему идеи Спенсера были гораздо влиятельней в ранний период развития американской социологии, чем воззрения Конта, Дюркгейма, Маркса и Вебера Хофштадтер (Hofstadter, 1959) предложил несколько объяснений. Первое, наиболее очевидное, состоит в том, что, в отличие от прочих, Спенсер писал по-английски. Кроме того, он не использовал специальных терминов, таким образом делая свое творчество доступным для широкого круга. Действительно, некоторые приписывают отсутствие специальной терминологии недостаточной изобретательности Спенсера как ученого. Но существуют и другие, более важные причины широкой популярности Спенсера. Он предложил научную концепцию, которая привлекала публику, увлекавшуюся наукой и ее технологическими результатами. Спенсер выдвинул обобщающую теорию, которая, как казалось, относилась ко всему течению человеческой истории. Размах идей Спенсера, а также многотомные труды позволили ему приобрести значимость в глазах совершенно разных людей. Наконец, что, возможно, самое главное, его теория носила смягчающий и успокаивающий характер для общества, претерпевавшего болезненный Процесс индустриализации: общество, по Спенсеру, неизменно двигалось к все большему прогрессу.

Спенсер (1820–1903)

Социальный дарвинизм Самнер (1840–1910) Уорд (1841–1913)

Дюркгейм (1858–1917)

Леви-Стросс (род. 1908)

Скиннер (1904–1990)

Сорокин (1889–1968)

Парсонс (1902–1979)

Вебер (1864–1920)

Мангейм (1893–1947)

Критическая школа Хоркхаймер (1895–1973)

Маркс (1818–1883)

Веблен (1857–1929)

Гегельянский марксизм Лукач (1885–1971)

Адорно (1903–1969)

Фрейд (1858–1939)

Экономический терминизм Каутский (1854–1938)

Гуссерль (1859–1938)

Зиммель (1858–1918)

Шюц (1899–1959)

Смолл (1854–1926)

Парк (1864–1944)

Сартр (1905–1980)

Символический интеракционизм Блумер (1900–1987) М. Кун (1911–1963)

Мид (1863–1931) Кули (1864–1929)

Структурализм

Постструктурализм Фуко (1926–1984)

Сетевая теория *Теория рационального выбора* Коулман (1926–1995)

Хоманс (1910–1989)

Теория обмена Блау (род. 1918)

Эмерсон (1925–1982)

Постмодернистская социальная теория Бодрийар (род. 1929)

Структурный функционализм Мертон (род. 1910)

Неофукционализм Александер (род. 1947)

Теория систем Луман (1927–1998)

Пост-постмодернистская социальная теория

Радикальная социология Миллз (1916–1962)

Теория конфликта Дарендорф (род. 1929)

Структурный марксизм Альттюссер (1918–1990)

Феминистская социологическая теория

Микро-макро и агент-структурная теории интеграции

Экономический марксизм Суизи (род. 1910)

Хабермас (род. 1929)

Синтетическая теория

Теория потребления

Бреверман (1920–1976)

Поликультурализм

Исторический марксизм Валлерштайн (род. 1930)

Феноменологическая социология Бергер (род. 1929) Лукман (род. 1927)

Теории современности Гидденс (род. 1938)

Этнометодология Гарфинкель (род. 1929)

Гофман (1922–1982)

Экзистенциальная социология

Рис. 2.1. Социологическая теория: поздние годы

К 30-м гг. XX в. Спенсер, однако, не пользовался почетом в интеллектуальной среде и, в частности, в социологии. Его идеи социал-дарвинистского толка и приверженность доктрине *laissez-faire* казались смешными в свете серьезных общественных проблем, мировой войны и крупнейшего экономического кризиса. В 1937 г. Талкотт Парсонс, отзываясь на слова, произнесенные историком Крейном Бринтоном несколькими годами раньше, воскликнул: «Кто нынче читает Спенсера?», тем самым возвестив интеллектуальную смерть Спенсера. Сегодня Спенсер представляет почти сугубо исторический интерес, но при формировании ранней социологической теории в Америке его идеи *действительно* оказались важными. Остановимся на творчестве двух американских теоретиков, на которых, по крайней мере отчасти, оказали влияние работы Спенсера.

Уильям Грэхем Самнер (1840-1910) был первым, кто стал вести в Соединенных Штатах курс, который можно назвать социологией. Самнер утверждал, что начал преподавать социологию «за годы до какой бы то ни было подобной попытки в любом другом университете мира» (Curtis, 1981, p. 63).

Самнер был главным представителем социального дарвинизма в Соединенных Штатах, хотя к концу жизни он изменил свою точку зрения (N. Smith, 1979). Следующий диалог между Самнером и одним из его студентов иллюстрирует «либеральные» взгляды социолога на необходимость свободы личности и его позицию относительно правительственного невмешательства:

— Профессор, вы не верите в помощь промышленности со стороны правительства?

— Нет! Трудись, как вол, или пропадешь.

— Да, но есть ли у вола право трудиться?

— Не существует никаких прав. Мир никому не обязан дарить жизнь.

— Тогда, профессор, вы верите только в одну систему — контрактно-конкурентную?

— Это единственно разумная экономическая система. Все прочие ошибочны.

— А если бы какой-нибудь профессор политической экономии лишил вас работы, вам не было бы обидно?

— Пусть пытается кто угодно. Если ему достанется мое место, это моя ошибка. Мое дело — преподавать предмет так, чтобы никто не мог лишить меня работы.

(Phels, цит. по: Hofstadter, 1959, p. 54)

Самнер в основном перенял восприятие социального мира, где выживает наиболее приспособленный. Как и Спенсер, он говорил о борьбе людей с окружающей средой, и считал, что успеха добиваются сильнейшие. Таким образом, Самнер был сторонником человеческой агрессивности и стремления вырваться вперед. Те, кто добился успеха, завоевали его, неудачники же заслужили свой неуспех. Опять-таки вслед за Спенсером, Самнер возражал против усилий, особенно со стороны травительства, помогать тем, кто не успешен. Такое вмешательство, по его мнению, направлено против естественного отбора, благодаря которому среди людей, как и среди низших животных, выживает сильнейший, а наименее приспособленный погибает. Как сформулировал Самнер, «если нам не нравится, что выживает ильнеиший, у нас есть только одна возможная альтернатива — научиться выживать слабейшему» (Curtis, 1981,p. 84). Данная теоретическая система соответствовала развитию капитализма, поскольку оправдывала огромную разницу в благосостоянии и обладании властью.

В настоящее время Самнер представляет почти сугубо исторический интерес по двум основным причинам. Во-первых, его теоретическая направленность и социальный дарвинизм считаются в основном лишь грубой попыткой узаконить конкурентный капитализм и его статус-кво. Во-вторых, Самнеру не удалось создать в Иейле достаточно прочную базу для основания социологической школы с множеством учеников. Такого рода достижение можно было наблюдать несколько лет спустя в Чикагском университете (Heyl and Heyl, 1976). Несмотря на успех, которым социолог пользовался в свое время, «мало кто помнит Самнера сегодня» (Curtis, 1981, p. 146).

Лестер Ф. Уорд (1841-1913). У Лестера Уорда была необычная карьера, большую часть которой он посвятил работе палеонтологом для федерального правительства. В течение этого периода Уорд прочел Спенсера и Конта и всерьез заинтересовался социологией. В конце XIX и начале XX в. он опубликовал ряд работ, в которых изложил свою социологическую теорию. Благодаря известности, которую получило его творчество, в 1906 г. Уорда избрали первым президентом Американского социологического общества. Тогда он занял первый научный пост, в университете Брауна, который сохранял до смерти.

Уорд, как и Самнер, соглашался с тем, что люди прошли через много стадий развития, прежде чем дошли до своего теперешнего состояния. Он полагал, что для раннего общества была характерна примитивность и нравственная убогость, тогда как современный социум сложнее, счастливее и свободнее. Одна из задач социологии, *чистой социологии,* состоит в изучении базовых законов социальных метаморфоз и строения общества. Однако Уорд считал это недостаточным. Он был убежден, что социология должна иметь и практический аспект; что должна существовать *прикладная социология.* Последняя подразумевает сознательное использование научного знания с целью совершенствования общества. Таким образом, Уорд не был крайним социальным дарвинистом; он верил в необходимость и важность социальных реформ.

Несмотря на свое историческое значение, Самнер и Уорд не имели долгосрочного влияния на развитие социологической теории. Теперь мы обратимся к теоретику того же периода Торстейну Веблену, творчество которого не теряет актуальности и чье влияние на социологию сегодня возрастает, а затем к группе теоретиков, особенно Миду, и школе, возглавившей социологию в Америке, — Чикагской школе. Роль Чикагской школы в истории социологии необычна тем, что она была одним из немногих «целостных коллективных интеллектуальных предприятий» в истории этой науки (школа Дюркгейма в Париже была еще одной) (Blumer, 1984, P-1). Традиция, начатая в Чикагском университете, сохраняет свое значение для социологии и ее теоретического (и эмпирического) аспекта и поныне.

Торстейн Веблен(1857-1929)

Веблен, который не был социологом, а большей частью занимал должности на экономических отделениях и был незаурядной фигурой в экономике, тем не менее создал социальную теорию, имевшую ощутимое и длительное значение для ряда дисциплин, включая социологию. Центральной проблемой для Веблена был конфликт между «бизнесом» и «промышленностью». Под бизнесом Веблен понимал собственников,

руководителей, «капитанов» промышленности, которые заботятся о прибыли для своих компаний, но, чтобы сохранить цены и доходность на высоком уровне, часто стараются ограничить производство. Этим они препятствуют функционированию промышленной системы и неблаготворно влияют на общество в целом (например, создавая безработицу), наилучшая помощь которому — невмешательство в процесс промышленного производства. Таким образом, руководители оказываются источником многих внутренних проблем общества, которым должны управлять, по мнению Веблена, люди (например, инженеры), понимающие промышленную систему и то, как она функционирует, и заинтересованные во всеобщем благосостоянии.

Основное значение Веблена сегодня связано с его книгой «Теория праздного класса» (1899/1994). Веблен критикует праздный класс (который тесно связан с бизнесом) за его роль в поощрении расточительного потребления. Ради того чтобы произвести впечатление на остальную часть общества, праздный класс впадает в «демонстративный досуг» (непродуктивную трату времени) и «демонстративное потребление» (трату на товары больших денег, чем те стоят). Это влияет на представителей прочих социальных классов, и они, прямо или косвенно, пытаются подражать праздному классу. В результате формируется общество, растрачивающее время и деньги. Что крайне важно в этой работе Веблена, так это то, что, в отличие от большинства социологических работ того времени (как и большинства других произведений Веблена), «Теория праздного класса» главное внимание уделяет не производству, а потреблению. Таким образом, этот труд предвосхитил сегодняшний сдвиг социальной теории от производства к потреблению (Slater, 1997; Ritzer, 1999).

Чикагская школа[1]

Социологическое отделение Чикагского университета было основано в 1892 г. Альбионом Смоллом. Творчество Смолла имеет сегодня гораздо меньшее значение, чем его личная ключевая роль в институциональном периоде развития социологии в Соединенных Штатах (Faris, 1970; Matthews, 1977). Он создал в Чикаго отделение, которому было суждено на многие годы стать центром социологической дисциплины в этой стране. В 1894 г. Смолл стал одним из авторов первого учебника по социологии. В 1895 г. он основал «Американский социологический журнал», который и по сей день остается авторитетнейшим социологическим изданием. В 1905 г. Смолл стал одним из основателей Американского социологического общества, ведущей профессиональной ассоциации американских социологов до сих пор (Rhoades, 1981). (В связи с неудачной аббревиатурой Американского социологического общества — *ASS [American Sociological Society][2],* в 1959 г. оно было переименовано в Американскую социологическую ассоциацию — *ASA, American Sociological Association).*

[1] См. Bulmer (1985) по поводу дискуссии о том, чем определяется школа, и о том, почему мы можем говорить о «Чикагской школе». Tiryakian (1979, 1986) также пишет о школах в целом, и о Чикагской в частности, и подчеркивает роль харизматических лидеров наряду с методологическими нововведениями. См. также Amsterdamska (1985). По поводу дискуссии об этой школе в более широком контексте развития социологической теории в Америке см. Hinkle (1994). [2] *Ass* (англ.) — осел; дурак. — *Примеч. перев.*

Ранний этап развития социологии в Чикаго

Для молодого Чикагского отделения социологии было характерно несколько отличительных особенностей. Во-первых, оно имело тесную связь с религией. Некоторые преподаватели сами были священниками, другие — сыновьями священников. Смолл, например, считал, что «высшая цель социологии должна по существу быть христианской» (Matthews, 1977, p. 95). Отсюда вытекало, что задача социологии — содействовать социальным реформам, и данный подход сосуществовал с убеждением в необходимости научности социологии.[1] Научной социологией, нацеленной на совершенствование общества, и предстояло заняться ученым в растущем Чикаго, испытывавшем на себе как позитивные, так и негативные воздействия урбанизации и индустриализации.

Уильям Исаак Томас (1863-1947). В 1895 г. У. И. Томас стал сотрудником Чикагского отделения социологии, где в 1896 г. написал свою диссертацию. Благодаря тому что Томас подчеркивал необходимость проведения научных исследований по социологическим вопросам (Lodge, 1986), его влияние на социологию не ослабевало долгое время. Хотя он много лет защищал эту позицию, главное его слово прозвучало в 1918 г., когда была опубликована книга «Польский крестьянин в Европе и Америке», соавтором Томаса по которой стал Флориан Знанецкий. Мартин Блумер считает ее «поворотным» исследованием, потому что она повернула социологию от «абстрактной теории и книжных исследований к изучению эмпирического мира с использованием теоретического каркаса» (1984, p. 45). Норберт Уайли считает «Польского крестьянина» решающей для формирования социологии работой, поскольку она «расчищает уникальное интеллектуальное пространство, на котором может проводить наблюдения и исследования только эта дисциплина» (1986, p. 20). Эта книга стала результатом восьмилетнего исследования, проводившегося в Европе и Соединенных Штатах и явилась, прежде всего, анализом социальной дезорганизации среди польских переселенцев. Сами данные вскоре потеряли свое значение, однако в первую очередь была важна методология. Она включала разнообразные источники, в том числе автобиографический материал, выписки об оплате, письма родственникам, газетные подшивки, официальные документы и деловую корреспонденцию.

Хотя «Польский крестьянин» был, главным образом, макросоциологическим исследованием социальных институтов, по мере продвижения в своей профессии Томас стал тяготеть к микроподходу, социально-психологической ориентации. Он наиболее известен следующим своим социально-психологическим утверждением (сделанным в книге, написанной совместно с Дороти Томас): «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (Thomas and Thomas, 1928, p. 572). Акцент был сделан на важности того, что думают люди и как это влияет на то, что они делают. Этот микроскопический, социально-психологический взгляд противоречил макроскопическим, социально-структурным и социально-культурным воззрениям таких европейских ученых, как Маркс, Вебер

[1] Однако, как мы увидим, научная концепция, разработанная Чикагской школой, была слишком «мягкой», по крайней мере в глазах позитивистов, которые позднее заняли лидирующее положение в социологии.

и Дюркгейм. Он стал одной из определяющих черт теоретического продукта Чикагской школы — символического интеракционизма (Rock, 1979, p. 5).

Роберт Парк (1864-1944). Другой заметной фигурой в Чикаго был Роберт Парк (Shils, 1996). Парк приехал в Чикаго для работы преподавателем на неполную ставку в 1914 г. и быстро достиг лидирующего положения на социологическом отделении. Важность творчества Парка для развития социологии лежала в нескольких плоскостях. Во-первых, он стал ведущей фигурой в Чикагском отделении, которое, в свою очередь, доминировало в социологии до 30-х гг. XX в. Во-вторых, Парк учился в Европе и способствовал тому, чтобы привлечь внимание чикагских социологов к мыслителям с континента. Парк занимался у Зиммеля, и идеи последнего, особенно его упор на действии и взаимодействии, повлияли на развитие теоретической ориентации Чикагской школы (Rock, 1979, p. 36-48). В-третьих, до того как стать социологом, Парк был репортером, и этот опыт привел его к осознанию важности проблем городской жизни и необходимости сбора эмпирических данных с помощью наблюдения (Lindner, 1996; Strauss, 1996). Отсюда возник серьезный интерес Чикагской школы к экологии города (Gaziano, 1996; Maines, Bridger, and Ulmer, 1996; Perry, Abbott, and Hutter, 1997). В-четвертых, Парк сыграл ключевую роль в руководстве аспирантами, помогая разрабатывать «коллективную программу исследовательской работы аспирантов» (Bulmer, 1984, p. 13). Наконец, в 1921 г. Парк и Эрнест У. Берджесс опубликовали первый действительно важный учебник по социологии, «Введение в социологию». Он на много лет стал влиятельной книгой и был особенно примечателен своей приверженностью научному подходу, исследованиям и изучению широкого круга социальных явлений.

С конца 1920 — начала 1930-х гг. Парк стал проводить в Чикаго меньше времени. Наконец, его никогда не ослабевавший интерес к расовым отношениям (до того как стать социологом, он служил у Букера Ти Вашингтона)[1] привел его в университет Фиска («черный» университет), где он и начал работать в 1934 г. Хотя упадок Чикагского отделения не был связан исключительно с уходом Парка, влияние этого центра социологии в 1930-х гг. стало ослабевать. Но, прежде чем говорить об упадке Чикагской социологии и зарождении других социологических отделений и теорий, нужно вернуться к раннему периоду Чикагской школы и обратиться к двум ученым, чье творчество имело наиболее серьезное теоретическое значение: Чарльзу Хортону Кули и особенно Джорджу Герберту Миду.[2]

Чарльз Хортон Кули (1864-1929). Связь Кули с Чикагской школой весьма своеобразна, поскольку сам он работал в Мичиганском университете. Однако теоретические воззрения Кули находились в одном русле с символическим интеракционизмом, ставшим важнейшим продуктом Чикагской школы.

Кули получил звание доктора философии в Мичиганском университете в 1894 г. Он всерьез заинтересовался социологией, но тогда в Мичигане еще не было социологического отделения. В результате вопросы по поводу его докторской работы

[1] Букер Ти (Тальяферро) Вашингтон (1858-1915) — известный американский негритянский общественный деятель. — *Примеч. перев.*

[2] Были и другие известные социологи, связанные с Чикагской школой, в том числе Эверетт Хьюз (Chapoulie, 1996; Strauss, 1996).

Роберт Парк: биографический очерк

у Роберта Парка не было типичной карьеры академического социолога. К тому времени, когда он уже в зрелом возрасте стал социологом, у него был богатый профессиональный опыт. Тем не менее Парк глубоко повлиял на социологию в целом и теорию социологии в частности. Идеи Парка способствовали развитию его нестандартного взгляда на жизнь, сыгравшего важную роль в формировании Чикагской школы, символического интеракционизма и, в конечном-счете, значительной части социологии.

Парк родился в Харвивилле, штат Пенсильвания, 14 февраля 1864 г. (Matthews, 1977). Будучи студентом Мичиганского университета, он испытал влияние ряда выдающихся мыслителей, например таких, как Джон Дьюи. Хотя многие идеи вызывали у Парка интерес, он чувствовал необходимость работы в реальном мире. Как говорил Парк: «Я решил получить опыт как таковой, собрать в свою душу... все радости и печали мира» (1927/1973, p. 253). После выпуска он начал карьеру журналиста, давшую ему возможность работать в реальном мире. Ему особенно нравилось что-либо изучать («выискивая по игорным домам и опиумным притонам» — Park, 1927/1973, p. 254). Он ярко описывал городскую жизнь. Обыкновенно он отправлялся в область своего исследования, наблюдал и анализировал и потом записывал свои наблюдения. По сути, он уже занимался исследованием («научным репортажем»), ставшим одним из примет Чикагской социологии, т. е. городской этнологией с использованием методов включенного наблюдения (Lindner, 1996).

Хотя достоверное описание социальной жизни оставалось одним из его увлечений, Парка перестала устраивать работа в газете, поскольку она не удовлетворяла его бытовым или, что более важно, интеллектуальным потребностям. Кроме того, казалось, он не способствовала совершенствованию мира, а Парк был глубоко заинтересован в социальных реформах. В 1898 г., Парк оставил работу в газете и устроился на философское отделение в Гарварде. Там он оставался в течение года, но затем решил переехать в Германию, в то время центр мировой интеллектуальной жизни. В Берлине он познакомился с Георгом Зиммелем, чье творчество глубоко повлияло на социологию Парка. Фактически лекции Зиммеля были *единственным* формальным социологическим образованием, которое получил Парк. Как говорил Парк, «большую часть моих знаний об обществе и человеческой природе я получил из собственных наблюдений» (1927/1973, p. 257). В 1904 г. в Гейдельбергском университете Парк защитил докторскую диссертацию. По своему обыкновению, Парк был недоволен работой: «Все, что я мог предъявить, — это небольшую книжку, и мне стыдно за нее» (Matthews, 1977, p. 57). Он отказался преподавать в Чикагском университете и отошел от преподавательской деятельности, как ранее от работы в газете.

Потребность вносить свой вклад в совершенствование общества привела его к должности помощника и главного лица по общественным связям в Реформаторской ассоциации Конго, созданной для того, чтобы уменьшить жестокость и эксплуатацию, наблюдавшиеся тогда в Бельгийском Конго. В этот период Парк познакомился с Букером Ти Вашингтоном и не остался равнодушным к судьбе чернокожих американцев. Он стал помощником Вашингтона и сыграл ключевую роль в деятельности Таскжийской организации. В 1912 г. Парк познакомился с У. И. Томасом, чикагским социологом, читавшим в Таскжи лекции. Томас предложил ему вести в Чикаго курс лекций на тему «Негр в Америке» для небольшой группы аспирантов, что Парк и сделал в 1914 г.. Курс имел успех, и Парк повторил его на следующий год для аудитории в два раза больше предыдущей. В это же время он вступил в Американское социологическое общество, а через десять лет стал его президентом. Постепенно Парк укрепился на своем месте в Чикаго, хотя докторскую степень получил лишь в 1923 г. Примерно в течение двух десятилетий сотрудничества с Чикагским университетом он играл ключевую роль в формировании интеллектуального направления социологического отделения.

Парк оставил Чикагский университет в начале 1930-х гг. После этого он вел курсы и руководил исследованиями в университете Фиска почти до 80-летнего возраста. Парк много путешествовал. Он умер 7 февраля 1944 г., не дожив недели до своего восьмидесятого Дня рождения.

поступили из Колумбийского университета, где под руководством Франклина Гиддингса социологию преподавали с 1889 г. Кули начал карьеру преподавателя в Мичигане в 1892 г. до получения докторской степени.

Хотя взгляды Кули многообразны, сегодня его в основном помнят за вклад в понимание социально-психологических аспектов социальной жизни. Его творчество в этой области характеризуется той же направленностью, что и творчество Джорджа Герберта Мида, хотя Мид имел более глубокое и длительное влияние на социологию, чем Кули. Кули интересовало сознание, но он отказывался (так же, как и Мид) отделять сознание от социального контекста. Лучше всего это иллюстрирует, известная по сей день концепция зеркального *«Я»*. Эта концепция утверждает, что люди обладают сознанием и что оно формируется в процессе социального взаимодействия.

Вторая базовая концепция, демонстрирующая социально-психологические воззрения Кули и остающаяся важной и по сей день, — это концепция первичной группы. *Первичные группы* — это группы из непосредственного окружения, играющие ключевую роль в отношениях конкретного человека с обществом. Особенно значимы первичные группы молодых людей, главным образом семья и группа сверстников. В этих группах индивид становится социальным существом. Как правило, внутри первичной группы и появляется зеркальное «Я», эгоцентричный ребенок учится принимать в расчет других людей и, таким образом, становится полноценным членом общества.

И Кули (Winterer, 1994) и Мид отвергали *бихевиористский* подход, согласно которому люди слепо и бессознательно реагируют на внешние стимулы. Они считали, что люди обладают сознанием, самостью и что обязанность социолога — изучение этого аспекта социальной реальности. Кули убеждал социологов попытаться поставить себя на место людей, которых они изучали, и использовать для анализа сознания метод *симпатической интроспекции.* Представляя, как они в качестве действующих лиц могут поступить в различных обстоятельствах, социологи могут понять цели и мотивы, лежащие в основе социального поведения. Метод симпатической интроспекции многим казался ненаучным. Творчество Мида в данной области также превзошло изыскания Кули. Тем не менее существует большое сходство их убеждений, не последнее из которых — разделяемая ими точка зрения, что социология должна заниматься такими социально-психологическими явлениями, как сознание, действие и взаимодействие.

Джордж Герберт Мид (1863-1931). Самым заметным мыслителем, относящимся к Чикагской школе и символическому интеракционизму, был не социолог, а философ Джордж Герберт Мид.[1] Мид начал преподавать философию в Чикагском университете в 1894 г. и оставался там до самой смерти в 1931 г. (G.Cook, 1993). Учитывая его центральное значение в истории социологической теории, надо отметить парадоксальность, характерную для творчества Мида, поскольку он, во-первых, преподавал философию, а не социологию, и, во-вторых, опубликовал в своей жизни сравнительно мало работ. Частично этот парадокс разрешают два факта. Первый состоит в том, что Мид вел курс социальной психологии на фи-

[1] Об особом мнении на этот счет см. Lewis and Smith (1980).

лософском отделении, посещаемый многими аспирантами-социологами. На некоторых из них его идеи оказали глубокое влияние. Эти студенты соединили воззрения Маркса с идеями, преподносившимися им на социологическом отделении такими учеными, как Парк и Томас. Хотя в то время не существовало теории под названием символический интеракционизм, ее создали из этих разнообразных элементов сами студенты. Таким образом, Мид имел глубокое личное влияние на людей, которым предстояло позднее развивать теорию символического ин-теракционизма. Во-вторых, эти студенты на основании записей лекций Мида опубликовали посмертное издание под его именем. Благодаря этой работе, которая называется «Разум, самость и общество» (Mead, 1934/1962), его идеи перешли из области устной в область письменной традиции. Эта книга, широко читаемая сегодня, создала главную интеллектуальную основу символического интеракци-онизма.

Мы проанализируем взгляды Мида более подробно в главе 6, здесь же необходимо подчеркнуть несколько моментов. Идеи Мида нужно рассматривать с точки зрения психологического бихевиоризма. На Мида это направление произвело сильное впечатление, и он соглашался со многими его принципами. Мид с пониманием отнесся к этой теории, направленной на конкретного человека и его поведение. Он считал разумным и целесообразным интерес бихевиористов к тем вознаграждениям и издержкам, которые присутствуют в человеческом поведении. Однако, с точки зрения Мида, бихевиоризм пошел недостаточно далеко, т. е. исключил сознание из области серьезного анализа, утверждая, что оно не подлежит научному изучению. Мид был категорически с этим не согласен и пытался расширить принципы бихевиоризма, чтобы применить их к анализу «разума». Таким образом, Мид излагал точку зрения, сходную со взглядами Кули. Но в то время как позиция Кули казалась ненаучной, Мид создал научную концепцию сознания, применив принципы и методы психологического бихевиоризма.

Мид подарил американской социологии социально-психологическую теорию, резко отличавшуюся от предлагавшихся большинством европейских социологов теорий, имевших, главным образом, социальную направленность. Важнейшим исключением был Зиммель. Таким образом, символический интеракционизм развился, в большой степени, из зиммелевского интереса к действию и взаимодействию (интеракции) и мидовского интереса к сознанию. Подобная точка зрения привела к тому, что творчество Мида и весь символический интеракционизм оказались неубедительны на социальном и культурном уровнях.

Упадок Чикагской школы

Чикагская школа испытывала подъем в 20-х гг. XX в., но к 30-м, со смертью Мида и уходом Парка, социологическое отделение стало терять свое центральное значение в американской социологии (Cortese, 1995). Фред Мэтьюз (1977; см. также Bulmer, 1984) выделяет несколько причин заката Чикагской социологии, две из которых представляются наиболее важными.

Во -первых, наибольшее внимание уделялось научности, т. е. о необходимости использовать усложненные методы и применять статистический анализ. Однако Чикагская школа скорее делала ударение на описательных, этнографических

исследованиях (Prus, 1996), зачастую фокусируясь на личностных представлениях субъектов (в терминологии Томаса, на их «определениях ситуации»). Парк все больше презирал статистику (он называл ее «кабинетной магией»), потому что она, казалось, делает невозможным анализ субъективного, характерного и особенного. В свете подавляющей тяги ученых к качественным методам, важной работе, проведенной в Чикаго с использованием методов количественных (Buhner, 1984, p. 151-189), склонны были не придавать значения.

Во-вторых, все больше людей вне Чикаго испытывали растущее возмущение господствующим положением Чикаго, и в Американском социологическом обществе, и в «Американском социологическом журнале». В 1930 г. было основано Восточное социологическое общество, и со стороны восточных социологов все слышнее стали раздаваться голоса о главенстве Среднего Запада в целом и Чикаго, в частности (Wiley, 1979, p. 63). К 1935 г. мятеж против Чикагской школы привел к тому, что новым руководителем ассоциации стал не представитель Чикаго, а также к тому, что был основан новый официальный журнал, «Американское социологическое обозрение» (Lengermann, 1979). По словам Уайли, «Чикагская школа рухнула, как могучий дуб» (Wiley, 1979, p. 63). Это знаменовало рост новых мощных центров, особенно Гарварда и Лиги плюща[1] в целом. Символический интеракционизм был во многом неотчетливой, устной традицией и из-за этого, в конце концов, уступил место более точным и систематизированным теоретическим системам, таким как структурный функционализм, связанный с Лигой плюща (Rock, 1979, p. 12).

Женщины в ранней социологии

Одновременно с достижениями Чикагского университета, описанными в предыдущем параграфе, и порой даже в согласии с ними, в то же самое время, когда Д юркгейм, Вебер и Зиммель создавали европейскую социологию, а иногда и единодушно с ними, новаторские социологические теории разрабатывала группа женщин. Входившие в эту группу основали обширное и на удивление сплоченное объединение социальных реформаторов. Среди них были Джейн Эддамс (1860-1935), Шарлотта Перкинс Джилман (1860-1935), Анна Джулия Купер (1858-1964), Ида Уэллс-Барнетт (1862-1931), Марианна Вебер (1870-1954) и Беатрис Поттер Вебб (1858-1943). За исключением, может быть, Купер, всех их можно объединить на основе отношения к Джейн Эддамс. То, что сегодня их не знают или не признаю! социологами или теоретиками социологии в рамках принятой истории данной дисциплины, — пугающее свидетельство силы внутридисциплинарной тендерной политики, а также во многом бездумной и некритичной трактовки социологией своих собственных разработок. В то время как социологическая теория каждой из этих женщин основывается на результатах индивидуальных теоретических уси-

[1] Лига плюща *{Ivy League)* — группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США, известные высоким уровнем обучения и научных исследований, Название связано с тем, что по английской традиции стены университетов — членов Лиги — увиты плющом. — *Примеч. перев.*

лий, взятые вместе, они представляют собой последовательное и целостное изложение ранней феминистской социологической теории.

Главными признаками этих теорий, отчасти, возможно, объясняющими невнимание к ним со стороны профессиональной социологии, являются: 1) акцент на опыте женщин, жизни женщин и их работе, равной по значению мужской; 2) осознание того, что они выступают с локальной и частной точки зрения и поэтому, по большей части, без оттенка высокомерной объективности, которую мужская социологическая теория считала частью авторитетной теории; 3) идея о том, что целью социологии и социологической теории должны быть социальные реформы, т е. улучшение жизни людей с помощью знания, и 4) заявление, что главной проблемой в совершенствовании жизнеустройства в их время было неравенство. Ранних теоретиков феминизма в наибольшей степени отличает их видение природы и средства борьбы с неравенством, стоявшим в центре их внимания: тендерным, расовым или классовым либо их совокупностью. Но все эти женщины воплотили свои взгляды в социально-политическую деятельность, помогавшую приводить к гармонии и изменять североатлантические общества, где они жили, и их активность была столь же неотъемлемой частью значения, которое они придавали занятию социологией, как и само создание теории. Они считали общественную науку частью и своего теоретического творчества, и своей практической деятельности в области социологии и были очень изобретательны в создании новаторского метода социальной науки.

Хотя развивавшаяся социологическая дисциплина сочла этих женщин не более чем второстепенными социологами и теоретиками социологии, она нередко включала их методы исследования в свою практику, в то же время используя их деятельность, чтобы оправдать определение этих женщин как «не социологов». Таким образом, скорее о них помнят как об активистках и общественных деятельницах, а не как о социологах. Их наследием стала социологическая теория, призывающая не только к размышлению, но и к действию.

Социологическая теория до середины XX в.

Подъем Гарвардского университета, Лиги плюща и структурного функционализма

Развитие социологии в Гарварде можно проследить со времени начала работы там Питирима Сорокина в 1930 г. (Johnston, 1995). Когда Сорокин приехал в Гарвард, в нем не было социологического отделения, но к концу года оно было образовано, и Сорокина назначили его главой. Хотя Сорокин был теоретиком социологии и до 1960-х гг. продолжал публиковать свои работы, его творчество на удивление редко вспоминается сегодня. Его теоретические рассуждения не лучшим образом прошли испытание временем. Вероятно, временное значение Сорокина в большой степени заключается в создании им Гарвардского отделения социологии и в приглашении Толкотта Парсонса (который преподавал в Гарварде экономику) в качестве преподавателя социологии. Парсонс стал *наиболее* авторитетной фигурой в американской социологии, познакомив американскую публику с европейскими теоретиками и воспитав много студентов, которые сами стали крупными социологами.

Питирим Сорокин (1889-1968). Сорокин разработал теорию, которая, пожалуй, превосходит парсоновскую по масштабу и сложности. Наиболее полное ее изложение содержится в четырехтомнике «Социальная и культурная динамика», опубликованном между 1937 и 1941 гг. В данном труде в целях выработки целостной теории социальных и культурных изменений Сорокин приводит обширные эмпирических данные. В отличие от ученых, развивавших эволюционные теории социальных изменений, Сорокин разработал теорию циклическую. Он считал, что общества проходят через три различных типа ментальности: чувственную, умозрительную и идеалистическую. Общества, где преобладает *чувственный* тип, придают основное значение в познании реальности роли чувств; общества, для которых характерно более трансцендентальное и религиозное понимание реальности, — *умозрительные;* а *идеалистические* общества представляют собой переходный тип между чувственностью и религиозностью.

Двигатель социальных изменений заключается во внутренней логике каждой системы, т. е. под внутренним давлением система предельно расширяет присущий ей способ мышления. Так, в чувственном обществе в конце концов настолько возрастает роль ощущений, что оно создает основу для собственной гибели. Чувственность достигает своей крайней логической точки, и люди находят спасение в умозрительной системе. Но как только система обретает доминирующее влияние, она также тянется к своей конечной точке, в результате чего общество становится излишне религиозным. Следующая фаза — начало развития идеалистической культуры и, наконец, цикл повторяется снова. Сорокин не только тщательно разработал теорию социальных изменений, но также привел для ее подтверждения подробные доказательства из области искусства, философии, политики и т. д. Без сомнения, это было впечатляющим творением.

Теория Сорокина не исчерпывается столь кратким обзором, цель которого — позволить читателю ощутить размах его творчества. Трудно объяснить, почему Сорокин впал у социологов в немилость. Возможно, это связано с тем, что любил критиковать Сорокин и о чем он написал книгу «Прихоти и слабости в современной социологии и связанных с ней науках» (1956). Может статься, Сорокин будет заново открыт будущим поколением теоретиков социологии. В настоящее время его творчество остается за пределами господствующей тенденции современной социологической теории.

Толкотт Парсонс (1902-1979). Несмотря на ранние публикации нескольких очерков, главный вклад Парсонса в начале его карьеры состоял во влиянии на аспирантов, в будущем ставших заметными теоретиками социологии. Самым известным из них был Роберт Мертон, в 1936 г. получивший степень доктора философии и вскоре ставший главнейшим теоретиком и сердцем развития парсоновского направления в Колумбийском университете. В том же году (1936) Кингсли Дэвис получил степень доктора философии и совместно с Уилбертом Муром (получившим степень в Гарварде в 1940 г.) написал одну из центральных работ в теории структурного функционализма — важнейшего продукта Парсонса и его последователей. Однако влияние Парсонса не ограничивается периодом 1930-х гг. Примечательно то, что он до 1960-х гг. курировал аспирантов, имевших затем большое влияние на развитие социологии.

Важнейшим годом для Парсонса и американской социологической теории был 1937 г. — год опубликования им «Структуры социального действия». Эта книга имела большое значение для американской социологической теории по четырем основным причинам. Во-первых, она представила широкой американской публике основные европейские теории. Немалая часть книги была посвящена Дюркгейму, Веберу и Парето. Парсоновская интерпретация их идей на долгие годы сформировала образы этих социологов в американской науке.

Во-вторых, Парсонс почти не уделил внимания Марксу (или Зиммелю [Levine, 1991a]), тогда как отмечал творчество Дюркгейма, Вебера и даже Парето. В результате марксистская теория продолжала по большей части оставаться вне общепринятой социологии.

В-третьих, «Структура социального действия» обосновала социологическое теоретизирование как законную и важную форму социологической деятельности. Теории, появившиеся в Соединенных Штатах после этого, многим обязаны работе Парсонса.

Наконец, Парсонс ратовал за определенные социологические теории, оказавшие глубокое влияние на социологию. Сначала Парсонса считали, как и он себя сам, теоретиком действия. Как казалось, он фокусировался на активном человеке, его мыслях и поступках. Ко времени появления его работы в 1937 г., и особенно в более позднем творчестве, Парсонс больше выглядел как структурно-функциональный теоретик, изучавший крупные социальные и культурные системы. Хотя Парсонс утверждал, что между имевшимися теориями нет противоречия, он приобрел наибольшую известность как структурный функционалист и стал первым представителем именно этой теории, завоевавшей в социологии авторитет и сохранявшей его до 1960-х гг. Сила теории Парсонса и, в целом, структурного функционализма состояла в изображении отношений между крупными социальными структурами и институтами (см. главу 3).

Основное изложение Парсонсом теории структурного функционализма последовало в начале 1950-х гг. в ряде произведений, из которых наиболее знаменательна «Социальная система» (1951 [Barber, 1994]). В этой и других работах Парсонс был склонен концентрироваться на структурах общества и их отношениях. Он считал, что они взаимно поддерживают друг друга и тяготеют к динамическому равновесию. Упор был сделан на том, как между различными элементами общества поддерживается порядок (Wrong, 1994). Изменения виделись упорядоченным процессом, и, в конце концов, Парсонс (Parsons, 1966,1971) пришел к неореволюционному взгляду на социальные изменения. Парсонса интересовала не только социальная система как таковая, но также ее взаимоотношения с другими *системами действия,* особенно культурной и личностной системами. Все же основной взгляд Парсонса на межсистемные отношения был, по существу, таким же, как и на отношения внутрисистемные, т. е. он считал их свойствами целостность, общность и упорядоченность. Другими словами, различные *социальные структуры* выполняют Но отношению друг к другу определенный набор *функций.*

Теперь становится ясно, почему Парсонса характеризуют главным образом как *структурного функционалиста.* По мере роста его славы возрастало и влияние теории структурного функционализма в Соединенных Штатах. Творчество Пар-

Питирим Александрович Сорокин: биографический очерк

Питирим Сорокин родился в России в глухом селе 21 января 1889 г. (Johnston, 1995). Бранней молодостиСорокин был арестован за революционную деятельность и провел четыре месяца в тюрьме. Позже Сорокин поступает в Санкт-Петербургский университет и сочетает прилежные занятия с преподаванием, а также революционной деятельностью, из-за которой снова на короткое время попадает в тюрьму. Планировалось, что в марте 1917 г. Сорокин защитит диссертацию, однако к тому времени революция в России шла уже полным ходом. Активно выступая за революцию, но не поддерживая большевиков, Сорокин становится членом Временного правительства Керенского. Однако с победой большевиков Сорокин опять оказался в тюрьме, на этот раз в руках советской власти. Наконец, по прямому указанию Ленина Сорокина освободили, ему разрешили вернуться в университет и вновь заняться преподаванием. Сорокин получил докторскую степень в 1922 г. Однако за его работой наблюдала ВЧК. В конце концов, Сорокину позволили уехать из России, и, после краткого пребывания в Чехословакии, с октября 1923 г. он стал жить в Соединенных Штатах.

В Америке Сорокин начал с того, что читал лекции в различных университетах, но затем получил место в университете Миннесоты. Вскоре ему присвоили докторскую степень. К тому времени Сорокин уже опубликовал несколько книг в России и продолжал выпускать их в поразительных количествах в Соединенных Штатах. О своей плодовитости в Миннесоте Сорокин говорил: «Я знаю, что это превышает то, что средний социолог создает за всю жизнь» (1963, p. 224). Такие книги, как «Социальная мобильность» и «Современные социологические теории», принесли ему известность по всей стране, и к 1929 г. Сорокину было сделано предложение (которое он принял) возглавить социологическое направление в Гарвардском университете. Поскольку социологического отделения в Гарварде еще не существовало, это место было на экономическом отделении.

Вскоре после начала работы Сорокина в Гарварде было создано социологическое отделение, и Сорокина назначили его первым главой. В этой должности Сорокин способствовал основанию главнейшего социологического отделения Соединенных Штатов. В этот же период Сорокин завершил работу над своим ставшим самым знаменитым произведением — «Социальная и культурная динамика» (1937-1941).

Питирима Сорокина описывали как «несносного ребенка и адвоката дьявола американской социологии» (R. Williams, 1980b, p. 100). Наделенный огромным самомнением, Сорокин, казалось, критиковал всех и вся. В результате он сам и его творчество стали частым предметом критического разбора. Все это ясно из отрывка из письма, которое он написал редактору «Американского социологического журнала»:

> Пренебрежительный характер рецензий — для моих книг хороший знак, поскольку существует связь между проклятиями моим книгам... и их последующим успехом. Чем сильнее их ругали (а ваши обозреватели ругали практически все мои книги), тем более значительными и успешными были мои раскритикованные книги) (Sorokin, 1963, p. 229).

сонса образовало сердцевину теории, однако его студенты и последователи также сыграли свою роль в ее развитии и завоевании ее авторитета в Америке.

Хотя Парсонс сделал в истории социологической теории в Соединенных Штатах много важного и полезного, его творчество имело и отрицательные последствия. Во-первых, он предложил толкование идей европейских теоретиков, больше отражавшее его собственные теоретические воззрения. Многие американские социологи из-за такой интерпретации с самого начала получили ошибочное представление о европейских авторитетах. Во-вторых, как уже отмечалось, в начале своей карьеры Парсонс по большей части пренебрегал теорией Маркса, в результате чего идеи последнего долгие годы оставались на периферии социологии.

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (ОКОНЧАНИЕ)

Одними из наиболее острых и длительных разногласий у Сорокина были разногласия с Талкоттом Парсонсом. Парсонс был назначен в Гарвард преподавателем социологии, когда Сорокин возглавлял социологическое отделение. Под руководством Сорокина карьера Парсонса в Гарваде прогрессировала очень медленно. Наконец, он проявил себя самым авторитетным социологом в Гарварде и Соединенных Штатах в целом. Конфликт между Сорокиным и Парсонсом усиливался значительной схожестью их теорий. Несмотря на их родственный характер, творчество Парсонса привлекало гораздо большую и преданную аудиторию, чем работы Сорокина. С течением времени у Сорокина к творчеству Парсонса сформировалось довольно любопытное отношение, которое нашло отражение в некоторых его книгах. С одной стороны, он склонялся к критике Парсонса за то, что тот заимствовал многие из его лучших идей. С другой стороны, он сильно критиковал теорию самого Парсонса.

Дополнительная напряженность в их отношениях возникала из-за аспирантов. Одним из величайших достижений молодого социологического отделения в Гарварде была способность привлекать одаренных студентов-аспирантов, таких как, например, Роберт Мертон. Хотя на студентов оказывали воздействие идеи обоих ученых, влияние Парсонса оказалось более устойчивым, чем Сорокина. Будучи аспирантом, Мертон работал ассистентом Сорокина, но не соглашался с теоретическим направлением, которого придерживался Сорокин. Когда Мертон показал ему свои заметки к диссертации, Сорокин ответил: «Как отчетная работа это хорошо. Вы получите около пяти с минусом. Но, с более глубокой и единственно важной точки зрения, я должен сделать несколько достаточно резких критических замечаний по вашей работе» (цит. по: Mer-ton, 1989, p. 293).

Парсонс сменил Сорокина на месте главы социологического отделения и переименовал последнее в Отделение социальных отношений *{Department of Social Relations)*. На этот счет Сорокин сказал следующее:

> Таким образом, я не несу ответственности за все происходившее на отделении с момента его слияния с социальной психологией и культурной антропологией ради образования «Отделения социальных отношений» и за погружение социологии в эклектическую массу этих разнообразных дисциплин... Отделение социальных отношений... едва ли выпустило столько же заметных социологов, сколько Отделение социологии... под моим руководством (Sorokin, 1963, p. 251).

В конце концов Сорокин оказался на Гарвардском отделении в изоляции. Ему досталась роль «одинокого исследователя», и ему оставалось только «засовывать под университетские двери копии заявления о том, что Парсонс украл его идеи» (Coser, 1977, p. 490). Сорокин умер 11 февраля 1968 г.

В-третьих, его собственная теория по мере развития обнаружила ряд серьезных недостатков. Однако из-за выдающегося положения Парсонса в американской социологии критика долго молчала под давлением его авторитета. Лишь много позже о недостатках теории Парсонса и в целом структурного функционализма стали говорить открыто.

Но мы забегаем вперед и должны вернуться к началу 30-х гг. XX в. и другим исследованиям, проводившимся в Гарварде. В этом смысле нам очень поможет рассмотрение теории видного социолога Гарвардского отделения — Джорджа Хоманса.

Джордж Хоманс (1910-1989). Состоятельный бостонец Джордж Хоманс получил в 1932 г. в Гарварде степень бакалавра (Homans, 1962; см. также Bell, 1992).

В результате Великой депрессии он оказался безработным, но, конечно, не без средств к существованию. Осенью 1932 г. психолог Л. Дж. Хендерсон вел курс по теориям Вильфредо Парето, Хоманса пригласили, посещать этот курс, и он принял это приглашение (Парсонс также присутствовал на семинарах по Парето.) Описание Хомансом того, почему его так привлекли и захватили воззрения Парето, во многом объясняет, почему американская социологическая теория была столь консервативной и столь антимарксистской:

> Я увлекся Парето, потому что он объяснил мне то, чему я уже был готов поверить... Кто-то сказал, что большая часть современной социологии представляет собой попытку ответить на аргументы революционеров. Как бостонец-республиканец, не отрекшийся от своей сравнительно обеспеченной семьи, в 1930-е гг. я сам чувствовал себя под ударом, прежде всего со стороны марксистов. Я был готов поверить Парето, потому что он дал мне защиту (Homans, 1962, p. 4).

Знакомство Хоманса с теорией Парето привело к появлению книги «Введение в Парето» (написанной в соавторстве с Чарльзом Кертисом), опубликованной в 1934 г. Эта публикация сделала Хоманса социологом, хотя произведения Парето были фактически единственными работами по социологии, которые он к тому времени прочел.

В 1934 г. Хоманс был назначен младшим стипендиатом-исследователем в Гарварде, участником программы, начатой во избежание проблем, связанных с подготовкой докторов философии. Фактически Хоманс так никогда и не получил степень доктора философии, даже став одной из самых видных фигур в социологии своего времени. Хоманс был младшим стипендиатом-исследователем до 1939 г. и с каждым годом постигал социологическую науку все больше. В 1939 г. Хоманс присоединился к социологическому отделению, однако сотрудничеству помешала война.

К тому времени, когда Хоманс вернулся с войны, в Гарварде Парсонсом было основано Отделение социальных отношений, и Хоманс стал там работать. Хотя Хоманс уважительно относился к некоторым аспектам творчества Парсонса, он сильно критиковал его способ построения теорий. Между ними началась длительная полемика, отразившаяся затем на страницах многих книг и журналов. В целом, Хоманс утверждал, что теория Парсонса является скорее обширной системой интеллектуальных категорий, включающих большинство аспектов социального мира. Кроме того, Хоманс считал, что теорию следует строить снизу вверх, на основе тщательных наблюдений социального мира. Теория же Парсонса брала начало на обобщенном теоретическом уровне и спускалась на уровень эмпирический.

В своем собственном творчестве Хоманс долгое время накапливал большой объем эмпирических наблюдений, но лишь в 1950-е гг. выбрал удовлетворительный теоретический подход к анализу этих данных. Это была теория психологического бихевиоризма, наилучшим образом выраженная в идеях его коллеги по Гарварду, психолога Б. Ф. Скиннера. На базе этого подхода Хоманс разработал свою теорию обмена. Мы вернемся к рассказу об этом теоретическом направлении позже. Здесь важно то, что Гарвард и его главный теоретический продукт —

структурный функционализм — в конце 30-х гг. XX в. заняли в социологии ведущее положение, придя на смену Чикагской школе и символическому интеракцио-низму.

Чикагская школа в период упадка

Мы оставили Чикагское социологическое отделение в середине 1930-х гг. в период его упадка, связанного со смертью Мида и уходом Парка, остановившись на бунте восточных социологов и основании «Американского социологического обозрения». Но Чикагская школа не исчезла. В начале 1950-х гг. она продолжала играть в социологии важную роль. Там все еще выпускались видные доктора философии, такие как Ансельм Штраусе и Арнольд Роуз. Значительные социологи оставались в Чикаго, такие как Эверетт Хьюз (Faught, 1980), имевший основное значение для развития социологии занятости.

Однако виднейшей фигурой Чикагского отделения в этот период был Герберт Блумер (1900-1987) («Символическое взаимодействие», 1988). Он стал важнейшим представителем теоретического подхода, который был разработан в Чикаго в развитие работ Мида, Кули, Зиммеля, Парка, Томаса и др. На самом деле, именно Блумер в 1937 г. предложил термин *«символический ингпераццопизм».* Во время своего преподавания в Чикаго Блумер сыграл ключевую роль в продолжение этой традиции. Он написал ряд очерков, способствовавших сохранению символического интеракционизма в 1950-х гг. Роль Блумера также важна в силу занимаемых им административных должностей. С 1930 по 1935 г. он заведовал финансами в Американском социологическом обществе, а в 1956 г. стал его президентом. Что более важно, он занимал должности, влиявшие на характер социологических публикаций. Между 1941 и 1952 гг. он был редактором «Американского социологического журнала» и способствовал сохранению одной из его важнейших трибун для работ в русле Чикагской традиции в целом и символического интеракционизма в частности.

В то время как университеты Восточного Побережья попадали под влияние структурного функционализма, Средний Запад оставался (и в определенной степени остается по сей день) бастионом символического интеракционизма. В 1940-х гг виднейшие представители символического интеракционизма распределились пс Среднему Западу: Арнольд Роуз был в Миннесоте, Роберт Хабенстайн — в Миссури, Грегори Стоун — в штате Мичиган, и, самое главное, Мэнфорд Кун (1911-1963) - в Айове.

Между Блумером в Чикаго и Куном в Айове произошел раскол; фактически стали говорить о различиях Чикагской и Айовской школ символического ин теракционизма. Предметом расхождений стал вопрос науки и методологии. Куі разделял интерес символического интеракционизма к конкретному человеку, еп мыслям и поступкам, но утверждал, что следует исследовать их на более научно! основе, например используя анкеты. Блумер ратовал за более «мягкие» методы такие как симпатическая интроспекция и включенное наблюдение.

Несмотря на этот всплеск активности, Чикагская школа находилась в упадке особенно учитывая переезд Блумера в 1952 г. из Чикаго в Калифорнийский уни верситет в Беркли.

Гэри Элан Файн (Fine, 1995) написал о развитии «второй» Чикагской школы, появившейся после Второй мировой войны. В Чикаго оставалось сильное социологическое отделение, но уже отсутствовал сильный упор на интеракционизме и наблюдение, изначально ей присущее. Тем не менее этот упор был достаточен, чтобы оказать глубокое влияние на позднейшие творения этого направления. В каком бы состоянии ни находилась Чикагская школа, Чикагская традиция дожила до сегодняшнего дня и имеет по стране и всему миру своих выдающихся представителей. В качестве недавнего примера можно привести Файна (Fine, 1996). Он исследовал рестораны быстрого питания, наблюдая за взаимодействием и порядком, который там порождается.

Развитие марксистской теории

С начала XX в. до 1930-х гг. марксистская теория продолжала развиваться в большой степени независимо от господствующей социологической теории. По крайней мере, частичным исключением из этого правила стало появление критической, или Франкфуртской, школы, развившейся из гегельянского марксизма.

Автором идеи такой школы, развивающей марксистскую теорию, был Феликс Дж. Уэйл. Институт социальных исследований был официально основан в Германии, во Франкфурте 3 февраля 1923 г. (Bottomore, 1984; Wiggershaus, 1994). С годами с критической школой стали ассоциироваться самые известные марксистские мыслители: Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Эрих Фромм, Герберт Маркузе и, ближе к сегодняшнему времени, Юрген Хабермас.

Институт достаточно безмятежно существовал в Германии до 1934 г., но при нацистском режиме ситуация изменилась. Нацисты не особенно считались с марксистскими идеями, преобладавшими в Институте, их враждебность усиливалась и из-за того, что многие сотрудники были евреями. В 1934 г. Хоркхаймер, в качестве главы Института, приехал в Нью-Йорк, чтобы обсудить положение Института с президентом Колумбийского университета. К немалому удивлению Хоркхаймера, ему предложили объединить Институт с университетом и даже выделили здание на территории университета. Так *один из* центров марксистской теории переместился в *самый* центр капиталистического мира. Институт оставался там до конца войны, но потом стали настаивать, чтобы он возвратился в Германию. В 1949 г. Хоркхаймер действительно вернулся в Германию и перевез с собой Институт. При этом многие работавшие в нем сотрудники начали собственную карьеру.

Важно подчеркнуть несколько наиболее существенных аспектов критической теории. В ее ранние годы сотрудничавшие с Институтом социологи склонны были придерживаться довольно традиционных марксистских взглядов, уделяя большое внимание области экономики. Однако примерно в 1930 г. произошла большая перемена: эта группа мыслителей переместила фокус внимания с экономики на культурную систему, которую стала рассматривать значительной силой в современном капиталистическом обществе. Это соответствовало взглядам, которых ранее придерживались гегельянские марксисты, такие как Георг Лукач, и послужило их дальнейшему развитию. В целях лучшего понимания области культуры критические теоретики заинтересовались творчеством Макса Вебера. Попытка

объединить Маркса и Вебера и таким образом создать «веберовский марксизм»[1] (Dahms, 1997; Lowy, 1996) придала критической школе определенную теоретическую направленность и позже помогла узаконить ее в глазах социологов, начавших интересоваться марксистской теорией.

Вторым серьезным шагом, предпринятым по крайней мере некоторыми членами критической школы, было применение точных соционаучных методов, разработанных американскими социологами для исследования вопросов, интересовавших марксистов. Это, наряду с фактом усвоения веберовской теории, сделало критическую школу более приемлемой для социологов традиционного направления.

В-третьих, критические теоретики попытались объединить фрейдовскую теорию с ее ориентацией на индивида с марксистскими и веберовскими воззрениями, для которых был характерен акцент на социальном и культурном уровне общества. Такая теория представлялась многим социологам более содержательной, чем теории, предложенные Марксом и Вебером в отдельности. Попытка объединить столь несопоставимые теории, по меньшей мере, оказала на социологов и многих других интеллектуалов стимулирующее влияние.

С 1920-х гг. критическая школа провела много полезных исследований, и значительное их количество остается актуальным для социологов и сейчас. Вместе с тем критическая школа вынуждена была дожидаться признания до конца 1960-х гг., чтобы быть «открытой» в широких кругах американских социологов.

Карл Мангейм и социология знания

Здесь надо кратко остановиться на творчестве Карла Мангейма (1893-1947) (Kettler and Meja, 1995). Родившись в Венгрии, Мангейм был вынужден переехать сначала в Германию, а потом — в Англию. Мангейм, испытавший влияние идеологических работ Маркса, а также Вебера, Зиммеля и неомарксиста Георга Лукача, наиболее известен своими исследованиями систем знания (например, консерватизма). Фактически он почти единолично создал современную область, известную как социология знания. Немаловажны и его рассуждения о рациональности, более лаконичные и ясные, нежели в работах Вебера на этот счет (Ritzer, 1998).

В Англии, начиная с 1930-х гг., Карл Мангейм разрабатывал различные теоретические идеи, заложившие фундамент той области социологии — социологи^ знания, которая не теряет своего значения и по сей день (McCarthy, 1996). Естественно, Мангейм опирался на творчество многих предшественников, особенно Карла Маркса (хотя Мангейм был далек от того, чтобы становиться марксистом) В своей основе социология знания берет систематическое изучение знания, идег или интеллектуальных явлений в целом. Для Мангейма знание определяется существованием в обществе. Он, например, пытался установить связь между идейными воззрениями группы и ее положением в социальной структуре. Маркс дела; это, соотнося идеи с социальными классами, Мангейм же расширил это представ ление, сопоставляя идеи с разнообразными позициями в обществе (например, раз ницей поколений).

[1] Этот термин подходит некоторым критическим теоретикам лучше, чем другим, и применим к ши рокому кругу других мыслителей (Agger, 1998).

Помимо важнейшей роли в создании социологии знания, Мангейм, возможно, наиболее известен различием, которое он проводил между двумя системами идей — *идеологией* и *утопией* (B. Turner, 1995). Идеология стремится скрыть и сохранить настоящее с точки зрения прошлого. Утопия, напротив, стремится переступить через настоящее, фокусируясь на будущем. Конфликт между идеологиями и утопиями выступает вездесущей реальностью в обществе.

Социологическая теория второй половины XX в.

Структурный функционализм: расцвет и упадок

1940-1950-е гг., что парадоксально, стали годами и наибольшего влияния, и начала упадка структурного функционализма. В это время Парсонс создал свои наиболее значительные произведения, которые отчетливо отражали его поворот от теории действия в сторону структурного функционализма. Студенты Парсонса разлетелись по стране и занимали ведущие посты на многих крупных отделениях социологии (например, Колумбийском и Корнельском). Они создавали собственные произведения, которые были признаны существенным вкладом в теорию структурного функционализма. Например, в 1945 г. Кингсли Дэвис и Уилберт Мур опубликовали очерк, в котором анализировали социальную стратификацию с точки зрения структурного функционализма. Это было одно из наиболее четких изложений обсуждаемой теории. В данной работе ученые утверждали, что стратификация становится функционально необходимой для существования общества структурой. Другими словами, с точки зрения идеологии они встали на сторону неравенства.

В 1949 г. Мертон (Merton, 1949/1968) опубликовал очерк, ставший *важнейшим* программным произведением структурного функционализма. В нем он предпринял попытку детально описать основные элементы данной теории и расширить ее в некоторых направлениях. Он считал, что структурный функционализм должен рассматривать не только позитивные функции, но также и негативные последствия (дисфункции). Кроме того, он должен анализировать чистый баланс функций и дисфункций.

Однако, начав добиваться доминирующего положения в социологической теории, структурный функционализм стал мишенью для критики, и нападки только увеличивались, достигнув пика в 1960-е и 1970-е гг. Представленная Дэвисом и Муром структурно-функциональная теория стратификации подвергалась нападкам с самого начала, и критика не прекращается до сих пор. В 1959 г. последовала критика Парсонса Ч. Райтом Миллзом, другие серьезные аргументы против теории выдвигали Дэвид Локвуд (Lokwood, 1956), Элвин Гоулднер (Gouldner, 1959/1967, 1970) и Ирвинг Горовиц (Horowitz, 1962/1967). В 1950-х гг. эта критика рассматривалась как «партизанские вылазки», но в 1960-е гг. главенство структурного функционализма в социологии уже находилось в опасности.

Джордж Хуако (Huaco, 1986) связывает подъем и упадок структурного функционализма с положением США в мире. После того как Америка достигла лидиру-

юших позиций после 1945 г., структурный функционализм стал доминировать в социологии. Во-первых, с точки зрения Хуако, структурно-функциональная точка зрения, гласящая, что «каждый элемент имеет последствия, способствующие сохранению и выживанию более крупной системы», была «всего лишь празднованием мировой гегемонии Соединенных Штатов» (Ниасо, 1986, p. 52). Во-вторых, акцент, делавшийся структурным функционализмом на равновесии (наилучшее социальное изменение — это отсутствие изменений), согласовывалась с интересами Соединенных Штатов, в то время «богатейшей и самой могущественной империей в мире». Уменьшение влияния Соединенных Штатов в 1970-х гг. совпало с моментом, когда структурный функционализм утратил свое господствующее положение в социологической теории.

Радикальная социология в Америке: Ч. Райт Миллз

Хотя марксистская теория либо не удостаивалась внимания, либо гневно осуждалась американскими социологами главенствующего направления, существовали и исключения, самым примечательным из которых является Ч. Райт Миллз (1916-1962). Миллз заслуживает внимания своей почти единоличной попыткой сохранить марксистскую традицию в социологической теории. Современные марксистские социологи намного превзошли Миллза в теоретической изощренности, тем не менее они многим ему обязаны за личную и профессиональную активность, способствовавшую появлению базы для их творчества (Alt, 1985-1986). Миллз не был марксистом и до середины 1950-х гг. Маркса не читал. Даже потом его выбор был ограничен несколькими доступными английскими переводами, потому что он не мог читать по-немецки. Поскольку Миллз к этому времени уже опубликовал большинство своих значительных произведений, на его творчество развернутая марксистская теория не повлияла.

Миллз опубликовал две важнейшие работы, отражавшие его радикальные политические взгляды, а также его слабость в марксистской теории. Первой работой была «Белый воротничок» (1951), язвительная критика статуса работников интеллектуальных профессий. Вторым произведением стала «Властная элита» (1956), стремившаяся продемонстрировать, что в Америке доминирует небольшая группа бизнесменов, политиков и военных. Между этими книгами появилась самая теоретически сложная работа Миллза, «Характер и социальная структура» (Gerth and Mills, 1953), написанная совместно с Хансом Гертом (N. Gerth, 1993). Учитывая видную роль Миллза в истории марксистской социологической теории, любопытно, что эта книга содержала более серьезный анализ теорий Вебера и Фрейда, чем марксистской теории. Тем не менее книга была крупным теоретическим вкладом в социологию, хотя сегодня читается не многими, возможно потому, что казалась не очень соответствовавшей наиболее известным радикальным произведениям Миллза. Фактически на работу оказал влияние Ханс Герт, всерьез интересовавшийся теорией Вебера.

В 1950-х гг. Миллз заинтересовался марксизмом и проблемами третьего мира. Этот интерес нашел выражение в книге о коммунистической революции на Кубе — «Слушайте, янки: революция на Кубе» (1960) и другой книге, озаглавленной

«Марксисты» (1962). Радикализм Миллза отодвинул его на периферию американской социологии. Миллз стал предметом большой критики, и, в свою очередь, сам стал суровым критиком социологии. Его критическое отношение проявилось наиболее ярко в работе «Социологическое воображение» (1959). Следует отдельно отметить суровую критику Миллзом Талкотта Парсонса и его «больших теорий». Фактически, многим социологам была более знакома критика Миллза, чем подробности творчества Парсонса.

«Социологическое воображение» позволяет уяснить различие между личными и общественными вопросами, равно как и характер их взамосвязи. Этот подход сходен, в области социальных проблем, с взглядом, развитым в книге «Характер и социальная структура»: отношения между «личным и публичным, идущими глубоко изнутри поступками индивида и разнообразными социально-историческими явлениями» (Gerth and Mills, 1953, p. xvi). Вопрос личного и общественного, а также их связи, оказал на социологию необычайное влияние (см., например, Ritzer, 1995). Миллз умер в 1962 г., будучи изгнанником в социологии. Однако не прошло и десяти лет, как и радикальная социология, и марксистская теория начали всерьез претендовать на место в социологической дисциплине.

Развитие теории конфликта

Другим предвестником истинного союза марксизма и социологической теории стало развитие теории конфликта, альтернативной структурному функционализму. Как мы уже говорили, структурный функционализм, достигнув лидерства в социологической теории, стал подвергаться нарастающей критике. Критика была многосторонней; структурный функционализм обвиняли в политической консервативности, неспособности осуществлять социальные изменения, так как структурный функционализм во главу угла ставит статические структуры, а также в неспособности произвести адекватный анализ социального конфликта.

Одним из результатов данной критики стала попытка со стороны ряда социологов преодолеть проблемы структурного функционализма путем объединения интереса к структуре и интереса к конфликту. Эта работа положила начало развитию *теории конфликта* как альтернативе структурно-функциональной теории. К сожалению, зачастую оказывалось, что данная теория не более чем зеркальное отражение структурного функционализма с присущей ей незначительной интеллектуальной целостностью.

Первым упоминанием в теории оказалась книга Льюиса Козера (Coser, 1956), посвященная функциям социального конфликта (Jworski, 1991). В этом произведении делалась попытка изучить социальный конфликт с точки зрения структурно-функционального мировоззрения. Хотя и полезно рассматривать функции конфликта, гораздо больше можно почерпнуть, изучая сам конфликт, нежели анализируя его позитивные функции.

Другие пытались сгладить различия между структурным функционализмом и теорией конфликта (Coleman, 1971; Himes, 1966; van den Berghe, 1963). Хотя эти попытки имели некоторую практическую значимость, авторов обвиняли в попыт-

ЧАРЛЬЗ РАЙТ МИЛЛЗ; БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Чарльз Райт Миллз родился 28 августа 1916 г. в Узко, штат Техас. Он происходил из семьи, принадлежавшей к классическому среднему классу; его отец был страховым брокером, а мать домохозяйкой. Он учился в Техасском университете и к 1939 г. получил и бакалаврскую и магистерскую степени. Миллз был довольно необычным студентом, ко времени выпуска он уже имел опубликованные статьи в двух авторитетнейших социологических журналах. Миллз написал докторскую диссертацию и получил степень доктора философии в университете Висконсина (Scimecca, 1977). Первым местом его работы стал университет в Мерилэнде, но большую часть своей карьеры, с 1945 г. до смерти, он провел в Колумбийском университете.

Миллз был человеком, который торопился много успеть (Horowitz, 1983). Ко времени своей смерти в 45-летнем возрасте от четвертого сердечного приступа он привнес в социологию много важного.

Одна из наиболее примечательных черт Миллза — воинственность. Казалось., он постоянно находился в состоянии войны. У него была бурная личная жизнь с множеством связей, тремя женитьбами и детьми от каждого брака. Столь же бурной была и его профессиональная жизнь. Казалось, он боролся со всеми и вся. Будучи аспирантом в Висконсине, он нападал на своих преподавателей. Позже в одном из его ранних очерков появилась плохо скрываемая критика бывшего главы Висконсинского отделения. Он назвал главного теоретика в Висконсине, Говарда Бекера, «откровенным дураком» (Horowitz, 1983). Наконец, у него начался конфликт со своим соавтором, Хансом Тертом, назвавшим Миллза «отличным дельцом, наглым мальчишкой, многообещающим молодым человеком, стремящимся к наживе, и техасским ковбоем с ружьем и на коне» (Horowitz, 1983, p. 72). Профессором Колумбийского университета Миллз был отчужден от своих коллег. Один из них сказал:

> Между Райтом и мной не было отчуждения. Мы были отчужденными поначалу. Действительно, на поминальных службах или встрече, организованной в Колумбийском университете после его смерти, я, похоже, был единственным, кто не мог сказать: «Я был его другом, но мы несколько отдалились». Все было скорее наоборот (цит. по: Horowitz, 1983, p. 83).

Миллз был чужаком и знал об этом: «Я чужеземец, и не только географически, но по своей сути, и это навсегда» (Horowitz, 1983, p. 84). В работе «Социологическое воображение» Миллз (Mills, 1959)бросил вызов не только социологическому авторитету своего времени, Талкотту Парсонсу, но и авторитету в методологии Полу Лазарсфельду, также бывшему его коллегой по Колумбийскому университету.

Миллз не ладил не только с людьми; он был не в лучших отношениях с американским обществом в целом и критиковал его по разным позициям. Но, возможно, самым показательным был визит Миллза в Советский Союз, когда его чествовали как крупного критика американского общества, а он воспользовался случаем атаковать советскую цензуру и провозгласил тост за одного из виднейших советских деятелей ранних лет, пострадавшего от чисток и убитого сталинистами: «За день, когда полное собрание сочинений Льва Троцкого будет опубликовано в Советском Союзе!» (Tilman, 1984, p. 8).

Ч. Райт Миллз умер в Найэке, штат Нью-Йорк, 20 марта 1962 г.

ке «замаскировать» основные разногласия между этими двумя теоретическими альтернативами (A. Frank, 1966/1974).

Самой большая проблема теории конфликта заключалась в ее оторванности от теории Маркса, на идеи которой она могла бы опереться. Ведь марксистская теория была создана и развивалась вне социологии и могла бы предоставить ту базу,

на которой следовало развивать сложную социологическую теорию конфликта. Исключение составила работа Ральфа Дарендорфа (род. 1929).

Дарендорф — европейский ученый, хорошо знакомый с теорией Маркса. Он пытался представить свою теорию конфликта в марксистских традициях: В конечном счете его теория конфликта выглядела скорее как зеркальное отражение структурного функционализма, чем как марксистская теория конфликта. Главная работа Дарендорфа «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» (Dahrendorf, 1959) наиболее влиятельное произведение по теории конфликта, однако это стало возможно только благодаря тому, что она воспринималась скорее как работа по структурному функционализму, что было приемлемо для социологов лидирующего направления. Это означает, что Дарендорф действовал на том же самом уровне анализа, что и структурные функционалисты (структуры и институты) и рассматривал те же самые вопросы. (Другими словами, структурный функционализм и теория конфликта предстают частями одной и той же парадигмы; см. Приложение.) Дарендорф признавал, что хотя аспекты социальной системы могут соответствовать друг другу достаточно четко, между ними также может существовать серьезный конфликт и напряжение.

В конце концов, теорию конфликта следует рассматривать не более как переходный период в истории социологической теории. Она потерпела крах, так как прошла недостаточный путь в направлении марксистской теории. Американская социология в 1950-1960-х гг. была не готова принять вполне сформировавшийся марксистский подход. Но теория конфликта помогла наметить пути к принятию данного подхода в конце 1960-х гг.

Нам следует отметить вклад в теорию конфликта Рэндалла Коллинза (Collins, 1975, 1990, 1993). С одной стороны, изыскания Коллинза имели те же самые недостатки, что и другие работы в традициях теории конфликта: с точки зрения марксистской теории, им не хватает научности. С другой стороны, Коллинз определил еще одну слабую сторону теории конфликта и предпринял попытку преодолеть ее. Проблема заключается в том, что теория конфликта главным образом сосредоточивается на социальных структурах, действующих лицах, а также их мыслях и действиях говорится мало или же вообще ничего. Коллинз, придерживавшийся феноменологическо-этнометодологических традиций, пытался развить теорию конфликта в этом направлении.

Возникновение теории обмена

Другая важная теоретическая разработка — возникновение теории обмена. Главной фигурой в ее развитии признан Джордж Хоманс, социолог, творчества которого мы касались ранее, когда рассматривали психологический бихевиоризм Б. Ф. Скиннера. Бихевиоризм Скиннера — основа как социологической теории обмена, так и теории обмена Хоманса.

Неудовлетворенный дедуктивной стратегией Парсонса в отношении развития теории, Хоманс вел поиски реальной альтернативы, чтобы трактовать социологическую теорию индуктивно. Кроме того, Хоманс хотел остаться вдалеке от культурного и структурного средоточий парсоновской теории и вместо этого сделать акцент

на людях и их поведении. В связи с этим Хоманс обратился к работе своего коллеги по Гарварду, Б. Ф. Скиннеру. Сначала Хоманс не понимал, как утверждение Скиннера, объясняющее поведение голубей, может быть использовано для понимания социального поведения. Но, по мере того как Хоманс все глубже изучал данные социологического исследования малых групп и антропологического исследования первобытных обществ, он начал замечать, что бихевиоризм Скиннера вполне применим и представляет собой теоретическую альтернативу структурному функционализму в стиле Парсонса. Осознание этого привело к написанию в 1958 г. статьи, озаглавленной «Социальное поведение как обмен», а в 1961 г. полномасштабному изложению теоретических позиций Хоманса в книге «Социальное поведение: его элементарные формы». Эти произведения представили теорию обмена как важную перспективу в социологии. С тех пор теория обмена привлекала внимание многих, отзывающихся о ней как позитивно, так и негативно.

Точка зрения Хоманса заключается в том, что суть социологии лежит в изучении индивидуального поведения и взаимодействия. Ученого мало интересовало сознание или различные виды крупномасштабных структур и институтов, которых касались большинство социологов. Его основной интерес затрагивал, скорее, модели подкрепления, историю вознаграждений и последствий, которые заставляют людей делать то, что они делают. Так, Хоманс утверждал, что люди продолжают действовать подобным образом, если их поступки в прошлом были вознаграждены. И наоборот, они воздерживаются от действий, которые в прошлом имели негативные последствия. Для того чтобы объяснить поведение, мы должны прежде всего узнать историю вознаграждений и наказаний индивида. Таким образом, в центре внимания социологии должно быть не сознание и не социальные структуры и институты, а модели подкрепления.

Как следует из названия, теория обмена занимается не только индивидуальным поведением, но также взаимодействием между людьми, включая обмен вознаграждениями и издержки. Предпосылка заключается в том, что взаимодействия, вероятно, продолжаются, когда есть обмен вознаграждениями. И наоборот, взаимодействия, обошедшиеся слишком дорого для одной или обеих сторон, вряд ли будут продолжены.

Другим основным утверждением в теории обмена стала книга Питера Блау «Обмен и власть в социальной жизни», опубликованная в 1964 г. Блау, в целом, следовал идеям Хоманса, но его точка зрения имела одно важное отличие. Если Хоманс довольствовался рассмотрением, главным образом, элементарных форм социального поведения, то Блау хотел дополнить это обменом на структурном и культурном уровнях, начиная с обменов между индивидами и далее переходя к более крупным структурам, которые возникали на основе обмена. Блау останавливался на изучении обмена, происходящем между крупномасштабными структурами. Такой подход полностью отличается от теории обмена, представленной Хомансом. В некотором смысле, он представляет собой возврат к теоретизированию в стиле Парсонса, что Хоманс считал нежелательным. Тем не менее попытка иметь дело как с мелко, так и с крупномасштабным обменом интегрированным способом оказались важным теоретическим шагом.

Хотя его затмили на многие годы Хоманс и Блау, Ричард Эмерсон (Emerson, 1981) появился в качестве центральной фигуры в теории обмена (Cooc and Whitmeyer, готовится к изданию; Molm and Cooc, 1995). В частности, он известен благодаря своей попытке разработать более интегрированный микро-макроподход к теории обмена. Теория обмена в настоящее время — важная составная часть социологической теории и продолжает привлекать новых приверженцев и осваивать новые направления (Cook, O'Brien, and Kollock, 1990; Szmatka and Mazur, 1996; см. также дальше).

Драматургический анализ: творчество Ирвинга Гофмана

Об Ирвинге Гофмане (1922-1982) часто говорят как о последнем крупном мыслителе, который стоял у истоков Чикагской школы (Travers, 1992; Tseelon, 1992); Файн и Мэннинг считают его, бесспорно, самым влиятельным социологом Америки XX в. Он получил степень доктора философии в Чикаго в 1953 г., спустя год после отъезда Герберта Блумера (который был учителем Гофмана) из Чикаго в Беркли. Вскоре после этого Гофман последовал за Блумером, где вместе с ним разрабатывал центральные положения символического интеракционизма. Однако ситуация, которая складывалась в Беркли, была далека от той атмосферы, которая царила в Чикаго. Тот период, когда Блумер славился как организатор, миновал, а Гофману не удалось собрать вокруг себя группу аспирантов. После 1952 г. символический интеракционизм стал приходить в упадок, хотя и оставался выдающейся социологической теорией.

Несмотря на закат символического интеракционизма, Гофман прочно занял особое место в современной социологической теории (Manning, 1992). В период с 1950-х по 1970-е гг. Гофман издал серию книг и очерков, которые дали жизнь драматургическому анализу как варианту символического интеракционизма. Хотя Гофман позднее изменил свои взгляды, он наиболее известен как автор *драматургической теории.*

Знаменитая работа «Представление себя другим в повседневной жизни», в которой излагается драматургическая теория Гофмана, была опубликована в 1959 г. Гофман видел много общего между театральными представлениями и своего рода «актами», которые мы все совершаем в своей повседневной жизни и, соответственно, взаимодействиях. Взаимодействия, поддерживаемые социальным исполнением, изображены как очень хрупкие. Плохое исполнение или провал рассматриваются как большая угроза социальному взаимодействию, аналогично театральному представлению.

Гофман зашел довольно далеко, проводя аналогию между сценой и социальным взаимодействием. Во всяком социальном взаимодействии есть *передний план,* который соответствует авансцене в театральном представлении. Считается, что для действующих лиц как на сцене, так и в общественной жизни имеют значение внешний вид, костюмы и используемый реквизит. Кроме того, у тех и других есть *задний план,* место, куда действующие лица могут удалиться, чтобы приготовиться к исполнению. В глубине сцены или за кулисами, выражаясь театральными терминами, исполнители могут сбросить маски и быть самими собой.

Драматургический анализ четко согласуется со своими символико-интеракционными корнями. Центральное место в процессе анализа отводится действующему лицу, действию и взаимодействию. Работая на той же самой арене, на которой когда-то возник традиционный символический интеракционизм, Гофман нашел блестящую метафору на примере театра, и таким образом смог пролить новый свет на мелкомасштабные социальные процессы (Manning, 1991, 1992).

Сегодня труды Гофмана читаются многими и пользуются признанием благодаря оригинальности и проницательности автора (R. Collins, 1986b; Ditton, 1980). Существует и несколько критических отзывов о его творчестве. Во-первых, некоторые считают, что Гофман интересовался, скорее, эзотерическими темами, чем по-настоящему существенными аспектами социальной жизни. Во-вторых, он был микротеоретиком в эру, когда великие награды ушли к создателям макротеорий. Как говорит Рэндалл Коллинз: «Чем больше мы смотрим на эту [Гофмана] работу... тем больше он видится как ведущая фигура в микросоциологии в наше время» (1981c, p. 6). В-третьих, немногие были способны подвести теоретическую базу под его идеи. В самом деле, некоторые полагали, что творчество Гофмана невозможно брать за основу. Его можно рассматривать как не более чем серию идиосинкратических вспышек блестящей проницательности. Наконец, мало теоретических работ было выполнено другими в драматургических традициях (исключения составляют Lyman and Scott [1970]).

Единственной сферой, где творчество Гофмана оказалось весьма полезным, стало эмпирическое исследование, применившее его драматургический подход (Meyrowitz, 1995; Shirazi-Mahajan, 1995; Sijuwade, 1995).

Развитие социологии повседневности

1960-е и 1970-е гг. стали свидетелями бума (Ritzer, 1975a, 1975b) вокруг нескольких теоретических изысканий, которые можно объединить под общим понятием социологии повседневности *(J.* Douglas, 1980; Weigert, 1981).

Феноменологическая социология и работа Альфреда Шюца (1899-1959)

Философия феноменологии, в центре внимания которой находится сознание, имеет долгую историю. Попытку разработать социологический вариант феноменологии можно проследить на примере «Феноменологии социального мира» Альфреда Шюца, вышедшей в 1932 г. в Германии. До 1967 г. она не переводилась на английский язык, в результате чего только недавно произвела сильный эффект на американскую социологическую теорию. Шюц прибыл в Соединенные Штаты в - 1939 г., спасаясь бегством от нацистов, занявших Австрию. Вскоре он получил Место в Новой Школе социальных исследований *(New School for Social Research)* в Нью-Йорке и смог работать над развитием феноменологической, а позднее и эт-Нометодологической социологии в Соединенных Штатах.

Шюц опирался на феноменологическую философию Эдмунда Гуссерля, которая была нацелена внутрь, на понимание трансцендентального эго и которая направляла его вовне, к рассмотрению интерсубъективности (Rogers, готовится

к изданию). Шюца главным образом интересовал способ, которым люди постигают сознание других, в то время как живут в пределах своего собственного потока сознания. Шюц также использовал понятие интерсубъективности в более широком смысле, чтобы обозначить отношение с социальным миром, особенно социальной природой знаний.

Многие из трудов Шюца акцентируют внимание на аспекте социальной жизни, называемой *жизненный мир* или мир повседневности. Это интерсубъективный мир, в котором люди выступают, с одной стороны, в качестве созидателей социальной реальности, а с другой стороны, сдерживаются ранее образовавшимися социальными и культурными структурами, созданными их предками. Несмотря на то что многое в жизненном мире разделяется многими людьми, существуют также частные (биографически определенные) аспекты этого мира. Внутри понятия «жизненный мир» Шюц различал интимные отношения лицом к лицу («мы-отношения») и сдержанные безличные отношения («они-отношения»). Хотя межличностные отношения имеют большое значение в жизненном мире, для социологов гораздо проще исследовать с научной точки зрения отношения более безличного характера. Со временем Шюц перестал интересоваться проблемами сознания и обратился к интерсубъективному жизненному миру, однако он выдвигал предположения о сознании, в частности, в своих размышлениях о значении и людских мотивах.

Шюц интересовался диалектическими отношениями способа, посредством которого люди строят социальную реальность, и жестокостью социальной и культурной действительности, которую они наследуют от своих предшественников в социальном мире.

Середина 1960-х гг. стала критическим периодом в развитии феноменологической социологии. Этот период был ознаменован выходом в свет перевода основного произведения Альфреда Щюца и публикацией собрания его очерков. В то же время Питер Бергер и Томас Лукманн совместно работали над книгой «Социальное конструирование реальности» (Berger and Luckmann, 1967), которая стала одной из самых читаемых теоретических работ того времени. Она внесла по крайней мере два важных вклада. Во-первых, в этой книге были представлены идеи Шюца в доступной широкой американской аудитории манере. Во-вторых, в ней представлена попытка объединить взгляды Шюца с точкой зрения основного направления социологии.

Этнометодология

Несмотря на существенные различия этнометодологию и феноменологию нередко приравнивают друг к другу (Langsdorf, 1995). Данный факт отчасти можно объяснить тем, что создатель теоретического направления Гарольд Гарфинкель был студентом Альфреда Шюца в Новой школе. Интересно, что Гарфинкель прежде учился у Толкотта Парсонса, и именно объединение идей Парсонса и Шюца способствовало тому, что этнометодология оформилась в самостоятельное направление социологии.

Гилберт (Hilbert, 1992) недавно пролил свет на источники идей Гарфинкеля и основы этнометодологии в целом. Несмотря на то что Гарфинкель был студентом

Парсонса, он отвергал структурно-фукциональные взгляды последнего и лишь постепенно пришел к тем классическим социологическим идеям, которые отражены в трудах Дюркгейма и Вебера (Hilbert, 1992). В частности, соглашаясь с основными идеями Парсонса, например, важностью нормативных предписаний и совместных соглашений, Гарфинкель отклонял главную его предпосылку, которая гласит: нормативный порядок независим от поведенческого порядка и влияет (посредством социализации) на соблюдение правил поведения. Вместо теоретических абстракций Парсонса в центре внимания Гарфинкеля находились эмпирические исследования повседневного мира. Таким образом, Гарфинкель продолжал заниматься парсонианскими проблемами порядка и общества не в теории, а «детально их прорабатывая применительно к действительной ситуации... чтобы эти проблемы разрешить» (Button, 1991, p. 6-7). В своих исследованиях Гарфинкель открыл разнообразие социологических принципов, согласующихся с работами Дюркгейма и Вебера. Во-первых, он обнаружил, что социальный мир не овеществлен. Это не соответствует тенденции Парсонса овеществлять культурные (и социальные) системы, зато перекликается с отказом Вебера материализовать социальную структуру и тенденцией Дюркгейма исследовать, не овеществляя, внешние и принудительные социальные факторы. Во-вторых, обязательное для Гарфинкеля эмпирическое исследование противоречит стремлению Парсонса создать научную теорию и более соответствует склонности Вебера и Дюркгейма к эмпиризму.

Получив в 1952 г. в Гарварде степень доктора философии, Гарфинкель обосновался в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (Heritage, 1984; Rawls готовится к изданию). Именно там Гарфинкель вместе со своими аспирантами разработал этнометодологию. С годами из его окружения вышел ряд крупных этнометодологов. Если мы посмотрим, где в первую очередь развивалась этнометодология, то увидим, что она явилась первым характерным детищем социологической мысли Западного побережья и долгое время занимала там центральные позиции. Сегодня этнометодологов можно встретить и на остальной территории Соединенных Штатов, а также в других уголках мира, особенно в Великобритании.

К этнометодологии широкое общественное признание стало приходить с публикацией в 1967 г. «Исследований в этнометодологии» Гарфинкеля. Хотя книга была написана сложным и непонятным языком, она вызвала большой интерес. Тот факт, что книга вышла одновременно с «Феноменологией социального мира» Шюца, а также с «Социальным конструированием реальности» Бергера и Лукмана, казалось, указывал, на то, что социология повседневности достигла пика своего развития.

В своей основе *этнометодология* представляет собой исследование «структуры разумного знания и серии операций и соображений [методов], посредством которых обычные члены общества понимают смысл этого знания, получают к нему Доступ и действуют по обстоятельствам, в которых находятся» (Heritage, 1984, p. 4). С большой натяжкой можно сказать, что писатели этого течения работают в направлении исследования повседневной жизни. В то время как социологи-феноМенологи стремились сосредоточиться на том, что люди думают, этнометодологов в большей степени интересовало то, что люди делают. Таким образом, этномето-

дологи уделили много внимания подробному исследованию разговоров. Подобные мирские интересы были совершенно противоположны увлечениям многих социологов основного направления такими абстракциями, как бюрократия, капитализм, разделение труда и социальная система. Этнометодологов, возможно, интересовал способ, посредством которого эти структуры воссоздаются в повседневной жизни; сами по себе подобные структуры как феномены их не интересовали.

Этнометодология носит эмпирический характер. Этнометодологи, главным образом, склонны теоретизировать о социальном мире, предпочитая изучать его на месте. Это ставит под сомнение правомерность включения этнометодологии в данную книгу. Как говорит Баттон, «Этнометодология... никогда не была вовлечена в дело теоретизирования» или «Мысль, что этнометодология есть *теория*... привела бы в недоумение многих этнометодологов» (1991, p. 4, 9). Но этнометодология рассматривается в этой книге, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, основной предпосылкой ее возникновения была враждебная критика разных аспектов социальной теории, и из этих нападок мы многое узнаем об этнометодологии (и традиционной теории). Во-вторых, открытия этнометодологических исследований используются для создания теорий повседневной жизни (как мы увидим на примере творчества Энтони Гидденса).

По-видимому, существовало что-то, связанное с этнометодологией, что пугало социологов основного направления, все еще находящихся во власти дисциплины. Фактически, как феноменология, так и, что еще важнее, этнометодология, были предметами несколько жестоких нападок со стороны социологов основного направления. Вот два примера. Первый взят из рецензии Джеймса Коулмена на «Исследования в этнометодологии» Гарфинкеля:

> Гарфинкелю совершенно не удалось проникнуть в суть данного подхода... Возможно, программа была бы более успешной в руках кого-то более проницательного, но в данном случае она оказалось на редкость неэффективной... ... Эта глава — еще одно большое бедствие, в котором сочетается холодный расчет специалистов, вызывающих восхищение своими математическими познаниями, технический сумбур и заблуждения, характеризующие впечатлительного клинициста, а также отсутствие проницательности и технической компетенции способного творчески мыслить и хорошо подготовленного социолога.
>
> Опять же, Гарфинкель хорошо разрабатывает вопросы, которые настолько банальны, что могли бы показаться пошлыми, если бы были сформулированы на простом английском. Поскольку это так, то коэффициент отношения времени чтения ко времени, необходимому для передачи информации, очень высок, так что в процессе чтения тривиальности не замечаешь (Coleman, 1968, p. 126-130)

Второй пример — президентское обращение Льюиса Коузера к Американской Социологической Ассоциации, сделанное в 1975 г.. Коузер находил в этнометодологии мало положительных качеств и подвергал ее жесткой критике, по большому счету очерняя и наклеивая ярлыки «банальной», «массового бегства от действительности», «оргии субъективизма» и «потакающего своим желаниям предприятия». Горечь этих и других нападок может быть показателем того, в какой степени эти нападки представляли угрозу положению дел в социологии.

Сегодня этнометодология преодолела важный этап ранней оппозиции и в значительной степени стала признанным компонентом социологической теории. Например, в настоящее время привычно встречать работы социологов на страницах главных журналов основного направления социологии, таких как «Американское социологическое обозрение» (например, Greatbatch and Dingwall, 1997). Однако это признание далеко не полное, как шутливо заметил Поллнер (Pollner, 1991, p. 370): немногие социологи хотят, чтобы их дети сочетались браком с эт-нометодологом, а тем более были этнометодологами сами, и поэтому редко обращаются к ним. Тем не менее, дисциплина признает и начинает воплощать вклады того, к чему когда-то относилась как к отвергнутому. Другие этнометодологи жалуются на то, что их направление искажено, доведено до абсурда и неправильно понято (Button, 1991).

Последние несколько страниц этой книги были посвящены некоторым микро-теориям: теории обмена, феноменологической теории и этнометодологии. Хотя в последних двух теориях разделяется мнение о вдумчивом и творческом действующем лице, подобный взгляд не поддерживается сторонниками теории обмена. Тем не менее все три теории изначально имеют микроориентацию на исполнителей, их действия и поведение. В 1970-х гг. подобные теории упрочились в социологии и были готовы заменить более макроориентированные теории (такие, как структурный функционализм, теория конфликта, неомарксистские теории) в качестве доминантных теорий в социологии (Knorr-Cetina, 1981a; Ritzer, 1985).

Расцвет и упадок (?) марксистской социологии

В конце 1960-х гг. марксистская теория наконец начала «вторжение» в американскую социологическую теорию (Cerullo, 1994; Jay, 1984). На это есть ряд причин. Во-первых, господствующая теория (структурный функционализм) подвергалась враждебной критике по ряду позиций, включая излишнюю консервативность. Во-вторых, радикальная социология Миллза и теория конфликта, хотя и не представляли собой сложное марксистское учение, заложили основу американской теории в рамках марксистской традиции. В-третьих, 1960-е гг. стали эрой негритянских протестов, пробуждением женского и студенческого движений, а также движения против войны во Вьетнаме. Многих из молодых социологов, обучавшихся в этой атмосфере, привлекли радикальные идеи. Сначала данный интерес проявлялся в том, что тогда называлось «радикальной социологией» (Colfax and Roach, 1971). Радикальная социология была полезной, поскольку она работала, но подобно творчеству Миллза, она была довольно неубедительной в том, что касалось деталей марксистской теории.

Трудно выбрать какое-либо одно произведение, ставшее существенным для развития марксистской теории в Америке, но «Социология Маркса» Генри Лефев-ра (Lefevr, 1968) на самом деле сыграла важную роль. Ее важность заключалась в основном аргументе, который гласил, что Маркс хотя не был социологом, все же в своих работах затрагивал многие социологические проблемы. Возрастающее Число социологов обращались как к работам самого Маркса, так и многих марксистов за идеями, которые могли бы способствовать развитию марксистской со-

циологии. На первых порах это означало, что американские теоретики, наконец, всерьез занялись чтением Маркса, в дальнейшем американские социологи отметили важность многих положений марксистского учения.

Американских теоретиков больше, чем кого-либо другого, привлекала деятельность критической школы, в частности из-за того, что она объединяла теории Маркса и Вебера. Многие произведения были переведены на английский , а некоторые ученые написали книги о критической школе (например, Jay, 1973; Kellner, 1993).

Вместе с тем рост интереса явился институциональной поддержкой для подобного направления. Несколько журналистов уделили значительное внимание марксистской социологической теории, включая «Теорию и общество», «Телос», «Марксистские исследования». Секция марксистской социологии была создана в Американской Социологической Ассоциации в 1977 г. Не только первое поколение теоретиков-критиков стало хорошо известно в Америке, но также получили широкое признание мыслители второго поколения, особенно Юрген Хабермас.

Развитие важных положений американской социологии, сделанных с марксистской точки зрения, имело огромное значение. Так одна группа социологов занималась исторической социологией в соответствии с марксистскими воззрениями (например, Skocpol, 1979; Wallerstein, 1974,1980, 1989). Другая же группа анализировала экономическую сферу с точки зрения социологии (например, Baran and Sweezy, 1966; Braverman, 1974; Burawoy, 1979). Во многом увлечение традиционной эмпирической социологией диктуется здравым смыслом, заключенным в марксистской теории (например, Kohn,1976).

Однако с распадом Советского Союза и крахом марксистского строя в мире в 1990-х гг. марксистская теория переживала тяжелые времена. Некоторые остались неперестроившимися марксистами; другие создали видоизмененные версии марксистской теории (см. ниже обсуждение пост-марксистов; также существует журнал, называемый «Переосмысление марксизма»). Иные пришли к заключению, что марксистскую теорию следует оставить. Выразителем последней точки зрения стал Рональд Аронсон со своей книгой «После марксизма» (1995). В самом начале книги рассказывается такая история: «Марксизм закончен, и мы теперь сами по себе» (Aronson, 1995, p. 1). И это мы слышим от признанного марксиста! Несмотря на допущение Аронсона, что некоторые продолжат работать с марксистской теорией, он предостерегает, что их деятельность не станет частью более крупного марксистского проекта социальных преобразований. Это значит, что марксистская теория больше не связана, как хотел Маркс, с планом, нацеленным на изменение базиса общества; это теория без практики. Бывшие марксисты сами по себе в том смысле, что не могут больше полагаться на марксистский план, а скорее должны бороться с современным обществом своими «собственными силами и энергией» (Aronson, 1995, p. 4).

Аронсон входит в число наиболее радикальных критиков марксизма, принадлежащих к марксистскому лагерю. Другие признают трудности, но пытаются разными способами адаптировать некоторые варианты марксистской теории к современной действительности (Brugger, 1995; Kellner, 1995). Тем не менее более

Крупные социальные изменения поставили под серьезное сомнение теоретиков-марксистов, которые отчаянно пытаются приспособиться к этим изменениям различными способами. Что бы ни говорилось, «дни славы» марксистской социальной теории миновали. Общественные теоретики-марксисты различных типов выживут, но они не достигнут статуса и силы своих предшественников в недавней истории социологии.

Вызов со стороны феминистской теории

Начиная с конца 1970-х гг., как раз в тот момент, когда марксистская социология получила признание со стороны американских социологов, новое теоретическое направление, возникшее за рамками социологии, бросило вызов упрочившимся социологическим теориям и даже самой теории Маркса. Это более поздний вид радикальной социологической мысли — современная феминистская теория, которая расширила свои рамки, стала более сложной и повлияла на социологию в XX в. Развитие современной феминистской теории основано на новом подъеме активности женщин в борьбе за полное гражданское равенство — так называемая «вторая» волна женского движения, начавшегося в 1960-е гг (Первый этап, или волна мобилизации, относится к первым годам столетия и последнему десятилетию; он достиг высшей точки своего развития в 1920, когда женщины добились права принимать участие в голосовании.)

Возникновению новой волны феминистской активности способствовали три фактора: общая атмосфера критического мышления, которым характеризовался тот период; сексизм, проявляемый либералами и радикалами-мужчинами по отношению к стремлению женщин принимать активное участие в движении за гражданские права, в антивоенных и студенческих выступлениях и приводивший лидеров женских движений в ярость (Densimore, 1973; Evans, 1980; Shreve, 1989; Snitov, Stansell, and Thompson, 1983); а также предвзятость и дискриминация, которые женщины постоянно испытывали при найме на работу и получении высшего образования (Bookman and Morgen, 1988; Caplan, 1993; Garland, 1988; MacKinnon, 1979). По этим причинам, в особенности последней, женское Движение продолжало существовать и в 1990-х, несмотря на то что многие другие движения 1960-х гг. угасли. Более того, все эти годы политическая активность женщин и во имя женщин стала международным феноменом, который охватил представительниц прекрасного пола многих обществ и живущих в наиболее стратификационных поселениях Северной Америки. Творчество феминистов сейчас переживает свою «третью волну», благодаря произведениям женщин, которым предстоит большую часть сознательной жизни провести в XXI в. (C. Baily, 1997; Orr, 1997).

Главная черта данного международного женского движения — появление новой литературы, посвященной женщинам, что делает открытыми все до сих пор скрытые аспекты женской жизни и переживаний. Эта литература, которую называют *исследованиями женщин* или *новой наукой о женщинах,* представлена творчеством писателей из разных стран и различных областей знаний, рожденным как в стенах, так и за пределами университетов, и адресованным как широкой обще-

ственности, так и специфически академической аудитории. Одним из самых ярких примеров последних лет, подтверждающих, что интеллектуальная деятельность активно продолжается, служит тот факт, что феминисты впервые подвергли многосторонней критике ту систему, в которой женщины занимают подчиненное положение, благодаря чему стала очевидной сложность этой системы.

Феминистская теория — теоретическая «нить», проходящая сквозь литературу подобного рода: иногда она прослеживается в произведениях на такие самостоятельные проблемы, как работа (Daniels, 1988; Devault, 1991; Hochschild, 1989, 1997; Kanter, 1977; Pierce, 1995; Rollins, 1985) или изнасилование (Sanday, 1990, 1996; Scully, 1990), или поп-культура (McCaughey, 1997; Radway, 1984); иногда феминистская теория четко представлена и занимает центральное место, как, например, в анализах материнства Адрианны Рич (Rich, 1976), Ненси Чодороу (Chodorow, 1978) и Джессики Бенджамин (Benjamin, 1988); и все в большей степени становится единственной, четкой темой ряда произведений. Определенные утверждения этих, опубликованных недавно в большом количестве работ исключительно теоретического содержания, признаны особенно выдающимися в социологии, потому что они направляются в данную область знаний людьми, хорошо сведущими в социологической теории (Chafetz, 1984; P.Collins, 1990, 1998; LengermannandNiebrugge-Brantley, 1990; Lengermann and Niebrugge, 1995; D. Smith, 1979, 1987, 1990a, 1990b, 1992, 1993; Stacey and Thorn, 1985; Wallace, 1989). В число журналов, представивших феминистскую теорию вниманию социологов, входят *«Знаки», «Исследования феминизма», «Социологическое исследование»* и *«Тендер и общество»,* так как этим занимается профессиональная ассоциация «Социологи за положение женщин в обществе» (Sociologists for Woman in Society, SWS) и Национальная ассоциация изучения женщин *{National Women's Studies Assotiation,* NWS A).

Феминистская теория смотрит на мир глазами женщин — ранее не признаваемого и не замечаемого меньшинства. Ее цель — открытие важных, но непризнанных методов, благодаря которым деятельность женщин (находящихся в подчиненном положении по половому признаку и подвергающихся разнообразным воздействиям других стратификационных категорий, таких как класс, раса, возраст, вынужденная гетеросексуальность и геосоциальное неравенство) помогает создавать наш мир. Эта точка зрения коренным образом меняет наше понимание социальной жизни. На этом основании феминисты-теоретики бросили вызов социологической теории.

Те, кто бросает этот вызов, доказывают, что социологи упорно отказывались включать положения нового учения о женщинах в свое понимание социального мира в рамках дисциплины. Напротив, социологи-феминисты были изолированы от основного направления социологии, а исчерпывающая феминистская теория социальной организации сводилась к единственной исследовательской переменной — полу, и простому социально-ролевому образцу — тендеру (Alway, 1995; Laslett and Thome, 1992; Lemert, 1992b; D. Smith, 1990b; Stacey and Thorne, 1985, 1996; R. Wallace, 1989; Yetman, 1987). Сначала эти обвинения кажутся обоснован-

ными. Причины, по которым феминистская теория несколько обособлена от социологии, возможно, кроются в глубоких антиженских, антифеминистских предрассудках и сомнении насчет научной достоверности этой теории, тесно связанной с политической активностью. Также полному принятию феминистской теории мешает тот факт, что для социологической теории и практики смысл первой представляется глубоко радикальным, что заставляет относиться к ней с осторожностью. Кроме того, эти феминистские произведения сейчас составляют критическую массу в социологии. Они предлагают существующую парадигму для изучения социальной жизни. А те, чей опыт и восприятие делают их восприимчивой аудиторией для этой теории — женщины вообще, а также женщины и мужчины, находящиеся под влиянием феминизма в частности, теперь, возможно, составляют численное большинство в социологическом сообществе. По всем этим причинам феминистская теория все более проникает в дисциплину, занимая все ее подразделения, влияя на многие из ее давно упрочившихся теорий, как макро, так и мик-ро, и взаимодействуя с новыми постструктуралистскими и постмодернистскими разработками, описываемыми ниже.

Структурализм и постструктурализм

Событием, имеющим отношение к данному вопросу, которое мы уже немного затронули выше, явилсяся рост интереса к *структурализму* (Lemert, 1990). Обычно наблюдавшийся во Франции (и часто называвшийся *французским структурализмом* [Clark and Clark, 1982; Kurzweil, 1980]) структурализм в настоящее время стал международным феноменом. Несмотря на то, что его истоки лежат вне социологии, структурализм проложил себе путь в социологию. Проблема состоит в том, что структурализм в социологии еще настолько не разработан, что ему сложно дать точное определение. Ситуация обостряется тем, что хотя структурализм развивается более-менее одновременно в ряде областей знаний; трудно отыскать какое-либо одно последовательное утверждение структурализма. Действительно, разные направления структурализма значительно отличаются друг от друга.

Мы можем получить предварительное представление о структурализме, описывая основные различия, существующие между сторонниками структуралистского направления. Одни делают акцент на «глубинных структурах разума», как они именуют данный феномен. Их точка зрения заключается в том, что эти подсознательные структуры заставляют людей думать и действовать так, как они и поступают. В качестве примера этого течения может быть рассмотрено творчество психоаналитика Зигмунда Фрейда. Другие структуралисты во главу угла ставят незримые более крупные структуры общества и рассматривают их в качестве детерминант действий людей, а также общества в целом. Иногда полагали, что этот вид структурализма применял Маркс, акцентировавший внимание на невидимых экономических структурах капиталистического общества. Еще одна группа рассматривает структуры как модели социального мира, которые эти структуры создают. Наконец, ряд структуралистов занимается изучением диалектических отношений между индивидами и социальными структурами. Они рассматривают

связь между структурами разума и структурами общества. С этой точкой зрения часто связывают имя антрополога Клода Леви-Стросса.

По мере того как структурализм развивался в рамках социологии, вне социологии разрабатывалось движение, выходившее за пределы ранних предпосылок структурализма: *постструктурализм* (Lemert, 1990). Основной представитель постструктурализма — Мишель Фуко (J. Miller, 1993). В своих ранних работах Фуко заострял внимание на структурах, но позже вышел за границы структур, чтобы сосредоточиться на власти и зависимости между знанием и властью. В общих словах, постструктуралисты принимали важность структуры, но выходили за ее пределы, чтобы охватить более широкий диапазон других интересов.

Постструктурализм важен не только сам по себе, но еще и потому, что его часто рассматривают в качестве предвестника социальной теории постмодернизма (которая будет обсуждена позднее в этой главе). На самом деле, очень сложно, если не сказать невозможно, провести четкую линию между постструктурализмом и социальной теорией постмодернизма. Таким образом, Фуко, постструктуралист, часто рассматривается как постмодернист, тогда как деятельность Жана Бодрийара (Baudrillard, 972/1981), к которому часто приклеивают ярлык постмодерниста, на самом деле имела постсруктуралистский характер, особенно в начале его карьеры.

Развитие социологической теории в наши дни

Если до сих пор мы обсуждали многие события, не потерявшие свою важность в конце XX в., в этом разделе мы будем иметь дело с тремя крупными наиважнейшими движениями: микро-макроинтеграцией, интеграцией действия и структуры и теоретическим синтезом.

Микро-макроинтеграция

Многие из последних работ в социологической теории были посвящены изучению зависимости между микро- и макротеориями и уровнями анализа. Я доказал, что микро-макрозависимость занимала центральное место в американской социологической теории в 1980-х гг. и продолжала оставаться в центре внимания в 1990-х (Ritzer, 1990a). (Появлению современного американского учения о микро-макрозависимости предшествовало творчество европейского социолога Норберта Элиаса, внесшего большой вклад [Elias, 1939/1994] в наше понимание отношений между микроуровневыми способами действий и макроуровневым состоянием.)

Существует целый ряд примеров попыток связать микро-макро уровни анализа и/или теорий. В своей работе (Ritzer, 1979, 1981a) я пытался разработать интегрированную социологическую парадигму, которая объединяет микро- и макроуровни как в объективных, так и в субъективных формах. С моей точки зрения, необходимо иметь дело сразу с четырьмя основными уровнями социального анализа: макросубъективность, макрообъективность, микросубъективность и микрообъективность. Джеффри Александер (Alexander, 1982-1983) создал «многомерную социологию», предмет которой — модель уровней анализа. В ее основе

(Alexander, 1987) лежат проблема порядка и проблема действия. Порядок, согласно Александеру, имеет индивидуальный (микро) и коллективный (макро) уровни. Действие, как считается, обладает материалистическим (объективным) и идеалистическим (субъективным) уровнями. Из этих двух постоянных Александер выводит четыре основных уровня анализа: коллективно-идеалистический, коллективно-материалистический, индивидуально-идеалистический и индивидуально-материалистический. Несмотря на то что полная модель, разработанная Александером, поразительно похожа на мою, Александер отдает приоритет коллективно-идеалистическому уровню, в то время как я настаиваю, что мы должны заниматься диалектическими отношениями между всеми уровнями. Схожие подходы разрабатывались Норбертом Уайли (Wiley, 1988), который также описывает четыре очень похожих основных уровня анализа — личность или индивид, взаимодействие, социальная структура и культура. Однако если Александер и я делаем акцент как на объективном, так и на субъективном уровнях, уровни Уайли чисто субъективные. Джеймс Коулмен (Coleman, 1986) сконцентрировался на проблеме «от микро к макро», тогда как Аллен Лиска (Liska, 1990) расширил подход Коулмена, чтобы изучить также проблему «от макро к микро». Чуть позже Коулмен (Coleman, 1990) расширил свою «от микро- к макро» модель и разработал намного более сложную теорию микро-макроотношений, основанную на подходе рационального выбора, заимствованного из экономики (см. ниже).

Интеграция действия и структуры[1]

Параллельно развитию интереса в Соединенных Штатах к микро-макроинтеграции в Европе наблюдался рост внимания к агент-структурной интеграции (Sztompka, 1994). Точно так же как я рассматривал микро-макро проблему в качестве центральной задачи американской теории, Маргарет Арчер (Archer, 1988) считает тему действия и структуры основным вопросом в европейской социальной теории. Несмотря на то что в литературе, посвященной микро-макро и агент-структурной интеграции, можно отыскать много схожих черт (Ritzer and Gindoff, 1992, 1994), между ними также существуют значительные отличия. Например, такие коллективы, как трудовые союзы, также могут выступать и в качестве агентов, которые обычно рассматриваются на микроуровне. И, наоборот, структуры, обычно представляющие собой макроуровневые феномены, можно обнаружить и на микроуровне. Таким образом, мы должны быть очень осмотрительными, когда ставим знак равенства между двумя этими направлениями.

В современной европейской социальной теории существуют четыре основные точки зрения на проблему интеграции действия и структуры. Первая — структурационная теория Энтони Гидденса (Giddens, 1984). Ключевым моментом в подходе Гидденса является то, что он рассматривает действие и структуру как «дуальность». Это означает, что они не могут быть изолированы друг от друга: агент вовлечен в структуру, а структура включена в агента. Гидденс отказывается счи-

[1] Данную проблему в литературе обозначают как «объединение (интеграция) действия и структуры», «агент-структурная интеграция», структура и воля.» — *Прим. перев.*

тать структуру просто сдерживающей принуждающей (как, например, Дюрк-гейм), но видит ее как сдерживающей, *так и* дающей возможность. Маргарет Ар-чер (Archer, 1982) не считает, что к агенту и структуре можно подходить как к дуальности, а скорее рассматривает их как дуализм. Это означает, что действие и структура могут и должны быть изолированы. Различая их, мы начинаем лучше анализировать соотношение одного к другому. Арчер (Archer, 1988) знаменита еще и потому, что, подняла в литературе по агент-структурной интеграции вопрос о соотношении между культурой и действием, а совсем недавно развила более общую агент-структурную теорию (Archer, 1995).

Если Гидденс и Арчер из Британии, то третьей основной фигурой современности, имеющей отношение к интеграции действия и структуры, является француз Пьер Бурдье (Bourdieu and Wacquant, 1992; Swartz, 1997). В творчестве Бурдье проблема действия-структуры преобразуется в интерес к соотношению между габитусом и полем. *Габитус* — интернализованная психическая, или когнитивная, структура, посредством которой люди взаимодействуют с социальным миром. Габитус формирует общество, но в то же время и сам создается им. *Поле* — это сеть отношений между объективными состояниями. Структура поля служит для сдерживания агентов, будь они представлены индивидами или же коллективами. В целом, Бурдье интересует отношение между габитусом и полем — диалектическое отношение.

Последний основной теоретик агент-структурной зависимости — немецкий социальный мыслитель Юрген Хабермас. Мы уже упоминали Хабермаса как современника, внесшего важный вклад в критическую теорию. Хабермас (Habermas, 1987a) также занимался проблемой интеграции структуры и действия, рассматривая ее в рамках проблемы «колонизация жизненного мира». Жизненный мир — это микромир, в котором люди взаимодействуют и общаются. Истоки системы лежат в жизненном пространстве, но, в конечном счете, она приходит к развитию своих собственных структурных характеристик. Так как эти структуры развиваются самостоятельно и интенсивно, возникает необходимость усиления контроля над жизненным пространством. В современном мире система пришла к «колонизации», т. е. контролированию жизненного пространства.

Теоретики, которых мы рассматривали в этом разделе, признаны не только ведущими специалистами по проблеме интеграции действия и структуры, но, несомненно (особенно Бурдье, Гидденс и Хабермас) ведущими теоретиками в мире в наши дни. После долгого периода господства американских теоретиков (Мида, Парсонса, Хоманса и др.) центр социальной теории, кажется, возвращается к месту своего рождения — в Европу. Более того, Недельман и Штомпка доказали, что с окончанием холодной войны и падением коммунизма, мы становимся «свидетелями Золотой эры европейской социологии» (Nedelmann and Sztompka, 1993, p. 1). О справедливости данного утверждения свидетельствует тот факт, что произведения, к которым сегодня приковано внимание большинства теоретиков мира, написаны европейцами. Пример тому — «Общество риска: на пути к новой современности» Ульриха Бека (Beck, 1992) , где он обсуждает беспрецедентные риски, с которыми сталкивается общество сегодня. Ясно, что,

по крайней мере на сегодняшний день центр социологической теории *переместился* обратно в Европу.

Теоретический синтез

Направления микро-макро и агент-структурной интеграции возникли в 1980-х гг. и оба продолжали занимать прочные позиции в социологии 1990-х гг. Они явились ступенькой перехода к более обширному течению — теоретическому синтезу, который ведет отсчет приблизительно с начала 1990-х гг. Льюис (Lewis, 1991) предположил, что относительно низкий статус социологии может быть результатом чрезмерной раздробленности и что движение по пути большей интеграции, возможно, повысит статус данной дисциплины. Здесь мы сталкиваемся со смелой попыткой синтезировать две или сразу несколько разных теорий (например, структурный символизм и символический интеракционизм). Подобные попытки имели место в истории социологической теории (Holrnwood and Stewart, 1994). Вместе с тем существуют два отличительных аспекта новой синтетической деятельности в социологической теории. Во-первых, она получила широкое распространение и не сводится к каким-либо единичным попыткам синтеза. Во-вторых, ее цель, главным образом, — относительно узкий синтез теоретических идей, а не развитие большой синтетической теории, которая охватывала бы все социологические теории.

Синтезирующая деятельность может протекать внутри какой-либо теории, а также заключаться в попытках синтезировать несколько теорий (и идей ряда теоретиков; см. в качестве примера требования Левайна [Levine, 1991a] синтезировать идеи Зиммеля и Парсонса). Это в равной мере относится как к тем теориям, на которых мы уже останавливались в данной главе, так и к тем, которые мы еще упомянем. Примерами служат неофункционализм (Alexander, 1998a; Alexander and Colomy, 1985,1990a), пытающийся преодолеть многие из ограничений структурного функционализма путем интеграции идей широкого круга теорий; символический интеракционизм, который «создал новую теорию на основе других теоретических подходов [например, феминистской теорией и теорией обмена]» (Fine, 1990, p. 136-137); теория обмена, в которой предприняты попытки синтезировать идеи, почерпнутые из таких источников, как символический интеракционизм и сетевая теория (Cook, O'Brien, and Kollock, 1990). Сюда же можно отнести постмарксистов, искавших способы включения идей традиционной социологии в теорию Маркса (Elster, 1985; Mayer, 1994; Roemer, 1986c); и представителей постмодернистского марксизма, которые, как следует из названия, попытались привнести в марксистскую теорию постмодернистские взгляды (Harvey, 1989; Jameson, 1984; Laclau and Mouffe, 1985).

Также существуют попытки привнести в социологическую теорию разработки, лежащие вне социологии. Были работы, направленные на включение в социологию биологических идей, с тем чтобы создать социобиологию (Crippen, 1994; Maryansky and Turner, 1992). Рациональный выбор возник на основе экономики, однако он затронул и ряд других областей знаний, включая социологию (Coleman, 1990). Корни системной теории уходят в естественные науки, но в конце XX в.

Никлас Луман (Luhmann, 1982) предпринял мощную попытку создать теорию систем, которая могла бы быть применена в отношении социального мира.

Теории современности и постсовременности

По мере того как мы вступаем в XXI в., век социальных теоретиков[1] нас все в большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям? Одна из позиций представлена творчеством группы теоретиков (например, Юргена Хабермаса и Энтони Гидденса), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего называть современным, и в отношении которого мы можем строить теории тем же способом, какой социальные мыслители использовали на протяжении многих лет. Иной точки зрения придерживается другая группа мыслителей (например, Жан Бодрийар, Жан-Франсуа Лиотар и Фредрик Джеймсон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно ином, постмодернистском обществе. Более того, они доказывают, что об этом новом обществе необходимо размышлять новыми способами.

Защитники современности

Все великие классические теоретики-социологи (Маркс, Вебер, Дюркгейм и Зиммель) так или иначе интересовались современным миром, его преимуществами и недостатками. Последний из них (Вебер) умер в 1920 г., и, конечно, с тех пор мир изменился коренным образом. В то время как все современные теоретики признают эти резкие изменения, некоторые полагают, что, между сегодняшним миром и миром, который окружал нас в прошлом *fin de siecle*[2], скорее существует преемственность, нежели разрыв.

Местровиц (Mestrowie, 1998, p. 2) назвал Энтони Гидденса «верховным жрецом современности». Гидденс (Giddens, 1990, 1991, 1992) использует такие термины, как «радикальная», «высшая» или «поздняя» современность, чтобы описать общество в наши дни и показать, что, несмотря на то что это не то же самое общество, которое изображалось теоретиками-классиками, оно неразрывно с ним. Гидденс рассматривает сегодняшнюю современность как «сокрушительную силу», которая, по крайней мере, в некоторой степени, неуправляема. Ульрих Бек (Beck, 1992) утверждает, что если классический этап современности был связан с промышленным обществом, то новая современность наилучшим образом может быть охарактеризована как «общество риска». Если центральная дилемма в классической современности — богатство и его распределение, то основная проблема в новой современности заключается в предотвращении и минимизации риска, а также его управлении (например, ядерной катастрофы). Юрген Хабермас (Habermas,

[1] Здесь я предпочитаю термину «социологические» термин «социальные» теоретики, так как многие из числа внесших вклад в современную литературу не являются социологами, хотя они и теоретизируют в отношении социального мира.

[2] *Fin de siecle* (фр.) — конец века — *Примеч. ред.*

1981, 1987b) рассматривает современность как «незаконченный проект». Из этого следует, что центральной проблемой сегодня, как и во времена Вебера, продолжает оставаться рациональность. Утопическая цель тем не менее заключается в том, чтобы максимально рационализировать как «систему», так и «жизненный мир»- Я (Ritzer, 1996) также считаю рациональность ключевым процессом в сегодняшнем мире и вновь обращаюсь к проблеме возрастания формальной рациональности и опасности «железной клетки» рациональности, которая волновала Вебера. Если Вебер акцентирует внимание на бюрократии, то сегодня я рассматриваю парадигму этого процесса на примере ресторанов быстрого питания и описываю рост формальной рациональности как макдональдизацию общества.

Эти и другие теоретики (например, Touraine, 1995; Wagner, 1994) не только настаивали на том, чтобы рассматривать мир, используя современные термины, но и продолжают размышлять о нем, применяя современные инструменты. В основном, они обособляются от общества с помощью рационального и систематического его анализа и описания, тем не менее они используют пространные повествования более сознательно, чем их предшественники. Современность как сокрушительная сила, переход от индустриального общества к обществу риска, рационализация жизненного мира и системы, а также макдональдизация общества очень напоминают пространные повествования классических теоретиков современности и не представляют собой чего-то совершенно отличного от рассуждений такого плана.

Проповедники постсовременности

Постмодернизм вызывает много ожесточенных споров (Kellner, 1989a; Ritzer, 1997; Seidman, 1994a), он, действительно, настолько злободневен и так бурно обсуждался во многих областях знаний, включая социологию, что, возможно, уже «исчерпал себя» (Lemert, 1994b). Нам необходимо проводить различия, по крайней мере на первых этапах, между постсовременностью и постмодернистской социальной теорией (Best and Kellner, 1991). *Постсовременность* — это новая историческая эпоха, которая, как предполагается, сменила современную эру, или современность. *Постмодернистская социальная теория* представляет собой новую концепцию постсовременности; мир настолько различен, что требует совершенно новых способов мышления. Постмодернисты склоняются к отрицанию теоретических перспектив, описанных в предыдущем разделе, а также способов, посредством которых упомянутые мыслители создавали свои теории.

Вероятно, изображений постсовременности существует столько же, сколько и социальных теоретиков постсовременности. Чтобы упростить дело, мы суммируем некоторые из ключевых элементов описания, предложенного одним из самых выдающихся постмодернистов Фредриком Джеймсоном (Jameson, 1984,1991). Во-первых, постсовременность — это бездонный, поверхностный мир; мир имитации (например, круиз по джунглям в Диснейленде вряд ли можно назвать настоящим приключением). Во-вторых, это мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях. В-третьих, потеряно чувство своего места в истории; трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим. В-четвертых,

вместо бурно развивающих производственных технологий современности (например, конвейеры по сборке автомобилей) в постмодернистском обществе господствуют имплозивные, отупляющие производственные технологии (телевидение, например). Так или иначе, постмодернистское общество очень отличается от общества эпохи модерна.

Такой мир требует совершенно иного способа мышления. Розено (Rosenau, 1992; Ritzer, 1997) в определении постмодернистского способа мышления использует принципы, которые постмодернизм не приемлет, в частности, характеристики современного способа мышления. Во-первых, постмодернисты отрицают опыт пространных повествований, которыми характеризуются многие классические социологические теории. Вместо этого, постмодернисты предпочитают более ограниченные объяснения, или даже отсутствие таковых вовсе. Во-вторых, отрицается тенденция проводить границы между дисциплинами — заниматься чем-либо, называемым социологической (или социальной) теорией, отличающейся, скажем, от философских концепций или даже беллетристического повествования. В-третьих, постмодернисты зачастую больше заинтересованы в том, чтобы шокировать или ошеломить читателя, а не в том, чтобы провести тщательный, обоснованный академический дискурс. Наконец, вместо того чтобы всматриваться в суть общества (скажем, заниматься изучением рациональности или капиталистической эксплуатации), постмодернисты скорее склонны делать акцент на более периферийных аспектах общества.

Ясно, что многое поставлено на карту в спорах между модернистами и постмодернистами, включая будущее социологической теории. Если модернисты одержат победу, социологическая теория в первом десятилетии XXI в. во многом будет выглядеть так, как всегда, но если постмодернисты окажутся победителями, мир и социальные теории этого мира будут другими. Однако наиболее вероятен сценарий, согласно которому мир будет представлен некой комбинацией элементов модернизма и постмодернизма, и социальные теоретики каждого из убеждений продолжат вести борьбу за гегемонию.

Теории в преддверии XXI в.

Невозможно предсказать, по какому из направлений будет развиваться социологическая теория. В этом разделе мы обсудим несколько подходов, которые в будущем, вероятно, привлекут большое внимание и подвергнутся тщательному исследованию.

Поликультурная социальная теория

Новшеством, тесно связанным с постмодернизмом, — особенно его акцентом на периферии и тенденцией нивелировать несущее интеллектуальную нагрузку поле — стало возникновение поликультурной социальной теории (Lemert, 1993; Rogers, 1996a). Ее расцвет был предзнаменован появлением феминистской социологической теории в 1970-х гг.. Феминисты сетовали на то, что социологическая теория в значительной степени замыкается на мнениях женщин; в последующие годы

многие группы меньшинств вторили жалобам феминистов. На самом деле, представительницы женских меньшинств (например, американки африканского или латиноамериканского происхождения) стали выражать недовольство тем, что феминистская теория ограничена, в основном касается белых женщин среднего класса и должна быть более восприимчивой ко многим другим взглядам. В настоящее время феминистская теория стала намного более разнообразной, как и социологическая теория в целом.

Показательным примером увеличивающегося разнообразия социологической теории можно считать возникновение *queer-теории*[1] (Morton, 1996; Warner, 1993). Сэдман (Seidman, 1994b) свидетельствует о молчании социологической теории по поводу сексуальности вообще, и гомосексуальности, в частности. Он находит поразительным, что в то время как теоретики-классики занимались широким кругом проблем, имеющим отношение к современности, им нечего сказать о конституции современных тел и современной сексуальности. Несмотря на то что молчание в скором времени будет нарушено, это случится лишь тогда, когда Мишель Фуко (Foucault, 1980) приступит к изучению отношений между властью, знанием и сексуальностью, представляющему собой постмодернистское исследование сексуальности вообще, и гомосексуальности в частности. Благодаря этому был раскрыт смысл гомосексуальности как таковой и как отличительного качества личности.

Однако Сэдман доказал, что основное свойство *queer-теории* — это отрицание единственного отличительного качества, включая гомосексуальность, и что все отличительные качества — сложные или комбинированные, непостоянные и исключительные. Так, в каждый конкретный момент каждый из нас представляет собой комбинацию серий идентификационных компонентов (например, «сексуальная ориентация, раса, класс, национальность, пол, возраст, дееспособность» [Seidman, 1994b, p. 173]) и эти компоненты могут сочетаться, а их комбинации, в свою очередь, меняться различными способами. В результате Сэдман отрицает гомосексуально-гетеросексуальную дихотомию и пытается развивать *queer-теорию* в направлении более общей социальной теории:

> Если раньше нетрадиционные теоретики были обеспокоены проблемой притеснения и освобождения гомосексуалистов, теперь они обратились к анализу того, как институциональный опыт и дискурсы «рождают» сексуальные знания и как они организуют социальную жизнь. При этом особое внимание они уделяют тому, каким способом эти знания и социальный опыт подавляют различия. В этом отношении гомосексуальная теория предполагает... изучение... тех знаний и социального опыта, которые организуют «общество» в целом посредством сексуализации (различения по признаку половой принадлежности) — гетеросексуализации и гомосексуализации — строения тел, желаний, действий, социальных отношений, знаний, культуры и социальных институтов. *Queer-теория* стремится превратить гомосексуальную теорию в общую социальную теорию или точку зрения, с которой необходимо анализировать целые общества (Seidman, 1994b, p. 174)

[1] *Queer* (англ.) — странный, подозрительный. Иногда в литературе данные теории именуются «эксцентричными», «странными», «квир-теориями». — *Примеч. ред.*

Таким образом, *queer-теория* — шаг вперед. Впрочем, она одна из так называемых «точек зрения, которые рассматривают социальный мир с особой преимущественной позиции» (как, например, Маркс рассматривал капитализм с позиции пролетариата). Можно надеяться, что поликультурные и позиционные теории будут быстро расти и развиваться, возможности чего открывает XXI в.

Вслед за *queer-теорией* появились разнообразные формы поликультурных теорий. В качестве примера можно назвать афроцентристскую теорию (Asante, 1996), исследование Аппалачей (Banks, Billings, and Tice, 1996), национальную американскую теорию (Buffalohead, 1996) и даже теории маскулинности (Connell, 1996; Kimmel, 1996). Поликультурные теории характеризуют следующие признаки.

- Они отрицают универсальные теории, имеющие тенденцию поддерживать тех, кто у власти; поликультурные теории представляют интересы неимущих.
- Они изыскивают средства, чтобы быть содержательными, предлагать теорию от лица многих групп, лишенных каких-либо возможностей.
- Поликультурные теоретики небеспристрастны; они часто теоретизируют от лица не имеющих власти с тем, чтобы работать в социальном мире ради изменения социальной структуры, культуры и перспектив для индивидов.
- Поликультурные теоретики пытаются подорвать не только социальный, но и интеллектуальный мир; они стараются сделать его намного более открытым и разнообразным.
- Нет попытки провести ясную линию между теорией и другими типами изложения.
- Существует обычная критическая грань поликультурной теории; она заключается как в самокритике, так и в критике других теорий и, что наиболее важно, социального мира.
- Поликультурные теоретики признают, что их деятельность ограничена особым историческим, социальным и культурным контекстом, в котором они живут (Rogers, 1996b, p. 11-16).

Постмодернистские и пост-постмодернистские социальные теории

Можно с уверенностью предположить, что постмодернистские социальные теории не потеряют своей важности в социологии и многих других областях знаний. Фактически, социологи медленно подобралась к постмодернистской теории, но в социологии по отношению к этой теории продолжает сохраняться значительная враждебность. Однако постмодернистская теория слишком мощна и слишком хорошо укоренилась во многих других областях знаний, чтобы ее игнорировали. Таким образом, в будущем постмодернистская социальная теория привлечет в социологию больше приверженцев (и клеветников).

В то же время главным образом во Франции (центре теоретических движений, •подобных постмодернизму) уже существует хорошо упрочившееся направление, о котором наилучшим образом следует размышлять как о пост-постмодерниз-

ме. Например, постмодернистская социальная теория связана с критикой либеральной, гуманистической перспективы и уходом от интереса к человеческому субъекту. Однако Ферри и Рено (Ferry and Renout, 1985/1990) пытаются спасти гуманизм и субъективность, а Лилла (Lilla, 1994, p. 20) предлагает защиту прав человека. Манэн (Manent, 1994/1998) сознательно анализирует современность и человеческий субъект. Липовецки (Lipovetsky, 1987/1994) нападает на тенденцию социальных теоретиков постмодерна излишне критиковать современный мир, защищая важность моды. Он доказывает, например, что мода, наоборот, придает больше индивидуальности, а не умаляет ее. Так, вероятно, в будущем будет процветать как постмодернистская социальная теория, так и теории, которые образуют реакцию против нее и более соответствуют современным интересам. Постмодернистская социальная теория важна не только сама по себе, но и постольку, поскольку она стимулирует реакцию против себя же. Социология и социологическая теория, в частности, возможно, получат вторую жизнь благодаря постмодернистской социальной теории и сложным задачам, которые она ставит (Owen, 1997).

Теории потребления

Достигшая пика своего развития во время промышленного переворота и воодушевляемая своими проблемами и перспективами, социологическая теория долгое время имела «уклон в производство». Это значит, что в теориях прослеживалась тенденция сосредоточивать внимание на промышленности, промышленных организациях, работе и трудящихся. Наиболее очевидно данное явление в марксистской и неомарксистской теории, но оно встречается и во многих других теориях, таких как концепция Дюркгейма о разделении труда, работа Вебера, посвященная расцвету капитализма на Западе и неудаче его развития в других частях света, анализ Зиммеля трагедии культуры, обусловленной быстрым увеличением продуктов деятельности человека, интерес Чикагской школы к труду, обеспокоенность в рамках теории конфликта отношениями между работодателями и служащими, руководителями и подчиненными и т. д. Намного меньше внимания было уделено потреблению и потребителю. Есть исключения, такие как знаменитая работа Торстейна Веблена (Veblen, 1899/1994) по «демонстративному потреблению» и концепция Зиммеля о деньгах и моде, но о потреблении социальными теоретиками сказано гораздо меньше, чем о производстве.

Постмодернистская социальная теория имела склонность определять общество постмодерна как потребительское, в результате чего потребление в этой теории играет главную роль. Самым выдающимся является произведение Жана Бодрийара (Baudrillard, 1970/1994) «Общество потребления». Пост-постмодернистский труд Липовецки о моде отражает возрастающий интерес как в рамках постмодернисткой социальной теории, так и вне ее пределов, к теории потребления. С тех пор, вероятно, важность потребления будет возрастать, особенно на Западе, а производство пойдет на спад; с уверенностью можно предположить, что мы увидим резкое увеличение числа теоретических (и эмпирических) работ по потреблению (обзор существующих теорий потребления см. у Slater, 1997). Так уже сейчас появилось огромное количество теоретически обоснованных произведений по

правилам, регулирующим потребление, как, например, «Места потребления» (Urry, 1995), «Очаровывая разочарованный мир: революция средств потребления» (Ritzer, 1999), и «Жизнь прилавков: супермаркеты и изменение культуры потребления» (Humphery, 1998). Мы, вероятно, увидим намного больше работ, посвященных этим ограничениям, так же как и потребителям, потребительским товарам и процессу потребления.

Прочие теории

Вне предыдущих обобщений сложно предвидеть будущее социологической теории. С одной стороны, возможно, возникнут новые теории и у них будут свои приверженцы. Также возможно, что те теории, которые сейчас воспринимаются незначительными, в дальнейшем займут видное место в социологии. Некоторые из наиболее важных теорий настоящего времени могут стать менее привлекательными. И все же с уверенностью можно утверждать, что если не все, то большинство теорий, выбранных для обсуждения в данной книге, не потеряют своей важности. Вероятно, некоторые (феминистская, поликультурная, теория рационального выбора) станут более значимыми, в то время как другие (неофункционализм) придут в упадок. В одном я уверен: в общей картине социальной теории, вероятно, появятся новые теории, ни одна из которых, возможно, не приобретет гегемонии в данной области знаний. Постмодернисты критиковали идею «тотализации» или слияния теоретических построений. Кажется невероятным, что социальная теория придет к тому состоянию, когда в ней все будет сведено воедино. Скорее социология будет представлять собой область знаний с увеличивающимся числом направлений, имеющих своих приверженцев и помогающих понять роль социального мира. Социологическая теория будет не просто миром, который следует понимать и использовать, но волнующим миром, который предлагает множество старых и новых идей.

Резюме

Эта глава служит продолжением главы 1 и посвящается истории социологической теории с первых лет XX в. Мы начали с ранней истории Американской социологической теории, характеризовавшейся либерализмом, интересом к социальному дарвинизму и, следовательно, влиянием Герберта Спенсера. В этом контексте обсуждается творчество двух ранних теоретиков-социологов, Самнера и Варда. Однако они не оставили глубокого следа в Американской социологической теории. В противоположность им Чикагская школа, воплощенная в творчестве таких людей, как Смолл, Парк, Томас, Кули и в особенности Мид, сильно повлияла на социологическую теорию, особенно на символический интеракционизм.

В то время как все еще господствовала Чикагская школа, различные формы социологической теории стали развиваться в Гарварде. Ключевую роль в зарождении социологии в Гарварде сыграл Питирим Сорокин, но к позиции превосходства в Американской теории Гарвард привел Толкотт Парсонс, сменяя символический интеракционизм. Парсонс был важен не только из-за легитимизации

«великой теории» в Соединенных Штатах и из-за представления европейских теоретиков американской аудитории, но также благодаря той роли, которую он сыграл в развитии теории действия и, что более важно, структурного функционализма. В 1940-1950-х гг. дальнейшему продвижению структурного функционализма способствовала дезинтеграция Чикагской школы, которая началась в 1930-х гг. и завершалась, главным образом, в 1950-х.

Основным достижением марксистской теории в начале XX в. стало создание франкфуртской, или критической, школы. Эта гегелианизированная форма марксизма также испытала на себе влияние таких социологов, как Вебер и таких психоаналитиков, как Фрейд. Марксизм не получил широкой поддержки среди социологов в первой половине XX в.

Господство структурного функционализма в американской теории в середине века было достаточно мимолетным. Феноменологическая теория, в частности творчество Альфреда Шюца, смогла привлечь к себе серьезное внимание лишь в 1960-х гг.. Марксистская теория была исключена из Американской теории, но К. Райт Миллз сохранил радикальную традицию в Америке в 1940-х и 1950-х гг. Миллз был также одним из лидеров враждебной критики структурного функционализма, интенсивность которой возросла в 1950-х и 1960-х гг. В свете этих нападок в то время появилась теория конфликта, альтернативная структурному функционализму. Хотя она находилась под влиянием марксистской теории, теория конфликта страдала от неадекватной интеграции марксизма. Тем не менее, другой альтернативой, рожденной в 1950-е гг., стала теория обмена, и она продолжает привлекать небольшое, зато устойчивое, число последователей. Несмотря на то, что символический интеракционизм в некоторой степени утратил свою прежнюю энергию, творчество Ирвинга Гофмана, посвященное драматургическому анализу, в этот период приобрело своих приверженцев.

Важные события произошли в других теориях социологии повседневности (сюда же можно отнести и символический интеракционизм) в 1960-х и 1970-х гг., включая некоторый рост интереса к феноменологической теории и, что более важно, «разгар» деятельности в этнометодологии. В этот период марксистские теории разных типов заняли свое место в социологии, хотя эти теории были скомпрометированы развалом Советского Союза и других коммунистических стран в конце 1980-начале 1990-х гг. Также, рассматривая этот период, необходимо отметить рост важности структурализма и постструктурализма, особенно в творчестве Мишеля Фуко. Огромное значение имел взрыв интереса к феминистской теории. Поток произведений, посвященный феминизму, не иссякнет и после того, как мы переступили порог года 2000 г.

К вышесказанному хочется добавить, что три других знаменательных события произошли в 1980-х гг. и имели продолжение в 1990-х. Первое — возрастание интереса в Соединенных Штатах к микро-макро зависимости. Второе представлено параллельным увеличением внимания в Европе к отношениям между агентом и структурой. Третье — развитие, особенно в 1990-х гг., широкомасштабных попыток синтеза.

Данная глава завершается обсуждением некоторых теорий, чтобы проследить, с чем мы вступаем в XXI в. Поликультурные теории различных типов, вероятно,

будут процветать. Постмодернистские социальные теории будут развиваться дальше, но, возможно, мы столкнемся с противодействием со стороны ряда теорий, включая те, которые мы рассматриваем как пост-постмодернистские социальные теории. Имея отношение к теории постмодерна и отражая изменения в обществе и реакции против продуктивистского уклона, который доминировал в социологической теории с самого ее начала, привлекут внимание теории потребления. Какие бы теории ни заняли лидирующие позиции, кажется очевидным, что в данной дисциплине вряд ли будет господствовать какое-либо одно теоретическое направление.

По отношению к оставшейся части этой книги данная глава сыграла две основные роли. Во-первых, она продемонстрировала, что теоретики-классики, представленные в главе 1, — Конт, Спенсер, Маркс, Дюркгейм, Вебер и Зиммель — оказали прямое либо опосредованное влияние на последующее развитие социологической теории в различных направлениях. Во-вторых, она позволила нам познакомиться, в рамках исторического контекста, с другими теоретиками-классиками, которые будут подробно рассмотрены в этой книге немного позже, «отцами-основателями» — Вебленом, Мангеймом, Мидом, Шюцом и Парсонсом.

Часть II

Современная социологическая теория: основные школы

Глава 3
Структурный функционализм, неофункционализм и теория конфликта

Структурный функционализм, особенно творчество Толкотта Парсонса, Роберта Мертона, их учеников и последователей, долгие годы оставался *самой* авторитетной социологической теорией. Однако за последние тридцать лет он резко утратил свое значение (Chriss, 1995) и, по крайней мере, в некотором смысле, стал частью современной истории социологической теории. Этот упадок отражен в описании Коло-ми (Colomy, 1990a) структурного функционализма как теоретической «традиции». Структурный функционализм в настоящее время имеет, главным образом, историческое значение, хотя примечательна также и его роль в появлении в 1980-х гг. неофункционализма. После краткого обзора структурного функционализма мы рассмотрим неофункционализм как возможный его преемник и одновременно как пример недавней тенденции к синтезу в социологической теории. Будущее самого неофункционализма было подвергнуто сомнению, когда его основатель, Джеффри Александер пришел к выводу: «неофункционализм больше меня не удовлетворяет» (из личной беседы 17 октября 1994 г.). Он сказал: «Я теперь отстраняюсь от движения, которое начал».

В течение многих лет главной альтернативой структурному функционализму была теория конфликта. Мы обсудим традиционную версию теории конфликта Ральфа Дарендорфа, а также более современные попытки интеграции и синтеза, предпринятые Рэндал Коллинз.

Перед тем как обратиться к особенностям структурного функционализма и теории конфликта, мы должны вслед за Томасом Бернардом (Bernard, 1983) поместить эти теории в более широкий контекст спора между теориями согласия (одна из которых— структурный функционализм) и теориями конфликта (одна из них — социологическая теория кон-

фликта, которую мы обсудим далее в этой главе). С точки зрения *теории согласия* считается, что коллективные нормы и ценности имеют фундаментальный для общества характер. Эти теории помещают в центр своего внимания социальный порядок, основанный на неявных соглашениях, и полагают, что социальные изменения происходят медленно и закономерно. *Теории конфликта,* напротив, подчеркивают контроль одних социальных групп над другими, придерживаясь мысли, что социальный порядок основан на манипуляции и контроле доминирующих групп, и считая, что социальные изменения случаются быстро и беспорядочно, когда главенствующие группы свергаются подчиненными.

Хотя эти критерии в целом определяют существенные различия социологических теорий структурного функционализма и теории конфликта, Бернард полагает, что круг разногласий гораздо шире и что «существовал повторяющийся спор, принимавший различные формы на протяжении всей истории западной мысли» (Bernard, 1983, p. 6). Бернард проследил этот спор с Древней Греции (различия между Платоном [согласие] и Аристотелем [конфликт]) и сквозь всю историю философии. Позже из социологов к полемике присоединились (первым указан теоретик конфликта) Маркс и Конт, Зиммель и Дюркгейм, а также Дарендорф и Парсонс. Мы уже кратко рассмотрели идеи двух первых пар социологов (хотя, как мы видели, их творчество далеко не исчерпывается титулом теоретиков «конфликта» или «согласия»), В этой главе мы остановимся, среди прочего, на теории конфликта Дарендорфа и теории согласия Парсонса.

Хотя мы подчеркиваем различия между структурным функционализмом и теорией конфликта, мы не должны забывать об их важных сходных чертах. Фактически Бернард утверждает, что «области согласия между ними шире сферы разногласия» (1983, p. 214). Например, это носящие макроуровневый характер теории, в фокусе которых оказываются крупномасштабные, социальные структуры и социальные институты. В результате можно сказать, используя мои термины (Ritzer, 1980), что обе теории существуют в пределах одной социологической («социальных фактов») парадигмы (см. Приложение).

Структурный функционализм

Роберт Нисбет утверждал, что структурный функционализм был «без сомнения, единственной самой значительной в этом веке теорией в социальных науках» (цит. по: Turner and Maryanski, 1979, p. xi). Согласно позиции Кингсли Дэвиса (Davis, 1959), структурный функционализм, в сущности, выступает синонимом социологии. Алвин Гоулднер (Goldner, 1970) неявно встал на эту же точку зрения, когда критиковал западную социологию, в большой степени обращаясь именно к структурно-функциональным теориям Толкотта Парсонса.

Несмотря на его несомненно главенствующее положение в течение двадцати Лет после Второй мировой войны, структурный функционализм утратил значение как социологическая теория. Даже Уилберт Мур, который был тесно связан с этой Теорией, утверждал, что она «стала недоразумением в современной социологической теории» (Moore, 1978, p. 321). Двое исследователей даже заявили: «Таким образом,

функционализм как объяснительная теория является, на наш взгляд, «мертвым» и дальнейшие попытки использовать функционализм в качестве теоретического объяснения следует оставить в пользу более перспективных теоретических позиций» (Turner and Maryanski, 1979, p. 141). [1]

Николас Демерат и Ричард Петерсон (Demerath and Peterson, 1967) заняли более позитивную позицию, утверждая, что структурный функционализм не прихоть. Однако они признали, что, вероятно, он разовьется в другую социологическую теорию, так же как сам развился из раннего органицизма (см. следующий параграф). Появление неофункционализма (который мы обсудим ниже в этой главе) скорее подкрепляет точку зрения Демерата и Петерсона, нежели более негативный взгляд Тернера и Мариански.

В структурном функционализме термины *«структурный»* и *«функционализм»* не следует использовать в сочетании, хотя обычно их объединяют. Можно изучать структуры общества, не заботясь об их функциях (или эффектах) по отношению к другим структурам. Аналогично, можно исследовать функции разнообразных социальных процессов, которые могут и не принимать структурную форму. И все же внимание к обоим этим элементам характеризует структурный функционализм. Хотя он трактуется по-разному (Abrahamson, 1978), преобладающим подходом среди социологов этого направления признается *социетальный функционализм* (Sztompka, 1974), и именно в этом качестве он займет главное место в этой главе. Первейший вопрос для социетального функционализма — крупномасштабные социальные структуры и институты общества, их взаимоотношения и ограничения, которые они накладывают на конкретного человека.

Функциональная теория стратификации и ее критика

Функциональная теория стратификации, сформулированная Кингсли Дэвисом и Уилбертом Муром (Devis and Moor, 1945), возможно, является наиболее известной работой в рамках теории структурного функционализма. Дэвис и Мур разъяснили, что рассматривают социальную стратификацию как всеобщую и необходимую. Они утверждали, что не может быть не стратифицированного, абсолютно бесклассового общества. Стратификация, с их точки зрения, есть *функциональная* необходимость. Всем обществам нужна эта система, и эта необходимость порождает систему стратификации.[2] Кроме того, они считали систему стратификации структурой, отмечая, что стратификация относится не к индивидам в системе стратификации, а к системе *ролей.* В центре их внимания был вопрос о том, как получается, что определенные позиции имеют различную степень престижности, а не о том, как случается, что индивиды занимают определенные позиции.

[1] Несмотря на это утверждение, Джонатан Тернер и Александра Мариански (Turner and Marianski, 1979) стремятся доказать, что функционализм все еще может быть полезным методом.

[2] Это представляет собой пример телеологического аргумента. Позже у нас будет возможность обсу дить данный вопрос, на настоящий момент мы можем определить *телеологический аргумент* как тот, для которого характерно видение социального мира как имеющего определенные цели, или направ ленность, которые приводят к возникновению необходимых структур или событий. В данном слу чае общество «нуждается» в стратификации, поэтому вызывает к жизни эту систему.

Учитывая этот подход, можно сформулировать главный вопрос функционализма: как общество мотивирует и помещает людей на «правильные» позиции в системе стратификации? Это сводится к двум проблемам: как общество внушает «правильным» индивидам желание занимать определенные места? И если люди занимают надлежащие места, как тогда общество внушает им желание выполнять требования этих должностей?

Надлежащее заполнение должностей в обществе проблематично по трем основным причинам. Во-первых, некоторые места привлекательнее прочих. Во-вторых, некоторые должности важнее других для выживания общества. В-третьих, различные социальные позиции требуют различных способностей и талантов.

Хотя эти замечания применимы ко всем позициям в обществе, Дэвис и Мур рассматривали общественные позиции, которые имеют большую функциональную значимость для социума. Предполагается, что позиции, высоко котирующиеся в стратификационной системе, *менее* привлекательны, но *более* важны для выживания общества и требуют наибольших способностей и таланта. Вдобавок, общество должно дополнять эти места приемлемым вознаграждением, чтобы достаточное количество людей стремились занять их, а индивиды, которые реально их займут, работали усердно. Обратное утверждение подразумевалось, но не обсуждалось Дэвисом и Муром. Имеется в виду предположение, что низшие позиции в системе стратификации *более* привлекательны, *менее* значимы и требуют меньше способностей и таланта. Общество также может меньше заботиться о том, чтобы индивиды занимали эти позиции и выполняли свои обязанности с усердием.

Дэвис и Мур не утверждали, что общество сознательно создает систему стратификации для уверенности в том, что высокопоставленные должности заняты и заняты надлежащим образом. Напротив, ученые поясняли, что стратификация — «неосознанно созданный механизм». Однако это средство создает, и *должно* создавать, каждое общество, для того чтобы выжить.

Для гарантии того, что люди занимают должности высокого уровня, общество, с точки зрения Дэвиса и Мура, должно обеспечить этим индивидам различные вознаграждения, включая большой престиж, высокую заработную плату и достаточный досуг. Например, чтобы обеспечить нашему обществу достаточное количество врачей, мы должны предложить им эти и другие вознаграждения. Дэвис и Мур имели в виду, что мы не могли бы ожидать от людей, что они пройдут через «обременительный» и «дорогостоящий» процесс медицинского образования, если бы не предложили таких вознаграждений. По-видимому, подразумевается, что люди наверху должны получать вознаграждения, которые получают. Иначе эти Должности оставались бы недоукомплектованнными или незаполненными, и общество бы разрушилось.

С 1945 г. структурно-функциональная теория стратификации была предметом серьезной критики (см. Tumin, 1953; о первой значительной критике; Huaco, 1966, — хорошее обобщение основной критики на тот момент).

Один из основных критических аргументов состоит в том, что функциональная теория стратификации просто увековечивает привилегированное положение тех людей, которые уже обладают властью, престижем и деньгами. Подобное происходит с помощью утверждения, что эти люди заслуживают наград, которые по-

лучают; на самом же деле эти вознаграждения следует им обеспечивать, пока существует общество.

Функциональную теорию можно также критиковать за предположение, что только потому, что стратифицированная социальная структура существовала в прошлом, она обязательно будет продолжать существовать в будущем. Возможно, будущие общества будут организованы иначе, без стратификации.

Кроме того, утверждалось, что трудно согласиться с идеей, согласно которой функциональные позиции различаются по своему общественному значению. Действительно ли сборщики мусора насколько-то менее важны для выживания общества, чем менеджеры по рекламе? Несмотря на более низкую оплату и престиж сборщиков мусора, на самом деле они, возможно, *важнее* для выживания общества. Даже в тех случаях, когда можно сказать, что одна должность выполняет более важную для общества функцию, большее вознаграждение не обязательно соответствует более значимым позициям. Медсестры, возможно, гораздо важнее для общества, чем кинозвезды, но у медсестер намного меньше власти, престижа и более низкий доход, чем у кинозвезд.

Действительно ли не хватает людей, способных занимать высокопоставленные должности? На самом деле, многим людям не дают получить образование, необходимое для занятия престижных постов, даже если у них есть необходимые способности. Например, в медицинских профессиях наблюдается постоянная попытка ограничить число практикующих врачей. Многие способные люди никогда не получают возможности продемонстрировать, что могут справиться с высокопоставленными должностями, даже когда в них и их вкладе существует отчетливая потребность. Люди, занимающие должности высокого уровня, имеют законно подтвержденное право оставаться в небольшом количестве, а также при большой власти и высоких доходах.

Наконец, мы не должны предлагать людям власть, престиж и доход, чтобы они хотели занимать места высокого уровня. Равным образом мотивацией может быть удовлетворение от качественной работы или возможность приносить пользу другим.

Структурный функционализм Толкотта Парсонса

На протяжении своей жизни Толкотт Парсонс много занимался теоретической работой (Holmwood, 1996). Между его ранним и зрелым творчеством существует существенное различие. В этом параграфе мы рассмотрим его более поздние, структурно-функциональные, теоретические построения. Начнем обсуждение структурного функционализма Парсонса с четырех функциональных императивов, характерных для всех систем «действия», его знаменитой схемы *AGIL*.[1] После рассмотрения этих четырех функций мы обратимся к анализу парсоновских идей о структурах и системах.

AGIL. *Функция* есть «совокупность действий, направленных на удовлетворение потребности или потребностей системы» (Rocher, 1975, p. 40). Используя это

[1] Данная аббревиатура, образованная от английских слов *Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency,* обычно не переводится на русский язык и употребляется в оригинальном написании и звучании («эйджил»). — *Примеч. перев.*

определение, можно сказать, что Парсонс считает следующее: существует инвариантный набор четырех функций, необходимых (характерных) для всех систем: адаптация *(А),* целедостижение *(G),* интеграция *(Г)* и латентность (I), или поддержание ценностного образца. Все вместе эти четыре функции известны как схема *AGIL.* Система, для того чтобы выжить, должна выполнять следующие четыре функции.

1. *Адаптация:* система должна справляться с носящими случайный характер требованиями внешней среды. Она должна адаптироваться к внешней среде и приспосабливать среду к своим потребностям.
2. *Целедостижение:* система должна уметь определять свои первичные цели и достигать их.
3. *Интеграция:* система должна координировать взаимоотношения своих элементов. Она также должна управлять отношениями трех прочих функциональных императивов *(A, G, L).*
4. *Латентная функция {поддержание ценностного образца):* система должна питать, поддерживать и возобновлять как мотивацию индивидов, так и культурные образцы, создающие и поддерживающие мотивацию.

Парсонс разработал схему *AGIL* для использования на всех уровнях своей теоретической системы (например, см. Paulsen and Feldman, 1995). В последующем обсуждении четырех систем действия мы проиллюстрируем, как Парсонс использует *A GIL.*

Поведенческий организм — это система действия, которая выполняет функцию адаптации, приспосабливаясь и изменяя внешний мир. *Система личности* выполняет функцию целедостижения, определяя системные цели и мобилизуя ресурсы для их достижения. *Социальная система* берет на себя функцию интеграции, контролируя системные элементы. Наконец, *система культуры* выполняет функцию поддержания ценностного образца, снабжая агентов нормами и ценностями, мотивирующими их к действию. На рис. 3.1 представлена структура системы действия в обобщенном виде в терминах схемы *AGIL.*

Рис. 3.1. Структура общей системы действия

Система действия

Теперь мы можем рассмотреть парсоновскую систему действия в целом. Основные уровни схемы Парсонса продемонстрированы на рис. 3.2.

Рис. 3.2. Схема действия Парсонса

Очевидно, что Парсонс имел ясное понятие «уровней» социального анализа, равно как и их взаимоотношений. Иерархическое устройство — четкое, уровневое строение парсоновской системы можно охарактеризовать с двух позиций. Во-первых, каждый более низкий уровень обеспечивает условия, энергию, необходимую для высших уровней. Во-вторых, более высокие уровни контролируют те, что ниже по иерархии.

С точки зрения окружающей среды системы действия, нижний уровень, физическая и органическая среда, включает несимволические аспекты человеческого тела, его анатомию и физиологию. Высший уровень, конечная реальность, имеет, как полагает Джексон Тоби, «метафизический оттенок», но Тоби утверждает, что Парсонс «не обращается к сверхъестественному как к всеобщей тенденции обществ символически приписывать сверхъестественному неопределенности, тревоги и трагедии человеческого существования, подвергающие сомнению целесообразность социальной организации» (Toby, 1977, p. 3).

Ядро творчества Парсонса обнаруживается в четырех системах действия. В допущениях, сделанных Парсонсом при анализе систем действия, мы сталкиваемся с проблемой порядка. Последняя была преобладающим интересом Парсонса и стала важнейшим источником критики его творчества (Schwanenberg, 1971). Ответы более ранних философов на гоббсовскую проблему порядка — что препятствует социальной войне всех против всех — не удовлетворяли Парсонса (Parsons, 1937). Парсонс нашел ответ на эту проблему в структурном функционализме, который, по его мнению, действует в пределах следующего набора допущений.

1. Системы обладают свойством упорядоченности и независимости составных частей.
2. Системы имеют тенденцию к самоподдерживающемуся порядку, или равновесию.[1]

[1] Проблема порядка для Парсонса чаще всего была связана с вопросом о том, почему действие небеспорядочно или структурировано. Вопрос равновесия представлялся Парсонсу более эмпирическим. Тем не менее сам Парсонс часто объединял проблемы порядка и равновесия.

3. Система может быть статичной или участвовать в упорядоченном процессе изменений.
4. Характер одной части системы оказывает влияние на форму, которую могут принять прочие части.
5. Системы поддерживают границы со своей внешней средой.
6. Распределение и интеграция — два фундаментальных процесса, необходимых для заданного состояния равновесия системы.
7. Системы имеют тенденцию к самоподдерживающемуся порядку, что включает сохранение границ и взаимоотношений частей с целым, контроль модификаций внешней среды и контроль над тенденциями к внутренним изменениям системы.

Эти допущения привели Парсонса к тому, что анализ *упорядоченной* структуры общества стал иметь для него первостепенное значение. Таким образом, он мало обращался к вопросу социальных изменений, по крайней мере, до более зрелого периода в своем творчестве:

> Мы считаем, что неэкономично описывать изменения в системе переменных до того, как не были вычленены и описаны сами переменные; поэтому мы решили начать с изучения отдельных комбинаций переменных и переходить к описанию изменений этих комбинаций только тогда, когда для этого заложено твердое основание (Parsons and Shils, 1951, p. 6).

Парсонса столь сильно критиковали за статическую направленность его теории, что он стал уделять изменениям больше внимания. Фактически, как мы увидим, он, в конечном счете, сконцентрировался на социальной эволюции. Однако, по мнению большинства аналитиков, даже его творчество, посвященное социальным изменениям, имело тенденцию к высокой статичности и структурированности.

При ознакомлении с четырьмя системами действия читателю следует помнить, что они не существуют в реальном мире, а, скорее, являются аналитическими инструментами для анализа этого мира.

Социальная система. Парсонсовская концепция социальной системы начинается на микроуровне с взаимодействия между эго и альтерэго, определяемого как самая элементарная форма социальной системы. Парсонс уделил анализу этого Уровня мало внимания, хотя утверждал, что свойства этой системы взаимодействия присутствуют и в более сложных формах, которые принимает социальная система. Парсонс определял *социальную систему* следующим образом:

> Социальная система состоит из множества индивидуальных акторов, *взаимодействующих* друг с другом в ситуации, имеющей, по крайней мере, физический аспект и аспект внешней среды; акторов, которые мотивированы согласно тенденции к «оптимизации удовольствия» и чье отношение к обстоятельствам (и друг к другу в том числе) определяется и осуществляется в соответствии с системой структурированных культурой коллективных символов (Parsons, 1951, p. 5-6).

Эта дефиниция определяет социальную систему на основе многих ключевых в творчестве Парсонса понятий: акторов, взаимодействий, внешней среды, оптимизации удовольствия и культуры.

Толкотт Парсонс: биографический очерк

Толкотт Парсонс родился в 1902 г. в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо. Он происходил из религиозной и интеллектуальной семьи; его отец был священником конгрегации, профессором и, в конце концов, президентом небольшого колледжа. Парсонс закончил обучение в Амхерстском колледже в 1924 г. и начал учиться в аспирантуре в Лондонской школе экономики. В следующем году он переехал в немецкий город Гейдельберг. В Гейдельберге значительную часть своей карьеры провел Макс Вебер, и, хотя он умер за пять лет до приезда Парсонса, влияние Вебера оставалось неизменным, а его вдова продолжала устраивать у себя дома встречи, которые посещал и Парсонс. На Парсонса творчество Вебера оказало большое влияние, в Гейдельберге он написал докторскую диссертацию, в которой рассматривалось, в частности, творчество Вебера.

Парсонс стал преподавать в Гарварде в 1927 г. и оставался там до самой смерти в 1979 г., хотя несколько раз менял отделение. Он не сделал быстрой карьеры, до 1939 г. не занимал должного поста. За два года до этого он опубликовал «Структуру социального действия», книгу, которая не только познакомила многих социологов с виднейшими социологическими теоретиками, такими как Вебер, но и заложила основу самостоятельной теории Парсонса.

После этого Парсонс стал быстро продвигаться в научных кругах. В 1944 г. его назначили главой Гарвардского социологического отделения, а спустя два года он основал и возглавил новое Отделение социальных отношений, которое включало не только социологов, но и различных других ученых в области социальных наук. К 1949 г. его избрали президентом Американской социологической ассоциации. В 1950-х и начале 1960-х гг., после публикации таких книг, как «Социальная система» (1951), Парсонс стал авторитетнейшей фигурой в американской социологии.

Однако к концу1960-х гг. Парсонс подвергся критике учеными зарождавшегося радикального крыла американской социологии. Его считали политически консервативным, и его теория рассматривалась как в высшей степени консервативная и не представляющая из себя почти ничего, кроме тщательно проработанной схемы классификации. Но в 1980-х гг. интерес к теории Парсонса возродился не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире (Alexander, 1982-1983; Buxton, 1985; Camic, 1990; Holton and Turner, 1986; Sciulli and Gerstein, 1985). Холтон и Тернер, возможно, зашли дальше всех, утверждая, что «творчество Парсонса... представляет собой более мощный вклад в социологическую теорию, чем вклад Маркса, Вебера, Дюркгейма или любого их современного последователя» (1986, p. 13). Кроме того, идеи Парсонса оказали влияние не только на мыслителей консервативного направления, но также и на теоретиков неомарксизма, особенно Юргена Хабермаса.

Несмотря на свою приверженность к видению социальной системы как системы взаимодействия, Парсонс не рассматривал взаимодействие в качестве фундаментальной единицы изучения социальной системы. В качестве базовой единицы системы он использовал *статусно-ролевой* комплекс. Это не аспект, связанный с акторами или их взаимодействием, скорее, это *структурный* компонент социальной системы. *Статус* относится к структурной позиции в пределах социальной системы, *ароль* есть то, что человек делает, занимая данную позицию, рассматриваемую в контексте ее функциональной значимости для системы в целом. Актор анализируется не с точки зрения его мыслей и поступков, а (по крайней мере, с точки зрения положения в социальной системе) как не более чем набор статусов и ролей.

При анализе социальной системы, Парсонса в первую очередь, помимо анализа статусов и ролей, интересовали ее структурные компоненты. Кроме того,

Толкотт Парсонс: биографический очерк (окончание)

После смерти Парсонса ряд его бывших студентов, сами значительные социологи, размышляли о его теории, а также о личности, которая за ней стояла (об относительно недавнем и глубоко личном воспоминании см. Fox, 1997). В своих размышлениях эти социологи предложили некоторые интересные мнения о Парсонсе и его творчестве. Несколько взглядов на Парсонса, воспроизводимых здесь, не дополняют последовательную картину, но демонстрируют некоторые дерзкие мнения об этом человеке и его творчестве.

Роберт Мертон был одним из студентов Парсонса, когда тот только начинал свою преподавательскую карьеру в Гарварде. Мертон, ставший видным социологом, разъясняет, что в те годы аспиранты приходили в Гарвард, чтобы заниматься не с Парсонсом, а с возглавлявшим отделение Питиримом Сорокиным, которому предстояло стать заклятым врагом Парсонса:

> Из первого поколения аспирантов, приходивших в Гарвард... ни один не собирался заниматься с Толкоттом. Дай вряд ли они могли это сделать по одной простой причине: в 1931 г. в общественном мнении он еще вовсе не считался социологом.
>
> Хотя, студентами, мы собирались заниматься с прославленным Сорокиным, некоторые из нас остались работать с неизвестным Парсонсом (Merton, 1980, p. 69).

Рассуждения Мертона о первом теоретическом курсе Парсонса также интересны, особенно потому, что материал обеспечил основу для одной из наиболее влиятельных теоретических книг в истории социологии:

> Задолго до того как Толкотт Парсонс стал одним из Великих Старых Людей мировой социологии, в ранний период для небольшой части из нас он был Великим Молодым Человеком. Этому положил начало его первый теоретический курс... [Он] заложил основу его шедевра «Структура социального действия», который... появился в печати лишь спустя пять лет после его первой устной публикации (Merton, 1980, p. 69-70).

Хотя не все разделяли положительную оценку Парсонса, высказывавшуюся Мертоном, они признавали следующее:

> Смерть Толкотта Парсонса знаменует конец целой эпохи в социологии. Когда начнется [новая эра] ... она наверняка будет опираться на огромную традицию социологической мысли, которую он нам оставил (Merton, 1980, p. 71).

Парсонса (Parsons, 1966, p. 11) занимали такие крупные компоненты социальных систем, как коллективные образования, нормы и ценности. Однако, разбирая социальную систему, Парсонс был не только структуралистом, но и функционалистом. Так, он описал ряд функциональных предпосылок социальной системы. Во-первых, социальные системы должны быть структурированы таким образом, чтобы функционировать совместно с другими системами. Во-вторых, для выживания социальной системе требуется поддержка со стороны других систем. В-третьих, система Должна удовлетворять значительную часть потребностей своих акторов. В-четвертых, система должна вызывать достаточное участие со стороны своих членов. В-пятых, она должна иметь, по меньшей мере, минимальный контроль над потенциально деструктивным поведением. В-шестых, если конфликт приобретает достаточно деструктивный характер, его необходимо контролировать. Наконец, социальной системе для того, чтобы выжить, необходим язык.

Из изложения Парсонсом функциональных предпосылок социальной системы понятно, что центральный вопрос его анализа — крупномасштабные системы и их отношения друг с другом (социетальный функционализм). Даже говоря об отдельном человеке, он рассматривал его с точки зрения системы. Подобное изложение также отражает интерес Парсонса к поддержанию порядка внутри социальной системы.

Акторы и социальная система. Однако в своем рассмотрении социальной системы Парсонс не игнорировал полностью вопрос отношений между акторами и социальными структурами. Фактически он назвал интеграцию ценностных образцов и потребностных диспозиций «фундаментальной динамической теоремой социологии» (Parsons, 1951, p. 42). При условии повышенного интереса Парсонса к социальной системе ключевое значение в этой интеграции для него имеют процессы интернализации и социализации. Иначе говоря, Парсонса интересовало, как нормы и ценности системы передаются в рамках этой системы акторам. В успешном процессе социализации происходит усвоение этих норм и ценностей, т. е. они становятся частью «совести» акторов. В результате, следуя своим собственным интересам, фактически акторы служат интересам системы в целом. Как это выразил Парсонс, «совокупность ценностных образцов, приобретаемая [актором в процессе социализации] *в значительной степени должна быть функцией фундаментальной ролевой структуры и преобладающих в социальной системе ценностей»* (1951, p. 227).

В целом, Парсонс предполагал, что акторы в процессе социализации обычно остаются пассивными реципиентами.[1] Дети учатся не только правилам поведения, но также нормам и ценностям, нравственным устоям общества. Социализация понимается как консервативный процесс, в котором потребностные диспозиции (сами во многом формируемые обществом) устанавливают связь между ребенком и социальной системой, а последняя обеспечивает средства для их удовлетворения. Пространство для творчества отсутствует или его мало: потребность вознаграждения привязывает ребенка к системе в том виде, в каком она существует. Парсонс рассматривает социализацию как опыт длиной в жизнь. Поскольку нормы и ценности, прививаемые в детстве, имеют, как правило, обобщенный характер, они не готовят детей к разнообразным специфическим ситуациям, с которыми те сталкиваются во взрослой жизни. Таким образом, социализацию в течение всего жизненного периода необходимо дополнять более специфическим опытом социализации. Несмотря на эту потребность, нормы и ценности, усвоенные в детстве, имеют тенденцию к постоянству и, с небольшим слабым подкреплением, в большинстве своем остаются в силе в течение всей жизни.

Несмотря на вызываемую социализацией, происходящей в течение всей жизни, конформность, в системе существует широкий набор индивидуальных различий. Вопрос заключается в следующем: почему это обыкновенно не становится серьезной проблемой для социальной системы, учитывая присущую ей потребность

[1] Это спорное толкование творчества Парсонса, с которым многие не соглашаются. Например, Франсуа Буррико говорит о «диалектике социализации» (Bourricaud, 1981, p. 108) в творчестве Парсонса, а не о пассивном принятии социализации.

в порядке? С одной стороны, чтобы привить конформность, можно использовать ряд механизмов социального контроля. Однако, согласно концепции Парсонса, социальный контроль — сугубо второстепенная оборонительная линия. Система функционирует наилучшим образом, если социальный контроль используется лишь умеренно. С другой стороны, система должна обладать способностью выдерживать некие колебания, отклонения. Гибкая социальная система сильнее той, которая не приемлет никаких отклонений. Наконец, социальная система должна обеспечивать широкие ролевые возможности, позволяющие различным личностям проявить себя, не угрожая целостности системы.

Социализация и социальный контроль — главные механизмы, позволяющие социальной системе сохранять равновесие. Индивидуальность и отклонения в умеренных количествах системой усваиваются, однако более крайние формы должны регулироваться уравновешивающими механизмами. Таким образом, социальный порядок встроен в структуру социальной системы Парсонса:

> , Без чьего-либо преднамеренного планирования в нашем типе социальной системы, и, соответственно, в других, развились механизмы, которые, в определенных пределах, способны предвосхищать и изменять глубинные тенденции к девиации, склоняющие к переходу в фазу порочного круга, которая ставит ее вне контроля со стороны обычных санкций в виде одобрения-неодобрения и награды — наказания (Parsons, 1951, p. 319)

Опять-таки основным интересом Парсонса является система в целом, а не актор в системе: его занимало, как система контролирует актора, а не то, как актор создает и сохраняет систему. Здесь отражается приверженность Парсонса в этом вопросе к структурно-функциональному подходу.

Общество. Хотя понятие социальной системы включает все виды сообществ, специфической и особенно важной социальной системой является *общество,* «относительно самодостаточное сообщество, члены которого способны удовлетворять все свои индивидуальные и коллективные потребности и всецело существовать в его рамках» (Rocher, 1975, p. 60). [1] Будучи структурным функционалистом, Парсонс различал в обществе четыре структуры, или подсистемы, с точки зрения функций *(AGIL),* которые они выполняют (см. рис. 3.3). *Экономика* — подсистема, выполняющая в обществе функцию адаптации к внешней среде через труд, производство и распределение. Таким образом, экономика приспосабливает внешнюю среду к общественным потребностям и помогает обществу адаптироваться к внешним реалиям. *Политика* (или политическая система) выполняет функцию Целедостижения путем преследования общественных целей и мобилизации для этого агентов и ресурсов. *Система попечения* (например, в школах, семье) выполняет латентную функцию, передавая агентам культурные образцы (нормы и ценности) и разрешая их усвоение. Наконец, функцию интеграции выполняет *социетальное сообщество* (например, закон), координирующая различные элементы общества (Parsons & Piatt, 1973).

[1] Барбер (Barber, 1993, 1994) утверждает, что, поскольку в творчестве Парсонса в значительной степени присутствует терминологическая неоднозначность, понятие социальной системы следует ограничить крупными, совокупными системами, такими как общества.

Рис. 3.3. Общество, его подсистемы и функциональные императивы

Наиболее важная из структур социальной системы, имевших значение для Парсонса, — система культуры. Фактически, как мы уже говорили, система культуры стоит на вершине парсоновской системы действия, а сам Парсонс (Parsons, 1966) называл себя «культурным детерминистом».

Система культуры. Парсонс понимал культуру как главную силу, связывающую различные элементы социального мира, или, в его терминологии, системы действия. Культура служит посредником при взаимодействии агентов и объединяет личность с социальными системами. Культура обладает особой способностью становиться, по крайней мере, частично, элементом других систем. Таким образом, в социальной системе культура воплощена в нормах и ценностях, а в системе личности она усваивается агентом. Во система культуры не просто часть других систем; она также существует отдельно в форме социального запаса знаний, символов и понятий. Эти аспекты системы культуры доступны социальной и личностной системам, но не становятся их частью (Morse, 1961, p. 105; Parsons & Shils, 1951, p. 6).

Парсонс определял систему культуры, как и прочие системы, с точки зрения отношений между ней и другими системами действия. Таким образом, *культура* понимается как структурированная, упорядоченная система символов, служащая ориентирами для агентов, интернализованными аспектами системы личности и институционализованными образцами (Parsons, 1990) в социальной системе. Из-за своего во многом символического и субъективного характера культура легко передается от одной системы к другой, а с помощью обучения и социализации от одной системы личности к другой. Однако символический (субъективный) характер культуры также придает ей и другое свойство — способность контролировать прочие системы действия Парсонса. Эта одна из причин, почему Парсонс стал себя считать культурным детерминистом.

Поскольку система культуры главенствует в теории Парсонса, нужно задать вопрос: а предлагает ли он подлинно целостную теорию? Как отмечается в Приложении, действительно целостная теория грубо нивелирует все основные уровни анализа. Культурный детерминизм, а точнее, любой вид детерминизма, с точки зрения целостной социологии, очень подозрителен. (О более целостной концепции творчества Парсонса см. Camic, 1990.) Проблема обостряется при рассмотрении личности и ее слабой проработанности у Парсонса.

Система личности. Система личности контролируется не только системой культуры, но также социальной системой. Это не означает, что Парсонс не признавал определенную независимость системы личности:

> Будем считать, что, несмотря на то что основное содержание структуры личности исходит из социальных систем и культуры путем социализации, личность становится независимой системой через отношения с собственным организмом и неповторимость собственного жизненного опыта; и это не просто побочное явление (Parsons, 1970a, p. 82).

Создается ощущение, что Парсонс чересчур настаивает. Если система личности не побочное явление (эпифеноменом), ей, несомненно, отводится второстепенное или зависимое положение в его теоретической системе.

Личность определяется как организованная система ориентации и мотивации к действию индивидуального агента. Основным элементом личности является «потребностная диспозиция». Парсонс и Шилз определяли *потребностные диспозиции* как «важнейшие элементы мотивации к действию» (1951, p. 113). Они отличали потребностные диспозиции от побуждений, представляющих собой врожденные тенденции — «психологическую энергию, которая делает действие возможным» (Parsons & Shils, 1951, p. 111). Другими словами, побуждения являются скорее частью биологического организма. Потребностные диспозиции становятся как «эти же тенденции, когда они имеют не врожденный характер, а приобретаются в процессе действия как таковом» (Parsons & Shils, 1951, p. 111). Иначе говоря, потребностные диспозиции есть побуждения, формируемые социальным окружением.

Потребностные диспозиции побуждают агентов к принятию или отрицанию объектов внешней среды или к поиску новых объектов, если доступные недостаточно удовлетворяют потребностным диспозициям. Парсонс различал три основных типа потребностных диспозиций. Первый тип побуждает агентов к поиску в социальных отношениях любви, одобрения и т. п. Второй тип включает усвоенные ценности, склоняющие агентов соблюдать различные культурные нормы. Наконец, существуют ролевые ожидания, благодаря которым агенты дают и получают адекватные ответы.

Это описание дает весьма пассивный образ агентов. Представляется, что на них либо влияют побуждения, в которых главенствует культура, либо, что более обычно, их формирует комбинация побуждений и культуры (т. е. потребностные диспозиции). Пассивная система личности — слабое место в целостной теории, и Парсонс, кажется, сознавал это. Несколько раз он пытался наделить личность некоторой креативностью. Например, он сказал: «Мы... не имеем в виду, что ценности личности целиком представляют собой "интернализованную культуру" или просто строгое соблюдение правил и законов. При усвоении культуры человек производит творческие изменения; но новый аспект не есть аспект культуры» (Parsons & Shils, 1951, p. 72). Несмотря на подобные заявления, преобладающее впечатление от творчества Парсонса — пассивная система личности.

Акцент Парсонса на потребностных диспозициях порождает другие проблемы. Поскольку он не учитывает многих важных аспектов личности, его система во Многом неполноценна. Психолог Альфред Болдуин отмечает именно это:

> Представляется справедливым, что Парсонсу в своей теории не удается снабдить личность разумным набором качеств или механизмов, помимо потребностных диспозиций, и он создает себе трудности, не наделив личность достаточными характеристиками и достаточным числом различных механизмов для способности функционировать (A. Baldwin, 1961, p. 186).

Болдуин выделяет еще один убедительный момент относительно парсоновской системы личности: он утверждает, что даже когда Парсонс анализировал систему личности, на самом деле она не была его главным интересом: «Даже создавая целые главы о структуре личности, Парсонс гораздо больше страниц посвящает рассмотрению социальных систем» (Baldwin, 1961, p. 180). Такой подход отражается во взглядах Парсонса на различные виды соединения личности с социальной системой. Во-первых, асторы должны научиться рассматривать себя адекватно месту, занимаемому ими в обществе (Parsons & Shils, 1951, p. 147). Во-вторых, каждой роли соответствуют ролевые ожидания. Кроме того, происходит обучение самодисциплине, усвоение ценностей, личностная идентификация и т. д. Все эти силы способствуют объединению системы личности с выдвинутой Парсонсом на передний план социальной системой. Однако он также отмечал возможность отсутствия такой интеграции, что для системы составляет проблему, требующую разрешения.

Другой аспект творчества Парсонса — его интерес к интернализации как личностной стороне процесса социализации — отражает пассивность системы личности. Этот интерес Парсонс (Parsons, 1970a, p. 2) унаследовал от Дюркгейма, писавшего об интернализации, а также от Фрейда, в части, касающейся суперэго. При подчеркивании значимости интернализации и суперэго снова проявилась парсоновская концепция системы личности, имеющей пассивный характер и контролируемой извне.

Хотя Парсонс в своем раннем творчестве намеревался обсуждать субъективные аспекты личности, постепенно он отошел от этой идеи. Таким образом, он ограничил возможное понимание системы личности. Парсонс ясно высказался по поводу того, что его перестали интересовать внутренние смыслы человеческих действий: «Организация данных, получаемых путем наблюдения, с точки зрения теории вполне возможна и плодотворна с точки зрения модифицированного бихевиоризма, и такая формулировка позволяет избежать многих сложностей интроспекции или эмпатии» (Parsons & Shils, 1951, p. 64).

Поведенческий организм. Парсонс уделил мало внимания поведенческому организму, несмотря на то что включил его в состав четырех систем действия. Он сделал это, поскольку поведенческий организм является источником энергии для остальных систем. Хотя он основан на генетическом строении, на его организацию влияют процессы культурной детерминации и обучения, происходящие в течение жизни индивида.[1] Поведенческий организм в творчестве Парсонса явно имеет остаточный характер, однако Парсонса стоит восхвалять как минимум за то, что он включил его в свою социологию, тем самым предвосхитив интерес некоторых социологов к социобиологии и социологии тела (B. Turner, 1985).

[1] Из-за этого социального элемента в своем более позднем творчестве Парсонс отказался от слова *организм* и назвал это поведенческой системой (Parsons, 1975, p. 104).

Изменения и динамика в теории Парсонса

Использование Парсонсом таких концептуальных инструментов, как четыре системы действия и функциональные императивы, привело к обвинению его в том, что он предлагает структурную теорию, не учитывающую социальные изменения. Долгое время Парсонс весьма болезненно воспринимал это обвинение, утверждая, что, несмотря на необходимость изучения изменений, последнему должно предшествовать исследование структуры. Однако к 1960-м гг. он больше не смог выносить нападки и серьезно изменил направленность своего творчества в сторону изучения социальных изменений[1], особенно изучения социальной эволюции (Parsons, 1977b, p. 50).

Эволюционная теория. Общая ориентация Парсонса (Parsons, 1966) на изучение социальных изменений базировалась на биологии. Для рассмотрения этого процесса Парсонс разработал то, что он сам назвал «парадигмой эволюционных изменений».

Первый элемент данной парадигмы — процесс *дифференциации.* Парсонс считал, что любое общество состоит из ряда подсистем, различающихся как по *структуре,* так и по своему *функциональному* значению для более крупной социальной системы — общества. По мере развития общества выделяются новые подсистемы. Этого, однако, недостаточно: они должны быть и более адаптивными, чем ранние подсистемы. Таким образом, существенным аспектом эволюционной парадигмы Парсонса стала идея *адаптивного обновления.* Парсонс описал этот процесс так:

> Если роль дифференциации состоит в создании сбалансированной, более развитой системы, каждая вновь выделившаяся подструктура... должна обладать повышенной способностью к адаптации для выполнения своей *первичной* функции по сравнению с выполнением *этой* функции в предшествующей, более расплывчатой структуре... Мы можем назвать этот процесс аспектом *адаптивного обновления* в цикле эволюционных изменений (Parsons, 1966, p. 22).

Это очень позитивная модель социальных изменений (хотя Парсонс, конечно, имел представление и об их негативной стороне). Данная модель предполагает, что общество развивается, становится более способным справляться с трудностями. Согласно марксистской теории, социальные изменения, напротив, приводят к конечному уничтожению капиталистического общества. В частности, поэтому Парсонса нередко называют крайне консервативным теоретиком социологии. Кроме того, рассматривая изменения, он склонялся к выделению позитивных аспектов социальных изменений в современном мире, а не их негативной стороне.

Далее, Парсонс утверждал, что процесс дифференциации порождает для общества новый ряд проблем *интеграции.* С ростом числа подсистем общество сталкивается с новыми проблемами координации функционирования этих элементов.

Общество в процессе эволюции должно двигаться от системы «приписывания» к системе «достижения». Для управления более разветвленными подсистемами

[1] Справедливости ради надо сказать, что Парсонс и ранее работал в области социальных изменений (см. Parsons, 1942, 1947; см. также Alexander, 1981; Baum & Lechner, 1981).

требуется более широкий набор умений и способностей. Человеческие способности нужно освободить от «приписывающих» связей, чтобы эти способности могли быть использованы обществом. В наиболее общем виде это означает, что группы, которые раньше были отстранены от участия в развитии системы, надо освободить для включения их в качестве полноправных членов общества.

Наконец, *ценностная* система общества должна пройти через изменения, так как социальные структуры и функции становятся все более дифференцированными. Но поскольку новая система более разнообразна, ценностной системе труднее охватить ее. Поэтому более дифференцированному обществу требуется такая ценностная система, которая «выражается на более высоком уровне обобщения, чтобы узаконить больший набор целей и функций ее субэлементов» (Parsons, 1966, p. 23). Однако этот процесс распространения ценностей зачастую происходит не гладко, так как встречает сопротивление со стороны групп, приверженных собственным ограниченным ценностным системам.

Эволюция проходит ряд циклов, но ни один всеобщий процесс не влияет на все общества равным образом. Некоторые общества могут поощрять эволюцию, в то время как другие могут «быть столь заняты внутренними конфликтами или другими помехами», что задерживают эволюционный процесс или даже могут «вырождаться» (Parsons, 1966, p. 23). Больше всего Парсонса интересовали общества, в которых происходят эволюционные «прорывы»», так как он полагал, что раз они произошли, то эволюционный процесс будет происходить в соответствии со своей общей эволюционной моделью.

Хотя Парсонс понимал эволюцию как стадиальный процесс, он настороженно относился к однолинейной эволюционной теории: «Мы не понимаем социеталь-ную эволюцию как протяженный или просто линейный процесс, но можем различать основные уровни прогресса, не упуская из виду значительной изменчивости, обнаруживаемой в каждом» (1966, p. 26). Поясняя, что упрощает ситуацию, Парсонс различал три основные стадии эволюции: примитивную, промежуточную и современную. Что характерно, он различал эти стадии, главным образом, на основе культурных значений. Решающим моментом развития при переходе от примитивной к промежуточной стадии становится развитие языка, и прежде всего, языка письменного. Ключевой момент развития при переходе от промежуточной стадии к современной состоит в «институционализованном кодексе нормативного порядка» или законе (Parsons, 1966, p. 26).

Парсонс продолжал исследование с помощью анализа ряда конкретных обществ в контексте их эволюции — от примитивного к современному обществу. Здесь стоит подчеркнуть одну особенность: Парсонс обратился к эволюционной теории отчасти потому, что его обвиняли в неспособности изучать социальные изменения. Тем не менее он анализирует эволюцию *не* с точки зрения прогресса. Скорее, это попытка «упорядочить типы структур и последовательно их соотнести» (Parsons, 1966, p. 111)• Это сравнительный *структурный* анализ, а не реальное изучение процессов социальных изменений. Таким образом, даже когда предположительно Парсонс рассматривал изменения, он оставался приверженцем изучения структур и функций.

Обобщенные средства обмена. Одним из каналов включения в теоретическую систему Парсонса некоторой динамики, некоторой подвижности (Alexander,

1983, p. 115) явились его идеи обобщенных средств обмена внутри и между четырьмя системами действия (особенно в рамках социальной системы), рассмотренными выше. В качестве примера обобщенных средств обмена выступают деньги, функционирующие в этом качестве в области экономики. Но вместо рассмотрения материальных явлений, таких как деньги, Парсонс поместил в центр своего внимания *символические* средства обмена. Даже когда Парсонс обсуждает деньги как средство обмена в социальной системе, он больше фокусируется на их символических, а не материальных свойствах. Помимо денег существуют другие обобщенные средства обмена, носящие более ясно выраженный символический характер: политическая власть, влияние и ценностные пристрастия. Парсонс вполне ясно объясняет, почему рассматривает символические средства обмена: «Мне кажется, что введение в структурную концепцию, которой я придерживаюсь, теории средств, опровергает частые голословные утверждения, что структурный анализ данного рода заражен уклоном в статику, что делает невозможным отдать должное проблемам динамики» (1975, p. 98-99).

Символические средства обмена обладают способностью, как и деньги, создаваться и циркулировать в крупной социальной системе. Таким образом, в пределах системы эти средства в области политической системы способны создавать политическую власть. Что более важно, они могут расходовать эту власть, таким образом позволяя ей свободно циркулировать и оказывать влияние в социальной системе. Через такое расходование власти лидеры предположительно укрепляют политическую систему, как и общество в целом. Обобщенные символические средства циркулируют между четырьмя системами действия и внутри структур каждой из этих систем. Именно их существование и движение придает в значительной степени структурному анализу Парсонса динамику.

Как отмечает Александер (Alexander, 1983, p. 115), обобщенные средства обмена придают парсоновской теории динамику в ином смысле. Они допускают существование «создателей средств» (например, политиков), которые не принимают систему обмена просто как она есть, т. е. они могут-быть креативными и изобретательными, и таким образом изменять не только количество обобщенных средств, но и их характер и направленность.

Структурный функционализм Роберта Мертона

Если Толкотт Парсонс — важнейший теоретик структурного функционализма, то его студент Роберт Мертон был автором важнейших формулировок структурного функционализма в социологии (Sztompka, см. далее; Tiryakian, 19991). Мертон критиковал некоторые крайние и бездоказательные аспекты структурного функционализма. Но, что не менее важно, новые концептуальные воззрения, выдвинутые Мертоном, способствовали сохранению актуальности структурного функционализма.

Хотя и Мертон, и Парсонс оба связаны со структурным функционализмом, Между ними существуют значительные различия. Во-первых, если Парсонс отстаивал создание крупных всеобъемлющих теорий, то Мертон предпочитал более ограниченные, среднего уровня теории. Кроме того, Мертон в большей степени, чем Парсонс, поддерживал марксистскую теорию. Фактически можно считать, что

Мертон и некоторые его студенты (особенно Алвин Гоулднер) в политическом смысле придали структурному функционализму более левый оттенок.

Структурно-функциональная модель

Мертон критиковал положения, которые считал тремя основными постулатами функционального анализа в том виде, в каком он был развит такими антропологами, как Малиновски *и* Рэдклифф Браун. Первый постулат утверждает универсальный функционализм общества. Согласно этому постулату, все стандартизированные социальные и культурные убеждения и обычаи имеют функциональное значение для общества в целом и для индивидов в частности. Это значит, что раз личные элементы социальной системы должны обладать высоким уровнем интеграции. Однако Мертон утверждал, что хотя это может быть верно по отношению к небольшим, примитивным обществам, нельзя делать обобщения применительно к более крупным и сложным обществам.

Второй постулат гласит об универсальном функционализме. Утверждается что *все* стандартизированные социальные и культурные формы и структуры вы полняют позитивные функции. Мертон доказал, что это противоречит тому что мы видим в реальном мире. Ясно, что не каждая структура, обычай, идея убежде ние и т д. выполняет позитивные функции. Например, неистовый национализм может быть крайне дисфункционален в мире быстро распространяющегося ядер ного оружия. *

Третий постулат - постулат необходимости. Здесь утверждается, что все стандартизированные аспекты общества не только выполняют позитивные функции но также представляют собой необходимые элементы функционирования целого. Этот постулат подводит к идее, что все структуры и функции функционально необходимы для общества. Никакие другие структуры и функции не могли бы работать так же эффективно, как те, что обнаруживаются в обществе в настоящее время. Критикуя Парсонса, Мертон утверждал, что мы, по крайней мере, должны быть готовы признать наличие в обществе структурных и функциональных альтернатив.

По мнению Мертона, все эти функциональные постулаты опираются на не эмпирические утверждения, основанные на абстрактно-теоретических системах Обязанность социолога - как минимум изучать каждую из них эмпирически Уверенность Мертона *в* том, что эмпирическая проверка, а не теоретические утверждения, имеет решающее значение для функционального анализа привело его к разработке «парадигмы» функционального анализа, объединяющей теории и исследования.

Мертон с самого начала пояснил, что структурно-функциональный анализ рассматривает группы, организации, общества и культуры. Он утверждал, что любой объект, который может подлежать структурно-функциональному анализу, должен «представлять собой стандартизированное (т. е. шаблонное и повторяющееся явление)» (Merton,1949/1968, p. 104). Он имел в виду «социальные роли, институциональные модели, социальные процессы, культурные образцы, обусловленные культурой эмоции, социальные нормы, групповую организацию, социальную структуру средства социального контроля и т. д.» (Merton, 1949/1968, p. 104).

Ранние структурные функционалисты в основном почти всецело посвящали себя рассмотрению *функций* одной социальной структуры или института относительно другой. При этом, как считает Мертон, они нередко смешивали субъективные мотивы индивидов с функциями структур или институтов. Структурный функционалист должен помещать в центр своего внимания скорее социальные функции, а не индивидуальные мотивы. *Функции,* по Мертону, определяются как «те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы» (1949/1968, p. 105). Однако когда кто-то фокусируется только на адаптации или приспособлении, присутствует явный идеологический уклон, поскольку всегда существуют позитивные последствия. Важно заметить, что один социальный факт может иметь негативные последствия для другого. Чтобы исправить это серьезное упущение раннего структурного функционализма, Мертон разработал понятие *дисфункции.* Так же как структуры или институты могут способствовать сохранению других частей социальной системы, они могут иметь для них и отрицательные последствия. Например, рабство на юге Соединенных Штатов имело позитивные последствия для белых жителей Юга, как, например, снабжение дешевой рабочей силой, поддержка хлопковой экономики и социального статуса. Оно также имело дисфункции, в частности, чрезмерную зависимость южан от аграрной экономики и вытекающую отсюда неготовность к индустриализации. Давнишнее промышленное неравенство между Севером и Югом можно приписать, по крайней мере, отчасти, дисфункциям института рабства на Юге.

Мертон также выдвинул понятие *нонфункций,* которые определял как последствия, которые не относятся к рассматриваемой системе. Сюда могут относиться социальные формы, «выжившие» с более ранних исторических времен. Хотя в прошлом они могли иметь положительные или отрицательные последствия, на современное общество они не оказывают значительного влияния. Примером может служить, хотя некоторые могут с этим не согласиться, «Женское христианское движение терпимости» *{Women's Christian Temperance Movement).*

Чтобы было легче ответить на вопрос, перевешивают ли функции дисфункции, или наоборот, Мертон разработал концепцию *чистого баланса.* Правда, мы никогда не сможем просто сложить положительные функции и дисфункции и объективно определить, что перевешивает, поскольку эти вопросы столь сложны и до такой степени основаны на субъективных суждениях, что не могут быть легко просчитаны и взвешены. Польза мертоновской концепции состоит в том, что она обращает внимание социологов на вопрос относительной значимости. Если вернуться к примеру рабства, возникает вопрос, имело ли рабство для Юга сравнительно более функциональный или дисфункциональный характер? Тем не менее этот вопрос слишком общий и не учитывает ряд проблем (например, то, что рабство имело функциональный характер для таких групп, как белые рабовладельцы).

Чтобы разобраться с подобными вопросами, Мертон выдвинул идею существования *уровней функционального анализа.* Функционалисты, как правило, ограничивались анализом общества в целом, Мертон же пояснил, что можно также анализировать организацию, институт или группу. Возвращаясь к проблеме функций, которые выполняло рабство, было бы необходимо различать несколько уровней анализа и изучать функции и дисфункции рабства для семей черных, семей белых

для черных политических организаций, белых политических организаций и т. д, С точки зрения чистого баланса, рабство, вероятно, было более функционально для определенных социальных единиц и более дисфункционально для других. Перенесение рассмотрения проблемы на эти более конкретные уровни облегчает анализ функциональности рабства для Юга в целом.

Кроме того, Мертон ввел понятие *явных* и *латентных* функций. Два этих термина также стали важным вкладом в функциональный анализ.[1] *Явные функции* имеют намеренный характер, ^*латентные функции* — ненамеренный. Явной функцией рабства, например, было повышение экономической производительности Юга, но оно имело латентную функцию привлечения многочисленного низшего класса, служившего для повышения социального статуса белых южан, как богатых, так и бедных. Эта мысль связана с другой концепцией Мертона — концепцией *непредвиденных последствий.* Действия имеют как преднамеренные, так и непреднамеренные последствия. Хотя все осознают преднамеренные последствия, чтобы обнаружить непреднамеренные последствия, требуется социологический анализ. Действительно, для некоторых это является самой сущностью социологии. Питер Бергер (Berger, 1963) назвал это «развенчанием», или взглядом за пределы заявленных намерений на реальные результаты.

Мертон пояснял, что непредвиденные последствия и латентные функции — не одно и то же. Латентная функция есть вид непредвиденного последствия, имеющий для определенной системы функциональный характер. Однако существуют два других вида непредвиденных последствий: «дисфункциональные для определенной системы, и они включают латентные дисфункции», и «не относящиеся к системе, на которую они не влияют ни функционально, ни дисфункционально... нонфункциональные последствия» (Merton, 1949/1968, p. 105).

В качестве дальнейшего прояснения функциональной теории Мертон отмечал, что структура может иметь по отношению к системе в целом дисфункциональный характер и тем не менее продолжать существовать. Можно с достаточными основаниями говорить, что дискриминация чернокожих, женщин и прочих меньшинств дисфункциональна для американского общества, при этом она продолжает существовать, поскольку функциональна для части социальной системы; например, дискриминация женщин обычно функциональна для мужчин. Но эти формы дискриминации не лишены дисфункций даже для той группы, для которой они функциональны. Мужчины страдают от своей дискриминации женщин; аналогично белым вредит дискриминационное поведение по отношению к чернокожим. Можно утверждать, что эти формы дискриминации неблагоприятно влияют на диск-

[1] Колин Кэмпбелл (Campbell, 1982) критикует разделение Мертоном явных и латентных функций. В частности, он отмечает, что Мертон неясно определяет эти термины и использует их по-разному (например, как намеренные последствия в сравнении с реальными и как поверхностные значения в сравнении с сущностной реальностью). Что более важно, он считает, что Мертону (как и Парсонсу) не удалось приемлемо объединить теорию действия и структурный функционализм. В результате мы имеем неудобную смесь интенциональностной («явной») теории действия и структурных последствий («функций») структурного функционализма. Из-за этих и других недоразумений, как считает Кэмпбелл, различие, которое проводит Мертон между явными и латентными функциями, мало используется в современной социологии.

риминирующую сторону, так как большое число людей остается неудовлетворенным своим положением, вследствие чего возрастает вероятность социального конфликта.

Мертон считал, что не все структуры необходимы для функционирования социальной системы. Некоторые элементы социальной системы *можно* исключить. Это помогает функциональной теории преодолеть еще один из ее консервативных уклонов. Признавая, что некоторые структуры можно ликвидировать, функционализм открывает путь для значимых социальных изменений. Наше общество, например, может продолжать существовать (и даже улучшиться) с устранением дискриминации различных меньшинств.

Пояснения Мертона крайне полезны для социологов (например, Gans, 1972, 1994), желающих провести структурно-функциональный анализ.

Социальная структура и аномия

В рамках данного параграфа следует обратиться к одному из самых известных вкладов в структурный функционализм и социологию в целом (Adler and Laufer, 1995; Merton, 1995; Menard, 1995) — мертоновскому (Merton, 1968) анализу отношений между культурой, структурой и аномией. Мертон определяет *культуру* как «организованную совокупность *нормативных ценностей,* управляющих поведением, характерным для членов определенного общества или группы», а *социальную структуру* как «организованную совокупность *социальных отношений,* в которых поразному участвуют члены общества или группы» (1968, p. 216; курсив мой). Аномия имеет место «при наличии серьезного рассогласования между нормами и целями культуры и социально сформированными способностями членов группы действовать в соответствии с ними (Merton, 1968, p. 216). То есть из-за своего положения в социальной структуре общества некоторые люди не способны действовать согласно нормативным ценностям. Культура требует определенного типа поведения, которому препятствует социальная структура.

Например, в американском обществе культура придает огромное значение материальному успеху. Однако из-за положения в социальной структуре многие не имеют возможности достичь такого успеха. Если человек по рождению принадлежит к низшим социально-экономическим слоям и, как следствие, может получить, в лучшем случае, лишь степень выпускника высшего учебного заведения, то его шансы на достижение экономического успеха общепринятыми способами (например, преуспев на традиционном рабочем поприще) малы либо вовсе отсутствуют. При таких обстоятельствах (а они широко распространены в современном американском обществе) можно говорить о существовании аномии, результат которой — тенденция к девиантному поведению. В данном контексте девиантное поведение зачастую принимает форму альтернативных, не принятых в обществе и Иногда незаконных средств достижения экономического успеха. Таким образом, примером девиантного поведения, порождаемого дисбалансом между ценностями культуры и социально-структурными способами их достижения, может служить наркоторговля или занятие проституцией ради экономического успеха. Это один из способов объяснения преступности и девиантного поведения с точки зрения структурного функционализма.

Таким образом, в данном примере Мертон рассматривает социальные (и культурные) структуры, но его не сильно интересуют функции этих структур. Скорее он, в соответствии со своей функциональной парадигмой, больше занят исследованием дисфункций, в данном случае аномии. Точнее, Мертон, как мы видели, связывает аномию с девиантным поведением и с помощью этого утверждает, что рассогласования между культурой и структурой имеют дисфункциональные последствия, а именно приводят к девиантному поведению в обществе.

Следует заметить, что в творчестве Мертона, посвященном аномии, подразумевается критическое отношение к социальной стратификации (например, из-за того что она блокирует средства для достижения некоторых социально желательных целей). Таким образом, если Дэвис и Мур писали о стратифицированном обществе в одобрительном ключе, то творчество Мертона показывает, что структурные функционалисты могут относиться к социальной'стратификации критически.

Основная критика

Ни одна социологическая теория в истории дисциплины не вызывала такого интереса, как структурный функционализм. С конца 1930-х по начало 1960-х гг. он был практически неоспорим как авторитетнейшая социологическая теория в Соединенных Штатах. Однако к 1960-м гг. эта теория стала подвергаться значительной критике, и, в конце концов, критика превзошла похвалы. Марк Абрахамсон довольно живо описал ситуацию: «Таким образом, фигурально говоря, функционализм шагал, как огромный слон, не замечая комариных укусов, даже когда рой нападающих наносил ему тяжелый урон» (Abrahamson, 1978, p. 37).

Содержательная критика

Одно из основных критических замечаний состоит в том, что структурный функционализм недостаточно учитывает историю, т. е., по сути своей, антиисторичен. Фактически, структурный функционализм развивался, по крайней мере, отчасти, как реакция на исторический эволюционный подход определенных антропологов. Считалось, что многие ранние антропологи описывают различные стадии эволюции данного общества или общества в целом. Зачастую изображение ранних этапов носило достаточно умозрительный характер. Кроме того, позднейшие стадии зачастую были немногим более чем идеализацией общества, в котором жили антропологи. Ранние структурные функционалисты стремились преодолеть умозрительный характер и этноцентрический уклон этих работ. Особенно далеко структурный функционализм зашел в своей критике эволюционной теории, он избирал предметом своего анализа современные или абстрактные общества. Однако структурный функционализм необязательно антиисторичен (Turner and Maryanski, 1979). Хотя среди профессионалов есть тенденция относиться к нему как антиисторичному, ничто в этой теории не мешает им обращаться к историческим предметам. Фактически, творчество Парсонса (Parsons, 1966, 1971), посвященное социальным изменениям, как мы видели, отражает способность структурных функционалистов при желании рассматривать и изменения.

Структурных функционалистов также критикуют за неспособность эффективно изучать *процесс* социальных изменений (Abrahamson, 1978; P. Cohen, 1968;

Mills, 1959; Turner and Maryanski, 1979). Тогда как описанные критические аргументы говорят о кажущейся неспособности структурного функционализма рассматривать прошлое, эта критика озабочена и неспособностью данного подхода анализировать современный процесс социальных изменений. Структурный функционализм, вероятнее всего, рассматривает статические структуры, а не процессы изменений. Перси Коэн (Cohen, 1968) считает, что проблема лежит в структурно-функциональной теории, полагающей все элементы общества укрепляющими друг друга, а также систему в целом. Это мешает понять, как эти элементы могут способствовать также и изменениям. Тогда как Коэн считает проблему присущей самой теории, Тернер и Мариански, опять же, полагают, что проблема связана не с теорией, а с социологами.

По мнению Тернера и Мариански, структурные функционалисты зачастую не обращаются к вопросу изменений, а если и обращаются, то скорее с эволюционной, а не революционной точки зрения. Тем не менее они считают, что нет повода утверждать, что структурные функционалисты не могут анализировать социальные изменения. Связана ли проблема с теорией или с теоретиками, факт тот, что основной вклад структурных функционалистов заключается в изучении статических, не меняющихся социальных структур.[1]

Возможно, наиболее часто звучащая критика структурного функционализма — это утверждение о его неспособности эффективно анализировать конфликт (Abrahamson, 1978; P. Cohen, 1968; Gouldner, 1970; Horowitz, 1962/1967; Mills, 1959; Turner and Maryanski, 1979).[2] Эта критика принимает разные формы. Алвин Гоулднер утверждает, что Парсонс как главный представитель структурного функционализма был склонен преувеличивать роль гармоничных отношений. Ирвинг Луис Горовиц говорит 6 том, что структурные функционалисты склонны рассматривать конфликт как неизбежно разрушительное и происходящее за рамками общества явление. С наиболее общих позиций, Абрахамсон утверждает, что структурный функционализм преувеличивает согласие в обществе, стабильность и интеграцию и, наоборот, склонен не учитывать конфликт, рассогласованность и изменения. Снова встает вопрос, присуще ли это теории как таковой, или же способу интерпретации и использования ее социологами (P. Cohen, 1968; Turner and Maryanski, 1979). Как бы не различались мнения друг от друга, ясно, что структурный функционализм смог предложить по проблеме социального конфликта относительно немного.

Массовые обвинения структурного функционализма в неспособности рассматривать историю, изменения и конфликт привели к тому, что многие (например, P. Cohen, 1968; Gouldner, 1970) стали говорить о консервативном уклоне структурного функционализма. На этот счет лучше других высказался Гоулднер: «Парсонс упорно считает наполовину наполненный водой стакан *полуполным,* а не *полупустым»* (Gouldner, 1970, p. 290). Человек, который считает стакан наполо-

[1] Однако существует несколько важных, созданных структурными функционалистами работ, которые посвящены социальным изменениям (C.Johnson, 1966; Smelser, 1959, 1962).

[2] Опять же, существуют значительные исключения: см. Coser (1956, 1967), Goode (1960) и Merton (1975).

Роберт Кинг Мертон: автобиографический очерк*

Довольно просто определить основных учителей, которые дали больше всего, близких мне независимо оттого, где они находятся. В период моей учебы в аспирантуре это были: П. А. Сорокин, более широко ориентировавший меня на европейскую социологическую мысль и с которым я, в отличие от некоторых других студентов того времени, никогда не разрывал отношений, хотя и не мог работать в том направлении исследований, которому он следовал с конца 1930-х гг.; тогда довольно молодой Толкотт Парсонс, развивавший идеи, впервые наиболее полно выраженные в его магистерской диссертации «Структура социального действия»; биохимик и отчасти социолог Л. Дж. Гендерсон, до некоторой степени научивший меня дисциплинированному исследованию того, что поначалу трактуется как просто интересная мысль; историк экономики Э. Ф. Гэй, научивший меня исследованию экономического развития, восстанавливаемого по архивным источникам; и, что достаточно важно, тогдашний декан факультета истории науки Джордж Сартон, позволивший мне в течение нескольких лет работать под своим началом в его знаменитом (чтобы не сказать священном) отделе в Вайднерской библиотеке в Гарварде. Помимо этих учителей, у которых я обучался непосредственно, больше всего я узнал от двух социологов: прежде всего, Эмиля Дюркгейма и Георга Зиммеля, которые могли учить меня только с помощью оставленных ими сильных работ; а также от восприимчивого к социологии гуманиста Гилберта Маррея. В недавний период моей жизни я больше всего узнал от своего коллеги Пола Ф. Лазарсфельда, который, возможно, не представлял, сколь многому он .научил меня во время наших бесчисленных разговоров и сотрудничества, длившегося более трети века.

Окидывая взглядом свою многолетнюю работу, я обнаруживаю там больше осмысленности, чем предполагал. Дело в том, что с начала собственной работы, после аспирантских лет ученичества, я твердо решил следовать своим интеллектуальным интересам по мере их развития, а не придерживаться предопределенного жизненного плана. Я решил поступать, как мой учитель на расстоянии, Дюркгейм, а не как мой учитель поблизости, Сартон. Дюркгейм неоднократно менял предмет своих исследований. Начав с изучения общественного разделения труда, он рассмотрел методы социологического исследования, а затем с успехом обратился к предметам, вроде бы несвязанным: самоубийству, религии, нравственному воспитанию и социализму, продолжая разрабатывать теоретическое направление, которое, на его взгляд, можно было эффективно развивать, занимаясь столь различными аспектами жизни в обществе. Сартон действовал совершенно иначе: в начале своей ученой карьеры он выработал программу исследования в истории науки, достигшую наиболее полного выражения в его монументальном пятитомном «Введении [sic] в историю науки» (в котором проследил историю до конца XIV в.!).

Первый пример казался мне более подходящим. Я намеревался и до сих пор хочу развивать социологические теории социальной структуры и культурных изменений, которые помогут нам понять, почему социальные институты и характер жизни в обществе именно таковы. Этот интерес к теоретической социологии способствовал тому, что я избегал предметной специализации, ставшей (и, на мой взгляд, по большей части правильно ставшей) в социологии и других развивающихся дисциплинах широко распространенным явлением. Для моих целей было существенно изучение различных социологических предметов.

вину полным, отмечает положительные аспекты ситуации, тогда как тот, кто считает его полупустым, сосредоточен на ее отрицательной стороне. Используя социальные термины, можно сказать, что консервативный структурный функционалист подчеркивает экономические преимущества жизни в нашем обществе, а не ее недостатки.

Возможно, структурный функционализм действительно имеет консервативный уклон, приписываемый не только тому, что он не учитывает (изменения, историю, конфликт), но также тому, что он предпочитает помещать в центр своего анализа. Во-первых, структурные функционалисты были склонны фокусироваться на культуре, нормах и ценностях (P. Cohen, 1968; Mills, 1959; Lockwood, 1956).

Роберт Кинг Мертон: автобиографический очерк* (окончание)

В этом предметном разнообразии только одна особая область — социология науки — упорно привлекала мой интерес. В 1930-е гг. я практически полностью посвятил себя изучению социальных условий развития науки и технологии, особенно в Англии XVII в., и сконцентрировался на непредвиденных последствиях целенаправленного социального действия. По мере того как расширялись мои теоретические интересы, в 1940-е гг. и позже, я обратился к изучению социальных источников нонконформистского и девиантно-го поведения, функционирования бюрократии, массового убеждения, коммуникации в современном сложном обществе, а также роли интеллектуала внутри и вне бюрократий. В 1950-е гг. я сосредоточился на разработке социологической теории основных единиц социальной структуры: ролевой и статусный набор и ролевые модели выбираются людьми не только ради соревнования, но и как источник ценностей, принимаемых за основу самооценки (в последнем случае имеется в виду «теория референтных групп»). Кроме того, совместно с Джорджем Ридером и Патрисией Кендалл, я предпринял первое крупномасштабное социологическое исследование медицинского образования, с целью выяснить, как, помимо основной цели, различные типы врачей проходят процесс социализации в одних и тех же медицинских школах, при том что это связано с отличительными особенностями специальностей как вида профессиональной деятельности. В 1960-х и 1970-х гг. я вернулся к интенсивному изучению социальной структуры науки и ее взаимодействия с когнитивной структурой, поскольку эти два десятилетия были временем, когда социология науки, наконец, достигла периода зрелости, для которого прошлое было только прологом. На протяжении этой работы основное внимание я уделял связям между социологической теорией, методами исследования и основательными эмпирическими исследованиями.

Я только для удобства группирую развитие своих интересов по десятилетиям. Они, конечно, появлялись и ослабевали не в четком соответствии с этими общепринятыми календарными периодами. Не все они ослабевали по истечении первого периода интенсивной работы в данном направлении. Сейчас я работаю над трудом, посвященным непредвиденным последствиям целенаправленного социального действия, таким образом продолжая работу, впервые опубликованную почти полвека назад и периодически развивавшуюся с тех пор. Другая изданная работа, озаглавленная «Самоисполняющееся пророчество», в шести областях социальной жизни доводит до логического конца разработку модели, впервые упомянутой в моей работе подтем же названием не менее тридцати лет назад. Если время, терпение и силы позволят, останется подытожить работу по анализу социальной структуры, особое внимание уделяя статусным и ролевым наборам! а также структурным условиям с точки зрения структуры и явным и латентным функциям, дисфункциям, функциональным альтернативам и социальным механизмам с точки зрения функций.

Учитывая, что все мы смертны, а сочинительство мое обычно носит болезненно медленный характер, вряд ли перечень этих работ будет в дальнейшем продолжен.

(Более подробно о Мертоне см. Schultz, 1995.)

*Copyright © 1981 by Robert K. Merton

Дэвид Локвуд (Locwood, 1956), например, критикует Парсонса за излишнее внимание к нормативному порядку в обществе. С более общих позиций, Перси Коэн (Cohen, 1968) утверждает, что структурные функционалисты фокусируются на нормативных элементах, хотя этот подход не присущ самой теории. Роль конкретного агента, трактуемая как пассивная, отвечает за интерес структурного функционализма к культурным и социетальным факторам и приводит к его консервативной ориентации. Считается, что людей сдерживают культурные и социальные силы. Структурным функционалистам (например, Парсонсу) не хватает динамичного, творческого понимания человека. Как говорит Гоулднер, чтобы подчеркнуть свое

критическое отношение к структурному функционализму, «человеческие существа используют социальные системы в той же степени, в какой сами используются ими» (Gouldner, 1970, p. 220).

С их интересом к культуре связана тенденция структурных функционалистов ошибочно принимать нормы, которые узаконивает в обществе элита, за социальную реальность (Gouldner, 1970; Horowitz, 1962/1967; Mills, 1959). Нормативная система трактуется как отражение всего общества, в то время как на самом деле она должна скорее рассматриваться в виде идеологической системы, декларируемой элитой общества и существующей для ее членов. Горовиц вполне определенно выражает эту позицию: «Теория согласия... тяготеет к тому, чтобы стать метафизическим изображением главенствующей идеологической схемы» (Horowitz, 1962/1967, p. 270).

Описанная содержательная критика распадается на два основных направления. Во-первых, кажется очевидным, что для структурного функционализма характерна довольно узкая точка зрения, не позволяющая обращаться к ряду важных проблем и аспектов социального мира. Во-вторых, эта точка зрения тяготеет к очень консервативному пониманию; на практике в прошлом, и до некоторой степени до сих пор, структурный функционализм действовал в поддержку существующего положения вещей и главенствующих элит (Huaco, 1986).

Методологическая и логическая критика

Один из наиболее часто высказываемых критических аргументов (см., например, Abrahamson, 1978; Mills, 1959) — утверждение, что структурный функционализм имеет преимущественно смутный, неясный и двусмысленный характер. Например: как можно точно определить структуру? Что такое функция? Социальная система? Как соотносятся друг с другом и более крупной социальной системой элементы социальных систем? Частично двусмысленность связана с тем, что в качестве своего предмета структурный функционализм выбирает абстрактные социальные системы вместо реально существующих обществ.

С этим связан следующий критический довод: несмотря на то что ни одна крупная схема не была никогда использована для анализа всех обществ на протяжении истории (Mills, 1959), структурных функционалистов вдохновляло убеждение, что существует одна теория или, по крайней мере, набор концептуальных категорий, которые могут быть использованы с этой целью. Многие критики считают эту «большую» теорию иллюзией, полагая, что лучшее из того, на что может рассчитывать социология, — это более исторически-конкретные теории «среднего уровня» (Merton, 1968).

Среди прочей методологической критики присутствует вопрос о том, существуют ли адекватные методы изучения проблемы, относящиеся к структурным функционалистам. Перси Коэна (Cohen, 1968), например, интересует, какие инструменты можно использовать для изучения вклада части системы в систему в целом. Еще один критический аргумент методологического плана заключается в том, что структурный функционализм затрудняет сравнительный анализ. Если предполагается, что системный элемент приобретает смысл только в контексте социальной системы, в которой он существует, как мы можем сравнивать его с по-

добным элементом другой системы? Коэн, например, вопрошает: если английская семья имеет смысл лишь в условиях английского общества, как мы можем сравнивать ее с семьей французской?

Телеология и тавтология. Перси Коэн (Cohen, 1968) и Тернер и Мариански (Turner and Maryanski, 1979) считают, что телеология и тавтология — важнейшие логические проблемы, с которыми сталкивается структурный функционализм. Некоторые рассматривают телеологию как внутренне присущую теории проблему (Abrahamson, 1978; P. Cohen, 1968). Но по моему мнению, Тернер и Мариански (Turner and Maryanski, 1979) правы, считая, что проблема структурного функционализма — это не телеология как таковая, а *неправомерная* телеология. В данном контексте *телеология* определяется как точка зрения, заключающаяся в том, что общество (или другие социальные структуры) имеет цели, или, направленность. Чтобы достичь этих целей, общество создает или способствует созданию определенных социальных структур и социальных институтов. Тернер и Мариански не считают такой взгляд обязательно неправомерным; фактически, они утверждают, что социальная теория *должна* принимать во внимание телеологические отношения между обществом и его элементами.

Проблема, по мнению Тернера и Мариански, состоит в неприемлемом расширении телеологии. Неправомерная телеология подразумевает, «что цель или конечное состояние руководит человеческими делами, хотя на самом деле она не является причиной» (Turner and Maryanski, 1979, p. 118). Например, неправомерно предположение о том, что из-за потребности общества в воспроизводстве и социализации оно создаст институт семьи. Эти потребности могут удовлетворить различные альтернативные структуры; общество не «нуждается» в создании семьи. Структурный функционалист должен определить и доказать, как, фактически, цели приводят к созданию конкретных подструктур. Было бы также полезно, если бы он мог показать, почему те же потребности не могли бы удовлетворять другие подструктуры. Правомерная телеология смогла бы *эмпирически* и *теоретически* определить и продемонстрировать связи между целями общества и различными существующими в обществе подструктурами. Неправомерная телеология довольствовалась бы слепым утверждением, что связь между социальной целью и конкретной подструктурой должна существовать. Тернер и Мариански признают, что функционализм зачастую преподносит неправомерную телеологию: «Мы можем заключить, что функциональные объяснения часто представляют собой неправомерную телеологию, что серьезно мешает пользе функционализма в понимании моделей человеческой организации» (Turner **and** Maryanski, 1979, p. 124).

Другой серьезный критический довод относительно логики структурного функционализма заключается в утверждении его тавтологичности. *Тавтологический* аргумент — это аргумент, в котором вывод просто содержит то, что подразумевается в предпосылке или же просто эту предпосылку перефразирует. В структурном функционализме такие круговые доводы зачастую принимают форму определения целого с точки зрения частей, а затем определения частей с точки зренш целого. Таким образом, можно оспаривать, что социальная система определяете* отношениями ее элементов, а элементы системы определяются их местом в более

крупной социальной системе. Поскольку одно определяется через другое, фактически вовсе не определяются ни социальная система, ни ее части. Мы на самом деле ничего не узнаем о системе или ее частях. Структурный функционализм был особенно склонен к тавтологии, хотя возникает вопрос: присуща ли данная склонность теории или просто характерна для способа использования, или неправильного использования, теории большинством структурных функционалистов?

Неофункционализм

Под огнем критики структурный функционализм, начиная с середины 1960-х гг. по сей день, утратил свое значение. Но в середине 1980-х была предпринята серьезная попытка возродить эту теорию под именем «неофункционализма». Термин *«неофункционализм»* использовался для обозначения продолжения структурного функционализма, а также демонстрации попытки развития структурного функционализма и преодоления его основных трудностей. Джеффри Александер и Пол Коломи определяют *неофункционализм* как «самокритичное направление функциональной теории, которое стремится расширить интеллектуальные горизонты функционализма, сохраняя его теоретическую основу» (1985, p. 11). Таким образом, кажется очевидным, что Александер и Коломи считают структурный функционализм чересчур узким направлением и видят свою цель в создании более целостной теории, которую они предпочитают именовать «неофункционализмом».[1]

Следует заметить, что хотя структурный функционализм в целом и теории Толкотта Парсонса в частности, приобрело крайнюю направленность, в начале развития теории она была сильна с точки зрения синтеза. С одной стороны, в течение своей научной деятельности Парсонс стремился к интеграции большого ряда теоретических концепций. С другой стороны, его интересовали взаимоотношения основных областей социального мира, особенно культурной, социальной и личностной систем. Но, в конце концов, Парсонс стал придерживаться узкой структурно-функционалистской ориентации и рассматривал систему культуры как определяющую другие системы. Таким образом, он отказался от своей ориентации на синтез, и неофункционализм можно считать попыткой вновь использовать этот подход.

Александер (Alexander, 1985a, p. 10) перечислил связанные со структурным функционализмом проблемы, которые следует преодолеть неофункционализму, в том числе «антииндивидуализм», «антагонизм к изменениям», «консерватизм», «идеализм» и «антиэмпирический уклон». Предпринимались попытки преодолеть эти проблемы планомерно (Alexander, 1985a) и на более конкретных теоретических уровнях, например, Коломи (Colomy, 1986; Alexander and Colomy, 1990b; Colomy and Rhoades, 1994) попытался усовершенствовать теорию дифференциации.

Несмотря на свое увлечение неофункционализмом, в середине 1980-х гг. Александер был вынужден заключить, что «неофункционализм следует признать скорее тенденцией, чем разработанной теорией» (1985a, p. 16). Всего пять лет спустя

[1] Тернер и Мариански (Turner and Maryanski, 1988a) подвергали концепцию неофункционализма сомнению, утверждая, что по своей направленности неофункционализм на самом деле не функционален, поскольку отказался от многих базовых принципов структурного функционализма.

после признания Александером несовершенства неофункционализма Коломи попытался укрепить общетеоретический статус неофункционализма и заявил, что это направление уже достигло больших успехов:

> В течение следующих пяти лет эта тенденция оформилась в самостоятельное научное течение. Ему принадлежат важные достижения на общетеоретическом уровне и ведущая роль в развитии синтетического направления социологической метатеории... неофункционализм отвечает по своим долговым обязательствам. Сегодня неофункционализм — больше чем обязательство; он стал областью интенсивного теоретического анализа и развивающихся эмпирических исследований (Colomy, 1990b, p. xxx).

Хотя неофункционализм, конечно, имел некоторые достижения, сомнительно, что он достиг столь многого, как пытался убедить нас Коломи.

Несмотря на то что неофункционализм, возможно, остается мало разработанной теорией, Александер (Alexander, 1985a; см. также Colomy, 1990b) обозначил некоторые его базовые принципы. Во-первых, неофункционализм оперирует описательной моделью общества, рассматривающей последнее состоящим из элементов, которые, взаимодействуя друг с другом, образуют структуру. Благодаря этой структуре система отделена от внешней среды. Элементы системы «символически связаны», и их взаимодействие не определяется некоторой всеобъемлющей силой. Таким образом, неофункционализм отвергает любой однофакторный детерминизм и имеет открытый и плюралистический характер.

Во-вторых, Александер утверждает, что неофункционализм уделяет приблизительно одинаковое внимание действию и упорядоченности. Таким образом, он избегает свойственной структурному функционализму тенденции почти исключительно заниматься макроуровневыми источниками упорядоченности социальных структур и культуры и мало внимания уделять микроуровневым моделям действия (Schwinn, 1998). Неофункционализм также заявляет о своем широком понимании действия, включающем не только рациональное, но и экспрессивное действие.

В-третьих, неофункционализм сохраняет присущий структурному функционализму интерес к интеграции, *не* как к совершившемуся факту, а скорее как к социальной *возможности.* Он признает, что отклонения и социальный контроль — реалии социальных систем. Неофункционализм заботит проблема равновесия, но этот интерес шире, чем структурно-функционалистский, включающий частичное и динамическое равновесие. Присутствует нежелание рассматривать социальные системы с точки зрения статического равновесия. В широком смысле *равновесие* рассматривается как точка отсчета для функционального анализа, а не как описательная характеристика существования индивидов в реальных социальных системах.

В-четвертых, неофункционализм перенимает традиционный парсоновский упор на личность, культуру и социальную систему. Помимо значения для социальной структуры, взаимопроникновение этих систем также создает конфликт, являющийся постоянным источником как изменений, так и контроля.

В-пятых, неофункционализм рассматривает социальные изменения в процессах дифференциации в социальной, культурной и личностной системах. Таким образом, изменения создают не согласие и гармонию, а скорее «индивидуальные и институциональные искажения» (Alexander, 1985a).

Наконец, Александер утверждает, что неофункционализм «подразумевает приверженность независимым от других уровней социологического анализа концепциям и теориям» (Alexander, 1985a, p. 10).

Александер и Коломи (Alexander and Colomy, 1990a) предъявили к неофункционализму очень амбициозное требование. Они не рассматривали неофункционализм как скромную «разработку» или «пересмотр» структурного функционализма, а скорее как его гораздо более серьезную «перестройку», в которой четко признаются расхождения с основателем (Парсонсом) и ясно высказывается отношение к другим теоретикам и теориям.[1] Предпринимались попытки объединить в неофункционализме концепции мэтров, как, например, посвященные материальным структурам работы Маркса и воззрения Дюркгейма на символизм. В попытке преодолеть идеалистический уклон парсоновского структурного функционализма, особенно его акцент на таких макросубъективных явлениях, как культура, приветствовались более материалистические подходы. Структурно-функциональная тенденция делать упор на упорядоченность была встречена призывом к возобновлению связей с теориями социальных изменений. Что более важно, чтобы компенсировать макроуровневый уклон традиционного структурного функционализма, предпринимались попытки объединения представлений теории обмена, символического интеракционизма, прагматизма, феноменологии и т. д. Другими словами, Александер и Коломи попытались соединить структурный функционализм с рядом других теоретических традиций. Считалось, что такого рода перестройка возродит структурный функционализм и обеспечит основу для развития новой теоретической традиции.

Александер и Коломи признавали важное различие между неофункционализмом и структурным функционализмом:

> Ранние функциональные исследования соответствовали... единственной, всеохватывающей концептуальной схеме, которая связывала области специальных исследований в компактную совокупность. Эмпирические работы неофункционалистов, напротив, указывают на свободно организованную совокупность, пронизанную общей логикой и обладающую рядом достаточно автономных «ответвлений» и «вариаций» на разных уровнях и в разных эмпирических областях (Alexander & Colomy, 1990a, p. 52).

Воззрения Александера и Коломи означают движение от парсоновской тенденции рассматривать структурный функционализм как большую всеобъемлющую теорию. Взамен они предлагают более ограниченную, более синтетическую, но при этом целостную теорию.

Однако, как отмечалось в начале главы, будущее неофункционализма было поставлено под сомнение тем, что его основатель и ведущий представитель, Джеффри Александер, объявил, что перерос неофункционалистскую ориентацию. Эта перемена мнения очевидна в заглавии его последней книги «Неофункционализм и после него» (Alexander, 1998a). В этой работе Александер утверждает, что одной

[1] Представляется, что эта точка зрения, по крайней мере отчасти, соответствует заявлению Тернера И Мариански (1988a) о том, что нсофункционализм имеет мало общего со структурным функционализмом.

из его основных целей было (вос)создание легитимности и значимости парсоновской теории. В той степени, в какой неофункционализм преуспел в этом, Александер считает программу неофункционализма выполненной. Таким образом, он готов к тому, чтобы двигаться дальше Парсонса, дальше неофункционализма, хотя поясняет, что будущие его теоретические направления будут многим обязаны обеим теориям. Неофункционализм стал для Александера слишком ограничивающим, и теперь он считает его, как и собственное творчество, частью того, что он назвал «новым теоретическим движением». Он формулирует это следующим образом: «Я говорю о новой волне теоретического творчества, идущей дальше важных достижений неофункционализма» (Alexander, 1998a, p. 228). Такая теоретическая перспектива, возможно, по сравнению с неофункционализмом будет иметь более синтетический характер, будет более эклектичной, заимствуя обширный набор теоретических ресурсов, и будет использовать эти синтетические и эклектичные ресурсы более подходящими способами. В частности, Александер стремится гораздо больше заниматься разработками в области микросоциологии и теории культуры.

Стоит заметить, что Александер (1998) стал больше интересоваться вопросом «гражданского общества», несмотря на то что данный вопрос не входит в сферу неофункционализма. Этот интерес Александера имеет значение как таковой, равно как и потому, что этот вопрос все более занимает социологию в целом (например, см. Cohen and Arato, 1992; Hearn, 1997; Seligman, 1993b). Для наших целей мы можем работать с данным Александером (1993, p. 797) определением гражданского общества как «сферы интеракции, институтов и солидарности, которая поддерживает жизнь обществ вне областей экономики и государства». В отличие от преобладающего интереса социологов здесь упор делается не на социальных институтах, а на том, что происходит вне этих институтов. По Александеру, гражданское общество содержит в себе как индивидуальный волюнтаризм, так и коллективную солидарность. С учетом угроз современного мира, а также широко распространенной несостоятельности различных институтов, многие теоретики социологии обратились к вопросу гражданского общества.

Несмотря на то что Александер стал развивать это направление недавно, его взгляд на гражданское общество представляет собой значительный шаг за пределы неофункционализма. Явно заимствуя структурнофункционалистские и неоФункционалистские традиции, Александер в своей работе на тему гражданского общества также движется к новому теоретическому обоснованию. Независимо от судьбы этой работы, смена Александером теоретического направления ставит вопрос о будущем неофункционализма. В современной социологии изменения происходят быстро и, возможно, то, что было всего десять лет назад новым ярким Движением, сегодня становится частью нашей недавней истории.

Теория конфликта

Теорию конфликта можно рассматривать как созданную, по крайней мере отчасти, в ответ на структурный функционализм и как следствие критики, которую мы обсуждали выше. Однако следует заметить, что теория конфликта имеет и другие

Джеффри Аллександер: автобиографический очерк

С самого начала моей научной жизни меня занимали проблемы социального действия и социального порядка, а также возможности таких подходов к этим проблемам, которые позволили бы избежать крайностей одномерного мышления. Я всегда был убежден, что жесткие дихотомии, важные как идеологические течения в демократическом обществе, можно преодолеть в теоретической сфере.

Мои теоретические убеждения впервые оформились в конце 1960-х-начале 1970-х гг., когда я участвовал в студенческих движениях протеста, будучи студентом Гарвардского колледжа и выпускником Калифорнийского университета в Беркли. Новый левый марксизм представлял собой интеллектуально привлекательную попытку преодолеть экономизм вульгарного марксизма, пытаясь поместить современного человека в предшествующую эпоху. Поскольку он описывал взаимопроникновение материальных структур и культуры, личности и повседневной жизни, новый левый марксизм, которому мы на счастье или на беду во многом научились, обеспечил мне первый серьезный опыт на пути к теоретическому синтезу, отметившему мою научную карьеру.

В начале 70-х гг. меня перестал удовлетворять новый левый марксизм, отчасти из политических и эмпирических причин. Поворот нового левого марксизма к сектантству и насилию пугал и угнетал меня, в то время как Уотергейтский кризис продемонстрировал способность Америки к самокритике. Я решил, что капиталистические демократические общества обеспечивают возможности для принятия, плюрализма и реформ, которые не рассматривала даже новая левая версия марксистской мысли.

За этим стояли также более абстрактные теоретические причины отказа от марксистского подхода к синтезу. По мере того как я более глубоко стал заниматься классической и современной теорией, я понял, что синтез достигается скорее созданием составных терминов — психоаналитический марксизм, культурный марксизм, феноменологический марксизм, чем раскрытием центральных категорий действия и порядка. Фактически, неомарксистские категории сознания, действия, общности и культуры были черными ящиками. Это понимание привело меня к традициям, обеспечившим теоретические ресурсы для создания нового левого марксизма. Мне повезло, что в выпускной работе мной руководили Роберт Белла и Нейл Смелзер, чьи идеи о культуре, социальной структуре и социологической теории произвели на меня неизгладимое впечатление и до сих пор продолжают меня интеллектуально подпитывать.

В «Теоретической логике в социологии» (1982-1983) я опубликовал результаты этой работы. Идея этой многотомной работы начала зарождаться в 1972 г., после того как необычайная встреча с шедевром Толкотта Парсонса «Структура социального действия» позволила мне увидеть марксизм в новом свете и усомниться в нем. Позже под руководством Белла, Смелзера и Лео Лоуенталя я изучал классическую и современную теорию с учетом этого нового подхода.

В «Теоретической логике» я стремился показать, что Дюркгейм и Вебер создали развернутые теории культуры, чем пренебрегал Маркс, и что Вебер фактически разработал пер-

источники, как, например, марксистскую теорию и работы Зиммеля в области социального конфликта. В 1950-х и 1960-х гг. теория конфликта обеспечила альтернативу структурному функционализму, но была вытеснена рядом неомарксистских теорий (см. главу 4). Действительно, одним из важнейших вкладов теории конфликта было создание основы для более промарксистских теорий, теорий, которые привлекли к социологии широкую публику. Основная проблема заключается в том, что теории конфликтов никогда не удавалось достаточно дистанцироваться от структурно-функциональных корней. Это скорее, структурный функ" ционализм, поставленный с ног на голову, нежели действительно критическая теория общества.

вый социологический синтез. Однако я сделал вывод, что Дюркгейм в конце концов стал двигаться в идеалистическом направлении и что Вебер развил механистическое понимание современного общества. Я предположил, что следует рассматривать творчество Парсонса скорее как современную умелую попытку синтеза, а не теорию функционалистского толка. В то же время Парсонсу также не удалось достаточно определенно следовать синтезу, из-за чего его теория стала чрезмерно формальной и нормативно обусловленной.

В своей работе последнего десятилетия я попытался вновь создать схему синтеза, которую считаю невыполненным обещанием раннего творчества. В работе «Двадцать лекций: социологическая теория после Второй мировой войны (Alexander, 1987) я утверждал, что различия, проводимые в постпарсоновской социологии — между теориями конфликта и порядка, микро- и макроподходами, структурными и культурными воззрениями — не плодотворны. Эти классификации заслоняли основные социальные процессы, как, например, постоянная игра упорядоченности и конфликта и двойственные измерения общества, которые всегда переплетены.

Моей реакцией на эту тупиковую ситуацию был возврат к идеям Парсонса (Alexander, 1985b; Alexander & Colomy, 1990a) и к ранней классике (Alexander, 1988a).

В то же время, пытаясь продвинуть теорию в новом, «постпарсоновском» направлении, я стремился выйти за пределы классической и современной теории. Встречи с сильной группой феноменологов на моем родном отделении в университете Лос-Анджелеса, особенно с Гарольдом Гарфинкелем, стали важным стимулом. В работе «Действие и его окружение» (Alexander, 1987), которую я до сих пор считаю своей самой важной теоретической работой, я изложил принципы нового объединения микро-макросвязей. .

Я также сконцентрировался на разработке новой теории культуры. Раннее знакомство с работами Клиффорда Джитца убедило меня в том, что традиционные соционаучные подходы к культуре имеют слишком ограниченный характер. С тех пор на мой подход сильно повлияли семиотика, герменевтика и постструктуралистская мысль. Включая несоциологические теории, я пытался выработать теории о символических кодах и значениях, различными способами пронизывающих социальную структуру (см. Alexander, 1988a).

Я считаю, что движение к теоретическому синтезу подталкивается событиями мирового масштаба. В посткоммунистическом обществе представляется важным разработать модели, помогающие нам понять наши сложные, многообразные и все же хрупкие, демократии. В настоящее время я работаю над теорией демократии, акцентирующей общественное измерение, которое называется «гражданским обществом». Я публикую ряд очерков, критикую растущий релятивизм человеческих исследований. Хотелось бы верить, несмотря на множество свидетельств обратного, что прогресс возможен не только в обществе, но и в социологии. Такого прогресса можно достичь, лишь придерживаясь многоразмерного и синтетического взгляда на общество.

Творчество Ральфа Дарендорфа

Как и функционалисты, теоретики конфликта ориентированы на изучение социальных структур и институтов. В основном эта теория — немногим более, чем ряд Утверждений, зачастую прямо противоположных функционалистским позициям. Наилучшим примером такого противопоставления служит творчество Ральфа Дарендорфа (Dahrendorf, 1958, 1959), в котором сопоставляются принципы теории Конфликта и функциональной теории. Для структурных функционалистов общество статично или, в лучшем случае, находится в состоянии динамического равновесия, а для Дарендорфа и теоретиков конфликта всякое общество в любой момент Испытывает непрерывные изменения. В то время как структурные функционали-

сты подчеркивают упорядоченность общества, теоретики конфликта видят разногласия и конфликты в каждой точке социальной системы. Функционалисты (или по крайней мере, ранние функционалисты) утверждают, что каждый элемент в обществе способствует стабильности; представители теории конфликта считают, что многие социетальные элементы вносят вклад в дезинтеграцию и изменения.

Функционалисты полагают, что общество объединяется неформальным образом с помощью норм, ценностей и коллективных нравственных принципов. Теоретики конфликта всю упорядоченность общества рассматривают как происходящую от принуждения одних членов теми, что наверху. В то время как структурные функционалисты говорят о создаваемой общими социетальными ценностями сплоченности, теоретики конфликта подчеркивают роль власти в поддержании порядка в обществе.

Дарендорф (Dahrendorf, 1959, 1968) — важнейший представитель той точки зрения, согласно которой общество имеет две грани (конфликта и согласия) и социологическую теорию поэтому следует разделить на две части — теорию конфликта и теорию согласия. Теоретики согласия должны исследовать ценностную интеграцию в обществе, а теоретики конфликта — изучать столкновения интересов и принуждение, которые объединяют общество перед лицом этих конфликтов. Дарендорф признавал, что общество не может существовать как без конфликта, так и без согласия, которые являются предпосылками друг для друга. Таким образом, не может быть конфликта, если нет некоторого предшествующего согласия, например, маловероятно, что французские домохозяйки будут конфликтовать с чилийскими шахматистами, поскольку у них нет контакта, предшествующего интеграции, который послужил бы базой для конфликта. И наоборот, конфликт может привести к согласию и интеграции. В качестве примера можно привести союз Соединенных Штатов и Японии, развившийся после Второй мировой войны.

Несмотря на взаимосвязи согласия и конфликта, Дарендорф с сомнением относился к разработке единой социологической теории, включающей оба процесса: «Кажется, по крайней мере, вероятным, что объединение теории неосуществимо в вопросе, который озадачивал мыслителей с самого начала западной философии» (Dahrendorf, 1959, p. 164). Стремясь избежать единой теории, Дарендорф решил создать конфликтную теорию общества.[1]

Дарендорф начал со структурного функционализма, который оказал на него глубокое влияние. Он отметил, что с функционалистской точки зрения социальную систему объединяет добровольная кооперация или общее согласие, или и то и другое. Однако с точки зрения теоретика конфликта (или принуждения) общество объединяет «навязанное принуждение», таким образом, некоторые позиции в обществе наделены влиянием и властью над другими. Такое положение привело Дарендорфа к его главному тезису о том, что дифференциальное распределение власти «неизменно становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов» (Dahrendorf, 1959, p. 165).

[1] Дарендорф называл конфликт и принуждение «уродливыми гранями общества» (Dahrendorf, 1959, p. 164) Возникает вопрос: может ли человек, который считает их «уродливыми», разработать адекватную теорию конфликта и принуждения?

Власть

Дарендорф сконцентрировался на изучении крупных социальных структур.[1] Основная его идея заключалась в том, что различные позиции в обществе обладают разным объемом властных полномочий. Власть принадлежит не индивидам, а позициям. Дарендорфа интересовала не только структура этих позиций, но и конфликты между ними: «Структурное происхождение таких конфликтов следует искать в распределении социальных ролей, наделенных ожиданиями доминирования и подчинения» (1959, p. 165; курсив мой). Первой задачей анализа конфликта для Дарендорфа было определение различных властных ролей в обществе. Помимо обоснования изучения крупных структур, таких как властные роли, Дарендорф был оппонентом тех, кто фокусируется на индивидуальном уровне. Например, он критиковал изучающих психологические или поведенческие характеристики индивидов, занимающих указанные позиции. Он даже утверждал, что те, кто придерживается такого подхода, не являются социологами.

Ключевым элементом в анализе Дарендорфа выступает соответствующая положению власть. Власть всегда подразумевает как превосходство, так и подчинение. Ожидается, что занимающие властные позиции контролируют подчиненных. То есть они доминируют благодаря ожиданиям окружающих, а не из-за собственных психологических качеств. Как и власть, эти ожидания соответствуют позициям, а не людям. Власть не есть всеобщее явление; допустимые области контроля в обществе конкретизированы. Наконец, поскольку власть легитимна, против тех, кто не подчиняется, могут быть использованы санкции.

Как считал Дарендорф, власть не постоянна, поскольку принадлежит позициям, а не людям. Таким образом, облеченный властью в одной группе не обязательно занимает властное положение в другой. Аналогично человек в подчиненном положении в одной группе может занимать доминирующее положение в другой. Это следует из утверждения Дарендорфа, что общество состоит из ряда элементов, которые он называл *императивно координированными ассоциациями.* Их можно рассматривать как объединения людей, которые контролируются другими, занимающими более высокое положение в иерархической структуре. Поскольку общество содержит множество таких ассоциаций, индивид может занимать властное положение в одной и подчиненное в другой.

Власть в пределах каждой ассоциации дихотомична; так, в ассоциации могут образоваться две, и только две, группы конфликтов. Люди, занимающие властные и подчиненные позиции, имеют интересы, «противоположные по сути и направлению». Здесь мы встречаем другой ключевой термин в теории конфликтов Дарендорфа — *интересы.* Группы наверху и внизу определяются интересами общего характера. Дарендорф продолжал утверждать, что даже те интересы, которые выглядят психологическими, по сути, — явления крупного масштаба:

> Для целей социологического анализа конфликтных групп и групповых конфликтов необходимо допустить некоторые *структурно обусловленные* ориентации действий лю-

[1] В другой своей работе Дарендорф (Dahrendorf, 1968) продолжил рассмотрение социальных фактов (например, позиций и ролей), а также проявил интерес к опасностям овеществления, характерным Для такого подхода.

> дей, занимающих определенные *позиции.* По аналогии с сознательными («субъективными») ориентирами действия представляется справедливым описать это как интересы....Допущение «Объективных» интересов, связанных с социальным положением, не обладает *никаким психологическим смыслом* или последствиями; оно принадлежит именно уровню социологического анализа (Dahrendorf, 1959, p. 175; курсив мой).

В каждой ассоциации те, кто занимает господствующие позиции, стремятся сохранить статус-кво, те же, кто находится в позициях подчиненных, ищут изменений. Во все времена в каждой ассоциации присутствует, по крайней мере, скрытый, конфликт интересов. Это означает, что легитимность власти *всегда* ненадежна. Для действий властвующих и подчиненных не требуется, чтобы конфликт интересов осознавался людьми. Интересы господствующих и подчиненных объективны в том смысле, что отражаются в ожиданиях (ролях), соответствующих позициям. Индивиды не должны постигать эти ожидания или даже осознавать их, чтобы действовать согласно им. Если они занимают данные позиции, они будут вести себя ожидаемым образом. Индивиды «приспосабливаются» или «адаптируются» к своим ролям, когда участвуют в конфликте между господствующими и подчиненными. Дарендорф называл эти неосознанные ролевые ожидания *латентными интересами. Явные интересы* есть латентные интересы, ставшие осознанными. Дарендорф считал анализ связи между латентными и явными интересами важнейшей задачей теории конфликта. Тем не менее агентам не нужно осознавать свои интересы, чтобы действовать в соответствии с ними.

Группы, конфликты и изменения

Далее, Дарендорф различал три основных типа групп. Первый тип — *квазигруппа,* или «совокупности тех, кто занимает позиции с идентичными ролевыми интересами» (Dahrendorf, 1959, p. 180). Они представляют собой источник существования второго типа группы — *группы интересов.* Дарендорф так описал эти две группы:

> Общие модели поведения характеризуют группы интересов, формируемые из больших квазигрупп. Группы интересов есть группы в жестком социологическом смысле; и они являются реальными агентами групповых конфликтов. Они обладают структурой, формой организации, программой или целью и коллективом членов (Dahrendorf, 1959, p. 180).

Из всего множества групп интересов возникают *конфликтные группы,* или те, которые реально участвуют в групповых конфликтах.

Дарендорф считал, что понятия латентных и явных интересов, квазигрупп, групп интересов и конфликтных групп — базовые для объяснения социальных конфликтов. При *идеальных* условиях другие переменные не понадобятся. Однако поскольку условия никогда не бывают идеальными, в процесс вмешивается множество разных факторов. Дарендорф упомянул такие технические условия, как соответствующий коллектив, а также политические условия (как, например, общеполитический климат) и социальные условия (например, существование коммуникационных связей). Другим важным для Дарендорфа социальным усло-

вием был переход людей в квазигруппу. Он считал, что если комплектование носит беспорядочный и случайный характер, группа интересов и, в конце концов, конфликтная группа, вряд ли возникнет. В отличие от Маркса, Дарендорф не считал, *что люмпен-пролетариат*[1] в результате сформирует конфликтную группу, так как люди набираются в нее случайным образом. Однако когда набор в квазигруппы структурно обусловлен, эти группы обеспечивают плодородную почву для групп интересов и, в некоторых случаях, конфликтных групп.

Конечный аспект теории конфликта Дарендорфа — отношение конфликтов к изменениям. Здесь Дарендорф признает значение творчества Льюиса Козера (см. следующий параграф), который рассматривал функции конфликтов в поддержании существующего порядка вещей. Дарендорф, однако, считал, что консервативная функция конфликтов есть лишь часть социальной реальности; конфликты также стимулируют изменения и развитие.

Таким образом, Дарендорф утверждал, что когда возникают конфликтные группы, они становятся участниками действий, ведущих к изменениям в социальной структуре. Когда конфликт значителен, происходят радикальные изменения. Когда он сопровождается насилием, структурные изменения будут внезапны. Вне зависимости от природы конфликта, социологи должны понимать отношения между конфликтами и изменениями, а также между конфликтами и существующим положением вещей.

Основная критика и попытки ее отразить

Теорию конфликта критиковали по различным основаниям. Например, она подвергалась нападкам за пренебрежение порядком и стабильностью, тогда как структурный функционализм — за невнимание к конфликтам и изменениям. Теорию конфликта также критиковали за идеологический радикализм, тогда как функционализм — за консервативную идеологию. По сравнению со структурным функционализмом теория конфликта развита достаточно слабо. Она «вовсе не столь проработана, как функционализм, возможно потому, что это теория имеет более производный характер.

Теория конфликта Дарендорфа не раз была предметом критического анализа (например, Hazelrigg, 1972; J. Turner, 1973; Weingart, 1969), в том числе — некоторых критических размышлений самого Дарендорфа (Dahrendorf, 1968). Во-первых, модель Дарендорфа — не просто отражение марксистских идей, как утверждалось им самим. Фактически, как мы скоро увидим, она неадекватно толкует марксистскую теорию в социологии. Во-вторых, как отмечалось, теория конфликта имеет больше общего со структурным функционализмом, чем с марксистской теорией. Акцент Дарендорфа на системах (императивно координированные ассоциации), позициях и ролях непосредственно связывает его со структурным функционализмом. В результате его теория страдает многими несоответствиями структурного Функционализма. Например, конфликт, как мне кажется, таинственно возникает из легитимных систем (точно так же, как это происходит в структурном функцио-

[1] Этим термином Маркс обозначал людские массы на нижнем уровне экономической системы, стоящие даже ниже пролетариата.

нализме). Далее, теория конфликта, на мой взгляд, страдает многими свойственными структурному функционализму понятийными и логическими проблемами (например, неясные понятия, тавтология) (J. Turner, 1975, 1982). Наконец, как и структурный функционализм, теория конфликта практически целиком носит макроскопический характер и, как следствие, мало дает для понимания индивидуального мышления и действия.

И функционализм, и теория конфликта Дарендорфа неполноценны, поскольку каждая из теорий сама по себе объясняет только *часть* социальной жизни. Социология должна уметь объяснять и упорядоченность и конфликт, и структуру, и изменения. Последнее обстоятельство стимулировало несколько попыток примирить функциональную теорию с теорией конфликта. Хотя ни одна из них не была полностью удовлетворительной, эти попытки предполагают, по крайней мере, некоторое согласие между социологами в том, что необходима теория, объясняющая *как* согласие, *так и* разногласие. При этом не все теоретики стремятся примирить эти конфликтующие воззрения. Например, Дарендорф считал, что это альтернативные позиции, которые следует применять в зависимости от ситуации. По Дарендорфу, когда нас интересует конфликт, мы должны использовать теорию конфликта; если мы намереваемся изучать упорядоченную структуру, следует придерживаться функционального подхода. Такая точка зрения представляется неудовлетворительной, так как существует большая потребность в теоретической позиции, позволяющей рассматривать конфликт и упорядоченность *одновременно.*

Критика теории конфликта и структурного функционализма, а также присущие каждой из этих теорий ограничения привели к множеству попыток разрешить противоречия, примирив или объединив указанные теории (Bailey, 1997; Chapin, 1994; van den Berghe, 1963; Himes, 1966). Предполагалось, что какие-либо комбинации этих теорий будут более мощной концепцией, чем каждая в отдельности. Самая известная из этих работ — «Функции социального конфликта» (Coser, 1956) Льюиса Козера.

Ранняя оригинальная работа о функциях социального конфликта принадлежит Георгу Зиммелю, расширил же ее Козер (Jawbrski, 1991), который утверждал, что конфликт может служить для укрепления группы с неустойчивой структурой. В обществе, которое, как мне кажется, находится в процессе дезинтеграции, конфликт с другим обществом может восстановить объединительную основу. Сплоченность израильских евреев можно, по крайней мере отчасти, приписать длительному конфликту с арабскими народами на Ближнем Востоке. Возможное окончание конфликта вполне могло бы обострить внутреннее напряжение в израильском обществе. Идея конфликта как агента укрепления общества долгое время используется пропагандистами, способными создать врага там, где его не существует, или стремящимися распространить антагонизм на неактивных оппонентов.

Конфликт с одной группой может служить идее сплоченности, так как приводит к созданию ряда союзов с другими группами. Например, конфликт с арабами привел к союзу между Соединенными Штатами и Израилем. Дальнейшее ослабление арабо-израильского конфликта может ослабить связи Израиля и Соединенных Штатов.

В пределах общества конфликт может вовлечь некоторых обычно обособленных индивидов в активную деятельность. Протест против Вьетнамской войны побудил большое количество молодых людей впервые принять активное участие в политической жизни Америки. С завершением этого конфликта среди американской молодежи стали свойственны более безразличные настроения.

Конфликт выполняет и коммуникативную функцию. До конфликта группы могут быть не уверены в позиции противника, но вследствие конфликта позиции и границы между группами, как правило, проясняются. Благодаря этому индивиды более способны выбирать надлежащее поведение по отношению к противнику. Конфликт также позволяет сторонам получить лучшее представление о своих относительных силах и вполне может повысить возможность возобновления дружеских отношений или мирного согласования.

С точки зрения теории, функционализм и теорию конфликта можно объединить, если рассматривать функции социального конфликта. Однако при этом надо признать, что конфликт имеет также и дисфункции.

В то время как некоторые теоретики пытались объединить теорию конфликта со структурным функционализмом, другие считали это неприемлемым. Например, марксист Андре Гундер Франк (Frank, 1966/1974) отвергал теорию конфликта потому, что она была неадекватным воплощением марксистской теории. Хотя теория конфликта имеет некоторые марксистские элементы, она не является истинным наследником оригинальной марксистской теории. В следующей главе мы изучим ряд теорий, которые с большим основанием могут быть названы ее преемниками. Однако перед этим мы должны рассмотреть вариант теории конфликта, больше преуспевший в объединении теорий.

Обобщающая теория конфликта

«Социология конфликта» Рэндалла Коллинза (Collins, 1975) носила исключительно обобщающий характер, поскольку продвинулась в гораздо более микроориентированном направлении, чем макротеория конфликта Дарендорфа и другие теории. Сам Коллинз говорит о своей ранней работе следующее: «Моим главным вкладом в теорию конфликта... было добавление в эти макротеории микроуровня. Особенно я старался показать, что стратификация и организация основываются на повседневных взаимодействиях» (1990, p. 72).[1]

Коллинз пояснил, что его внимание к конфликту не имеет идеологической подоплеки; т. е. он не начинал с политического взгляда о том, хорош или плох конфликт. Напротив, он заявлял, что конфликт как предмет исследования был выбран На том реалистическом основании, что представляется, возможно, *единственным* Центральным процессом социальной жизни.

В отличие от социологов, начинавших с социетального уровня и оставашихся там же, Коллинз подходил к конфликту с индивидуальной точки зрения, потому Что теоретические истоки его воззрений лежат в феноменологии и этнометодоло-[r]ии. Несмотря на его предпочтение теорий личностного уровня и малого масшта-

[1] Коллинз также подчеркивал, что теория конфликта лучше других социологических теорий подходила в качестве основы для выводов эмпирических исследований.

ба, Коллинз осознавал, что «социология не может быть успешной сугубо на микроуровне» (Collins, 1975, p. 11); теория конфликта не может обойтись без социетального уровня анализа. Однако тогда как большинство теоретиков конфликта считали, что социальные структуры носят внешний и принудительный характер по отношению к агенту, Коллинз понимал социальные структуры неотделимыми от конкретного человека, который конструирует их и чьи модели взаимодействия составляют их сущность. Коллинз был склонен рассматривать социальные структуры скорее как модели взаимодействия, а не как внешние и носящие принудительный характер сущности. Кроме того, в то время как большинство теоретиков конфликта считали, что агент испытывает принуждение внешних сил, Коллинз полагал, что актор постоянно создает и воссоздает социальную организацию.

Коллинз считал марксистскую теорию «отправной точкой» теории конфликта, но она, на его взгляд, перегружена проблемами. С одной стороны, он находил, что для нее (как и структурного функционализма) характерна крайне идеологическая направленность, свойство, которого он стремился избежать. С другой стороны, он был склонен рассматривать марксистскую позицию сводимой к анализу сферы экономики, хотя это несправедливая критика марксистской теории. На самом деле, несмотря на то что Коллинз часто обращался к Марксу, в его теории конфликта не видно значительного влияния марксизма. Гораздо большее влияние на нее оказали Вебер, Дюркгейм и, прежде всего, феноменология и этнометодология.

Социальная стратификация

Коллинз решил исследовать социальную стратификацию, так как это институт, затрагивающий чрезвычайно много сторон жизни, в том числе «благосостояние, политику, карьеру, семьи, клубы, сообщества, стили жизни» (Collins, 1975, p. 49). По мнению Коллинза, «большие» теории стратификации «неудачны». Он критиковал марксистскую теорию как «однофакторное объяснение многофакторного мира» (Collins, 1975, p. 49). Теорию Вебера он считал немногим *более чем* «антисистемой» для рассмотрения свойств этих двух «больших» теорий. Творчество Вебера оказалось для Коллинза в некоторой степени полезным, но «попытки феноменологической социологии обосновать все понятия в наблюдаемых явлениях повседневности» (Collins, 1975, p. 53) были для него наиболее важны, поскольку основным его подходом в изучении социальной стратификации был маломасштабный, а не крупномасштабный подход. С его точки зрения, социальная стратификация, как и все прочие социальные структуры, может быть сведена к людям, в повседневной жизни взаимодействующим друг с другом установленным образом.

Несмотря на свою приверженность микросоциологии стратификации, Коллинз начинал (даже несмотря на некоторые оговорки на их счет) с крупномасштабных теорий Маркса и Вебера как основы собственного творчества. Он взял за основу марксистские принципы, утверждая, что они, «с определенными модификациями, обеспечивают фундамент конфликтной теории стратификации» (Collins, 1975, p. *58).*

Во-первых, Коллинз утверждал, что, с точки зрения Маркса, материальные условия «зарабатывания на жизнь» в современном обществе являются важнейшими детерминантами стиля жизни человека. Основа «зарабатывания на жизнь» для

Маркса есть отношение индивида к частной собственности. Люди, имеющие собственность или обладающие контролем над ней, способны зарабатывать себе на ясизнь гораздо более удовлетворительным образом, чем те, кто этого не имеет и вынужден продавать свое рабочее время, чтобы получить доступ к средствам производства.

Во-вторых, с марксистской точки зрения, материальные условия влияют не только на то, как индивиды зарабатывают на жизнь, но и на характер социальных групп в различных социальных классах. Доминирующий социальный класс более способен создавать сплоченные социальные группы, объединяемые сложными сетями коммуникации, чем подчиненный социальный класс.

Наконец, Коллинз утверждал, что Маркс также указывал на обширные различия между социальными классами в доступе к системе культуры и контроле над ней. То есть высшие социальные классы способны разрабатывать отчетливо сформулированные символьные и идеологические системы, системы, которые они часто способны навязывать низшим социальным слоям. Низшие социальные слои имеют менее развитые системы символов, многие из которых, вероятно, были навязаны им теми, кто обладает властью.

Коллинз считал, что Вебер работал в рамках марксистской теории стратификации и дальше развивал ее. С одной стороны, утверждалось, что Вебер признавал существование различных форм конфликтов, приводящих к многогранной системе стратификации (например, класс, статус и власть). С другой стороны, Вебер в высокой степени разработал теорию организаций, которые Коллинз видел еще одной ареной для конфликтующих интересов. Важность Вебера для Коллинза также состояла в его упоре на роли государства как средстве контроля над способами насилия, который переключил внимание с конфликта в экономической области (по поводу средств производства) к конфликту в области государства. Коллинз ценит Вебера за его понимание социальной области эмоциональных производных, особенно религии. Конфликт, очевидно, может произойти в этой области, и эти эмоциональные производные, как и другие, могут быть использованы в качестве оружия в социальном конфликте.

Конфликтная теория стратификации. Базируясь на этой основе, Коллинз обратился к разработке собственного конфликтного подхода к стратификации, имеющего больше общего с феноменологической и этнометодологической теориями, чем с теорией Маркса или Вебера. Коллинз начал с нескольких утверждений. Считается, что людям свойственна общительность, но они также расположены и к конфликтам. В социальных отношениях существует вероятность конфликта, поскольку одним человеком или многими людьми во взаимодействующем окружении всегда может быть использовано «жесткое принуждение». Коллинз считал, что люди стремятся максимизировать свой «субъективный статус» и что их способность к этому зависит как от их ресурсов, так и от ресурсов тех, с кем они имеют дело. Он считал людей эгоистичными; таким образом, конфликты возможны Потому, что интересам присущ антагонизм.

Этот конфликтный подход к стратификации можно свести к трем базовым принципам. Во-первых, Коллинз был убежден в том, что люди живут в сконструированных ими субъективных мирах. Во-вторых, другие люди могут обладать властью,

чтобы влиять на субъективный опыт индивида или даже его контролировать. В-третьих, окружающие люди зачастую пытаются контролировать индивида, который им противостоит. Вероятным результатом будет межличностный конфликт.

На основе этого подхода Коллинз разработал пять принципов анализа конфликта, которые применил к социальной стратификации, хотя полагал, что их можно приложить к любой области социальной жизни. Во-первых, Коллинз считал что теория конфликта должна изучать скорее реальную жизнь, а не абстрактные формулировки. Это убеждение, вероятнее всего, отражает предпочтение материального анализа в марксистском стиле абстракции структурного функционализма. Коллинз убеждает нас в том, что люди есть существа, действия которых, мотивированные эгоизмом, можно рассматривать как маневры для получения различных преимуществ, так что они могут достичь удовлетворения и избежать недовольства. Однако, в отличие от теоретиков обмена и рационального выбора, Коллинз не считал людей полностью рациональными. Он признавал, что в своих усилиях найти удовлетворение они уязвимы с точки зрения эмоций.

Во-вторых, Коллинз полагал, что конфликтная теория стратификации должна исследовать влияющие на взаимодействие материальные условия. Хотя вероятно влияние на людей таких материальных факторов, как «физическое местонахождение, способы коммуникации, снабжение оружием, способы произвести впечатление на общественность, инструменты, товары» (Collins, 1975, p. 60), не все акторы испытывают одинаковое влияние. Основная переменная — ресурсы, которыми обладают каждый из них. Акторы со значительными материальными ресурсами могут сопротивляться или даже модифицировать эти материальные ограничения, тогда как мысли и поступки тех, кто владеет меньшими ресурсами, более вероятно определяются их материальным окружением.

В-третьих, Коллинз утверждал, что в ситуации неравенства группы, контролирующие ресурсы, по всей вероятности, попытаются эксплуатировать те, которым не хватает ресурсов. Он осторожно отметил, что такая эксплуатация не обязательно подразумевает сознательный расчет со стороны тех, кто получает выгоду от ситуации; эксплуататоры, скорее, следуют тому, что воспринимают как свои важнейшие интересы. В процессе они могут выиграть за счет тех, кому ресурсов не хватает.

В-четвертых, Коллинз считал, что теоретик конфликта должен исследовать такие явления культуры, как убеждения и идеалы, с точки зрения интересов, ресурсов и власти. Возможно, что группы, наделенные ресурсами и, следовательно властью, могут навязывать свою идеологию всему обществу; идеология людей, не имеющих ресурсов, им навязана.

Наконец Коллинз был твердым приверженцем научного исследования стратификации и всех прочих аспектов социального мира. Таким образом, он предписывал несколько принципов: социологи не должны просто теоретизировать на предмет стратификации, а должны исследовать ее эмпирически, если это возможно, используя сравнительный анализ. Гипотезы следует формулировать и эмпирически проверять с помощью сравнительных исследований. Наконец, социолог должен смотреть на причины социальных явлений, особенно многочисленные факторы любой формы социального поведения.

Такой научный подход привел Коллинза к разработке широкого набора предположений об отношениях между конфликтом и различными специфическими аспектами социальной жизни. Здесь мы можем привести лишь несколько из них, но они должны позволить читателям почувствовать коллинзовский вариант социологии конфликтов.

1.0 Основным фактором, определяющим точку зрения и поведение индивида, является опыт отдачи и выполнения приказов.

1.1 Чем больше кто-либо отдает приказаний, тем более он горд, уверен в себе, официален и отождествляется с организационными идеалами, которыми он оправдывает свои приказания.

1.2 Чем больше кто-либо выполняет приказаний, тем более он угодлив, фаталистичен, отчужден от организационных идеалов, подлаживается к внешней среде, не доверяет другим, озабочен получением материальных наград и аморален (Collins, 1975, p. 73-74)

Все эти предположения среди прочего отражают приверженность Коллинза *научному исследованию* маломасштабных социальных проявлений социальных конфликтов.

Другие социальные сферы

Коллинза не устраивало рассмотрение конфликта в пределах системы стратификации, он пытался расширить ее применительно к различным другим социальным сферам. Например, он перенес свой анализ стратификации на отношения между полами, а также между возрастными группами. Он встал на позицию, согласно которой семья — это арена конфликта полов, в котором мужчины выходят победителями, а женщины подавляются мужчинами и подвергаются различным видам несправедливого обращения. Аналогично, он рассматривал отношения между возрастными группами, особенно между молодыми и старыми, как конфликт. Эта идея противоречит позиции структурных функционалистов, которые в этих отношениях видели гармоничную социализацию и интернализацию. Коллинз обратился к рассмотрению ресурсов, которыми обладают различные возрастные группы. Взрослые владеют разнообразными ресурсами, в том числе опытом, влиянием, силой и способностью удовлетворять физические потребности молодых. В противоположность этому, один из немногочисленных ресурсов молодежи — физическая привлекательность. Это значит, что взрослые, как правило, главенствуют над юными. Однако по мере взросления человек приобретает больше ресурсов и более способен сопротивляться, в результате чего усиливается социальный конфликт поколений.

С точки зрения конфликта Коллинз рассматривал и формальные организации. Он считал их сетями межличностных влияний и аренами конфликтующих интересов. Иначе говоря, «организации есть арены борьбы» (Collins, 1975, p. 295). Коллинз снова выдвинул свой аргумент в форме предположения. Например, он утверждал, что «принуждение приводит к серьезным попыткам избежать его» (Collins, 1975, p. 298). С другой стороны, он считал, что предпочтительной стратегией Должно быть поощрение: «Контроль с помощью материальных наград приводит

к послушанию в той степени, в какой награды непосредственно связаны с желаемым поведением» (Collins, 1975, p. 299). Все эти и другие предположения указывают на приверженность Коллинза научному, во многом микроуровневому исследованию конфликтов.

Обобщенный взгляд

В итоге Коллинз, как и Дарендорф, не является действительным представителем марксистской теории конфликта, хотя и по другим причинам. Несмотря на то что Коллинз использовал идеи Маркса как точку отсчета, положения Вебера, Дюркгейма и особенно этнометодология оказали на его творчество гораздо более серьезное влияние. Маломасштабный подход Коллинза полезен как основа для разработки более общей теории конфликта. Однако, несмотря на заявленные намерения объединить крупно- и маломасштабную теории, он не выполнил задачу целиком.

В своем более позднем творчестве Коллинз придерживается обобщенного взгляда, согласно которому теория конфликта предпочтительней большинства других теорий, благодаря ее стремлению к синтезу: «Теория конфликта... свободно занимается тем, что может быть названо интеллектуальным пиратством: она стремится объединить... элементы... социологии микроуровня» (1990, p. 72).Несмотря на то что между 1975 и 1990 гг. мало кто открыто занимался теорией конфликта, Коллинз считает, что теория конфликта, независимо от внешних проявлений, не была в течение полутора десятилетий в неживом состоянии, а незаметно развивалась под разными личинами в ряде областей социологии.

Во-первых, Коллинз считает конфликтный подход центральным во множестве сравнительно-исторических исследований, особенно в творчестве Майкла Манна (Mann, 1986). Таким образом, теорию конфликта можно обогатить с помощью включения широкого ряда результатов, которые можно извлечь из сравнительно-исторических исследований. Кроме того, Коллинз считает, что Манн использует своего рода сетевую теорию, отсюда интерес к объединению подхода Манна с традиционной сетевой теорией. Во-вторых, возможно объединение сетевой теории и теории конфликта. Фактически, как мы увидим, сетевая теория играет в современных попытках синтеза важнейшую роль, поскольку есть представители других теоретических направлений, особенно теории обмена, которые видят возможность объединения с ней. Что любопытно, Коллинз не обращается к возможности объединения относительно своей собственной теории ритуальных цепочек взаимодействия (см. Главу 10). Это странно, поскольку микроуровневые наблюдения теории хорошо бы сочетались с традиционными макроуровневыми подходами теории конфликта. Возможно, Коллинз не предполагал такого объединения, поскольку его собственный вариант теории конфликта сам по себе в сильной степени относится к микроуровню и уже включает ритуальные цепочки взаимодействия.

В более общем виде, Коллинз определяет теорию конфликта в широком диапазоне, утверждая, что она представляется открытой выводам всех теорий и кажется способной учесть все уровни социальной реальности. В частности, Коллинз пытается различать узкие *теории конфликта* (например, Зиммеля и Козера) И *конфликтную теорию,* которую он определяет как «теорию об организации общества, поведении людей и групп, объясняющую, почему структуры приняли имен-

АО такой вид, в котором они существуют... и как и какие виды изменений происходят.... Конфликтная теория есть общий подход ко всей области социологии» (1990, p. 70). Таким образом, Коллинз стремится объединить многообразные синтезы; он хочет развить конфликтную теорию в более целостную концепцию. Следует осторожно относиться к империализму теории, который подразумевается этим подходом.

Резюме

Не так давно структурный функционализм был *авторитетнейшей* теорией в социологии. Теория конфликта стала главным его оппонентом и возможной альтернативой, способной сместить его с пьедестала. Однако в последние годы произошли драматические изменения. Обе теории стали предметом неустанной критики, вто время как появился ряд альтернативных теорий (с ними нам предстоит ознакомиться в оставшейся части книги), который вызвал еще больший интерес и большее число последователей.

Хотя существует несколько вариантов структурного функционализма, здесь мы сосредоточились на рассмотрении социетального функционализма и его крупномасштабного подхода, следованию их взаимосвязей на социетальном уровне и ограничивающего влияния социальных структур и институтов на акторов. Структурные функционалисты разработали ряд крупномасштабных подходов к социальным системам, подсистемам, отношениям между подсистемами и системами, равновесию и упорядоченным изменениям.

Мы разобрали три примера творчества структурных функционалистов (Дэвис и Мур, Парсонс и Мертон). Дэвис и Мур в одной из наиболее известных и самых критикуемых в истории социологии работ изучили социальную стратификацию как социальную систему и различные выполняемые ею позитивные функции. Мы также обсудили некоторые аспекты структурно-функциональной теории Толкот-та Парсонса и его идеи относительно четырех функциональных императивов всех систем действия: адаптации, целедостижения, интеграции и латентной функции *(AGIL)*. Кроме того, мы проанализировали структурно-функциональный подход применительно к четырем системам действия: социальной системе, системе культуры, системе личности и поведенческому организму. Наконец, мы рассмотрели структурно-функциональный подход Парсонса к динамике и социальным изменениям — его эволюционную теорию и его идеи по поводу обобщенных средств обмена.

Наиболее важный момент в современном структурном функционализме — попытка Мертона разработать «парадигму» функционального анализа. Мертон Начал с критики некоторых наиболее наивных положений структурного функционализма. Затем он пытался разработать более подходящую модель структурно-функ-Пионального анализа. В одном пункте Мертон соглашался со своими предшественниками — в необходимости рассматривать крупномасштабные социальные явления. Но, как он утверждал, помимо рассмотрения позитивных функций, структурный Функционализм должен уделять внимание дисфункциям и даже нонфункциям. РС учетом этих добавлений Мертон настаивал на том, что аналитики должны

озаботиться рассмотрением чистого баланса функций и дисфункций. Далее, он говорил, что, выполняя структурно-функциональный анализ, следует отойти от глобального анализа и конкретизировать *уровни,* на которых мы работаем. Мертон также выдвинул идею о том, что структурные функционалисты должны интересоваться не только явными (намеренными), но также латентными (непреднамеренными) функциями. Этот параграф завершился обсуждением того, как Мертон применял свою функциональную парадигму к вопросу отношения социальной структуры и культуры к аномии и девиантному поведению.

Затем мы обсудили многочисленную критику структурного функционализма которой удалось подорвать его авторитет и популярность. Мы остановились на обвинениях структурного функционализма в неисторичности, неспособности исследовать конфликты и изменения, крайней консервативности, озабоченности социетальным принуждением агентов, принятием утверждаемых элитой правил, телеологическом и тавтологическом характере.

Критика структурного функционализма привела к попытке ее отразить — к развитию направления, известного как неофункционализм. Неофункционализм пытался поддержать структурный функционализм, объединив его с различными другими теоретическими воззрениями. В рамках неофункционализма в конце 1980-х и начале 1990-х гг. появилось достаточное количество работ, и он привлек к себе значительное внимание. Однако будущее неофункционализма сомнительно, особенно по причине того, что его основатель, Джеффри Александер, перерос его.

Последняя часть этой главы посвящена важнейшей альтернативе структурного функционализма в 1950-х и 1960-х гг. — теории конфликта. Самая известная работа в рамках этой традиции была проделана Ральфом Дарендорфом, который (несмотря на то, что сознательно пытался следовать марксистской традиции) перевернул структурный функционализм. Дарендорф уделял больше внимания изменениям, чем равновесию, конфликтам, чем порядку, рассматривал, как элементы общества способствуют изменениям, а не стабильности, изучал конфликт и принуждение, а не нормативные ограничения. Дарендорф предложил крупномасштабную теорию конфликтов, сравнимую с крупномасштабной структурно-функционалистской теорией упорядоченности. Его внимание к власти, позициям, императивно координируемым ассоциациям, интересам, квазигруппам, группам интересов и конфликтным группам отражает этот подход. Теория Дарендорфа страдает некоторыми из присущих структурному функционализму недостатков; кроме того, он представляет собой довольно-таки бесплодную попытку присоединить марксистскую теорию. Дарендорфа также можно критиковать за то, что он довольствовался альтернативными теориями упорядоченности и конфликта по отдельности, а не стремился к их теоретическому объединению.

Глава завершается обсуждением попытки Рэндалла Коллинза разработать более обобщенную теорию конфликта, особенно объединяющую микро- и макроподход.

Глава 4. Разновидности неомарксистской теории

В этой главе мы рассмотрим теории, которые отражают идеи Маркса в большей степени, нежели теории конфликта, обсуждавшиеся в конце предыдущей главы. Хотя каждая из рассматриваемых здесь теорий является производной от марксистской теории, они имеют много существенных отличий.

Экономический детерминизм

Маркс часто выступал как экономический детерминист; это значит, что он придавал экономической системе первостепенное значение и доказывал, что она определяет все другие сферы общества: политику, религию, мировоззрение и т. д. Несмотря на то что Маркс считал экономический сектор превалирующим над другими, по крайней мере в капиталистическом обществе, как диалектик он не мог занять детерминистскую позицию. Дело в том, что диалектике присуще мнение, что между различными частями общества существует непрерывная обратная связь и взаимодействие. Политику, религию и т. д. нельзя свести к побочным явлениям, всецело определяемым экономикой, потому что они оказывают влияние на экономику так же, как экономика влияет на них. Несмотря на природу диалектики, Маркса до сих пор рассматривают как экономического детерминиста. Хотя некоторые аспекты творчества Маркса, безусловно, могут привести к такому заключению, принятие подобного мнения означает игнорирование общей диалектической нагрузки его теории.

Эггер (Agger, 1978) доказывал, что экономический детерминизм как интерпретация марксистской теории достиг пика своего развития во время существования II Коммунистического Интернационала, между 1889 и 1914 гг. Этот исторический период зачастую рассматривается как зенит раннего рыночного капитализма, а успехи и неудачи последнего привели к появлению многочисленных предсказаний его близкой кончины. Те марксисты, которые верили в эконо-

мический детерминизм, считали крах капитализма неизбежным. Согласно их представлениям, марксизм был способен представить научную теорию этого краха (а также других аспектов капиталистического общества) с надежностью прогноз зов физических и естественных наук. Все, что аналитику требовалось, — это исследовать структуры капитализма, в особенности экономические. В эти структуры встроены процессы, которые неизбежно сломают капитализм, так что задача экономического детерминиста — выяснить, как эти процессы протекают.

Фридрих Энгельс, соратник и благодетель Маркса, а также Карл Каутский и Эдуард Бернштейн указали направление интерпретации марксистской теории. Каутский рассматривал неизбежный упадок капитализма как

> неминуемый в том смысле, что изобретатели улучшают технику, а капиталисты в своей страсти к прибыли революционизируют всю экономическую жизнь; так же, как неизбежно то, что трудящие ставят своей целью сокращение рабочего времени и повышение заработной платы, которую они организуют сами, таким образом они ведут борьбу против капиталистического класса и его положения, так неизбежно и то, что они стремятся к завоеванию политической власти и свержению капиталистического правления. Социализм неминуем, потому что неминуема классовая борьба и победа пролетариата неизбежна (Каутский, цит. по: Agger, 1978, p. 94).

В данном случае представлены образы деятелей, которые структурами капитализма побуждаются к ряду действий.

Именно этот образ стал объектом основной критики научно ориентированного экономического детерминизма, так как он не соответствовал диалектическому содержанию марксистской теории. Говоря конкретнее, эта теория действовала в обход диалектики, нивелируя значимость мыслей и действий отдельного человека. Существенным ее элементом явилась экономическая структура капитализма, которая определяет индивидуальное мышление и действия. Подобная интерпретация, кроме того, вела к политическому квиетизму и, следовательно, была несовместима с концепцией Маркса. Зачем нужны индивидуальные действия, если капиталистическая система была готова рухнуть под тяжестью своих собственных структурных противоречий? Ясно, что в свете высказанного Марксом жела'ния объединить теорию с практикой, подход, который упускает из виду индивидуальные действия и даже делает их ничтожными, не мог соответствовать традиции его мышления.

Гегельянский марксизм

Вследствие только что рассмотренной критики, важность экономического детерминизма стала меркнуть, а некоторые теоретики принялись разрабатывать другие разновидности марксистской теории. Одна группа марксистов в поисках субъективной ориентации обратилась к гегельянским корням теории Маркса, чтобы дополнить разработанность концепций ранних марксистов на объективном, материальном уровне уровнем субъективным. Ранние марксисты-гегельянцы пытались возродить диалектику субъективных и объективных аспектов социальной жизни. Их интерес к субъективным факторам заложил основу для последующего развития критической теории, которая, практически, делает акцент исключительно

на субъективных факторах. Проиллюстрировать суть гегельянского марксизма можно на примере творчества ряда мыслителей (например, Карла Корша), но мы обратимся к творчеству лишь одного из них — Георга Лукача, который получил большую известность, в частности благодаря своей книге «История и классовое сознание» (Lukacs, 1922/1968). Мы также вкратце коснемся идей Антонио Грамши.

Георг Лукач

Интересы знатоков марксизма в начале XX в. были ограничены главным образом поздними, в основной массе экономическими, произведениями Маркса, такими как «Капитал» (Marx, 1867/1967). Ранние труды, особенно «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (Marx, 1932/1964), в которых особенно сильно ощущается влияние гегельянского субъективизма, были по большому счету не знакомы мыслителям-марксистам. Новое прочтение «Рукописей» и их публикация в 1932 г. стало основным поворотным событием. Однако к 1920-м гг. Лукач уже написал свой главный труд, в котором подчеркнул субъективную сторону марксистской теории. Как пишет Мартин Джей: «"История и классовое сознание" по нескольким фундаментальным направлениям предвосхитила философское значение "Рукописей 1844 года" Маркса, которые были опубликованы почти через десять лет после ее выхода в свет» (Jay, 1984, p. 102). Основной вклад Лукача в марксистскую теорию представлен его трудами по двум главным вопросам: овеществления (Dahms, 1998) и классового сознания. ..

Овеществление

Лукач с самого начала поясняет, что полностью не отрицает творчество экономических марксистов по вопросам овеществления, а просто пытается расширить их идеи. Он начал с марксистской концепции товаров, которую характеризовал как «центральную, структурную проблему капиталистического общества» (Lukacs, 1922/1968, p. 83). *Товары,* в сущности, представляют собой отношения между людьми, которые, как они полагают, получают свойства вещи и приобретают объективную форму. В процессе взаимодействия с природой люди в капиталистическом обществе производят различные продукты или товары (например, хлеб, автомобили, кинокартины). Однако люди склонны упускать из виду тот факт, что они производят эти товары и сами определяют их стоимость. Считается, что ценность товаров определяется рынком, независимым от людей. *Товарный фетишизм* есть процесс, при котором товарам и их рынку приписывается в капиталистическом обществе независимое объективное существование. Эта идея Маркса стала основой концепции овеществления Лукача.

Ключевое различие между товарным фетишизмом и овеществлением заключается в ширине охвата этих двух понятий. Если первое касается лишь экономических институтов, то последнее применяется Лукачем по отношению ко всему обществу — государству, закону *и* экономическому сектору. Та же самая динамика применима ко всем секторам капиталистического общества: люди пришли к представлению, что социальные структуры живут своей собственной жизнью, и, как следствие, приобретают объективный характер. Лукач описывает это процесс следующим образом:

> Человек в капиталистическом обществе стоит лицом к лицу с реальностью, «созданной» им самим (как классом), которая кажется ему чуждым природным явлением; он полностью находится во власти его «законов»; его деятельность сводится к беспрекословному соблюдению определенных индивидуальных законов во имя своих собственных (эгоистических) интересов. Но даже «действуя», человек остается, в сущности объектом, а не субъектом событий (Lukacs, 1922/1968, p. 135)

Развивая свою мысль, касающуюся овеществления, Лукач объединил идеи Вебера и Зиммеля. Однако поскольку овеществление было встроено в марксистскую теорию, оно рассматривалось как проблема, ограниченная рамками капитализма, а не как неизбежная судьба человечества, как это было у Вебера и Зиммеля.

Классовое и ложное сознание

Классовое сознание имеет отношение к системе убеждений, разделяемых теми, кто занимает в обществе одинаковую классовую позицию. Лукач пояснял, что классовое сознани это — не сумма, не среднее арифметическое индивидуальных сознаний; скорее, это собственность группы людей, занимающих схожее положение в производственной системе. Данный взгляд заставляет сфокусировать внимание на классовом сознании буржуазии и, в особенности, пролетариата. В творчестве Лукача прослеживается четкая связь между объективным экономическим положением, классовым сознанием и «реальными, психологическими размышлениями людей о своей жизни» (Lukacs, 1922/1968, p. 51).

Понятие классового сознания обязательно подразумевает, по крайней мере при капитализме, приоритетное положение *ложного сознания.* Это означает, что в капиталистическом обществе классы, в основном, не имеют четкого представления о своих истинных классовых интересах. Например, до революционного периода пролетариат полностью не осознает природу и степень их эксплуатации при капитализме. Ошибочность классового сознания проистекает из положения, которое занимает класс в экономической структуре общества: «Классовое сознание подразумевает классово-обусловленное *непонимание* своего собственного социально-исторического и экономического положения... "Ошибочность" или иллюзия, подразумеваемая в данной ситуации, никоим образом не является случайной» (Lukacs, 1922/1968, p. 52). Большинство социальных слоев на протяжении истории было не способно преодолеть ошибочное сознание и благодаря этому прийти к классовому сознанию.

Способность достичь классового сознания характерна для капиталистических обществ. В докапиталистических обществах развитию классового сознания препятствует ряд различных факторов. С одной стороны, государство, независимо от экономики, воздействует на социальные слои; с другой — статусное (связанное с престижем) сознание, как правило, скрывает сознание классовое (экономическое). В результате Лукач приходит к выводу, что «в подобном обществе не существует никакого положения, с точки зрения которого можно было бы осознать экономический базис всех социальных отношений» (Lukacs, 1922/1968, p. 57). Экономическая же основа капитализма понятнее и проще. Люди могут не осознавать ее воздействия, но они, по крайней мере подсознательно, о них осведомлены. Вслед-

ствие этого «классовое сознание достигло точки, где оно *могло бы стать сознательным»* (Lukacs, 1922/1968, p. 59). На этом этапе общество превращается в идеологическое поле битвы, на котором те, кто пытается скрыть классовый характер общества, выступают в качестве противников тех, кто старается его разоблачить.

Лукач сравнивал разные классы в капиталистическом обществе на предмет классового сознания. Он доказывал, что у мелкой буржуазии и крестьян не может быть развито классовое сознание из-за двусмысленности их структурного положения в рамках капитализма. Так как эти два класса — яркие представители общества в феодальную эпоху, они не способны достичь четкого понимания природы капитализма. Буржуазия в состоянии развить классовое сознание, но в лучшем случае она понимает развитие капитализма как нечто постороннее, подлежащее объективным законам, действие которых она может испытывать лишь пассивно.

У пролетариата есть способность развить истинное классовое сознание, и когда это происходит, буржуазия начинает «обороняться». Лукач отказывается рассматривать пролетариат как просто управляемый внешними силами: вместо этого он видит его активным творцом своей собственной судьбы. В противостоянии буржуазии и пролетариата первый класс полностью вооружен с интеллектуальной и организационной точки зрения, тогда как все, чем обладает последний, по крайней мере, вначале, — это лишь способность понимать, что есть в действительности общество. По мере того как борьба продолжается, пролетариат переходит от состояния «класса в себе», что является порождением структуры, к состоянию «класса для себя», который осознает свое положение и предназначение. Другими словами, «классовая борьба должна подняться с уровня экономической необходимости на уровень осознанной цели и действующего классового сознания» (Lukacs, 1922/1968, p. 76). Когда борьба достигнет этой стадии, пролетариат будет способен к действиям, которые свергнут капиталистическую систему.

Социологическая теория Лукача имеет большую ценность, хотя и излагается сугубо в рамках марксистских понятий. Его интересовали диалектические отношениям между структурами (в первую очередь, экономическими) капитализма, идейными системами (особенно классовым сознанием), индивидуальным мышлением и, наконец, индивидуальным действием. Его теоретический подход представляет собой важное звено между экономическими детерминистами и современными марксистами.

Антонио Грамши

Итальянский марксист Антонио Грамши также сыграл ключевую роль в переходе от экономического детерминизма к более современным марксистским подходам (Salamini, 1981). Грамши критиковал тех марксистов, которые были «детерминистами, фаталистическими и механистическими» (Gramsci, 1971, p. 336). Фактически, он написал очерк, озаглавленный как «Революция против "Капитала"» (Gramsci, 1917/1977), в котором отмечал «воскрешение политической воли против экономического детерминизма тех, кто сводил марксизм к историческим законам известнейшего труда Маркса ["Капитала"]» 0[a]У> 1984, p. 155). Признавая существование исторической непрерывности, Лукач отрицал идею автоматически происходящих или неизбежных исторических событий. Так, массам приходится

действовать, чтобы вызвать социальную революцию. Но чтобы действовать, массы должны осознать ситуацию, в которой они находятся, и природу системы, в которой они существуют. Таким образом, хотя Грамши признавал важность структурных факторов, особенно экономики, он не считал, что эти структурные факторы приводят массы к восстанию. Массам необходимо развивать революционную идеологию, но они не могут сделать этого сами. Грамши работает в рамках довольно-таки элитной концепции, в которой идеи генерируются интеллектуалами, а затем распространяются в массы, и уже ими внедряются в практическую жизнь. Массы не могут создавать подобные идеи, они могут лишь принять их на веру, когда они уже существуют. Массы не могут самостоятельно обрести самосознание; им необходима помощь социальной элиты. Однако когда массы испытывают на себе влияние данных идей, они могут предпринять действия, ведущие к социальной революции. Грамши, как и Лукач, фокусировал внимание скорее на коллективных идеях, нежели на социальных структурах типа экономики, и они оба действовали в рамках традиционной марксистской теории.

Центральная идея Грамши, отражающая его гегельянство, — гегемония (современное применение понятия гегемонии см. дальше в этой главе при обсуждении творчества Лаклау и Муффе; Abrahamsen, 1997). Согласно Грамши, «неотъемлемым ингредиентом современнейшей философии праксиса [связи мышления и деятельности] является историко-философская концепция «гегемонии» (Gramsci, 1932/1975, p. 235). Грамши определяет *гегемонию* как культурное лидерство правящего класса. Он противопоставляет гегемонию принуждению, законодательных или исполнительных властей или же выражается посредством вмешательства полиции» (Там же, 1932/1975, p. 235). Если марксисты-экономисты были склонны подчеркивать экономический и принудительный аспекты государственного правления, Грамши делал акцент на «гегемонии» и «культурном лидерстве» (Там же, 1932/1975, p. 235). Анализируя капитализм, Грамши стремился понять, каким образом некоторые интеллектуалы, действующие от лица капиталистов, достигали культурного лидерства и согласия масс.

Понятие гегемонии не только помогает нам понять господство при капитализме, но также обращает мысли Грамши к революции. Из этого следует, что недостаточно посредством революции приобрести контроль над экономикой и государственным аппаратом; также необходимо добиться культурного лидерства над остальной частью общества. Именно в этом Грамши видит ключевую роль интеллектуалов-коммунистов и коммунистической партии.

Теперь мы обратимся к критической теории, которая развилась на основе творчества таких марксистов-гегельянцев, как Лукач и Грамши, и которая еще дальше ушла от традиционных марксистских корней экономического детерминизма.

Критическая теория

Критическая теория это — продукт творчества группы немецких неомарксистов, которых не удовлетворяло состояние марксистской теории (Bernstein, 1995; Kel-lner, 1993; более широкий обзор критической теории см. у Agger, 1998), в част-

ности, ее уклон в сторону экономического детерминизма. Организация, которая ассоциируется с критической теорией, — Институт социальных исследований *(Institute of Social Research)* — официально была основана во Франкфурте, в Германии, 23 февраля 1923 г. (Wiggershaus, 1994). Критическая теория распространилась и за пределами Франкфуртской школы (Ге/ояД 989-90). Она была и остается в значительной степени европейским направлением, хотя ее влияние в американской социологии также возросло (van den Berg, 1980).

Основная критика социальной и интеллектуальной жизни

Критическая теория в значительной степени представлена критикой различных аспектов социальной и интеллектуальной жизни, но конечная ее цель — более точное раскрытие природы общества (Bleich, 1977). Сначала мы обратимся к основным критическим подходам, предложенным Франкфуртской школой, каждому из которых свойственно отдавать предпочтение оппозиционному мышлению, а также разоблачению и развенчанию различных аспектов социальной действительности (Connerton, 1976).

Критика марксистской теории

Критическая теория в качестве отправной точки выбирает критику марксистских учений. Критических теоретиков более всего тревожит экономический детерминизм — механистический, или механический, марксизм (Antonio, 1981; Schroyer, 1973; Sewart, 1978). Некоторые (например, см. Habermas, 1971) критикуют детерминизм, неявно присутствующий отчасти и в оригинальных работах Маркса, но большинство направляет свою критику на неомарксистов, в первую очередь потому, что они трактовали творчество Маркса, подходя к нему слишком механистично. Сторонники критической теории не говорят, что экономические детерминисты были неправы, делая акцент на экономической сфере, но отмечают, что им следовало бы также заниматься и другими аспектами социальной жизни. Как мы увидим, критическая школа пытается исправить это положение, концентрируя внимание на культурной сфере (Schroyer, 1973, p. 33). Кроме нападок на другие марксистские теории, критическая школа критиковала такие общества, как Советский Союз, якобы построенный на марксистской теории (Marcuse, 1958).

Критика позитивизма

Представители классической теории также делали акцент на философском обосновании научных исследований, в особенности позитивизма (Bottomore, 1984; Morrow, 1994). Критика позитивизма связана, по крайней мере, отчасти, с критикой экономического детерминизма, так как некоторые из тех, кто являлся детерминистом, частично или полностью поддерживали позитивистскую теорию знания. Позитивизм изображается как подход, согласно которому ко всем областям Исследования применим один-единственный научный метод. Точные науки принимаются позитивизмом за стандарт достоверности и точности для всех дисциплин. Позитивисты полагают, что знания по сути своей нейтральны. Они считают, что могут вынести человеческие ценности за рамки своей научной деятельности. Эта вера, в свою очередь, приводит к мнению, что в задачи науки не входит защи-

та какого-либо конкретного вида социального действия. (Более полное обсуждение позитивизма см. в главе 1.)

Критическая школа находится в оппозиции к позитивизму по различным причинам (Sewart, 1978). С одной стороны, позитивизм имеет тенденцию овеществлять социальный мир и рассматривает это как естественный процесс. Сторонники критического направления предпочитают фокусировать внимание на человеческой деятельности, а также на способах, посредством которых эта деятельность воздействует на социальные структуры. Словом, позитивизм не учитывает роли действующих субъектов (Habermas, 1971), превращая их в пассивных существ, побуждаемых «естественными силами». Учитывая их веру в самобытность индивидов, ясно, что теоретики-критики не могли принять идею, что общие законы науки однозначно применимы и к человеческой деятельности. Позитивизм резко критикуют за то, что он довольствуется рассмотрением адекватности средств для достижения поставленных целей и не проводит аналогичных рассуждений относительно целей. Эта критика приводит к убеждению, что позитивизм, по сути своей, консервативен и неспособен бросить вызов существующей системе. Как говорит о позитивизме Мартин Джей, «результатом стала абсолютизация "фактов" и овеществление существующего порядка» (1973, p. 62). Следствием позитивизма является пассивность индивида и социального ученого. Немногие марксисты любого направления поддержали бы подход, который не связывает теорию с практикой. Несмотря на данную критику позитивизма, некоторые марксисты (например, некоторые структуралисты, аналитические марксисты) признавали позитивизм, и сам Маркс часто обвинялся в том, что был «слишком позитивистичен» (Habermas, 1971).

Критика социологии

Социология подвергается жесткой критике за свой «сциентизм» по той причине, что превращает научный метод в самоцель. Кроме того, социологию обвиняют в том, что она приемлет статус-кво. Критическая школа утверждает, что социология всерьез не критикует общество и не пытается выйти за пределы современной социальной структуры. Социология, по мнению ее представителей, отказалась от своих обязательств помогать людям, угнетаемым современным обществом.

Критическая школа критикует социологов за то, что они фокусируют внимание на обществе в целом, а не на конкретных индивидуумах в обществе; социологов обвиняют в игнорировании взаимодействия индивидуумов и общества. Хотя большинство социологических направлений *невиновны* в этом упущении, данное мнение выражает самое существо нападок критической школы на социологов. В силу того что социологи игнорируют личность, их считают неспособными сказать что-либо значимое по поводу политических перемен, которые могли бы привести к «справедливому и гуманному обществу» (Frankfurt Institute for Social Research, 1973, p. 46). Как выразился Золтан Тар, социология становится «неотъемлемой частью существующего общества, вместо того чтобы быть средством критики и ускорителем обновления» (Таг, 1977, p. x).

Критика современного общества

В большинстве трудов критической школы прослеживается стремление к критике современного общества и разных его составляющих. Если многие из ранних марксистских теорий были нацелены на экономику, критическая школа сместила свои интересы в область культуры в свете того, что она принимает во внимание реалии современного капиталистического общества. Из этого следует, что позиция господства в современном мире переместилась из экономики в сферу культуры. Тем не менее критическая школа сохраняет интерес к вопросам господства[1], хотя в современном мире, вероятно, господствуют скорее культурные, нежели экономические элементы. Таким образом, критическая школа пытается сделать акцент на подавлении личности культурой в современном обществе.

Взгляды представителей критической школы сформировались под влиянием не только теории Маркса, но и теории Вебера, так как обе эти теории нашли свое отражение в пристальном внимании социологов-критиков к рациональности как важнейшей особенности современного мира. На самом деле, сторонников данного подхода часто называют «марксистами веберовского толка» (Dahms, 1997; Lowy, 1996). Как пояснил Трент Шройер (Shroyer, 1970), точка зрения критической школы состоит в том, что в современном обществе на смену подавлению, производимому экономической эксплуатацией, пришла рациональность, ставшая доминирующей социальной проблемой. Очевидно, что критическая школа переняла различие, которое Вебер проводил между *формальной рациональностью* и *субстанциальной рациональностью,* которую сторонники критической теории рассматривали еще как *разум.* С точки зрения теоретиков-критиков, формальная рациональность касается наиболее эффективных способов достижения заданной цели (Таг, 1977). В этом заключается суть «технократического мышления», цель которого состоит в служении силам господства, а не освобождении людей от них. Задача проста — найти самые действенные средства достижения любых целей, которые люди, находящиеся у власти, считают важными. Технократическое мышление противопоставляется разуму, который, по мнению представителей критической теории, есть надежда для общества. Разум предполагает оценку способов в соответствии с основными человеческими ценностями, такими как справедливость, мир, счастье. Представители критической школы приводили нацизм в целом и в особенности его концентрационные лагеря в качестве примеров формальной рациональности в ее смертельной схватке с разумом. Таким образом, как полагал Джордж Фридман: «Освенцим был рациональным, но неразумным местом» (Friedman, 1981, p. 15; см. также главу 12 и обсуждение взглядов Bauman, 1989).

Несмотря на кажущуюся рациональность современной жизни, критическая школа считает, что в современном мире преобладает иррациональность (Crook, 1995). Подобная точка зрения может быть названа «иррациональностью рациональности» или, точнее, иррациональностью формальной рациональности. По мнению Герберта Маркузе, хотя современное общество предстает воплощением рациональности, «это общество иррационально в целом» (1964, p. ix; см. также Farganis,

[1] Эту ситуацию полностью прояснил Трент Шройер (1973), назвавший свою книгу о критической школе *«Критика господства».*

1975). Иррационально, что рациональный мир разрушителен для индивидуумов, их нужд и способностей; что мир поддерживается за счет постоянной угрозы войны; что, несмотря на существование достаточного количества средств, люди продолжают оставаться бедными, подавляемыми, эксплуатируемыми и неспособными реализовать себя.

Критическая школа, в первую очередь, фокусирует внимание на одном из видов формальной рациональности — современной технологии (Feenberg, 1996). Маркузе (Marcuse, 1964), например, был суровым критиком современной технологии, по крайней мере, ее применения при капитализме. Он считал, что использование технологии в современном капиталистическом обществе приводит к тоталитаризму. Фактически, по мнению Маркузе, современная технология приводит к появлению новых, более эффективных и даже более «приятных» методов контроля над индивидами. Лучшим примером можно считать использование телевидения с целью социализации и умиротворения населения (другие примеры представлены массовым спортом и распространенной эксплуатацией темы секса). Маркузе отрицал идею, согласно которой технология в современном мире нейтральна, вместо этого он рассматривал ее как способ господствова над людьми. Технология очень эффективна, так как представляется нейтральной, в то время как на самом деле она порабощает. Она служит для подавления индивидуальности. Современная технология «поглотила и свела на нет» внутреннюю свободу субъекта. Результатом стало «одномерное общество», как его называл Маркузе, в котором индивидуумы теряют способность мыслить об обществе критически и негативно. Маркузе считал, что губительна не технология сама по себе, а, скорее, то, как она применяется в современном капиталистическом обществе: «Технология , вне зависимости от того, насколько она "безупречна", поддерживает и модернизирует континуум господства. Эту фатальную связь может оборвать только революция, которая подчиняет технологию и технику нуждам и целям свободного человека» (1969, p. 56). Маркузе придерживается мнения Маркса о том, что технология по сути своей не является проблемой и может быть использована для создания «лучшего» общества.

Критика культуры

Представители критической теории подвергают значительной критике то, что они называют «индустрией культуры», рационализированные, бюрократизированные структуры (например, телевизионные сети), которые контролируют современную культуру. Интерес к культурной индустрии» в большей степени отражает их внимание к марксистскому понятию «надстройки» нежели к экономическому базису. *Индустрия культуры,* производящая то, что обычно называют «массовой культурой», определяется как «управляемая... неспонтанная, овеществленная ложная культура, а не реальная вещь» (Jay, 1973, p. 216). Больше всего мыслителей — представителей критической школы волновали два обстоятельства, связанные с данной индустрией. Во-первых, их беспокоила ее фальшь. Теоретики считали индустрию культуры расфасованным набором производимых в больших количествах и широко распространяемых через средства массовой информации идей. Во-вторых, сторонники критической теории встревожены умиротворяющим, подавляющим

и отупляющим воздействием культурной индустрии на людей (D. Cook, Friedman, 1981; Tar, 1977, p. 83; Zipes, 1994).

Дуглас Келлнер (Kellner, 1990b) сознательно предложил критическую теорию телевидения. Хотя свою работу он рассматривает в рамках культурного подхода Франкфуртской школы, Келлнер привлекает и другие марксистские традиции, чтобы представить более полную концепцию телевизионной индустрии. Он осуждает критическую школу за то, что она «пренебрегает тщательным анализом политической экономии средств массовой информации, выстраивая концепцию массовой культуры просто как инструмента капиталистической идеологии» (Kellner, 1990b, p. 14). Помимо того, что телевидение является частью культурной индустрии, Келлнер связывает ее с корпоративным капитализмом и политической системой. Более того, Келлнер не считает телевидение чем-то монолитным или контролируемым согласованными корпоративными силами, но скорее «в высшей степени конфликтным средством массовой информации, где пересекаются конкурирующие экономические, политические, социальные и культурные силы» (1990b, p. 14). Таким образом, действуя в традициях критической теории, Келлнер отрицает точку зрения, согласно которой капитализм есть полностью управляемый мир. Тем не менее он рассматривает телевидение как угрозу демократии, индивидуальности и свободе и выдвигает предположения (например, более демократичная подотчетность, большая доступность для граждан и возможность их участия, большее разнообразие на телевидении) о том, как можно справиться с угрозой. Таким образом, Келлнер выходит за рамки одной только критики и предлагает способы преодоления опасности, которую представляет телевидение.

Критическая школа также рассматривает и осуждает так называемую «индустрию знаний», которая относится к структурам, касающимся производства знаний (например, университетам и исследовательским институтам), приобретшим в нашем обществе автономный статус. Автономность позволила им выйти за рамки их первоначального назначения (Schroyer, 1970). Они превратились в деспотические структуры, заинтересованные в расширении своего влияния в обществе.

Критический анализ капитализма, проведенный Марксом, дал ему надежду на будущее, но многие теоретики — представители критической школы отчаялись и пришли к убеждению в безвыходности положения. Они считают, что проблемы современного мира не являются специфическими для капитализма: они свойственны рационализированному миру вообще. Эти мыслители представляют будущее, выражаясь терминами Вебера, в виде «железной клетки» все более рациональных структур, надежда на бегство из которой все меньше.

Многое из критической теории (как и основная масса изначальных формулировок Маркса) по форме представляет собой критический анализ. Несмотря на то что представители критической школы имеют ряд позитивных интересов, один из основных критических разборов, проведенных в отношении критической теории, заключается в том, что она больше критикует, чем осуществляет позитивный вклад. Такой непрекращающийся негатив раздражает многих, и по этой причине теоретики-критики чувствуют, что критическая теория немногое может предложить социологической теории.

Основной вклад

Субъективность

Великим вкладом критической школы стала попытка переориентировать марксистскую теорию в субъективном направлении. Хотя в этом и состоит суть критики марксистского материализма и его упорной сосредоточенности на экономических структурах, данная попытка имела большое значение для нашего понимании субъективных элементов социальной жизни как индивидуума, так и культурных уровней.

Гегельянские корни марксистской теории послужили основными источниками интереса к субъективности. Многие мыслители — представители критической школы считают, что они возвращаются к этим корням, прослеживавшимся в ранних произведениях Маркса. Действуя данным образом, их идея развивается в работах марксистов-революционеров начала XX в., таких как Георг Лукач, который пытался не делать акцент на субъективности, а просто интегрировать подобные интересы с традиционным марксистским вниманием к объективным структурам (Agger, 1978). Лукач не стремился фундаментально перестроить марксистскую теорию, хотя поздние теоретики-критики ставят перед собой эту более широкую и более претенциозную задачу.

Мы начинаем с интереса, проявляемого критической школой к культуре. Как указывалось выше, критическая школа сместила акцент с экономического «базиса» в сторону культурной «надстройки». Одним из факторов, обусловливающих данную перемену, оказалось понимание критической школой, что марксисты слишком преувеличили роль экономических структур, и это преувеличение затмило их интересы к другим аспектам социальной реальности, в особенности к культуре. Кроме того, на подобное смещение акцентов указывает серия внешних изменений в обществе (Agger, 1978). В частности, в Америке период процветания после Второй мировой войны, *кажется,* привел к исчезновению внутренних экономических противоречий вообще и классовых конфликтов в частности. Ложное сознание *кажется* почти универсальным: все социальные классы, включая трудящихся, выступают в роли «вассалов» и пылких приверженцев капиталистической системы. Помимо этого, бывший Советский Союз, несмотря на социалистическую экономику, был, по меньшей мере, таким же деспотическим (угнетающим), как и капиталистическое общество. Так как два общества имели разную экономику, мыслителям — представителям критической школы пришлось продолжить поиски основного источника деспотизма. То, что они искали с самого начала, — это культура.

К проанализированным ранее аспектам проблем, рассматриваемых Франкфуртской школы, а именно рациональности, культурной индустрии и индустрии знаний, можно добавить дополнительную группу интересов, самые примечательные из которых — внимание к идеологии. Под *идеологией* теоретики-критики подразумевали системную идею, зачастую ложную и сбивающую с толку, рождаемую социальной элитой. Все эти особые аспекты надстройки и ориентации на них критической школы можно отнести к категории, называемой «критикой господства» (Agger, 1978; Schroyer, 1973). Интерес к господству первоначально стиму-

лировался фашизмом в 1930 -1940-х гг., но затем он переместился в сторону внимания к господству в капиталистическом обществе. Современный мир достиг стадии непревзойденного господства личностей. На самом деле, управление настолько совершенное, что больше не требует намеренных действий со стороны руководителей. Управление проникает во все аспекты культурного мира и, что более важно, перенимается исполнителем. В сущности, исполнители пришли к состоянию господства над самими собой от лица более крупных социальных структур. Господство достигло такой ступени совершенства, что больше уже не кажется господством. Так как господство больше не воспринимается наносящим личный ущерб и отчуждающим, зачастую кажется, что как будто мир таков, каким его предполагают видеть. Исполнителям больше не ясно, каким мир *должен* быть. Таким образом, поддерживается пессимизм мыслителей — представителей критической школы, которые больше не видят, как рациональный анализ может способствовать изменению ситуации.

Одним из интересов критической школы на культурном уровне является то, что Хабермас (Habermas, 1975) *называл легитимацией.* Легитимацию можно охарактеризовать как систему идей, генерированных политической системой, а теоретически любой другой системой, с целью поддержания существования системы. Они предназначены для «мистификации» политической системы, чтобы нельзя было понять, что на самом деле происходит.

Помимо подобных культурных интересов, критическая школа также касается проблемы акторов и их сознания, а также того, что происходит с ними в современном мире. Сознание масс попало под контроль внешних сил (таких как культурная индустрия). В результате, массам не удалось развить революционное сознание. К сожалению, теоретики-критики, как и большинство марксистов, а также социологов оказываются не в состоянии провести четкое различие между индивидуальным сознанием и культурой, а также не отмечают многих связей между ними. В большинстве своих работ они мечутся взад-вперед между сознанием и культурой, мало понимая или не понимая вовсе, что они подменяют уровни.

Большое значение в данно'м отношении имеет попытка теоретиков — представителей критической школы, особенно Маркузе (Marcu.se, 1969), включить идеи Фрейда на уровне сознания (и бессознательного) в толкование культуры критическими теоретиками. Теоретики-критики почерпнули три детали из творчества Фрейда: 1) психологическую структуру, с которой им следует работать при построении своей теории; 2) знание психопатологии, которая позволяет им понимать как негативное влияние современного общества, так и неудачу в развитии революционного сознания; и 3) возможности психического освобождения (Friedman, 1981). Одна из выгод их интереса к индивидуальному сознанию состоит в том, что данный интерес вносит полезные поправки, касающиеся пессимизма критической школы и ее сосредоточенности на культурную напряженность. Хотя люди, выражаясь терминами Фрейда, находятся под контролем, вдохновленные ложными нуждами и лишенные боли, они наделяются либидо (сексуальной энергией в широком понимании), которое обеспечивает основной источник энергии для формирования деятельности, направленной на свержение главных форм господства.

Диалектика

Вторым основным позитивным интересом критической теории следует считать внимание к диалектике (с осуждением этой идеи с точки зрения аналитического марксизма мы познакомимся в этой главе немного позднее). На самом общем уровне диалектический подход означает акцентирование внимания на социальной *тотальности.*[1] «Ни один аспект социальной жизни и никакой отдельный феномен невозможно понять, пока он не относится к историческому целому, к социальной структуре, постигаемой как всемирная сущность» (Connerton, 1976, p. 12). Данный подход включает отрицание необходимости фокусировать внимание на каком-либо *особом* аспекте социальной жизни, в особенности экономической системе, вне его более широкого контекста. Такой подход также подразумевает интерес к взаимоотношению различных уровней социальной действительности — наиболее важного индивидуального сознания, культурной надстройки и экономической структуры. Диалектика также придерживается методологического предписания: какой-либо один компонент социальной жизни не может изучаться отдельно от остальных.

Данная идея содержит как диахронический, так и синхронический компоненты. *Синхронический* взгляд заставляет нас заниматься взаимоотношениями составляющих общества в рамках современной тотальности. *Диахронический* взгляд придерживается интереса к историческим корням общества наших дней, а также к тому, к чему общество, возможно, придет в будущем (Bauman, 1976). Господство над людьми социальных и культурных структур — «одномерное общество», согласно Маркузе, — результат особого исторического развития, а не универсальная характеристика человечества. Историческая перспектива противоречит разумному мнению, возникающему при капитализме, что система — естественный и неизбежный феномен. С точки зрения представителей теоретической школы (и других марксистов), люди пришли к пониманию общества как «второй природы»; она «воспринимается мудростью, отвечающей здравому смыслу, как чужая, непреклонная, требовательная и своевольная власть — точно как нечеловеческая природа. Теперь чтобы твердо придерживаться правил разума, вести себя рационально, достичь успеха, быть свободным, человеку приходится приспосабливаться ко «второй природе» (Bauman, 1976, p. 6).

Теоретики-критики также ориентированы на размышления о будущем, но, следуя примеру Маркса, они не хотят быть утопичными; скорее, они фокусируют внимание на критике и изменении современного общества (Alway, 1995). Однако вместо того чтобы, подобно Марксу, направить свое внимание на экономические структуры общества, они сконцентрировались на культурной надстройке. Их диалектический подход дает им право работать в реальном мире. Это означает, что они не удовлетворены поисками правды в научных лабораториях. Последней проверкой их идей будет степень, с которой они принимаются и используются на практике. Этот процесс теоретики-критики называют *идентификацией,* которая имеет место когда люди, ставшие жертвами искаженного общения, принима-

[1] Джей (Jay, 1984) считает «тотальность» центральным понятием марксистской теории вообще, а не только критической теории. С другой стороны, эта идея отрицается марксистами постмодерна (см. обсуждение далее в этой главе).

ют идеи критической теории и используют их, чтобы освободить себя от системы (Bauman, 1976, p. 104). Таким образом, мы подходим к другой стороне интересов мыслителей-критиков — *освобождению* человечества (Маркузе, 1964, p. 222).

Если говорить отвлеченно, то в отношении мыслителей — представителей критической школы можно заметить, что их внимание было поглощено взаимодействием и соотношением между теорией и практикой. Взгляд Франкфуртской школы заключался в том, что в капиталистическом обществе теория и практика разобщены (Schroyer, 1973, p. 28). Это означает, что теоретизирование осуществляется одной группой, которой предоставляется или, вернее, которая получает это право, тогда как практика передается другой, менее сильной (властной) группе. Во многих случаях в творчестве теоретиков заметна их неосведомленность по поводу того, что происходит в реальном мире, что обедняет и по большей мере делает неуместными некоторые положения марксистской и социологической теории. Главное — объединить теорию и практику так, чтобы реконструировать отношения между ними. Таким образом, теория будет подкрепляться практикой, тогда как практика будет моделироваться теорией. Постепенно как теория, так и практика будут обогащаться.

Несмотря на эту общепризнанную цель, критической теории не удалось полностью интегрировать теорию и практику. На самом деле, один из наиболее часто приводимых доводов, осуждающих критическую школу, гласит, что ее учение изложено недоступным пониманию людей образом. Более того, свое обязательство изучать культуру и надстройку критическая теория относит к ряду слишком эзотерических тем и мало что может сказать о прагматических, повседневных заботах большинства людей.

Знание и человеческие интересы. Одним из известнейших вопросов, изучением которого занималась критическая школа, и в частности Юрген Хабермас (Habermas, 1970,1971), был вопрос о соотношении между знанием и человеческими интересами — пример более широкого диалектического соотношения субъективных и объективных факторов. Но Хабермас предусмотрительно дал понять, что субъективные и объективные факторы не могут рассматриваться отдельно один от другого. По его мнению, система знаний существует на объективном уровне, тогда как человеческие интересы являются более субъективными феноменами.

Хабермас различал три системы знаний и соответствующих им интересов. Интересы, которые лежат за каждой из систем знаний и направляют их, обычно неизвестны людям, и задача теоретиков-критиков состоит в том, чтобы вскрыть эти интересы. Первый тип знаний — *аналитические науки* или *классические позитивистские научные системы.* С точки зрения Хабермаса, лежащий в основе данной системы знаний интерес есть техническое предсказание и контроль, которые могут быть применены к окружающей среде, другим обществам или людям в обществе. Согласно Хабермасу, аналитические науки достаточно легко поддаются увеличивающемуся деспотическому контролю. Второй тип систем знаний представлен *гуманистическим знанием,* и его интерес заключается в *понимании* мира. Данная система знаний отталкивается от общей идеи, согласно которой понимание нашего прошлого обычно помогает понять современные события. Этот тип проявляет практический интерес к взаимопониманию и пониманию себя. Он не угнетающий и не освобождающий. Третий тип — *критическое знание,* которое

поддерживали Хабермас и критическая школа вообще. Интерес, привязанный к данному типу знаний, — *освобождение человека.* Мыслители возлагали надежды на то, что критическое знание, созданное Хабермасом и др., пробудят самосознание масс (посредством механизмов, четко изложенных фрейдистами) и приведет к становлению социального движения, результатом которого станет желанное освобождение.

Критика критической теории

Критической теории был адресован ряд критических замечаний (Bottomore, 1984). Во-первых, критическую теорию обвиняли в неисторичности, в том, что, исследуя разные события, она не принимает во внимание исторический и сравнительный контексты (например, нацизм 1930-х гг. и антисемитизм в 1940-х гг., студенческие протесты в 1960-х гг.). Это сильный удар по марксистской теории, которая по сути своей должна быть исторической и сравнительной. Во-вторых, критическая школа, как мы уже видели, обычно игнорировала экономику. Наконец, с этим связана следующая особенность критической школы: ее сторонники стремились доказать, что рабочий класс как революционная сила исчез. Данная позиция решительно противоположна традиционному марксистскому анализу.

Критика, подобная этой, привела таких традиционных марксистов, как Боттомор, к заключению, что «Франкфуртская школа в своей первоначальной форме и как школа марксизма или социологии умерла» (Greisman, 1984, p. 76). Схожие настроения выражал и Грейзман, который называет критическую теорию «парадигмой, потерпевшей крах» (1986, p. 273). Если она и потеряла свою самобытность, то только потому, что многие основные идеи школы нашли свое применение в марксизме, неомарксистской социологии и даже в основном направлении социологии. Таким образом, как делает вывод сам Боттмор в отношении Хабермаса, критическая школа сблизилась с марксизмом и социологией, но «в то же самое время некоторые из самобытных идей Франкфуртской школы сохранены и развиваются» (Bottomore, 1984, p. 76).

Идеи Юргена Хабермаса

Несмотря на то, что критическая теория, возможно, переживает упадок, творчество Юргена Хабермаса[1] и его теории очень актуальны (Bernstein, 1995; Carleheden and Gabriels, 1996; Morrow and Brown,1994; Outhwaite, 1994). Чуть раньше в этой главе мы уже затрагивали некоторые из его идей, и данный раздел, посвященный критической теории, мы завершаем более детальным рассмотрением его учения (других аспектов в его концепции мы коснемся в главах Ни 12).

Разногласия с Марксом

аоермас утверждает, что ставил перед собой цель «разработать теоретическую программу, которую я понимаю как реконструкцию исторического материализма» (Habermas, 1979, p. 95). За отправную точку Хабермас принимает исходные

[1] Хабермас начал свою деятельность в 1955 г. в качестве научного ассистента Теодора Адорно (Wig-§ershau$_S$)1994,p.537).

положения Маркса (человеческий потенциал, сущность вида, «чувственная человеческая активность»). Однако Хабермас (Habermas, 1971) доказывает, что Марксу не удалось провести различия между двумя, с точки зрения анализа, самостоятельными компонентами сущности вида — работой (или трудом, целерациональным действием) и социальным (или символическим) взаимодействием (или коммуникативным действием). С точки зрения Хабермаса, Маркс был склонен игнорировать последнее и сводить его к труду. Как полагал Хабермас, проблема Маркса заключалась в *«сведении самопорождающегося акта представителей рода человеческого* к труду» (Habermas, 1971, p. 42). Так, Хабермас говорит: «За отправную точку я принимаю фундаментальное различие между *трудом* и *взаимодействием»* (Habermas, 1970, p. 91). Это отличие красной нитью проходит через все произведения Хабермаса, хотя он в большей степени склонен использовать термины *целерациональное действие* (труд) и *коммуникативное действие* (взаимодействие).

Говоря о «целерациональном действии» , Хабермас различает инструментальное и стратегическое действие. Оба подразумевают рассчитанное стремление к личной выгоде. *Инструментальное действие* предполагает участие единственного исполнителя, рационально просчитывающего наилучшие способы достижения поставленной цели. Под *стратегическим действием* понимается координация двумя или более индивидами целерационального действия, направленного на достижение цели. Целью как инструментального, так и стратегического действия является инструментальное мастерство.

Наибольший интерес для Хабермаса представляло *коммуникативное действие,* в котором

> действия субъектов координируются не посредством эгоцентрических расчетов на успех, а посредством *достижения понимания.* В коммуникативном действии участники изначально не ориентированы на собственный успех; они преследуют свои личные цели при условии, что смогут *согласовать* планы своих действий на основе *общих определений ситуации* (Habermas, 1984, p. 286, курсив мой).

Если задача целерационального действия — добиться поставленной цели, то коммуникативное действие направлено на достижение понимания в процессе общения (коммуникативного понимания) (Stryker, 1998).

В коммуникативном действии присутствует такой важный компонент, как речь. Но подобное действие следует рассматривать шире, чем просто как включающее в себя «речевые акты или эквивалентные невербальные выражения» (Habennas, 1984, p. 278).

Ключевое отступление Хабермаса от марксизма состоит в том, чтобы доказать, что именно коммуникативное действие, *а не* целерациональное (труд) является Уникальным и наиболее существенным явлением, характерным для человека. Именно такое действие (а не труд) — основа всей социокультурной жизни, а также гуманитарных наук. Если Маркс фокусировал внимание на труде, то Хабермас во главу угла ставил коммуникацию.

Маркс не только делал акцент на труде, но рассматривал свободный и творческий труд (сущность вида) в качестве исходной линии своего критического ана-

лиза в различные исторические эпохи, особенно при капитализме. В теории Хабермаса также присутствует исходная линия, но она, скорее, лежит в области коммуникативного, а не целерационального действия. Исходная линия Хабермаса — неискаженная коммуникация, коммуникация без принуждения. Придерживаясь данной линии, Хабермас имеет возможность критически проанализировать искаженную коммуникацию. Хабермаса интересуют те социальные структуры, которые искажают коммуникацию, точно так же Маркс исследовал структурные источники искажения труда. Несмотря на то, что они придерживались разных исходных линий, оба — Хабермас и Маркс — *имеют* эти исходные линии, что позволяет им избегать релятивизма и рассуждать о разных исторических явлениях. Хабермас критикует других теоретиков, особенно Вебера и своих предшественников, представителей критической школы, за отсутствие подобной исходной линии и уход в релятивизм.

Существует еще одна параллель между Марксом и Хабермасом и базовыми положениями их теорий. Для обоих исходные линии представляют собой не только аналитические отправные точки, но также и политические цели. Это означает, что если целью Маркса было коммунистическое общество, в котором впервые возник бы неискаженный труд (сущность вида), то политическая цель Хабермаса — общество неискаженной коммуникации (коммуникативного действия). Если говорить о непосредственных целях, то Маркс пытается устранить барьеры (капиталистические) на пути к неискаженному труду, а Хабермас заинтересован в устранении препятствий к свободной коммуникации.

Здесь Хабермас (Habermas, 1973; см. также Habermas, 1994, p. 101), как и другие теоретики-критики, приближается к Фрейду и проводит много аналогий между тем, чем занимались психоаналитики на индивидуальном уровне, и тем, что он считал необходимым предпринять на уровне социальном. Хабермас рассматривал психоанализ как теорию искаженного общения, которая стремится найти способ, позволяющий индивидам общаться неискаженным образом. Психоаналитики пытаются найти источники искажений в индивидуальном общении, а именно препятствия к общению. Посредством размышления психоаналитик пытается оказать индивиду помощь в преодолении этих преград. Подобным же образом посредством *терапевтической критики,* «формы аргументации, служащей для прояснения систематического самообмана» (Habermas, 1984, p. 21) теоретик-критик стремится помочь всем людям вообще преодолеть социальные барьеры, чтобы достичь неискаженного общения. Таким образом, прослеживается сходство (многие критики считают егонелогичным) между психоанализом и критической теорией. Психоаналитик помогает пациенту, во многом прибегая к тем же средствам, какие использует социальный критик, чтобы помочь неспособным к адекватному общению людям стать «полноценными» (Habermas, 1994, p. 112).

По Хабермасу, основа идеального будущего общества существует в современном мире. Это значит, что элементы сущности вида Маркса прослеживаются в труде в капиталистическом обществе. Что касается Хабермаса, то элементы неискаженной коммуникации можно обнаружить в каждом коммуникативном акте современности.

Рационализация

Это подводит нас к центральной проблеме рационализации в творчестве Хабермаса. В данном случае на Хабермаса оказало влияние не только творчество Маркса но и Вебера. Наиболее важная работа, с точки зрения Хабермаса, сосредоточена вокруг рационализации целерационального действия, которая привела к росту производительных сил и увеличению технологического контроля над жизнью (Habermas, 1970). Данная форма рационализации, как это было у Маркса и Вебера, стала основной, возможно, *главной* проблемой современного мира. Однако проблема заключается в рационализации целерациональной деятельности, а *не* рационализации вообще. На самом деле, согласно Хабермасу, решение проблемы рационализации целерациональной деятельности кроется в рационализации коммуникативного действия. Рационализация коммуникативного действия ведет к коммуникации, свободной от господства, добровольной и открытой коммуникации. В данном случае рационализация предполагает освобождение, «снятие ограничений на общение» (Habermas, 1970, p. 118; см. также Habermas, 1979). Именно сейчас уместно вспомнить ранее упомянутую работу Хабермаса по *легитимации* и, в более общем понимании, *идеологии.* Дело в том, что это две из основных причин искаженной коммуникации, которые должны быть устранены, если мы стремимся к добровольному и открытому общению.

На уровне социальных норм такая рационализация предполагала бы спад нормативной репрессивности и жесткости, что приводило бы к росту индивидуальной гибкости и рефлексивности. Развитие новой, менее сдерживающей или вовсе не сдерживающей нормативной системы составляет суть теории социальной эволюции Хабермаса (Habermas, 1979). Вместо новой производительной системы, рационализация, согласно Хабермасу, ведет к новой, менее искажающей нормативной системе. Хотя он считает это следствием неправильного понимания его позиции, многие обвиняли Хабермаса в том, что он «обрубил свои марксистские корни» и переместился с материального на нормативный уровень.

Конечный пункт эволюции, по Хабермасу — рациональное общество (Delanty, 1997). *Рациональность* в данном случае означает устранение искажающих коммуникацию барьеров. В более общем плане это означает коммуникативную систему, в которой идеи представляются открыто и защищаются от критики; в которой в процессе аргументации возникает добровольное согласие. Чтобы лучше это понять, нам необходимо знать еще некоторые детали коммуникативной теории Хабермаса.

Коммуникация

Хабермас различал предварительно обсужденную коммуникативную деятельность и дискурс. Если коммуникативная деятельность происходит в повседневной жизни, то *дискурс* — это

та форма общения, которая не связана с контекстом опыта и деятельности и структура которой уверяет нас: заключенная в скобки обоснованность утверждений, рекомендаций или предупреждений являются особыми предметами дискуссии; участники, темы и степень активности не ограничиваются, за исключением тех моментов, которые имеют непосредственное отношение к проверке обоснованности обсуждаемых утверждений; нет •

лучшей силы, чем обоснованный аргумент; любые другие мотивы, кроме желания совместно доискаться до истины, исключаются (Habermas, 1975, p. 107-108).

Теоретически мир дискурса, в основе которого также лежит скрытый мир коммуникативных действий, есть «идеальная речевая ситуация», в которой сила или власть не решают, какой аргумент добивается успеха; победу одерживает лучший аргумент. Степень доказательности и аргументации определяет, что считается обоснованным или истинным. Аргументы, которые возникают на основе подобных дискурсов (и с которыми соглашаются участники), истинные (Hesse, 1995). Таким образом, Хабермас признает общепринятую теорию истины (а не подражание [или «истинность»] теории истины [Outhwaite, 1994, p. 41]). Эта истина — часть коммуникации, и ее полное выражение является целью эволюционной теории Хабермаса. Как говорит Мак-Карти: «Идея истины указывает в конечном счете на форму взаимодействия, свободную от всех искажающих влияний. "Хорошая и правдивая жизнь", ставшая целью критической теории, присуща представлениям истины; она прогнозируется в каждом речевом акте» (McCarthy, 1982, p. 308).

Согласие возникает теоретически в дискурсе (и дотеоретически в коммуникативной деятельности), когда взаимодействующими лицами принимаются на обсуждение и признаются четыре типа утверждений обоснованности. Во-первых, дикция говорящего считается понятной, вразумительной. Во-вторых, утверждения, предлагаемые говорящим, истинны; это означает, что говорящий предлагает надежные знания. В-третьих, говорящий правдив (достоверен) и искренен, предлагая утверждения; говорящий надежен. В-четвертых, говорящий может правильно и пристойно произносить подобные утверждения; он или она имеют для этого нормативную базу. Согласие возможно, когда все эти утверждения обоснованности присутствуют и принимаются участниками дискурса; оно разрушается, когда одно или более ставятся под сомнение. Возвращаясь к более ранним пунктам, в современном мире существуют силы, которые искажают этот процесс, предотвращают возникновение согласия и которые следует преодолеть, чтобы прийти к идеальному обществу Хабермаса.

Критическая теория в наши дни

Хотя Хабермас и признан самым выдающимся из мыслителей наших дней, он не одинок в борьбе за развитие критической теории, которая бы наилучшим образом отвечала условиям современной действительности (в качестве примера см. различные очерки Wexler, 1991; Antonio and Kellner, 1994). Кастелс (Castels, 1996b) выступает за необходимость критической теории нового «информационного общества». В качестве иллюстрации этих непрекращающихся усилий мы кратко рассмотрим попытку Келлнера (Kellner, 1989c) создать критическую теорию так называемого «технокапитализма».

Технокапитализм

Основная посылка, от которой отталкивается Келлнер в построении своей теории, состоит в том, что мы не вступили в постсовременный, или постиндустриальный, век: капитализм продолжает сохранять свое верховное господство, как это было в годы расцвета критической теории. Поэтому Келлнер считает, что основные по-

нятия, позволяющие анализировать капитализм (например, овеществление, отчуждение) вполне уместны и при анализе технокапитализма. Келлнер определяет технокапитализм как

> форму капиталистического общества, в котором технические и научные знания, автоматика, компьютеры и передовые технологии играют в производственном процессе роль, аналогичную той, которую играли сила человеческого труда, механизация и станки на более ранних этапах капитализма, но которое порождает также и новые способы социальной организации, формы культуры и повседневной жизни (Kellner, 1989, p. 178).

Используя технические марксистские термины, можно сказать, что при технокапитализме «на смену постоянному капиталу постепенно приходит переменный, так как соотношение между технологией и трудом возрастает за счет потребления силы труда человека» (Kellner, 1989, p. 179). Кроме того, нам не следует упускать из виду тот факт, что технокапитализм остается формой капитализма, при которой значение технологии неизмеримо больше, чем когда-либо до этого.

Келлнер учел ошибки других марксистов. Так, например, он не принимал идею, согласно которой технология определяет «надстройку» общества. Он считает, что государство и культура при технокапитализме автономны, по крайней мере отчасти. Келлнер рассматривает технокапитализм не как новый этап в истории, а скорее как новую форму или комплекс представлений в капиталистическом обществе. Келлнер не просто сосредоточивается на проблемах, порождаемых техно-капитализмом, но и видит в нем новые возможности для социального прогресса и освобождения общества. Фактически, с точки зрения Келлнера, ключевая роль критической теории состоит не в том, чтобы просто критиковать технокапитализм, но и «попытаться проанализировать возможности освобождения, которые он раскрывает» (Kellner, 1989, p. 215). Келлнер также отказывается возвращаться к старой классовой политике, но усматривает большой потенциал в различных социальных движениях (женских, охраны окружающей среды), которые возникли за последние несколько десятилетий.

Келлнер не старается создать полномасштабную теорию технокапитализма. Его основная позиция заключается в том, что, несмотря на резкие изменения, которые претерпел капитализм, он продолжает преобладать в современном мире. Таким образом, инструменты, предоставленные критической школой и в целом марксистской теорией, все еще уместны применительно к миру в наши дни. Мы завершаем этот раздел книги описанием «технокультуры», которое дает Келлнер. Ведь интерес к культуре занимал центральное место в критической теории в годы ее расцвета

> Технокультура представляет собой форму массовой культуры и потребительское общество, в котором потребительские товары, фильмы, телевидение, массовые образы и компьютеризированная информация становятся доминирующей формой культуры во всем развитом мире [и] которые также все стремительнее проникают в развивающиеся страны. В данной технокультуре образ, зрелище и эстетическая коммодификация или «товарная эстетика» образуют новые формы культуры, которые колонизируют повседневную жизнь и трансформируют политику, экономику и социальные отношения. Во всех перечисленных областях *технология* играет все более фундаментальную роль (Kellner, 1989, p. 181).

Будущим теоретикам-критикам предстоит изучить многое, как, например, природу самой технокультуры, коммодификацию, колонизацию жизненного мира и диалектическое влияние на экономику и другие сектора общества. Им придется столкнуться как с совершенно новыми явлениями, так и с понятиями, основанными на фундаментальных идеях критической теории.

Неомарксистская экономическая социология

Неомарксисты (например, теоретики-критики) сделали относительно немного замечаний в отношении института экономики. Отчасти это можно считать реакцией против неумеренности экономических детерминистов. Однако эти критические замечания были встречены серией контратак. В данном разделе книги мы рассмотрим творчество марксистов, вновь обратившихся к сфере экономики. Их деятельность представляет собой попытку адаптировать марксистскую теорию к реалиям современного капиталистического общества (Lash and Urry, 1987; Meszaros, 1995).

В этом разделе мы столкнемся с двумя основными направлениями их творчества. Первое касается достаточно обширного вопроса — соотношения труда и капитала. Второе охватывает более узкую, но и более современную проблему — перехода от фордизма к постфордизму.

Капитал и труд

Самобытные идеи Маркса относительно экономических структур и процессов основывались на проведенном им анализе капитализма тех лет, который мы можем считать конкурентным капитализмом. Капиталистическая промышленность была сравнительно небольшой, результатом чего стало отсутствие отдельной индустрии или нескольких отраслей, которые приобрели бы полный и неоспоримый контроль над рынком. Во многих своих экономических трудах Маркс исходил из того, что капитализм представляет собой конкурентную систему. Эта посылка как нельзя лучше отвечала требованиям той эпохи. Маркс предвидел возможности будущих монополий, но прокомментировал их очень коротко. Многие более поздние теоретики-марксисты продолжили действовать так, как будто капитализм остался неизменным со времен Маркса.

Монопольный капитал

В этом контексте мы изучим творчество Пола Бэрана и Пола Суизи (Baran and Sweezy, 1996). Они начинали с критики марксистских социальных наук за повторение общеизвестных формулировок и за неумение объяснить важные новые изменения в капиталистическом обществе. Они обвиняли марксистскую теорию в застое, так как та продолжала основываться на допущении существования конкурентной экономики. Современная марксистская теория должна, с точки зрения Бэрана и Суизи, согласиться с тем, что на смену конкурентному капитализму пришел монопольный капитализм.

При *монопольном капитализме* один или несколько капиталистов контролируют данный сектор экономики. Ясно, что конкуренция при монопольном капита-

дизме существенно ниже, чем при конкурентном капитализме. При конкурентном капитализме основой конкурентной борьбы организаций была цена, т. е. капиталисты стремились продать больше товаров по более низким ценам. При монопольном капитализме необходимость подобного рода конкуренции отсутствует, так как рынок контролирует одна или несколько фирм; конкуренция перемещается в область продаж. Реклама, упаковка и другие методы привлечения потенциальных покупателей становятся основной зоной конкуренции.

Движение от цены к продажам становится частью другого процесса, характеризующего монопольный капитализм, — *прогрессивной рационализации.* Ценовая конкуренция становится в высшей степени нерациональной. С точки зрения монопольных капиталистов, это выражается в том, что снижение цен может привести только к хаосу на рынке, не говоря уже о более низкой прибыли и даже возможном банкротстве. Товарная конкуренция, наоборот, не является жесткой системой; фактически, она даже обеспечивает работой рекламную индустрию. Более того, можно удерживать высокие цены, просто включив в цену стоимость продаж и продвижения товара. Таким образом, товарная конкуренция ко всему еще и гораздо менее рискованна, чем ценовая.

Другим решающим аспектом монопольного капитализма оказалось возникновение гигантских корпораций, а также нескольких крупных корпораций, контролирующих большинство секторов экономики. При конкурентном капитализме, предприниматели управляли предприятиями практически в одиночку. Современными корпорациями владеет большое количество акционеров, но большинство акций принадлежит небольшой группе крупных акционеров. Несмотря на то что акционеры «владеют» корпорацией, действительное повседневное управление осуществляют менеджеры. Менеджеры — решающее звено при монопольном капитализме, тогда как при конкурентном капитализме главная роль принадлежала предпринимателям. Менеджеры обладают значительной властью, которую они пытаются поддерживать. Они даже стремятся достичь финансовой независимости своих фирм, пытаясь, насколько это возможно, производить любые необходимые денежные средства своими силами, нежели полагаясь на внешние источники финансирования.

Бэран и Суизи сделали много замечаний по поводу главного положения корпоративного менеджера в современном капиталистическом обществе. Менеджеры считаются в высшей степени рациональной группой, ориентированной на максимизацию прибыли предприятия. Следовательно, они не склонны рисковать, что было характерно для ранних предпринимателей. Менеджер имеет более длительную временную перспективу, чем предприниматель. Если ранние капиталисты были заинтересованы в увеличении прибыли за короткий период времени, то современные менеджеры знают, что подобные попытки могут привести к появлению хаотической ценовой конкуренции, которая бы негативно отразилась на долгосрочной рентабельности фирмы.Таким образом, менеджер откажется от *какой-то* прибыли в краткосрочном периоде с целью максимизировать долгосрочную прибыльность предприятия.

Бэран и Суизи подвергались критике по разным причинам. Например, за преувеличение рациональности менеджеров. Герберт Саймон (Simon, 1957), напри-

мер, доказывал, что менеджеры более заинтересованы в поисках минимально удовлетворительных решений (и только они способны их отыскать), а не наиболее рациональных и наиболее выгодных. Другая проблема заключается в том, являются ли менеджеры на самом деле ключевыми фигурами при современном капитализме. Многие могли бы доказать, что таковыми можно считать крупных акционеров, которые действительно управляют капиталистической системой.

Распределение излишков. Центральная проблема при монопольном капитализме — способность системы производить и использовать экономический излишек. *Экономический излишек* определяется как разница между стоимостью того что общество вырабатывает, и затратами на производство. Обратившись к проблеме излишка, Бэран и Суизи отошли от того интереса, который проявлял Маркс к эксплуатации труда, вместо него они сделали акцент на связи экономики и других социальных институтов, в частности на поглощении экономического излишка этими другими институтами.

Современные капиталистические менеджеры становятся жертвами своего собственного успеха. С одной стороны, они способны устанавливать цены произвольно, благодаря своей монополистической позиции в экономике. С другой стороны, они пытаются сократить расходы внутри предприятия, особенно расходы, связанные с работой «синих воротничков». Способность устанавливать высокие цены и сокращать расходы приводит к повышению уровня экономического излишка.

Проблема, с которой придется столкнуться капиталисту, состоит в том, что делать с этим излишком. Одна из возможностей — израсходовать его, т. е. выплачивать менеджерам огромное жалованье, а акционерам огромные дивиденды, которые затем превратятся в яхты, роллс-ройсы, драгоценности и икру. В некоторой степени это *происходит,* но излишек настолько огромен, что элита никогда не сможет израсходовать даже маленькую его часть. В любом случае, демонстративное потребление (Veblen, 1899/1994) было более характерно для ранних предпринимателей, нежели чем для современных менеджеров и акционеров.

Второй вариант — вложение прибыли в усовершенствованные технологии и зарубежные предприятия. Основной недостаток этих кажущихся разумными (в некоторой степени) действий, предпринимаемых менеджерами, состоит в том, что подобные инвестиции, если они сделаны разумно, производят еще больший излишек, что, в свою очередь, еще больше обостряет проблему его использования.

Увеличение числа продаж также может поглотить некоторый излишек. Современные капиталисты стимулируют спрос на их продукцию посредством рекламы; создания и расширения рынка своих товаров; а также таких механизмов, как моделирование изменений, спланированного устаревания и предоставляемого потребителю кредита. Однако данная альтернатива также имеет ряд проблем. Во-первых, рост числа продаж не может поглощать достаточно излишков. Во-вторых, он, вероятно, стимулирует дальнейшее расширение предприятия, которое, в свою очередь, ведет к еще большему уровню излишка.

Согласно Бэрану и Суизи, единственное, что остается, — это *убытки.* Излишек необходимо растратить, и для этого есть два способа. Первый — невоенное правительство, несущее расходы за счет сохранения миллионов рабочих мест на госу-

дарственной службе и поддержании бесчисленных правительственных программ. Второй — военные затраты, включая огромный войсковой состав и бюджет в биллионы долларов на дорогую аппаратуру, которая быстро изнашивается.

Кажется, будто на самом деле *нет хороших способов* избавления от излишков, и, возможно, точка зрения Бэрана и Суизи справедлива. У нас остается четкое впечатление, что в этом состоит неразрешимое противоречие в рамках капитализма. Фактически все расходы капиталистов приводят к возрастанию спроса и в конечном счете — к увеличению излишков. Государственные и военные служащие тратят деньги на большое количество товаров; так как приобретается некоторое военное снаряжение (например, в 1991 г. в связи с войной с Ираком и в 1998 г. в связи с бомбардировкой Ирака), существует спрос на новую, более совершенную экипировку.

В итоге Бэран и Суизи приняли традиционный экономический подход марксисткой теории, но сместили акцент с процесса труда на экономические структуры современного капиталистического общества.

Труд и монопольный капитал

Гарри Брэверман (Harry Braverman, 1974) считал трудовой процесс и эксплуатацию трудящихся сутью марксистской теории. Несмотря на то что его позиция отличается от взглядов Бэрана и Суизи, Брэверман считал свое творчество тесно связанным с их деятельностью (Braverman, 1974). Название книги «Труд и монопольный капитал» отражает основную сферу интересов Брэвермана, а подзаголовок «Деградация труда в двадцатом веке» демонстрирует его намерение адаптировать представления Маркса к реальному состоянию труда в XX в.

Брэверман намеревался не только модернизировать интерес Маркса к работникам ручного труда, но также исследовать, что произошло с «белыми воротничками» и служащими. Маркс уделял мало внимания этим двум группам, но они стали главными профессиональными категориями, подлежащими серьезному изучению. В отношении творчества Бэрана и Суизи можно сказать, что одним из основных достижений монопольного капитализма явилось относительное снижение числа «синих воротничков» и одновременный рост количества «белых воротничков» и служащих в штате крупных предприятий, которые характерны для монопольного капитализма.

Как и Маркс, Брэверман достаточно четко дал понять, что его критика современного трудового мира не отражение ностальгии по минувшей эпохе. Брэверман говорил, что не романтизирует старинные ремесла и «износившиеся, по нашим понятиям уже архаичные, образцы труда» (Braverman, 1974, p. 6). Так же, как и Маркс (и Маркузе), Брэверман критиковал науку и технологию не самих по себе, а способ их применения при капитализме «в качестве орудий господства при создании, увековечении и углублении пропасти между классами в обществе» (1974, p. 6). В отношении капитализма наука и технология систематически применялись Для того, чтобы лишить труд его ремесленного наследия, ничего не предлагая взамен. Брэверман полагал, что в других (т. е. социалистических) руках наука и технология могли бы использоваться иначе, чтобы прийти

> к эпохе, еще не существующей, эпохе, когда профессиональное удовлетворение, испытываемое трудящимся в ходе осознанного и целенаправленного трудового процесса,

будет сочетаться с чудом науки и изобретательностью инженерии; эпохе, в которой для каждого подобное сочетание в какой-то мере будет полезным (Braverman, 1974, p. 7).

С целью дополнить анализ, проводимый Марксом в отношении «синих воротничков», анализом «белых воротничков» и служащих, Брэверман доказывал, что понятие «рабочий класс» подразумевает не особую группу людей или профессий, а скорее, процесс покупки и продажи рабочей силы. Говоря об этом процессе, Брэверман доказывал, что при современном капитализме практически никто не владеет средствами производства; следовательно, многие, включая большинство «белых воротничков» и служащих, вынуждены продавать свою рабочую силу тем немногим, кто средствами производства располагает. С этой точки зрения, капиталистические управление и эксплуатация, а также производный процесс механизации и рационализации распространяются на профессиональную деятельность «белых воротничков» и служащих. Однако влияние этих процессов на «белых воротничков» еще не так велико, как это наблюдалось у «синих воротничков».

Брэверман основывал свой анализ на марксистской антропологии, в частности, на понятии человеческого потенциала (сущности вида). Он доказывал, что всем жизненным формам необходимо поддерживать себя в своем природном окружении; т. е. им необходимо «подчинить» себе природную среду, которую они использовали бы в соответствии с собственными нуждами. Труд есть процесс, посредством которого природа видоизменяется, чтобы извлечь больше пользы. В этом смысле животные тоже трудятся, но характерной особенностью человека, отличающей его от животного, является наличие сознания. Люди наделены рядом психических способностей, которые у животных отсутствуют. Труд человека, таким образом, характеризуется единством понимания (мышления) и исполнения (действия). Данное единство может быть разрушено. Капитализм становится решающим фактором разрушения этого единства мышления и действия в мире труда.

Ключевой компонент данного раскола при капитализме составляет продажа и покупка рабочей силы. Капиталист может приобрести только определенные виды рабочей силы и никакие другие. Например, они могут приобрести ручной труд и настаивать на том, **что** умственный труд не будет задействован в процессе. Хотя может случиться и обратное, но это менее вероятно. В результате капитализм характеризуется увеличением числа работников физического труда и все большим снижением количества работников умственного труда. Кажется, это противоречит статистике, которая отражает массовый рост «белых воротничков» предположительно умственных профессий. Брэверман же полагал, **что** многие профессии «белых воротничков» *пролетаризированы,* стали во многом неотличимыми от физического труда, в чем мы сможем убедиться позже.

Менеджерский контроль. Брэверман признавал экономическую эксплуатацию, которая находилась в центре внимания Маркса, но сам сконцентрировался на проблеме *контроля.* Брэверман задавался вопросом: как капиталисты управляют рабочей силой, которую они наняли? Во-первых, с помощью менеджеров. На самом деле, Брэверман определял *менеджмент* как *«трудовой процесс, цель которого — осуществление контроля на предприятии»* (Braverman, 1974, p. 267).

Брэверман концентрируется на объективных средствах, применяемых менеджерами для управления персоналом. Большой интерес для него представляло

использование специализации в целях управления трудящимися. Он проводил четкую границу между разделением труда в обществе в целом и специализацией труда на предприятии. Во всех известных обществах присутствует разделение труда (например, между мужчинами и женщинами, фермерами и трудовым городским населением, и т. д.), но специализация труда на предприятии — особое завоевание капитализма. Брэверман полагал, что разделение труда на социальном уровне подчеркивает индивидуальность, тогда как специализация на рабочем месте влечет за собой губительные последствия деления людей на группы по способностям: «Отнесение индивидуума к той или иной группе без учета его способностей и нужд — преступление против личности и против человечества» (Braverman, 1974, p. 73).

Специализация на рабочем месте подразумевает постоянное деление и подразделение задач или операций в каждый конкретный промежуток времени и высокоспециализированные действия, каждое из которых поручается *отдельному* рабочему. Этот процесс приводит к появлению так называемых «детальных рабочих» (узкоспециализированных рабочих). Из круга способностей и индивидуальных возможностей сотрудника капиталисты отбирают те, которые пригодятся в процессе работы. Как отмечает Брэверман, капиталист сначала разрушает трудовой процесс, а потом, разрывает на части и работника» (Braverman, 1974, p. 78), требуя, чтобы рабочий применял только небольшую часть своих умений и навыков. По словам Брэвермана, трудящийся «никогда по собственной воле не станет пожизненным узкоспециализированным работником. Это достижение капиталиста» (Braverman, 1974, p. 78).

Зачем это нужно капиталисту? Во-первых, это облегчает контроль менеджерского персонала за работой трудящегося. Легче контролировать рабочего, выполняющего определенную задачу, нежели сотрудника, применяющего в трудовом процессе широкий спектр навыков. Во-вторых, это повышает производительность. То есть группа сотрудников, выполняющих конкретную задачу, в силах произвести гораздо больше, чем то же самое количество специалистов, каждый из которых обладает всеми навыками и выполняет все производственные задачи. Например, трудящиеся, работающие на сборочном конвейере, производят большее количество автомобилей, чем то же самое число квалифицированных мастеров, каждый из которых выпускает свою собственную машину. В-третьих, специализация позволяет капиталисту платить по минимуму рабочей силе, занятой в процессе производства. Вместо высокооплачиваемых, квалифицированных мастеров капиталист может нанять низкооплачиваемый, неквалифицированный персонал. Следуя логике капитализма, работодатель пытается постепенно снижать оплату труда рабочих, в результате чего на самом деле появляется недифференцированная масса «простого труда», как это явление называл Брэверман.

Специализация не является достаточным для капиталистов и менеджеров средством контроля на рабочих местах. Другое важное средство — научный метод, °Дно из направлений которого представлено научным менеджментом, представляющий собой попытку применить науку к управлению трудовым процессом от лица администрации. Согласно Брэверману, научный менеджмент — это наука «Наилучшим образом управлять отчужденным трудом» (Braverman, 1974, p. 90).

Научный менеджмент основан на серии этапов, цель которых — контроль над рабочим классом: собрать работников в цехе, предписать продолжительность рабочего дня, непосредственно осуществлять контроль, чтобы обеспечить качество, внедрять меры, направленные против невнимательности и разговоров, и установка минимально приемлемого уровня производительности труда. Полная картина научного менеджмента привносится в управление *«точным предписанием рабочему, каким образом должна выполняться работа»* (Braverman, 1974, p. 90). Например, Брэверман рассматривал раннее произведение Ф. У. Тейлора (Kanigel, 1997) о добыче угля, где Тейлор разработал ряд правил, касающихся того, какой ковш следует использовать, каким образом следует держаться, каким должен быть угол, под которым следует опускать ковш в угольную кучу, и какое количество угля следует захватывать за каждый ход ковша. Другими словами, Тейлор разработал методику, гарантирующую практически абсолютный контроль за процессом труда. Возможность принятия рабочими самостоятельного решения сводится к минимуму; таким образом, разделение умственного и физического труда сверши лось. Менеджмент применял монополию над знаниями, связанными с трудом, чтобы контролировать каждый шаг трудового процесса. Наконец, сам труд был оставлен без какой-либо многозначительной квалификации, содержания или знания. Мастерство полностью уничтожено.

Брэверман также считал машинное оборудование средством контроля над трудящимися. Современное механизмы появились на свет «когда траектория движения инструмента и/или ход трудовой операции задается устройством самого станка» (Braverman, 1974, p. 188). Проще заложить навык в машину, чем предоставить рабочему возможность этим навыком овладеть. Таким образом, станок осуществляет контроль над деятельностью рабочих. Менеджерскому персоналу, в свою очередь, проще контролировать работу станка, чем труд рабочего.

Брэверман доказывал, что посредством таких механизмов, как специализация труда, научный менеджмент и станки, менеджерский персонал способен контролировать работников физического труда. Несмотря на то, что все это лишь полезные догадки, в частности касательно той роли, которую Брэверман отводил контролю на производстве, особым вкладом Брэвермана в социологию явилась попытка распространить данный вид анализа и на рабочую силу, которая никогда не фигурировала в анализе трудового процесса Маркса. Брэверман доказывал, что «белые воротнички» и служащие не подлежат тому же самому процессу контроля, который применялся в отношении к работникам физического труда в прошлом веке (Schmutz, 1996).

В качестве примера Брэверман приводит «белых воротничков»— служащих канцелярии. Одно время считалось, что они отличаются от работников ручного труда своей одеждой, навыками, подготовкой и карьерными перспективами (Lockwood, 1956). Однако сейчас обе эти группы подлежат одному и тому же способу контроя. Так, стало более сложно проводить различия между фабрикой и современным офисом заводского типа, так как трудящиеся в последнем случае все более пролетаризируются. С одной стороны, объем труда служащих канцелярии вырос, а также их труд стал более специализированным. Это значит, что, помимо всего прочего, умственные и физические аспекты офисной работы были разделены. Офис-менед-

жеры, инженеры, техники в настоящее время заняты умственной работой, тогда как линейные служащие канцелярий выполняют не более чем задания физического плана, например набивают тексты. В результате уровень квалификации, необходимый для выполнения подобной работы, снизился, и такая работа практически не требует обучения.

В настоящее время научный менеджмент проникает и в офис. Задания служащих были научно изучены и в результате этого исследования упрощены, рутинизированы и стандартизированы. Наконец, в офис «вторглась» механизация, главным образом благодаря компьютерам и компьютерному оборудованию.

Применяя эти механизмы в канцелярской работе, менеджерам проще осуществлять контроль над служащими. Вряд ли подобные механизмы контроля так же сильны и эффективны в офисе, как и на заводе; тем не менее существует тенденция развития «заводов»[1] «белых воротничков».

В адрес Брэвермана было сделано несколько критических замечаний. С одной стороны, он переоценивал степень сходства физического и офисного труда. С другой — его поглощенность проблемой контроля привела к тому, что он уделил относительно мало внимания динамике экономической эксплуатации при капитализме. Тем не менее он обогатил наше понимание процесса труда в современном капиталистическом обществе (Foster, 1994; Meiksins, 1994).

Другие работы о труде и капитале

В работах Ричарда Эдвардса (Edwards, 1979) проблеме контроля уделено еще большее внимание. Согласно Эдвардсу, в XX в. изменяется характер рабочего места, и контроль составляет суть данной проблемы. Вслед за Марксом Эдварде рассматривает рабочее место, как в настоящем, так и в прошлом, в качестве арены классовой борьбы, говоря его словами, это «оспариваемая территория». На этой арене происходили и продолжают происходить драматические изменения, в которых те, кто наверху, управляют теми, кто внизу. На протяжении XIX в. при капитализме, основанном на конкуренции, использовался «простой» контроль, когда «руководители осуществляли власть лично, нередко вмешиваясь в процесс труда, поучая рабочих, запугивая и угрожая, вознаграждая за хорошую работу, тут же нанимая и увольняя, поощряя верных сотрудников и, в целом, действуя то тирански, то благожелательно, то еще каким-либо иным образом» (Edwards, 1979, * P-19). Хотя эта система управления продолжает использоваться в большинстве малых предприятий, она не оправдывает себя в современных крупномасштабных организациях. В подобных местах система простого контроля заменяется контролем, который носит безличный и более технически и бюрократически изощренный характер. Современными рабочими управляют сами технологии, с которыми они работают. Классическим примером может служить конвейер по сборке автомобилей, его непрерывные требования определяют действия рабочих. Другой пример — это современный компьютер, способный вести тщательный учет сделан-

[1] Важно отметить, что книга Брэвермана написана до бума компьютерных технологий в офисе, в особенности широко использующегося в настоящее время текстового редактора. Возможно, подобная технология, требующая более высокой квалификации и более продолжительного обучения, чем старые офисные технологии, повысит самостоятельность рабочих (Zuboff, 1988).

ного рабочим объема работы и количества ошибок. Современными рабочими также в большей степени управляют безличные бюрократические правила, чем непосредственный надзор проверяющих. Капитализм постоянно претерпевает изменения, а вместе с ней меняются и средства управления рабочими.

Примечательна также работа Майкла Буравого (Burawoy, 1979) и его интерес к тому, почему труд рабочих в капиталистической системе так тяжел. Буравой отвергает объяснения Маркса о том, что это результат принуждения. Появление профсоюзов и другие изменения значительно снизили деспотичную власть управленческого персонала. «Принуждение само по себе не объясняет действия рабочих на предприятии» (Burawoy, 1979, p. xй). По Буравому,. рабочие, по крайней мере частично, согласны интенсивно работать в системе капитализма, и как минимум, отчасти, это согласие возникает непосредственно на рабочем месте.

Можно проиллюстрировать подход Буравого одним аспектом его исследования — она анализирует игры, в которых рабочие принимают участие на работе или, более обобщенно, их неформальную деятельность. Большинство аналитиков считают, что подобные усилия направлены на преодоление чувства отчуждения и неудовольствия, связанного с работой. К тому же, подобные игры всегда было принято рассматривать как социальный механизм противостояния руководству. Буравой, напротив, заключает, что данные игры «как правило, не являются ни независимыми, ни противодействующими руководству» (1979, p. 80). Фактически, «руководство, по крайней мере, на низшем уровне, на самом деле не только участвует в организации подобных игр, но и следит за соблюдением правил» (Там же). Такие игры не бросают вызов руководству, организации или, в конечном счете, системе капитализма, а скорее поддерживают их. С одной стороны, участие в игре позволяет достичь соглашения относительно правил, по которым строится игра и, в более широком смысле, система социальных отношений (собственник — менеджер — рабочий), определяющая правила игры. С другой — поскольку и менеджеры, и работники вовлечены в одну игру, затушевывается система антагонистических социальных отношений, которым игра была призвана противостоять.

Буравой утверждает, что методы, склоняющие к активному сотрудничеству и согласию, намного эффективнее, чем принуждение (например, увольнение тех, кто не желает сотрудничать), с точки зрения вовлечения рабочих в погоню за прибылью. В конце концов, Буравой полагает, что игры и другие неформальные виды деятельности служат средствами, для того чтобы склонить рабочих к принятию данной экономической системы и добиться от них большего вклада в увеличение прибыли.

Фордизм и постфордизм

Одной из тем, недавно волновавших марксистов, ориентированных на экономику, был вопрос о том, как происходит превращение «фордизма» в «постфордизм» (Amin, 1994; Kiely, 1998). Это относится и к более широкой дискуссии о том, претерпели ли мы переход от модернистского к постмодернистскому обществу (Gartman, 1998). Мы обсудим эту широкую тему обобщенно (глава 13), а также то, как ее трактуют современные теоретики-марксисты (позднее в данной главе). Обычно *фордизм* ассоциируется с модернистской эрой, в то время как *постфор-*

дизм связывают с более близкой постмодернистской эпохой. (Марксистский интерес к фордизму» не нов: Грамши [Gramsci, 1971] опубликовал эссе об этом в 1931 г.) Фордизм, конечно, связан с идеями, принципами и системами, порожденными Генри Фордом. Форду в основном ставят в заслугу разработку современной системы массового производства, преимущественно благодаря созданию конвейера по сборке автомобилей. С фордизмом можно ассоциировать следующие особенности:

- Использование негибких технологий, таких как конвейер.
- Принятие стандартизованного шаблона трудовых операций (тейлоризм).
- Увеличение производительности благодаря «экономии на масштабе, а также сокращении использования квалифицированной рабочей силы в связи с автоматизацией, интенсификацией и гомогенизацией труда» (Clark, 1990, p. 73).
- Последовавший за этим рост числа рабочих и бюрократизированных союзов.
- Проведение этими союзами переговоров о едином уровне зарплаты, связанном с увеличением прибыли и производительности.
- Увеличение рынка однородной продукции массового промышленного производства и, вследствие этого, гомогенизация потребительских моделей потребления.
- Рост заработной платы, обусловленной объединением в профсоюзы и ведущей к возрастанию спроса на товары массового производства.
- Рынок продукции, управляемый в соответствии с кейнсианской макроэкономической моделью, и рынок труда, который регулируется посредством заключений коллективных соглашений, за чем наблюдает государство.
- Массовые образовательные учреждения, подготавливающие массовую рабочую силу для промышленных отраслей (Clark, 1990, p. 73).

Фордизм развивался на протяжении XX в., особенно в Соединенных Штатах, он достиг пика и постепенно начал приходить в упадок в 1970-х гг., в частности после нефтяного кризиса 1973 г. и последовавшего за этим спада в американской автомобильной промышленности и подъема японской. Это говорит в пользу того, что мы являемся свидетелями заката фордизма и расцвета постфордизма, особенности которого заключаются в следующем.

- Снижение интереса к продукции массового производства сопровождается ростом интереса к более индивидуализированным товарам, особенно к высокому качеству и утонченному стилю.
- Более индивидуализированные товары требуют более короткого производственного цикла, что приводит к созданию меньших и более производительных систем.
- Более гибкое производство становится прибыльным благодаря внедрению новых технологий.

- ♦ Новые технологии, в свою очередь, влекут за собой потребность в рабочих, обладающих более разнообразными навыками, лучше обученных, более ответственных и свободно мыслящих.
- ♦ Управление производством должны осуществлять более гибкие системы.
- ♦ Огромные, негибкие бюрократические системы нуждаются в радикальной перестройке, для того чтобы действовать эффективно.
- ♦ Бюрократизированные объединения (и политические партии) больше не в состоянии адекватно представлять интересы новой, сильно дифференцированной рабочей силы.
- ♦ Децентрализованные коллективные соглашения приходят на смену централизованным переговорам.
- ♦ Происходят изменения личности рабочих, они начинают сильно различаться по потребительским предпочтениям, стилю жизни, культурным запросам.
- ♦ Централизованное государство благосостояния уже не удовлетворяет потребности (например, в том, что касается здоровья, благосостояния, образования) сильно дифференцированного населения, поэтому требуются более гибкие и дифференцированные учреждения (Clark, 1990, p. 73-74).

Если подвести итог, то сдвиг от фордизма к постфордизму можно описать как переход от однородности к разнообразию. Здесь затрагиваются два главных вопроса. Первый: действительно ли переход от фордизма к постфордизму свершился (Pelaez и Holloway, 1990)? Второй, сулит ли постфордизм решение проблем, ассоциируемых с фордизмом?

Во-первых, конечно, *не было* четкой исторической границы между фордизмом и постфордизмом (S. Hall, 1998). Если мы признаем, что в современном мире возникли элементы постфордизма, нужно признать, что сохраняются и элементы фордизма, не носящие признаков вырождения. Например, «макдональдизм» можно признать имеющим много общего с фордизмом явлением, которое развивается в современном мире с удивительной скоростью. Все больше и больше секторов общества приходят к использованию принципов макдональдизма, по которым построена модель этого ресторана быстрого питания (Ritzer, 1996). Макдональдизм объединяет с фордизмом многие особенности: однообразная продукция, жесткие технологии, стандартизованные операции на рабочем месте, сокращение использования квалифицированной рабочей силы, гомогенизация труда (и потребителя), массовая рабочая сила, гомогенизация процесса потребления и т. д. Таким образом, фордизм жив и благополучно существует в современном мире, хотя странным и причудливым образом превращается в макдональдизм. Более того, классический рордизм, например в виде конвейера, в значительной степени сохраняет свое присутствие в американской экономике.

Во-вторых, даже если согласиться с тем, что мы уже живем в эпоху постфордизма, следует задать вопрос: сопровождается ли это решением проблем, стоящих перед современным капиталистическим обществом? Некоторые неомарксисты (и многие из тех, кто поддерживает капиталистическую систему; (Womack, Jones и Koos, 1990) связывают с этим великие ожидания: «Постфордизм — это в основном выражение надежды на то, что развитие капитализма в будущем станет спа-

сением общественной демократии» (Clark, 1990, p. 75). Однако это только надежда и, в любом случае, уже существуют доказательства того, что постфордизм вовсе не станет тем блаженством, которое сулят некоторые наблюдатели.

Повсеместно утверждается, что японская модель (утратившая свою привлекательность после стремительного спада в японской промышленности в 1990-х гг.) ляжет в основу постфордизма. Однако изучение японской промышленности (Satoshi, 1982) и американских отраслей промышленности, использующих японские приемы управления (Parker and Slaughter, 1990), указывает, что эти системы испытывают огромные трудности и могут привести даже к *увеличению* уровня эксплуатации рабочих. Паркер и Слотер клеймят японскую систему в том ее виде, как она используется в США (и, вероятно, еще хуже в Японии), называя ее «стрессовым управлением»: «Цель состоит в том, чтобы натянуть систему, как резиновую ленту, на точку разрыва» (1990, p. 33). Среди прочего, на японских предприятиях скорость работы еще выше, чем на традиционном американском конвейере, что приводит к страшному перенапряжению рабочих, которым приходится выбиваться из сил, только чтобы не отстать от конвейера. Таким образом, заключает Левидоу, рабочие новой, постфордистской эры «подвергаются безжалостному давлению ради увеличения производительности труда, зачастую в обмен на более низкую зарплату — будь то фабричные рабочие, надомники, работающие в швейной промышленности, работники, предоставляющие частные услуги или даже преподаватели политехнического института» (1990, p. 59). Следовательно, вполне возможно, что постфордизм не решает проблемы капитализма, а просто представляет новую, и более замаскированную стадию повышения эксплуатации трудящихся.

Исторически ориентированный марксизм

Марксисты, ориентированные на историческое исследование, изучающие проблему в историческом контексте, утверждают, что они привержены марксистскому интересу к историчности. Наиболее примечательное историческое исследование Маркса, которое он провел в работе по изучению докапиталистических экономических формаций (1857-58/1964). Существует большое количество более поздних исторических работ, приверженных марксистской точке зрения (например, Amin, 1977; Dobb, 1964; Hobsbawm, 1965). В данном параграфе мы рассматриваем основную часть работы, которая отражает историческую ориентацию — исследование Иммануила Валерштейна (Wallerstein, 1974,1980,1989,1992,1995) современной мировой системы.

«Современная мировая система»

Валлерштейн избрал единицу анализа, отличную от той, которой пользовались марксисты. Он не затрагивал проблемы рабочих, классов или даже государств, так как считал эту тему слишком узкой для своих целей. Валлерштейн обратил .внимание на более обширную экономическую данность, где разделение труда не ограничено политическими или культурными границами. Он обнаружил эту единицу исследования в своей концепции *мировой системы,* которая в значительной сте-

Иммануил Валлерштейн: биографический очерк

Хотя Иммануил Валлерштейн получил признание в 1960-х гг. в качестве эксперта по странам Африки, его наиболее значительным вкладом в социологию стала вышедшая в 1974 г. книга *«Современная мировая система» (The Modern World-System)*. Она немедленно завоевала успех и приобрела мировую известность, была переведена на 10 языков и на язык для слепых по системе Брайля.

Валлерштейн родился 28 сентября 1930 г. Все ученые звания он получил в Колумбийском университете, включая докторскую степень в 1959 г. Затем он занял должность на факультете в Колумбийском университете и провел там много лет. После пятилетнего пребывания на посту в университете McGill в Монреале, Валлерштейн в 1976 г. стал известным профессором социологии в государственном университете Нью-Йорка в Бингемтоне.

За первый том «Современной мировой системы» в 1975 г. Валлерштейн был удостоен престижной премии имени Сорокина. Он продолжает работать над этой темой до сих пор, написал ряд статей, а также еще две книги, в которых он проводит анализ мировых систем вплоть до 1840-х. В ближайшие годы можно ожидать выхода в свет его новых работ. В настоящее время Валлерштейн пишет книгу, которой еще предстоит завоевать своих почитателей в будущем.

В действительности, с многих точек зрения, внимание, которое книга уже привлекла и будет продолжать привлекать, даже более важно, чем книга сама по себе. Концепция мировой системы оказалась в центре внимания и размышлений исследователей-социологов, лишь немногие ученые могут похвастаться подобным достижением. Многие социологи, которые в настоящее время занимаются теорией и исследованиями концепции мировой системы, так или иначе критикуют Валлерштейна. Но они ясно сознают важность Той роли, которую он сыграл в происхождении их идей.

Хотя и сама концепция мировой системы представляет собой серьезный вклад, не менее значительно и влияние на возрождение теоретически обоснованного исторического исследования. Этим характеризовались и наиболее важные работы, созданные на начальных этапах развития социологии такими людьми, как Маркс, Вебер и Дюркгейм. Однако в недавние годы большинство социологов отказались от исследований подобного рода, обратившись к использованию таких неисторичных методов, как анкеты для опросов и интервью. Это быстрее и проще в применении, чем исторический подход, а собранные данные можно легко обработать при помощи компьютера. Для использования подобных методов требуется узкий набор технических знаний, а не широкий исторический кругозор. Более того, теория играет сравнительно незначительную роль в исследовании с помощью анкет и интервью. Валлерштейн занимает важнейшее место среди тех, кто участвовал в возрождении интереса к историческому исследованию на серьезной теоретической основе.

пени является самостоятельной социальной системой с рядом ограничений и определенным жизненным циклом. Таким образом, по мнению Валлерштейна, эта система не вечна. Она сформирована изнутри множеством социальных структур и групповых звеньев. Однако Валлерштейн был не склонен считать, что согласованность всех звеньев объединяет систему. Скорее он полагал, что равновесие достигается за счет противоборства конфликтующих сил. При этом всегда существует опасность, что они могут взорвать ее изнутри.

Валлерштейн доказывал, что до сих пор существовало только два типа мировых систем. Первый — это мировая империя, примером которой может служить Древний Рим. Второй — современная капиталистическая мировая экономика. Мировая империя основывалась на политическом (и военном) превосходстве, тогда как мировая экономика капитализма покоится на экономическом господстве. Капиталистическая система представляется более стабильной, чем империя.

по двум причинам. С одной стороны, она обладает более основательной базой, так как включает в себя множество государств. С другой — у нее есть встроенный механизм экономической стабилизации. Отдельные политические субъекты в рамках капиталистической системы мировой экономики поглощают убытки в случае их возникновения, а прибыль при этом распределяется среди частных лиц. Валлерштейн предвидел *возможность* появления третьей мировой системы — *социалистического мирового правительства.* В то время как капиталистическая мировая экономика, отделяет политику от экономического сектора, социалистическая мировая экономика объединила бы их.

В капиталистической мировой экономике доминирует какая-либо одна географическая область и эксплуатирует остальные части системы. *Периферия* состоит из тех зон, которые поставляют сырье в центральную часть и подвергаются нещадной эксплуатации. *Полупериферия* — это остаточная категория, включающая ряд регионов между эксплуатирующими и эксплуатируемыми. Ключевым моментом для Валлерштейна здесь оказывается то, что международное разделение эксплуатации определяется не границами государства, а экономическим разделением труда в мире.

В первом томе работы о мировой системе Валлерштейн (Wallerstein, 1974) рассматривал ее зарождение в период между 1450 и 1640 гг. Значение этого периода развития состояло в переходе от политического и, следовательно, военного превосходства к экономическому. Валлерштейн относился к экономике как к более действенному и не столь примитивному средству достижения превосходства, как военное. Политические структуры слишком громоздки и нескладны, в то время как экономическая эксплуатация «делает возможным увеличение потока прибыли от низших слоев к высшим, от периферии к центру, от большинства к меньшинству» (Wallerstein, 1974, p. 15). В современную эпоху капитализм обеспечивает основу для роста и развития мировой экономики. Это достигается без помощи объединенной политической структуры. Капитализм можно рассматривать в качестве экономической альтернативы политическому превосходству. Лучше уметь производить экономические излишки, чем пользоваться примитивными методами политической эксплуатации.

Валлерштейн доказывал, что необходимы три составные части для роста капиталистической мировой экономики на руинах феодализма: географическая экспансия посредством открытия, исследования и колонизации новых земель; разработка методов управления трудовыми процессами в разных частях (например, Центральная часть, периферия) мировой экономики; развитие сильных государств, которые должны были составить костяк возникающей мировой капиталистической экономики. Рассмотрим каждую составляющую по очереди.

Географическая экспансия

Валлерштейн утверждал, что географическая экспансия представляет собой необходимую предпосылку для развития двух других стадий. Португалия проявила инициативу в освоении заморских земель, и другие европейские государства последовали за ней. Валлерштейн был осмотрителен, говоря о конкретных странах или о Европе в целом. Он предпочитал утверждать, что экспансия за океан была

вызвана группой лиц, действовавших исходя из своих непосредственных интересов. Группы, составлявшие элиту общества, например аристократы, нуждались в заокеанской экспансии по разным причинам. Во-первых, они сталкивались с нарождающейся классовой войной, которая возникла вследствие разрушения феодальной экономики. Работорговля обеспечила их послушной рабочей силой для строительства капиталистической экономики. Экспансия также снабдила их различными предметами, необходимыми для дальнейшего развития экономики: золотыми слитками, продовольствием и различными видами сырья.

Всемирное разделение труда

Однажды подвергшись географической экспансии, мир обрел готовность к следующей стадии — развитию всемирного разделения труда. В XVI в. капитализм заменил собой статизм, бывший основным способом доминирования в мире, но при этом капитализм развивался в мире неравномерно. И это, по мнению Валлерштейна, обусловило сплоченность капиталистической системы. Следуя марксистскому подходу, Валлерштейн рассматривал эту сплоченность не как взаимно согласованную, а скорее как изначально обремененную конфликтами. Разные части капиталистической мировой системы стали развиваться по разным направлениям — обучение рабочей силы, производство продуктов питания, обеспечение сырьем, организация промышленности. Более того, разные области стали специализироваться на формировании разных видов рабочей силы. Например, Африка поставляла рабов, в Западной и Южной Европе существовало много крестьян и фермеров-арендаторов, Западная Европа также была центром существования наемных рабочих, правящего класса и других квалифицированных и управленческих кадров.

Таким образом, каждая из трех частей международного разделения труда тяготела к разным способам управления трудовым процессом. В центральной части труд был свободен; периферия отличалась принуждением к труду; полупериферия являлась центром издольщиков. В действительности Валлерштейн утверждал, что суть капитализма состоит в существовании центральной части, где преобладает свободный рынок квалифицированной рабочей силы и рынка принудительного труда для менее квалифицированных рабочих в периферийных областях. Такое сочетание представляет собой самую суть капитализма. Если бы был создан рынок свободного труда во всем мире, мы бы имели социализм.

Некоторые регионы мира имеют небольшие стартовые возможности, которые используются как основа для развития значительных преимуществ в будущем. Центральная часть в XVI в., в основном Западная Европа, быстро увеличивала свои прибыли по мере того, как росли и преуспевали города, развивалась промышленность, приобретало важную роль купечество. Государства Западной Европы также расширяли свои владения, развивая многообразную деятельность. В то же время каждая из этих видов деятельности становилась все более специализированной, таким образом повышая эффективность и производительность труда. Периферия, наоборот, оставалась косной и бездеятельной и превращалась в то, что Валлерштейн назвал «монокультурой», или недифференцированным, однонаправленным обществом.

Развитие сильных государств

Третья стадия развития мировой системы включает политическую часть и то, как разные экономические группы использовали государственные структуры для защиты и продвижения своих интересов. Почти в то же время, когда развивался капитализм, в Западной Европе возникли абсолютные монархии. С XVI по XVIII в. эти государства были основными экономическими действующими силами в Европе, хотя позднее центр переместился к экономическим предприятиям. Сильные государства в центральной части системы сыграли ключевую роль в развитии капитализма и, в конечном итоге, обеспечили экономическую основу для своей собственной кончины. Европейские государства усилились в XVI в., посредством развития и разрастания бюрократических систем и создания монополии силы в обществе. Это происходило преимущественно за счет увеличения армий и организации их деятельности таким образом, чтобы они могли обеспечить внутреннюю стабильность. В то время, как государства центральной части создавали сильную политическую систему, на периферии, соответственно, развивались слабые государства.

Дальнейшие разработки

Во второй части работы «Современная мировая система II» Валлерштейн (Wallerstein, 1980) рассказал об истории консолидации мировой экономики между 1600 и 1750 гг. В этот период не было заметной экспансии европейской мировой экономики, однако произошел ряд значительных изменений внутри самой системы. Например, подъем и последовавший за этим упадок в центральной части Нидерландов. Далее Валлерштейн анализирует конфликт между Англией и Францией, а также свершившуюся в итоге победу Англии. Подробно описывая периферию, он затрагивает и периодические удачи испанской Америки. На полупериферии мы наблюдаем, среди прочего, упадок Испании и подъем Швеции. Валлерштейн продолжает с марксистской точки зрения исторический анализ различных ролей, которые сыграли разные общества в рамках системы международного разделения труда. Хотя Валлерштейн уделял пристальное внимание политическим и социальным факторам, главной для него оставалась роль экономических факторов в мировой истории.

В более поздней работе (Wallerstein, 1989) Валлерштейн доводит свой исторический анализ до 1840-х гг. Он рассматривает три великих события, произошедших в период с 1730 по 1840 г. Это промышленный переворот (прежде всего в Англии), Французская революция и обретение независимости европейских колоний в Америке. С его точки зрения, ни одно из них не повлекло за собой коренных изменений в мировой системе капитализма; напротив, они свидетельствовали о ее «дальнейшей консолидации и усилении» (Wallerstein, 1989, p. 256).

Валлерштейн продолжает рассказ о борьбе между Англией и Францией за ведущие позиции в мировой системе. В предыдущем анализируемом периоде мировая экономика находилась в состоянии стагнации, теперь же она развивается, и Великобритания уже в состоянии осуществить быструю индустриализацию, здесь создаются крупномасштабные отрасли промышленности. Это произошло, несмотря на доминирование Франции в промышленных областях в XVII в. Французская

революция сыграла важную роль в развитии мировой капиталистической системы, поскольку помогла уничтожить сохранявшиеся еще остатки феодализма и привела систему культурно-идеологических норм в соответствие с политическими и экономическими реалиями. Однако при этом она препятствовала промышленному развитию Франции так же, как это сделали последовавшие наполеоновские правила и войны. К концу этого периода «Британия окончательно получила роль гегемона в мировой системе» (Wallerstein, 1989, p. 122).

Период между 1750 и 1850 гг. ознаменовался включением новых обширных зон (Индийского субконтинента, Османской и Российской империй, а также Западной Африки) в периферию мировой экономической системы. Эти зоны были частью того, что Валлерштейн называл «внешней областью» мировой системы, и, следовательно, присоединялись к ней, но в то же время не составляли с ней единого целого. *Внешние зоны* — это те территории, откуда мировая капиталистическая экономика хотела получать товары, но которые были в состоянии сопротивляться взаимному импортированию промышленных товаров из ведущих стран этой системы. В результате включения этих внешних зон страны, примыкающие к некогда внешним государствам, также были втянуты в мировую систему. Так, включение Индии привело к тому, что Китай стал частью периферии. К концу XIX и началу XX в. скорость включения возросла, и «весь мир, даже те части, которые никогда не были частью внешних зон мировой капиталистической системы, были втянуты вовнутрь» (Wallerstain, 1989, p. 129).

На вступлении в мировую систему настаивали не страны, уже включенные в нее, «скорее это диктовалось потребностью самой системы к расширению, и такая потребность явилась следствием внутреннего давления в самой системе» (Wallerstein, 1989, p. 129). Более того, процесс включения носит не скачкообразный, а постепенный характер.

Подтверждая свой марксистский взгляд на экономику, Валлерштейн доказывал, что вхождение страны в мировую экономическую систему неизбежно приводит к тому, что и политическая структура этой страны становится частью межгосударственной системы. Таким образом, государствам из зон, вошедших в мировую систему, приходится либо претерпевать трансформации, становясь частью межгосударственной политической системы, уступать дорогу новым политическим формам, которые хотят принять на себя эту роль, либо оказаться под руководством тех стран, которые уже стали частью мировой политической системы. Государства, которые возникают в конце процесса вступления в систему, должны не только быть частью межгосударственной системы, но и обладать достаточной силой, чтобы защитить свою экономику от вмешательства извне. При этом они не должны оказаться чрезмерно сильными; т. е. не настолько, чтобы быть в силах отказываться от согласованных действий, диктуемых мировой экономической системой.

Наконец, Валлерштейн исследует процесс деколонизации американского континента между 1750 и 1850 гг. Он обстоятельно изучает процесс освобождения от контроля Великобритании, Франции, Испании и Португалии. Эта деколонизация, особенно в Соединенных Штатах, имела далеко идущие последствия для развития мировой капиталистической системы.

Теория мировой системы сегодня

Марксисты подвергли критике взгляд на мир как систему за то, что в нем не нашли адекватного отражения отношения классов в обществе (Bergsen, 1984). С их точки зрения, Валлерштейн неправильно выбрал объект для рассмотрения. Для марксистов главными являются классовые отношения внутри данных обществ, а не международное разделение труда по схеме центр — периферия. Бергесен пытается примирить обе позиции, находя в каждой из них сильные и слабые стороны. Он утверждает, что отношения центр — периферия представляют собой не только отношениями неравноценного обмена, но и мировые *классовые* отношения. Его основная идея заключается в том, что отношения центр — периферия *важны* не только как меновые отношения, как это представляет Валлерштейн, а также, и это более существенно, как отношения, строящиеся в зависимости от того, кто обладает властью, т. е. классовые отношения.

В последнее время теории мировой системы развиваются специалистами дальше для познания современного мира, его ближайшего будущего (Wallerstein, 1992), а также прошлого (Chase-Dunn and Hall, 1994). Данную часть мы завершим некоторыми размышлениями Валлерштейна на эту тему.

Валлерштейн утверждал, что Соединенные Штаты представляли главенствующую силу в мировой системе в период с 1945 по 1990 г. США достигли ведущего положения в основном к концу Второй мировой войны, и в частности с Ялтинской конференции и начала осуществления политики сдерживания Советского Союза. При том что политика сдерживания привела к существующему военному положению в последующие 45 лет, она также имела значение и для мировой экономики. Советский Союз согласился с тем, что он не будет ни просить, ни принимать экономическую помощь США. Таким образом, он занял второе место по экономическому положению в мире и в процессе этого разными путями содействовал экономическому положению Соединенных Штатов (например, США не пришлось вкладывать деньги в Советский Союз).

Другое значение отношений между США и СССР состояло в том, что у обеих сторон была возможность громко осуждать друг друга. Это взаимное осуждение, в свою очередь, позволило обеим сторонам усилить внутренний контроль, в особенности, за «левыми» или «всеми теми, кто хотел поставить под сомнение существующий мировой порядок, мировую капиталистическую экономику. А эта экономика возрождалась и процветала под руководством США и в тайном сговоре с тем, кого можно назвать их "империалистическим" агентом — Советским Союзом» (Wallerstein, 1992:6).

Третье значение «сделки» между этими двумя сверхдержавами состояло в том, что события, происходящие в странах третьего мира, не могли нарушить сложившееся в мире политическое и экономическое положение.

К 1960 г. Соединенные Штаты достигли своих целей, заняв лидирующее положение в мире, однако на горизонте уже замаячили признаки будущих проблем — растущее осознание пропасти между богатыми и бедными в США и остальном мире, первые признаки того, что Западная Европа и Япония уже почти догнали Соединенные Штаты по экономическим показателям, участившиеся восстания (за которые приходилось платить по все более высокой цене) в странах третьего мира, экономические издержки вьетнамской войны и т. д.

По Валлерштейну, эти изменения достигли кульминации в 1968 г., когда мир охватила волна восстаний: «Потрясения, прокатившиеся по миру в 1968 г.,... продолжались около трех лет, пока силам, поддерживающим мировую систему, не удалось взять под контроль это бушующее пламя» (Wallerstein, 1992, p. 11). Однако за эту победу пришлось дорого заплатить, причем издержки были усилены продолжительным застоем в мировой экономике. В Соединенных Штатах начался 20-летний спад, который они сумели преодолеть лишь частично. Со своей стороны Советский Союз оказался больше не в силах содержать себя как «псевдоимперию» и был вынужден распасться. Таким образом, подводит итог Валлерштейн, «лучшие годы процветания США остались позади. Подмостки сцены разбираются (1992, p. 16).

А что сулит будущее? В то время как экономика США колеблется, «власть гегемона обладает достаточной жировой прослойкой, чтобы прожить за ее счет еще 50-100 лет» (Wallerstein, 1992, p. 22). Валлерштейн с сомнением относится к появлению японско-американского картеля, принимая во внимание недавний спад в японской экономике, где к тому же Америке отводится роль младшего партнера. Соединенные Штаты сохранят свою военную и политическую мощь, но «сложнее пережить этот упадок психологически» (Wallerstein, 1992, p. 22). Американцы с рождения привыкли чувствовать себя во главе мировой системы и им трудно приспособиться к менее привилегированному положению.

Обращая взгляд в будущее, Валлерштейн предвидит коренные изменения в структуре мировой системы в ближайшие 50 лет. Возрастет напряжение между благополучным Северным полушарием и обездоленным Южным. Вопрос в том, в какую сторону будет сделан выбор — в пользу репрессивной или уравнительной реструктуризации. При этом потребуется значительное перераспределение мирового богатства не в пользу США. В любом случае в результате этой перестройки мировая система предстанет в принципиально ином виде.

Постмарксистская теория

В последние годы неомарксистская теория претерпела серьезные изменения (Aronson, 1995; Grosberg и Nelson, 1988; Jay, 1988). Самые последние варианты неомарксистской теории отвергают многие основные предпосылки теории Маркса, а также положения неомарксистских теорий, ранее изложенных в этой главе. Следовательно, эти новые подходы стали рассматриваться как постмарксистские теории (Dandaneau, 1992; Wright, 1987). Несмотря на то, что они опровергают основные элементы теории Маркса, между ними все же существует сходство, достаточное, чтобы считать их частью неомарксистской теории. Постмарксистские теории обсуждаются здесь, потому что они зачастую представляют собой синтез марксистских теорий с другими теориями, идеями, методами и т. д. Как можно объяснить появление столь резких изменений в неомарксистской теории? Здесь сыграли роль два вида факторов, один — внешний по отношению к теории, он порожден изменениями в социальном мире, а другой проистекает из самой теории (P. Andersen, 1984; Ritzer, 1991a).

Первым — внешним по отношению к теории — стал окончание холодной войны (Halliday, 1990) и крах коммунизма в мире. Советский Союз прекратил существование, а Россия движется по пути рыночной экономики, напоминающей, хотя бы отчасти, капиталистическую экономику (Piccone, 1990; Zaslavsky, 1988). Экономические преобразования в Восточной Европе еще быстрее, чем в России, протекают в направлении капиталистического строя (Kaldor, 1990). Китай остается верным коммунистическим идеалам, но при этом в стране процветает капитализм. Куба пребывает в изоляции, дожидаясь кончины или свержения Фиделя Кастро, чтобы свернуть к капитализму. Таким образом, распад системы коммунизма в мировом масштабе заставил марксистов пересмотреть и преобразовать свои теории (Burawoy, 1990; Aronson, 1995).

Вышеизложенные изменения связаны с интеллектуальными изменениями, которые, в свою очередь, повлияли на неомарксистскую теорию (Andersen, 1990a, 1990b). Новые теоретические течения, такие как постструктурализм и постмодернизм (см. главу 13) оказали глубокое влияние на неомарксистскую теорию. Вдобавок, течение, известное как *аналитический марксизм,* стало пользоваться все большим успехом. Это направление было основано на предпосылке, что марксистские теории должны использовать те же самые методы, что и любые другие научные инициативы. Такой подход привел к тому, что наследие Маркса было переосмыслено в более удобной интеллектуальной форме. Кроме того, были предприняты усилия применить теорию рационального выбора к проблемам, затронутым Марксом, а также попытки изучить их, используя методы и приемы позитивистской науки. Как уточняет Мейер, «возросшая покорность по отношению к традиционным научным нормам совпадает с уменьшением почтительности по отношению к теории Маркса» (1994, p. 296).

Итак, социальные и интеллектуальные перемены в сочетании друг с другом привели к значительным изменениям всего ландшафта неомарксистской теории в 1990-х гг. Хотя ранее обсуждавшиеся теории сохраняют свою важность, по мере того, как мы вступаем в двадцать первый век основное внимание в неомарксистской теории сосредоточено на теориях, которые подлежат обсуждению в этой части главы.

Аналитический марксизм

Вот как один из лидеров аналитического марксизма, Джон Ремер, определяет это направление:

> В течение последнего десятилетия формировался аналитически сложный марксизм, являющийся теперь новой разновидностью социальной теории. Его представители во многом черпают вдохновение в рассматриваемых марксизмом проблемах, исследуя их с помощью современных средств логики, математики и моделирования. Методологическая позиция этих ученых традиционна. Эти авторы сознательно следуют марксистской и неомарксистской традициям (Roemer, 1986a, p. 1)

Таким образом, представители аналитического марксизма привносят в исследование существенных для марксизма проблем традиционные «реальные» методы аналитической философии и социальной науки (Mayer, 1994, p. 22). В этой

главе мы рассматриваем аналитический марксизм, поскольку он «открыто предлагает синтез *немарксистских* методов и марксистской теории» (Weldes, 1989, p. 371).

Аналитический марксизм придерживается недогматичного подхода к марксистской теории. Он не следует марксистской теории слепо и безоглядно, не отрицает исторические факты, поддерживая марксистскую теорию, а также не считает ее фундаментально неверной. Скорее, он рассматривает марксистскую теорию как форму социальной науки XIX в., обладающую огромным влиянием и прочной основой, но имеющую и значительные недостатки. Марксистскую теорию следует привлекать при рассмотрении различных вопросов, но следует помнить, что она требует применения методов и способов, соответствующих XXI в., Аналитический марксизм отрицает идею существования определенной марксистской методологии и критикует тех, кто считает, что такая методология существует и имеет обоснованность

\

> Я не считаю, что существует особая форма марксистской логики или толкования. Слишком часто за системой специальных терминов и неприкосновенной логики скрывается обскурантизм. Для марксизма такой системой является «диалектика». Диалектическая логика базируется на нескольких предпосылках, которые, возможно, имеют определенную индуктивную привлекательность, однако далеки от того, чтобы быть правилами для умозаключений, а именно: явления превращаются в собственную противоположность, а количество переходит в качество. Диалектика в марксистской социальной науке зачастую используется, чтобы оправдать ленивую телеологическую аргументацию. События происходят, потому что они должны происходить, чтобы история разворачивалась так, как было предопределено (Roemer, 1986b, p. 191).

Элстер высказывается сходным образом: «Не существует специфически марксистской формы анализа ... нет приверженности какому-либо конкретному методу анализа, за исключением тех, которые характерны для добротной социальной науки в целом» (Elster, 1986, p. 220). Придерживаясь аналогичной позиции, аналитические марксисты считают, что нужно разделять факт и значение, и не признают того, что они диалектически связаны. Следуя канонам традиционного философского и соционаучного мышления, они стремятся рассматривать факты беспристрастно, используя теоретический, концептуальный и эмпирический анализ.

Можно спросить, почему аналитический марксизм надо называть марксистским. В ответ на это Рёмер говорит: «Не уверен, что следует его так называть» (Roemer, 1986a, p. 2). Он перечисляет несколько причин возможности рассматривать его в качестве неомарксистской теории. Во-первых, данное направление занимается традиционно марксистскими вопросами, как, например, эксплуатация и класс. Во-вторых, оно продолжает считать, что социализм предпочтительнее капитализма. В-третьих, аналитический марксизм стремится понять и объяснить проблемы, связанные с капитализмом. И хотя это направление в указанных смыслах марксистское, оно «охотно и с легкостью заимствует точки зрения других теорий» (Roemer, 1986a:7). Опять же, аналитический марксизм во многом следует в русле движения к теоретическому синтезу, рассматриваемому на протяжении этой книги.

В данном разделе мы коротко расскажем о трех разновидностям аналитического марксизма. Во-первых, мы обсудим попытку заново проанализировать твор-

чество Маркса, используя традиционные интеллектуальные средства. Во-вторых, мы рассмотрим теорию рационального выбора и теорию игр в рамках марксизма. Наконец, мы затронем эмпирические исследования с позиции марксизма, применяющие «реальные» методологические средства.

Переосмысливая Маркса

Как было отмечено выше, аналитический марксизм отрицает использование таких идиосинкразических понятий, как диалектическое, и стремится вместо этого анализировать творчество Маркса (как и весь социальный мир), применяя понятия, свойственные более широкой интеллектуальной традиции. Важнейшим примером данного подхода и одним из ключевых произведений аналитического марксизма является книга Дж. А. Коэна «В защиту исторической концепции Карла Маркса» (1978). Вместо того чтобы трактовать Маркса как экзотического диалектика, Коэн утверждает, что в своем творчестве тот использует гораздо более прозаичную функциональную форму объяснения. Коэн приводит следующие примеры функциональных объяснений у Маркса.

- Производственные отношения *соответствуют* производительным силам.
- Законодательная и политическая надстройки *возвышаются над* материальным базисом.
- Социальные, политические и интеллектуальные процессы *обусловлены* способом производства материальных благ.
- Сознание определяется общественным бытием.

(Cohen, 1978/1986, p. 221)

В каждом из этих примеров второе понятие *объясняет* первое. Это объяснение носит, по мнению Коэна, функциональный характер, поскольку «свойства объясняемого определяются его влиянием на объясняющее» (Cohen, 1978/1986, p. 221). Так, в случае последнего примера свойства сознания объясняются его влиянием на общественное бытие и, конкретнее, его склонностью поддерживать последнее. В общем смысле, социальные явления объясняются с точки зрения их значения для других социальных явлений. Коэн считает, что Маркс в вышеуказанных примерах и на всем протяжении своего творчества объясняет социальные и экономические явления с помощью функционального мышления. Таким образом, Маркс не является диалектиком; он функциональный мыслитель. Придерживаясь этой точки зрения, Коэн интерпретирует Маркса, используя традиционные философские воззрения *и* рассматривая теорию Маркса как часть этой традиции.

Коэн пытается отделить функциональное мышление от социологической разновидности (структурного) функционализма, описанного в главе 3. Коэн выделяет в составе (структурного) функционализма три положения. Во-первых, все элементы социального мира взаимосвязаны. Во-вторых, все элементы общества поддерживают друг друга, а также общество в целом. В-третьих, каждый аспект общества определяется его вкладом во все общество. Эти положения не устраивают марксистов по разным причинам, особенно по причине их консерватизма. Однако вышеуказанные функциональные объяснения могут использоваться марк-

системами без принятия каких-либо принципов функционализма. Таким образом, функциональные объяснения не обязательно консервативны; на самом деле, они могут носить вполне революционный характер.

Теория рационального выбора в марксизме

Многие представители аналитического марксизма использовали неоклассическую экономическую теорию, особенно теорию рационального выбора и теорию игр (по поводу рассмотрения применения теории рационального выбора в традиционной социологической теории см. главу 8). Рёмер утверждает, что «марксистский анализ требует микрообоснований», особенно применения теории рационального выбора и теории игр, а также «арсенала разработанных в неоклассической экономике методов моделирования» (Roemer, 1986b, p. 192). Привлекая эти подходы, марксистская теория отказывается от своих претензий на особое положение и использует методы, которые широко применяются в социальных науках. Но, несмотря на то что неомарксистская теория может и должна привлекать неоклассическую экономику, она остается отличной от последней. Например, она сохраняет интерес к коллективному действию по изменению общества и соглашается с утверждением, что капитализм — несправедливая система.

Джон Элстер (Elster, 1982, 1986), наряду с Джоном Рёмером, является крупнейшим сторонником аналитического марксизма. Элстер считает, что развитие неомарксистской теории сдерживается применением своего рода функционального теоретизирования, рассмотренного Коэном. Он также полагает, что марксистская теория должна в большей степени использовать теорию игр — вариант теории рационального выбора. Теория игр, как и другие виды теории рационального выбора строится на рациональности действующих субъектов и их стремлении максимизировать свои доходы. Признавая структурные ограничения, она не допускает, что решения и поступки взаимодействующих субъектов не всецело определяют выбор актора. Теорию игр как разновидность теории рационального выбора отличает то, что она дает аналитику возможность выйти за пределы рационального выбора единичного субъекта и рассмотреть взаимозависимость действий и решений группы агентов. Элстер (Elster, 1982) выделяет три варианта взаимозависимости участвующих в игре. Во-первых, вознаграждение каждого субъекта зависит от сделанного всеми «актерами» выбора. Во-вторых, вознаграждение каждого субъекта зависит от того, что получают все участники. Наконец, осуществляемый каждым актором выбор зависит от выбора, который делают все остальные. Анализ «игр» (например, известной «дилеммы узника», в которой в результате участники больше проигрывают, если следуют собственным эгоистическим интересам, чем если жертвуют этими интересами) помогает объяснить стратегии действия разнообразных субъектов и возникновение таких общностей, как социальный класс. Таким образом, теория рационального выбора в марксизме ищет микрообоснования марксистской теории, хотя рационально действующий субъект в этой теории сильно отличается от актора критической теории (описанного ранее в этой главе), который трактуется во многом с точки зрения теории Фрейда.

Ориентация Элстера на теорию рационального выбора также проявляется в произведении «Осмысление Маркса» (Elster, 1985). Элстер утверждает, что основ-

ным методом, который использовал Маркс для объяснения социальных явлений, было внимание к непреднамеренным последствиям человеческого действия. В отличие от большинства других марксистов, считающих Маркса «методологическим гением» макроструктур, Элстер полагает, что Маркс практиковал «методологический индивидуализм» или «доктрину, согласно которой все социальные явления — их структура и их изменения — принципиально объяснимы исключительно с точки зрения индивидов, их качеств, целей, убеждений и действий» (1985, p. 5). По мнению Элстера, Маркса интересовали акторы, их цели, намерения и их рациональный выбор. Элстер использует данную позицию теории рационального выбора для критики подходов структурного марксизма: «Капиталистические предприниматели в самом что ни на есть активном смысле являются агентами. Их роль нельзя свести к простому занятию определенных позиций в капиталистической производительной системе» (1985, p. 13). Теория рационального выбора в марксизме уделяет особое внимание этим рациональным агентам (капиталистам и пролетариату) и их взаимоотношениям.

Рёмер (Roemer, 1982) был в первых рядах тех ученых, которые разрабатывали теорию эксплуатации в рамках аналитического марксизма (о критике данного подхода см. Schwartz, 1995). Он отошел от понимания эксплуатации как процесса, происходящего в момент производства (и, следовательно, крайне сомнительной трудовой теории стоимости), и стал рассматривать эксплуатацию с точки зрения ее связи с принуждением, порождаемым отсутствием равенства в обладании собственностью. Согласно формулировке Мейера, «эксплуатация может возникать из-за неравенства во владении средствами производства даже при отсутствии принудительного производственного процесса» (1994, p. 62). Эта точка зрения позволяет нам рассматривать эксплуатацию и в социалистическом, и в капиталистическом обществе. Такое понимание эксплуатации связано с теорией рационального выбора в том смысле, что эксплуатируемые на почве неравного распределения собственности могут объединяться в общественные движения, создаваемые для перераспределения собственности на принципах большего равенства. Подобная ориентация также позволяет аналитическому марксизму придерживаться своих этических и политических целей, при этом прибегая к традиционным подходам, как, например, теорию рационального выбора.

Эмпирический марксизм

Ведущей фигурой, связанной с привлечением и применением жестких методов в области эмпирических исследований марксистских концепций, признан Эрик Олин Райт (Wright, 1985). Райт определенно связывает себя с аналитическим марксизмом в целом, и работами Джона Рёмера, в частности. Творчество Райта содержит три основных элемента: во-первых, прояснение таких базовых марксистских понятий, как класс; во-вторых, эмпирические исследования марксистских концепций; в-третьих, разработку более согласованной теории, основанной на этих понятиях (особенно понятии класса).

В своей книге «Классы» (1985) Райт стремится ответить на вопрос, который Маркс поставил, но на который так и не ответил: что образует класс? Он поясняет, что его ответ будет соответствовать первоначальной теоретической программе

Маркса. В то же время он будет отличаться от ответа Маркса, поскольку со времени последнего прошло уже более века, в течение которого было сделано много теоретических исследований и произошло большое количество исторических событий. Таким образом, мы больше продвинулись в теоретическом плане и времена изменились. В результате Райт, подобно другим представителям аналитического марксизма, отталкивается от Маркса, но не принимает его позицию в качестве догмы, а также не пытается угадать, как он мог бы определить класс. Благодаря Марксу и проделанной за истекшей период теоретической работе у современных марксистов больше возможностей для выдвижения таких определений. В любом случае, мы живем в совершенно другое время, и определение Маркса, даже если бы мы его угадали, вполне возможно, не подошло бы для современного общества. Поскольку настоящая книга носит теоретический характер, нам не обязательно детально разбирать приведенные Райтом или любыми другими эмпирическими марксистами исследования. Однако было бы полезно сказать несколько слов о наиболее известном концептуальном достижении Райта — идее «противоречивых классовых позиций» (Wright, 1985, p. 43). Основной предпосылкой здесь служит положение о том, что данная позиция не обязательно должна располагаться, как это обычно считается, в рамках данного класса; она может одновременно находиться в нескольких классах. Таким образом, позиция одновременно может быть пролетарской и буржуазной. Например, менеджеры буржуазны в том смысле, что осуществляют надзор над подчиненными, однако при этом они пролетарии, поскольку ими руководят другие. Идея противоположных классовых позиций — результат тщательного концептуального анализа, который затем проверяется эмпирически (см. Gubbay, 1997, о критике подхода Райта к социальным классам).

Аналитический марксизм сегодня

Хотя, как мы видели, представители аналитического марксизма считают себя марксистами, некоторые (например, Callinicos, 1989) задаются вопросом о том, не делает ли их приверженность к традиционным понятиям и методам такое их определение бессмысленным или разрушительным для марксистской ориентации (Kirkpatrick, 1994). В ответ на это Элстер утверждает: «Большинство взглядов, которые *я* считаю верными и важными, ведут к Марксу» (Elster, 1985, p. 531).

Мейер (Mayer, 1994) обобщил аналитический марксизм и попытался, в частности, рассмотреть и опровергнуть шесть положений, которые, по его мнению, выражают основную критику данного подхода.Прежде чем ее рассмотреть, отметим критический аргумент, который проистекает из самого творчества Мейера: «Аналитический марксизм не является единой или даже внутренне согласованной системой взглядов» (1994, p. 300). Различия между рассмотренными здесь крупными представителями аналитического марксизма (Коэном, Рёмером и Райтом), не говоря уже о прочих мыслителях (особенно Адаме Пжеворски [Przeworski, 1985] и его работе о государстве), которых можно сюда отнести, огромны и затрудняют обсуждение настоящих ученых в одинаковом контексте. Эти различия могут расколоть аналитический марксизм прежде, чем он получит возможность развиться в последовательную концепцию.

Первый критический аргумент, рассмотренный Мейером, состоит в том, что аналитический марксизм дискретен и сосредоточен на исследовании рациональных субъектов действия. Мейер отвечает на это, что представители аналитического марксизма не считают, что общество состоит из изолированных индивидов, они признают, что люди не всегда ведут себя рационально. Во-вторых, аналитических марксистов обвиняют в экономическом детерминизме; в ответ на это говорится, что, согласно преобладающей здесь точке зрения, экономические факторы первичны, но определяющего характера не носят. В соответствии с третьим критическим аргументом, позиция аналитических марксистов антиисторична, однако Мейер не считает, что это свойство присуще данному подходу. Скорее оно связано с его новизной и с тем, что для рассмотрения исторических проблем еще не было времени. Связанный с этим четвертый аргумент обвиняет аналитических марксистов в том, что они выдвигают статичные подходы, при которых затруднительно исследовать изменения. Признавая данный недостаток, Мейер утверждает, что эту трудность испытывают практически все ученые в области социальных исследований. В-пятых, рассматриваемое нами направление обвиняют в тавтологии — «необоснованном принятии того, что должно быть доказано» (Mayer, 1994, p. 305). Мейер считает, что эта проблема свойственна всем дедуктивным подходам. Наконец, аналитический марксизм характеризуется как теория, которой недостает нравственного импульса, но Мейер опровергает и это: «Представители аналитического марксизма вполне способны на нравственный порыв, их нравственной критике капитализма не хватает неистовства, в отличие от достижений в точности и проницательности» (1994, p. 315).

Свой разбор Мейер заканчивает анализом шести задач, с которыми сталкивается аналитический марксизм, трудностей, которые нужно решить, чтобы аналитический марксизм стал значительной силой в социальных науках. Во-первых, аналитический марксизм должен разработать более динамичный подход. Согласно формулировке Мейера, «любой вариант марксизма, если он не способен объяснить социальную динамику, не может рассчитывать на расцвет» (1994, p. 317). Во-вторых, теоретики аналитического марксизма должны более глубоко заняться анализом конкретных событий и ситуаций. В-третьих, приверженцы данного подхода должны исправить настоящий дисбаланс, ликвидировать перекос в сторону теории и больше заниматься эмпирическими исследованиями. В-четвертых, аналитические марксисты должны расширить свой подход, не замыкаясь на базисе экономических факторов, и рассмотреть более широкий круг социальных факторов. В-пятых, они должны отойти от особого внимания к развитым капиталистическим государствам и обратиться к менее развитым нациям. Наконец, представителям аналитического марксизма следует показать существование жизнеспособных альтернатив капитализму.

Постмодернистская марксистская теория

На марксистскую теорию глубокое влияние оказали теоретические разработки в рамках структурализма, постструктурализма (Anderson, 1984, p. 33) и, что нас здесь особенно занимает, постмодернизма (Wood and Foster, 1997; см. главу 13).

Гегемония и радикальная демократия

Важнейшей работой в русле постмодернистского марксизма является книга Эрнесто Лаклау и Шанталя Муффе «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985). С точки зрения Эллен Вуд, данное произведение, перенимая внимание к лингвистике, текстам и дискурсу в постмодернизме, отделяет идеологию от ее материального базиса и, в конечном счете, растворяет «все социальное в идеологии или "дискурсе"» (Wood, 1986, p. 47). Понятие гегемонии, имеющее для Даклау и Муффе центральное значение, было разработано Грамши для рассмотрения культурного лидерства, а не принудительного воздействия государственной власти. При такой смене подхода мы, безусловно, отходим от традиционного марксистского интереса к материальному миру и вступаем в область идей и дискурса. Как высказывается на эту тему Вуд, «по сути аргумент Лаклау — Муффе состоит в том, что *не существует* материальных интересов, есть лишь дискурсивно созданные *идеи* о них» (1986, p. 61).

Лаклау и Муффе не только заменяют материальные интересы идеями, но также смещают пролетариат с привилегированной позиции марксистской теории. Как утверждает Вуд, Лаклау и Муффе относятся к движению, занимающемуся «деклассированием социалистического проекта» (Wood, 1986, p. 4). Лаклау и Муффе рассматривают классовый вопрос с субъективных, дискурсивных позиций. Социальный мир характеризуется различными позициями и антагонизмами. Как следствие, невозможно достичь некого «единого дискурса», который Маркс считал замыкающимся на пролетариат. Универсальный дискурс пролетариата «заменила полифония голосов, каждый из которых строит собственную, не сводимую к иному, дискурсивную идентичность» (Laclau and Mouffe, 1985, p. 191). Таким образом, вместо того чтобы сконцентрироваться на отдельном дискурсе пролетариата, марксисты-теоретики должны рассматривать множество различных дискурсов, которые исходят от широкого круга незащищенных индивидов, например женщин, чернокожих, экологов, иммигрантов, потребителей и т. п. В результате марксистская теория *децентрализовалась* и *детотализовалась,* поскольку больше не концентрируется исключительно на пролетариях и не считает проблемы пролетариата *единственной* проблемой общества.

Отказавшись придавать основное значение материальным факторам и уделять повышенное внимание пролетариату, Лаклау и Муффе отрицают коммунизм в качестве цели марксистской теории, в том числе освобождение пролетариата. Взамен они предлагают так называемую систему «радикальной демократии». Не акцентируя внимание, как сторонники правых политических взглядов, на демократических правах индивида, они предлагают «создать новую гегемонию, которая будет результатом объединения огромного числа демократических баталий» (Mouffe, 1988, pw 41). Вновь созданной гегемонии будет необходима «гегемония демократических ценностей, что потребует увеличения демократической активности, институционализации ее в еще более разнообразные социальные отношения» (Mouffe, 1988, p. 41). Радикальная демократия стремится объединить под широким куполом огромный диапазон направлений демократической борьбы — антирасистский, антисексистский, антикапиталистический, против эксплуатации природы (Eder, 1990) и многие другие. Таким образом, это «радикальная и плюралистическая демокра-

тия» (Laclau, 1990, p. 27). Борьба одной группы не должна вестись за счет других; все демократические баталии должны рассматриваться как равные. Таким образом, необходимо объединить эти единоборства путем изменения их характера так, чтобы группы видели себя частью масштабной борьбы за радикальную демократию. Как утверждают Лаклау и Муффе,

> альтернатива для левых должна состоять в помещении себя в поле демократической революции и расширении связей равенства между различными видами борьбы против угнетения. *Следовательно, задачей левых не может быть отрицание либерально-демократической идеологии, напротив, она состоит в ее углублении и расширении в направлении радикальной и плюралистической демократии...* Не в отказе от демократии, а, напротив, в расширении сферы демократической борьбы до масштабов всего гражданского общества и государства состоит для левых возможность будущей гегемонии (Laclau and Mouffe, 1985, p. 176).

В то время как задачей радикальной демократии остается упразднение капитализма, ее сторонники признают, что даже его отмена не уничтожит всего неравенства в обществе. Для полного решения проблемы социального неравенства требуется гораздо более широкое движение, чем ожидали традиционные марксисты.

Неразрывности и сжатие времени и пространства

Другое вторжение марксизма в постмодернистскую теорию (см. главу 13, где рассматривается другая работа, принадлежащая Фредерику Джеймсону) — работа Дэвида Харви «Условие постсовременности» (1989). Высоко оценивая заслуги постмодернистской мысли, с марксистской точки зрения Харви видит в ней серьезные недостатки. Теория постмодернизма обвиняется в излишнем внимании к проблемам современного мира и недостаточном интересе к его материальным достижениям. Наиболее важно, что эта теория, по-видимому, принимает постсовременность и связанные с ней проблемы, а не предлагает пути преодоления этих трудностей: «Риторика постмодернизма опасна, так как она избегает оппозиции реалиям политической экономии и обстоятельствам мировой власти» (Harvey, **1989,** p. **117). С** чем нужно конфронтировать теории постмодернизма, так это с источником своих идей — политической и экономической трансформацией капитализма начала XXI в.

Основное значение для политико-экономической системы имеет контроль над рынками и трудовым процессом (с двумя этими сферами связан вопрос *накопления* при капитализме). Тогда как послевоенный период между 1945 и **1973** гг. характеризовался жестким процессом накопления, с 1973 г. мы перешли к более гибкому процессу. Харви связывает ранний период с фордизмом (а также с кейнсианской экономикой), а более поздний период — с постфордизмом (о критике этого подхода см. Gartman, 1998), но здесь нам не надо рассматривать эти вопросы, так как они уже обсуждались в данной главе. Тогда как фордизм является жестким, постфордизм Харви связывает с гибким накоплением, покоящемся на «гибкости в отношении трудовых процессов, рынков труда, товаров и моделей потребления. Он характеризуется возникновением совершенно новых секторов Производства, новых способов предоставления финансовых услуг, новых рынков

и, прежде всего, весьма интенсивной инновацией в коммерческой, технологической и организационной сферах»(1989, p. 147).

Усматривая в этом великие перемены и утверждая, что именно эти изменения лежат в основе постмодернистского мышления, Харви считает, что существует множество *«неразрывностей»* между «фордистской» и «постфордистской» эрами. Его основной вывод состоит в том, что тогда как «на поверхности капитализма с 1973 г. определенно наблюдалось волнение... фундаментальная логика капиталистического накопления и ее кризисные тенденции остаются теми же » (Harvey, 1989, p. 189).

Центральной в подходе Харви становится идея о сжатии времени и пространства. Он считает, что модернизм способствовал сжатию времени и пространства, и что этот процесс усилился в эру постмодернизма. Это привело к «интенсивной фазе пространственно-временного сжатия, которая имеет дезориентирующее и разрушительное влияние на политико-экономическую жизнь, баланс классовой власти, а также на культурную и социальную жизнь» (Harvey, 1989, p. 284). Однако подобное сжатие времени и пространства существенно *не* отличается от более ранних периодов капитализма: «Мы стали свидетелями нового интенсивного этапа в процессе уничтожения пространства через время, которое всегда лежало в центре динамики капитализма» (Harvey, 1989, p. 293). Пример уничтожения пространства через время дают сыры, ранее доступные только во Франции, а в настоящее время широко продаваемые в Соединенных Штатах, благодаря быстрой и недорогой транспортировке. Или, например, во время войны 1991 г. США с Ираком телевидение мгновенно переносило нас от воздушных ударов по Багдаду к «молниеносным» атакам Тель-Авива и военным брифингам в Рийаде.

Таким образом, по Харви, постмодернизм неразрывен с модернизмом. То и другое отражают все ту же фундаментальную динамику капитализма.[1] И модернизм, и постмодернизм, и фордизм, и постфордизм сосуществуют в современном мире. Значимость фордизма и постордизма будет «различаться время от времени и от места к месту, в зависимости от того, какая разновидность выгодна, а какая нет» (Harvey, 1989, p. 344). Согласно такой точке зрения, проблема постсовременности попадает в сферу неомарксистской теории, хотя последняя, в свою очередь, модифицируется под влиянием развития постмодернистской мысли.

Наконец, Харви замечает в постсовременности изменения и трещины, указывая на то, что мы, возможно, уже находимся на пути к новой эре — эре, которую с теоретических позиций должна быть готова рассматривать неомарксистская теория, возможно, привлекая при этом и другие понятийные системы.

«После марксизма»

Существует бесчисленное количество постмарксистских концепций, которые *могли бы* рассматриваться в данном разделе, но я завершу его одной из наиболее радикальных теорий, посвященных этой проблеме.

Бауман (Bauman, 1990) утверждает, что капитализм и социализм — всего лишь зеркальные отражения современности.

Заголовок книги Роналда Аронсона (Aranson, 1995) «После марксизма» сам по *себе* говорит о многом. Аронсон, самопровозглашенный марксист, поясняет, что марксизм закончился, и что теоретики марксизма в настоящее время в исследовании социального мира и его проблем брошены на произвол судьбы. Эта позиция основана на идее о том, что «марксистский проект» подразумевал объединение теории и практики. Хотя некоторые марксисты могут продолжать применять некоторые аспекты теории Маркса, марксистский проект преобразования капитализма в социализм исчерпан, поскольку очевидно, что он потерпел неудачу по всем своим направлениям. Именно история, а не Аронсон, вынесла суждение о том, что марксистский проект провалился. Таким образом, марксисты, которые продолжают заимствовать эту теорию, разрушают диалектическую целостность теории и практики, составляющую проект марксизма. Это расщепление катастрофично, так как неопровержимую силу придало марксизму именно то, что он представлял собой «единственный согласованный теоретический и практический проект» (Aronson, 1995, p. 52).

Но как же может марксистский проект закончиться, если капитализм продолжает существовать и, со смертью коммунистической идеологии, может стать более влиятельным, чем когда-либо? Фактически Аронсон считает, что существует ряд аргументов в пользу идеи применимости марксизма и сегодня. Например, он признает, что большинство людей в мире менее обеспеченно, чем на заре капитализма, и что, несмотря на ряд изменений, фундаментальная эксплуатационная структура капитализма осталась прежней. Несмотря на это, Аронсон утверждает: множество изменений должно привести нас к выводу, что важнейшие аспекты марксистской теории устарели:

- Рабочий класс *не* стал еще беднее.
- Классовая структура *не* упростилась до двух полярных классов (буржуазии и пролетариата).
- Из-за трансформации производственных процессов численность промышленных рабочих уменьшилась, рабочий класс стал более разрозненным, и осознание им своего положения утратило остроту.
- Общее снижение численности рабочего класса привело к уменьшению его активности, его классового сознания и способности вести классовую борьбу.
- Все менее вероятность того, что работники будут считать себя рабочими; они имеют многообразные конкурирующие характеристики, таким образом, сегодня быть рабочим — это всего лишь один из многих вариантов.

По мнению Аронсона, эпоха марксизма закончилась, однако, утверждает он, не стоит сожалеть о его существовании. Даже в крайних проявлениях (например, сталинизм), осуществлявшихся от его имени, марксизм

> подал надежду, он придал миру смысл; он указал направление и значение множеству бесчисленных жизней. Как величайший в XX в. призыв к оружию он вдохновил миллионы восстать и бороться, поверить в то, что однажды люди смогут построить мир и организовать свою жизнь в соответствии со своими нуждами (Aronson, 1995, p. 85).

Помимо неудач марксизма в реальном мире Аронсон связывает его кончину с недостатками самой теории. Эти сложности он объясняет тем, что оригинальная

теория Маркса была создана в период становления современного мира и в результате представляет собой неудобоваримую смесь современных и «предсовременных» идей. Эта проблема преследовала марксистскую теорию на протяжении всего ее существования. Например, «предсовременная» пророческая вера в освобождение сосуществовала с современной верой в науку и фактические исследования: «Такое догматическое пророчество с налетом научности обнаруживает глубинное досовременное родство с религиозным предчувствием спасения мира божественной неподвластной нам силой» (Aronson, 1995, p. 97). В качестве другого примера служит склонность марксизма уделять повышенное внимание объективным процессам и отказывать в значении процессам субъективным.

Одну главу Аронсон начинает с провокационного утверждения: «Феминизм разрушил марксизм» (Aronson, 1995, p. 124). Вскоре он поясняет, что феминизм не в одиночку совершил этот подвиг. Тем не менее феминизм внес несомненный вклад в разрушение марксизма, требуя от теории рассмотрения «угнетения женщин *как женщин»* (Aronson, 1995, p. 126). Такой подход, очевидно, подорвал марксистскую теорию, претендовавшую на выдвижение концепции, применимой ко всем людям. Феминистки заложили основу для активности других групп, предъявляя к их теориям требование сосредоточиться на собственном бедственном положении, а не на всеобщих проблемах человечества.

Аронсон описывает постмарксистские теории, например, рассмотренный выше аналитический марксизм, как марксизм без марксизма. То есть это чистые теории, которым недостает практики, и, следовательно, по мнению Аронсона, их не следует называть марксизмом:

> Они могут, как аналитический марксизм, претендовать на это название, но они уподобляются в этом множеству вариантов марксизма без марксизма. Они так изменились, стали столь ограниченны, столь узкотеоретичны, что даже когда их слова и обязательства звучат правдиво, они лишь взывают к марксистской ауре, и не более того. Эти идеи, как бы они ни пробуждали воспоминания, не способны вызвать из небытия ускользающую реальность (Aronson, 1995, p. 149)

Марксистские теории останутся, но займут гораздо более скромное место. Они будут выражать лишь один голос в море теоретических голосов.

Приняв во внимание все эти доводы, Аронсон заключает, что критические аналитики современного мира остались без базы марксистского проекта. Однако это неоднозначное благодеяние. Будучи чрезвычайно влиятельным, марксистский проект был ярмом для критических аналитиков. Следует ли бывшим марксистам искать нового Маркса? Или новый марксистский проект? Аронсон считает, что, в свете теоретического и общественного развития, ответом на эти вопросы будет «нет», поскольку мы ушли от «возможности такого рода целостности, интеграции, согласованности и уверенности, которые содержал марксизм» (1995, p. 168). Таким образом, сегодня мы должны искать не отдельное радикальное движение, а радикальную коалицию групп и идей. Цель такой коалиции — освобождение современности от взрывоопасных внутренних конфликтов и различных свойственных ей форм притеснения.

Одна из проблем, с которой сталкивается такое новое радикальное движение, состоит в том, что оно больше не может рассчитывать на развитие под влиянием неоспоримого видения некой будущей утопии. Для сцепления и дальнейшего

Продвижения ему необходим определенный эмоциональный цемент. Это движение должно иметь нравственную основу, понимание того, что правильно, а что неверно. Ему также нужна надежда, хотя и гораздо более скромная, чем та, что была характерна для марксистского проекта. В силу того что надежды умеренны, маловероятно, что они приведут к глубокому разочарованию, постигшему марксистский проект при неудачной попытке достичь своих социальных целей.

Критика постмарксизма

Многих марксистских теоретиков не удовлетворяют постмарксистские направления (например, Burawoy, 1990; Wood, 1986; Wood and Foster, 1997). Например, Буравой критикует представителей аналитического марксизма за исключение проблемы истории и фетишизации ясности и строгости. Вельдес критикует аналитический марксизм за то, что тот позволяет традиционной экономической теории осуществлять его «колонизацию», за то, что он воспринял чисто «технический, аналитический подход», за растущую академичность и убывающую политичность, за увеличивающийся консерватизм (Weldes, 1989, p. 354). Вуд обращает внимание на политический вопрос и критикует аналитический марксизм (а также постмодернистский марксизм) за политический квиетизм и «циничное пораженчество, в котором любая радикальная программа изменений обречена на неудачу» (Wood, 1989, p. 88). Даже сторонники направления аналитического марксизма, жесткого эмпирического исследования марксистских идей, критиковали своих собратьев по теории рационального выбора, которые, на их взгляд ошибочно, заняли позицию методологического индивидуализма (Levine, Sober, and Wright, 1987).

Особенно серьезной критике подверглись работы Лаклау и Муффе. Например, Аллен Хантер критикует их за общую приверженность идеализму и, конкретнее, за помещение «себя на крайний конец дискурсивного анализа, рассматривая *все* в качестве дискурса» (Hunter, 1988, p. 892). Подобным образом Джерас (Geras, 1987) обвиняет Лаклау и Муффе в идеализме, при этом он также считает их безрассудными, безнравственными, нелогичными в изложении и скрывающими суть дела. Содержание ответа Лаклау и Муффе Джерасу отражает заглавие «Постмарксизм без апологии» (Laclau and Mouffe, 1987). Буравой критикует Лаклау и Муффе за то, что они «теряются в паутине истории, где все имеет большое значение и, следовательно, объяснение становится для них невозможным» (Burawoy, 1990, p. 790).

Наконец, в отличие от Аронсона, Буравой полагает, что марксизм остается полезным для понимания динамики и противоречий капитализма (см. также Wood, 1995). Таким образом, с кончиной коммунизма и мировым господством капитализма, «марксизм... снова вступает в свою силу» (Burawoy, 1990, p. 792). Недавно, в свете разработок 1990-х гг., Вуд и Фостер (Wood and Foster, 1997, p. 67) заявили, что марксизм необходим как никогда, потому что «человечество все больше сталкивается с эксплуатацией и угнетением глобального масштаба».

Резюме

В данной главе мы разобрали широкий спектр подходов, которые можно отнести к неомарксистским социологическим теориям. Каждая из них берет за отправную точку работы Маркса, но зачастую они идут в совершенно разных направлениях.

Хотя эти разнообразные течения реанимируют неомарксистскую теорию, они также порождают, по крайней мере, несколько ненужных и во многом дисфункциональных различий и противоречий. Таким образом, одна из задач современного теоретика-марксиста состоит в объединении этого обширного диапазона теорий, при этом признавая ценность различных отдельных работ.

Исторически самая первая, но наименее значимая на сегодняшний день, особенно для социологически ориентированного мыслителя, неомарксистская теория — это экономический детерминизм. Именно в противовес ему развивались все прочие разновидности неомарксизма. Гегельянский марксизм, лучше всего представленный в творчестве Георга Лукача, представлял собой одну из таких реакций. Этот подход стремился преодолеть ограниченность экономического детерминизма, вернувшись к субъективным, гегельянским корням марксистской теории. Гегельянский марксизм также малоактуален в современную эпоху. Его основное значение состоит во влиянии на более поздние неомарксистские теории.

Традицию гегельянского марксизма унаследовала критическая школа, *имеющая* значение для современной социологии. Крупным вкладом представителей критической школы (Маркузе, Хабермаса и др.) стало их осмысление культуры, сознания и их взаимоотношений. Эти теоретики расширили наше понимание таких культурных явлений, как инструментальная рациональность, «индустрия культуры», «индустрия знаний», коммуникативное действие, господство и легитимация. Кроме того, добавляется внимание к сознанию, главным образом, в форме включения теории Фрейда. Однако критическая теория слишком далеко зашла в своих попытках восполнить ограниченность экономического детерминизма. Ей необходимо заново включить экономический аспект, а на самом деле и больше учитывать масштабные социальные силы в целом.

Далее мы описали два направления неомарксистской экономической социологии. Первое из них рассматривает отношения труда и капитала, что особенно просказалось в творчестве Бэрана и Суизи, а также Брейвермана. Второе направление занимается переходом от фордизма к постфордизму. В обоих случаях предпринимается попытка вернуться к некоторым традиционным экономическим подходам марксистской социологии. Это имеет большое значение из-за попытки сделать марксистскую экономическую социологию более современной, принимая во внимание реалии нынешнего капиталистического общества.

Еще одним подходом является исторически-ориентированный марксизм, особенно четко представленный у Иммануила Валлерштейна и его сторонников в их работах о современной мировой системе. Данная глава завершается разделом, посвященным теориям, которые, в свете кончины коммунизма, получили название неомарксистских. В их число включены некоторые виды аналитического марксизма и постмодернистская марксистская теория. В этом разделе был рассмотрен пример того, какое положение заняли марксисты, вынужденные отказаться от марксистского проекта перед лицом развития событий в мире.

Глава 5
Теория систем

Располагая сторонниками в различных сферах, теория систем имеет переменчивую историю, и если бы не творчество немецкого социального мыслителя Никласа Лумана, этой главы бы тут не было. В течение более двух десятилетий до своей смерти в 1998 г. Луман упорно продолжал развивать теорию систем (он предпочитал термин «теория системы»). (Хотя творчество Кеннета Бейли [Bailey, 1990, 1994, 1997] не настолько известно и влиятельно, он также внес заметный вклад в развитие этой теории.) Не один год Луман работал практически в безвестности, но ближе к нашим дням его творчество обретало все большее признание в мире. Поэтому данная глава посвящена главным образом его воззрениям. Однако перед тем как перейти к его творчеству, мы обсудим некоторые более ранние взгляды и концептуальные идеи, изложенные в работах Уолтера Бакли (Buckley, 1967), особенно в «Социологии и современной теории систем».

Социология и современная теория систем

Использование теории систем

Центральный вопрос, к которому обратился Бакли, состоит в том, что социология может заимствовать у теории систем. Во-первых, поскольку теория систем происходит от точных наук и поскольку она, по крайней мере в глазах своих приверженцев, применима во *всех* поведенческих и социальных науках, она предлагает для их объединения общий язык. Во-вторых, теория систем имеет многоуровневый характер и может одинаково применяться как к самым крупномасштабным, так и к самым маломасштабным, как к наиболее объективным, так и к наиболее субъективным аспектам социального мира. В-третьих, теория систем интересуется разнообразными отношениями многих аспектов социального

мира и таким образом противодействует выборочному анализу социального мира. Теория систем утверждает, что сложные отношения элементов нельзя вычленять из целостного контекста. Теоретики систем отвергают мысль о том, что общество в целом или другие крупномасштабные компоненты общества следует рассматривать как целостные социальные факты. Вместо этого акцент делается на отношениях или процессах на различных уровнях социальной системы. Бакли так описал этот подход:

> Интересующий нас вид системы в целом можно описать как совокупность элементов или компонентов, которые прямо или косвенно образуют причинную сеть так, что в любой определенный период времени каждый компонент более или менее стабильно соотносится, по крайней мере, с несколькими другими (Buckley, 1967, p. 41)

Ричард Э. Бол предлагает четкую концепцию соотносительной ориентации теории систем, или того, что он называет общей теорией систем (ОТС):

> ОТС начинается с процессуального понимания реальности как в основе своей состоящей из отношений между отношениями, как это иллюстрируется в используемой в современной физике концепции «тяготения». Термин «тяготение» в принципе не описывает объект. Нет такой «вещи» как тяготение. Это *набор отношений.* Считать эти отношения существующими объектами — значит впадать в овеществление... ОТС-подход требует, чтобы социологи развивали логику отношений и создавали концепции социальной реальности с точки зрения соотношений (Ball, 1987, p. 66)

В-четвертых, системный подходпозволяет рассматривать все аспекты социокультурных систем с точки зрения процесса, в особенности сети информации и коммуникации. В-пятых, что, возможно, самое важное, теории систем присущ целостный характер. В своем определении этого подхода Бакли рассматривал его как включающий интеграцию крупных объективных структур, систем символов, действия и взаимодействия и «сознания и самосознания». Бол также воспринял идею уровневой интеграции: «Индивид и общество рассматриваются равным образом: не как отдельные сущности, а как взаимообразующие области, связанные различными процессами "обратной связи"» (Ball, 1978, p. 68). Фактически, теория систем столь настроена на интеграцию, что Бакли критиковал склонность других социологов проводить между уровнями аналитическое различие:

> Зачастую мы замечаем в социологии тенденцию настаивать на том, что называется «аналитическим разграничением» между «личностью» (предположительно с внутричерепным содержимым), символьными системами (культурой) и моделями социальных отношений (социальными системами), хотя реальное творчество сторонников таких различий показывает, что оно вводит в заблуждение либо зачастую непригодно на практике (Buckley, 1967, p. 101)

(Бакли был здесь отчасти несправедлив, поскольку в процессе собственной работы во многом использовал тот же подход. Для теоретиков систем, очевидно, приемлемо проводить аналитические разграничения постольку, поскольку их проводят, чтобы лучше исследовать взаимосвязи между различными аспектами

социальной жизни.) Наконец, сторонники систем склонны рассматривать социальный мир с точки зрения динамики, придавая первостепенное значение «социокультурным проявлениям и динамике в целом» (Buckley, 1967, p. 39).

Некоторые общие принципы

Бакли рассматривал отношения между социокультурными, механическими и органическими системами. Он сосредоточился на описании существенных различий между ними. В некоторых системах координат континуум движется от механических систем к органическим и к социокультурным системам. То есть он идет от наименьшей сложности элементов к наибольшей, от низшей их нестабильности к наивысшей и от самой низкой степени зависимости элементов от системы в целом к самой высокой ее степени.

При других измерениях системы различаются качественным образом, а не просто количественно. В механических системах взаимоотношения частей основаны на передаче энергии. В органических системах они больше базируются на обмене информацией, чем на энергии. В социокультурных системах эти взаимоотношения еще больше основываются на информационном обмене.

Эти три типа систем также различаются по степени открытости — закрытости, т. е. по степени взаимного обмена с элементами более обширного окружения. Более открытая система более способна к избирательной реакции на более обширное по набору и деталям нескончаемое разнообразие внешней среды. С этой точки зрения механические системы скорее замкнуты, органические системы более открыты, а социокультурные — наиболее открыты из рассматриваемых видов систем (как мы увидим, Луман не согласен с последним утверждением). Степень открытости системы связана с двумя важнейшими понятиями теории систем: *энтропией,* или тенденцией систем к неупорядоченности, и *негантропией* (отрицательной энтропией), или их тенденцией к выработке структур (Bailey, 1990). Замкнутые системы скорее имеют энтропийный характер, тогда как открытые — негантропийный. Социокультурные системы также имеют тенденцию к большему внутреннему конфликту, чем два других типа. Наконец, социокультурные системы могут иметь целенаправленный и целеустремленный характер, поскольку получают из внешней среды обратную связь, позволяющую продолжать движение к целям.

Обратная связь представляется существенным аспектом кибернетического подхода, применяемого теоретиками систем к социальной системе. Такой подход противоположен равновесному, характерному для многих социологов (например, Парсонса), претендовавших на исследования с точки зрения системного подхода. Использование обратной связи позволяет приверженцам кибернетического подхода в теории систем исследовать конфликт, рост, эволюцию и внезапные изменения. Открытость социальной системы внешней среде и влияние на систему внешних факторов — важные моменты для этих теоретиков систем.

На социальные системы также оказывают влияние разнообразные внутренние Процессы. Здесь важны два других понятия. *Морфостаз* относится к процессам, способствующим самосохранению системы, тогда как *морфогенез* обозначает

процессы, содействующие изменениям и росту сложности систем (более подробно об этих процессах см. обсуждение творчества Арчер в главе 11). Социальные системы порождают все более сложные «промежуточные системы», находящиеся между внешними силами и действием системы. Некоторые из этих промежуточных систем способствуют самоподдержанию системы, другие содействуют изменениям. Эти промежуточные системы» становятся все более независимыми, автономными и определяющими действия системы. Иначе говоря, благодаря этим промежуточным системам социальная система становится менее зависимой от внешней среды.

Эти сложные промежуточные системы выполняют в социальной системе разнообразные функции. Например, они позволяют системе временно приспосабливаться к внешним условиям. Они могут направить систему от враждебного к более подходящему окружению. Они могут позволить системе реорганизовать свои элементы, чтобы более эффективно взаимодействовать с внешней средой.

Применение к социальному миру

Чтобы показать применимость теории систем, Бакли (Buckley, 1967) от обсуждения общих принципов обратился к особенностям социального мира. Он начал с индивидуального уровня, где на него большое впечатление произвело творчество Мида, в котором были взаимосвязаны сознание и действие. Фактически Бакли переформулировал мидовскую проблематику с точки зрения теории систем. Действие начинается с передаваемого конкретному человеку *сигнала* из внешней среды. Однако передачу могут затруднить *шумовые помехи,* исходящие из внешней среды. После передачи сигнала актор уже владеет *информацией,* на основе которой он, в свою очередь, *выбирает* способ реагирования. Ключевой фактор здесь заключается в обладании промежуточным механизмом — самосознанием. Бакли рассматривал самосознание в терминах теории систем

> На языке кибернетики такое самосознание есть механизм внутренней обратной связи собственных состояний системы, которые можно оценить или сравнить с другой информацией, получаемой в данной ситуации или хранящейся в памяти, что позволяет выбирать из диапазона действий, целенаправленно принимая в расчет собственную личность и поведение (Buckley, 1967, p. 100).

Для Мида и символических интеракционалистов, а также для теоретиков систем сознание неотделимо от действия и взаимодействия и является неотъемлемой частью обоих.

Несмотря на убеждение, что сознание и интеракция взаимосвязаны и не следует отделять уровни друг от друга, Бакли все же перешел из области сознания в сферу взаимодействия. Образцы взаимодействия, а именно: имитация и реакция, четко соотносятся с системным взглядом на мир. Что более важно, Бакли связал межличностную сферу непосредственно с системой личности; он считал их взаимоопределяющими. В конце концов Бакли обратился к исследованию крупномасштабной организации общества, особенно ролей и институтов, которые рассматривал с точки зрения системного подхода и считал их если не неотличимыми от других уровней социальной реальности, то как минимум связанными с ними.

Завершая исследование, Бакли проанализировал некоторые общие принципы теории систем с точки зрения их применения в социокультурной сфере. Во-первых, теоретик принимает идею, что конфликт есть нормальная, вездесущая и необходимая реальность социальной системы. Во-вторых, он исследует природу и источники неоднородности социальной системы. Такой упор на конфликт и на неоднородность придает системному подходу динамический характер. В-третьих, присутствует интерес к процессу выбора как на индивидуальном, так и на межличностном уровнях, посредством которого отбираются и изучаются различные открытые для системы альтернативы. Это придает теории дополнительную динамику. В-четвертых, межличностный уровень рассматривается как основа развития более крупных структур. Процессы обмена, переговоров и обсуждения условий сделки, связанные с деловой активностью, являются процессами, из которых возникают относительно устойчивые социальные структуры и структуры культуры. Наконец, несмотря на присущую системному подходу динамику, признаются процессы постоянства и передачи. Как пишет об этом Бакли, «из непрерывных сделок возникают некоторые относительно устойчивые согласования и договоренности» (1967, p. 160).

Интересно, что между системной теорией и диалектическим подходом есть ряд довольно удивительных сходств, несмотря на то что они происходят из совершенно разных источников (одна из научного, другой из философского) и используют существенно разную терминологию (Ball, 1978). Эти параллели подразумевают подчеркнутое внимание к отношениям, процессам, творчеству и напряжению.

Общая теория систем Никласа Лумана[1]

Самый выдающийся теоретик систем в социологии — Никлас Луман (1927-1998). Луман разработал социологический подход, объединяющий элементы структурного функционализма Толкотта Парсонса (см. главу 3) с общей теорией систем и привлек понятия когнитивной биологии и кибернетики. Луман считает воззрения позднего Парсонса единственной общей теорией, достаточно сложной для создания базы нового социологического подхода, отражающего последние открытия в биологических и кибернетических системах. Однако в парсоновском подходе он видит два недостатка. Во-первых, в нем нет места для *самонаправленности,* а, по Луману, способность общества обращаться к себе — центральная для нашего понимания его как системы. Во-вторых, Парсонс не признает *случайность.* В результате Парсонс не может адекватно анализировать современное общество как таковое, поскольку не думает, что оно могло быть другим. Так, если взять из творчества Парсонса один пример, схему *AGIL* следует рассматривать не как факт, а как модель возможностей. Например, она показывает, что подсистемы адаптации и целедостижения могут соотноситься по-разному; следовательно, целью анализа должно быть понимание того, почему система порождает конкретное отношение между этими двумя подсистемами в любой заданный момент времени. Луман обращается к этим двум проблемам в творчестве Парсонса, разрабатывая

[1] Соавторы этого параграфа — Дуглас Гудман и Маттиас Джондж.

теорию, принимающую самонаправленность в качестве центральной характеристики систем и фокусирующуюся на случайности, на том обстоятельстве, что все могло бы быть иначе.

Ключ к пониманию того, что Луман подразумевает под системой, можно найти в различении системы и ее внешней среды. По сути, это разница в степени *сложности.* Система всегда менее сложна, чем ее внешняя среда. Например, автомобильное производство можно рассматривать как систему, сталкивающуюся с крайне сложной внешней средой, включающей множество различных типов людей, постоянно меняющуюся материальную среду и много других разнообразных систем.[1] Однако эта сложность в пределах системы представлена в сильно упрощенной форме. Когда производителю требуется сырье (сталь, резина и т. д.), его, как правило, не волнует, откуда оно поступает, как оно изготавливается и каковы его поставщики. Вся эта сложность сводится к информации о цене и качестве сырья. Аналогично, все разнообразие действий покупателей сводится к поступкам, непосредственно влияющим на покупку или не покупку машины.

Упрощение означает необходимость выбора (производителю важно, как производится сырье, но он может не уделять внимания политической ситуации в той стране, где оно производится). Выбор подразумевает варианты, поскольку всегда можно сделать другой выбор (производитель *мог* бы изучить политическую ситуацию). А случайность означает риск:. Таким образом, если изготовитель решит не исследовать политическую ситуацию в стране-производителе сырья, процесс производства может быть серьезно подорван восстанием, прекращающим поставку этих материалов.

Система просто не может быть одинаковой по сложности с внешней средой. Ее попытка сравниться с внешней средой в сложности приводит на ум историю Борхеса (Borges, 1964) о короле, приказавшем одному картографу создать абсолютно точную карту его страны. Когда картограф закончил, карта была размером со страну и поэтому как карта была бесполезна. Карты, как системы, должны уменьшать сложность. Картограф должен выбирать, какие характеристики важны. Карты одной и той же местности, составленные разными специалистами, будут различаться, потому что их выбор характеристик произволен. Это сопряжено с риском, поскольку тот, кто делает карту, никогда не может быть уверен, что не учтенное не окажется для пользователя важным.

Раз системы не могут сравниться по сложности со своей внешней средой, они вырабатывают новые подсистемы и устанавливают между ними различные соотношения, чтобы эффективно взаимодействовать со своей средой. Если бы они этого не делали, их бы поглотила сложность внешней среды. Например, производитель автомобилей может создать отдел внешних связей, на который возложена обязанность исследовать политические условия в странах-поставщиках. Этот новый отдел был бы ответствен за осведомленность производителя о потенциаль-

1 Строго говоря, автомобильная промышленность в лумановском смысле не самоорганизующаяся система, поскольку не производит собственные базовые элементы. Однако мы будем использовать этот пример для объяснения общей идеи теории систем, так как он более конкретен, чем абстракции экономической системы или системы законодательства. Позже, когда мы дадим определение аутопойэтической (автопоэзийной) системы, мы прибегнем к более абстрактному примеру.

ных сбоях в поставке сырья и за изыскание альтернативных источников в случае сбоя. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, «только сложность может уменьшить сложность» (Luhmann, 1995, p. 26).

Автопоэзийные[1] системы

Луман наиболее известен своими размышлениями об аутопойезисе[2]. Понятие аутопойезиса[3] относится к разнообразным системам — от биологических клеток до всемирного сообщества. Луман использует этот термин, в частности, применительно к таким системам, как экономика, политическая система, законодательная система, научная система и бюрократия. В нижеследующем описании мы попытаемся привести различные примеры, чтобы показать возможности этой концепции. Автопоэзийные системы обладают следующими четырьмя характеристиками.

1. Автопоэзийная система создает базовые элементы, которые, в свою очередь, составляют систему. Это может показаться парадоксальным. Как система может производить свои собственные элементы, то, из чего она состоит? Возьмем современную экономическую систему и ее базовый элемент, деньги. Мы говорим о том, что это базовый элемент, потому что ценность вещей в экономической системе можно определить посредством денег, но очень трудно сказать, чего стоят деньги как таковые. Значение денег, их ценность и способы использования определяются самой экономической системой. Денег, в том виде, в каком мы сегодня понимаем этот термин, до экономической системы не существовало. Современная форма денег и экономическая система возникли вместе и зависят друг от друга. Трудно представить современную экономическую систему без денег. В свою очередь, деньги без экономической системы — всего лишь кусочек бумаги или металла.

2. Автопоэзийные системы самоорганизующиеся в двух смыслах: они организуют свои собственные границы и организуют свои внутренние структуры. Свои собственные границы они организуют, различая то, что составляет систему,,и то, что относится к внешней среде. Например, экономическая система считаетвсе, что обладает свойством редкости и на что можно установить цену, частью экономической системы. Воздух присутствует повсюду в изобилии, поэтому на него не устанавливают цены и он не является частью экономической системы. Однако воздух есть необходимая часть окружающей среды. Что находится внутри, а что вне автопоэ-зийной системы определяется самоорганизацией системы, а не функциональными потребностями системы, как в том убеждал бы нас структурный функционалист.

Другие силы могут попытаться ограничить размеры автопоэзийных систем. Например, капиталистические экономические системы всегда расширяли свои границы, с тем чтобы включить сексуальные услуги и запрещенные наркотики.

1 Автопоэзийный, синонимы — аутопойетический, самоорганизующийся. — *Примеч. ред.*

2 О значении этой идеи см. Bailey, 1998. Термин *autopoietic* переводится по-разному: встречаются такие переводы, как «автопоэзис», «аутопой-езис». Его можно перевести как самотворение или самовоспроизводство. Это понятие Луман заимствует у чилийских эпистемологов и нейрофизиологов Умберто Матураны и Франциско Варелы. Матурана — нейробиолог, создавший теорию аутопойетичных биологических систем. Этот.термин означает, что система (и в этом биологические системы, по мнению Лумана, аналогичны социальным системам), способна пр оизводить и воспроизводить все свои части из себя самой. — *Примеч. пер.*

Это происходит даже несмотря на разработку политической системы законов, направленных на то, чтобы сексуальные услуги или запрещенные наркотики не становились экономическими товарами. Вместо того чтобы удерживать их вне экономической системы, такие законы скорее влияют на цену секса и запрещенных наркотиков *в пределах* экономической системы. Их незаконность повышает цену, таким образом сужая круг покупателей. Но в экономической системе высокие цены, препятствующие покупкам, также способствуют продажам. Если, продавая сексуальные услуги и наркотики, можно получить большую прибыль, они останутся в экономической системе. Следовательно, законы, которые пытаются удерживать какой-либо товар вне экономической системы, просто влияют на цену, устанавливаемую на него экономической системой.

В переделах своих границ автопоэзийная система производит собственные структуры. Например, из-за существования денег безличным образом структурирован рынок, учреждены для хранения и дачи денег в заем банки, сформировалось понятие процента и т. д. Если бы экономическая система не имела в качестве своего базового элемента такого абстрактного и портативного предмета, как деньги, ее внутренняя структура была бы совершенно другой. Например, если бы экономика была основана на товарообменных, а не денежных отношениях, не существовало бы банков, понятия процента и рынок, где покупаются и продаются товары, был бы структурирован совершенно иначе.

3. Автопоэзийные системы имеют самонаправленный характер (Esposito, 1996). Например, экономическая система использует цены как способ обращения к себе. Приписывая акциям компании меняющуюся денежную ценность, фондовый рынок демонстрирует пример такой самонаправленности в пределах экономической системы. Цены на фондовом рынке определяются не индивидом, а самой экономикой. Подобным же образом законодательная система имеет отсылающие к законодательной системе законы: законы о том, как можно вводить в действие, применять, толковать и т. п. законы.

4. Автопоэзийная система — замкнутая система. Это значит, что между системой и ее внешней средой нет прямой связи. Вместо этого система имеет дело с представлениями внешней среды. Например, экономическая система предположительно реагирует на материальные потребности и желания людей; однако эти потребности и желания влияют на экономическую систему только в той степени, в какой они могут быть представлены на языке денег. Следовательно, экономическая система адекватно реагирует на материальные потребности и желания богатых людей, но очень слабо на потребности и желания бедных.

В качестве другого примера может выступать бюрократическая структура, такая как Внутренняя служба доходов (ВСД). ВСД в реальности никогда не имеет дела со своими клиентами; она взаимодействует исключительно с представлениями клиентов. Налогоплательщики представлены формами, которые они заполняют и которые затем регистрируются. Реальный налогоплательщик влияет на бюрократическую структуру, только нарушая бюрократические представления. С теми, кто вызывает нарушения (неправильно составленные формы, формы с противоречащими друг другу сведениями, формы с ложной информацией), зачастую поступают очень сурово, поскольку они угрожают системе.

Даже несмотря на то что автопоэзийная система замкнута и не имеет прямой связи с внешней средой, внешней среде должно быть позволено нарушать внутренние представления системы. Без таких нарушений систему бы разрушили внешние силы, которые подавили бы ее. Например, цены акций на фондовом рынке подвержены ежедневным колебаниям. Разница в цене акций компании мало связана с реальной стоимостью компании, т. е. с ее активами или прибылями, и целиком связана с состоянием фондового рынка. Иначе говоря, рынок может переживать период бума (рынок «быков»), на котором цены на акции гораздо выше, чем должны быть с учетом состояния присутствующих на рынке компаний. Однако в долгосрочном периоде цена акций должна отражать реальное положение присутствующих на рынке компаний, иначе система разрушится. Именно это произошло при обвале фондового рынка в 1929 г. Цены акций не имели отношения к их действительной стоимости, и поэтому система достигла кризисного состояния. Чтобы функционировать надлежащим образом, фондовый рынок как система должен, по крайней мере, иногда, выводиться из равновесия реальным состоянием компаний, являющихся частью его внешней среды.

Замкнутая социальная система отлична от индивидов, которые кажутся составляющими ее элементами. По Луману, в таких системах индивид представляет собой часть внешней среды. Это означает, если снова взять пример с бюрократической структурой, что частью внешней среды оказываются только клиенты, но также и те люди, которые работают в бюрократической структуре. С точки зрения бюрократии, люди, которые работают в бюрократической структуре, становятся внешними источниками сложности и непредсказуемости. Для того чтобы быть замкнутой системой, бюрократия должна найти способ даже собственных работников представлять в упрощенном виде. Таким образом, вместо того'чтобы рассматриваться как зрелые личности, один работник видится «менеджером», другой «бухгалтером» и т. д. Настоящий в полном смысле слова человек влияет на бюрократическую систему, только нарушая ее представления.

Общество и психические системы

Луман утверждает, что общество есть автопоэзийная система. Оно удовлетворяет четырем вышеперечисленным характеристикам: общество производит свои собственные базовые элементы; создает собственные границы и структуры; оно самореферентно и замкнуто.

Базовым элементом общества выступает коммуникация, которая порождается обществом. Члены общества обращаются к нему при помощи коммуникации. Фактически, именно этим мы заняты в данный момент! Индивид относится к обществу лишь в той мере, в какой участвует в коммуникации или может пониматься как участвующий в коммуникации. Те скрытые элементы личности, которые никогда не участвуют в коммуникации, не могут быть частью общества. Вместо этого, они составляют часть внешней среды, которая может вносить в общество беспорядок, поскольку, согласно концепции Лумана, все, что не есть коммуникация, есть часть внешней среды общества. Последняя включает биологические си^ стемы человека и даже его психические системы. Индивид как биологический организм и индивид как сознание не часть общества, они носят по отношению к

последнему внешний характер. Отсюда вытекает довольно необычная идея, что индивид *не* является частью общества.

Под психической системой Луман понимает индивидуальное сознание. Психическая система и общество — система всех коммуникаций — имеют общее свойство. Обе системы опираются на *значение*. Значение тесно связано с выбором, производимым системой. Значение отдельного действия (или объекта) есть его отличие от других возможных действий (или объектов). Значение возникает лишь при противопоставлении альтернативе. Если нет другой возможности, тогда нет значения. Действие имеет значение лишь в той степени, в какой из ряда возможных действий производится выбор. Например, наша одежда значит что-либо только потому, что мы могли решить надеть что-то иное.

Такие системы, как психическая и социальная, опирающиеся на значение, носят замкнутый характер, поскольку: 1) значение всегда соотносится с другим значением; 2) лишь значением можно изменить значение; и 3) значение обычно порождает больше значений. Значение формирует границу каждой из этих систем. Например, в психической системе то, что не осмысленно, видится внешним по отношению к системе, «причиной» нашего действия, тогда как то, что осмысленно, находится внутри системы в виде «мотивации» нашего действия. События воспринимаются нашей психической системой только как значения. Даже наши собственные тела — просто внешняя среда для этой системы значений. Наши тела можно рассматривать всего лишь как помехи для наших психических систем. Тело проникает в наше сознание только приобретая значение, так, например, физическое возбуждение проникает в сознание в виде эмоции. Аналогично, в социальной системе значение есть различие между коммуникацией в пределах системы и шумовыми помехами извне.

Психические системы и социальные системы развивались совместно. Каждая из них выступила необходимой внешней средой для другой. Элементами психической системы значений становится концептуальные представления; элементами социальной системы значений — коммуникации. Было бы неверно думать, что значение в психической системе важнее значения в социальной системе. Поскольку обе системы автопоэзийные, они порождают свои собственные значения из собственных процессов. В психической системе значение связано с сознанием, тогда как в социальной системе оно связано с коммуникацией. Значение в социальной системе нельзя приписывать индивидуальному намерению, оно не является и свойством отдельных элементов социальной системы — оно относится к выбору из ряда элементов. Значение того, что передается, происходит из его отличия от того, что могло бы быть передано. Например, выражения «Здравствуй!», «Как дела?», «Как поживаешь?», «Добрый день!», «Привет!» могут происходить от одного и того же намерения, а именно: поприветствовать кого-либо, однако если подруга произносит «Добрый день!», когда обычно она говорит «Привет!», передается определенное значение. Значение не обязательно имеет намеренный характер или связано с определенными словами. Оно возникает от выбора *этих определенных слов* в сравнении со словами, которые могли бы быть выбраны. Значение проистекает из вероятности выбора слов.

Двойная возможность

Основанная на коммуникации социальная система создает социальные структуры, чтобы разрешить проблему, которую Луман называет проблемой двойной возможности[1]. Двойная возможность связана с тем, что в отношении каждого сообщения должно учитываться то, как оно принимается. Однако мы также знаем, что способ получения будет зависеть от оценки отправителя получателем. Это образует замкнутый круг: получатель зависит от отправителя, а отправитель от получателя. Например, профессор, решая, как поприветствовать студента, может использовать неформальное «Привет!», если считает, что это покажется более дружелюбным (отправитель принимает во внимание получателя). Но если студент, с которым здоровается профессор, думает, что последний разговаривает с ним свысока, он не посчитает это дружеским жестом (получатель принимает во внимание отправителя). Чем меньше нам известно об ожиданиях друг друга, тем более серьезна проблема двойной возможности.

К счастью, благодаря социальным структурам мы почти всегда знаем достаточно об ожиданиях других. В вышеприведенном примере участниками коммуникации выступают профессор и студент. Основываясь сугубо на этой информации, мы ожидаем определенного типа отношений, соответствующего институциональным правилам и традициям. У нас будут другие ожидания, если мы будем знать пол, национальность, их возраст, одежду и т. д. В силу этих ожиданий, для интерпретации человеческого общения появляются нормы и ролевые ожидания. Люди либо соответствуют нормам и ролевым ожиданиям, либо нет. Если мы найдем примеры, не соответствующие нашим ожиданиям, то наши ожидания могут измениться, но общество не может обойтись без этих ожиданий из-за проблемы двойной возможности.

Поскольку каждый из нас обладает различным набором норм, становится необходимой коммуникация, а поскольку в сфере коммуникации присутствует проблема двойной возможности, мы разрабатываем набор норм. Это показывает нам функционирование общества как автопоэзийной системы: структура (роли, институциональные и традиционные нормы) общества порождает элементы (коммуникацию) общества, и эти элементы создают структуру, таким образом, система, как во всех самовоспроизводящихся системах, образует свои собственные элементы.

По причине двойной возможности любая заданная коммуникация невероятна. Во-первых, невероятно, что у нас может появиться нечто, что мы захотим сообщить конкретному человеку. Во-вторых, так как сообщение можно передавать различными способами, невероятно, что мы выберем для него какой-то конкретный способ. В-третьих, невероятно, что человек, к которому мы обращаемся, поймет нас правильно. Социальные структуры появились, чтобы сделать невероятную коммуникацию более вероятной. Например, сказать определенному человеку в любое определенное время «Добрый день!» — вещь невероятная, но социальные структуры Делают приветствие принятым в конкретных обстоятельствах, они дают нам огра-

[1] Парсонс (Parsons, 1951), также рассматривал проблему двойной возможности, но он ограничивал ее решение существующим ценностным консенсусом. Луман допускает возможность создания нового ценностного консенсуса.

ничейное число приемлемых способов приветствовать людей и гарантируют, что адресат поймет приветствие примерно так, как рассчитывает отправитель.

«Невероятности», которые мы до сих пор рассматривали, относятся только к взаимодействиям, однако общество — это нечто большее, чем просто совокупность независимых взаимодействий. Взаимодействия длятся ровно столько, сколько присутствуют участвующие в них люди, но с точки зрения общества взаимодействия есть эпизоды непрерывных социальных процессов. Каждая социальная система сталкивается с проблемой: она прекратит существовать, если нет гарантии будущей коммуникации, т. е. если нет возможности соединения предыдущих коммуникаций с будущими. Чтобы избежать разрушения коммуникации, должны быть разработаны структуры, позволяющие более ранние коммуникации связать с последующими. Выбор, производимый в одной коммуникации, ограничен выбором, производившимся в предшествующих коммуникациях, и настоящая коммуникация также ограничивает будущие. Это еще один способ преодоления «невероятностей» процесса коммуникации и их преобразования социальной системой в «вероятности». Именно эта необходимость преодолеть двойную возможность и сделать невероятную коммуникацию более вероятной регулирует эволюцию социальных систем.

Эволюция социальных систем

Эволюция, грубо говоря, есть процесс проб и ошибок. Эволюция не носит телеологичного характера. Ее результаты не задаются предопределенной целью. Одно из предположений гласит, что в теории Лумана идея прогресса не имеет смысла. Это отличает его от идеи Парсонса об эволюционных универсалиях в современном обществе. Допущение существования необходимого пути социетального развития есть телеологический аргумент, пренебрегающий тем фактом, что существуют многообразные способы решения данного вопроса.

На общем уровне, эволюция делает «невероятность» более вероятной. Например, крайне маловероятно, чтобы случайный набор биологических мутаций породил определенное животное подобное человеку. Естественный отбор и наследование устойчивых свойств делают более вероятным, что человекообразная обезьяна разовьется в нечто подобное человеку, чем, например, в кальмара.

Строго говоря, эволюция не процесс, а набор процессов, которые можно описать как выполняющие три функции: вариация, отбор и стабилизация воспроизводимых свойств. Эти функции представляют собой конкретные механизмы действия эволюции. *Вариация* — это процесс проб и ошибок. Если система сталкивается с нестандартной проблемой, могут появиться различные решения, позволяющие справиться с внешними помехами. Некоторые из этих решений будут эффективными, другие — нет. *Отбор* определенного решения не означает, что выбрано «лучшее» решение. Возможно, определенное решение просто легче всего стабилизировать, другими словами, легче всего воспроизводить как устойчивую и постоянную структуру. В социальной системе эта *стабилизация* обычно включает новый вид дифференциации, требующий приспособления всех элементов системы к новому решению. Процесс эволюции достигнет временной цели лишь тогда, когда завершится фаза стабилизации.

Возьмем пример из области экономики. Проблема, с которой столкнулись экономические системы, состоит в том, как справедливо обмениваться товарами с другими экономическими системами, иначе говоря, как может экономика, использующая доллары, обмениваться товарами с экономикой, использующей йены? Были разработаны разнообразные решения (эволюционная вариация). Некоторые ранние системы инициировали «даровой» обмен, исключавший заботу о точном равенстве обмениваемых товаров. Другие, чтобы регулировать взаимный обмен, использовали такие ликвидные товары, как золото. Оба этих варианта оказалось трудно воспроизвести в глобальном масштабе. Что касается первого решения, то можно обменивать лишь дары, что же касается второго, то ценность таких товаров, как золото, не оставалась постоянной, поскольку в каждое время доступно его большее или меньшее количество. Взамен этого, более воспроизводимой формой было создание новой структуры, валютного рынка, который функционирует на глобальном уровне и позволяет обменным курсам валют свободно колебаться (эволюционный отбор). Это может и не быть лучшим решением, поскольку рынок чувствителен к серьезным флуктуациям, вызываемым спекулянтами, как это видно на примере «азиатского» финансового кризиса 1998 г. Однако это единственное решение, которое представляется воспроизводимым в глобальном масштабе (эволюционная стабилизация). Конечно, реализация именно этого решения не означает, что другие решения исчезли. Государства и по сей день обмениваются подарками, особенно главы государств через дипломатов, и многие страны Пытаются зафиксировать обменный курс своей валюты, привязав его к такому товару, как золото, или даже к другой валюте, например доллару США.

Дифференциация

С точки зрения теории систем Лумана, (Luhmann) основное свойство современного общества — возросший процесс системной дифференциации как способ взаимодействия со сложностью его внешней среды. Дифференциация есть «репликация в пределах системы различия между системой и ее внешней средой» (1982b, p. 230).' Это означает, что в дифференцированной системе наличествует два вида среды: одна, общая для всех подсистем, и другая, отличающаяся от первой *внутренняя среда* каждой подсистемы. Например, такая фирма-производитель автомобилей, как «Форд», рассматривает других производителей, к примеру «Дженерал Моторс» и «Даймлер-Крайслер», как часть своей внешней среды. Отдел международных отношений (подсистема) в фирме «Форд» также видит «Дженерал Моторс» и «Крайслер» частью его внешней среды. Однако отдел международных отношений также видит другие подсистемы в рамках фирмы «Форд» (как, например, отдел управления персоналом [подсистема]) внешними по отношению к подсистеме международных отношений и поэтому элементом ее внешней среды. Другие подсистемы, такие как отдел управления персоналом, имеют внутренний характер по отношению к организационной системе в целом, но входят во внешнюю среду подсистемы международных отношений, следовательно, во внутреннюю среду. Аналогично, подсистема управления персоналом рассматривает других произ-

[1] По поводу целостного рассмотрения дифференциации и границ этого понятия см. Wagner, 1998.

водителей как часть внешней среды, но, кроме того, другие подсистемы (на этот раз, включая подсистему международных отношений) рассматривает как часть своего окружения. Следовательно, каждая из подсистем обладает различным видением внутренней среды системы. Это порождает крайне сложную и динамичную внутреннюю среду.

Дифференциация в системе есть способ действия в отношении изменений во внешней среде. Как мы видели, каждая система должна поддерживать свои границы с внешней средой, иначе бы ее поглотила сложность внешней среды, она бы разрушилась и прекратила свое существование. Для того чтобы выжить, система должна быть способна справиться с изменениями внешней среды. Например, хорошо известно, что любая крупная организация как система медленно приспосабливается к переменам во внешней среде (например, конкретным общественным требованиям, политическим изменениям или даже технологическим изменениям, таким как доступность персональных компьютеров). Однако организации не стоят на месте; они развиваются, порождая внутрисистемную дифференциацию. То есть внешнее изменение будет «транслировано» в структуру организации. Примером может служить создание производителем автомобилей нового отдела для того, чтобы он занимался вновь сложившейся ситуацией, как, например, наличием на рабочем месте персональных компьютеров. Будут наняты новые работники; их обучат работать с новой технологией; будет избран менеджер, и т. д.

Процесс дифференциации представляет собой средство повышения сложности системы, поскольку каждая подсистема может устанавливать с другими подсистемами различные связи. Это предусматривает большее внутрисистемное разнообразие для реагирования на разнообразие среды. В вышеприведенном примере новый отдел, как любой другой отдел бюрократической системы, оказывается для других отделов внешней средой, но новый отдел повышает сложность организации, поскольку возникает возможность новых и дополнительных отношений между отделами. Новый отдел, созданный для обслуживания компьютеров, на которых работают сотрудники, будет лучше реагировать на дальнейшие изменения в компьютерных технологиях и помогать всей организации применить эти новые возможности. Кроме того, он может способствовать созданию новых связей между существующими отделами и, например, централизовать общую бухгалтерию или обеспечить прямой доступ продавцов к складу.

Вызываемое дифференциацией большее разнообразие не только предусматривает лучшую реакцию на внешнюю среду, оно предусматривает и более быструю эволюцию. Мы помним, что эволюция есть процесс выбора из разнообразия. Чем больше доступное разнообразие, тем лучше выбор. Тем не менее Луман утверждает, что в процессе эволюции появилось лишь несколько форм внутренней дифференциации. Он называет их сегментарной, стратификационной, центрально-периферийной и функциональной дифференциацией. Эти виды дифференциации повышают сложность системы путем воспроизведения дифференциации между системой и внешней средой в пределах системы. С точки зрения их эволюционного потенциала эти формы дифференциации обладают различной способностью к производству вариативности и, следовательно, обеспечивают большую избира-

тельность эволюционных процессов. Поэтому более сложные формы дифференциации обладают потенциалом ускорения эволюции системы.

Сегментарная дифференциация

Сегментарная дифференциация делит элементы системы на основе необходимости снова и снова выполнять одинаковые функции. Например, наряду с упомянутым производителем автомобилей существуют функционально схожие фабрики для производства машин во многих разных местах. Каждое место организовано сходным способом; каждое имеет одинаковую структуру и выполняет ту же самую функцию — производство машин.

Стратификационная дифференциация

Стратификационная дифференциация есть вертикальная дифференциация в соответствии с уровнем или статусом в системе, понимаемой как иерархия. Каждый уровень выполняет в системе специфическую функцию. В автомобильной фирме мы обнаруживаем различные уровни. Например, менеджер нового отдела международных отношений занимает в иерархии этого отдела высший уровень. Менеджер выполняет функцию использования власти для руководства работой данного отдела. Кроме того, в отделе существуют различные работники более низкого ранга, выполняющие разнообразные конкретные функции (например, электронная обработка документов). Помимо этого, менеджер отдела международных отношений занимает позицию в стратификационной системе фирмы-производителя автомобилей. Таким образом, президент компании занимает должность более высокого ранга, чем менеджер отдела международных отношений и вправе отдавать приказания последнему.

В сегментарной дифференциации разница проистекает из случайных изменений во внешней среде (например, в одной географической области продается больше машин, чем в другой), но не выполняет никакой всеобщей функции. В стратификационной дифференциации разница носит существенный для системы характер. Точнее, мы видим взаимодействие сходного и различного. Все сотрудники, в сущности, равны, тогда как различные ранги отличаются неравенством. Более высокие позиции (например, менеджеры отдела) обладают большим доступом к ресурсам и большей возможностью стать участниками влиятельных коммуникаций. Следовательно, стратифицированная система больше заботится о благополучии занимающих более высокие должности, а о низших уровнях, как правило, беспокоится только тогда, когда они угрожают высшим. Однако оба уровня зависят друг от друга, и социальная система может выжить, только если все позиции, включая низшие, успешно выполняют свои функции.

Значение низших позиций и при этом их трудность в становлении участниками влиятельной коммуникации порождают структурную проблему, которая ограничивает сложность системы. Когда руководящие системой слишком отдаляются от низших классов, система приобретает тенденцию к разрушению, поскольку важные функции низших классов не выполняются должным образом. Чтобы иметь влияние на систему, нижние уровни должны прибегать к конфликту.

Центрально-периферийная дифференциация

Третий вид дифференциации — между *центром и периферией* — соединяет сегментарную и стратификационную дифференциацию (Luhmann, 1997, p. 663-678). Например, некоторые автомобильные фирмы построили фабрики в других странах; тем не менее главный офис компании остается центром, управляющим и до некоторой степени контролирующим фабрики на периферии.[1]

Дифференциация функциональных систем

функциональная дифференциация представляет собой наиболее сложную форму дифференциации. Эта форма преобладает в современном обществе. Каждая функция в системе приписана отдельному элементу. Например, фирма-производитель автомобилей имеет функционально дифференцированные отделы, такие как производственный и административный отделы, бухгалтерию, плановый отдел и отдел управления персоналом.

Функциональная дифференциация более гибкая, чем стратификационная, но если одна из систем не выполняет задачу, всей системе будет очень сложно выжить.[2] Тем не менее, когда каждый элемент выполняет свою функцию, различные элементы могут достичь большей степени независимости. Фактически, функционально дифференцированные системы представляет собой сложную совокупность взаимозависимости и независимости. Например, когда плановый отдел зависит от бухгалтерии в области экономических данных, то, пока цифры точны, плановый отдел может пребывать в блаженном неведении относительно того, как именно бухгалтеры получили эти данные.

Это указывает на дополнительное различие между формами дифференциации. В случае сегментарной дифференциации, если сегмент не может выполнять свою функцию (например, одна из фабрик по производству автомобилей не может производить машины из-за забастовки работников), это не угрожает системе. В случае же более сложных форм дифференциации, таких как функциональная дифференциация, эта неспособность создаст для социальной системы трудности, которые, возможно, приведут к ее разрушению. Таким образом, с одной стороны, усложнение увеличивает способность системы к взаимодействию с ее внешней средой. С другой стороны, сложность повышает риск разрушения системы, если функция не выполняется должным образом.

В большинстве случаев повышенная уязвимость — это необходимая цена, которую надо платить за увеличение количества возможных отношений между различными подсистемами. Увеличение количества возможных отношений между

[1] Некоторые считают (Schimank, 1996), что это разделение не соответствует общему принципу Лу-мана. Дифференциация между центром и периферией не относится к социальной системе в целом. В вышеприведенном примере она скорее относится к дифференциации функций в пределах промышленной системы. Таким образом, она относится к специфической системе в рамках социальной системы и не относится к социальной системе в целом.

[2] Большинство рассматриваемых здесь систем могут быть также названы подсистемами мировой социальной системы. Тем не менее мы будем использовать термин «система», а не «подсистема», кроме тех случаев, когда необходимо проводить различие между подсистемой и всеохватывающей системой, которая ее содержит.

подсистемами означает большее количество вариантов, используемых для выбора структурных реакций на изменения во внешней среде. В сегментарной системе отношения между различными подсистемами не являются структурно различными. Например, отношения двух фабрик друг с другом по сути одинаковые. В стратифицированной системе отношения между позициями по сути своей отличаются от отношений в пределах одного уровня. Например, отношения со своим главным офисом отличаются от ее отношений с другой фабрикой. В функционально дифференцированных системах число различных отношений увеличивается. Отношения бухгалтерии и производственного отдела друг с другом отличны от отношений между бухгалтерией и исследовательским отделом, которые, в свою очередь, отличаются от отношений между производственным и исследовательским отделами. Функциональная дифференциация придает фирме-производителю автомобилей большую гибкость. Таким образом, например, в такой внешней среде, где технические достижения обеспечивают возможности для экономических преимуществ, компанией может руководить исследовательский отдел, а во внешней среде, где экономические преимущества достигаются с помощью производства тех же товаров, только с меньшими затратами, компанией может руководить бухгалтерия.

Следует заметить, что более сложные формы дифференциации не исключают менее сложные и, фактически, могут нуждаться в менее сложных формах. Например, фирма-производитель автомобилей стратифицирована, но при этом она включает в себя отдельные фабрики, которые представляют собой сегментарную форму дифференциации. Это важно, поскольку мы обычно говорим о функционально дифференцированных системах в современном обществе, чтобы описать преобладающий тип дифференциации; тем не менее, другие формы продолжают существовать.

Код

Код — это способ отделения элементов системы от элементов, которые системе не принадлежат. Код представляет собойосновной «язык» функциональной системы. Например, в системе науки код — это истина (в сравнении с заблуждением), для экономической системы это платеж (в сравнении с долгом), для системы права это законность (в сравнении с беззаконием). Каждая коммуникация, использующая определенный код, становится частью системы, кодовый знак которого применяется. Код используется для ограничения способов возможной коммуникации. Любая коммуникация, не использующая код, не принадлежит к рассматриваемой системе коммуникацией. Таким образом, в пределах системы науки мы обычно находим лишь коммуникации со ссылкой на код истинности. Например, если бы глава НАС А (Национального управления аэронавтики и космоса) или глава Национальных институтов здравоохранения встретились, чтобы обсудить, какие факты относительно старения были обнаружены в космическом полете Джона Гленна в 1998 г., это было бы частью системы науки, использующей код истинности или заблуждения. Если бы эти же люди встретились, чтобы обсудить, кто в какой части оплатит исследования, проводимые в этом космическом полете, это входило бы в экономическую систему, использующую код платежа или долга.

В системной теории Лумана ни одна система не использует и не понимает кода другой системы. Не существует способа перевести код одной системы в код другой системы. Поскольку системы замкнуты, они могут реагировать только на происходящее в своей внешней среде (если то, что происходит, производит достаточно «шума», чтоб быть замеченным системой). Однако система должна описывать помехи во внешней среде в соответствии со своим собственным кодом. Это единственный способ осмыслить происходящее, единственный способ придать этому значение. Например, экономическая система будет «видеть» систему науки только с точки зрения прибыли (того, что делает возможной будущую плату) или необходимости вложений (того, что требует первоначальной уплаты до того, как она сможет окупиться).

Проблемы, порождаемые функциональной дифференциацией

Функциональная дифференциация создает для современного общества, по крайней мере одну основную проблему. Может случиться так, что одна из функциональных систем будет не в состоянии обеспечить того, что необходимо для общества в целом. Может не существовать функциональной системы, обладающей кодом, который способен представить проблему адекватным образом. Например, экономическая система не может адекватно представить экологические проблемы, поскольку сильное загрязнение выглядит рациональным с экономической точки зрения. В системе права могут быть законы, нацеленные на ограничение загрязнения воздуха, но эти законы интерпретируются в пределах экономической системы тех, кто создает загрязнения. Это показывает пример бывшей Чехословакии, где существовали законодательно установленные ограничения загрязнения воздуха. Промышленные предприятия отреагировали на эти законы строительством более высоких дымовых труб, что привело к рассеиванию загрязнения на большее пространство и, таким образом, к снижению уровня загрязнения до предельно допустимых концентраций. Такая реакция противоречила цели закона, но соответствовала коду экономической системы; это был способ минимизировать издержки. Меры по лучшей защите от загрязнения воздуха обошлись бы гораздо дороже, чем строительство более высоких дымовых труб.

Такие проблемы обычно порождаются функциональной дифференциацией. Функциональная дифференциация требует перемещения проблем с уровня общества на уровень подсистем. Каждая подсистема приобрела независимость и гибкость в принятии решений и использовании своих собственных кодов. Вместе с тем каждая из них зависима от других подсистем для того, чтобы продвигать социальную систему в целом. Иначе говоря, результатом большей независимости функциональных систем оказывается большая уязвимость социальной системы в целом.

Луман исследовал проблематику отношений между функциональной дифференциацией современного общества и его попытками решить проблемы экологии (Luhmann, 1986/1989). Современное общество не владеет особой дифференцированной системой для решения экологических проблем. Все, что происходит в его среде (заметим двойное значение этого термина: внешняя среда системы и естественная окружающая среда), надо рассматривать в рамках существующих функциональных систем и их кодов. Это означает, что каждая проблема во внешней

среде — это проблема для системы, только если она может быть представлена кодом системы. Например, законодательство может выступать против загрязнения, только если это действие можно представить как незаконное. Таким образом, высока вероятность того, что экологические проблемы не будут в достаточной степени решены. Более важен общий вывод: функциональную дифференциацию можно понимать как фактор экологического кризиса (Luhmann, 1986/1989, p. 42).

Проблемы во внешней среде порождают слишком большой и одновременно с этим слишком малый *резонанс* в функциональных системах. Слишком малый резонанс означает, что система не реагирует должным образом на проблемы, которые не могут быть представлены ее кодами. Например, группы, которые борются за охрану окружающей среды, могут выступать против автомобильной промышленности с требованием выпускать машины, меньше загрязняющие воздух; однако автомобильная промышленность вряд ли отреагирует на эти требования, если протесты не начинают влиять на прибыль. Слишком сильный резонанс означает, что рассмотрение экологических проблем в рамках функциональной системы может привести к реакциям в других функциональных системах, поскольку системы взаимозависимы. Например, автомобильная промышленность может производить машины, в меньшей степени по сравнению с сегодняшним днем загрязняющие окружающую среду, уменьшив их размер, вес и, следовательно, цену. Это может иметь своим следствием замедление развития системы общественного транспорта, так как любой человек теперь сможет купить машину. Кроме того, вероятно, что это также увеличит число дорожно-транспортных происшествий и, таким образом, затраты в системе здравоохранения. Реакция на требование групп, которые ведут борьбу за охрану окружающей среды, в сложной взаимозависимой функциональной системе имеет непредсказуемые последствия.

Социология знания Лумана

Принципиальный вопрос социологии для Лумана звучит так: что есть общество? Это стало отправной точкой для его попытки разработать теорию системы (1987). Социология как наука об обществе возможна только при условии четко определенного понятия общества. Системная теория Лумана определяет *общество* как «всеобъемлющую социальную систему, включающую все прочие социетальные системы» (Luhmann, 1997, p. 78; перевод одного из авторов). Это значит, что понятие *общества* идентично понятию *мирового общества;* т. е. общество может быть лишь одно. *Социальная система* — это каждая система, которая в качестве своего базового элемента для самовоспроизводства порождает коммуникацию. *Социетальная система* есть функциональная система, например экономика, наука и законодательство, в пределах всеобъемлющей системы общества.[1]

[1] Со времени первой публикации «Социальных систем» (1984/1995) Луман углубил свой подход и применил его к различным функциональным системам в пределах системы общества — к экономике (Luhmann, 1988), науке (Luhmann, 1990a), законодательству (Luhmann, 1993) и искусству (Luhmann, 1995). Он попытался показать полезность своей общей теории для анализа любой функционально дифференцированной системы. Он также рассмотрел проблемы, соприкасающиеся с функциональными системами, особенно прогнозирование экологических рисков (Luhmann, 1986/1989) и пути применения общей концепции риска (Luhmann, 1991).

Всеобъемлющее мировое общество не имеет границ во времени и пространстве; в определенном смысле мировое общество не имеет «адреса», а во внешней среде нет других обществ. Как тогда можно наблюдать общество? Есть лишь один ответ: общество можно наблюдать только изнутри общества, т. е. через функциональную систему общества. Однако ни одна функциональная система не обладает «правильной» позицией для наблюдения общества. Законна каждая позиция. Как в таком случае мы можем прийти к единому способу получения информации о социальном мире? Фактически нет пути для создания такой простой позиции. Ни одна точка зрения не имеет главенства над любой другой. Поэтому никогда нельзя достичь широко принятой точки зрения, поскольку невозможно оценить соперничающие взгляды. Например, если мы как социологи хотим что-либо узнать об обществе, для нас привычен поиск социологического знания. Согласно Луману, столь же возможно было бы читать газету, книгу, смотреть телевизор или разговаривать с другом. Любой из приведенных способов — это имеющий право на существование путь получения информации об обществе. Ни наука, ни любая другая система не имеют привилегированного положения. Если ни одна функциональная система не занимает главенствующей позиции для наблюдения и, таким образом, описания общества как системы, тогда мы сталкиваемся с проблемой безграничного разнообразия одинаково законных способов наблюдения общества.

Луман попытался выработать подход, который позволит нам несмотря ни на что достичь знания об обществе. Общество описывает себя посредством легенд и мифов в древности и через научное знание в современную эпоху. Тем не менее социологи способны в качестве наблюдателей второго порядка отслеживать первичные наблюдения общества, они могут делать выводы об отношениях между обществом и его семантикой, т. е. самоописанием общества. Это ключ к знанию об обществе — наблюдать семантику общества, т. е. «коммуникацию о коммуникациях», составляющих систему общества.

Луман предпринял попытку показать, что наблюдение общества не носит произвольный характер, так как «существуют структурные условия для прочности представления; и в эволюции семантики существуют исторические тенденции, сильно ограничивающие диапазон вариантов. Социологическая теория способна различить связи по типу корреляций между социальными структурами и семантикой» (1997, p. 89; перевод одного из авторов). Принимая семантику за выражение интерпретации социальных структур, исследования Лумана возрождают исторически принятую практику использования терминов и их значение относительно изменения социальных структур. Таким образом, надлежащим способом социологического наблюдения общества является исследование меняющейся семантики относительно модифицирующихся социальных структур.[1] Луман (Luhmann) проделал огромное количество работы, описывая развитие семантики морали, личности, законодательства, знания (1980/1981/1989/1995) и любви (1982/1986). Данный метод составляет часть социологии знания и может применяться в вопросе развития теорий общества.

[1] Это утверждение указывает на непоследовательность лумановской идеи, которую мы рассматриваем в заключительном параграфе.

Критика

В целом теория современного общества Лумана и его концепция общества — это хорошо разработанные аналитические инструменты, позволяющие социологам свежим взглядом посмотреть на существующие социальные проблемы в обществе (и в социологии). Общая теория эволюции и дифференциации, а также рассмотрение Луманом таких специфических систем, как наука и экономика, вскрывают новые перспективы для теории и исследования. Фундаментальное различение системы и среды открывает возможность для нового вида междисциплинарных исследований, основанных на предположении, что сложность есть всеобъемлющий аспект, связывающий кажущиеся изолированными области естественных и гуманитарных наук (Luhmann, 1985).

Теорию системы Лумана критикуют по ряду пунктов, мы же кратко упомянем лишь четыре из них.

Во-первых, многие теоретики, в том числе Юрген Хабермас, утверждали, что то, что Луман считает необходимым эволюционным развитием, фактически — регрессивно и не обязательно. На самом деле, общество, возможно, развивается в направлении замкнутой системы функционально дифференцированных областей, не способных действовать во имя социального целого, а этому следует противостоять. Нужно разрабатывать теории, чтобы способствовать нейтрализации этой тенденции, а не чтобы сделать ее проявление неизбежным, как делает Луман.

Во-вторых, в теории Лумана дифференциация представляет собой ключ к описанию развития общества и растущей сложности социальных систем при их взаимодействии с внешней средой. Однако в современном обществе мы также можем обнаружить два противоположных процесса. Один из них — дедифференциация (Lash, 1988), т. е. процесс размывания границ между социальными системами, например между элитарной и массовой культурой. Другим процессом является взаимопроникновение (R. Munch, 1987), т. е. процесс создания институтов, служащих посредниками между социальными системами. Теория системы Лумана склонна рассматривать эти процессы как антиэволюционные, поскольку эволюция определяется как повышенная дифференциация. Возможно, теория Лумана могла бы признать дедифференциацию и взаимопроникновение реальными источниками эволюционной изменчивости, но это означало бы отказ от узконаправленного взгляда на дифференциацию, оказавшегося столь плодотворным с теоретической точки зрения.

В-третьих, теория Лумана представляется ограниченной в своей способности описывать отношения между системами. Не все системы кажутся столь замкнутыми и автономными, как предполагает Луман. Некоторые системы, как представляется, не только преобразуют коды друг друга, но и иногда включают другие системы в качестве своих элементов. Наиболее очевиден способ включения в социальную систему системы психической. Значение коммуникации в пределах социальной системы не полностью определяется самой социальной системой. Психические системы (индивиды) ограничивают значения, приписанные определенной коммуникации, и противодействуют им. Луман прав в том. что значение коммуникации не состоит просто в намерении индивида, но, без сомнения, намерение имеет

некоторое сложное влияние на социальное значение. Социальная система не просто закрыта для психической системы. Аналогично, вероятно, что представляющуюся автономной систему, например политическую, можно свести к положению подсистемы другой системы, например экономической. В этом случае код политической системы может быть просто вариантом кода экономической системы.

Наконец, теория системы Лумана предполагает набор равноправных взглядов на общество, не признавая возможности одного приоритетного. (Это сходно с позицией, которую занял постмодернистский социальный теоретик Лиотар [Lyotar, 1984]). Тем не менее Луман заявляет, что мы можем получать достоверное знание об обществе, наблюдая семантику самоописаний общества. Эта точка зрения носит противоречивый характер, поскольку невозможно одновременно придерживаться обеих позиций.

Несмотря на эти и другие недостатки, теория систем Лумана стала одной из ведущих социальных теорий при вхождении в XX в. и способствовала возрождению интереса к теории систем.

Резюме

Эта глава открывается изложением некоторых ранних идей Уолтера Бакли по поводу природы теории систем. Из социологической теории системы заимствуется многое, в том числе общий язык, принятый в точных и в различных социальных науках, применимость как на микро-, так и на макроуровне, анализ социального мира в целом, особое внимание к процессам, целостный подход и ориентация на динамику. Обсуждаются разнообразные принципы теории систем, в том числе степень открытости или замкнутости систем, их тенденция к распаду (энтропия), склонность порождать структуры (негантропия), присущая им обратная связь, а также характерные процессы, способствующие самосохранению системы (морфостаз) и ее росту (морфогенез). Бакли применил теорию систем к сознанию, взаимодействию и социокультурной сфере.

Сегодня самым значительным теоретиком систем является Никлас Луман. Помимо прочего, Луман рассматривает системы как самореферентные, носящие вероятностный характер и всегда *менее* сложные, чем внешняя среда. Системы должны уменьшать сложность; они не могут быть равными своей внешней среде по сложности, иначе они были бы подавлены внешней средой и не были бы способны функционировать. Наиболее важным вкладом Лумана стало его понимание автопоэзийного характера систем. Иначе говоря, системы создают свои собственные базовые элементы, организуют свои собственные границы и отношения между своими внутренними структурами, они самореферентные и замкнутые. Взгляд на системы с точки зрения аутопойезиса и закрытости их по отношению к внешней среде отличает подход Лумана от подхода более ранних теоретиков систем. Для анализа Луман избрал две системы: социальную и психическую. Социальные системы сталкиваются с проблемой двойной возможности: каждое сообщение должно учитывать, как оно будет получено, но его получение зависит от оценки получателем отправителя. Из-за этого коммуникация «маловероятна», однако, чтобы сделать коммуникацию более вероятной, возникли социальные структуры.

Луман рассматривает эволюцию, включающую три механизма, вариацию, отбор и стабилизацию. Современное общество справляется с возрастающей сложностью внешней среды с помощью процесса дифференциации. Дифференциация приводит к росту сложности системы и позволяет лучше реагировать на внешнюю среду, а также ускорить темп эволюции. Луман выделяет четыре формы дифференциации: сегментарную, стратификационную, центрально-периферийную и функциональную. Именно последняя представляет собой наиболее сложную форму дифференциации и преобладает в современном обществе. Она допускает большую гибкость системы, однако если одна функционально дифференцированная система не выполнит свою функцию, система в целом может разрушиться. Более того, возможно, что общество не будет обладать функционально дифференцированной подсистемой, способной справиться с важной проблемой.

Поскольку Луман понимает общество как всеобъемлющую систему, систему мировую, наблюдать его можно только изнутри системы. Ни одна функциональная система не дает единственно правильного взгляда; правомерны все точки зрения. Тем не менее Луман отдает предпочтение социологическому знанию, утверждает, что его задача заключается в исследовании первичных наблюдений общества (легенд, мифов и т. д.).

Теория Лумана с разных позиций подвергается серьезной критике, но остается авторитетной теорией при вступлении в XXI в.

Глава 6
Символический интеракционизм

Символический интеракционизм предлагает широкий спектр важных и интересных идей, с этим направлением связаны имена целого ряда крупных мыслителей, в том числе таких, как Джордж Герберт Мид, Чарльз Хортон Кули, У. И. Томас, Герберт Блумер и Ирвинг Гофман.

Основные исторические источники

Наше рассмотрение символического интеракционизма мы начинаем с творчества Мида. Важнейшими интеллектуальными источниками символического интеракционизма в целом и творчества Мида в частности являются философия прагматизма и психологический бихевиоризм (Joas, 1985; Rock, 1979).

Прагматизм

Прагматизм — многообразное философское направление,[1] в котором можно выделить несколько аспектов, повлиявших на развитие социологической ориентации Мида (Charon, 1998; Joas, 1993). Во-первых, для прагматистов истинная реальность не существует «вовне», в реальном мире; она «активно создается, когда мы действуем в мире и по направлению к нему» (J. Hewitt, 1984, p. 8; см. также Shalin, 1986). Во-вторых, люди запоминают и основывают свое знание о мире на том, что оказалось для них полезным. Скорее всего, они изменят то, что больше не «работает». В-третьих, люди определяют существующие социальные и материальные «объекты» в соответствии с пользой, которую те имеют для людей. Наконец, если мы хотим понять конкретного человека, мы должны основывать это понимание на том, что он реально делает в мире. Для символического интеракцио-

[1] См. Joas (1996) с попыткой разработать теорию творческого действия, отчасти, по крайней мере, основанную на прагматизме.

низма здесь существенны три момента: 1) упор на взаимодействии между актором и миром; 2) актор и мир представляют собой динамические процессы, а не статичные структуры и 3) придание огромной важности способности актора интерпретировать социальный мир.

Последний момент наиболее выражен в творчестве философа-прагматиста Джона Дьюи (Sjoberg et al, 1997). Дьюи понимал разум не как предмет или структуру» [a] скорее как процесс мышления, состоящий из ряда этапов. В них входит определение объектов социального мира, представление возможных способов поведения, прогнозирование последствий альтернативных действий, исключение маловероятных возможностей и, наконец, выбор оптимального способа действия (Stryker, 1980). Это внимание к мыслительному процессу очень сильно повлияло на развитие символического интеракционизма.

Фактически Дэвид Льюис и Ричард Смит утверждают, что Дьюи (наряду с Уильямом Джемсом; см. Musolf, 1994) повлиял на развитие символического интеракционизма больше, чем Мид. Они даже говорят, что «творчество Мида находилось на периферии основного направления ранней чикагской социологии» (Lewis and Smith, 1980, p. xix). Выдвигая этот аргумент, они различали два направления прагматизма: «философский реализм» (связанный с Мидом) и «номиналистический прагматизм» (связанный с Дьюи и Джемсом). Они считали, что на символический интеракционизм оказал большее влияние номиналистический подход, а с философским реализмом он даже не согласовывался. Согласно номиналистической позиции, хотя явления макроуровня существуют, они не имеют «независимого и определяющего влияния на сознание и поведение индивидов» (Lewis and Smith, 1980, p. 24). Иначе говоря, этот подход «понимает самих индивидов как экзистенциально свободных акторов, которые принимают, отвергают, изменяют или иным образом "определяют" коллективные нормы, роли, верования и т. д., согласно своим собственным личным интересам и планам на определенный момент» (Lewis and Smith, 1980, p. 24). Социальные реалисты, напротив, делают упор на обществе и на том, как оно образует и контролирует мыслительные процессы индивидов. Не будучи свободными, поведение акторов и степень их осведомленности о происходящих событиях держатся под контролем более крупной общности.[1]

Учитывая это различие, можно понять, почему он не примыкал в достаточной степени к номиналистическому направлению символического интеракционизма. Поэтому Мида чаще относят к лагерю реалистов. Ключевой фигурой последнего течения был Герберт Блумер, которого, хотя он сам заявлял об использовании мидовского подхода, фактически лучше рассматривать как номиналиста. Льюис и Смит с теоретической точки зрения ухватили суть их различий:

> Блумер... целиком двигался к психическому интеракционизму.... В отличие от социального бихевиориста мидовского толка, психический интерацкионист считает, что значения символов не универсальны и объективны; значения скорее индивидуальны и субъективны, будучи «приписываемы» символам получателем в соответствии с тем, как он решит их «интерпретировать (Lewis and Smith, 1980, p. 172).

[1] О критике проводимых здесь различий см. D. Miller (1982b, 1985).

Бихевиоризм

Интерпретацию творчества Мида, предложенную Льюисом и Смитом, подкрепляет тот факт, что на Мида оказал влияние психологический бихевиоризм (G. Baldwin, 1986,1988a, 1988b), подход, который также привел его к реалистическому и эмпирическому направлению. Сам Мид основным своим подходом называл *социальный бихевиоризм,* чтобы отличать его от *радикального бихевиоризма* Джона Б. Уотсона (который был одним из студентов Мида).

Радикальные бихевиористы уотсоновских убеждений (К. Buckley, 1989) интересовались *наблюдаемым* поведением индивидов. Они фокусировались на стимулах, которые вызывают рассматриваемые реакции, или поведение. Они либо отрицали, либо не желали придавать большого значения скрытым мыслительным процессам, происходящим в промежутке между моментом применения стимула и проявления реакции. Мид признавал важность наблюдаемого поведения, но он также считал, что существуют *скрытые* аспекты поведения, не учитывавшиеся радикальными бихевиористами. Однако принимая базовый для бихевиоризма эмпиризм, Мид не хотел просто философствовать об этих скрытых явлениях. Он стремился расширить эмпирическую науку бихевиоризма применительно к указанным явлениям, т. е. к тому, что происходит между стимулом и реакцией. Бернард Мельтцер обобщил позицию Мида:

> Для Мида единицей исследования является «действие», содержащее как явные, так и скрытые аспекты человеческого поведения. В действии обнаруживаются все отдельные категории традиционной, ортодоксальной психологии. Внимание, восприятие, воображение, рассуждение, эмоция и т. д. рассматриваются как элементы действия.... таким образом, действие включает целостный процесс человеческой деятельности (Meltzer, 1964/1978, p. 23).

Мид и радикальные бихевиористы также различались по своим воззрениям на соотношение между поведением людей и животных. Тогда как радикальные бихевиористы не были склонны усматривать различия между людьми и животными, Мид утверждал, что существует значительная, качественная разница. Ключевым моментом здесь считалось наличие у человека умственных способностей, позволяющих людям использовать между стимулом и реакцией язык, для того чтобы решить, как реагировать.

Мид одновременно был и обязан уотсоновскому бихевиоризму и отмежевывался от него. С одной стороны, Мид сказал, что «мы будем подходить к этой области [социальной психологии] с точки зрения бихевиоризма». С другой стороны, Мид критиковал позицию Уотсона, когда говорил: «бихевиоризм, который мы будем использовать, *более адекватен,* чем используемый Уотсоном» (1934/1962, p. 2; курсив мой).

Чарльз Моррис в своем введении к книге «Разум, самость и общество» перечислил три основных отличия Мида от Уотсона. Во-первых, Мид считал исключительное внимание Уотсона к поведению чересчур упрощенным. Действительно, он обвинял Уотсона в выхватывании поведения из его более широкого социального контекста. Мид стремился рассматривать поведение как элемент обширного социального мира.

Во-вторых, Мид обвинял Уотсона в нежелании применять бихевиоризм к мыслительным процессам. Уотсон не имел представления о сознании и ментальных процессах актора, в отличие от Мида: «Отношение Джона Б. Уотсона было таким ясе, как у Королевы в "Алисе в стране чудес" — «Головы им долой!» — не было подобных вещей. Не существовало... сознания» (Mead, 1934/1962, p. 2-3). Мид противопоставил свою позицию уотсоновской: «Она бихевиористична, но, в отличие от уотсоновского бихевиоризма, учитывает элементы действия, не обнаруживаемые внешним наблюдением» (Mead, 1934/1962, p. 8). Мид видел свою миссию в расширении принципов уотсоновского бихевиоризма для включения мыслительных процессов.

Наконец, поскольку Уотсон отрицал мышление, Мид считал его понимание актора пассивным образом марионетки. С другой стороны, Мид предпочитал более динамичный и креативный образ актора, и именно это сделало его теорию привлекательной для более поздних символических интеракционистов.

Прагматизм и бихевиоризм, особенно в теориях Дьюи и Мида, преподавались многим выпускникам Чикагского университета, главным образом в 1920-х гг. Эти студенты, в числе которых Герберт Блумер, основали символический интеракционизм. Конечно, другие значительные теоретики тоже оказали на них влияние. Наиболее известным из этих мыслителей был Георг Зиммель (см. главу 1). Интерес Зиммеля к формам действия и взаимодействия был совместным с теорией Мида и явился ее развитием.

Между редукционизмом и социологизмом

В 1937 г. Мид ввел термин *«символический интеракционизм»* и написал несколько существенных для его развития статей. Если Мид стремился разграничить зарождавшийся символический интеракционизм и бихевиоризм, то Блумер считал, что символический интеракционизм работает на обоих фронтах. Первым направлением был редукционистский бихевиоризм, вызывавший неприятие Мида. К этому прибавлялась серьезная угроза со стороны «больших» «социологистских» теорий, особенно структурного функционализма. По мнению Блумера, и бихевиоризм, и структурный функционализм имели тенденцию к фокусированию на факторах (например, внешних стимулах и нормах), влияющих на человеческое поведение. Блумер полагал, что обе теории пренебрегают важнейшим процессом, с помощью которого действующие субъекты придают значение действующим на них силам и своему собственному поведению (Morrione, 1988).

С точки зрения Блумера, бихевиористы с их акцентом на подверженность поведения индивида влиянию внешних стимулов были психологическими редукционистами. Помимо бихевиоризма, Блумера занимали некоторые другие виды психоло-» гического редукционизма. Например, он критиковал тех, кто стремится объяснить человеческое действие, полагаясь на общепринятые понятия концепции «установки» (Blumer, 1955/1969, p. 94). По его мнению, большинство использующих эту концепцию понимают установку как «уже организованную тенденцию» актора; они склонны считать, что действия побуждаются установками. Блумер полагает, Что это чересчур механистическое понимание; важна не установка как интернализованная тенденция, «а определяющий процесс, с помощью которого актор принимает решение в пользу того или иного действия» (Blumer, 1955/1969, p. 97).

Блумер также подверг критике тех, кто рассматривает осознанные и бессознательные мотивы. Особенно его раздражало их убеждение, что на акторов воздействуют независимые мыслительные импульсы, которые они, как предполагается, не могут контролировать. Теория Фрейда, рассматривающая принуждение акторов такими силами, как «оно» или либидо, — пример такого рода психологических теорий, против которых выступал Блумер. Последний также был против любой психологической теории, не принимающей во внимание процесс формирования акторами значений — того факта, что акторы — это личности и обращаются к самим себе. Общая критика Блумера была сходна с мидовской, но он вывел ее за пределы бихевиоризма, учитывая и другие формы психологического редукционизма.

Блумер также критиковал «социологистские» теории (особенно структурный функционализм), согласно которым поведение индивида определяется крупномасштабными внешними силами. В данную категорию он включил теории, которые фокусируются на таких социально-структурных и социально-культурных факторах, как «"социальная система", "социальная структура", "культура", "статусная позиция", "социальная роль", "обычай", "институт", "коллективное представление", "социальная ситуация", "социальная норма" и "ценности"» (Blumer, 1962/1969, p. 83). Как «социологистские», так и психологические теории не учитывают важности значения и социального конструирования реальности:

> И в типично психологических и в социологических объяснениях на значения вещей для людей либо не обращают внимания, либо они поглощаются факторами, используемыми для объяснения человеческого поведения. Если кто-либо заявляет, что данные виды поведения представляют собой результат определенных производящих их факторов, нет необходимости озадачиваться изучением значения объектов, в отношении которых действует человек. (Blumer, 1969b, p. 3)

Воззрения Джорджа Герберта Мида

Мид — самый значительный мыслитель в истории символического интеракционизма, а его книга «Разум, самость и общество» — важнейшее произведение в русле данной традиции.

Приоритет социального

В своем обзоре книги «Разум, самость и общество» Элсвот Фэрис утверждал, что «вероятно, [Мид] отдавал предпочтение... не возникновению разума и затем общества, но в первую очередь общества, а затем разума» (цит. по: Miller, 1982a, p 2). Произведенная Фэрисом перестановка в заглавии книги отражает широко признанный факт, осознаваемый самим Мидом, что обществу, или, более широко, всему социальному, в мидовском анализе отдается приоритет.

Мид считает, что традиционная социальная психология в попытке объяснить социальный опыт шла от психологии индивида; сам же Мид, напротив, в понимании социологического опыта всегда считает приоритетным мир социальный. Он так объясняет свой подход:

> В социальной психологии мы не выстраиваем поведение социальной группы с точки зрения поведения отдельных составляющих ее индивидов; напротив, наша *отправная точка — заданное социальное целое* сложной групповой деятельности, в которой мы анализируем (в качестве элементов) поведение каждого из составляющих ее индивидов в отдельности... То есть мы пытаемся объяснить поведение социальной группы, а не рассматривать организованное поведение социальной группы с точки зрения поведения отдельных принадлежащих к ней индивидов. Для социальной психологии *целое (общество) предшествует части (индивиду),* а не часть целому; и часть объясняется с точки зрения целого, а не целое с точки зрения части или частей (Mead, 1934/1962, p. 7, курсив мой).

Для Мида социальное целое предшествует индивидуальному разуму как логически, так и во времени. Мыслящий обладающий самосознанием индивид, как мы увидим далее, логически невозможен в теории Мида без первичности социальной группы. Сначала идет социальная группа, и она приводит к развитию мыслительных процессов самосознания.

Действие

Мид рассматривает действие в качестве самой «примитивной единицы» своей теории (1982, p. 27). В своем анализе действия Мид близко подходит к бихевиористскому подходу и фокусируется на стимуле и реакции. Однако даже здесь стимул не вызывает бездумной автоматической реакции человека. Как говорит Мид, «мы понимаем стимул как повод или возможность для поступка, а не как принуждение или наказ» (1982, p. 28).

Мид (Mead, 1938/1972) выделял четыре основные взаимосвязанные ступени действия (Schmitt and Schmitt, 1996), они образуют органичное целое (другими словами, они диалектически взаимосвязаны). Действуют и низшие животные, и люди; Мида интересуют сходства и особенно различия между ними.

Импульс

Первая стадия — стадия *импульса,* которая включает «непосредственный чувственный стимул» и реакцию актора на это побуждение, потребность сделать что-либо в этом отношении. Хороший пример импульса дает голод. Актор (человек или не человек) может немедленно и не раздумывая отреагировать на импульс, но, вероятнее, человек подумает о подобающей реакции (например, есть сейчас или позже). Обдумывая реакцию, человек будет учитывать не только непосредственно ситуацию, но также прошлый опыт и ожидаемые результаты действия.

Голод может возникнуть из внутреннего состояния актора или может быть вызван присутствием во внешней среде пищи или, что наиболее вероятно, может проистекать из некоторой комбинации обоих факторов. Кроме того, голодный человек должен найти способ удовлетворить импульс во внешней среде, где пища может быть недоступна в данный момент или находится в недостаточном количестве. Этот импульс, как все прочие, может быть связан с некой проблемой во внешней среде (т. е. отсутствием непосредственно доступной пищи), которую должен разрешить актор.

Действительно, в то время как импульс, например голод, может, главным образом, проистекать от индивида (хотя даже здесь голод может быть вызван внешним стимулом, ведь существуют также социальные установки того, когда над-

Джордж Герберт Мид: биографический очерк

Большинство значительных теоретиков, обсуждаемых в этой книге, при жизни достигли наибольшего признания, опубликовав какую-либо работу. Однако преподавательская деятельность Джорджа Герберта Мида имела не меньшее значение, чем его писательская деятельность. Его слова имели мощное влияние на многих людей, впоследствии ставших видными социологами XX в. Как сказал один из студентов Мида: «Лучшим его средством был разговор; по сравнению с ним его письменное творчество выглядело бледно» (T. V. Smith, 1931, p. 369). Давайте посмотрим, как описывает преподавание Мида другой его студент, сам известный социолог — Леонард Коттрелл:

> «Для меня курс профессора Мида был уникальным и незабываемым опытом... Профессор Мид был крупным добродушным человеком, он носил великолепные усы и вандейковскую бородку. Его характерной мягкой застенчивой улыбке сопутствовал огонек в глазах, словно он радовался какой-то скрытой шутке, которую разыгрывал с аудиторией ...
>
> Читая лекцию, всегда без записей, профессор Мид обычно вертел в руках кусок мела и пристально смотрел на него... Высказывая особенно хитроумный тезис лекции, он обычно бросал беглый взгляд и робко, почти извиняясь, улыбался, никогда не смотря ни на кого в отдельности. В ходе лекций мы вскоре поняли, что вопросы или комментарии аудитории не приветствуются. Действительно, когда кто-либо осмеливался задать вопрос, поднимался неодобрительный ропот студентов, которые возражали против любого прерывания восхитительного повествования ...
>
> Его требования к студентам были умеренными. Он никогда не устраивал экзаменов. Главной задачей для каждого из нас, студентов, было написать по возможности грамотную работу. Профессор Мид читал их очень внимательно, и то, что он об этом думал, становилось твоей оценкой по предмету. Можно было бы предположить, что студенты будут для подготовки к работе скорее читать литературу, чем посещать его лекции, но это был не тот случай. Студенты всегда приходили на занятия. Мид никогда им не надоедал. (Cottrell, 1980, p. 49-50).

Миду было чрезвычайно сложно писать, и это его сильно беспокоило. «Меня крайне угнетает моя неспособность записать то, что хочу» (Цит. по G. Cook, 1993:xiii). Однако со временем многие идеи Мида были опубликованы, главным образом, в книге *«Разум, самость и общество»* (основанной на записях студентов курса, которым преподавал Мид). Эта книга и другие произведения Мида оказали мощное влияние на развитие современной социологии, особенно символического интеракционизма.

Родившийся в Хедли, штат Массачусетс, 27 февраля 1863 года, Мид получал образование, главным образом, в области философии и ее применения к социальной психологии.

лежит быть голодным), он обычно связан с существованием какой-либо сложности во внешней среде (например, недостаток пищи). В целом, импульс, как и все прочие элементы теории Мида, включает и актора, и внешнюю среду.

Восприятие

Вторая стадия поступка — *восприятие,* с помощью которого актор ищет и реагирует на стимулы, связанные с импульсом, в данном случае с голодом, а также определяет доступные способы его удовлетворения. Люди обладают способностью ощущать или воспринимать стимулы с помощью слуха, обоняния, вкуса и т. Д- Восприятие включает поступающие стимулы, а также порождаемые ими в уме образы. Люди не просто немедленно реагируют на внешние стимулы, но, скорее, обдумывают и оценивают их с помощью мысленных образов. Люди не просто подвергаются внешним стимулам; они активно отбирают свойства стимула и произ-

Джордж Герберт Мид: биографический очерк (окончание)"

В 1883 г. он получил степень бакалавра в Оберлин-колледже (где был профессором его отец), и спустя несколько лет, проработав школьным учителем, инспектором железнодорожных компаний и частным преподавателем, в 1887 г. Мид продолжил высшее образование в Гарварде. После нескольких лет обучения в Гарварде, а также в университетах Лейпцига и Берлина, в 1891 г. Миду предложили место преподавателя в Мичиганском университете. Интересно отметить, что Мид так *никогда* и не получил диплома о законченном высшем образовании. В 1894 г. по приглашению Джона Дьюи он перешел в Чикагский университет, в котором оставался до конца жизни.

Как поясняет Мид в следующем отрывке из письма, Дьюи оказал на него огромное влияние: «Мистер Дьюи — не только очень оригинальный и глубоко думающий человек, но и наиболее восприимчивый мыслитель из всех, кого я когда-либо встречал. Он дал мне больше, чем кто-либо из известных мне ученых» (цит. по: G.Cook, 1993, p. 32). Это особенно верно относительно ранней работы Мида в Чикаго, он даже следовал за Дьюи в теории обучения (Дьюи уехал из Чикаго в 1904 г.). Однако вскоре воззрения Мида разошлись с позицией Дьюи, и их развитие привело к его знаменитым социологическим теориям разума, самости и общества. Он начал вести курс социальной психологии в **1900 г. В 1916-1917** гг. он был переработан в развернутый курс (стенографические записи студентов курса 1928 г. стали основой книги «Разум, самость и общество»), который читался после введения в социальную психологию, после 1919 года этот курс вел на социологическом отделении Элсворт Фэрис. Именно благодаря настоящему курсу Мид имел такое мощное влияние на студентов-социологов (а также на будущих психологов и педагогов).

Помимо научных занятий Мид участвовал в общественных реформах. Он был убежден, что науку можно использовать для решения социальных проблем. Например, он был всерьез увлечен основанием и формированием политики Фонда отчетной палаты *(Settlement House)* при Чикагском университете, идея которого была подана, Джейн Адаме, создавшей реформаторскую общину «Халл-хауз» (Hull House). Что, вероятно, наиболее важно, он играл ключевую роль в проводимых Отчетной палатой социальных исследованиях.

Хотя в 1928 г. подошел возраст выхода на пенсию, Мид продолжал преподавать по приглашению университета и летом 1930 г. стал профессором философского отделения. К сожалению, он был замешан в серьезном конфликте между отделением и ректором. Это привело к тому, что в начале 1931 г. Мид на больничной койке написал заявление об отставке. Его выписали из больницы в конце апреля, на следующий день он умер от сердечной недостаточности. Джон Дьюи сказал, что это был «самый оригинальный ум в философии Америки среди последних поколений» (G. Cook, 1993, p. 194).

водят выбор из набора стимулов. Таким образом, у стимула может быть несколько измерений, и у актора есть возможность из них выбирать. Кроме того, люди обычно сталкиваются с множеством различных стимулов и постоянно выбирают, какому уделить внимание, а каким пренебречь. Мид отвергает отделение людей от воспринимаемых ими объектов. Именно акт восприятия объекта делает его объектом для человека; восприятие и объект не могут быть отделены друг от друга (они диалектически взаимосвязаны).

Манипуляция

Третья фаза — *манипуляция.* Следующий шаг после того как импульс обнаружен, а объект воспринят, состоит в том, что актор манипулирует объектом или, в более широком смысле, предпринимает в отношении него определенные действия. Помимо мыслительного превосходства люди обладают над низшими животными еще

одним преимуществом. У людей есть руки (с отстоящими большими пальцами), позволяющие им обращаться с предметами гораздо более ловко, чем это могут низшие животные. Фаза манипуляции, по Миду, включает временную паузу в процессе, чтобы реакция не проявлялась немедленно. Голодный человек видит гриб, но, перед тем как его съесть, он, вероятно, сначала его сорвет, исследует его и, возможно, проверит по справочнику, съедобна ли эта конкретная разновидность. С другой стороны, животное, вероятно, съест гриб, не подержав и не рассмотрев его (и, конечно, не прочитав о нем). Пауза, которую создает рассмотрение предмета, позволяет людям обдумывать разные варианты. В размышления о том, съесть ли гриб, включены и прошлое, и будущее. Люди могут подумать о своем прошлом опыте, когда они отравились несъедобными грибами, и могут подумать о болезни или даже о смерти, которые могут сопровождать употребление в пищу ядовитого гриба. Манипуляция грибом становится своего рода экспериментальным методом, с помощью которого актор мысленно проверяет различные гипотезы того, что могло бы случится, если бы гриб был съеден.

Потребление

На основе этих размышлений актор решает, съесть ли гриб (или нет), и это составляет последнюю фазу поступка, *потребление,* или совершение действия, которое удовлетворяет первоначальный импульс. Как люди, так и низшие животные могут съесть гриб, но менее вероятно, что человек съест плохой гриб, так как он обладает способностью манипулировать грибом и думать (и читать) о том, к чему приведет его потребление. Низшие животные должны полагаться на метод проб и ошибок, а это менее эффективный способ, чем человеческая способность обдумывать свои действия.[1] В данной ситуации метод проб и ошибок довольно опасен. Как следствие, представляется вероятным, что низшим животным больше угрожает опасность умереть от употребления ядовитых грибов, чем людям.

Хотя четыре стадии действия были для простоты рассмотрены в последовательном порядке и отделены друг от друга, Мид усматривает между ними диалектическую связь. Джон Болдуин так выражает эту идею: «Хотя четыре элемента действия иногда *кажутся* линейно связанными, на самом деле они взаимопроникают друг в друга, образуя единый органичный процесс: от начала до конца действия присутствуют аспекты каждого элемента, так что элементы влияют друг на друга» (1986, p. 55-56). Таким образом, более поздние этапы действия могут привести к появлению более ранних стадий. Например, обращение с пищей может вызвать у индивида импульс голода и ощущение, что он голоден и что пища доступна для удовлетворения этой потребности.

Жесты

Тогда как действие включает только одного человека, *социальное действие* включает двух и более людей. *Жест,* с точки зрения Мида, — основной механизм социального действия и социального процесса в целом. Согласно его определению,

[1] О критике воззрений Мида на различия между людьми и низшими животными см. Alger and Alger, 1997.

«жесты есть движения первого организма, действующие в качестве особых стимулов, вызывающих социально принятые реакции второго организма» (Mead, 1934/1962, p.14; см. также Mead, 1959, p. 187). И низшие животные, и люди способны производить жесты в том смысле, что действие одного индивида неосознанно и автоматически вызывает реакцию другого индивида. Ниже следует известный пример Мида о собачьей драке с точки зрения жестов:

> Действие каждой собаки становится для другой собаки стимулом для реакции.... Сам факт, что собака готова напасть на другую, становится для другой собаки стимулом изменить свою собственную позицию и свое собственное отношение. Она сделает это не скорее, чем изменение отношения второй собакой, в свою очередь, ВЕлзовет изменения отношения со стороны первой собаки (Mead, 1934/1962, p. 42-43).

Мид называет происходящее в данной ситуации «разговором жестов». Жест одной собаки автоматически вызывает жест второй; со стороны собак не происходит никаких мыслительных процессов.

Люди иногда участвуют в неосознанных «разговорах жестами». В качестве примеров Мид приводит множество действий и реакций, происходящих на матче по боксу и фехтованию, когда один спортсмен «инстинктивно» приспосабливается к действиям второго. Мид называет такие бессознательные действия «незначащими» жестами; людей отличает именно их способность использовать «значащие» жесты, т. е. требующие со стороны актора размышления, перед тем как отреагировать.

В возникновении значащих жестов особенно важен голосовой жест. Однако не все голосовые жесты значащие. Лай одной собаки на другую не является значащим; даже некоторые голосовые жесты людей (например, неосознанный всхрап) могут быть незначащими. Однако именно развитие голосовых жестов, особенно в форме языка, становятся наиболее важным фактором, делающим возможным отличительное для человеческой жизни развитие: «Специализация человеческого существа в этой области жеста отвечала, главным образом, за происхождение и развитие современного человеческого общества и знания, со всем возможным благодаря науке контролем над природой и окружающей человека средой» (Mead, 1934/1962, p. 14).

Это развитие связано с отличительным свойством голосового жеста. Когда мы совершаем физическое действие, например, делаем гримасу, мы не можем видеть, что мы делаем (если только мы не смотрим в зеркало). С другой стороны, когда мы производим голосовой жест, мы слышим себя так же, как другие. Как следствие, во-первых, голосовой жест может влиять на говорящего в той же степени, в какой он влияет на слушателей. Во-вторых, мы гораздо более способны остановить себя, производя голосовые жесты, чем способны к этому в жестах физических. Другими словами, мы обладаем гораздо лучшим контролем над голосовыми, чем над физическими жестами. Эта способность контролировать себя и свои реакции — очень важна по отношению к другим отличительным способностям людей. В более широком смысле, «именно голосовой жест неповторимым способом обеспечил средство социальной организации в человеческом обществе» (Mead, 1959, p. 188).

Значащие символы

Значащий символ представляет собой вид жеста, который может произвести только человек. Жесты становятся *значащими символами,* когда вызывают у производящего их индивида реакцию того же типа (она не обязательно должна быть идентичной), который предположительно вызовут у тех, кому адресованы жесты. Только при наличии значащих символов может происходить коммуникация; коммуникация в полном смысле слова невозможна среди муравьев, пчел и т. д. Физические жесты могут быть значащими символами, однако, как мы видели, они не идеально приспособлены к тому, чтобы быть значащими символами, поскольку люди не могут легко видеть или слышать свои собственные физические жесты. Таким образом, именно голосовые проявления, наиболее вероятно, могут стать значащими символами, хотя не любые проявления голоса оказываются символами такого рода. Наиболее вероятно, что значащими символами станет такой набор голосовых жестов, как *язык:* «символ, который отвечает в конкретном случае на значение, возникающее у первого индивида, и который также вызывает значение у второго индивида. Там, где жест удовлетворяет этому условию, он стал тем, что мы называем "языком". Теперь он является значащим символом и несет определенный смысл» (Mead, 1934/1962, p. 46). В разговоре жестов передаются лишь сами жесты. Однако в ситуации с языком сообщаются жесты и их значения.

Язык и значащие символы, в частности, вызывают в говорящем индивиде ту же реакцию, что и в других. Слово *кошка* или *собака* вызывает у произносящего слово человека такой же мысленный образ, что и в тех, кому оно адресовано. Кроме того, влияние языка состоит в побуждении говорящего человека действовать наравне с другими. Человек, который кричит «пожар» в переполненном театре, имеет, по крайней мере, такую же мотивацию покинуть театр, как те, к кому обращен крик. Таким образом, значащие символы позволяют людям побуждать собственные действия.

Перенимая прагматистский подход, Мид также рассматривает «функции» жестов в целом, и значащих символов, в частности. Функция жеста состоит в том, чтобы «сделать возможным приспособление среди индивидов, участвующих в некотором заданном социальном действии, в соотношении с объектом или объектами, с которыми связано действие» (Mead, 1934/1962:46). Таким образом, непроизвольная гримаса на лице может появиться для того, чтобы помешать ребенку подходить слишком близко к краю пропасти и таким образом предохранить его от потенциально опасной ситуации. Хотя работает и незначащий жест, «значащий символ обеспечивает гораздо больше возможностей для такого приспособления и исправления, чем незначащий жест, поскольку вызывает у производящего его индивида такое же отношение к этому... и позволяет ему в свете указанного отношения приспособить свое последующее поведение к поведению других» (Mead, 1934/1962, p. 46). С точки зрения прагматизма, значащий символ в социальном мире срабатывает лучше, нежели незначащий жест. Иначе говоря, при сообщении другим о нашем недовольстве сердитый вербальный упрек работает гораздо лучше, чем искаженный язык тела. Индивид, проявляющий неудовольствие, обычно не осознает язык тела и поэтому вряд ли способен сознательно управлять последующими действиями в зависимости от того, как на язык тела реагирует другой

человек. С другой стороны, говорящий осознает произнесение сердитого упрека и реагирует на него во многом аналогично (и примерно одновременно) реакции человека, которому он обращен. Таким образом, говорящий может обдумать, как может отреагировать другой человек, и подготовить свою реакцию на эту реакцию.

решающее значение в теории Мида имеет другая функция значащих символов: благодаря им возможны разум, мыслительные процессы и т. д. Только благодаря значащим символам, особенно языку, возможно человеческое *мышление* (с точки зрения Мида, низшие животные не могут думать). Мид определяет *мышление* как «просто интернализованный или подразумеваемый разговор индивида с самим собой с помощью таких жестов» (Mead, 1934/1962, p. 47). Мид утверждает даже более категорично: «Мыслить — значит то же самое, что говорить с другими людьми» (1982, p. 155). Другими словами, мыслить означает с кем-либо разговаривать. Таким образом, мы можем увидеть, как Мид определяет мышление с точки зрения бихевиоризма. Разговор включает поведение (говорение), и это поведение также происходит на внутриличностном уровне; здесь имеет место мышление. Это определение мышления не менталистское, а, несомненно, бихевиористское.

Благодаря значащим символам также возможна *символическая интеракция.* Иначе говоря, люди могут взаимодействовать друг с другом не только с помощью жестов, но также с помощью значащих символов. Эта способность, конечно, порождает различия и, и из-за нее возможны гораздо более сложные модели взаимодействия и формы социальной организации, чем те, что были бы возможны сугубо при использовании жестов.

Значащий символ, очевидно, играет в рассуждениях Мида центральную роль. Фактически, Дэвид Миллер (Miller, 1982a, p. 10-11) приписывает значащему символу *самую* существенную роль в теории Мида.

Мыслительные процессы и разум

Рассматривая мыслительные *процессы,* Мид использует несколько сходных понятий, которые важно различать. Перед тем как приступить к этому, следует отметить, что Мид всегда склонен мыслить с точки зрения процессов, а не структур или содержания. Фактически, Мида часто именуют «философом процесса» (Cronk, 1987; D. Miller, 1982a).

Интеллект

Термином, который звучит так, словно принадлежит к разделу «мыслительные процессы», но на самом деле, с точки зрения Мида, к нему не относится — *интеллект*[1] Мид максимально широко определяет *интеллект* как взаимное приспособление действий организмов. Согласно этому определению, низшие животные, несомненно, обладают «интеллектом», поскольку в процессе разговора жестов приспосабливаются друг к другу. Аналогично, люди могут адаптироваться друг к другу, используя незначащие символы (например, непроизвольные гримасы).

[1] Однако, как мы увидим дальше, Мид непоследовательно использует этот термин; иногда он включает сюда мыслительные процессы.

Однако людей отличает способность проявлять интеллект, или взаимное приспособление, используя значащие символы. Таким образом, ищейка обладает интеллектом, но интеллект детектива отличается от интеллекта ищейки способностью использовать значащие символы.

Мид утверждает, что животные обладают «неразумным интеллектом». В отличие от животных, люди обладают «разумом», который Мид определяет характерным для бихевиоризма образом: «Когда вы размышляете, вы создаете себе представления, вызывающие определенные реакции — и это все, что вы делаете» (1934/1962, p. 93). Другими словами, индивиды ведут беседы сами с собой.

Для рефлексивного интеллекта людей существенна их способность временно сдерживать действие, откладывать реакции на стимул (Mead, 1959, p. 84). В случае низших животных стимул немедленно и неизбежно приводит к реакции; низшие животные не обладают способностью временно сдерживать свои реакции. Согласно формулировке Мида, «отложенная реакция — необходимый элемент интеллектуального[1] поведения. Организация, скрытая проверка и окончательный выбор.... были бы невозможны, если бы явные отклики или реакции не могли быть в таких ситуациях отложены» (1934/1962:99). Здесь присутствуют три компонента. Во-первых, люди, благодаря своей способности откладывать реакции, могут создать в уме набор возможных реакций на ситуацию. В уме люди имеют альтернативные способы совершения социального действия, в котором они участвуют. Во-вторых, люди способны мысленно опробовать, опять-таки с помощью внутреннего разговора с собой, различные варианты действия. Низшие животные, напротив, не обладают этой способностью и поэтому должны испытывать реакции в реальном мире методом проб и ошибок. Способность мысленно проверить реакции, как мы видели в случае с ядовитым грибом, намного эффективнее, чем метод проб и ошибок. Мысленное опробование плохо приспособленной реакции не связано ни с какими социальными потерями. Вместе с тем когда низшее животное на деле применяет такую реакцию в реальном мире (например, когда собака приближается к ядовитой змее), результаты могут обойтись недешево и даже оказаться гибельными. Наконец, люди могут избрать один стимул из ряда стимулов, а не просто реагировать на первый или сильнейший стимул. Кроме того, люди могут выбирать из диапазона альтернативных действий, тогда как низшие животные просто действуют. Как говорит Мид,

> именно присутствие альтернативных возможностей будущей реакции в определении настоящего поведения в любой заданной извне ситуации и их ирорабатывание с помощью механизма центральной нервной системы, как части факторов или условий, определяющих настоящее поведение, *решающим образом* разграничивает интеллектуальное поведение и поведение, основанное на рефлексе, инстинкте и привычке, а также поведение с отложенной реакцией и непосредственную реакцию (Mead, 1934/1962, p 98; курсив мой)

Способность выбирать из диапазона действий означает, что выбор человека, вероятно, лучше адаптирован к ситуации, чем немедленные и неосознанные реак-

[1] Вот один из случаев, когда Мид использует *интеллект* в смысле, отличном от использованного в предыдущем рассмотрении.

ции низших животных. Как утверждает Мид, «интеллект, главным образом — это дело выбора» (Mead, 1934/1962, p. 99).

Сознание

Мид также рассматривает *сознание,* которое, как он считает, обладает двумя различными значениями (Mead, 1938/1972, p. 75). Первое связано с тем, к чему имеет доступ только актор, с тем, что целиком субъективно. Мида больше интересует не это, а второе значение сознания, включающее, главным образом, рефлексивный интеллект. Таким образом, Мида больше интересует то, как мы мыслим о социальном мире, нежели, как мы непосредственно испытываем боль или удовольствие.

Сознание объясняется или трактуется в контексте социального процесса. Таким образом, в отличие от большинства мыслителей, Мид полагает, что сознание *не* покоится в мозгу: «Сознание функционально, а не содержательно; и во всех из известных смыслах термина оно должно помещаться в объективном мире, а не в мозгу: оно принадлежит или является свойством окружающей нас среды. А находящееся, происходящее в мозгу составляет физиологический процесс, посредством которого мы теряем и вновь приходим в сознание (Mead, 1934/ 1962, p. 112).

Подобным же образом Мид (Mead, 1934/1962, p. 332) отказывается помещать *мысленные образы* в мозг, а рассматривает их как социальные явления: «То, что мы называем "мысленными образами"... может существовать в соотношении с организмом, не присутствуя в независимом сознании. Мысленный образ есть образ в памяти. Такие образы, которые, подобно символам, играют в мышлении столь большую роль, относятся к внешней среде».

Значение

Значение — еще одно родственное понятие, трактуемое Мидом с точки зрения бихевиоризма. В свойственной ему манере Мид отрицает представление о том, что значение заключено в сознании: «Осознание или сознание не обязательны для присутствия значения в процессе социального бытия» (Mead, 1934/1962:77). Аналогично, Мид отрицает мысль, согласно которой значение является «физическим» явлением или «идеей». *Значение* скорее расположено сугубо в социальном действии: «Значение возникает и находится в области связи между жестом человеческого организма и его последующим поведением, определяемым этим жестом, применительно к другому человеческому организму. Если этот жест указывает другому организму последующее (или результирующее) поведение данного организма, тогда жест имеет значение» (Mead, 1934/1962, p. 75-76). Именно приспособительная реакция второго организма придает жесту первого значение. Значение жеста можно рассматривать как «способность предсказывать поведение, которое, вероятно, последует далее» (Baldwin, 1986, p. 72).

Значение, обнаруживаемое в поведении, становится осознанным, когда связано с символами. Однако, несмотря на то что значение может стать осознанным среди людей, оно присутствует в социальном действии *прежде* появления сознания и осознания значения. Таким образом, с этой точки зрения, низшие животные и люди Могут участвовать в наделенном значении поведении, даже не осознавая значения.

Разум

Как и сознание, *разум* определяется Мидом как процесс, как внутренний разговор человека со своим «Я», а не как объект. Это не внутриличностнй феномен; не внутримозговое, а социальное явление. Он возникает и развивается в пределах социального процесса как неотъемлемая его часть. Социальный процесс предшествует разуму; он не продукт разума, как считают многие. Иначе говоря, разум также определяется не содержательно, а функционально. Если учитывать эти сходства с такими понятиями, как сознание, правомерен вопрос, в чем отличие разума. Мы уже видели, что люди обладают особой способностью вызывать в себе отклик, который стремятся вызвать у других. Отличительным свойством разума является способность индивида «вызывать в себе не просто единичный отклик другого, но отклик, так сказать, сообщества в целом. Это наделяет индивида тем, что мы называем "разумом". Определенное действие в настоящем означает некоторую организованную реакцию; и если кто-то имеет эту реакцию в себе, он обладает тем, что мы называем "разумом"» (Mead, 1934/1962, p. 267). Таким образом, от прочих сходных понятий в творчестве Мида разум отличает способность реагировать на сообщество в целом и проявлять организованную реакцию.

Мид рассматривает разум и с другой, прагматической точки зрения. То есть разум включает мыслительный процесс, направленный на решение проблем. Реальный мир изобилует проблемами, и функция разума заключается в попытке решения этих проблем и обеспечении для людей возможности более эффективной деятельности в мире.

Самость

Большая часть всех размышлений Мида, и особенно о разуме, включает его воззрения на весьма важное понятие *самости.* В сущности, это способность видеть себя как объект, самость есть особая способность быть одновременно субъектом и объектом. Самость, что справедливо относительно всех основных понятий Мида, предполагает социальный процесс: коммуникацию между людьми. Низшие животные самостью не обладают, равно как и человеческий младенец при рождении. Самость возникает с развитием и посредством социальной деятельности и социальных отношений. Для Мида невозможно представить возникновение самости в отсутствии социального опыта. Но как только самость в достаточной степени развилась, она может продолжить существовать и без социальных контактов. Так, Робинзон Крузо приобрел самость, находясь в условиях цивилизации, и продолжал обладать ею, живя в одиночестве на необитаемом, как он некоторое время считал, острове. Другими словами, он сохранял способность видеть себя в качестве объекта. Когда самость сформирована, люди обычно, хотя и не всегда, проявляют ее. Например, самость не участвует в привычных действиях или непосредственных физиологических переживаниях удовольствия или боли.

Самость диалектически связана с разумом. То есть, с одной стороны, Мид утверждает, что тело не есть самость и становится самостью лишь с развитием разума. С другой стороны, самость и ее рефлексивность существенны для развития разума. Конечно, невозможно разделять разум и самость, потому что самость представляет собой мыслительный процесс. Однако, даже несмотря на то что мы

можем рассматривать самость в качестве мыслительного процесса, она является процессом социальным. Рассматривая самость, Мид, как мы видели по отношению ко всем другим ментальным явлениям, отрицает представление, помещающее ее в сознание, и вместо этого располагает ее в социальном опыте и социальных процессах. Мид стремится представить самость с точки зрения бихевиоризма: «Однако именно там, где один реагирует на то, что адресует другому, и где этот собственный отклик становится частью его поведения, где он не только слышит себя, но реагирует на себя, обращается и отвечает себе точно так же, как ему отвечает другой человек, мы имеем *поведение,* в котором индивиды становятся объектами для самих себя» (Mead, 1934/1962, p. 139; курсив мой). Самость, таким образом, — просто другой аспект целостного социального процесса, частью которого становится индивид.

Общий механизм развития самости находится в плоскости рефлексивности, или способности бессознательно ставить себя на место других и действовать как они. В результате люди способны анализировать себя, как рассматривали бы их другие. Мид говорит:

> Именно с помощью рефлексивности — оборачиваемости опыта индивида на самого себя — целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих в нем индивидов; именно таким способом, позволяющим индивиду примерять отношение другого к себе на себя, индивид способен сознательно приспосабливаться к этому процессу и модифицировать проистекающий процесс в любом данном социальном действии с точки зрения своего приспособления к нему (Mead, 1934/1962, p. 134).

Самость также позволяет людям участвовать в разговорах с другими. То есть человек осознает, что говорит, и, как следствие, способен отслеживать, что произносится в данный момент, и определять, что будет сказано далее.

Чтобы обладать самостью, индивиды должны быть способны выйти за границы собственного «Я», благодаря чему смогут оценивать себя, становиться объектами для самих себя. Для этого люди, как правило, помещают себя в то же экспериментальное поле, что и других. Каждый из них составляет важную часть этой , экспериментальной ситуации, и люди должны принимать во внимание самих себя, если предполагается, что они способны рационально действовать в данной ситуации. Проделав это, они стремятся исследовать себя безличным, объективным и безэмоциональным способом.

Вместе с тем люди не могут исследовать себя непосредственным образом. Они могут делать это только косвенно, становясь на место других и рассматривая себя с этой позиции. Точка зрения, с которой человек рассматривает себя, может принадлежать отдельному индивиду или социальной группе в целом. Как формулирует Мид, «только принимая роли других, мы способны возвращаться к себе» (1959, p. 184-185).

Развитие ребенка

Мида чрезвычайно интересует генезис самости. Основой для самости он считает разговор жестов, но в нем не присутствует самость, если люди в таком разговоре Не рассматривают себя как объекты. Мид прослеживает генезис самости на двух этапах развития ребенка.

Стадия ролевых игр. Первый этап — это *стадия ролевых игр.* Именно на этом этапе дети учатся примерять отношения отдельных других людей к себе на себя. Хотя низшие животные тоже играют, только люди «играют, изображая другого» (Aboulafia, 1986, p. 9). Мид приводит пример ребенка, который играет в (американского) «индейца»: «Это означает, что ребенок обладает определенным набором стимулов, которые вызывают у него реакции, которые вызывали бы у других и которые характерны для индейца» (Mead, 1934/1962:150). В результате такой игры ребенок учится быть одновременно субъектом и объектом и приобретает способность формировать самость. Однако это идентичность ограниченная, поскольку ребенок может принимать роль определенных отдельных других. Дети могут играть в «дочки-матери» и в процессе этого развивают способность оценивать себя как их родители и другие конкретные индивиды. Тем не менее им не хватает более целостного и организованного понимания себя.

Стадия коллективных игр. Если человек развивает самость в полном смысле слова, требуется перейти к следующему этапу — стадии коллективных игр. Тогда как на стадии ролевых игр ребенок принимает роль отдельных других, на стадии коллективных игр ребенок должен принимать роль каждого, участвующего в игре. Более того, эти различные роли должны определенным образом соотноситься друг с другом. Иллюстрируя стадию коллективных игр, Мид приводит свой известный пример игры в бейсбол (или, как он это называет, «девятка с мячом»):

> Но в игре, в которой участвуют несколько индивидов, ребенок, принимающий некоторую роль, должен быть готов к принятию роли каждого участника. Если он играет в девятку с мячом, он должен обладать реакциями каждой позиции, включенной в его собственную. Чтобы вести свою игру, он должен знать, что собирается делать каждый. Он должен принимать все эти роли. Они не обязательно должны одновременно присутствовать в сознании, но в определенные моменты в его собственной установке должны присутствовать три или четыре индивида, как, например, собирающийся бросить мяч, собирающийся поймать его и т. д. Эти реакции в определенной степени должны присутствовать в его собственном состоянии. Таким образом, в данной игре присутствует набор реакций этих других, организованных так, что установка одного вызывает соответствующие установки другого (Mead, 1934/1962, p. 151)

На стадии ролевых игр ребенок не становится организованным целым, поскольку играет в набор отдельных ролей. Как следствие, с точки зрения Мида, он не обладает установившейся личностью. Но именно на стадии коллективных игр[1] зарождается такая организация и возникает личность. Дети приобретают способность действовать в организованной группе и, что самое важное, определять свои будущие действия в пределах конкретной группы.

Обобщенный другой

Понятие стадии коллективных игр порождает одну из наиболее известных концепций Мида (1959, p. 87), идею *обобщенного другого.* Обобщенный другой — это отношение целого сообщества или, как в примере игры в бейсбол, отношение це-

[1] Хотя Мид использует термин «игры», ясно, что, как указывает Абулафия (Aboulafia, 1986, p. 198), он имеет в виду любую систему организованных реакций (например, семью).

лой команды. Для самости существенно важна способность принимать роль обобщенного другого: «Только в той степени, в какой человек принимает установки организованной социальной группы, к которой принадлежит, по отношению к организованной объединенной социальной деятельности или различным видам такой деятельности, в которой участвует эта группа, развивается его целостная самость» (Mead, 1934/1962, p. 155). Также очень важна способность людей оценивать себя с точки зрения обобщенного другого, а не просто с позиции отдельных других. Принятие роли обобщенного другого, а не отдельных других, обеспечивает возможность абстрактного мышления и объективности (Mead, 1959, p. 190). Вот как Мид описывает полное развитие самости:

> Так, самость достигает своего полного развития через организацию индивидуальных установок других в структурированные социальные или групповые установки, и таким образом становясь индивидуальной рефлексией общесистематической модели социального или группового поведения, в котором участвует эта или другая самость, — модели, которая в целом присутствует в индивидуальном опыте в форме таких организованных групповых установок, которые через механизм центральной нервной системы этот индивид применяет к себе, точно так же, как применяет индивидуальные установки других (Mead, 1934/1962, p. 158).

Другими словами, чтобы обладать самостью, человек должен быть членом сообщества и руководствоваться общими для сообщества установками. Тогда как ролевой игре достаточно только доли самости, коллективная игра требует целостной самости.

Принятие роли обобщенного другого имеет существенное значение не только для самости, оно также очень важно для развития организованной групповой деятельности. Группа требует, чтобы индивиды руководствовались в своих действиях установками обобщенного другого. Обобщенный другой также отражает известную склонность Мида отдавать приоритет социальному, поскольку именно через обобщенного другого группа влияет на поведение индивидов.

Мид также рассматривает самость с точки зрения прагматизма. На уровне индивида самость позволяет ему быть более эффективным членом общества. Благодаря самости люди вероятнее совершат то, что от них ожидают в данной ситуации. Поскольку люди зачастую стараются жить в соответствии с групповыми ожиданиями, они, скорее всего, будут избегать неэффективности, вызываемой невыполнением ожиданий группы. Более того, самость обеспечивает лучшую координацию в группе в целом. Поскольку можно рассчитывать, что индивиды будут делать то, что от них ожидают, группа может функционировать более эффективно.

Вышеприведенные положения, как и рассмотрение самости в целом, могут привести нас к убеждению, что акторы у Мида — не многим более чем конформисты и что, поскольку каждый занят приспособлением к ожиданиям обобщенного Другого, проявление индивидуальности имеет крайне низкий характер. Однако Для Мида ясно, что каждая самость отличается от всех прочих. Самости обладают общей структурой, но каждая самость получает уникальную биографию. Кроме того, ясно, что существует не просто единый целостный обобщенный другой, но в обществе существует множество обобщенных других, поскольку в обществе много групп. Поэтому люди обладают многообразными обобщенными другими и, как

следствие, многообразными самостями. Уникальный набор самостей каждого человека отличает его от кого бы то ни было. Более того, люди могут не принимать сообщество как оно есть, но могут корректировать порядок вещей и стремиться улучшить его. Благодаря нашей способности мыслить мы можем изменять сообщество. Но Мид вынужден сформулировать это положение индивидуальной креативности в знакомых, бихевиористических терминах: «Единственный возможный способ нашей реакции против неодобрения целого сообщества состоит в учреждении высшего типа сообщества, которое в определенном смысле поддерживает этот путь... Он может сам восстать против сообщества. Но для этого он должен понимать голоса прошлого и будущего. Только так самость может быть услышана в общем хоре сообщества» (Mead, 1934/1962, p. 167-168). Иначе говоря, чтобы противостоять обобщенному другому, индивид должен создать более крупного обобщенного другого, состоящего не только из настоящего, но также из прошлого и будущего, и затем реагировать на него.

Мид выделяет два аспекта, или фазы, самости, которые он называет / и *me* (о критике этого разделения см. Athens, 1995).* Как формулирует это Мид, «самость, по сути, есть социальный процесс, проходящий эти две различные фазы» (1934/1962, p. 178). Важно помнить, что / *и me* представляют собой процессы в рамках более крупного процесса «Я»; они не являются «предметами».

I и *me*

I — непосредственная реакция индивида на других. Это непросчитываемый, непредсказуемый и креативный аспект идентичности. Люди заранее не знают, каково будет действие I: «И какова будет реакция, он не знает и никто другой не знает. Возможно, он сделает блестящий ход или допустит ошибку. Реакция на непосредственно возникающую в его жизни ситуацию не носит определенного характера» (Mead, 1934/1962, p. 175). Мы никогда целиком не осознаем I и через него удивляем своими действиями самих себя. Мы получаем знание об I только после того, как действие было совершено. Таким образом, мы знаем об I только в наших воспоминаниях. Мид подчеркивает значение I по четырем причинам. Во-первых, это ключевой источник новизны в социальном процессе. Во-вторых, Мид утверждает, что важнейшие ценности расположены именно в I. В-третьих, I создает основу того, к чему все мы стремимся — самореализации. Именно Іпозволяет нам развить «определенную личность». Наконец, Мид рассматривает эволюционный исторический процесс, в котором у людей примитивных обществ преобладает *me,* тогда как в современных обществах более значителен элемент I.

I придает теоретической системе Мида некоторую необходимую динамику и креативность. Без этого над акторами Мида целиком преобладал бы внешний и внутренний контроль. А используя это понятие, Мид может рассматривать изменения, вызываемые не только великими личностями в истории (например, Эйн-

[1] Отметим, что данные термины теории Мида, как правило, используются в оригинальном звучании («ай», «ми») и не переводятся; личное местоимение первого лица единственного числа *(I)* и косвенный падеж того же местоимения *(me)* обозначают соответственно индивидуалистскую ипостась личности и «Я» как объект, — *Примеч. перев.*

штейном), но также индивидами на повседневном уровне. Именно I делает возможными эти изменения. Поскольку каждая личность является смешением I и *me,* великие исторические фигуры видятся обладающими большей долей I , чем большинство других людей. Однако в повседневных ситуациях может самоутвердиться I любого человека и привести к изменениям социальной ситуации. Уникальность в систему Мида также привносится с помощью биографического формирования I и *me.* То есть специфические требования жизни каждого человека наделяют его уникальным соотношением / и *me.*

I противодействует *me,* которое является «организованным набором установок других, принимаемым человеком для себя» (Mead, 1934/1962, p. 175). Другими словами, *me* есть принятие обобщенного другого. В отличие от /, люди осознают *me* »; *me* включает осознанную ответственность. Как говорит Мид, *«me* есть общепринятый, привычный индивид» (1934/1962:197). Элемент *me* преобладает у конформистов, хотя каждый — независимо от его степени конформности — имеет, и должен иметь, существенную долю *me.* Именно с помощью *me* общество доминирует над индивидом. Действительно, Мид определяет понятие *социального контроля* как преобладание выражения *me* над выражением I. Позже в книге «Разум, самость и общество» Мид развивает свои идеи о социальном контроле:

> Социальный контроль, действуя со стороны самокритики, обширно и изнутри влияет на индивидуальное поведение, обеспечивая интеграцию индивида и его действий в соответствии с организованным социальным процессом бытия и поведения, в котором он участвует.... Социальный контроль над индивидуальным поведением осуществляется посредством социального происхождения и на основе такой (само)критики. То есть, по сути, самокритика является социальной критикой и поведение контролируется социально. Следовательно, социальный контроль, далекий от тенденции к разрушению человеческого индивида или к уничтожению его сознательной индивидуальности, на самом деле, напротив, является созидательным и неразрывно связанным с этой индивидуальностью (Mead, 1934/1962, p. 255)

Мид также рассматривает I и *me* с точки зрения прагматизма. *Me* позволяет индивиду комфортабельно существовать в социальном мире, тогда как I делает возможными общественные изменения. Общество получает достаточно конформности, позволяющей ему функционировать, и устойчивого вливания нового развития, предотвращающего застой. *I* и *me,* таким образом, составляют части целостного социального процесса и позволяют как индивидам, так и обществу функционировать более эффективно.

Общество

На самом общем уровне Мид использует термин *общество* для обозначения текущего социального процесса, предшествующего как разуму, так и самости. С учетом важности общества в формировании разума и самости оно, несомненно, имеет Для Мида первостепенное значение. На другом уровне общество для Мида представляет собой организованный набор реакций индивидов в форме *me.* Таким образом, в этом смысле индивиды носят общество в себе, что позволяет им с помощью самокритики контролировать себя. Мид также рассматривает эволюцию

общества. В то же время он относительно немного может сказать об обществе, несмотря на его центральное положение в теоретической системе социолога. Наиболее существенный вклад Мида состоит в его рассуждениях о разуме и самости. Даже Джон Болдуин, который видит в воззрениях Мида гораздо больший социетальный (макро) компонент, вынужден признать: «Макроэлементы теоретической системы Мида не столь разработаны, как микро» (1986, p. 123).

На более конкретном социетальном уровне Мид выдвигает ряд положений о социальных *институтах*. Мид широко определяет *институт* как «коллективный отклик сообщества» или «жизненные обычаи сообщества» (Mead, 1934/1962, p. 261,264; см. также Mead, 1936, p. 376). Конкретнее, он говорит, что «целое сообщество в определенных обстоятельствах действует по отношению к индивиду одинаковым образом... при этих условиях со стороны целого сообщества наблюдается идентичный отклик. Мы называем это формированием института» (Mead, 1934/1962, p. 167). Мы носим в себе этот организованный набор установок, и они служат для контроля наших действий, главным образом, посредством *те*.

Воспитание — это процесс «интернализации» актором коллективных обычаев сообщества (института). Этот процесс имеет существенное значение, поскольку, с точки зрения Мида, пока люди не могут реагировать на самих себя так же, как это делает сообщество, они не обладают самостью и не могут быть подлинными членами сообщества. Поэтому люди должны усвоить коллективные установки сообщества.

Кроме того, Мид уточняет, что институты не обязательно разрушают индивидуальность или сдерживают творчество. Мид признает, что существуют «подавляющие, стереотипные и крайне консервативные социальные институты, такие как церковь, которые своей более или менее суровой и жесткой ортодоксальностью подавляют или размывают индивидуальность» (Mead, 1934/1962, p. 262). Однако он тут же добавляет: «Не существует никакой необходимой или неизбежной причины для того, чтобы социальные институты носили подавляющий или жестко консервативный характер, или не были бы, как многие другие, гибкими и прогрессивными, поощряющими, а не сдерживающими, индивидуальность» (Mead, 1934/1962, p. 262). По мнению Мида, институты только в самом широком и общем смысле должны определять, как следует действовать людям, и должны оставлять много пространства для индивидуальности и креативности. Здесь Мид демонстрирует очень современную концепцию социальных институтов, одновременно принуждающих индивидов и позволяющих им быть индивидами креативными (см. Giddens, 1984).

В его анализе общества в целом и институтов в частности[1] Миду недостает истинно макроподхода, характерного для анализа на этом уровне для таких теоретиков, как Маркс, Вебер и Дюркгейм. Несмотря на это, у Мида реально присутствует понятие *эмерджентности* в том смысле, что целое рассматривается как нечто большее, чем совокупность его элементов. Конкретнее, «эмерджент-

[1] По крайней мере, в двух местах Мид предлагает более комплексное понимание общества. В одном месте он определяет *социальные институты* как «организованные формы групповой или социальной деятельности» (Mead, 1934/1962, p. 261). Ранее, в аргументе, напоминающем контовский, он предлагает понимание семьи как фундаментальной единицы общества и основы таких более крупных единиц, как род и государство.

ность включает реорганизацию, а реорганизация привносит нечто, чего раньше не было. Как только встречаются кислород и водород, появляется вода. Теперь вода становится комбинацией водорода и кислорода, но воды в этих отдельных элементах прежде не было» (Mead, 1934/1962, p. 198). Однако Мид гораздо более склонен применять понятие эмерджентности к сознанию, чем к обществу. То есть разум и самость рассматриваются как проистекающие из социального процесса. Более того, Мид склонен использовать термин *эмерджентность* сугубо для обозначения появления чего-либо нового или неизведанного (D. Miller, 1973, p. 41).

Символический интеракционизм: основные принципы

Центральный вопрос данной главы — рассмотрение основных принципов теории символической интеракции. Несмотря на нашу попытку охарактеризовать эту теорию в обобщенном виде, это сделать непросто, поскольку, как говорит Пол Рок, ей свойственны «умышленно созданная неясность» и «противодействие систематизации» (Rock, 1979, p. 18-19). В символическом интеракционизме есть существенные различия, часть из них будет рассмотрена ниже.

Некоторые символические интеракционисты (Blumer, 1969a; Manis and Meltzer, 1978; A. Rose, 1962) попытались перечислить основные принципы этой теории.

1. Люди, в отличие от низших животных, наделены способностью мыслить.
2. Способность мыслить формируется социальным взаимодействием.
3. В социальном взаимодействии люди усваивают значения и символы, позволяющие им осуществлять специфическую особенность человека мыслить.
4. Значения и символы позволяют людям осуществлять характерные для человека действия и взаимодействия.
5. Люди способны модифицировать или изменять значения и символы, используемые ими в действии и взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации.
6. Люди способны осуществлять эти модификации и изменения, отчасти благодаря способности взаимодействовать с собой, что позволяет им исследовать возможные направления действия, оценивать свои сравнительные преимущества и издержки, и затем выбирать один из путей.
7. Смешанные примеры действия и взаимодействия образуют группы и общества.

Мыслительная способность

Принципиальное допущение, что люди обладают способностью мыслить, отличает символический интеракционизм от его бихевиористских корней. Это предположение также создает фундамент всей теоретической ориентации символического интеракционизма. Бернард Мельтцер, Джеймс Петрас и Ларри Рейнольде Утверждали, что допущение человеческой способности мыслить стало одним из Крупнейших достижений ранних символических интеракционистов, таких как

Джемс, Дьюи, Томас, Кули и, конечно, Мид: «Индивиды в человеческом обществе не рассматривались как единицы, мотивируемые неконтролируемыми ими внешними или внутренними силами, или в рамках более или менее упорядоченной структуры. Напортив, они рассматривались как мыслящие или взаимодействующие единицы, составляющие социальное целое» (Meltzer, Petras and Raynolds, 1975, p. 42). Способность мыслить позволяет людям действовать обдуманно, а не вести себя бездумно. Зачастую люди должны управлять собой и контролировать свои действия, а не просто выпускать их на волю.

Способность мыслить находится в разуме, однако у символических интеракционистов несколько необычная концепция разума, согласно которой он возникает в процессе социализации сознания. Они отличают его от физиологического мозга. Чтобы возник разум, люди должны обладать мозгом, но мозг не порождает разум с неизбежностью, как это понятно в случае низших животных (Troyer, 1946). Символические интеракционисты также понимают разум не как предмет, физическую структуру, а, скорее, как длящийся процесс. Это процесс, который сам оказывается частью более общего процесса стимула-реакции. Разум связан практически с каждым понятием символического интеракционизма, в том числе с понятиями социализации, значения, символов, самости, взаимодействия и даже общества.

Мышление и взаимодействие

Люди обладают способностью мыслить. Эта способность должна формироваться и совершенствоваться в процессе социального взаимодействия. Такой подход приводит символического интеракциониста к анализу специфической формы социальной интеракции — *социализации.* Человеческая способность мыслить начинает развиваться на этапе социализации ребенка и совершенствуется на протяжении социализации взрослого человека. Взгляд символических интеракционистов на процесс социализации отличается от воззрений большинства других социологов. Как считают символические интеракционисты, традиционные социологи, вероятно, будут рассматривать социализацию просто как процесс, в котором люди усваивают необходимое им для того, чтобы выжить в обществе (например, куль-^{T}УРУ> ролевые ожидания). С точки зрения символических интеракционистов, социализация — это процесс более динамичный, позволяющий людям развивать способность мыслить, развивать ее характерным для человека образом. Кроме того, социализация — это не просто однонаправленным процессом получения актором информации, но представляет собой динамичный процесс формирования и приспособления информации к своим собственным потребностям (Manis and Meltzer, 1978, p. 6).

Символических интеракционистов, конечно, интересует не просто социализация, но интеракция в целом, «сама по себе жизненно важная» (Blumer, 1969b, p. 8). *Интеракция* есть процесс, в котором одновременно развивается и выражается способность мыслить. Интеракция всех видов, а не только интеракция во время социализации, совершенствует нашу способность мыслить. Кроме того, мышление формирует процесс интеракции. В большинстве взаимодействий акторы должны принимать во внимание других и решать, приспосабливать ли им свои действия к другим людям и, если да, то каким образом. Однако не любое взаимо-

действие, включает мышление. Здесь уместно упомянуть проведенное Блумером (вслед за Мидом) различие между двумя основными формами социального взаимодействия. Первая, несимволическая интеракция — разговор жестов у Мида — не включает мышление. Вторая форма, символическая интеракция, требует активации мыслительных процессов.

Важность, придававшаяся символическими интеракционистами мышлению, отражается в их воззрениях на *объекты.* Блумер различает три типа объектов: *физические объекты,* например стул или дерево; *социальные объекты,* такие как студент или мать; и *абстрактные объекты,* например идея или моральный принцип. Объекты рассматриваются как предметы «там» в реальном мире. Наибольшее же значение имеет способ определения их акторами. Последнее приводит к релятивистской точке зрения, что разные объекты имеют для различных индивидов неодинаковые значения: «Дерево будет разным объектом для ботаника, лесоруба, поэта и садовода-любителя» (Blumer, 1969b, p. 11).

В процессе социализации индивиды усваивают значения объектов. Большинство из нас овладевает традиционным набором значений, однако во многих случаях, как с вышеупомянутым деревом, мы по-разному определяем одни и те же объекты. Хотя такой подход можно довести до крайности, символическим интеракционистам не нужно отрицать существование объектов в реальном мире. Им нужно только указать на существенное значение определения этих объектов, а также на возможность различного определения акторами одного и того же объекта. Как сказал Герберт Блумер: «Характер объекта... состоит из значения, которое он имеет для человека, объектом для которого он выступает» (Blumer, 1969b, p. 11).

Усвоение значений и символов

Символические интеракционисты, вслед за Мидом, склонны приписывать социальной интеракции причинную значимость. Таким образом, значение происходит не от изолированных мыслительных процессов, а от интеракции. Этот подход вытекает из мидовского прагматизма: он фокусировался на действии и взаимодействии, а не изолированных мыслительных процессах. Символические интеракционисты, в целом, двигались в этом направлении. Среди прочего, центральный вопрос заключается не в том, как люди мысленно создают значения и символы, а как они узнают их в процессе интеракции в целом и социализации, в частности.

Люди усваивают символы, а также значения, в процессе социального взаимодействия. В то время как на знаки люди откликаются бессознательно, на символы они реагируют обдуманно. Знаки обозначают сами себя (например, жесты злых собак или вода для умирающего от жажды человека). *«Символы есть социальные объекты, используемые для представления* (или "обозначения", "замены") того, что, согласно договоренности людей, они будут представлять» (Charon, 1998, p. 47).

Не все социальные объекты обозначают другие вещи, но те, которые обозначают, становятся символами. Слова, артефакты и физические действия (например, слово *«лодка»,* крест или Звезда Давида и сжатый кулак) могут быть символами. Люди часто пользуются символами, чтобы сообщить что-либо о себе: они водят «Роллс-ройсы», например, чтобы сообщить об определенном стиле жизни.

Символические интеракционисты понимают язык как обширную систему символов. Слова являются символами, потому что используются для обозначения

вещей. Слова делают все остальные символы возможными. Действия, объекты и другие слова существуют и имеют значение только потому, что они уже были или могут быть описаны словами.

Символы играют решающую роль в способности людей поступать по-человечески. Из-за символа человек «не пассивно откликается на реальность, которая навязывает себя, а активно создает и воссоздает мир, в котором он действует» (Charon, 1998, p. 69). Кроме этой общей значимости символы в целом и язык в частности обладают для актора рядом специфических функций.

Во-первых, символы дают возможность людям взаимодействовать с материальным и социальным миром, позволяя им называть, классифицировать и запоминать объекты, с которыми они сталкиваются. Таким образом, люди способны упорядочивать мир, который иначе был бы запутанным. Язык позволяет людям называть, классифицировать и особенно запоминать значительно эффективнее, чем они могли бы это делать с помощью символов другого рода, например изобразительных образов.

Во-вторых, символы улучшают человеческую способность постигать окружающую среду. Вместо того чтобы подчиняться потоку множества неотличимых стимулов, актор может испытывать более сильное воздействие одних элементов среды по сравнению с другими.

В-третьих, символы улучшают способность мыслить. Хотя набор рисованных символов обычно дает ограниченную способность мыслить, язык значительно ее расширяет. Мышление с этой точки зрения может пониматься как символическая интеракция с самим собой.

В-четвертых, символы значительно повышают способность решать различные проблемы. Низшие животные должны использовать метод проб и ошибок, но люди могут символически обдумать разнообразие альтернативных действий перед тем, как совершить реальный поступок. Такая способность уменьшает шанс совершить трудноисправимую или непоправимую ошибку.

В-пятых, использование символов позволяет акторам выходить за пределы времени, пространства и даже собственной личности. С помощью использования символов они могут вообразить, что представляла собой жизнь в прошлом или какова она может оказаться в будущем. Кроме того, акторы символически могут выходить за пределы своей собственной личности и представить мир с точки зрения другого человека. Это хорошо известная в символическом интеракционизме концепция *принятия роли другого* (D. Miller, 1981).

В-шестых, символы позволяют нам представить метафизическую реальность, например рай или ад. В-седьмых, на самом общем уровне символы позволяют людям избегать порабощения их окружением. Они могут быть активными, а не пассивными, т. е. управлять своими действиями.

Действие и взаимодействие

Важнейшим вопросом для символических интеракционистов является влияние значений и символов на человеческое действие и взаимодействие. Здесь полезно применить мидовское деление поведения на скрытое и явное. *Скрытое поведение*

есть процесс мышления, включающий символы и значения. *Явное поведение* — это поведение, реально осуществляемое актором. Некоторые виды явного поведения не содержат скрытого (привычное поведение или бессознательные реакции на внешние стимулы). Вместе с тем большая часть человеческих действий включает оба вида поведения. Максимальный интерес для символических интеракционистов представляет скрытое поведение. Явное же имеет наибольшее значение для теоретиков обмена и традиционных бихевиористов в целом.

Значения и символы придают отчетливые характеристики социальному действию (в котором участвует единичный субъект) и социальному взаимодействию (которое охватывает двух или более акторов, участвующих в совместном социальном действии). В случае социального действия индивиды мысленно взаимодействуют с другими. Иначе говоря, предпринимая действие, люди одновременно пытаются оценить его влияние на других участвующих акторов. Хотя зачастую люди демонстрируют бессознательное, привычное поведение, они обладают способностью вступать в социальное действие.

В процессе социального взаимодействия люди с помощью символов сообщают значения другим участникам интеракции. Другие интерпретируют эти символы и строят свои ответные действия на основе своей интерпретации. Иначе говоря, в случае социального взаимодействия акторы вовлечены в процесс взаимного влияния.

Осуществление выбора

Отчасти благодаря способности использовать значения и символы, люди, в отличие от низших животных, могут в своих действиях делать выбор. Они не обязательно должны принимать значения и символы, навязываемые им извне. На основе своей собственной интерпретации ситуации «люди способны создавать новые значения и новые границы значения» (Manis and Meltzer, 1978, p. 7). Таким образом, с точки зрения символических интеракционистов, акторы, по крайней мере до некоторой степени, обладают автономией. Они не просто испытывают на себе принуждение или детерминацию; они способны осуществлять нестандартный и независимый выбор. Более того, они способны создавать уникальный стиль жизни (Perinbanayagam, 1985, p. 53).

Эту творческую способность субъекта подчеркнули в своей концепции *определения ситуации* У. И. Томас и Дороти Томас: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» (Thomas and Thomas, 1928, p. 572). Томасы осознавали, что большинство наших определений ситуаций сформировало для нас общество. Фактически, они подчеркивали этот момент, особенно как источники наших социальных дефиниций, выделяя семью и сообщество. Однако позиция Томасов отличается акцентированием возможности «спонтанных» индивидуальных определений ситуаций, позволяющих людям изменять и модифицировать значения и символы.

Способность акторов проводить различие отражена в статье Гэри Файна и Шерил Клейнман (Fine and Kleinman, 1983), в которой анализируется «социальная сеть». Вместо того чтобы рассматривать социальную сеть как бессознательную и/или принудительную социальную структуру, Файн и Клейнман рассматривают ее

как набор социальных отношений, которые люди наделяют значением и используют для личных и/или коллективных целей.

«Я» и творчество Ирвинга Гофмана

«Я» (самость) является для символических интеракционистов очень важным понятием (Bruder, 1998). Фактически, Рок утверждает, что «Я» «составляет самый центр интеллектуальной схемы интеракционистов. Все остальные социологические процессы и события вращаются вокруг этого центра, заимствуя у него свое аналитическое значение и организацию» (Rock, 1979, p. 102). Стараясь осмыслить это понятие вне первоначальной мидовской формулировки, сначала мы должны понять концепцию *зеркального «Я»,* которую разработал Чарльз Хортон Кули (Franks and Gecas, 1992). Кули так определил это понятие:

> До некоторой степени отчетливое представление о том, как чье-то «Я» — любая разделяемая им идея — видится в отдельном сознании, и своеобразное ощущение себя, которым обладает человек, определяется отношением к тому, что приписывается этому другому сознанию... Таким образом, в своем воображении мы воспринимаем в сознании другого определенное мнение о нашей внешности, манерах, целях, поступках, характере, друзьях и так далее, и испытываем различное его влияние (Cooley, 1902/1964, p. 169)

Идею зеркального «Я» можно разбить на три элемента. Во-первых, мы рисуем себе, какими мы кажемся другим. Во-вторых, мы представляем, каким должно быть их суждение об этих наших проявлениях. В-третьих, мы вырабатываем некоторое ощущение себя, например гордость или стыд, как результат нашего представления о суждениях других.

Понятие зеркального «Я» у Кули и концепция самости Мида имели важное значение для развития современной «Я»-концепции в символическом интеракционизме. Блумер определял *«Я»* крайне просто: «Это выражение [«Я»] не подразумевает ничего эзотерического. Оно означает всего лишь, что человек может быть объектом собственного действия... он действует в отношении самого себя и направляет себя в своих действиях в отношении других на основании своеобразного объекта, которым он выступает для самого себя» (1969b, p. 12). «Я» есть процесс, а не предмет (Perinbanayagam, 1985). Как пояснил Блумер, благодаря «Я» люди могут действовать, а не просто реагировать на внешние стимулы:

> Этот процесс [интерпретация] имеет две различные стадии. Во-первых, актор определяет для себя предметы, в отношении которых действует; он должен выявить в себе те предметы, которые обладают значением... Это взаимодействие с самим собой отличается от взаимодействия психологических элементов; это образец участия человека в процессе коммуникации с самим собой... Во-вторых, в силу этого процесса общения с собой, интерпретация становится вопросом обращения с символами. Актор выбирает, проверяет, временно исключает, перегруппировываете'!" и изменяет значения в свете той ситуации, в которой он оказался, и направления своего действия (Blumer, 1969b:5)

Хотя данное описание интерпретации подчеркивает роль «Я» в процессе выбора способа действия, на самом деле Блумер не слишком продвинулся по срав-

нению с ранними формулировками Кули и Мида. Однако другие современные мыслители и исследователи усовершенствовали понятие «Я».

Творчество Ирвинга Гофмана

Наиболее важная, посвященная «Я» работа в рамках символического интеракционизма — это «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959) Ирвинга Гофмана *J.* Dowd, 1996; Schwalbe, 1993;Travers, 1992;Tseelon, 1992). Гофмановская концепция «Я» очень многим обязана идеям Мида, в частности, рассмотрению конфликта между I, спонтанной самостью, и *me* , социальными ограничениями в самости. Данное противоречие отражено в работе Гофмана о том, что он назвал «ключевым рассогласованием между нашими общечеловеческими "Я" и нашими социализированными "Я"» (Goffman, 1959, p. 56). Этот конфликт проистекает из различия между тем, что люди ожидают от наших действий, и теми стихийными действиями, которых мы, возможно, желаем. Мы сталкиваемся с требованием делать то, что от нас ожидается. Кроме того, мы не должны колебаться. Как об этом говорил Гофман, «мы не должны быть подвержены отклонениям в ту или иную сторону» (Goffman, 1959, p. 56). Для того чтобы поддерживать стабильность своего имиджа, люди выступают перед своей социальной аудиторией. Из-за своего интереса к театральности Гофман сконцентрировался на *драматургии* или взгляде на социальную жизнь как на ряд драматических представлений сродни тем, что происходят на сцене.

Драматургия. Гофмановское понимание «Я» было сформировано его драматургическим подходом. Для Гофмана (как и для Мида и большинства других символических интеракционистов) «Я»

> не есть органическое явление, с конкретным местоположением... Поэтому, анализируя «Я», мы отвлекаемся от его обладателя, от человека, который, больше всего из-за него выиграет или проиграет, поскольку этот человек и его плоть просто обеспечивает опору, на которой некоторое время будет удерживаться некий продукт коллективной деятельности... Средства для производства и утверждения социальных «Я» внутри этой опоры не содержатся (Goffman, 1959, p. 252-253).

Гофман понимал социальное «Я» не как собственность актора, а скорее как продукт театрализованного взаимодействия между исполнителем и публикой. Самость «есть театральный эффект, порождаемый... разыгрываемой сценой» (Goffman, 1959, p. 253). Из-за того что самость — продукте театрализованного взаимодействия, она может разрушиться во время представления. В своей драматургии Гофман рассматривает процессы, при которых такие нарушения предотвращаются или нейтрализуются. Хотя немалая часть его размышлений отведена этим вероятностям драматургии, Гофман указывал, что большинство представлений проходит успешно. В результате, при обычных обстоятельствах, исполнителям приписывается устойчивое «Я», и оно «кажется» исходящим от исполнителя.

Гофман полагал, что когда индивиды взаимодействуют, они хотят изобразить определенное понимание своего «Я», которое будет принято другими. Однако, даже представляя это «Я», исполнители осознают, что часть аудитории может сорвать их спектакль. По этой причине исполнители настраиваются на необходимость

Ирвинг Гофман: биографический очерк

Ирвинг Гофман умер в 1982 г, на пике славы. Долгое время он считался «культовой» фигурой в социологической теории. Гофман достиг этого положения, будучи профессором престижного социологического отделения в университете Беркли, штат Калифорния, и позднее занимая доходную должность в Пенсильванском университете Лиги плюща.

К 1980-м гг. он проявил себя как значимый теоретик. Фактически, в год своей смерти он был избран президентом Американской социологической ассоциации, но не смог выступить с президентским посланием из-за прогрессирующей болезни. Принимая во внимание особый статус Гофмана, Рэндалл Коллинз говорит о его послании: «Каждого интересовало, что он приготовит для своего президентского послания: обычная традиционная презентация казалась немыслимой для Гофмана с его репутацией бунтаря... но мы получили гораздо более драматическое сообщение: президентское послание отменяется, Гофман умирает. Это был вполне гофмановский способ выхода из ситуации» (Collins, 1986b, p. 112).

Гофман родился в провинции Альберта (Канада) 11 июня 1922 г. (S. Williams, 1986). Он получил свои высокие степени в Чикагском университете, поэтому чаще всего его называют представителем Чикагской школы и символическим интеракционистом. Однако когда незадолго до смерти его спросили, считает ли он себя символическим интеракционистом, он ответил, что этот термин слишком расплывчат, чтобы он мог поместить себя в данную категорию (Manning, 1992). В самом деле, трудно уместить его творчество в какую-либо одну группу теорий. При формировании своих теоретических взглядов Гофман привлекал многие источники и создал собственный особый подход.

Коллинз (Collins, 1986b; Williams, 1986) больше связывает Гофмана с социальной антропологией, нежели с символическим интеракционизмом. Будучи студентом университета Торонто Гофман изучал антропологию, а в Чикаго «его основные контакты были не с символическими интеракционистами, а с У. Ллойдом Уорнером [антропологом]» (Collins, 1986b, p.109). Сточки зрения Коллинза, изучение цитат из ранних работ Гофмана показывает, что он находился под влиянием социальных антропологов и редко ссылался на символических интеракционистов, а если и цитировал их, то лишь с целью критики. Однако на Гофмана повлияли описательные исследования, проводившиеся в Чикаго, и, объединив их мировоззрение с социально-антропологическим, он создал свой, отличный от других подход. Таким образом, тогда как символический интеракционист обычно смотрит на то, как люди создают или обсуждают свой имидж, Гофмана интересовало, как «общество... вынуждает людей изображать определенный образ самих себя... потому что оно заставляет нас переходить от одной из множества сложных ролей к другой, а также всегда отчасти делает нас лживыми, непоследовательными и бесчестными» (Collins, 1986a, p. 107).

Несмотря на оригинальность своего подхода, Гофман оказал огромное влияние на символический интеракционизм. Кроме того, можно утверждать, что он причастен к формированию другой социологии повседневности — этнометодологии. Фактически, Коллинз рассматривает Гофмана в качестве ключевой фигуры в формировании не только этнометодологии, но также и конверсационного анализа: «Именно Гофман впервые стал заниматься тщательным эмпирическим исследованием повседневной жизни, хотя делал это только путем наблюдения, так как еще не настала эпоха магнитофонов и видеомагнитофонов» (1986b, p. 111). (См. главу 7 о рассмотрении отношений между этнометодоло-гией и конверсационным анализом.) На самом деле, ряд известных представителей этнометодологии (Sacks, Schegloff) учились в Беркли с Гофманом, а не с основателем этнометодологии, Гарольдом Гарфинкелем.

Учитывая влияние гофмановских теорий на символический интеракционизм, структурализм и этнометодологию, можно сказать, что они, по-видимому, будут еще долго оставаться в силе.

контроля над аудиторией, особенно теми ее членами, которые могли бы оказать разрушительное влияние. Исполнители надеются, что то понимание «Я», которое они представляют публике, будет для нее достаточным, чтобы определить испол-

нителей так, как они того хотят. Исполнители также рассчитывают на то, что это вынудит аудиторию добровольно действовать таким образом, как хотели бы исполнители. Гофман охарактеризовал эту важнейшую задачу как «управление впечатлением». Оно включает способы, которые используют исполнители, чтобы поддерживать определенное впечатление вопреки проблемам, с которыми они могут столкнуться, и методы, которые они применяют для решения этих проблем.

Следуя такой аналогии с театром, Гофман использовал термин «передний план». *Передний план* — это место, где происходит та часть представления, которая обычно действует довольно устойчиво и обобщенно, определяя ситуацию для тех, кто наблюдает за представлением. Далее в рамках этой авансцены Гофман выделяет обстановку и личный передний план. *Обстановка* относится к физической сцене, которая обычно должна присутствовать при выступлении. Без этого исполнители обычно не могут выступать. Например, хирургу обычно требуется операционная, таксисту — такси, а конькобежцу — лед. *Личный передний план* состоит из тех элементов экспрессивного оформления, которые аудитория идентифицирует с исполнителями и ожидает, что они будут сопровождать их в обстановке. Например, предполагается, что хирург будет одет в медицинский халат, у него будут определенные инструменты и т. д.

Затем Гофман подразделил личный передний план на внешний вид и манеры. *Внешний вид* включает те моменты, которые говорят нам о социальном статусе исполнителя (например, медицинский халат хирурга). *Манеры* говорят аудитории, какого рода роль исполнитель предполагает играть в данной ситуации (например, использование определенных повадок, внешнего поведения). В частности, резкая и мягкая манеры поведения демонстрируют совершенно разные типы представлений. В целом, мы ожидаем согласованности внешнего вида и манер.

Хотя Гофман рассматривал передний план и другие аспекты своей системы как символический интеракционист, он исследовал и их структурный характер. Например, он утверждал, что передние планы имеют тенденцию к институционализации, поскольку относительно того, что должно происходить на определенном плане, возникают «коллективные представления». Очень часто, когда исполнители играют установленные роли, они обнаруживают определенные, уже установленные для таких представлений передние планы. В результате, как утверждает Гофман, существует тенденция выбирать, а не создавать передние планы. Эта идея передает гораздо более структурный образ, чем мы обычно могли бы ожидать от большинства символических интеракционистов.

Несмотря на такой структурный подход, наиболее интересные достижения Гофмана лежат в сфере интеракции. Он утверждал, что, поскольку люди в представлениях на авансцене обычно[1] пытаются представить идеализированную картину самих себя, они неизбежно понимают, что должны в своих представлениях что-то скрывать. Во-первых, исполнители, возможно, захотят скрыть тайные удовольствия (например, употребление алкоголя), присутствовавшие в предшествующем выступлению времени или в прошлом (как, например наркоманы), несовме-

[1] Но не всегда — см. Ungar (1984) о выставлении себя на посмешище как способе представления своего «Я».

стимые с их текущим представлением. Во-вторых, исполнители, вероятно, захотят скрыть ошибки, которые были допущены при подготовке представления, а также предпринимаемые шаги по их исправлению. Например, таксист, возможно, постарается утаить, что сначала поехал в неверном направлении. В-третьих, исполнители могут обнаружить необходимость показывать лишь конечные продукты и скрывать процесс, включенный в их производство. К примеру, профессора могут потратить на подготовку к лекции несколько часов, но они, вероятно, будут иметь желание вести себя так, как будто всегда знали материал. В-четвертых, для исполнителей может быть необходимо скрыть от аудитории, какая «грязная работа» была проведена при создании конечного продукта. Грязная работа может включать в себя задачи, которые «были физически нечистоплотными, полулегальными, жестокими и как-то иначе предосудительными» (Goffman, 1959, p. 44). В-пятых, играя определенную роль, исполнители, возможно, пожертвуют какими-либо другими нормами. Наконец, исполнители, вероятно, считают необходимым скрывать любые оскорбления, унижения и сделки, предпринятые, чтобы представление могло продолжаться. В общем, корыстный интерес исполнителей состоит в сокрытии от своей публики всех фактов подобного рода.

Другой аспект драматурги на авансцене состоит в том, что исполнители зачастую пытаются создать впечатление, что они ближе к аудитории, чем это есть на самом деле. Например, исполнители могут пытаться способствовать впечатлению, что представление, в котором они участвуют в данный момент, является их единственным или, по крайней мере, самым важным выступлением. Для этого исполнители должны быть уверены, что их аудитории изолированы друг от друга таким образом, что фальшивость представления не будет никем замечена. Даже если ее обнаружат, то, как утверждает Гофман, аудитория сама, возможно, попытается преодолеть впечатление фальши, чтобы не разрушать свой идеализированный образ исполнителя. В этом проявляется интеракционный характер житейских спектаклей. Успех представления зависит от вовлечения всех участников. Другой пример такого рода управления впечатлением — попытка исполнителя передать идею, что в данном представлении есть нечто уникальное, так же как и в его отношении с аудиторией. Публика также хочет верить, что она наблюдает уникальное выступление.

Исполнители стремятся убедиться в том, что все элементы определенного представления увязаны друг с другом. В некоторых случаях единственный противоречивый момент может сорвать спектакль. Однако представления различаются по количеству требуемой согласованности. Если бы священник поскользнулся во время службы, это было бы ужасным сбоем, если же таксист свернет не на ту улицу, это вряд ли нанесет серьезный ущерб всему представлению.

Мистификация — другой метод, используемый исполнителями. Зачастую исполнители стремятся мистифицировать свое выступление с помощью ограничения контактов с аудиторией. Создавая «социальную дистанцию» между собой и публикой, они стараются вызвать у публики чувство некого благоговейного трепета. Это, в свою очередь, удерживает аудиторию от сомнения в подлинности представления. Опять-таки Гофман указывал, что в этом процессе участвует публика,

которая сама нередко стремится поддержать впечатление достоверности исполнения, сохраняя «дистанцию» с исполнителем.

Это приводит нас к гофмановским взглядам на команды. Гофман, как символический интеракционист, считал, что повышенное внимание к конкретным акторам заслоняет важные сведения о взаимодействии. Базовой единицей анализа для Гофмана была, таким образом, личность, а не команда. *Команда* — это любая группа индивидов, которые сотрудничают в постановке определенного рутинного житейского взаимодействия. Таким образом, описанное обсуждение отношений между исполнителем и аудиторией на самом деле относится к командам.[1] Каждый член команды зависит от других, потому что каждый может сорвать представление и каждый осознает, что он занят в совместной постановке. Гофман сделал вывод, что команда — это своего рода «тайное общество».

Гофман также рассматривал *закулисную зону,* где могут проявиться скрываемые на переднем плане факты или различного рода неформальные действия. Кулисы обычно примыкают к авансцене, но одновременно и отрезаны от нее. Исполнители, безусловно, могут рассчитывать на то, что члены их парадной аудитории не появятся за кулисами. Чтобы удостовериться в этом, они применяют различные виды управления впечатлениями. Выступление, вероятно, станет затруднительным, если исполнители не способны предотвратить появление аудитории за кулисами. Существует также третья, остаточная сфера, *внешняя зона,* которая не является ни авансценой, ни кулисами.

Никакая область жизни *все время* не может быть одной из этих трех сфер. Более того, определенная область в разное время занимает все три сферы. Профессорский офисстановится авансценой, когда его посещает студент, кулисами, когда студент уходит, и внешней зоной, когда профессор находится на университетском матче по баскетболу.

Управление впечатлениями. В целом *управление впечатлениями* нацелено на защиту от ряда неожиданных действий, таких как непроизвольные жесты, несвоевременное вторжение и *Faux pas*[2] (оплошности), а также преднамеренные поступки, например затевание скандала. Гофмана интересовали различные методы разрешения подобных проблем. Во-первых, существует набор способов, направленных на изображение «драматургической верности». Этого можно достичь, например, развивая максимальную групповую солидарность, не допуская идентификации членов команды с аудиторией и периодически меняя аудитории, для того чтобы они не были слишком осведомлены об исполнителях. Во-вторых, Гофман предположил различные формы драматургической дисциплины. Сюда относятся случаи, когда человек сохраняет «присутствие духа», чтобы исключить промахи, примеры поддержания самообладания и управления выражением лица и тоном голоса

[1] Исполнитель и аудитория представляют собой одни типом команды, но Гофман говорил и о группе исполнителей как о единой команде, и об аудитории как о другой команде. Гофман утверждал, что команда может также выступать в лице одного человека. Его логика, следующая классическому сим волическому иптеракционизму, состояла в том, что индивид может быть своей собственной ауди торией — может *представлять,* что присутствует публика.

[2] *Faux pas* — дословно: *ложные шаги (фр.). — Примеч. пер.*

при определенном выступлении. В-третьих, он выделял различные типы драматургической осмотрительности. Это, например, предварительное определение сценария представления, планирование непредвиденных ситуаций, отбор верных членов команды, подбор благожелательной аудитории, вхождение в небольшие команды, где разногласия наименее вероятны, допущение лишь кратковременных появлений на публике, предотвращение доступа аудитории к частной информации и полная договоренность о программе действий, чтобы избежать непредвиденных происшествий.

Аудитория также выигрывает в случае успешного управления впечатлением со стороны исполнителя или команды исполнителей. Чтобы спасти спектакль, аудитория проявляет к нему огромный интерес и внимание, избегает эмоциональных вспышек, не замечает промахов и выказывает особое уважение по отношению к исполнителю-новичку.

Мэннинг указывает не только на то, что понятие «Я» занимает в книге Гофмана центральное место, но и на то, что автор дает в ней *циничную* оценку людей:

> Общая направленность «Представления себя другим в повседневной жизни» проявляется для мира, в котором люди, индивидуально или в группах, преследуют свои личные цели, цинично пренебрегая другими людьми.... Личность здесь рассматривается как набор масок для представлений, скрывающих манипулятивное и циничное «Я» (Manning, 1992, p. 44).

Мэннинг выдвигает «тезис двух "Я"», чтобы описать этот аспект гофманов-ского подхода: имеется в виду, что люди одновременно обладают внешним «Я» для представлений и скрытым, циничным «Я».

Ролевая дистанция. Гофмана (Goffman, 1961) интересовала степень поглощенности личности данной ролью. С его точки зрения, из-за большого числа ролей мало кто целиком поглощен некоторой определенной ролью. *Ролевая дистанция* обозначает степень отделения себя от ролей, которые человек играет. Например, если дети старшего возраста отправляются на карусель, они, вероятно, понимают, что на самом деле слишком взрослые, чтобы получить от этого развлечения удовольствие. Единственный путь справиться с этим чувством — продемонстрировать дистанцирование от роли, небрежно исполняя во время катания на карусели опасные действия. Выполняя эти действия, дети старшего возраста на самом деле показывают публике, что они не столь поглощены этим занятием, как маленькие дети, или что если они им и поглощены, то только из-за того, что делают что-то необычное.

Один из ключевых выводов Гофмана состоит в том, что ролевая дистанция есть функция социального статуса. Люди, имеющие высокий статус, зачастую демонстрируют ролевую дистанцию по причинам, отличным от характерных для людей на низших статусных позициях. Например, хирург высокого статуса может проявлять в операционной ролевую дистанцию, чтобы снять напряжение в группе оперирующих врачей. Люди более низкого статуса обычно занимают в проявлении ролевой дистанции более оборонительную позицию. Например, уборщики туалетов могут проделывать свою работу с томным скучающим видом. Возможно, они будут пытаться сказать своей аудитории, что они слишком хороши для такой работы.

Стигма. Гофман (Goffman, 1963b) рассматривал разрыв между тем, чем человек должен быть, *«фактической социальной идентичностью»,* и тем, что он на самом деле из себя представляет, *«реальной социальной идентичностью».* Любой человек, имеющий между этими двумя идентичностями разрыв, «заклеймен». С помощью понятия *«стигма»* рассматриваются театрализованные взаимодействия между нормальными и заклейменными людьми. Природа такого взаимодействия зависит от того, к какой из двух категорий принадлежит человек. В случае *дискредитированной* стигмы исполнитель полагает, что различия известны членам аудитории или очевидны для них (например, страдающий параличом или не имеющий конечностей). *Дискредитируемая* стигма — такая, в которой членам аудитории различия не известны и не ощущаются ими (например, в случае человека, который занимался проституцией или имел гомосексуальную связь). Для человека, имеющего дискредитированную стигму, основная драматургическая проблема — контроль над напряжением, возникающим из-за того, что людям об их трудностях известно. Для человека с дискредитируемой стигмой драматургическая проблема заключается в управлении информацией таким образом, чтобы их трудность оставалась аудитории неизвестной. (О рассмотрении решения бездомными проблем стигматизации см. Anderson, Snow и Cress, 1994.)

Большая часть текста «Стигмы» Гофмана посвящена людям с очевидными, часто гротескными стигмами (например, отсутствием носа). Но по мере чтения книги читатель понимает, что Гофман на самом деле говорит о том, что в то или иное время либо в той или иной обстановке мы все имеет стигмы. В качестве примеров он, в частности, приводит «вхождение» еврея в преимущественно христианское общество, толстого человека в группу людей с нормальным весом и индивида, который лгал о своем прошлом и все время должен быть уверен, что аудитория не знает о его обмане.

Основные предпосылки. Рассматривая большое число гофмановских работ по взаимодействию, Мэннинг определяет четыре «взаимодействующих принципа, которые ограничивают непосредственную интеракцию» (Manning, 1992, p. 78):

1. «[Взаимодействующие должны проявлять *ситуационное соответствие»* или «практическое знание того, как вести себя в социальных ситуациях» (Manning, 1992, p. 78-79). Сюда относятся случаи наподобие соблюдения этикета в специфических ситуациях, — другими словами — выполнение того, что считается уместным. Однако следует пояснить, что то, что считается правильным, может меняться в зависимости от ситуации.
2. Люди должны продемонстрировать соответствующий уровень *вовлеченности* в данную социальную ситуацию. Например, люди обычно не могут казаться рассеянными, если участвуют в социальном взаимодействии.
3. Люди должны проявлять соответствующие уровни *вежливого невнимания* при взаимодействии с незнакомцами. То есть в ситуациях анонимности нам надлежит на многое не обращать внимания. Вежливое невнимание «выражает неустойчивое равновесие между признанием существования людег вокруг нас и намеренным уважением к ним. Мы уважаем их право на неприветливую анонимность» (Manning, 1992, p. 85).

4. Взаимодействующие должны быть *доступны* друг для друга, иначе социальная интеракция полностью разрушится.

В основе этих четырех предпосылок лежит предположение еще более фундаментальное, названное Гофманом «условием счастья». Это «любая установка, которая позволяет нам оценивать вербальные действия человека не как проявление отчужденности» (Goffman, цит. по: Manning, 1992, p. 88).

Анализ фреймов. В *«Анализе фреймов»* Гофман (Goffman, 1974) отошел от базы классического символического интеракционизма и обратился к исследованию малых структур социальной жизни (исследование, использующее идею фреймов, см. у McLean, 1998). Хотя он не отошел от позиции, что люди определяют ситуации в указанном У. И. Томасом смысле, теперь он считал, что такие определения менее важны: «Определение ситуаций как реальных, безусловно, имеет ряд последствий, но они лишь в незначительной степени могут повлиять на происходящие события» (Goffman, 1974, p. 1). Более того, даже когда люди определяют ситуации, они обычно не создают подобных определений. Действие больше определяется механическим соблюдением правил, а не с помощью активного, созидательного и продуманного процесса. Гофман так сформулировал свою цель: «попытаться вычленить некоторые базовые рамки понимания, используемые в нашем обществе для придания событиям смысла, и проанализировать, когда эти названные структуры особенно уязвимы» (1974, p. 10).

Гофман проанализировал ситуации повседневной жизни, стремясь обнаружить структуры, которые невидимо ими управляют. Это «"схемы интерпретации", которые позволяют индивидам "размещать, воспринимать, опознавать и обозначать" происшествия в их жизненном пространстве и в мире в целом. Придавая событиям или происшествиям значение, фреймы организуют опыт и руководят действием, индивидуальным или коллективным» (Snow, 1968, p. 464). Фреймы — принципы организации, которые определяют наш повседневный опыт. Они являются предположениями о том, что мы видим в социальном мире. Без фреймов наш мир был бы немногим больше, чем неупорядоченным набором индивидуальных несвязанных событий и фактов. Гонос обосновал другие структурные характеристики фреймов:

> Из гофмановского анализа отдельных структурированных действий мы можем получить некоторые принципиальные характеристики фреймов. Фрейм понимается не как свободное, отчасти случайное кратковременное соединение элементов. Скорее, он состоит из установленного набора существенных компонентов, имеющих определенную организацию и устойчивые отношения. Эти компоненты не собираются повсеместно, как элементы какой-либо ситуации, а всегда соединены, вкупе составляя систему. Стандартные компоненты имеют стройный и законченный характер... В любом примере нашего опыта присутствуют другие, менее существенные элементы, сообщающие целому некоторые свои свойства... Во всех этих характеристиках понятие фреймов очень схоже с термином «структуры» (Gonos, 1977, p. 860).

С точки зрения Гоноса, фреймы в основном это правила или законы, определяющими взаимодействие. Обычно правила носят бессознательный характер и не оговариваются. Гонос выделял, в частности, правила, которые определяют «как должны "интерпретироваться" знаки, как внешние проявления связаны с соци-

альными "Я" и какой "опыт" сопутствует деятельности» (Manning, 1980, p. 160). Гонос делает следующий вывод: «Гофмановская проблематика, таким образом, способствует исследованию не наблюдаемого "повседневного" взаимодействия как такового, а его внутренней структуры и идеологии; не ситуаций, а их фреймов» (Manning, 1980, p. 160).

Мэннинг (Manning, 1992, p. 119) приводит следующие примеры того, как из-за применения к одному и тому же ряду событий различных фреймов, этим событиям придается совершенно разное значение. Например, что мы должны подумать при виде женщины, которая кладет в карман двое часов и уходит из магазина, не заплатив? Если рассматривать ситуацию через фрейм местного детектива, ясно, что это чистый случай магазинной кражи. С точки зрения фрейма права ее адвокат может рассматривать это как действие рассеянной дамы, которая пошла покупать подарки своим дочерям. Возьмем другой пример. Применяя медицинский фрейм, женщина может расценивать действия своего гинеколога с одной стороны, если же она использует фрейм сексуальности и сексуального домогательства, то может те же самые действия оценить совсем иначе.

Другое изменение, которое, как считает Мэннинг, ясно проявилось в «Анализе фреймов» и было подготовлено другими работами Гофмана, — это отступление от циничного взгляда на жизнь, лежавшего в основе «Представления себя другим в повседневной жизни». На первой же странице «Анализа фреймов» » Гофман говорит: «Мир не есть сцена: определенно, театр не повсеместен» (1974, p. 1). Гофман явно подошел к признанию ограниченности понятия театра в качестве метафоры повседневной жизни. Будучи полезной для решения некоторых задач, эта метафора, высвечивая некоторые аспекты жизни, скрывает другие. В частности, не рассматривается значение ритуала в повседневной жизни. Вот как Мэннинг описывает одну из функций, выполняемых ритуалом в повседневной жизни:

> Для Гофмана ритуал имеет существенное значение, потому что поддерживает наше доверие к базовым общественным отношениям. Ритуал позволяет другим оправдать законность нашего положения в социальной структуре, обязывая совершать это и нас. Ритуал представляет собой позиционный механизм, с помощью которого, как правило, социальные низы подтверждают более высокое положение превосходящих их слоев. Статус ритуала в обществе отражает легитимность его социальной структуры, поскольку ритуальное уважение к индивидам есть также знак уважения к ролям, которые они исполняют (Manning, 1992, p. 123).

В более общем виде мы можем сказать, что ритуалы — это один из ключевых механизмов, с помощью которых повседневной жизни и социальному миру в целом придается упорядоченность и прочность.

Интерес Гофмана к ритуалам привел его непосредственно к позднему творчеству Эмиля Дюркгейма, особенно, «Элементарным формам религиозной жизни». В более широком смысле, в соответствии с дюркгеймовским пониманием социальных фактов, Гофман обратился к рассмотрению правил и стал понимать их как внешние ограничения социального поведения. Однако правила обычно лишь частично и неопределенно руководят поведением. Кроме того, хотя люди и ограничены, такое ограничение не исключает возможности индивидуальной вариации, Даже использования человеком этих правил с выдумкой. Как формулирует это

Мэннинг, «в основном, Гофман полагал, что правила являются, прежде всего, ограничениями... Но в других случаях Гофман подчеркивал узость дюркгеймовской идеи о том, что правила — это ограничения, управляющие поведением, и вместо этого утверждал, что мы нередко игнорируем или нарушаем правила, предназначенные для ограничения наших действий» (Manning, 1992, p. 158). Фактически, что отвечает современному подходу, правила для Гофмана могли быть как ограничениями, так и источниками, используемыми нами в социальных взаимодействиях.

Группы и общества

Символические интеракционисты в основном сильно критикуют пристрастие других социологов к исследованию макроструктур. Как говорит Рок, «интеракционизм отвергает большую часть макросоциологических воззрений как ненадежную и чрезмерно амбициозную метафизику ... неприемлемую для интеллектуального анализа» (Rock, 1979, p. 238). Дмитрий Шалин указывает, что «критика со стороны интеракционизма была направлена на классический подход к социальной упорядоченности, как внешней, вневременной, определенной в каждый данный момент и устойчивой к изменениям» (Shalin, 1986, p. 14). Рок также говорит: «Несмотря на то что он [символический интеракционизм] полностью не избегает понятия социальной структуры, его акцент на деятельности и процессе отводит структурным метафорам самое незначительное место» (Rock, 1979, p. 50).

Блумер находится в первых рядах тех, кто критикует этот «социологический детерминизм, [в котором] социальные действия людей рассматриваются как внешний процесс или проявление действующих на них сил, а не как действия, выстраиваемые самими людьми с помощью их интерпретации ситуаций, в которых они оказываются» (Blumer, 1962/1969, p. 84). Вследствие такого акцента на сдерживающем влиянии крупных социальных структур традиционные социологи приходят к ряду предположений о действующем субъекте и действии, отличных от тех. которых придерживаются символические интеракционисты. Вместо того чтобы рассматривать акторов как активно влияющих на ситуацию, традиционные социологи склоняются к тому, чтобы свести действующих субъектов к «бездумным роботам на социетальном или обобщенном уровне» (Manis and Meltzer, 1978, p. 7). В попытке отмежеваться от детерминизма и механического взгляда на акторов символические интеракционисты принимают весьма отличную от традиционной точку зрения на крупные социальные структуры, которую умело изложил Блумер.[1]

Согласно Блумеру, общество не состоит из макроструктур. Сущность общества обнаруживается в действующих субъектах и действии: «Человеческое общество должно рассматриваться как состоящее из активных людей, а жизнь общества должна видеться состоящей из их действий» (Blumer, 1962/1969, p. 85). Человеческое общество есть действие: жизнь группы есть «комплекс непрерывной деятельности». Вместе с тем общество не состоит из множества изолированных поступков. Существует также коллективное действие, которое включает «индивидов, приспосабливающих свои линии поведения друг к другу... участников, создающих зна-

[1] Хотя Вуд и Уорделл (Wood and Wardell, 1983) признают, что Блумер придерживается этого взгляда, они утверждают, что Мид *не* имел «иротивоструктурного уклона». См. также Joas (1981).

чения друг для друга, а не просто каждый сам для себя» (Blumer, 1969b, p. 16). Это подводит к тому, что Мид называл *социальным действием,* а Блумер — *объединенным действием.*

Блумер воспринял идею эмерджентности, согласно которой крупные структуры возникают из микропроцессов (Morrione, 1988). По Мейнсу, «ключ к пониманию блумеровского подхода к крупномасштабным организациям находится в его концепции объединенного действия» (Maines, 1988, p. 46). Объединенное действие — не просто сумма индивидуальных действий, оно приобретает свой собственный характер. Объединенное действие, таким образом, не носит внешний или принудительный по отношению к акторам и их действиям характер. Скорее, оно создается акторами и их действиями. Исследование объединенного действия, с точки зрения Блумера, есть сфера социолога.

Из этого рассуждения можно понять, что объединенное действие почти абсолютно пластично, т. е., общество может стать практически любым по желанию акторов. Тем не менее Блумер не был готов пойти так далеко. Он утверждал, что каждый случай объединенного действия должен формироваться заново, но признавал, что объединенное действие, вероятно, имеет «вполне установленную и повторяющуюся форму» (Blumer, 1969b, p. 17). Кроме того, что большинство объединенных действий шаблонно повторяется, Блумер допускает, что подобные действия направляются системами предустановленных значений, такими как культура и социальный порядок.

Может показаться, что Блумер допускал существование крупных структур и их крайнюю важность. Здесь Блумер следовал за Мидом (Mead, 1934/1962), который признавал, что такие структуры очень важны. Однако в символическом интеракционизме такие структуры играют крайне ограниченную роль.[1] С одной стороны, Блумер в большинстве случаев утверждал, крупные структуры — это немного больше, чем «костяк», внутри которого находятся по-настоящему важные аспекты социальной жизни, действие и взаимодействие (Blumer, 1962/1969, p. 87). Крупные структуры действительно определяют условия и ограничения для действия, но они не определяют его. С его точки зрения, люди не действуют в контексте таких структур, как общество; скорее, они действуют в ситуациях. Крупные структуры важны в том смысле, что они формируют ситуации, в которых действуют индивиды, а также снабжают акторов фиксированным набором символов, позволяющих им действовать.

Даже когда Блумер рассматривал устоявшиеся образцы человеческого действия, он спешил пояснить, что «области непредписанного поведения столь же естественные, врожденные и повторяющиеся в коллективной жизни человека, как и области предустановленных и точно выполняемых предписаний объединенного действия» (Blumer, 1969b, p. 18). Помимо того что существует много непредписанных областей, даже в предписанных областях объединенное действие должно Последовательно создаваться и воссоздаваться. Акторы руководствуются в этом

[1] Позже мы рассмотрим некоторые более современные подходы в символическом интеракционизме, которые придают крупным структурам большее значение и которые более определенно утверждают, что Блумер разделял такой взгляд (Blumer, 1990; Maines, 1989a, 1989b; Maines and Morrione, 1990).

создании и воссоздании общепринятыми значениями, но они не определяются ими. Акторы могут принимать эти значения такими, как они есть, но также могут незначительно и даже существенно их изменять. По мнению Блумера, «именно социальный процесс коллективной жизни создает и поддерживает правила, а не правила создают и поддерживают коллективную жизнь» (Blumer, 1969, p. 19).

Очевидно, что Блумер в своей теоретической системе не был склонен приписывать культуре независимый принудительный характер. Не стремился он и к тому, чтобы приписать этот статус расширенным связям групповой жизни, или тому, что принято называть «социальной структурой», например разделению труда. «Сеть или определенный институт не функционирует автоматически из-за некоторой внутренней динамики или требований системы; он функционирует потому, что люди в различные моменты что-либо делают, и то, что они делают, становится результатом их определения ситуации, в которой они призваны действовать» (Blumer, 1969b: 19).

Критика

Проанализировав воззрения символических интеракционистов, и особенно представителей Чикагской школы — Мида, Блумера и Гофмана, мы перечислим некоторые основные критические замечания к данному подходу.

Во-первых, отметим, что господствующая тенденция символического интеракционизма слишком легко отбросила традиционные научные методики. Хорошо выразили эту точку зрения Эжен Вайнштейн и Юдит Танур: «Только то, что содержание сознания носит качественный, а не количественный характер, не означает, что его внешнее выражение не может быть закодировано, классифицировано, даже просчитано» (Weinstein and Tanur, 1976, p. 105). Наука и субъективизм *не* исключают друг друга.

Во-Ёторых, Манфорд Кун (Kuhn, 1964), Уильям Колб (Kolb, 1944), Бернард Мельтцер, Джейм Петрас и Ларри Рейнольде (Meltzer, Petras, Reynolds, 1975) и многие другие критиковали расплывчатость важнейших концепций Мида, таких как разум, самость, *In me.* В целом Кун (Kuhn, 1964) говорил о двусмысленности и противоречиях мидовской теории. Помимо теории Мида, они критиковали многие базовые концепции символического интеракционизма за их запутанность и неточности и, следовательно, за то, что те не могли обеспечить прочную базу для теории и научного исследования. Из-за нечеткости этих концепций трудно, а то и невозможно, сделать их применимыми на практике. В результате, не могут выдвигаться верифицируемые проверяемые суждения (Stryker, 1980).

В-третьих, в символическом интеракционизме, главным образом, критикуют тенденцию приуменьшать роль крупных социальных структур или вовсе их игнорировать. Эта критика выражалась различными способами. Например, Вайнштейн и Танур утверждали, что символический интеракционизм не учитывает взаимосвязанность внешних проявлений: *«Именно совокупные проявления формируют связи между эпизодами взаимодействий, являющихся предметом социологии как таковой...* Концепция социальной структуры неизбежно связана с невероятной плотностью и сложностью отношений, связывающих эпизоды интеракций друг

с другом» (Weinstein and Tanur, 1976, p. 106). Согласно утверждению Шелдон Страйкер, микроподход символического интеракционизма способствует «преуменьшению или отрицанию социальной структуры и влияния, которое оказывают на поведение макроорганизационные характеристики общества» (Strykey, 1980, p. 146).

Несколько менее ожидаемым был четвертый критический довод, в соответствии с которым утверждалось, что символический интеракционизм недостаточно учитывает микроуровень, игнорирует важность бессознательного и эмоций (Meltzer, Petras, and Reynolds, 1975; Stryker, 1980). Подобным же образом, символический интеракционизм критиковали за пренебрежение такими психологическими факторами, как потребности, мотивы, намерения и стремления. Пытаясь отрицать существование неизменных сил, принуждающих актора к действию, символические интеракционисты сосредоточились на изучении значений, символов, действий и взаимодействий. Они не учитывают психологические факторы, которые могут побуждать актора к действию, что соответствует их невниманию к более крупным социетальным ограничениям действующего субъекта. В обоих случаях символические интеракционисты обвиняются в создании «фетиша» из повседневной жизни (Meltzer, Petras, and Reynolds, 1975, p. 85). Такое внимание к повседневности, в свою очередь, приводит к заметному преувеличению роли непосредственной ситуации и «слишком пристальному вниманию к скоротечности, эпизодичности и мимолетности» (Meltzer, Petras, and Reynolds, 1975, p. 85).

К синтезу и целостности в символическом интеракционизме

Возможно в качестве самозащиты символический интеракционизм, прежде всего развиваясь под руководством Герберта Блумера, пошел в микронаправлении. Этот микроподход противоречил, как минимум, смыслу обобщающего названия книги Джорджа Герберта Мида «Разум, самость и общество». Однако символический интеракционцзм вошел в новую «постблумеровскую» эру (Fine, 1990,1992). С одной стороны, предпринимаются попытки реконструировать теорию Блумера и показать, что эта теория всегда занималась макроуровневыми явлениями (обсуждаемыми далее в этой главе) (Anderson, 1994).[1] С другой — и это важнее — постоянно пытаются объединить символический интеракционизм с идеями ряда других теорий. Этот «новый» символический интеракционизм создал, по определению Фаина, «новую мозаичную теорию из осколков других теоретических подходов» (Fine, 1990, p. 136-137; Fine, 1992). Символический интеракционизм в наши дни объединяет собственные подходы с взглядами других микротеорий, таких как теория обмена, этнометодология и конверсационный анализ, а также феноменология. Более удивительно включение идей макротеорий (например, структурного функционализма), а также Парсонса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера и Маркса. Символические интеракционисты тоже пытаются объединить достижения по-

[1] Критику попыток символического интеракционизма включить в поле своего зрения макроуровне-вые явления см. J. Turner, 1995.

стструктурализма, постмодернизма и радикального феминизма. Символический интеракционизм в постблумеровский период становится значительно более синтезированной теорией, чем он был во времена расцвета блумеровских идей.

Переосмысливая Мида и Блумера

Помимо текущей работы по синтезу в символическом интеракционизме наблюдается попытка переосмыслить взгляды основных теоретиков, особенно Мида и Блумера как имеющих более интегративную ориентацию, чем считалось до сих пор.

Мид

Как мы видели ранее, несмотря на недостаток интереса к макроуровневым явлениям, многое в идеях Мида о разуме, самости и обществе наводит на мысль об интегрированной социологической теории. В этом контексте полезно обратиться к анализу творчества Мида, предложенному Джоном Болдуином (Baldwin, 1986). Болдуин отмечает фрагментарный характер социальных наук в целом и социологической теории в частности и утверждает, что такая отрывочность препятствует развитию общей «объединяющей» социологической теории и, более широко, науки о социальном мире. Он показывает необходимость такой теории и рассматривает теорию Мида как модель подобной теории (Baldwin, 1986, p. 156). Несмотря на то что Болдуин предлагает некий грандиозный синтез, отвергаемый в постмодернистскую эпоху, мы можем приветствовать его попытку применить к теории Мида более обобщающий подход.

Болдуин обсуждает теорию Мида с разных позиций. Во-первых, он утверждает, что мидовская теоретическая система охватывает весь спектр социальных явлений от макро- до микроуровней — «физиологию, социальную психологию, язык, познание, поведение, общество, социальные изменения и экологию» (Baldwin, 1986, p. 156). В соответствии с этим Болдуин предлагает модель теоретической ориентации Мида, как это показано на рис. 6.1.

Рис. 6.1. Элементы теоретической системы Мида

Во-вторых, Болдуин полагает, что Мид не только имеет обобщенный макро-микро взгляд на социальный мир, но также предлагает «гибкую систему объ-

единения достижений всех школ современной социальной науки» (Baldwin, 1986, p. 156). Таким образом, теория Мида обеспечивает базу не только для микро-макро интеграции, но также и для теоретического синтеза. Наконец, Болдуин утверждает, что благодаря приверженности Мида «научным методам существует гарантия, что имеющиеся по всем компонентам социальной системы данные и теории можно гармонично обобщить, с обоснованием их относительной значимости на основе эмпирически доказуемых доводов» (Baldwin, 1986, p. 156).

Блумер

Вспомним, что мы охарактеризовали Блумера как ученого, предлагающего очень ограниченную концепцию макроуровневых и объективных явлений. Однако некоторые символические интеракционисты стремились доказать, что Блумеру было свойственно лучшее понимание макроструктур и объективной реальности и что это, наряду с очевидной проработанностью его теории на микроуровне и в области субъективного, придает его теории интегральный характер (Maines, 1989a, 1989b; Maines and Morrione, 1990; Morrione, 1988).

Мейнс (Maines, 1989a) попытался развенчать три связанных с теорией Блумера «мифа»: ее ненаучность, субъективизм и антиструктурный характер. Здесь для нас особенно важны последние два «мифа», поскольку от них берет начало создание более интегрированной концепции идей Блумера. Имеется в виду, что раз Блумер предложил более объективистскую позицию, чтобы дополнить свой явный интерес к субъективности, *и* макроуровневое понимание, чтобы дополнить свою очевидную микроориентацию, то его теорию можно рассматривать как в полном смысле слова интегрированную социологическую теорию (см. приложение).

Что касается субъективности, то Мейнс утверждает, что Блумер явно занимает позицию, соответствующую современному взгляду на действия людей как социальных акторов (см. главу 11). Деятельность социальных акторов подразумевает участие *как* субъективного способа конструирования людьми социальной реальности, *так и* результирующего объективного действия, взаимодействия и их образцов. Кроме того, Мейнс считает, что Блумер занимает позицию некоторых, хотя и *не* всех, теоретиков акторского действия. Согласно данной позиции, коллективные образования, такие как «организации, институты, социальные движения, социальные классы, нации, группы интересов или расы», действуют и характеризуются субъективными процессами (1989a, p. 389).

Вычленяя блумеровские воззрения о макроявлениях, Мейнс рассматривал значение концепции объединенного действия Блумера. Во-первых, объединенное действие включает социальную организацию, поскольку действие осуществляется в повторяющихся формах. Во-вторых, действия тяготеют к взаимосвязанности, т. е. имеют тенденцию к институционализации. Наконец, социальное действие носит продолжительный характер, т. е. имеет историю. Вопросы организации, институционализации и истории, по всей видимости, указывали на макроориентацию Блумера, и далее Мейнс демонстрирует макроподход Блумера в нескольких существенных областях (например, в сфере расовых отношений и индустриализации).

После смерти Блумера Мейнс и Моррионе опубликовали его книгу «Индустриализация как агент социальных изменений». Книга была написана еще в начале 1960-х гг., но никогда не публиковалась, потому что Блумер не был удовлетворен этой работой. Эта книга иллюстрирует макроаспект Блумера и объективистскую сторону его творчества. Процесс индустриализации, несомненно, проходит на макроуровне и включает такие объективные структуры, как основанные на механизации производственные системы, системы приобретения и распределения, а также сферу обслуживания (Maines and Morrione, 1990, p. xviii). Блумер, возможно, не идеально интегральный теоретик, но современные интерпретации его творчества показывают, что его идеи соответствуют современным тенденциям больше, чем зачастую считается.

Сближение макро- и микроподходов

Страйкер провозгласил обобщающую цель символического интеракционизма: «Удовлетворительная теоретическая база должна соединить социальную структуру и личность, должна быть способна переходить с индивидуального уровня на уровень крупной социальной структуры и обратно... Должна существовать концептуальная основа, облегчающая движение через уровни организации и личности» (Strykey, 1980, p. 53). (Перинбанайагам сходным образом сформулировал задачу символического интеракционизма: «существование структуры *и* значения, "Я" *и* других, диалектики бытия и возникновения, ведущее к диалектическому интеракционизму» [Perinbanayagam, 1985, p. xv].) Страйкер встроил свой подход в символический интеракционизм Мида, но стремился расширить его применительно к социетальному уровню, прежде всего используя ролевую теорию:

> Эта версия берет начало у Мида, но развивается далее, привлекая понятия и принципы ролевой теории, с целью адекватно рассмотреть взаимное воздействие социального индивида и социальной структуры. Связью при этом взаимном влияний выступает интеракция. Именно в контексте социального процесса — непрерывных эпизодов интеракции, объединяющей конкретных акторов — социальная структура выполняет функцию ограничения личностных воззрений, определений ситуации и поведенческих возможностей и сценариев, связывающих и направляющих имеющую место интеракцию (Stryker, 1980, p. 52).

Страйкер развивал свой подход в рамках восьми общих принципов.

1. Действие человека зависимо от названного и классифицированного мира, в котором имена и классификации имеют для акторов определенное значение. Через взаимодействие с другими люди учатся классифицировать мир, а также узнают, какого поведения по отношению к миру от них ожидают.
2. Символы, используемые для обозначения социальных *позиций,* находятся среди важнейших усваиваемых людьми вещей. Существенным моментом здесь является то, что Страйкер понимал позиции с точки зрения структуры: «относительно стабильные морфологические компоненты социальной структуры» (Stryker, 1980, p. 54). Страйкер также наделил роли основным значением, понимая их как коллективные поведенческие ожидания, связанные с социальными позициями.

3. Страйкер признавал важность крупных социальных структур, хотя был предрасположен, как и другие символические интеракционисты, понимать их с точки зрения организованных образцов поведения. Кроме того, в своем анализе он рассматривал социальную структуру всего лишь в качестве рамок, в пределах которых действуют люди. Внутри этих структур люди называют друг друга, т. е. распознают друг друга в качестве обладателей позиций. Поступая таким образом, люди вызывают взаимные ожидания относительно действий каждого человека.
4. Действуя в этом контексте, люди называют не только друг друга, но и самих себя; т. е. обозначают свою позицию. Эти самоопределения становятся частью самости, внутренними ожиданиями по отношению к собственному поведению.
5. При взаимодействии люди определяют ситуацию, давая названия ей, другим участникам, самим себе и отдельным элементам ситуации. Затем эти определения используются акторами для того, чтобы организовать свое поведение.
6. Социальное поведение не определяется социальными значениями, хотя ограничивается ими. Страйкер — убежденный сторонник идеи *создания роли.* Люди не просто играют роли; скорее, они занимают активную, творческую позицию по отношению к своим ролям.
7. Социальные структуры также служат для ограничения степени, в которой роли *«создаются»,* а не просто *«исполняются».* Некоторые структуры допускают большую креативность, чем другие.
8. Благодаря процессу создания ролей возможны различные социальные изменения, которые могут происходить как в социальных определениях — в именах, символах и классификациях, — так и в возможностях интеракции. Куммулятивным эффектом этих изменений могут стать изменения в более крупных социальных структурах.

Хотя Страйкеру принадлежит полезное начинание в области движения к более адекватному символическому интеракционизму, его творчество имеет ряд ограничений. Самое заметное состоит в том, что он мало говорит о крупных социальных структурах как таковых. Страйкер видел необходимость включить эти крупные структуры в свое творчество, но признавал, что «полное раскрытие того, как может протекать такое включение, не входит в задачу настоящей работы» (Stryker, 1980, p. 69). Страйкер считал ограниченной будущую роль крупных структурных переменных в символическом интеракционизме. Он надеялся в конце концов объединить такие структурные факторы, как класс, статус и власть как переменные, ограничивающие взаимодействие, но он не считал, что роль символического интеракционизма состоит в рассмотрении взаимосвязей между этими структурными переменными. По-видимому, подобную проблему следует оставить другим теориям, в большей степени занимающимся крупными социальными явлениями.

Символический интеракционизм и исследования культуры

Некоторые мыслители так или иначе обращались к отношению между символическим интеракционизмом и рядом более современных теоретических направлений, в том числе постструктурализмом, постмодернизмом и исследованиями культуры (Farberman, 1991; Schwalbe, 1993; Shalin, 1993). В данном разделе мы рассмотрим такую попытку, предпринятую Норманом Дензином в книге «Символический интеракционизм и исследования культуры» (1992; см. также, Becker and McCall, 1990).

Количество работ, посвященных изучению культуры в форме социологии культуры, или более широко, исследование культуры, необычайно возросло в последние годы. На эти современные исследования культуры оказал огромное влияние ряд теоретических концепций, в том числе постструктурализм и постмодернизм (см. главу 13). Дензин определяет исследования культуры как

> междисциплинарный проект... который... всегда занимается вопросом о том, как стихийно создаваемая и осуществляемая людьми история определяется структурами значений, которые они для себя не выбирали... Культура, в форме взаимодействия и создания значений, становится ареной политической борьбы ... Центральным вопросом становится выяснение того, как взаимодействующие индивиды связывают жизненный опыт с представлениями этого опыта в культуре (Denzin, 1992, p. 74)

Исследования культуры сосредоточиваются на трех взаимосвязанных проблемах — «создание культурных значений, текстуальный анализ этих значений и изучение реальных культур и жизненного опыта» (Denzin, 1992, p.34). Работа в этой области направлена на все множество форм культуры, включая «живопись, популярную музыку, популярную литературу, новости, телевидение и другие средства массовой информации» (Denzin, 1992, p. 76). На исследования этих форм культуры в значительной степени повлияли такие теории, как постструктурализм и постмодернизм, и Дензин стремится связать символический интеракционизм с этими исследованиями и теориями.

С точки зрения Дензина, символический интеракционизм должен был сыграть более заметную роль в культурных исследованиях. Одной существенной проблемой стало то, что символический интеракционизм был склонен пренебрегать идеей, связывающей «символическое» и «взаимодействие» (и составляющей основу в исследованиях культуры) — «коммуникацией». Дензин стремится исправить эту ситуацию:

> При попытке переориентировать символических интеракционистов в сторону исследований культуры, я решил, таким образом, остановиться на этом недоработанном, отсутствующем в их подходе аспекте. Здесь, конечно, наблюдается парадокс: для коммуникации должна быть интеракция, а для интеракции акторы обязаны общаться (Denzin, 1992, p. 97-98).

Таким образом, интеракционистам следует заниматься технологиями коммуникации, технологическими инструментами и способами, которыми создается реальность и представления о ней.

Фактически Дензин показывает, что символические интеракционисты имеют опыт обращения по интересующим их вопросам к различным видам коммуникации» в исследованиях культуры (например, кино). Однако эти попытки упустили из виду культурный аспект, и Дензин пытается вернуть их к культурным корням.

Дензин считает, что исследования интеракционистов должны фокусироваться на культуре, особенно поп-культуре, но он хочет, чтобы символический интеракционизм относился к культуре *критически.* Такая критическая ориентация согласуется с традицией интеракционизма изучать отверженных, а также их отношение к тем, кто обладает властью.

Чтобы двигаться в этом направлении, требуется изменить теоретическую ориентацию символического интеракционизма. С одной стороны, символический интеракционизм должен отказаться от своей традиционной современной ориентации (см. главу 12). Иначе говоря, мы должны отказаться от канонического прочтения классических текстов символического интеракционизма, обсуждаемых в этой главе, абсолютизации глобального социального характера этой науки и от исторических мифов, которые доминировали в этой области и сдерживали развитие новых теоретических направлений. Помимо отхода от определенных воззрений, символический интеракционизм должен развиваться и в других направлениях:

> Интеракционистская традиция должна противостоять, поглощать, спорить и не соглашаться с новыми теоретическими областями, которые продолжают появляться в постмодернистский период (например, герменевтика, феноменология, структурализм, постструктурализм, теория постмодернизма, психоанализ семиотика, постмарксизм, исследования культуры, теория феминизма, кинотеория и т. д.) (Denzin, 1992, p. 169).

Таким образом, Дензин рекомендует сходное, хотя и более специфическое, по сравнению с намеченным Файном, направление символического интеракционизма.

Как было указано ранее, программа Дензина для символического интеракционизма сильно смещена в сторону постструктурализма (Dunn, 1997) и постмодернизма (см. Главу 13; о критике такого подхода см. Mines, 1996). Например, из-за того что символический интеракционизм исследует постоянно меняющиеся возникающие явления, он находится в согласии с постмодернистским отказом от «больших» теорий (например, теории капитализма Маркса) или, как их называют, больших повествований. Если символические интеракционисты будут уделять больше внимания коммуникации, они пойдут в русле постмодернистского подхода к последней, особенно это касается визуальных образов на телевидении и в кино. Многое можно почерпнуть из исследования текстов в целом и их деконструкции в частности. Дензин, например, утверждает, что многое можно перенять у феминизма в целом и постструктуралистского и постмодернистского феминизма, в частности. Дензин, в соответствии с феминистским подходом, говорит, что символический интеракционизм должен стать более политизированным. Очевидно, что Дензин описывает новое целостное направление в символическом интеракционизме.

Будущее символического интеракционизма

В 1990-х гг. Гари Файн (Fine, 1993) предложил интересный портрет символического интеракционизма. Его основным тезисом стало то, что символический интеракционизм сильно изменился за последние годы. Четыре понятия описывают символический интеракционизм. Во-первых, он претерпел значительную *фрагментацию* со времени своего расцвета в Чикагском университете в 1920-х и 1930-х гг. Огромное разнообразие работ ныне объединено под общим названием символический интеракционизм. Во-вторых, символический интеракционизм подвергся *расширению* и вышел далеко за рамки традиционного интереса к отношениям на микроуровне. В-третьих, символический интеракционизм *вобрал в себя* идеи многих других теоретических позиций. Наконец, идеи символического интеракционизма были, в свою очередь, *восприняты* другими социологами, которые целенаправленно занимались другими теоретическими вопросами. Помимо этого, символические интеракционисты серьезно занимаются некоторыми важными проблемами социологической теории в 1990-х гг.: сближением микро- и макроподходов, взаимосвязью социальных структур и социального действия и т. д.

Таким образом, различия между символическим интеракционизмом и другими социологическими теориями заметно стерлись. Хотя символический интеракционизм не прекратит существование, становится все менее понятно, что означает быть символическим интеракционистом (и социологом-теоретиком любого другого направления подобного рода). Файн так говорит об этом:

> Предсказывать будущее опасно, но очевидно, что термин «символическое взаимодействие» останется... При этом мы будем находить больше смешения, больше взаимообмена и больше взаимодействия. Символическое взаимодействие в будущем будет служить в качестве удобного обозначения, но будет ли за этим стоять смысл? (Fine, 1993, p. 81-82)

В данной книге мы рассматриваем происходящий среди многих социологических теорий синтез. Все это ставит более общий вопрос: будет ли *какой-нибудь* из известных теоретических терминов описывать характерный для будущего тип мышления?

Резюме

Эта глава начинается кратким рассмотрением источников символического интеракционизма в философии прагматизма (творчество Джона Дьюи) и в психологическом бихевиоризме (творчество Джона Б. Уотсона). По причине совокупного воздействия прагматизма, бихевиоризма и других течений, например социологии Зиммеля, в Чикагском университете в 1920-х гг. возник символический интеракционизм.

Созданный символический интеракционизм отличался от психологического редукционизма, свойственного бихевиоризму, и структурного детерминизма более макроориентированных социологических теорий, таких как структурный функционализм. Его отличительной чертой была направленность на мыслительную способность акторов и их отношение к действию и взаимодействию. Все это по-

нималось с точки зрения процесса; существовало определенное нежелание рассматривать принуждение актора со стороны внутренних психологических состояний или факторов крупных структур.

Наиболее важная теория в символическом интеракционизме — теория Джорджа Герберта Мида. Существенно, что теория Мида придавала социальному миру первичный характер и приоритетное значение. Иначе говоря, сознание, разум, самость и т. д. возникают именно из социального мира. Важнейшей единицей анализа в его социальной теории выступает действие. Это понятие включает четыре диалектически связанные стадии: импульс, ощущение, манипуляцию и потребление. В *социальном* действии участвуют два или более человека, и основной механизм социального действия — жест. Хотя и низшие животные, и люди способны разговаривать с помощью жестов, только человек может сознательно использовать значение жестов. Характерная особенность людей состоит в том, что они способны порождать голосовые жесты, и это приводит к отличительной человеческой способности создавать и использовать значащие символы. Значащие символы приводят к развитию языка и специфически человеческой способности к коммуникации, в полном смысле слова. Благодаря значащим символам возможно мышление, а также символическая интеракция.

Мид рассматривает множество ментальных процессов как часть более обширного социального процесса, в том числе рефлексивный интеллект, сознание, мысленные образы, значение и в целом разум. Человек обладает отличительной способностью вести внутренние беседы с собой. Все умственные процессы, с точки зрения Мида, разместились скорее в социальном процессе, а не в мозгу.

Самость — это способность воспринимать себя как объект. Опять же самость возникает в рамках социального процесса. Общий механизм самости заключается в способности людей ставить себя на место других, действовать, как действуют другие, и рассматривать себя с точки зрения других. Мид прослеживает развитие самости на стадиях ролевой и коллективной игр ребенка. Особенно важно на последнем этапе возникновение обобщенного другого. Способность видеть себя с точки зрения сообщества необходима для появления самости, а также деятельности организованных групп. Самость также имеет две фазы — /, которое является непредсказуемым творческим аспектом самости и *me,* которое представляет собой организованный набор установок других, принимаемым актором. Социальный контроль проявляется в *me,* тогда как / предстает источником обновления в обществе.

Мид относительно немного говорит об обществе, которое понимает в наиболее общем виде как протекающие социальные процессы, предшествующие разуму и самости. Миду во многом недостает макроуровневого понимания общества. Институты практически отождествляются с групповыми обычаями.

Символическому интеракционизму присущи следующие основные принципы.

1. Человеческие существа, в отличие от низших животных, наделены мыслительной способностью.
2. Мыслительная способность формируется социальным взаимодействием.
3. В социальной интеракции люди усваивают значения и символы, позволяющие им осуществлять мыслительные способности, свойственные человеку.

4. Значения и символы позволяют людям действовать и взаимодействовать характерным для человека образом.
5. Люди способны модифицировать и изменять значения и символы, используемые ими в действии и взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации.
6. Люди способны осуществлять эти модификации и изменения отчасти в силу способности взаимодействовать с собой, что позволяет им исследовать возможные направления действия, оценивать их сравнительные преимущества и недостатки, а затем выбирать один из вариантов.
7. Взаимосвязанные эпизоды действия и взаимодействия составляют группы и общества.

В контексте этих общих принципов мы стремились описать особенности творчества нескольких видных мыслителей в традиции символического интеракционизма, в том числе Чарльза Хортона Кули, Герберта Блумера и, что особенно важно, Ирвинга Гофмана. Мы детально рассмотрели гофмановский драматургический анализ социального «Я» и связанные с ним работы по ролевой дистанции, стигме и анализу фреймов. Мы также отметили, что посвященное фреймам творчество Гофмана развило тенденцию его ранних работ и продвинулось в направлении структуралистского анализа.

Мы описали некоторые основные направления в критике символического интеракционизма, равно как и три попытки придать ему более целостный и интегральный характер: переосмысление подходов Мида и Блумера с интегральной точки зрения, попытку Страйкера разработать подход, удовлетворительно описывающий макроуровневые явления, и попытку Дензина переориентировать символический интеракционизм в направлении исследований культуры, иостструктурализма и постмодернизма. Глава заканчивается рассмотрением одного из вариантов будущего состояния символического интеракционизма.

Глава 7. Этнометодология

Этнометодология — слово, имеющее древнегреческие корни, означает «методы», к каким прибегают люди в своей повседневной деятельности. Иными словами, мир тогда осознается под углом практического исполнения, люди же — как существа рациональные, правда, для повседневных действий им необходимо «практическое мышление», а не формальная логика.

Определение этнометодологии

Сначала обратимся к определению *этнометодологии,* предложенному выше — в главе 2. Этнометодология —• научная область, изучающая «остов знаний, которые люди называют здравым смыслом, ряд соответствующих процедур и соображений, благодаря которым члены социума придают обстоятельствам, в которых они оказываются, смысл, определяют свой способ действий в этих обстоятельствах и воздействия на них» (Heritage, 1984, p. 4).

Понять природу этнометодологии можно, обратившись к определениям, какие давал ее основатель Гарольд Гарфинкель (Garfinkel, 1988,1991). Как и Дюркгейм, он считает «социальные явления» фундаментальными социологическими феноменами, но истолковывает их по-другому. Согласно Дюркгейму, они носят внешний и принудительный в отношении индивидов характер. Сторонники такой точки зрения считают, что акторы принуждаются или их действия обусловливаются социальными структурами и институтами и почти не способны к независимым суждениям. По едкому замечанию представителей этнометодологии, эти социологи склонны относиться к действующим субъектам как к «остолопам».

Этнометодология, напротив, расценивает объективность социальных явлений как свершения «участников» (определение понятия будет дано ниже) — как результат их методологических действий. Гарфинкель, в своем неподражае-

Гарольд Гарфинкель: биографический очерк[1]

Подобно многим, выросшим в годы Великой депрессии и Второй мировой войны, путь Гарольда Гарфинкеля, в результате приведший его в социологию, был непрост. Гарфинкель родился в Ньюарке (штат Нью-Джерси) 29 октября 1917 г. Его отец продавал иммигрантам в рассрочку хозяйственные товары. Более всего он хотел, чтобы Гарольд освоил торговый бизнес, но тот мечтал учиться в колледже. Работая вместе с отцом, он одновременно стал посещать курсы бизнеса в университете Ньюарка, не имевшем тогда надлежащей аккредитации. Поскольку там преподавали в основном выпускники Колумбийского университета, их уровень был достаточно высок, но из-за отсутствия у молодых преподавателей практического опыта, курсы страдали отвлеченным, сугубо теоретическим характером. ■ Очевидно, проявившаяся позднее склонность Гарфинкеля к «отчетам» объясняется отчасти влиянием атмосферы такого обучения и, в частности, курсов бухгалтерского учета, «теории отчетов». "Как сделать колонки и цифры понятными [начальству]?" — по словам Гарфинкеля, непростой вопрос» (Rawls, издание готовится к печати). Важным для него оказалось и общение в Ньюарке с другими студентами-евреями, которые слушали курсы по социологии и позднее стали учеными в области социальных наук.

Закончив в 1939 г. университет, Гарфинкель провел лето в трудовом лагере квакеров, находившемся в штате Джорджия. Там он узнал, что в университете Северной Каролины имеется социологическая программа, нацеленная на содействие таким проектам, как тот, в котором он участвовал. Будучи принятым, Гарфинкель выбрал в качестве руководителя своей диссертации Гая Джонсона. Интерес последнего к расовым отношениям повлиял на предпочтения самого Гарфинкеля: темой его магистерской диссертации стал вопрос об убийствах на расовой почве. Он также познакомился с различными социальными теориями и, о чем надлежит особо упомянуть, с работами феноменологов и опубликованной в 1937 г. «Структурой социального действия» Талкотта Парсонса. Подавляющее большинство выпускников университета Северной Каролины интересовались тогда статистикой и «научной социологией». Гарфинкель же увлекся теоретическими аспектами, а также идеями Флориана Знанецкого, изложенными в теперь почти забытой книге, которая была посвящена вопросам социального взаимодействия и точке зрения актора.

В 1942 г. Гарфинкель был призван в состав военно-воздушных сил. В Майами он готовил войска к танковым сражениям на поле для игры в гольф, причем не видя самих танков, располагая только их изображениями, напечатанными в журнале «Лайф». Все настоящие машины были задействованы в боевых действиях. Человек, предпочитавший теоретическим отчетам конкретные эмпирические детали, обучал солдат, готовящихся к отправке на фронт, сражаться с воображаемыми танками, при том что бли-

мом и едва доступном пониманию стиле, излагает, что находится в фокусе этнометодологии:

> Для этнометодологии объективная реальность социальных фактов — это локально и эндогенно осуществляемое, естественно организованное, рефлексивно объяснимое, непрестанное практическое дело, везде, всегда, исключительно, всецело являющееся созданием участников, у которых нет перерывов, возможности уклониться от этого, сокрыться, передать его другому, отсрочить или заплатить выкуп, — и, *следовательно,* выступающее фундаментальным социологическим феноменом (Garfinkel, 1991, p. 11)-

Иначе говоря, этнометодология изучает организацию повседневной жизни, или, по словам Гарфинкеля (Garfinkel, 1988, p. 104), «вечное, обычное общество». По выражению Поллнера, это «необыкновенная организация обыкновенного» (Pollner, 1987, p. xvii).

Этнометодологию невозможно назвать макросоциологией в понимании Дюркгейма, но ее приверженцы также не считают ее и микросоциологией. Таким образом, хотя

> зость к ним в действительности становилась вопросом жизни и смерти. Трудно даже представить, как этот опыт повлиял на развитие его представлений. Он обучал солдат, как следует метать гранаты под гусеницы танков, уметь быть недосягаемым для них, стрелять по предполагаемым танковым укреплениям. Благодаря этому заданию обнаружилась новая грань вопроса об адекватном описании действий и их объяснения, чем Гарфинкель занимался в Северной Каролине в теоретическом плане (Rawls, издание готовится к печати)

По завершении войны он продолжил обучение в Гарварде и учился там у Толкотта Пар-сонса. Если его учитель считал приоритетными абстрактные категории и общие правила, то Гарфинкель — детальное описание явлений. Этот вопрос стал главным предметом полемики в социологии, когда Гарфинкель достиг заметных успехов в данной области. Однако более всего его волновало не отвлеченное рассмотрение теоретического направления, а реализация его в практике. Еще будучи студентом Гарварда, Гарфинкель два года преподавал в Принстоне. После получения докторской степени он переехал в штат Огайо, где два года изучал специфику командования экипажем самолетов и подводных лодок. Это исследование было прекращено из-за недостатка финансирования, и Гарфинкель в скором времени подключился к исполнению проекта, связанного с анализом деятельности присяжных заседателей из города Вичита (штат Канзас). Подготавливая доклад об этой работе для собрания Американской социологической ассоциации, Гарфинкель в 1954 г. попытался объяснить, что привлекло его внимание в рассуждениях присяжных и вообще в социальной жизни, и предложил для этого термин «этнометодология» .

Осенью 1954 года Гарфинкель занял место в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес). Здесь он работал вплоть до выхода на пенсию в 1987 г. Он сразу внедрил на своих семинарах термин «этнометодология». Наиболее активные из его учеников приняли подход Гарфинкеля, способствуя его распространению в Соединенных Штатах и во всем мире. Группа социологов, особенно Харви Сакс, Иммануил Щеглофф и Гейл Джеффер-сон, вдохновленная идеями Гарфинкеля, разработали анализ высказываний, составляющий сейчас наиболее значительную разновидность этнометодологии.

[1] Данный биографический очерк создан на основе работы Анн Роулз «Гарольд Гарфинкель» из книги под ред. Джорджа Ритцера *«The Blackwell Companion to Major Social Theorists»*. Cambridge, MA and Oxford, England: Blackwell, издание готовится к печати.

ее сторонники не считают действующих субъектов остолопами, они также не признают людей «бесконечно рефлексирующими, познающими себя и все рассчитывающими» (Heritage, 1984, p. 118). Скорее, вслед за Альфредом Шюцом, они признают, что самые распространенные действия — рутинные и относительно необдуманные. Гилберт (Hilbert, 1992) утверждает, что представители этнометодологии изучают не акторов или индивидов, а скорее «участников». Однако те строго и исключительно рассматриваются «[как] действия участников — практически отработанные действия, в результате которых производится то, что воспринимается *ими как* большая структурой организации или малая структура взаимодействия или личности» (Hilbert, 1992:193). В итоге представителей этнометодологии не интересуют *ни* микро-, *ни* макроструктуры; они исследуют «искусные» действия, создающие структуры *обоих* типов. Таким образом, Гарфинкель и другие представители этнометодологии нащупали в традиционных социологических рамках новый подход к объективным структурам, как макро-, так и микроуровня (Maynard & Clayman, 1991).

Одним из ключевых положений Гарфинкеля относительно этнометодов является мысль об их «рефлексивной объяснимости» *Объяснения (оценки)* — это способы с помощью которых акторы истолковывают (описывают, критически осмысливают и идеализируют) конкретные ситуации (Bittner, 1973; Orbuch, 1997). *Истолкование* — это процесс выдвижения людьми «объяснений» для логического осмысления мира. Сторонники этнометодологии уделяют большое внимание анализу «объяснений», данных человеком, а также способам, какими эти «отчеты» воспринимаются и принимаются (или отклоняются) другими. Именно поэтому особое место отводится анализу разговоров. Например, когда студентка объясняет профессору, почему провалилась на экзамене, она предлагает конкретное толкование, тем самым пытаясь придать происшествию определенный смысл, внятный профессору. Приверженцев этнометодологии интересует природа такого «объяснения», а более широко — *практики истолкования* (Sharrock & Anderson, 1986), прибегая к которым студентка предлагает «объяснение», а профессор принимает (или отвергает) его. При анализе «объяснений» сторонники данной научной области придерживаются позиции «этнометодологического безразличия». То есть они не выносят суждений о природе таких «объяснений» , рассматривая их лишь в плане использования в практических действиях. Кроме того, ими анализируются методы, необходимые как говорящему, так и слушающему, чтобы выдвигать, понимать и принимать или отвергать данные истолкования (об этом см.: Young, 1997).

Развивая эти идеи, представители этнометодологии указывают, что социологи, как и все, предлагают именно «объяснения». Следовательно, сообщения о социологических исследованиях следует расценивать как «объяснения» и анализировать, подобно иным «отчетам». Такой взгляд разрушает иллюзии относительно деятельности социологов, да и вообще любых ученых. Значительная доля социологического знания (впрочем, вообще всех наук) состоит из интерпретаций, основанных на здравом смысле. Соответственно, последователи этнометодологии изучают «объяснения» социологов точно так же, как «толкования» непрофессионалов. В результате, повседневная деятельность социологов и прочих ученых подвергается в этнометодологии критическому разбору.

Заметим, что «объяснения» рефлексивны в том плане, что они включаются в формирование ситуации, которую выявляют и которую предназначены рассматривать. Таким образом, стремясь описать действия людей, мы перестраиваем природу того, что они делают. Это верно в случае и с социологами, и с непрофессионалами. В процессе изучения и описания социальной жизни социологи изменяют то, что изучают. Это означает следующее: субъекты меняют свое поведение, поскольку становятся объектами тщательного изучения, реагируя тем самым на то, что их поведение анализируется (сходную мысль см. в главе 11, при рассмотрении «двойной герменевтики» Гидденса).

Разновидности этнометодологии

Этнометодологию Гарфинкель разрабатывал начиная с конца 1940-х гг., но систематизировал научные данные лишь в 1967 г., когда вышла в свет его книга «Исследования в этнометодологии». Со временем она разрослась, что привело к об-

разованию целого ряда различных направлений. Всего лишь десятилетие спустя издания «Исследований в этнометодологии» Дон Циммерман пришел к выводу, что существует несколько разновидностей этнометодологии. По его словам, этнометодология включает «ряд более или менее отличных друг от друга, а порой и совершенно несовместимых направлений исследования» (Zimmerman, 1978, p. 6). Еще десятилетие спустя Пол Аткинсон (Atkinson, 1988) заметил, что ей недостает последовательности, и заявил, что некоторые ее представители ушли слишком далеко от базовых предпосылок этого подхода. Таким образом, оставаясь живой областью социологии, этнометодология в последние годы испытывает «проблемы роста». Можно с уверенностью сказать, что в ближайшие годы произойдет как дальнейшее расширение этнометодологии, так и появление ее разновидностей, а также рост проблем. В конце концов, суть этнометодологии — бесконечное разнообразие повседневной жизни. Как результат этого — увеличение числа исследований, больше разновидностей в подходах и выявление новых «проблем роста».

Изучение контекста социальных институтов

Мэйнард и Клайман (Maynard & Clay man, 1991) описывают различные работы в области этнометодологии, из которых, на наш взгляд, можно выделить два типа[1]. Первый тип — это этнометодологические *исследования контекста социальных институтов.* Первоначальные научные разработки Гарфинкеля и его коллег (о чем будет сказано ниже) проводились в случайной обстановке, которая не могла быть определена как социальный институт, — например, в жилом доме. Затем стала изучаться повседневная практическая деятельность в рамках определенных институтов: судов, медицинских учреждений (Ten Have, 1995) и полицейских департаментов. Эти исследования преследовали цель выяснить, как люди исполняют свои официальные задачи и как в процессе этого ими создаются институты, в рамках которых существуют данные задачи.

Традиционные социологические исследования таких институциональных условий сосредоточиваются на рассмотрении их структуры, формальных правил и официальных процедур, стремясь объяснить осуществляемую в их рамках человеческую деятельность. Но последователи этнометодологии считают учет этих внешних рамок недостаточным, чтобы понять происходящее на самом деле. Люди не детерминируются такими внешними силами; скорее наоборот, они используют их для выполнения задач и создания института, в рамках которого возможно существование данных задач. Практические методы привлекаются людьми не только для свершения повседневных дел, но и для воспроизводства продукта в рамках института. Например, собранные полицейским департаментом данные об

[1] Другое направление этнометодологии занимается *исследованием науки,* в частности математики, астрономии, биологии и оптики (например, Lynch, 1985; 1993). Такого рода исследования, как и Другие направления этнометодологии, сосредоточены на процедурах, которые базируются на здравом смысле, а также практической аргументации, к которой прибегают ученые, даже при совершении некоторых величайших в истории науки открытий. Помимо творческих свершений ученых, исследуются их беседы. Последователь этнометодологии изучает «практику работы», с какой имеет дело ученый в своей повседневной жизни.

уровне преступности — это не просто результат выполнения служащими четко определенных правил их работы. Здесь задействованы основанные на здравом смысле процедуры, поскольку требуется, к примеру, выяснить, следует ли классифицировать жертвы преступления как убийц. Таким образом, эти данные базируются на профессиональной работе, связанной со спецификой трактовки, а сбор сведений — практическая деятельность, вполне заслуживающая отдельного рассмотрения.

Анализ разговоров

Вторая разновидность этнометодологии— *анализ разговоров.*^ Его целью является «детальное понимание фундаментальных структур взаимодействия в процессе разговора» (Zimmerman, 1988, p. 429). Последний здесь определяется в соответствии с основными параметрами этнометодологического подхода: «Разговор — это *взаимодействие,* выявляющее признаки *стабильности и упорядоченности,* анализируемые самим *исполнением* разговаривающих» (Zimmerman, 1988, p. 406; курсив мой). Хотя существуют правила и процедуры разговоров, они не детерминируют сам разговор, будучи задействованными скорее, чтобы его «исполнить». Центральным предметом анализа разговора является присущая ему самому стесненность в отношении того, что говорится, а не какие-либо внешние силы, сдерживающие беседу. Разговоры рассматриваются как внутренне, последовательно упорядоченные.

Циммерман выделяет пять основных принципов данного исследовательского метода. Во-первых, сбор и анализ деталей, связанных с разговором. Это не только слова, но и «запинки, обрыв, повторное начинание, молчание, вздохи, откашливание, фырканье, смех и смешки, тональное ударение и т. п., не говоря уже о "невербальном" поведении, которое можно проанализировать с помощью видеозаписи разговора и какое обычно связано с действиями, запечатленными на аудиопленке» (Zimmerman, 1988, p. 413). Все это образует составную часть большинства разговоров и может расцениваться как применяемая участвующими в них субъектами методика ведения беседы.

Во-вторых, даже мельчайшие детали разговора следует считать строго упорядоченным «исполнением». Таково качество этих аспектов не только для представителей этнометодологии; они «упорядочиваются методическими действиями самих социальных акторов» (Zimmerman, 1988, p. 415).

В-третьих, взаимодействие вообще и разговор, в частности, обладают свойствами стабильности, упорядоченности, которые характеризуют «исполнение» субъектов. Рассматривая разговоры, представители этнометодологии трактуют их так, как если бы они были автономными, отделимыми от познавательного процесса субъектов явлениями, а также исследуют более широкий контекст, в котором они происходят.

1 Хотя я трактую этот анализ как разновидность этнометодологии, следует отметить, что он восходит к идеям Харви Сакса (тот был студентом Ирвинга Гофмана, а не Гарольда Гарфинкеля), со временем развившись в особую сферу интересов.

В-четвертых, «фундаментальная структура разговора — это последовательная его организация» (Zimmerman, 1988, p. 422). «Процесс речевого взаимодействия управляем благодаря локальной или очередной основе» (Zimmerman, 1988, p. 423). Здесь Циммерман упоминает различие разговоров, «сформированных контекстом» и «обновляющих контекст», которое предложил Херитидж (Heritage, 1984). Первые называются так потому, что произносимое в данный момент регулируется предшествующим контекстом последовательного хода разговора. Вторые названы так, поскольку произносимое в настоящем становится частью контекста будущих высказываний.

Методологически ученые склонны исследовать разговоры в спонтанных ситуациях, прибегать к помощи аудио- и видеозаписи. Благодаря этому методу информация добывается непосредственно из мира повседневности, а вовсе не навязывается исследователем. Ученый может снова и снова изучать реальный разговор до мельчайших деталей, а не полагаться только на свои заметки. Этот способ позволяет также осуществить детализированный анализ разговоров.

Рассматриваемая разновидность этнометодологии исходит из предположения, что разговоры составляют фундамент других форм межличностных отношений. Это самая распространенная форма взаимодействия, и любой разговор «состоит из цельной матрицы социально организованных коммуникативных практик и процедур» (Heritage & Atkinson, 1984, p. 13).

Выше мы постарались дать общее понятие об этнометодологии. Однако суть ее не в теоретических посылках, а в эмпирических исследованиях. Известное нам в теоретическом плане получено в результате именно таких научных штудий. Таким образом, теперь мы обращаемся к некоторым из практических работ, надеясь, что читатель сможет лучше представить себе особенности этнометодологии.

Первые примеры этнометодологии

Мы начнем с первых примеров этнометодологических исследований. Хотя некоторые из этих методов сегодня используются довольно редко или не используются вовсе, они немало поведают нам об этнометодологии.

Эксперименты с нарушением привычного порядка[1]

Проводя эксперименты такого рода, в социальную реальность вторгаются для того, чтобы выяснить методы конструирования людьми социальной реальности. Предполагается, что в это время происходит методичное создание социальной жизни, при этом участники не отдают себе отчет в осуществлении таких действий. Цель эксперимента — нарушить привычные процедуры таким образом, чтобы процесс конструирования или реконструирования повседневности можно было наблюдать и изучать. В своей работе Гарфинкель (Garfinkel, 1967) привел ряд примеров такого рода экспериментов, большинство из которых были проведены его студентами в свободной обстановке, чтобы проиллюстрировать основные принципы этнометодологии.

Линч (Lynch, 1991, p. 15) предлагает следующий пример нарушения, почерпнутый из ранней работы Гарфинкеля (Garfinkel, 1963)

[1] Эти эксперименты, «ломающие» привычный порядок взаимодействий, в социологической литературе часто называют *кризисными экспериментами. — Прим. пер.*

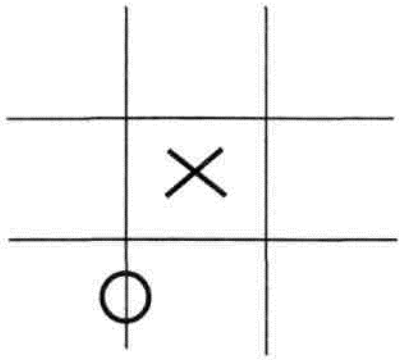

Рис.7.1 Нарушение в игре «крестики-нолики». (*Источник*: Michael Lynch, 1991. «Pictures of Nothing? Visual Constructs in Social Teory». *Sociological Theory*, 9, p.15)

Это, конечно, игра в «крестики-нолики». Согласно хорошо известным правилам, участники ставят значок *внутри* каждой клетки, но в данном случае правила нарушены, и нолик помещен *между* двумя клетками. Если бы нарушение произошло в реальности, другой игрок (игрок 2), по всей вероятности, настоял бы на правильном размещении нолика. Если бы этот порядок не был восстановлен, игрок 2 попытался бы объяснить себе, почему его партнер по игре предпринял столь необычное действие. Последователи этнометодологии исследовали бы действия второго игрока, чтобы проанализировать перестройку повседневной игры «крестики-нолики».

Возьмем другой пример. Гарфинкель попросил своих студентов на некоторое время — от 15 минут до 1 часа — вести себя дома как квартиранты и действовать на основании этого допущения. «Их проинструктировали, чтобы они были сдержанны и вежливы. Им следовало избегать привычного общения с домашними, придерживаться формального стиля беседы, разговаривать только в том случае, если с ними заговорят» (Garfinkel, 1967, p. 47). В подавляющем большинстве случаев родственники были огорошены таким поведением: «Отчеты были полны сообщениями об изумлении, озадаченности, потрясении, беспокойстве, замешательстве, гневе и обвинениями в адрес студентов со стороны их близких в недоброжелательности, неуважительном отношении, эгоизме, непорядочности или невежливости» (Garfinkel, 1967, p. 47). Эти реакции показывают, насколько важно, чтобы люди действовали в соответствии с общепринятыми представлениями о нормах поведения.

Больше всего Гарфинкеля интересовало, как члены семей пытались с помощью здравого смысла справиться с такой нестандартной ситуацией. Они требовали от студентов объяснить их поведение. Их вопросы подчас подразумевали попытку истолкования такого неадекватного поведения:

«Тебя что, уволили?»

«Ты заболел?»

«Ты действительно сошел с ума или ведешь себя так просто по глупости?»

(Garfinkel, 1967, p. 47).

Родственники также пытались понять странное для них поведение, исходя из мотивов, усвоенных ими ранее. Например, полагали, что студентка ведет себя столь необычно, поскольку перетрудилась или повздорила с женихом. Эти объяснения позволяют участникам — в данном случае членам семьи — думать, что при нормальных обстоятельствах взаимодействие было бы обычным.

Если студент не признавал обоснованности таких объяснений, родные уходили, уединялись, осуждали «нарушителя» или отвечали ему тем же. Обстановка эмоционально накалялась, поскольку все усилия восстановить порядок, попытавшись придумать объяснение, студентами отвергались. Родные чувствовали, что для восстановления равновесия нужны иные высказывания и действия:

«Оставь его в покое, у него опять такое настроение».

«Почему ты постоянно нарушаешь семейную гармонию?»

«Мне надоели *твои штучки,* если ты не можешь относиться к матери подобающим образом — уходи отсюда!»

(Garfinkel, 1967, p. 48).

В конце концов, студенты рассказали своим родственникам и близким о проводимом эксперименте, и в большинстве случаев гармония была восстановлена. Однако в некоторых семьях напряженные отношения еще какое-то время сохранялись.

Эксперименты с нарушением привычного порядка проводились для того, чтобы продемонстрировать, каким образом люди упорядочивают свою повседневную жизнь. В результате было обнаружено, что социальная жизнь отличается гибкостью, поскольку субъекты пытались незамедлительно нейтрализовать нарушение — т. е. сделать ситуацию объяснимой с точки зрения привычных представлений. Очевидно, что реакция людей на эти нарушения много может сказать о том, как они направляют течение своей повседневной жизни (Handel, 1982). Эти эксперименты кажутся невинными, но иногда они приводят к весьма сильным эмоциональным реакциям, которые и показывают, насколько людям важно, чтобы выполнялись привычные, общепринятые действия. Реакции на нарушение установившегося порядка порой бывают такими крайними, что Хью Меган и Хаустон Вуд предостерегали от проведения подобных экспериментов: *«Заинтересованным людям убедительно не рекомендуется проводить какие-либо новые исследования, предусматривающие нарушение привычного порядка»* (Mehan & Wood, 1975, p. 113).

Выполнение тендерной роли

Неоспорим тот факт, что любой пол — мужской или женский — биологически обусловлен. Считается, что люди ведут себя определенным образом в полном соответствии с их биологической конституцией. Обычно они не воспринимаются как *выполняющие* свою гендерную роль. Но вопреки такому взгляду, половая принадлежность есть именно исполнение нужных действий; для того чтобы выглядеть представителями того или иного пола, люди должны говорить и действовать в определенной манере. Обычно же считается по-другому: чтобы казаться женщиной или мужчиной, не нужно *что-либо* особо говорить или делать. Специалисты в этнометодологии исследовали тендерный аспект и пришли к необычным выводам.

Их точка зрения восходит к одному из ставших классическим примеру, приведенному Гарольдом Гарфинкелем (Garfinkel, 1967). В 1950-х гг. ученый встретил человека по имени Агнес, который, вне всякого сомнения, выглядел как женщина[1]. У нее была практически «совершенная» женская фигура с идеальными пропорциями. Миленькое личико, хорошая кожа, никаких волос на лице, брови были выщипаны, губы накрашены. Несомненно, это женщина — или нет? Гарфинкель выяснил, что она не всегда выглядела так. В момент их встречи Агнес пыталась убедить врачей (в конце концов, добившись своего), что ей требуется операция по удалению мужского полового органа и созданию женского.

С рождения Агнес была мальчиком. По всем признакам она и была мальчиком до 16 лет. В этом возрасте Агнес стала одеваться как девочка и убежала из дома. Вскоре она поняла, что этого мало; нужно было *научиться действовать* так, чтобы ее принимали за женщину. Она усвоила такую манеру, в результате чего все стали принимать ее за женщину, а она стала считать себя ею. Гарфинкеля интересовало, что помогает Агнес в практической жизни вести себя как женщине. Это означает, что мы не просто рождаемся мужчинами или женщинами; все мы усваиваем общепринятую практику поведения, позволяющую нам считаться либо мужчинами, либо женщинами. Только овладевая такими навыками, мы в социологическом смысле становимся теми или иными. Таким образом, даже такую категорию, как тендер, считающуюся приписанным статусом, можно понимать как выполнение ряда соответствующих действий.

Анализ разговоров

Обратимся теперь к тому, что стало основным видом исследований в этнометодологии, — анализу разговоров. Его целью является изучение способов организации разговора, которые воспринимаются вполне очевидными. Ученые, занимающиеся изучением бесед, исследуют взаимосвязь высказываний в разговоре, а не отношения, складывающиеся между говорящими и слушающими (Sharrock and Anderson, 1986, p. 68).

Телефонные разговоры: идентификация и распознавание

Эммануил А. Щеглофф (Schegloff, 1979) считал свое исследование, посвященное способам начать телефонный разговор, составной частью более серьезного подхода, направленного на понимание упорядоченного социального взаимодействия:

> Предмет работы, которую я проводил со своими коллегами, — *организация социального взаимодействия.* Материалы, с какими мы работали, это — аудио- и видеозаписи *естественно протекающего* взаимодействия и расшифровки этих записей; они интересовали нас, чтобы *определить* и *описать упорядоченные* явления, из которых складывается разговор и взаимодействие, а также чтобы обрисовать *систематическую организацию,* с помощью которой создаются эти явления (Schegloff, 1979, p. 24, курсив мой.).

[1] Интерпретация Гарфинкелем данного случая рассмотрена в: Denzin, 1990a, 1991; Hilbert, 1991; Lynch & Bogen, 1991; Maynard, 1991b.

Ученых интересовали различные упорядоченные явления в процессе взаимодействия, например организация очередности высказываний в беседе и то, каким образом люди стремятся замять допущенную неловкость в течение беседы. Кроме того, внимание привлекла структура разговора, в том числе его начало, окончание и регулярно повторяющиеся внутренние циклы.

С этих позиций Щеглофф проанализировал начало телефонного разговора, которое он определил как «момент, когда может быть предложен, воспроизведен, принят, отвергнут, изменен — иными словами, в зарождающемся виде установлен участниками определенный тип начинаемого разговора» (1979, p. 25). Хотя телефонный разговор не отличается от личной беседы, участникам в первом случае не хватает визуального контакта. Вместе с тем Щеглофф отмечает тот его элемент, что отсутствует в процессе личной беседы, — последовательность узнавания друг друга участниками, которые лишены визуального контакта.

Ученый установил, что начало телефонного разговора чаще всего стандартно:

А. Алло? Б.
Шэрн? А.
Привет!

(Schegloff, 1979, p. 52)

Но иногда начало «выглядит и звучит уникально, — это почти виртуозное исполнение» (Schegloff, 1979, p. 68):

А. Алло.
Б. Алло, Марджи?
А. Да.
Б. Гм... Мы тут красим, отделываем.
А. Хорошо.
Б. Угу, хм.
А. Гм, гм, гм.
Б. Хм! Гм...
А. Хм...
Б. Держу чужие ненужные инструменты.
А. Ну! Хм, хм.
Б. Извини насчет того.

(Адаптировано по: Schegloff, 1979, p. 68.)

Хотя такое начало и отличается от привычного, оно все равно не существует вне организации, характерной для всех разговоров. Оно порождается «систематической последовательной организацией, адаптированной и исполненной участниками в соответствии с конкретными обстоятельствами» (Schegloff, 1997, p. 68). Например, приведенный разговор почти невозможно понять, если не знать, что Б звонит, дабы извиниться за задержку некоторых электроинструментов, взятых взаймы. Б шутит, перечисляя виды работ (красим, отделываем), и только в конце, когда оба смеются, следуют извинения.

Щеглофф приходит к выводу, что нужно исследовать схему организации даже самых уникальных случаев.

> Последние можно рассматривать в плане их местного, биографического, этнографического своеобразия, особенностей взаимодействия или иной уникальной специфики. Тс же самые материалы можно проанализировать, чтобы выделить из локальной специфики формальную организацию, в составе которой они пребывают. Для изучающих специфику взаимодействия вопрос об организации, благодаря которой осуществляется социальная жизнь, занимает важнейшее место (Schegloff, 1979, p. 71).

Инициирование смеха

Гейл Джефферсон (Jefferson, 1979; Jefferson, 1984) изучала, как собеседник узнает, когда надо смеяться в процессе разговора. С непрофессиональной точки зрения, смех — это абсолютно свободное проявление человека в процессе разговора. Однако Джефферсон обнаружила, что для побуждения второй стороны рассмеяться должны быть воспроизведены некоторые структурные характеристики речи. Прежде всего, это — смех, раздающийся после реплики говорящего:

Ден. Я думал, это было довольно далеко. Неужели, ты услышала мои слова, что ты наркоманка... Хе-хе.

Долли. Хе-хе-хе.

(Адаптировано по: Jefferson, 1979, p. 80.)

Второй случай, описанный Джефферсон, — смех, который сопровождает речь; он раздается, например, в середине фразы:

А. Ты знаешь, я не... ты знаешь.

Б. Черт, *ты* знаешь, я не в форме (ха-ха).

А. Да, да, ха-ха.

(Адаптировано по: Jefferson, 1979, p. 83.)

Из этих примеров Джефферсон сделала вывод, что смех имеет более организованный характер, чем это нам представляется:

> Оказывается, порядок альтернативных ответов, чтобы другой участник разговора рассмеялся, вовсе не столь произволен, как можно было бы предположить; суть в том и состоит, что, вольно *или* невольно, должен раздаться именно *смех,* а не что-либо другое Qefferson, 1979, p. 83).

Джефферсон интересовал не только феномен согласия рассмеяться, но и отказ последовать такому побуждению. Она пришла к выводу, что одного простого молчания в ответ на призыв засмеяться недостаточно, необходимо дать ясно понять, что приглашение не принято. Если, например, кто-то не хочет смеяться, подходящая стратегия — непосредственно за натиском говорящего приступить к серьезному обсуждению темы.

Гленн (Glenn, 1989) исследовал, как рождается коллективный смех, когда в разговоре принимают участие несколько человек. Ученый утверждает, что если в диалоге обычно смеется первым говорящий, то в полилоге — другой, а не тот, кто в данный момент говорит. При двустороннем взаимодействии говорящий вынуж-

ден сам рассмеяться над своим высказыванием, поскольку никто иной не сможет выполнить эту функцию. Однако в полилоге участвует множество собеседников, каждый из которых способен засмеяться первым, в этом случае говорящий не возьмет на себя инициативу.

Побуждение к аплодисментам

Джон Херитидж и Дэвид Грейтбетч (Heritage & Greatbatch, 1986) изучали риторику британских политиков (образцы речей были позаимствованы из работы: (J. Maxwell Atkinson, 1984a, 1984b). Они выявили основные механизмы, с помощью которых докладчики побуждали аудиторию аплодировать. По их убеждению, аплодисменты инициируются «утверждениями, вербально сконструированными с тем, чтобы: а) *подчеркнуть и выделить* их смысл на фоне основной речи; б) *сформулировать четкую заключительную фразу* в выступлении» (Heritage & Great-batch, 1986, p. 116). Подчеркивание сигнализирует аудитории, что аплодисменты уместны, а предварение четкого завершения фразы призывает слушателей аплодировать в унисон. Проанализировав речи британских политиков, Херитидж и Грейтбетч выделили семь основных риторических механизмов

1. *Контраст.* Например, политик утверждает: «Слишком много тратится на войну...слишком мало расходуется на мир». Такое утверждение вызывает аплодисменты, поскольку для выделения смысла один и тот же аспект рассматривается сначала с негативной стороны, а затем с позитивной. Кроме того, аудитория может предвидеть, что ей следует аплодировать при раскрытии второй половины фразы и завершения первой.
2. *Перечень.* Перечень политических вопросов, обычно состоящий из трех частей, обеспечивает как подчеркивание смысла, так и выделение четкой заключительной фразы, какую аудитория может предугадать.
3. *Решение загадки.* Политик сначала задает аудитории загадку и затем предлагает ответ на нее. Это двойное представление вопроса позволяет его подчеркнуть, аудитория же ожидает завершения высказывания в конце ответа на загадку.
4. *Заголовок — ударное заявление.* Политик обещает сделать заявление и де лает его.
5. *Комбинация.* Это использование двух или более из перечисленных выше способов.
6. *Обозначение своей позиции.* Сначала описывается состояние дел, волнующих докладчика. Но ситуация представляется обезличенно. И лишь в конце выступления оратор высказывает свою собственную позицию.
7. *Убеждение.* Это случается, когда аудитория не реагирует соответствующим образом на заявление. Докладчик побуждает к аплодисментам, например, повторяя свою основную идею.

На конференциях политических партий, изученных Херитиджем и Грейтбет-чем, две трети аплодисментов оказались вызванными этими семью способами. Наиболее восторженно аплодировали, когда ораторы прибегали к *контрасту*

(почти четверть аплодисментов). Не менее важна манера докладчика говорить («интонация, темп речи и жестикуляция») (Heritage & Greatbatch, 1986, p. 143). Ученые также отмечают, что указанные способы характерны не только для политической речи, но и для рекламных слоганов, газетных статей, научных текстов и т. д. Они пришли к выводу, что эти механизмы вообще свойственны повседневному взаимодействию людей в процессе разговора. Мы используем их, чтобы добиться положительного отклика от тех, с кем контактируем.

Неодобрительные возгласы

Стивен Клейман (Clayman, 1993) исследовал феномен неодобрительных возгласов во время публичного выступления. Если аплодисменты означают сближение аудитории и докладчика, то возгласы неодобрения — это сигналы отторжения.

Реакции (аплодисменты или неодобрение) рассматриваются как результат либо индивидуального, независимо принятого решения, либо наблюдения за поведением членов аудитории. Упомянутое выше исследование показало, что аплодисменты — следствие индивидуального решения. Поэтому они раздаются сразу после удачной реплики, достигая пика через одну-две секунды. Кроме того, докладчик прибегает к ряду хорошо известных приемов, чтобы побудить аудиторию к аилодированию.

Неодобрительные же возгласы в большей степени являются продуктом наблюдения людей друг за другом. Обычно существует значительная пауза между вызывающей неприятие фразой и выкриками неодобрения. Если бы те порождались независимым решением индивида, они проявлялись столь же быстро, как и аплодисменты. Величина паузы, как правило, указывает на то, что члены аудитории наблюдают за поведением других, перед тем как решить, будет ли уместной неодобрительная реакция. Кроме того, аудитория нередко сигнализирует о том, что сейчас последует. Например, о недовольстве[1] докладчиком свидетельствуют «различные звуковые реакции — шепот, говор, возгласы, насмешки... эти звуки можно охарактеризовать как "шорох", "гул" или "рокот"» (Clayman, 1993, p. 117). Слушатели таким образом дают понять, что они склонны не одобрить высказывание. Тогда какой-либо конкретный человек ощущает себя более свободным, поскольку полагает, что не останется в одиночестве и, следовательно, не заслужит недовольство со стороны аудитории.

Разумеется, резонно спросить, откуда же, как не из автономно принятых решений, могут возникнуть первые проявления недовольства? Клайман полагает, что в определенной степени индивидуальное решение имеет определенное значение. Индивидуально принятое решение имеет место быть при зарождении проявлений недовольства потому, что такое поведение (например, перешептывание с соседями, вздохи — «фи-и-и» и т. п.) более приватно и с меньшей вероятностью вызовет неодобрение у аудитории, нежели явный возглас неодобрения. Таким образом, нет необходимости наблюдать за всей аудиторией, чтобы определить, насколько уместно подобное поведение.

[1] Возгласы неодобрения могут раздаваться и после одобрительной реакции *в* форме аплодисментов, но при этом включается другой процесс, который здесь рассматриваться нами не будет.

Клаймана также интересовали способы, к помощи которых прибегают докладчики, пытаясь нейтрализовать неодобрительную реакцию. Например, говорящий может попытаться объяснить причину неодобрения и выдвинуть контрпредложение, которое, как ему кажется, сблизит его с аудиторией. Или говорящий может пошутить относительно негативной реакции. Однако Клайман установил, что подобные способы используются не столь часто. Как правило, это происходит только в том случае, когда неодобрительные возгласы достаточно интенсивны. Говорящие обычно не реагируют на неодобрение явным образом, поскольку это лишь заостряет внимание на негативной реакции, а также замедляет или прерывает речь и может инициировать дальнейшие неодобрительные возгласы. Последнее оказывается наиболее вероятным, если причина инцидента в самом говорящем.

Чаще прибегают к неявной защите, например, перекрикивая неодобрительный гул. Это служит тому, чтобы сделать шум менее выраженным, менее отчетливым и даже прекратить его. Интересно, что когда раздаются аплодисменты, докладчик старается не говорить, пока аплодисменты не станут тише или вовсе не прекратятся. Ему хочется, чтобы они раздавались как можно дольше, а продолжение речи при аплодировании обычно ведет к его прекращению.

Клейман считает, что продуцированные коллективом аплодисменты или неодобрительные возгласы похожи на выражение индивидуального согласия или несогласия в повседневном общении. В любом случае «согласие выражается моментально, безоговорочно и расценивается как не требующее какого-либо специального объяснения. Несогласие, напротив, как правило, оттягивается, оправдывается и объясняется» (Clayman, 1993, p. 125). Это сходство дает основание заключить, что аплодисменты и неодобрение объясняются общими принципами взаимодействия, характерными для всех сфер жизни, а не только структурами организаций и институтов или нормами публичных выступлений. Эти «общие принципы человеческого поведения» — часть процесса взаимодействия, который «является самостоятельной разновидностью социальных институтов, ранней по времени возникновения и базовой для большинства других социетальных институтов, имеющей свои организационные качества и принятые практики» (Clayman, 1993, p. 127). Другими словами, фундаментальные принципы, открытые благодаря анализу разговоров, позволяют нам понять позитивные (аплодисменты) и негативные (возгласы неодобрения) отклики на публичные выступления.

Сентенции и рассказы в процессе взаимодействия

Чарльз Гудвин (Goodwin, 1979) оспорил традиционное лингвистическое представление, что изречения можно изучать вне рамок процесса взаимодействия, без учета такого контекста. Он считает, что «изречения возникают в разговоре» (Goodwin, 1979, p. 97). «Говорящий может реконструировать значение своего высказывания *во время его создания,* чтобы высказывание соответствовало реакции слушателя в данный момент» (Goodwin, 1979, p. 98; курсив мой).

В процессе беседы говорящие внимательно наблюдают за слушателями. Отслеживая вербальные, мимические реакции и язык телодвижений, они создают изречение, подстраивая его под слушателей. Такого рода реакции позволяют тому, кто говорит, решить, понятна ли его точка зрения, в противном случае — изменить

структуру высказывания. Гудвин показал, как это проявляется в последовательности изложения:

> В процессе произнесения изречение Джона дважды перестраивалось, прибавлялся новый сегмент, а другой удалялся. Получившееся высказывание становится результатом динамического взаимодействия говорящего и слушающего, определявших повороты беседы (Goodwin, 1979, p. 112).

Другими словами, изречения есть результат процессов сотрудничества.

Мандельбаум (Mandelbaum, 1989) изучала феномен рассказов в процессе взаимодействия. Ее ключевая установка состоит в том, что аудитория не пассивна, как обычно полагают, а, скорее, может рассматриваться как «соавтор» рассказа. Аналогично проведенному Гудвином анализу высказываний Мандельбаум показывает, что члены аудитории обладают возможностями, позволяющими им вместе с автором изменять рассказ во время повествования. Участие аудитории заключается в том, что она может временно приостановить реплики, обеспечивая главенство рассказчика в разговоре. Члены аудитории также способствуют продолжению рассказа, демонстрируя свое понимание, это выражается звуками — «ага», «хм» и т. п. Аудитория может «исправить» некоторый сбой в рассказе, позволяя ему протекать более гладко. А также, и это наиболее важно, она способна вмешаться в ход рассказа и вынудить его пойти по-другому. Таким образом, рассказы, как высказывания и разговоры в целом, — результат взаимодействия.

Формулировки

Херитидж и Уотсон (Heritage & Watson, 1979) интересовались упорядоченным характером разговоров. Они рассматривали этот вопрос в плане этнометодологических подходов:

> Важнейшим для этнометодологии является анализ практического социологического рассуждения, с помощью которого социальная деятельность оказывается объяснимой и упорядоченной. Данный подход предполагает, что все сценические признаки социального взаимодействия [например, биографии, события, личности, местоположения] устанавливаются как согласованное практическое исполнение, в котором и благодаря которому участники демонстрируют друг другу свои навыки практического управления социальным порядком. Как аналитиков, нас интересует истолкование (в отношении их естественного применения) тех методов, с помощью которых участники демонстрируют, управляют и распознают этот порядок (Heritage & Watson, 1979, p. 123-124).

Они стремились особо выяснить, когда порядок разговора сам становится темой беседы. Их внимание привлекли *формулировки,* определяемые ими как часть беседы, необходимая для описания разговора. В частности, их привлек особый род формулировок, при котором действующие субъекты стремятся «охарактеризовать уже описанное или оговоренное в предыдущем разговоре (полностью или частично) состояние дел» (Heritage & Watson, 1979, p. 126).

Беседы, которые в качестве примера использовали Херитидж и Уотсон, слишком длинны, и их невозможно привести здесь полностью, однако следующий фрагмент ясно показывает, что же они понимали под формулировками:

А. Я был так расстроен, что...

Б. Да.

А. ...что я забрался на ограждение моста.

Б. *Ты был готов покончить самоубийством из-за...*

А. Да, я так подавлен.

Утверждая, что А готов на самоубийство, Б формулирует то, что А пытался сказать в двух предыдущих утверждениях.

Такие формулировки иллюстрируют, как на практике осуществляется ведение беседы. Формулировка — часть разговора, цель которой заключается в том, чтобы «ясно и конкретно продемонстрировать понимание» (Heritage & Watson, 1979, p. 129). Формулировка это один из примеров того, как участники разговора показывают, что понимают происходящее.

Сочетание речевых средств и невербальных действий

Ученые, занимающиеся анализом разговоров, и другие представители этнометодологии обратили внимание на невербальные действия. Некоторые исследователи, чтобы проанализировать всю совокупность речевой и невербальной деятельности, пользуются видеозаписями и фильмами. Например, Гудвин (Goodwin, 1984) обратился к видеозаписи праздничного обеда двух пар. Один из важнейших аспектов — положение тела человека (в данном случае Анны), которая рассказывает на этой вечеринке какую-то историю:

> Анна сжимает руки, ставит локти на стол и наклоняется вперед, пристально глядя на собеседника, к которому обращается, — на Бет. Таким положением говорящий демонстрирует, что всецело сосредоточен на собеседнике, полностью поглощен изложением своей истории и не занят ничем другим, кроме разговора. Представляется, что положение тела... — визуальное проявление процесса рассказывания (Goodwin, 1984, p. 228).

Ученый считает, что «таким образом рассказ Анны становится нагляднее не только в речи, но и в том, как она организует положение тела и каково ее поведение во время рассказывания» (1984, p. 229).

Другим изученным Гудвином невербальным проявлением служит взгляд, который связан с ходом разговора:

> Если говорящий смотрит на собеседника, тот также должен на него смотреть. Если говорящие смотрят на прячущих взгляд собеседников, что обнаруживает нарушение норм, они часто прерывают фразы, начинают их заново или делают паузы. Такая изломанная речь показывает, что нарушаются правила, кроме того, это обозначает в процессе разговора момент нарушения и выправляет ситуацию, призывая слушающего обратить взгляд. Таким образом, сразу после того, как фраза прерывается, собеседник, отводивший до того взгляд, зачастую начинает смотреть на говорящего(Goodwin, 1984, p. 230).

Положение тела и взгляд — это всего лишь два из множества различных невербальных действий, тесно связанных с вербальными.

Проявление нерешительности (и уверенности в себе)

Мы склонны считать нерешительность и уверенность в себе психологическими качествами, но Мэннинг и Рэй (Manning & Ray, 1993) попытались доказать, что они прямо связаны с управлением диалогами. Существует определенный набор типичных процедур, используемых каждым из нас для знакомства с неизвестными нам людьми. Как робкие, так и уверенные в себе люди, пусть и по-разному, применяют именно эти процедуры, чтобы в свойственной им манере разрешить социальные ситуации. Таким образом, нерешительные и уверенные в себе люди прибегают к различным стратегиям разговора.

Мэннинг и Рэй провели лабораторное исследование со студентами колледжей, задействовав видеозапись и фиксируя процесс взаимодействия десяти нерешительных и десяти уверенных в себе пар собеседников. Любой из нас говорит «об обстановке» -- о непосредственном окружении, но нерешительные люди рассуждают на эту тему намного дольше, чем обладающие уверенностью. Обратимся к примеру:

А. *{нервный смех)* Микрофон.

Б. Нас записывают.

А. Похоже на то.

Б.Ха.

А. Ну, хорошо.

Б. Они, вроде, хотят понаблюдать, какие мы нервные *{смешки).*

А. Знаю.

(Manning and Ray, 1993, p. 182)

По наблюдениям этих ученых, вероятность того, что нерешительные собеседники в начале разговора поведут речь об обстановке, в 2,5 раза выше по сравнению с уверенными в себе. Кроме того, вероятность того, что они вернутся к разговору об обстановке позднее, если разговор не будет складываться, в 8 раз больше. Мэннинг и Рэй заключают: «Мы полагаем, что нерешительные участники прибегли к разговору об обстановке как "безопасной" теме, сходной с обсуждением погоды. Напротив... уверенные в себе рассматривали разговор об окружающей обстановке как тупик, которого следует избегать» (Manning and Ray, 1993, p. 183). Кроме того, уверенные в себе студенты чаще называли друг другу свои имена и сразу переходили к введению в тему разговора («предтематический эпизод»). Если нерешительные участники склонны отвергнуть такой подступ к теме, то противоположно поступающие собеседники на него, вероятно, откликнутся и смогут уйти в развитии темы дальше.

Принципиальный вопрос заключается в следующем: являются ли эти и другие различия в разговоре проявлениями фундаментальных психологических различий или нерешительность и уверенность в себе — это разные процедуры разговора? Ясно, что Мэннинг и Рэй, придерживающиеся этнометодологического подхода, склоняются к последней точке зрения:

> Возможно, что симптомы нерешительности и то «состояние», индикаторами которого они оказываются, представляют собой одно и то же... «нерешительные» люди, вероят-

но, застенчивы в определенные моменты и при определенных обстоятельствах. Следовательно, резонно предположить, что при взаимодействии подключается механизм проявления нерешительности, которая может быть «активирована» или «деактивирована» совместными усилиями, направленными на поддержание разговора по теме (Manning and Ray, 1993, p. 189).

Исследование социальных институтов

Как уже было сказано, некоторые сторонники этном^годологии заинтересовались исследованием разговора и процесса взаимодействия людей, что происходит в рамках различных социальных институтов. Рассмотрим несколько примеров подобного рода исследований.

Собеседование при приеме на работу

Некоторые специалисты в области этнометодологии обратили внимание на трудовые отношения. Например, Баттон (Button, 1987) проанализировал собеседования при приеме на работу. Неудивительно, что он считает такие интервью последовательно, с определенной очередностью организованным разговором и «практической деятельностью сторон в конкретной ситуации» (Button, 1987, p. 160). Один из рассматриваемых в данном исследовании аспектов связан с возможными действиями интервьюеров после того, как они получают ответ на свой вопрос, дабы перейти далее к другому, мешая тем самым интервьюируемому вернуться к прежнему ответу и исправить его. Во-первых, интервьюер может дать человеку понять, что интервью окончено. Во-вторых, задать другой вопрос, который изменит направление разговора. В-третьих, дать такую оценку ответу, что интервьюируемый будет не способен вновь вернуться к нему.

Баттон размышлял над тем, почему собеседование при приеме на работу считается деловой беседой. По его словам, обусловливает это не табличка на двери или факт собрания людей. Скорее, данное превращение случается благодаря тому, «что эти люди делают, как они структурируют и организуют взаимодействие друг с другом. Вследствие этого определенная социальная обстановка получает характеристики интервью. В целом, это связано с тем, как участники организуют свою беседу» (Button, 1987, p. 170). Таким образом, собеседование при приеме на работу определяется характером речевого взаимодействия.

Переговоры руководителей

Андерсон, Хьюз и Шеррок (Anderson, Hughes, & Sharrock, 1987) исследовали особенности деловых переговоров в среде административных работников коммерческих фирм. В частности, ученые сделали вывод о рассудительном, беспристрастном и безличностном характере таких переговоров:

> Все происходит обдуманно, взвешенно, разумно. В их манере поведения нет никакой враждебности. Они просто занимаются делом, это часть их рабочего дня... Враждебность, разногласия и расхождения во мнениях всегда сдерживаются, контролируются. Если сделку на этот раз заключить невозможно, так тому и быть (Anderson, Hughes, and Sharrock, 1987, p. 155).

Такой характер взаимодействий многое говорит нам о мире бизнеса.

Как утверждают ученые, происходящее в деловом мире ничем не отличается от процессов обыденной жизни. В большинстве социальных взаимодействий мы ведем себя так же, как поступают руководители бизнеса. «Деловая жизнь протекает не в опечатанном отсеке, отрезанном от остальной социальной жизни. Она неотрывна от нее, переплетена с ней» (Anderson, Hughes, & Sharrock, 1987, p. 155).

Звонки в центры чрезвычайных ситуаций

Уэйлен и Циммерман (Whalen and Zimmerman, 1987) изучали телефонные звонки в центры экстренной помощи. Контекст обусловливает сокращение вступительной части телефонных разговоров. Обычно при беседе по телефону следуют вызов-ответ, идентификация-узнавание, приветствие и вопрос «Как дела?». Однако в случае со звонками при чрезвычайных ситуациях вступительные реплики сокращены, а процедуры узнавания, приветствия и стандартных вопросов о жизни отсутствуют.

Другой интересный аспект телефонных звонков такого рода состоит в том, что отношение к конкретным фактам, выявляемым вначале, куда серьезнее, чем при обычном разговоре, где ими пренебрегают:

> ....это такие ситуации, когда звонящий вешает трубку после ответа диспетчера, или когда в трубке молчат, или слышен лай собак, споры и крики и тому подобные звуки, или звонок пожарной сигнализации. Несмотря на то что непосредственно речь отсутствует, диспетчеры изначально трактуют такие факты как возможные признаки необходимости оказания помощи и, таким образом, как действительные или *виртуальные* просьбы (Whalen and Zimmerman, 1987, p. 178).

Своеобразие телефонного разговора при чрезвычайной ситуации обусловливает эти и иные изменения структуры обычного разговора.

В сходном исследовании Уэйлены и Циммерман (Whalen, Zimmerman, & Whalen, 1988) рассмотрели особый тип телефонного разговора при чрезвычайной ситуации — когда разговор не удался, что привело к задержке выезда машины скорой помощи и смерти женщины. В то время как средства массовой информации были склонны обвинить в этом происшествии диспетчера, Уэйлены и Циммерман усматривают проблему в сущности телефонных разговоров при чрезвычайных ситуациях:

> В результате нашего исследования стало ясным, что участники по-разному понимали происходящее и имели разные ожидания относительно того, каким должен быть этот разговор. Через некоторое время несогласованность звонившего и сестры-диспетчера (а также ее начальника) стала более обширной и глубокой. Эта неверная установка решительным образом способствовала возникновению пререканий, подорвавших и трансформировавших активность участников (Whalen, Zimmerman, & Whalen, 1988, p. 358).

Таким образом, именно характер конкретного вида разговора, а не способности диспетчера, привели к несчастью.

Разрешение конфликтов при участии посредников

Анжела Гарсиа (Garsia, 1991) изучила процедуру улаживания конфликтов, проводя исследования в рамках Калифорнийской программы, разработанной для урегулирования разнообразных споров, в том числе разногласий между владельцами и арендаторами, вызванных спорами из-за небольших денежных сумм, а также между членами семьи или друзьями. Конечной целью Анжелы Гарсиа было сравнить, как разрешаются конфликты в рамках определенных социальных институтов и в обычных разговорах. Важнейшим тезисом ученого стало утверждение, что урегулирование, происходящее в контексте институтов, облегчает разрешение конфликта, поскольку исключает процессы, ведущие в случае обычных разговоров к углублению разногласий. Кроме того, если даже при разборе конфликтов с помощью посредника и возникает спор, все равно имеются процедуры, отсутствующие в рамках обыденных разговоров, благодаря которым и возможно прекращение конфликта.

Гарсиа сначала анализирует очередность произнесения, что характерно и для исследований сторонников анализа разговоров. Посредник определяет, кто, когда может говорить и каковы должны быть ответы. Например, истцы выступают первыми, участникам спора нельзя прерывать их, пока они говорят. Этот запрет существенно ограничивает конфликтность в спорах, если приглашен посредник. И, наоборот, в обычных разговорах прерывание речи другого повышает вероятность и масштаб конфликта. Его накал снижается также из-за того, что участники спора должны спрашивать у посредников разрешения высказаться. Эта просьба может быть отклонена, и даже если ее удовлетворяют, сам факт того, что она высказана, уменьшает возможность непосредственного конфликта спорящих. Другой ключевой фактор снижения конфликтности состоит в том, что участники спора адресуют свои замечания посреднику, а не друг другу. Когда вопрос обсуждается совместно, посредник, а не участники, контролирует предмет обсуждения, а также задает участникам спора прямые вопросы. Таким образом, он одновременно служит буфером и контролером, и его функция при выполнении обеих ролей — ограничить возможность конфликта.

Особенно он стремится сократить вероятность прямых и сопутствующих обвинений и опровержений, высказываемых участниками спора. Велика вероятность, что такая «перекрестная беседа» приведет к конфликту, а посредники стремятся его предотвратить и готовы быстро действовать в случае его возникновения. Чтобы остановить перекрестный разговор, посредник может переменить тему обсуждения, изменить направление вопроса или применить к спорщикам санкции.

В целом, «при участии посредника не бывает прямо адресованных или сопутствующих им оппозиционных высказываний, формирующих спор» (Garcia, 1991:827). Обобщая, Гарсиа перечисляет следующие характеристики посредничества, помогающие спорящим ослабить спор или ликвидировать его, сохранив при этом реноме:

1. Обвинения и опровержения этих обвинений в системе очередности выступлений, если спор проходит с участием посредника, не соседствуют друг с другом и, таким образом, снижается возможность разрастания спора.

2. Опровержения даются не непосредственно на обвинения, а на вопросы посредника. Как следствие, эти опровержения, будучи отделены от ответов, с меньшей вероятностью вызовут полемические возражения.
3. Поскольку спор предполагает промедление между обвинением и ответом на него, спорящим разрешается не отвечать на некоторые обвинения, что означает их вину. Отсрочка позволяет участнику спора «пренебречь некоторыми обвинениями в свой адрес, чтобы сосредоточиться на более важных или проигнорировать те, которые он не может правдоподобным образом опровергнуть» (Garcia, 1991, p. 830). В результате остается меньше спорных вопросов для обсуждения.
4. Обвинения и опровержения смягчаются посредническим участием. Например, к обвиняемому можно обращаться косвенно, употребляя местоимение «мы», а само обвинение может быть смягчено использованием выражений типа «ну, предположим» или «может быть».

В отличие от Клеамана Гарсиа не утверждает, что структура взаимодействия при участии посредника сходна с их организацией в повседневной жизни. По сути дела, она считает, что существует разный порядок взаимодействия. Однако, как Клейман и другие представители анализа разговоров, Гарсиа (Garsia, 1991, p. 833) видит ключ к пониманию сути происходящего при взаимодействии, особенно когда участвует посредник, в «самом порядке взаимодействия, характерном для посредничества», а не в его социальной или нормативной структуре.

Относительно недавно Грейтбетч и Дингвол (Greatbatch & Dingwall, 1997) обратились к изучению слушаний по разводам при участии посредников, что проводились в десяти учреждениях Англии. В данном случае стороны говорят непосредственно друг с другом и часто вступают в спор. Учитывая эту особенность, Грейтбетч и Дингвол стремились понять, как вспыхивают такие споры. Хотя посредники вольны предпринимать различные действия, основным предметом исследования были не они, а действия спорящих, направленные на выход из дискуссии. Так, одна сторона может не воспользоваться правом высказаться и позволить говорить другой, она может взять на себя инициативу и обратиться к посреднику, а не к участнику спора, объявить, что устраняется от спора и выдвинуть доводы примирения (например, «я сам виноват»). В большинстве же случаев английские спорщики не разговаривают непосредственно друг с другом; предпочитая обратиться к посредникам. Но, скорее всего, главную роль играют не различные детали проводимых исследований — важно, что Грейтбетч и Дингвол (Greatbatch & Dingwall, 1997, p. 164) оспорили утверждение Гарсиа, будто происходящее в такой обстановке не сходно с обыденной жизнью: «Описанные здесь способы смягчить ситуацию применяются далеко не только при участии посредника; это общие речевые практические способы, характерные и для обычных разговоров». Иными словами, чтобы выйти из конфликта, спорящие прибегают к действиям, сходным с теми, какие используются людьми в повседневной жизни для того, чтобы прекратить спор.

Критика традиционной социологии

Представители этнометодологии критикуют традиционных социологов за то, что те навязывают социальному миру *свое* понимание социальной реальности (Mehan & Wood, 1975). Они считают, что социология не была в достаточной степени внимательна и уважительна к миру повседневности, который должен быть первичным источником ее знаний (Sharrock & Anderson, 1986). Если говорить о крайностях, то социология сочла наиболее существенные аспекты социального мира (этноме-тоды) недоступными для изучения и взамен этого сосредоточилась на рассмотрении сконструированного мира, прячущего повседневные практики. Реальность, создаваемая увлеченными собственным видением мира социологами, отличалась от той, которая характерна для изучаемых ими явлений. Как говорят об этом Метан и Вуд, «пытаясь быть социальной *наукой,* социология отдалилась от социального» (Mehan & Wood, 1975, p. 63).

Эти ученые (а также см.: Sharrock & Anderson, 1986) выдвинули против традиционной социологии ряд конкретных критических аргументов. Они говорят, что используемые социологами понятия искажают социальный мир, его ритмичность. Дополнительное искажение возникает из-за того, что социология доверяется научным методам и статистическому анализу данных. Статистика обычно просто не в состоянии предоставить достоверное описание всей тонкости и сложности реального мира. Методы кодирования, используемые социологами при объяснении человеческого поведения через призму собственных предвзятых категорий, также неверно отражают социальный мир. Кроме того, кажущаяся простота кодирования скрывает многомерную деформацию, происходящую при облечении аспектов социального мира в форму социологический категорий. Утверждается также, что социологи склонны безоговорочно признать описание явления, данное респондентом, а не исследовать само явление. Таким образом, описание социальных условий принимается за *сами* эти условия, а не рассматривается как всего лишь одно конкретное их понимание. Наконец, Меган и Вуд заявляют, что социологами создаются абстракции социального мира, все более отдаляющиеся от повседневной реальности.

Смешение предмета и источника

Придерживаясь несколько иного подхода, Дон Циммерман и Мелвин Поллнер (Zimmerman & Pollner, 1970) утверждали, что традиционной социологии было свойственно смешение *предмета* и *средства.* То есть повседневный социальный мир является источником излюбленных социологических тем, но редко выступает в социологии самостоятельным предметом. Данный тезис можно проиллюстрировать по-разному. Например, Рой Тернер (Turner, 1970; см. также: Sharrock & Anderson, 1986) отмечал, что социологи, как правило, рассматривают повседневную речь не как самостоятельный предмет изучения, а как источник для исследования скрытой реальности — будь то нормы, ценности, установки и т. д. Однако ее можно рассматривать в качестве формы проявления социальной жизни, т. е. как предмет сам по себе. Мэтью Спайер (Speier, 1970) утверждал, что социологи, когда рассматривают процесс социализации в детском возрасте, они исследуют не сами процессы, а набор абстрактных «стадий», полученных путем обобщения этих процессов. Он доказывал, что *«социализация есть процесс приобретения навыков*

взаимодействия» (Speier, 1970, p. 189). Таким образом, представитель этнометодологии должен исследовать, как эти способности приобретаются и применяются в повседневности реального мира.

Анализ социализации в детском возрасте, предложенный Робертом У. Макэй (Mackay, 1974) — еще более яркий пример критики традиционной социологии и смешения предмета и источника. Макэй противопоставил «нормативный» подход традиционной социологии интерпретационному, характерному для этнометодологии. Он считает, что, согласно первому, социализация есть просто ряд этапов обучения «совершенными» взрослыми «несовершенных» детей общественным правилам. Макэй рассматривал это как «обманчивую видимость», игнорирующую ту истину, что в действительности социализация предполагает взаимодействие между детьми и взрослыми. Дети — не какие-то пассивные существа, несовершенные «сосуды»; наоборот, они активные участники процесса социализации, поскольку обладают способностью рассуждать, изобретать, получать знания. Социализация — процесс двусторонний. Макэй полагал, что этнометодологическая ориентация «восстанавливает значение взаимодействия взрослых и детей, основанного на навыках интерпретации, как предмета исследования» (Mackay, 1974, p. 183).

Циммерман и Поллнер (Zimmerman & Pollner, 1970) привели другие примеры смешения предмета и источника. Например, они заметили, что социологи, как правило, объясняют бюрократические действия правилами, нормами и ценностями организации. Однако если бы те отнеслись к ней как к предмету исследования, то обнаружили, что зачастую действующие субъекты своими поступками создают *видимость* того, будто эти действия можно объяснить следованием правилам. Не правила, а именно *использование* их акторами должно быть предметом социологического исследования. Циммерман и Поллнер приводят также пример кодекса поведения заключенных. Если традиционная социология стала бы рассматривать, как тюремный кодекс налагает на действующих субъектов определенные ограничения, представители этнометодологии исследовали бы, как этот кодекс используется заключенными в качестве средства оправдания и убеждения. Дон Циммерман и Лоуренс Видер следующим образом резюмировали проблему смешения предмета и источника:

> Представитель этнометодологии *не* занимается подбором случайных объяснений для кажущихся систематическими, стандартными, повторяющимися действий, определенным образом анализируя мнение действующего субъекта. *В действительности* его интересует, как члены общества выполняют задачу *понимания, описания и объяснения* устройства мира, в котором они живут. (Zimmerman & Wieder, 1970, p. 289)

Социальный порядок в этнометодологии рассматривается не как самостоятельная реальность, а как «исполнение» социальных акторов.

Затруднения и противоречия в этнометодологии

Несмотря на то, что этнометодология достигла огромных успехов и показала, особенно в области анализа разговоров, свою способность накапливать знания о мире повседневной жизни, стоит упомянуть некоторые имеющиеся затруднения.

Во-первых, хотя сейчас этнометодология гораздо более распространена, чем это было 10-20 лет тому назад, многие социологи относятся к ней с недоверием (pollner, 1991). Они считают, что это направление занимается изучением незначительных предметов и пренебрегает крайне важными проблемами, с которыми сегодня сталкивается общество. Представители этнометодологии возражают, что на самом деле они *рассматривают* существующие проблемы, поскольку наибольшее значение имеет именно повседневная жизнь. Пол Аткинсон резюмирует сложившееся положение таким образом: «Некоторые продолжают принимать этнометодологию со смесью непонимания и враждебности, однако эту силу, без сомнения, необходимо принимать в расчет, когда речь идет о теории, методах и эмпирическом проведении социологических исследований» (Atkinson, 1988, p. 442).

Во-вторых, существуют и такие ученые (например, Atkinson, 1988), кто полагает, что этнометодология забыла о своих феноменологических корнях и внимании к сознательным, познавательным процессам (исключение составляют Сикурел [Cicourel, 1974] и Коултер [Coulter, 1983,1989], хотя последний склонен помещать познание в рамки повседневного мира). Вместо того чтобы сосредоточиться на изучении процессов, происходящих в сознании, представители этнометодологии, особенно анализа разговоров, стали рассматривать «структурные свойства разговора как такового» (Atkinson, 1988, p. 449). При таком подходе не учитываются мотивы и внутренняя мотивация к действию. По мнению Аткинсона, этнометодология приобрела «чрезвычайно ограниченный» и «бихевиористский и эмпирический» характер (Atkinson, 1988, p. 441). Развитие этнометодологии в этом направлении понимается как возврат к некоторым из ее базовых принципов, в том числе стремлению не трактовать действующего субъекта как «остолопа»:

> Первоначальным замыслом Гарфинкеля было отказаться от образа «тупоголового», чтобы сосредоточить внимание па «ловкой» и умелой методологической работе по созданию социального порядка. Однако с течением времени некоторые ответвления этнометодологии вернулись к модели, рассматривающей действующего субъекта как остолопа». Целеустремленность и осмысленность оказались почти исключенными (Atkinson, 1988, p. 449)

В-третьих, некоторые представители этнометодологии заботились о сочетании предметов своих исследований (например, разговоров) с крупной социальной структурой. Эта задача существует несмотря на склонность сторонников этнометодологии считать, что они преодолевают разрыв между микро- и макроуровнями. Например, несколько лет назад Циммерман полагал, что «перекрестное опыление» с макросоциологией — «отрытый вопрос и интригующая возможность» (Zimmerman, 1978, p. 12). Позже Поллнер настаивал на том, что этнометодологии следует «вернуться к социологии, чтобы понять [считающиеся не требующими обоснования] действия в их более широком социальном контексте... обыденный разум с точки зрения структурных и исторических процессов. Предполагается, что повседневный разум не есть только продукт прозаической деятельности человеческого размышления, поскольку он формируется и в более долгосрочной и масштабной динамике» (Pollner, 1987, p. xvi). Определенный опыт такого «перекрестного опыления» был предпринят, например Гидденсом (Giddens, 1984), который

встроил этнометодологические идеи в свою теорию структурации. Воден (Boden, 1990a; см. следующий параграф главы) определила потенциальное участие этнометодологии в решении вопроса о соотносимости социальной структуры и деятельности социальных агентов. Она утверждает, что выводы, полученные в результате этнометодологических исследований, уместны относительно не только микроструктур, но также и макроструктур. Можно надеяться, что изучение институтов прольет больше света на макроструктуру и ее соотношение с явлениями микроуровня.

В-четвертых, этнометодологию критиковали и изнутри: Поллнер (Pollner, 1991) замечает, что она утратила свою первоначальную радикальную рефлексивность. Последняя означает представление о том, что вся социальная деятельность, в том числе и самих представителей этнометодологии, — это исполнение. Взамен этнометодология приобрела большую благосклонность со стороны социологов традиционного направления. Согласно выражению Поллнера, «этнометодология обосновывается на окраине социологии» (Pollner, 1991, p. 370). Получив большее признание, представители этнометодологии склонны забывать б необходимости анализировать собственные действия. Как следствие, этнометодологии угрожает, по мнению Поллнера, утрата способности адекватно анализировать саму себя и потеря критической грани, превращение в одно из многих теоретических направлений консервативного толка.

Наконец, следует отметить, что хотя этнометодология и анализ разговоров рассматривались под общим заголовком, отношения между этими направлениями становятся все более сложными (Lynch, 1993, p. 203-264). Как упоминалось выше, они имеют несколько различающиеся корни. В последние годы именно анализ разговоров достиг наибольших успехов в социологии. Стремление эмпирически изучать речевое взаимодействие делает его приемлемым с точки зрения преобладающей в социологической дисциплине тенденции. Вероятно, противоречие между двумя указанными линиями усилится, если анализ разговоров будет утверждаться в русле доминирующего направления социологии, тогда как этнометодологические исследования останутся на периферии.

Синтез и интеграция

Даже этнометодология — один из социологических подходов, который выражен-но ориентирован на рассмотрение микроуровня, — в определенном смысле открыта для теоретического синтеза и интеграции. По всей видимости, это связано с расширяющимся углом зрения и обращением к сферам, которые в большей мере соответствуют преобладающему в социологии направлению. Наглядным примером этого служат исследования феномена аплодисментов, проведенные Херитид-жем и Грейтбетчем (Heritage & Greatbatch, 1986), а также изучение Клайманом (Clayman, 1993) неодобрительных реакций. Разработанные данными представителями этого направления типологии, по-видимому, мало отличаются от тех, что применяются другими социологами-теоретиками.

Однако этнометодология по-прежнему вынуждена отстаивать свои позиции, положение ее довольно шатко. В некотором смысле, она отходит от тенденции

движения к теоретическому синтезу. Судя по всему, не принимая идею теоретического синтеза, Гарфинкель оценивает этнометодологию как «альтернативную социологию» (Garfinkel, 1988, p. 108). Боден (Boden, 1990a) выдвигает сильные, но в то же время не совсем убедительные аргументы *в пользу* этнометодологии и методики анализа разговоров. Конечно, Боден прав в том, что этнометодология добилась признания и завоевала свое место в социологии. Однако возникает встречный вопрос: можно ли сказать, что она, впрочем, как любая другая социологическая теория, «закрепилась надолго». Этот аргумент противоречит идее о размывании границ между теориями и возникновении новых подходов в рамках происходящего их синтеза. Ведь вовсе не исключено, что этнометодология слишком молода и неустойчива, чтобы можно было полагать, будто ее границы уже размываются.

И все-таки Боден (Boden, 1990a) немалое место отводит в своем очерке рассмотрению попыток теоретического синтеза в решках этнометодологии, особое внимание уделяя вопросам интеграции, например взаимосвязям социального действия и структуры, обусловленности действия и скоротечным событиям в истории. Боден также рассматривает, в какой степени те или иные европейские и американские теоретики учитывают в своих подходах этнометодологию и анализ разговоров. Для полноты картины надо было выяснить и обратное: в какой мере представители этого направления приобщают идеи, продуцируемые в рамках иных социологических теорий. Приверженцы этнометодологии, кажется, не противятся тому, чтобы теоретики другого плана заимствовали их подходы, однако сами, очевидно, не очень стремятся к аналогичным ответным действиям.

Этнометодология и символический интеракционизм

Работы Боден (Boden, 1990b) содействовали определенному движению к теоретическому синтезу в рамках этнометодологии, поскольку в них рассматривалась ее взаимосвязь с символическим интеракционизмом. Как указывалось выше, в анализе разговоров основным предметом становится обмен репликами. Согласно формулировке Боден, «беседа есть вещество, двигательная сила социального взаимодействия. Обыденный характер разговоров людей в условиях их повседневной деятельности — вот что является предметом анализа разговоров» (Boden, 1990b, P-244). Хотя этот материал изучают и сторонники теории символического интеракционизма, сосредоточиваясь как на действии, так и на взаимодействии, Боден (Boden, 1990b, p. 244) уточняет линии взаимосвязи: она определяет *разговор* как «речь, ставшую действием», и утверждает, что «именно в этом пункте, когда мысль посредством слова воплощается в действие, анализ разговоров пересекается с предметом, рассматриваемым в рамках символического интеракционизма (и наоборот)». Она также отмечает, что социальный мир следует «изучать, находясь внутри него; объединение усилий, прилагаемых сторонникам символического интеракционизма к анализу разговоров, помогут ухватить моментальные, преходящие, но все-таки повторяющиеся свойства мира» (Boden, 1990b, p. 246).

Чтобы упрочить взаимосвязи двух научных направлений, Боден предлагает Дать другое определение анализу разговоров. Она утверждает, что термин *анализ разговоров* слишком узок, поскольку исследователей интересует большее, чем просто обмен репликами. Боден предлагает термин «интеракционный анализ», по-

скольку исследователей интересует «во взаимодействии людей абсолютно все — от едва слышимого вздоха до пространственной и временной организации сцены» (Boden, 1990b, p. 248). Используя этот термин для определения важности как вербальных, так и невербальных явлений, Боден, несомненно, ставит анализ разговоров на один уровень с символическим интеракционизмом.

Как было отмечено в главе б, Мида интересовали мыслительные процессы, но он считал их видом действия и взаимодействия. Это мнение было обусловлено стремлением ученого распространить принципы бихевиоризма на изучение области разума. Боден утверждает, что «символическая интеракция, или *мысль* в понимании Мида, становится реально доступной как для анализа, так и для дальнейшего теоретического рассмотрения благодаря детализированным действиям, отмечаемым в речевых проявлениях во взаимодействии» (Boden, 1990b, p. 253). Таким образом, изучая обмен репликами, сторонники анализа разговоров (и последователи символического интеракционизма) проливают свет на особенности мыслительных процессов. Подобным же образом Боден стремится связать анализ разговоров с блумеровским интересом к «объединенному действию». Она утверждает, что разговор — это совместное действие не только потому, что реализуется в определенном месте, но и в том смысле, что «беседа и задачи отличаются взаимной очередностью» (Boden, 1990b, p. 255).

В заключение Боден указывает на линии сближения анализа разговоров с символическим интеракционизмом: «Сторонники символического интеракционизма и анализа разговоров вместе продвигаются в изучении сплетающихся смыслов, коллективных символов, объединенного действия и социального порядка» (Boden, 1990b, p. 265). Кроме того, она отчетливо связывает две рассматриваемые теории с описанными в предыдущей главе вопросами теоретической интеграции: «Итак, на обширном поле, где пересекаются *действия* и *структура,* социологи смогут обнаружить как представителей символического интеракционизма, так и приверженцев анализа разговоров» (Boden, 1990b, p. 265, курсив мой).

Этнометодология и микро- и макропорядок

Попытка Боден увязать вопрос о сближении анализа разговоров и символического интеракционизма с аспектом социального действия и структуры отправляет нас к работе Гилберта (Hilbert, 1990), посвященной связи этнометодологии с микро-и макросоциологией. Выше было указано, что Гилберт не разделяет общепринятую идею о том, что этнометодология является микросоциологией. На его взгляд, нельзя рассматривать ее и как макросоциологию. Вернее, Гилберт утверждает, что этнометодология «превосходит» вопросы микро- и макросоциологии, поскольку исследует «социальные действия, которые выступают методами создания *как* микроструктуры, *так и* макроструктуры, а также любой допустимой "связки" между этими двумя сферами» (Hilbert, 1990, p. 794).

Не совсем корректно (см. главу 10) Гилберт сводит вопрос о микро- и макросоединениях к ряду структурных вопросов. В таком случае подразумевается рассмотрение микроструктур, макроструктур и соединений между ними. По мнению Гилберта, представители этнометодологии «равнодушны» к структурам *любого уровня.* Вместо того чтобы исследовать микро- или макроструктуры, они зани-

маются практическими действиями членов группы, «этнометодами», «умелым продуцированием» структуры в целом. То есть представителей этнометодологии интересуют «методы создания, сохранения, поддержания и воспроизводства социальной структуры с помощью членов группы и для них, независимо от того, ориентированы ли эти методы на крупную макроструктуру социального института или структуру меньшего масштаба, более узкую (микроструктуру)» (Hil-bert, 1990, p. 799).

Гилберт выдвигает положение, названное им «радикальным тезисом» этнометодологии, помогающее преодолеть границы вопроса о соединении между микро-и макроструктурами:

> Эмпирические явления, наблюдаемые сторонниками анализа разговоров, однако, вероятно, вовсе не известные членам группы, неструктурные явления, на которые ориентируются члены группы, не считая их требующими доказательств, но которые тем не менее, не являются эмпирическими и доступными для изучения социальными науками, оказываются... *теми же самыми явлениями* (Hilbert, 1990, p. 801)

Иначе говоря, представители этнометодологии считают, что не следует разграничивать микро- и макроструктуры, поскольку они создаются одновременно. Но ни сторонники этнометодологии, ни какие-либо другие теоретики социологии не предложили окончательного решения проблемы микро- и макроструктур. Попытке Гилберта помешало сведение этого вопроса к рассмотрению аспектов соединения микро- и *макроструктур.* Как станет понятным после главы 10, эта проблема включает гораздо больше сторон, а не только рассмотрение такой связи. Тем не менее, представители этнометодологии все же предлагают свой — интересный, радикальный — подход к этой проблеме, по сути, ликвидируя ее, поскольку утверждают, что микро- и макроуровени — это одно и то же! Несомненно, один из способов решения вопроса о микро- и макроуровнях состоит в отказе от разделения этих уровней при рассмотрении их как частей одного и того же общего процесса.

Резюме

Данная глава посвящена совершенно особому виду социологии и социологической теории — этнометодологии. Она исследует повседневные действия, исполняемые обычными членами общества для решения задач повседневного характера. Как принято считать в этнометодологии, люди «исполняют» свою повседневную жизнь с помощью различных «умелых» действий. Со временем этнометодология все более расширялась. Однако основными ее разновидностями остаются исследования социальных институтов и анализ разговоров.

Здесь были рассмотрены первые опыты этнометодологии, в том числе эксперименты с нарушением привычного порядка, а также проведенное Гарфинкелем рассмотрение «случая Агнес» и тех способов, которые «она» использовала, чтобы исполнить тендерную роль женщины (при том, что на самом деле это был «он»). Значительная часть главы посвящена рассмотрению центрального предмета этно-

методологии — исследованиям разговоров и социальных институтов. Дан обзор работ, где рассматривается, каким образом люди узнают, когда им надлежит смеяться, аплодировать или выражать неодобрение. Также были рассмотрены некоторые работы, посвященные аспектам существования социальных институтов в том числе разрешению споров при участии посредников.

Сторонники этнометодологии критически относятся к традиционной социологии. Например, они считают, что социологи навязывают свое понимание социальной реальности, а не изучают то, что в действительности делают люди. Социологи по-разному искажают социальный мир: навязывая свои концепции, прибегая к данным статистики и т. д. Социологов также обвиняют в смешении предмета и источника — т. е. использовании повседневного мира в качестве источника сведений, а не самостоятельного предмета изучения.

Отмечаются также затруднения и противоречия в области этнометодологии, в том числе непризнание за ней важного направления в социологии, обвинение в забвении когнитивных процессов, неспособность адекватно рассматривать социальные структуры, утрата первоначальных радикальных принципов и разногласия между представителями этнометодологии и анализа разговоров. Глава завершается рассмотрением некоторых этнометодологических работ, посвященных аспектам интеграции и синтеза различных теорий. Однако остаются и те, кто по-прежнему считает этиометодологию несовместимой с другими социологическими теориями.

Глава 8
Теория обмена, сетевая теория и теория рационального выбора

В этой главе мы рассмотрим три родственные теории: теорию обмена, теорию рационального выбора и сетевую теорию. На развитие первой из них, особенно идеи о рациональном действии субъекта, оказала влияние теория рационального выбора. Помимо этого, на нее повлияли и другие интеллектуальные течения, и в ее рамках стал развиваться целый ряд уникальных теоретических направлений. Таким образом, современные теории обмена и рационального выбора не являются смежными. Одно из фундаментальных различий заключается в следующем: тогда как представители теории рационального выбора фокусируются на индивидуальном принятии решения, основной единицей анализа для последователя теории обмена выступает социальное отношение. Сейчас сторонники второй теории стали больше внимания уделять сетям социальных отношений, что способствует сближению с сетевой теорией. Последняя же имеет много общего с теорией рационального | выбора, хотя и не признает идею о рациональном действии человека (Mizruchi, 1994). В отличие от научных направлений, рассмотренных в двух предыдущих главах, эти теории имеют общую позитивистскую ориентацию.

Теория обмена

Вслед за Молм и Куком (Molm & Cook, 1995) начнем с исторического обзора развития данной теории и, прежде всего, с ее бихевиористских корней.

Бихевиоризм Бихевиоризм широко распространен в психологии, под влиянием этого направления становилась и социология, исследующая поведение (Bushell & Burgess, 1969; Baldwin & Baldwin, 1986). Также он косвенным образом повлиял на некоторые социологические теории, особенно на теорию обмена. Пове-

денческая социология исследует то, как воздействует поведение актора на внешнюю среду и как это влияет на дальнейшее поведение действующего субъекта. Эта связь представляет собой основу для *«обусловленности действий»* или процесса обучения посредством которого «поведение модифицируется в зависимости от его результатов» (Baldwin & Baldwin, 1986, p. 6). Поведение — по крайней мере, на начальной стадии (в детском возрасте) — можно оценить как носящее едва ли не случайный характер. На среду, в рамках которой оно реализуется, — как социальную, так и физическую, поведение оказывает воздействие, и, в свою очередь, та соответствующим образом «реагирует». Реакция — позитивная, негативная или нейтральная — влияет на то, каким будет в дальнейшем поведение действующего субъекта. Если реакция становится для актора наградой, то потом в сходных ситуациях вновь повторится такое же поведение. Если реакция была болезненной, вряд ли аналогичное поведение еще раз повторится. Специалиста в области поведенческой социологии интересует, как *история различных* реакций среды или результатов поведения связана с его характером в настоящее время. Те последствия, к которым оно привело, обусловливают поведение в настоящем. Зная о том, что в прошлом вызывало то или иное поведение, можно предсказать, проявит ли субъект аналогичные действия в нынешней ситуации.

Последователи бихевиоризма в социологии изучают явления вознаграждения (или подкрепления) и издержек (или наказания). Первое определяется способностью упрочивать (подкреплять) поведение, тогда как второе снижает вероятность повторения поведенческой модели. Как будет показано ниже, на становление теории обмена оказали существенное влияние как бихевиоризм сам по себе, так и идеи вознаграждения и издержек.

Теория рационального выбора

Основные принципы теории рационального выбора уходят корнями в неоклассическую экономическую теорию (а также в идеи утилитаризма и теорию игр; Levi et al., 1990). Опираясь на различные модели, Фридман и Хечтер (Friedman & Hechter, 1988) разработали модель теории рационального выбора, названную ими «каркасной».

Предметом изучения в теории рационального выбора становятся действующие субъекты. Последние рассматриваются как целеустремленные или обладающие интенциональностью. То есть у акторов есть цели, к которым устремлены их действия. Кроме того, считается, что у действующих субъектов имеются свои предпочтения (или «ценности», «полезности»). Теория рационального выбора не рассматривает, каковы эти предпочтения или их источники. Важно, что действие предпринимается для достижения целей, соответствующих иерархии предпочтений действующего субъекта.

Хотя теория рационального выбора предполагает учет целей или намерений акторов, она не игнорирует и вероятность ограничения действий, выделяя две основные разновидности таковых. Первая — это недостаток ресурсов. У действующих субъектов имеющиеся ресурсы различаются. Кроме того, неодинаков их доступ к другим резервам. Владеющие большим количеством ресурсов могут сравнительно легко достичь целей. Но вот тем, кто располагает малым их запасом или вообще не имеет его, достичь цели трудно или невозможно.

С проблемой недостаточности ресурсов связано понятие *вмененных издержек* (Friedman & Hechter, 1988, p. 202). Преследуя заданную цель, действующие субъекты должны оценить издержки, которые они понесут, отказавшись от следующего по привлекательности действия. Актор может отказаться от достижения наиболее ценного для себя ориентира, если имеющиеся у него ресурсы незначительны, а также если по этой причине шансы добиться желаемого малы и если, преследуя данную цель, он рискует не достичь следующей по степени ценности. Акторы рассматриваются здесь как субъекты, стремящиеся максимально увеличить свою выгоду[1], и, соответственно, установление цели предполагает оценку того, как соотносятся шансы достижения важнейшего ориентира и воздействие этого результата на обретение второй по значимости цели.

Другим источником, ограничивающим индивидуальное действие, являются социальные институты. Согласно формулировке Фридмана и Хечтера,

> действия [индивида] от рождения до смерти сдерживают семейные и школьные правила; законы и предписания, жесткие установки; церкви, синагоги и мечети; больницы и похоронные конторы. Ограничивая возможный набор доступных индивидам направлений действия, навязываемые правила игры — в том числе нормы, законы, программы и правила голосования — систематически воздействуют на социальные последствия (Friedman & Hechter, 1988, p. 202)

Эти ограничения, связанные с социальными институтами, предоставляют позитивные и негативные санкции, поощряющие одни действия субъектов и препятствующие другим.

Фридман и Хечтер называют еще два аспекта, которые они считают фундаментальными для теории рационального выбора. Первый — это механизм сцепления, или процесс, с помощью которого «отдельные индивидуальные действия объединяются, порождая социальный результат» (Friedman & Hechter, 1988, p. 203). Второй — важная роль информации при рациональном выборе. Раньше считалось, что действующие субъекты обладают нужной информацией (в полной или достаточной мере), чтобы сделать целенаправленный выбор из доступных им альтернативных возможностей. Однако теперь все более распространяется мысль, что количество или качество доступной информации чрезвычайно изменчиво и эта изменчивость оказывает на выбор акторов огромное влияние (Heckathorn, 1997).

По крайней мере, на первые шаги теории обмена повлияла элементарная теория рациональности. Далее, рассматривая теорию рационального выбора, мы остановимся на более сложных аспектах, связанных с этим понятием.

«Социальная психология групп»

Основная часть «Социальной психологии групп» (Thibaut & Kelly, 1959) посвящена взаимоотношениям двух субъектов. Тибо и Келли особенно интересовались процессом взаимодействия этих двух людей и теми последствиями, какие он имеет для членов «диады». Подобно работам, созданным в рамках бихевиоризма (хотя его влияние на исследование этих ученых незначительно) и в русле теории обмена, главным предметом анализа у Тибо и Келли становится проблема вознаграждений и издержек:

[1] Однако представители современной теории рационального выбора признают, что это стремление и способность к максимальному увеличению выгоды ограничены (Heckathorn, 1997).

> Соотношение вознаграждений и издержек для каждого из двух субъектов окажется тем лучше, чем (1) большей наградой для него будет возможное поведение другого человека и (2) чем ниже возможные издержки такого поведения. Если каждый способен предоставить второму максимальное вознаграждение при собственных минимальных издержках, то взаимоотношение не только позволит добиться и тому, и другому превосходного сочетания наград и затрат, но и предоставит дополнительное преимущество, заключающееся в том, что оба человека добьются оптимального соотношения вознаграждений и издержек одновременно (Thibaut & Kelly, 1959, p. 31)

Молм и Кук (Molm & Cook, 1995) утверждают, что особую роль в развитии теории обмена сыграли три положения из концепции Тибо и Келли. Первое — внимание к вопросам власти и подчинения, ставшим центральными у Ричарда Эмерсона и его последователей (см. об этом дальше). Тибо и Келли полагают, что источником власти во взаимодействии двух субъектов является способность одного из них повлиять на существо результатов, достигаемых другим субъектом. Они выделяют два типа власти. Первый — *«сила судьбы»*. Это случается, когда актор А влияет на результаты актора Б, *«не думая о том, что делает. Б»* (Thibaut & Kelly, 1959, p. 102). Второй — *«контроль над поведением»:* «Если, варьируя свое поведение, А вызывает у Б желание также изменить свое, первый контролирует поведение второго» (Thibaunt & Kelly, 1959, p. 103). В диаде оба субъекта зависимы от отношений между собой. Поэтому каждый из них в той или иной мере обладает властью над другим. Эта взаимозависимость ограничивает масштаб власти, какую один может проявить в отношении другого.

Второе положение из теории Тибо и Келли, оказавшее влияние на развитие теории обмена, связано с понятиями *уровень сравнения* (УС) и *уровень сравнения альтернатив* ($УС_{альт}$). Оба этих уровня представляют собой стандарты для оценивания результатов взаимоотношений: УС — стандарт, позволяющий действующему субъекту определить, может ли конкретное взаимоотношение привлекательным или вполне удовлетворяющим его ожиданиям. Этот стандарт обычно основывается на оценке того, чего, как действующий субъект он думает, заслуживает в случае этого взаимоотношения. То взаимоотношение, что оказывается выше УС, считается удовлетворяющим запрос; ниже — неудовлетворительным. Установление уровня сравнения базируется наличном или символическом опыте, предполагающем учет всей совокупности известных действующему субъекту последствий поведения. Стандарт УСальт привлекается актором при решении вопроса о прекращении взаимоотношений или их продолжении. Когда последствия оцениваются ниже $УС_{альт}$ субъект откажется от таких взаимоотношений. Установление уровня сравнения альтернатив базируется на учете наилучших — т. е. обеспечивающих наибольшее вознаграждение и минимальные издержки — из доступных действующему субъекту альтернатив. Молм и Кук утверждают, что такой тип мышления послужил базой для некоторых идей Эмерсона о социальных сетях: «Хотя Тибо и Келли преимущественно рассматривали взаимоотношения двух людей, не создав из концепции альтернатив понятия социальных сетей, которые предоставляют акторам альтернативу в выборе партнеров, понятие УСальт заложило фундамент для того, чтобы позднее это осуществил Эмерсон» (Molm & Cook, 1995, p. 213).

Третьим вкладом Тибо и Келли в теорию обмена стало понятие «матрицы результатов». Это способ наглядного изображения «всех возможных событий, которые могут произойти при взаимодействии А и Б» (Tibaut & Kelley, 1959, p. 13). Две оси матрицы — элементы поведенческих «репертуаров» субъектов А и Б. В каждую клетку заносятся «результаты, представляющиеся вознаграждением для субъекта и издержками, понесенными им в каждом конкретном эпизоде взаимодействия» (Tibaut & Kelley, 1959, p. 13). Эта матрица применялась в 1960-е и 1970-е гг., например, при изучении заключаемых сделок и вопросов кооперации, чтобы рассмотреть модели взаимозависимости, а эти исследования, в свою очередь, «стимулировали в дальнейшем более сложное изучение социального обмена» (Molm&Cook, 1995, p. 214).

Теория обмена Джоржда Хоманса

Сердцевиной теории обмена Джорджа Хоманса является ряд фундаментальных положений. Хотя иные из постулатов Хоманса касаются по меньшей мере двух взаимодействующих индивидов, он уточнял, что они тем не менее основаны на принципах психологии. Согласно этому исследователю, подобные постулаты имеют психологическую природу по двум причинам. Во-первых, «они обычно устанавливаются и эмпирически верифицируются людьми, называющими себя психологами» (Homans, 1967, p. 39-40). Во-вторых, и это более важно, они носят психологический характер вследствие того уровня, на котором они изучают индивида в обществе: «Это постулаты о поведении отдельных человеческих существ, а не о группах или обществах как таковых; а *поведение человека, именно как человека,* обычно считается компетенцией психологии» (Homans, 1967, p. 40; курсив мой). Поэтому Хоманс соглашался, что он « — ужасное выражение — психологический редукционист» (Homans, 1974, p. 12). Редукционизм, с точки зрения этого исследователя, есть «демонстрация того, как положения одной науки [в данном случае социологии] логически вытекают из более общих положений другой науки [в данном случае психологии]» (Homans, 1984, p. 338).

Хотя Хоманс приводил доводы в пользу психологических принципов, он не считал индивидов изолированными существами, признавая, что люди социальны и значительную долю своего времени проводят во взаимодействии с другими людьми. Он попытался объяснить социальное поведение на основе психологических принципов: «Позиция [Хоманса] предполагает, что общие положения психологии, служащие постулатами, касающимися влияния на человеческое поведение его результатов, не меняются, если эти результаты исходят от людей, а не от физической среды» (Homans, 1967, p. 59). Хоманс не отрицал точку зрения Дюркгейма, согласно которой в процессе взаимодействия возникает нечто новое. Но он утверждал, что эти появляющиеся свойства можно объяснить, исходя из психологических принципов; и нет необходимости в новых социологических постулатах для объяснения социальных фактов. В качестве иллюстрации он привлек базовое социологическое понятие нормы:

> Яркий пример социального факта — социальная норма; групповые нормы, несомненно, влияют на поведение индивидов сдерживающим образом, способствуя его конформности. Вопрос состоит не в наличии принуждения, а в его объяснении... Нормы влия-

> ют сдерживающим образом вовсе не автоматически: если индивиды следуют им, то только потому, что осознают — это подчинение принесет им чистую выгоду, и именно психология рассматривает влияние осознаваемого преимущества на поведение (Homans 1967, p. 60)

Хоманс детально разработал программу «возврата к социологии», но в то же время попытался развить теорию с уклоном в психологию, теорию, которая изучает поведение людей и «элементарные формы социальной жизни». Согласно Хо-мансу, она «рассматривает социальное *поведение* как обмен деятельностью, осязаемый или неосязаемый, приводящий к большему или меньшему вознаграждению и издержкам, в котором участвуют, по крайней мере, два человека» (Homans, 1961, p. 13; курсив мой).

Ученый, в частности, объяснял появление станка с механическим приводом в текстильной промышленности и свершившийся промышленный переворот на основе психологического принципа, гласящего, что люди, по всей видимости, поступают таким образом, чтобы увеличить свое возможное вознаграждение. А в целом он, исходя из своей теории обмена, истолковывал элементарное социальное поведение с точки зрения вознаграждений и издержек. Побудила его к этому и теория структурного функционализма, разработанная «коллегой и другом» Толкоттом Парсонсом. Он утверждал, что такого рода теории «обладают всеми достоинствами, за исключением способности что-либо объяснить» (Homans, 1961:10). По мнению Хоманса, заслуга структурных функционалистов практически ограничивается одним лишь созданием концептуальных категорий и схем. Он допускает, что такие категории нужны, однако «социологии также необходим ряд общих положений, касающихся связей этих категорий, потому что без таких постулатов невозможно истолкование. Нет объяснения без постулатов!» (Homans, 1974, p. 10). Соответственно, Хоманс и поставил себе задачу разработать такие положения психологического плана; они образуют основу теории обмена.

В своей работе «Социальное поведение: его элементарные формы» (Homans, 1961,1974), [1]Хоманс признал, что его теория обмена вытекает из поведенческой психологии и элементарной экономической теории (теории рационального выбора). Исследователь даже сожалеет о том, что его представления были названы «теорией обмена» (Homans, 1984), поскольку сам считает их аспектами поведенческой психологии, примененными в конкретных ситуациях. Свои рассуждения Хоманс начал с разбора бихевиористской парадигмы Б. Ф. Скиннера, в частности с изучения этим ученым поведения голубей[2]:

> Положим, что неопытный или простодушный голубь находится в своей клетке в лаборатории. Один из элементов, составляющих его врожденный поведенческий репертуар, задействованный для изучения окружающей среды, — клевок. Передвигаясь по клетке и

[1] Далее мы поочередно будем обращаться к двум изданиям книга Хоманса. Мы не ограничиваемся исправленным изданием, поскольку многие детали первого варианта с большей точностью отража ют позицию Хоманса. В предисловии ко второму изданию он отметил, что хотя он внес ряд исправ лений, однако не «изменил сущности основной аргументации» (Homans, 1974, p. v). Таким образом, мы вправе обращаться сразу к двум книгам.

[2] Скиннер исследовал также и другие биологические виды, в том числе и людей.

> поклевывая, голубь случайно попадает в окрашенную точку, где от психологов или автоматического механизма он получает зерно. Очевидно, вероятность, что голубь повторит такое поведение — то есть, что он не просто клюнет, но клюнет именно но мишени — возросла. Говоря языком Скиннера, попадание клюва голубя в мишень является *оперантным;* оно имело *подкрепление;* зерно становится таким *подкрепителем поведения;* голубь получает *оперантную тренировку.* Говоря обычным языком, голубь научился клевать в нужную точку потому, что его за это вознаграждают (Homans, 1961, p. 18)

Скиннера интересовал пример с голубями, Хоманса же — поведение людей. Согласно Хомансу, голуби, изученные Скиннером, не участвуют с психологом в настоящих отношениях обмена. Птица — участник одностороннего отношения, обмен же между людьми — по меньшей мере, двустороннее явление. Поведение голубя стимулируется зерном, но сам психолог не имеет никакого реального подкрепления своим действиям со стороны голубя. Отношения голубя с психологом таковы, как и с физической внешней средой. Поскольку здесь не отмечается отношений взаимного характера, Хоманс определил этот тип как *индивидуальное поведение*. Ученый, судя по всему, считал, что его должны изучать психологи, а социологам следует рассматривать социальное поведение, «когда действие каждого из животных — как минимум, двух — подкрепляет (или жестко корректирует) действия другого, и, соответственно, каждый влияет на другого» (Homans, 1961, p. 30). Однако принципиально важно убеждение Хоманса, что для объяснения социального поведения в его противопоставлении индивидуальному не требуется *никаких новых постулатов.* Законы индивидуального поведения, выведенные Скиннером из его исследования голубей, объясняют и социальное поведение, но при том условии, что учитывается вся сложность обоюдного подкрепления действий. Хоманс соглашался, что, возможно, ему придется пойти дальше заимствованных у Скиннера принципов, однако не торопился это сделать.

В своей теоретической работе он ограничивался изучением вопросов повседневного социального взаимодействия. Вместе с тем нет сомнений в его уверенности, что социология, построенная на выдвинутых им принципах, в конечном счете способна полностью объяснить социальное поведение. Вот к какому случаю обращается Хоманс, чтобы продемонстрировать интересующий его вид взаимоотношений обмена:

> Предположим, два человека занимаются канцелярской работой в офисе. По офисным правилам, каждый из них выполняет свою работу самостоятельно, если же ему требуется помощь, то он должен проконсультироваться у начальника. Один из сотрудников, которого мы будем называть Человек, недостаточно квалифицирован для исполняемой им работы, он лучше и быстрее выполнил бы ее, если бы время от времени ему оказывали помощь. Несмотря на правила, он неохотно советуется с начальником, поскольку признание своей некомпетентности может повредить его продвижению по службе. Поэтому он находит другого работника, которого мы будем для краткости называть Другой, и просит его о помощи. Другой более опытен в этом деле, чем Человек; он может сделать свою работу качественно и быстро, при этом у него остается время, и он не без оснований считает, что начальнику некогда проверять, соблюдаются ли правила работы. Другой помогает Человеку, и в ответ на это Человек благодарит Другого. Эти два работника обменялись помощью и одобрением.. (Homans, 1961, p. 31-32)

Рассматривая ситуации такого рода и основываясь на выводах Скиннера, Хоманс разработал ряд положений.

Постулат успеха

> Чем чаще какое-либо действие человека приводит к получению вознаграждения, тем более вероятно, что человек вновь поступит так же (Homans, 1974, p. 16)

Относительно приведенного Хомансом примера взаимоотношений Человека и Другого это означает, что человек, вероятно, снова попросит у других совета, если ранее уже смог получить полезный совет. Более того, чем чаще он получал в прошлом такие полезные советы, тем с большей вероятностью он станет обращаться за ними вновь. Аналогичным образом, другой человек охотнее и чаще будет давать совет, если ранее подобное его действие было одобрено. Постулат успеха определяет, что поведение состоит из трех фаз: во-первых, действие человека; во-вторых, вознаграждение за его результат; и, в-третьих, повторение первоначального действия или аналогичного ему.

Хоманс уточнил некоторые выводы, касающиеся постулата успеха. Во-первых, даже если вознаграждения приводят к росту повторяющихся действий, этот обмен не будет длиться бесконечно. В какой-то момент индивиды не смогут действовать так, как обычно. Во-вторых, чем короче временной интервал между поведением и вознаграждением, тем более вероятно, что человек поведет себя точно так же. Наоборот, продолжительные интервалы снижают вероятность повторения. Наконец, Хоманс отмечал, что к повторению действий скорее приведут спорадические вознаграждения, а не регулярные. Последними быстро пресыщаются, в то время как вознаграждения, возникающие спорадически (как, например, в азартных играх) обладают большой способностью вызвать повторение действий.

Постулат стимула

> Если в прошлом какой-либо стимул или их совокупность были связаны с вознаграждением за определенные действия, тогда вероятность того, что человек в будущем вновь воспроизведет такое же или аналогичное действие, выше, если новые стимулы похожи на прошлые. (Homans, 1974, p. 23)

Вернемся к примеру с двумя работниками в офисе. Если Человек и Другой некогда обнаружили, что для них выгодно получать и давать советы, то, вероятно, при схожих обстоятельствах они так же поступят и в будущем. Хоманс предложил еще более приземленный пример: «Рыбак, который забросил удочку в темную заводь и поймал рыбу, с большей охотой будет снова рыбачить в темных заводях» (Homans, 1974, p. 23).

Хоманса интересовал процесс *обобщения,* т. е. тенденция распространять определенный вид поведения на схожие обстоятельства. Относительно примера рыбалки это означает, что аспектом обобщения выступает переход от рыбалки в темных заводях к ловле рыбы в любом водоеме, с любой степенью замутненности. Аналогичным образом такая успешная рыбалка поспособствует тому, что осуществится переход от одного ее типа к другому (например, от ловли рыбы в реках и озерах к

рыбалке в море) или даже от рыбалки к охоте. Не менее в:ажен и *процесс различения.* Действующий субъект может рыбачить только при определенных обстоятельствах, какие в прошлом содействовали достижению успеха. Если же те условия оказались слишком сложными, то аналогичные им не всегда стимулируют соответствующее поведение. Кроме того, если главный стимул появляется задолго до того, как возникает необходимость в действии, он не окажет влияния на такое поведение. Вообще, действующий субъект способен стать весьма восприимчивым к наличию стимулов, особенно обладающих для него большой ценностью. Актор может реагировать и на обманчивые стимулы, по крайней мере, до тех пор, пока серия неудач не вызовет надобность скорректировать ситуацию. На эти процессы влияет, в первую очередь, внимательное отношение индивида к стимулам.

Постулат ценности

> Чем большую ценность представляет для человека результат его действия, тем выше вероятность того, что он так поступит (Homans, 1974, p. 25)

Снова обратимся к примеру с двумя работниками офиса. Если вознаграждения, которые каждый из двух человек обеспечивает для другого, обладают в их иерархии значительной ценностью, вероятность повторения действующими субъектами желаемого поведения выше, нежели в том случае, если бы эти вознаграждения не имели для них ценности. Хоманс ввел понятия вознаграждений и наказаний. Первые — это действия, обладающие позитивной ценностью. Увеличение и*х числа вызывает желаемое поведение. Вторые — действия, имеющие негативную ценность. Рост числа наказаний означает, что действующий субъект с меньшей вероятностью проявит нежелательное поведение. Хоманс указал, что наказания не являются эффективным средством, чтобы заставить людей изменить свое поведение, поскольку человек способен отреагировать на наказание нежелательным образом. Предпочтительным оказывается отказ от вознаграждения нежелательного поведения; тогда оно, в конце концов, сойдет на нет. Разумеется, преимущества на стороне вознаграждений, но их может не быть в достаточном количестве. Хоманс также уточнил, что эту теорию нельзя трактовать исключительно как гедонистическую: вознаграждения могут иметь как материальный (например, деньги), так и совершенно альтруистический (помощь другим) характер.

Постулат лишения—пресыщения[1]

> Чем чаще в недавнем прошлом человек получал определенное вознаграждение, тем меньшую ценность будет для него представлять каждая последующая единица такого вознаграждения (Homans, 1974, p. 29)

Человек и Другой, фигурировавшие в приведенном выше примере, могут вознаграждать друг друга за принятие и оказание помощи так часто, что вознаграждения перестанут представлять для них ценность. Здесь существенную роль

[1] Данный постулат также часто называют положением «насыщения—голодания». — *Примеч. пер.*

играет время. Менее вероятно, что люди пресытятся, если получение вознаграждения растянуто на продолжительный период времени.

Хоманс определил еще два важных понятия — *издержки* и *выгоды*. *Издержки* любого поведения — это те вознаграждения, которые не удается получить из-за отказа от альтернативного способа действия. *Выгода* при социальном обмене — это превышение полученных вознаграждений над затратами, которые несет действующий субъект. Последнее заставило Хоманса переформулировать постулат лишения—пресыщения таким образом: «Чем большую выгоду получает человек в результате своего действия, тем более вероятно, что он снова его исполнит» (Homans, 1974, p. 31).

Постулат агрессии—одобрения

> *Постулат А.* Если действие человека не получает ожидаемого им вознаграждения или приводит к наказанию, которого он не жал, этот человек испытывает чувство гнева; повышается вероятность того, что он проявит агрессивное поведение, и результаты такого поведения будут иметь для него большую ценность (Homans, 1974, p. 37)

Как следует из рассмотренного выше примера, если Человек не получит совета, которого он ждет, а Другой в ответ не услышит предвкушаемой похвалы, то, скорее всего, оба останутся недовольны[1]. Неожиданно для нас Хоманс прибегает к понятиям фрустрации и гнева, связанным с психическими явлениями. Ученый отмечает: «Когда человек не получает ожидаемого, говорят, что он пребывает в состоянии фрустрации. Строгий приверженец бихевиоризма вовсе не стал бы рассматривать ожидание, поскольку данный термин скорее относится... к умственному состоянию» (Homans, 1974, p. 31). Далее он заявляет, что фрустрация подобных ожиданий *совсем не* обязательно говорит «лишь» о внутреннем состоянии. Она может свидетельствовать о «всецело внешних событиях», наблюдаемых не только самим человеком, но и остальными.

Постулат А касается только негативных эмоций, в то время как постулат Б — позитивных.

> *Постулат Б.* Если действие человека ведет к ожидаемому вознаграждению, в особенности, большему, нежели он ждал, или не приводит к ожидавшемуся наказанию, субъект будет доволен; повышается также вероятность того, что он вновь проявит одобряемое поведение, и результаты последнего будут иметь для него большую ценность (Homans, 1974, p. 39)

Например, в рассмотренной ситуации, когда Человек получает желаемый совет, а Другой — ожидаемую похвалу, оба остаются довольны, — значит, выше ве-

[1] Хотя и во втором издании своей книги Хоманс называл это «законом дистрибутивной справедливости», подробная разработка этого понятия дана им в первом издании. *Дистрибутивная справедливость* определяет, насколько справедливо распределены вознаграждения и издержки между участвующими во взаимодействии индивидами. Первоначально исследователь сформулировал этот принцип в виде постулата: «Чем менее успешно в отношении конкретного человека реализуется правило дистрибутивной справедливости, тем скорее проявится эмоциональное поведение субъекта, называемое гневом» (Homans, 1961, p. 75).

роятность того, что они примут или окажут помощь. Совет и похвала приобретают для каждого участника большую ценность.

Постулат рациональности

> Выбирая между альтернативными действиями, человек изберет то, которое обеспечит наивысшее значение величины, получаемой при умножении ценности результата, как она воспринимается им в настоящий момент *(V),* на вероятность его достижения *(p)* (Homans, 1974, p. 43)

Тогда как указанные выше постулаты в большой мере основаны на принципах бихевиоризма, постулат рациональности определенно показывает, что на подход Хоманса оказала влияние теория рационального выбора. Говоря языком экономики, субъекты, действующие в соответствии с постулатом рациональности, максимизируют свою полезность.

Люди, как правило, обдумывают и просчитывают различные доступные им альтернативные действия. Они сравнивают степень вознаграждений, которые возможны в связи с тем или иным действием. Также ими определяется вероятность того, что они действительно их получат. Вознаграждения, которые представляютя субъектам наиболее ценными, перестанут быть таковыми, если субъекты считают невозможным их обретение. Напротив, менее ценные превратятся в более существенные, если рассматриваются как наиболее достижимые. Таким образом, существует очевидная взаимосвязь ценности вознаграждения и вероятности его получения. Самые желаемые из них — те, что *одновременно* обладают высокой ценностью и наиболее достижимы. Наименее желательны вознаграждения, которые имеют не слишком высокую ценность и при этом вероятность их получения невелика.

Хоманс связывает постулат рациональности с постулатами успеха, стимула и ценности. Постулат рациональности показывает, что действия людей зависят от того, какой представляется вероятность успеха. Но что определяет это восприятие? Хоманс полагает, что оно формируется благодаря успехам, достигнутым в прошлом, и сходству теперешней ситуации с теми, в которых его удалось добиться. Однако постулат рациональности не поясняет, почему субъект одно вознаграждение ценит больше другого; для этого нам требуется вспомнить постулат ценности. Таким образом, Хоманс увязывает свой принцип рациональности с теми упомянутыми выше положениями, которые определены под влиянием бихевиоризма.

В конечном счете, теорию Хоманса кратко можно представить как концепцию, согласно которой действующий субъект — это человек, рационально просчитывающий выгоду. Тем не менее в ней существуют некоторые пробелы, касающиеся сферы психических состояний (Abrahamsson, 1970; J. N. Mitchell, 1978) и крупномасштабных структур (Ekeh, 1974). Например, применительно к проблеме сознания Хоманс считал необходимым привлечь «более тщательно разработанную психологию» (Homans, 1974, p. 45).

Хоманс был бихевиористом, целенаправленно занимавшимся вопросами, связанными с уровнем индивидуального поведения. Он утверждал, что большие структуры можно понять при адекватном рассмотрении элементарного социального поведения. Он заявлял, что процессы обмена, происходящие на индивиду-

ДЖОРДЖ КАСПАР ХОМАНС: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Как я стал социологом, что во многом было делом случая, описано мной в других публикациях. [Полную автобиографию см.: Homans, 1984.] Мои занятия социологией начались в 1933 г., когда я стал сотрудничать с профессорами Л оуренсом Гендерсоном и Элтоном Мэйо в Гарвардской школе бизнеса. Биохимик Гендерсон изучал физиологические характеристики работников промышленности; психолог Мэйо — человеческие факторы. Мэйо руководил знаменитыми исследованиями, проводившимися на предприятии «Hawthorne» компании *Western Electric,* расположенной в Чикаго.

Я принял участие в ряде чтений и дискуссий, которые проводил Мэйо. Он просил своих студентов прочесть, помимо всего прочего, несколько работ выдающихся социальных антропологов, в частности, Малиновского, Рэдклиффа-Брауна и Фирта. Мэйо хотел, чтобы, прочитав эти труды, мы поняли, как социальные ритуалы в примитивных, по сравнению с современными, обществах способствовали продуктивной работе.

Я заинтересовался этими вопросами совершенно по другой причине. В то время антропологии, занимавшейся изучением разных культур, принадлежало в интеллектуальной области доминирующее положение, и некоторые из моих друзей, последователей этого направления, как, например, Клайд Клакхон, настаивали на уникальности каждой культуры. Я, в свою очередь, прочитав ряд книг, соглашался, что конкретные институты примитивных сообществ не могут быть результатом заимствований, поскольку встречаются у столь различных по времени существования и отдаленных в пространстве сообществ. Но культуры не уникальны; их сходство можно объяснить исключительно тем, что человеческая природа едина во всем мире. Люди, действующие в сходных обстоятельствах, независимо друг от друга создали похожие институты. Тогда такая точка зрения не была популярной. Не уверен, что сейчас положение изменилось.

Тогда же я ознакомился с рядом конкретных или «полевых» исследований, направленных на изучение малых человеческих групп — как современных, так и примитивных. Когда во Вторую мировую войну меня призвали на флот, я думал об этих исследованиях, долгими часами глядя на море. Вдруг меня осенило, что они могут быть изложены общими, едиными понятиями. Через несколько дней я набросал концептуальную схему.

Вернувшись после в войны на штатную должность, я стал работать над книгой, получившей название «Человеческая группа». В ней я попытался применить мою концептуальную схему к рассматриваемым исследованиям. Пока шла работа, возникла мысль, что концептуальная схема имеет смысл лишь в качестве отправной научной точки. Нужно было найти постулаты, связывающие концепты друг с другом. В книге *«Человеческая группа» я* выдвинул ряд таких положений, которые, по-моему, хорошо подходили для описания выбранных мною групп.

альном уровне и уровне общества, «идентичны», хотя допускал, что во втором случае «фундаментальные процессы комбинируются более сложным образом» (Homans, 1974, p. 358).

Теория обмена Питера Блау

Цель, которую преследовал Блау (Blau, 1964), - «понять социальную структуру путем анализа социальных процессов, управляющих отношениями между индивидами и группами. Основной вопрос... в том, каким образом социальная жизнь оказывается организованной в более сложные структуры человеческих ассоциаций» (Blau, 1964, p. 2), Ученый стремился преодолеть исключительное внимание Хоманса к элементарным формам социальной жизни и проанализировать сложные структуры; «Главная цель социологического изучения процессов межличностного взаимодействия состоит в том, чтобы заложить фундамент для понимания эволю-

Джордж Каспар Хоманс: автобиографический очерк (окончание)

Я давно был знаком с профессором Толкоттом Парсонсом, теперь началось наше тесное сотрудничество на факультете социальных отношений. Он был признан ведущим теоретиком в сфере социологии. Я посчитал, что называемое им теориями являлось всего лишь концептуальными схемами и что теория не будет таковой, если не содержит хотя бы несколько постулатов. К этому убеждению я пришел, прочитав книги по философии науки.

Однако и наличия одних только постулатов тоже мало для выдвижения теории. Это помогла понять теория феномена. Объяснение должно состоять в том, чтобы один или более из постулатов единичного характера логически вытекали из постулатов более общего плана, связанных с заданными или определенными в данных границах условиями или параметрами. Свою позицию по этому вопросу я сформулировал в своей небольшой книге «Природа социальной науки» (1967).

Затем меня заинтересовало, какие общие постулаты можно использовать для объяснения тех эмпирических положений, которые я высказал работе *«Человеческая группа»,* и других, которые привлекли мое внимание после ознакомления с социально-психологическими «полевыми» и экспериментальными исследованиями. Таки общие постулаты должны отвечать только одному требованию — характеризовать индивидов как представителей человеческого рода.

Такие постулаты, к счастью, уже были определены, я не смог бы изобрести их сам. Ими оказались положения поведенческой психологии, сформулированные моим старым другом Б. Ф. Скиннером и другими учеными. Они хорошо описывали как индивидуальные действия человека в физическом мире, так и его поведение в процессе взаимодействия с другими. В двух изданиях своей книги «Социальное поведение» (1961 года и исправленном 1974 года) я использовал эти постулаты, чтобы объяснить, каким образом при соответствующих заданных условиях возникают относительно стабильные социальные структуры и как это подкрепляется действиями индивидов, которые не намеревались создавать эти структуры. Я считаю этот вопрос главной интеллектуальной проблемой социологии.

После того как структуры созданы, они оказывают влияние на поведение людей, задействованных в них или контактирующих с ними. Но это влияние поясняют те же самые постулаты, что и те, какими первоначально объяснялось создание и сохранение структур. Структуры всего лишь обеспечивают новые заданные условия, к которым будут применены эти постулаты. Моя социология продолжает в основе своей оставаться индивидуалистической, а не коллективистской.

[Джордж Хоманс умер в 1989 г.; см. биографию Хоманса: Bell, 1992].

ционирующих социальных структур и возникающих социальных сил, характеризующих развитие последних» (Blau, 1964, p. 13)[1].

Блау сосредоточился на процессе обмена, который, по его мнению, управляет значительной частью человеческого поведения и лежит в основе как межличностных, так и межгрупповых отношений. Ученый исследовал четырехступенчатую последовательность, направленную от межличностного обмена к социальной структуре и — далее — к социальному изменению:

- Ступень 1. Межличностный обмен ведет к... [ступень 2]
- Ступень 2. Дифференциация статуса и власти ведет к... [ступень 3]
- Ступень 3. Узаконивание и организация дают начало... [ступень 4]
- Ступень 4. Оппозиция и изменения.

[1] Интересно, что Блау (Blau, 1978b) больше не признает идеи построения макротеории на микрооснове.

От микро- к макроуровню

Что касается индивидуального уровня, то в этом плане Блау и Хоманса интересовали сходные процессы. Однако концепция социального обмена, выдвинутая Блау, предполагает учет только тех действий, которые обусловлены или зависят от вознаграждения, предоставляемое другими субъектами, — тех действий, что перестают быть, если не следуют ожидаемые реакции. Люди по многим причинам тянутся друг к другу, и это побуждает их образовывать социальные ассоциации. Когда первоначальные связи установлены, взаимные вознаграждения помогают их поддерживать и расширять. Возможно и противоположное: при недостаточных вознаграждениях ассоциация ослабевает или распадается. Вознаграждения бывают внутренние (например, любовь, привязанность, уважение) или внешние (например, деньги, физический труд). Стороны не всегда обеспечивают вознаграждение друг друга в равной степени. Такое неравенство приводит к дифференциации власти в ассоциации.

Если же у одной из сторон есть потребность, которую способна обеспечить другая сторона, однако взамен первая не способна предложить адекватного вознаграждения, возможны четыре альтернативы. Во-первых, люди могут принудить других оказать помощь. Во-вторых, они могут найти иной источник для получения требуемого. В-третьих, можно попытаться обойтись без того, что люди хотят получить от других. Наконец, и это самое важное, существует возможность подчиниться другим людям, предоставляя им «общий кредит» во взаимоотношениях; другие могут пользоваться этим кредитом, когда хотят от них каких-то действий. (Последняя альтернатива, конечно, является существенной характеристикой власти.)

До этого момента представления Блау вполне сходны с позицией Хоманса, однако он расширил принципы своей теории до уровня социальных фактов. Например, исследователь указывал, что нельзя анализировать процессы социального взаимодействия в отрыве от соответствующей социальной структуры. Последняя возникает в процессе социального взаимодействия, но после того как это происходит, обретает самостоятельное существование, влияя на процесс взаимодействия.

Социальное взаимодействие осуществляется в рамках социальных групп. Людей влечет к группе в том случае, если они чувствуют, что здесь взаимоотношения дают больше вознаграждений, чем в других группах. Поэтому они хотят оказаться принятыми в нее. Но чтобы войти в ее состав, они должны предложить членам группы вознаграждения. Им следует доказать, что включение новичков в группу приведет к вознаграждению. Отношения с членами группы наладятся, если оказавшиеся в ее составе смогут произвести впечатление — если члены группы получат ожидаемое вознаграждение. Попытки новичков произвести впечатление обычно приводят к сплочению группы, однако в том случае, когда слишком большое число людей активно стремится оказать благоприятное впечатление друг на друга своей способностью обеспечивать ожидаемое вознаграждение, возникает конкуренция, что порождает, в конечном счете, социальную дифференциацию.

Парадокс состоит в том, что даже если субъекты, способные производить нужное впечатление, могут оказаться привлекательными участниками, их качества порой пробуждают в членах группы опасения за свою независимость и понужда-

ют их лишь вынужденным образом признать привлекательность новичков. На ранних стадиях формирования группы конкуренция между участниками, соперничающими в борьбе за общественное признание, служит, по сути, критерием отбора, выявляющим потенциальных лидеров группы. Субъекты, в наибольшей мере способные обеспечивать получение вознаграждений, скорее станут лидерами. Участники, в меньшей степени способные вознаграждать других, стремятся приобретать те вознаграждения, которые предлагаются потенциальными лидерами, и это обычно более чем компенсирует страх зависимости. В конечном счете, индивиды, в большей степени способные вознаграждать, становятся лидерами, и группа дифференцируется.

Неизбежное расслоение группы на лидеров и сторонников вновь порождает необходимость интеграции. Признав статус лидера, сторонники еще более в ней нуждаются. И если ранее они всячески афишировали свои самые эффектные качества, то теперь, желая добиться интеграции со своими собратьями-сторонниками, демонстрируют свои слабости. По сути, это публичное заявление, что они больше не стремятся быть лидерами. Самоуничижение вызывает сочувствие и общественное одобрение со стороны других неконкурентоспособных членов группы. Лидер (или лидеры) на данном этапе тоже позволяют себе долю самоуничижения, чтобы способствовать интеграции группы. Допуская, что у подчиненных есть превосходство в определенной сфере, лидер снижает степень недовольства, связанного с подчинением, и демонстрирует, что не стремится контролировать все без исключения жизненные сферы группы. Такие факторы способствуют повторной интеграции группы, несмотря на ее новое дифференцированное состояние.

Все это напоминает теорию обмена Хоманса. Однако Блау перешел на социетальный уровень и выделил два типа социальной организации. Теоретики обмена и социологи поведения также признают факт возникновения социальной организации, но в этом вопросе, как станет понятным из следующего изложения, между идеями Блау и представлениями ученых, придерживающихся «более чистого» социального бихевиоризма, существуют фундаментальные различия. Первый тип социальной организации, в котором Блау указывал на эмерджентные свойства социальных групп, порождается процессами обмена и конкуренции, которые были рассмотрены выше. Второй тип не является случайно возникающим: социальная организация создается для достижения конкретных целей, например, для производства товаров, которые можно продать с целью получения прибыли, для участия в турнирах по боулингу, в коллективных сделках, а также для политических побед. Рассматривая данные типы организаций, Блау преодолел рамки «элементарных форм социального поведения», которые обычно интересуют социальных бихевиористов.

Помимо этого, Блау рассматривал также подгруппы, существующие внутри социальных организаций. Например, он утверждал, что в любой из них имеются руководящие и оппозиционные группы. В случае с организациями первого типа указанные Подгруппы возникают в процессе взаимодействия. Во втором случае руководящие и оппозиционные группы оказываются встроенными в структуру организации. В обоих случаях дифференциация групп неизбежна, она создает основу для возникновения оппозиции и конфликта между лидерами и сторонниками.

Исследуя, в отличие от Хоманса, сложные социальные структуры, Блау почувствовал, что необходимо адаптировать теорию обмена к формату социальных отношений. Блау признавал существенное различие между малыми группами и крупными сообществами, в то время как Хоманс, пытаясь объяснить все социальное поведение на основе базовых психологических принципов, преуменьшал это различие.

> Сложные социальные структуры, характеризующие крупные сообщества, фундаментальным образом отличаются от более простых, свойственных малым группам. Структура социальных отношений в малой группе образуется в ходе социального взаимодействия ее членов. Поскольку большинство из членов крупного сообщества или целого общества не взаимодействуют непосредственным образом, порядок социальных отношений между ними должен опосредоваться каким-то иным механизмом (Blau, 1964, p. 253)

Данное утверждение требует своего комментария. С одной стороны, Блау, несомненно, не считает социальный бихевиоризм удовлетворительной парадигмой для исследования сложных социальных структур (см. приложение). С другой — он исключал и парадигму социальных дефиниций, поскольку утверждал, что социальное взаимодействие и сопутствующие ему социальные дефиниции непосредственным образом не воплощаются в крупномасштабной организации. Итак, начав с парадигмы социального бихевиоризма, при рассмотрении более сложных социальных структур Блау обратился к парадигме социальных фактов.

Нормы и ценности

Согласно Блау, связующими механизмами в сложных социальных структурах выступают нормы и ценности (соглашение относительно ценностей), существующие в обществе:

> Общепринятые, ставшие результатом соглашения, ценности и нормы служат посредниками в социальной жизни и связующими звеньями социальных взаимодействий. Благодаря им возможен непрямой социальный обмен, и они управляют процессами социальной интеграции и дифференциации в сложных социальных структурах, а также развитием в них социальной организации и реорганизации (Blau, 1964, p. 255)

В социальных структурах есть и другие посреднические механизмы, однако Блау сосредоточился на консенсусе, достигаемом в отношении ценностей. Ученый изучал социальные нормы. По его утверждению, они заменяют прямой обмен опосредованным. Участник подчиняется норме группы и получает одобрение за эту конформность; неявно одобряется и то, что такое подчинение способствует сохранению группы и ее стабильности. Иначе говоря, группа или коллективное образование вступает с индивидом в отношения обмена. Суть его отличается от того более простого понятия, какое определено Хомансом, уделявшим преобладающее внимание межличностному обмену. Блау привел несколько примеров опосредованного обмена между сообществом и индивидом, заменяющего обмен между индивидами:

> Штатные чиновники не помогают в работе рядовым в обмен на получаемые от них вознаграждения, несмотря на то что эта помощь является официальной обязанностью

сотрудников и за выполнение этих обязательств они получают от компании финансовые вознаграждения.

Другим примером непрямого социального обмена служит организованная благотворительность. В отличие от щедрой леди, приносившей в прошлом беднякам свои корзинки и получавшей от них благодарность и признательность, в современном организованном обществе между отдельными благотворителями и получателями не существует непосредственного контакта и обмена. Состоятельные бизнесмены и представители высшего класса занимаются благотворительностью, чтобы соответствовать распространенным в их социальном классе нормативным ожиданиям и приобрести общественное одобрение со стороны себе равных, а не с целью заслужить благодарность индивидов, которые получат эти благотворительные средства (Blau. 1964, p. 260)

Понятие нормы в формулировке Блау относится к уровню обмена между индивидом и сообществом, тогда как понятие ценностей — к широчайшему социетальному уровню и анализу отношений *между сообществами.* Блау отмечал:

Коллективные ценности различного типа можно понимать как средства социального урегулирования, позволяющие расширить диапазон взаимодействия и структуру отношений в рамках социального пространства и времени. Соглашение относительно социальных ценностей служит основой для того, чтобы распространить порядок социального урегулирования за пределы непосредственных социальных контактов и продлить существование социальных структур вне пределов жизни отдельного человека. Ценностные стандарты — это средства социальной жизни в двух значениях данного термина. Ценностный контекст — это средство, формирующее социальные отношения; общие ценности в широком плане выступают связующими звеньями социальных ассоциаций и взаимодействий (Blau, 1964, p. 263-264)

Например, *партикуляристские* ценности становятся способом интеграции и основой солидарности. Они служит сплочению группы вокруг таких представлений, как патриотизм или репутация школы или компании. При том что они находятся на коллективном уровне, они напоминают чувства личной привязанности, объединяющей индивидов в процессе взаимодействия. Однако их сплачивающая роль выходит за рамки обыкновенной личной привязанности. Партикуляристские ценности отделяют определенную группу от других, внешних по отношению к ней, сообществ, что усиливает их сплачивающую функцию.

Анализ Блау сильно отличается от версии теории обмена, которую выдвигал Хоманс. Индивиду и индивидуальному поведению, что имело для Хоманса первостепенное значение, в концепции Блау почти не отводится никакой роли. Вместо этого на первый план выходят различные *социальные факты.* Например, Блау рассматривал группы, организации, коллективы, общества, нормы и ценности. В своем анализе он обратил внимание на связующие и разрушающие механизмы крупномасштабных социальных единиц, что, несомненно, является традиционным предметом приверженцев парадигмы социальных фактов.

Утверждая, что он всего лишь расширяет теорию обмена до уровня крупных сообществ, Блау тем не менее, изменил ее до неузнаваемости. Он даже вынужден был признать, что процессы, которые характерны для рассматриваемого им уров-

ПИТЕР МАЙКЛ БЛАУ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Питер Блау родился 7 февраля 1918 г. в столице Австрии Вене. В 1939 г. эмигрировал в Соединенные Штаты, став в 1943 г. гражданином США. Годом ранее он получил степень бакалавра в не очень известном Элмхурстском колледже в Элмхурсте (штат Иллинойс). Поскольку шла Вторая мировая война, обучение ему пришлось прервать. Блау служил в армии Соединенных Штатов и был награжден Бронзовой Звездой. После войны ему удалось закончить обучение в Колумбийском университете, где он получил в 1952 г. степень доктора философии.

Сначала широкое признание Блау принесли исследования формальных организаций. Их практическое изучение, а также учебные пособия, посвященные этому вопросу, и поныне не устарели, кроме того, Блау по-прежнему вносит свой вклад в рассмотрение этой области. Известность ему принесла также книга «Американская структура занятости», написанная в соавторстве с Отисом Дадли Дунканом. Американская социологическая ассоциация присвоила этой работе в 1968 г. престижную награду имени П. Сорокина. Книга стала важным вкладом в изучение социальной стратификации. Блау принадлежит множество работ. Однако в данном контексте нас интересует его роль в развитии социологической теории. Ученый разрабатывал два отдельных теоретических направления. Опубликованная им в 1964 г. книга «Обмен и власть в социальной жизни» является одной из показательных для современной теории обмена. Заслуга его состояла в том, что он взял изначально не претендовавшую на изучение масштабных явлений теорию обмена и распространил ее на масштабные объекты. Несмотря на то, что совершенно очевидны определенные недостатки его подхода, это явилось важнейшей попыткой теоретической интеграции социологических вопросов макро- и микроуровня. Кроме того, Блау оказался в авангарде ученых, разрабатывавших структурную теорию. Будучи президентом Американской социологической ассоциации (1973-1974 гг.), он сделал этот вопрос темой ежегодного заседания Ассоциации. С тех пор он опубликовал ряд книг и статей, в которых изъяснялась структурная теория. Его последние работы в этой области являются книга «Структурные контексты возможностей» (Blau, 1994) и второе издание книги «Пересечение социальных кругов» (Blau & Schwartz, 1997).

ня взаимодействий, фундаментальным образом отличаются от тех, что происходят на индивидуальном уровне. Пытаясь раздвинуть границы теории обмена, Блау преобразовал ее в макроуровневую теорию. Однако, судя по всему, ученый хорошо понимал, что основным предметом теории обмена остаются межличностные отношения. Следовательно, она нуждается в дополнении — рассмотрении макроструктур. Блау (Blau, 1987b; 1994) уже не скрывает этого убеждения, и в своих последних работах сосредоточивается на макроуровневых, структурных явлениях.

Работы Ричарда Эмерсона и его последователей

Хотя Ричард Эмерсон еще в 1962 г. опубликовал значительную работу, посвященную вопросам власти и подчиненности, два эссе 1972 г. (Emerson, 1972a, 1972b) «обозначили начало нового этапа в развитии теории социального обмена» (Molm & Cook, 1995, p. 215; Cook & Whitmeyer, готовится к публикации). Молм и Кук считают, что появлению новой серии научных трудов способствовали три главных фактора. Во-первых, теория обмена заинтересовала Эмерсона как обширный базис для его предыдущих исследований, связанных с проблемами подчинения и власти. Ученому представлялось очевидным, что аспект власти — центральный для теории обмена. Во-вторых, он считал, что можно использовать достижения бихевио-

ризма в качестве основы для теории обмена, избежав тех затруднений, с которыми столкнулся Хоманс. С одной стороны, Хоманс и другие последователи теории обмена обвинялись в том, что люди представлялись ими чрезмерно рациональными существами, при этом Эмерсон полагал возможным использовать достижения бихевиоризма, не принимая идею о рациональности актора. С другой стороны, он был уверен, что сможет избежать тавтологии, которой страдает теория Хоманса:

> Хоманс прогнозировал поведение, связанное с индивидуальным обменом, опираясь на то подкрепление, которое обеспечивается другим актором, однако как поведенческие реакции, так и само подкрепление в оперантной психологии не считаются обладающими самостоятельным смыслом. Подкрепление, по определению, есть стимулирующее последствие, которое увеличивает или сохраняет неизменной частотность реакции (Molm & Cook, 1995, p. 214)

Эмерсон также полагал, что избежит обвинений в редукционизме (какие были предъявлены Хомансу), разработав подход, который объяснит явления макроуровня. В-третьих, в отличие от Блау, который прибегал к объяснениям, основанным на нормативных явлениях, Эмерсон рассматривает социальную структуру и социальные изменения, обращаясь к «социальным отношениям и социальным сетям как строительным блокам, соединяющим различные уровни анализа» (Molm & Cook, 1995, p. 215). Более того, согласно системе Эмерсона, действующими субъектами выступают как индивиды, так и более крупные корпоративные структуры (хотя и действующие благодаря агентам). Таким образом, Эмерсон использовал принципы оперантной психологии для разработки теории социальной структуры.

Два эссе Эмерсона 1972 г. легли в основание его интегративной теории обмена. В первом из этих эссе (Emerson, 1972a) он рассмотрел психологическую основу социального обмена, а во втором (Emerson, 1972b) рассмотрел макроуровень и отношения в процессе обмена, а также сетевые структуры. Позднее Эмерсон четче выразил свои идеи: «Я пытаюсь расширить теорию обмена и исследования, посвященные данной сфере, от *микро-* до макроуровней анализа, обратившись к изу*чеитолетевых структур обмена»* (цит. по: Cook, 1987b, p. 212). Как отмечает самый значительный последователь Эмерсона Карен Кук, последнее из перечисленных понятий имеет важнейшее значение в объяснении единства микро- и макроуровней: «Понятие "сети обмена" развивает теорию, заполняющую концептуальный пробел между изолированными индивидами или диадами и более крупными группами или совокупностями индивидов (например, формальными группами или ассоциациями, организациями, землячествами, политическими партиями и т. д.)» (Emerson, 1987b, p. 219)[1].

Эмерсон и Кук отталкиваются от базовых микроуровневых предпосылок теории обмена. Первый, например, отмечает: «Научный подход, рассматривающий феномен обмена, уделяет внимание выгоде, которую люди извлекают в процессе социального взаимодействия, и тому, что они вкладывают в его осуществление»

[1] Эмерсон и Кук (подобно Блау) не единственные, кто разработал теории обмена, имеющие интегрирующий характер. См. также: Uehara, 1990; Wilier, Markovsky, & Patton, 1989.

(Emerson, 1981, p. 31). Точнее говоря, Эмерсон отталкивается от принципов бихевиоризма. Он (Emerson, 1981, p. 33) определил три базовых предположения, значимых для теории обмена.

1. Люди, которым выгодны определенные события, склонны действовать «рационально», поэтому данные события и случаются.
2. Так как людям свойственно «пресыщение» событиями поведенческого ракурса, польза последних снижается.
3. Выгода, извлекаемая людьми из социальных процессов, обусловлена той, которую они способны обеспечить взамен; соответственно, теории обмена свойственно «внимание к обретению *выгоды в процессе социального взаимодействия».*

Все эти положения общеизвестны, однако в заключении своего первого эссе 1972 г. Эмерсон наметил переориентацию теории обмена с позиций бихевиоризма на новые: «Нашей главной целью является включение оперантных принципов в теоретическую конструкцию для рассмотрения более сложных ситуаций, нежели те, с которыми имеет дело оперантная психология» (Emerson, 1972a, p. 48).

С постановки данного вопроса начинается вторая научная публикация Эмерсона 1972 г.: «Цель данного эссе состоит в том, чтобы начать построение теории социального обмена, рассматривающей *социальную структуру* как зависимую переменную величину» (Emerson, 1972b, p. 58). Если первое эссе 1972 г. было посвящено анализу отношений обмена отдельного действующего субъекта и окружающей его среды (например, человек, который удит в озере рыбу), то второе — отношениям социального обмена, а также их сетям.

Действующими субъектами, согласно макроуровневой теории обмена Эмерсона, выступают и индивиды, и сообщества. Ученый рассматривает обменные отношения, складывающиеся между ними. *Сеть обмена* состоит из следующих компонентов (Cook и et al, 1983, p. 277):

1. Существует ряд индивидуальных или коллективных акторов.
2. Ценные ресурсы распределены между акторами.
3. Имеется ряд возможностей обмена между всеми действующими субъектами сети.
4. Между действующими субъектами наличествуют отношения или возможности обмена.
5. Отношения обмена связаны в единую сетевую структуру.

В итоге, «"сеть обмена" — это конкретная социальная структура, созданная благодаря двум или более взаимоотношениям обмена между действующими субъектами» (Cook et al., 1983, p. 277).

Взаимосвязи *отношений* обмена принадлежит решающая роль в объединении обмена, в который вступают два человека, с явлениями макроуровня (Yamagishi, Gillmore, & Cook, 1988, p. 835). Особенно значимо отношение обусловленности между диадическими обменами. Можно сказать, что два подобных обменных процесса — А-Б и А-В — образуют минимальную сеть (А-Б-В), если осуществление отношений одной пары зависит от реализации (или отсутствия) обмена у дру-

гой. Чтобы была организована сеть обмена недостаточно, чтобы пары, образуемые А, Б и В, имели общих членов. Явления обмена между А-Б и Б-В должны находиться в отношениях взаимозависимости.

Любая обменная связь включена в более крупную сеть, состоящую из двух или более таких отношений. Если один процесс обмена воздействует на другой, следует говорить об их взаимосвязанности. Такая взаимосвязь может быть *позитивной,* когда одно отношение обмена положительным образом влияет на другое (например, полученные деньги используются для того, чтобы в иных обменных отношениях приобрести определенный социальный статус). Это может оказаться и *негативным* фактором, когда один обмен препятствует другому (например, время, потраченное на зарабатывание денег, ведет к тому (второй обмен), что его остается меньше для общения с друзьями) (Molm, 1991). Наконец, такая взаимосвязь может играть *смешанную* роль.

Власть и зависимость

Эмерсон определял *власть* как «уровень потенциальных *издержек,* которые один действующий субъект способен заставить другого "принять", *зависимость* же подразумевает "уровень потенциальных издержек, которые актор согласен взять на себя во взаимоотношении" (Emerson, 1972b, p. 64). Эти определения отсылают к предложенной Эмерсоном теории власти и зависимости, которую Ямаги-ши, Гилмор и Кук изложили так: «Власть одной стороны над другой, применительно к отношениям обмена, — это обратная функция зависимости второй стороны от первой» (Yamagishi, Gillmore, & Cook, 1988, p. 837). Неравенство власти и зависимости приводит к дисбалансу в отношениях, однако со временем возникает более сбалансированное их соотношение.

Молм и Кук (Molm & Cook, 1995) оценивают понятие зависимости как крайне важное в концепции Эмерсона. Молм утверждает, что *«зависимость* акторов друг от друга — важнейшая структурная детерминанта их взаимодействия и власти друг над другом» (Molm, 1988, p. 109). Сам Эмерсон рассматривал данный вопрос таким образом: «Зависимость действующего субъекта А от Б 1) прямо пропорциональна *мотивационному участию* А в достижении целей, опосредованных Б, и 2) обратно пропорциональна *доступности* А этих целей вне рамок отношения А-Б» (Emerson, 1962, p. 32). Итак, понятие зависимости связано с определением, которое Эмерсон дает власти: «Власть А над Б эквивалентна зависимости Б от А и основана на ней» (Emerson, 1962:33). Отношения А и Б сбалансированы в том случае, если зависимость А от Б равна зависимости Б от А. Если же ситуация разбаланси-рована, действующий субъект, степень зависимости которого наименьшая, обладает властью. Последняя выступает, таким образом, потенциальной возможностью, которая встроена в *отношения* между А и Б. Благодаря власти оказывается возможным извлечь из отношений выгоду. Хотя бы как род некоторого равновесия, власть имеет место и в сбалансированных отношениях.

Исследования, касающиеся вопросов власти и зависимости, сфокусированы были, главным образом, на позитивных результатах — на вознаграждении других. Однако Молм в ряде своих работ (Molm, 1988, 1989, 1994) подчеркнула роль негативных последствий — власти наказания. Соответственно, власть связана как с

поощрением, так и с наказанием других. В целом, Молм обнаружила, что власть наказания слабее власти поощрения, поскольку наказания ведут к негативным реакциям. Не так давно Молм (Molm, 1994) предположила, что относительная слабость власти наказания порождается тем, что она не слишком распространена, а не потому, что менее эффективна по сравнению с властью вознаграждения. Молм, Квист и Уайсли (Molm, Quist, & Wisely, 1994) обнаружили, что власть наказания с большей вероятностью воспринимается как справедливая, если к ней прибегают те, кто в то же время наделен властью, позволяющей обеспечивать вознаграждения.

Теория обмена, основанная на большей степени интеграции подходов

Поясняя специфику зависимости и власти, сетевая теория (см. ниже) рассматривает основания структуры, а теория обмена концентрируется на отношениях между двумя действующими субъектами. Кук и коллеги (Cook a et al., 1983), похоже, обосновали важность отношений обмена и указали на недостатки сетевого подхода. Однако эти исследователи (Cook et al., 1983, p. 298) прекрасно понимают, что теория обмена имеет уклон в сторону отношений микроуровня. Кроме того, они осознали, что ее следует поднять до макроуровня.

Отойдя от диадического подхода теории обмена и фокусируясь на аспектах власти, зависящей от занимаемого индивидом положения в структуре, Кук и Эмерсон аргументируют установление власти той или иной позиции зависимостью от нее всей структуры. Подобная общесистемная зависимость, по их мнению, характеризует *как* структурное основание позиции, *так и* суть отношений власти и зависимости. Эти ученые придерживаются «в подходе к проблеме расширения теории, связанной с властью и зависимостью, предусматривающей переход от уровня двух субъектов к макроструктурному уровню, идеи "уязвимости"» (Cook et al., 1983, p. 301). Последняя подразумевает зависимость всей сети от отдельной позиции в структуре. Кук и соавторы отмечают:

> Очевидно, что интегрирование принципов, касающихся структуры сети, с сетевой теорией обмена позволяет понять динамику власти в рамках сетей, какие образуют ся взаимосвязанными отношениями обмена... Эта теоретическая формулировка выявляет процедуру, благодаря которой осуществляется единство поведения действующих субъектов, вступающих в отношения обмена, и свойств сети... и указывает механизмы, которые приводят к «возможным преобразованиям» этих сетей вследствие динамики власти или изменений в природе обменных связей (Cook и др., 1983, p. 303)

Ямагиши, Гилмор и Кук (Yamagishi, Gillmore, & Cook, 1988) стремятся к соединению теории обмена и сетевой теории. Они утверждают, что вопросы власти (и зависимости) представляют центральный интерес для теории обмена, однако, как они считают, невозможно полноценно рассмотреть первый из вопросов, если ограничиться только рамками обмена двух субъектов. Наоборот, власть «в основе своей — социально-структурное явление» (Yamagishi, Gillmore, & Cook, 1988, p. 834). Эти ученые занимаются вопросами прогнозирования того, как распределяется власть в сетях обмена разного типа — позитивных, негативных и смешан-

ных, — аргументируя свои предположения экспериментами с помощью компьютерного моделирования. По-настоящему полный анализ предполагает объединение интереса к отношениям обмена, что свойственно теории обмена, и к взаимосвязям этих отношений, что традиционно, в свою очередь, для сетевой теории.

Возникает важный вопрос: в чем заключается разница между сетью обмена и сетью, представляющей интерес для сторонников сетевой теории? Кук и Уитмейер утверждают, что «сети обмена рассматриваются как взаимосвязанные ряды отношений обмена» (Cook & Whitmeyer, 1992, p. 113). Последователь теории обмена, по определению, интересуется «деталями обмена, реализуемого во всех взаимосвязях, будучи убежденным, что в любом анализе удовлетворительная сеть должна содержать все соответствующие отношения обмена» (Cook & Whitmeyer, 1992:109). Напротив, сторонники сетевой теории придерживаются «всеобъемлющего» подхода к сущности аналогичных связей. Учитывая многие типы связей из тех, что интересуют представителей сетевой теории, приверженцы теории обмена в то же время отрицают другие. Например, относительно исследований, проводимых в рамках сетевой теории и концентрирующихся на «основаниях» или «преимуществах, предоставляемых сетями», Кук и Уитмейер утверждают, что если игнорируется явление обмена, «причинные процессы, определяющие основания, тоже останутся невыявленными. Если отношения обмена не принимаются в расчет, результаты будут неадекватными, а может, и вовсе ошибочными» (Cook & Whitmeyer, 1992, p. 120—121). Несмотря на отмеченные различия, Кук и Уитмейер (Cook & Whitmeyer, 1992) считают сетевую теорию и теорию обмена совместимыми и утверждают, что вместе эти два подхода мощнее, чем каждый в отдельности.

Кук, О'Брайен и Коллок (Cook, O'Brien, & Kollock, 1990) определяют *теорию обмена, признавая свойственную* ей интегральность, как исследование отношений обмена, происходящих на различных уровнях анализа, в том числе обмена между взаимосвязанными индивидами, корпорациями, нациями и государствами. Они выделяют два направления исследований такого рода: изучение микроуровня, предполагающее интерес к социальному поведению как феномену обмена, и рассмотрение макроуровня — социальной структуры — в плане отношений обмена. Кук, О'Брайен и Коллок считают сильной стороной данной теории микро-макроинтеграцию, поскольку «в рамках одной теоретической структуры имеются положения, применимые как к индивидуальным акторам, так и к макроуровню (или системному уровню), и теория пытается ясно сформулировать, какое влияние оказывают изменения в пределах одного уровня анализа на другой» (Cook, O'Brien, & Kollock, 1990, p. 175).

Кук, О'Брайен и Коллок отмечают тенденции развития теории обмена, приобретающей всеобъемлющий характер. Первая из них — рост числа полевых исследований, в которых основное внимание уделяют макроуровневым аспектам, что становится дополнением к обычному использованию лабораторных экспериментов для исследования микроуровневых проблем. Во-вторых, они указывают на перемену в содержательном плане таких исследований — переход от изучения взаимосвязи двух субъектов к крупным сетям отношений обмена. В-третьих, что представляется самым важным, постоянно предпринимаются попытки объединить теорию обмена и структурные направления социологии, особенно сетевую теорию. (Далее мы проанализируем ее подробнее.)

Кроме того, Кук, О'Брайен и Коллок уточняют, что теория обмена способна почерпнуть из подходов, направленных на интеграцию, чем отмечено множество других микротеорий. Теория принятия решений позволяет «лучше понять, как действующие субъекты осуществляют свойственный процессу взаимодействия выбор» (Cook, O'Brien, & Kollock, 1990, p. 168). Когнитивная наука (в том числе когнитивная антропология и теория искусственного интеллекта) проливает «больше света на то, как акторы воспринимают, обрабатывают и восстанавливают информацию» (Cook, O'Brien, & Kollock, 1990, p. 168). Символический интеракционизм дает возможность объяснить, как действующие субъекты дают друг другу знать о своих намерениях, что имеет большое значение для развития доверия и уверенности в обмене. В целом, ученые считают, что такой обобщенный вариант теории обмена позволяет проанализировать важнейший вопрос о взаимосвязи деятельности акторов и социальной структуры. По мнению этих ученых, «теория обмена представляет собой один из немногих теоретических подходов, существующих в общественных науках, концептуально описывающий целеустремленно действующих субъектов в их взаимосвязях со структурами» (Cook, O'Brien, & Kollock, 1990, p. 172).

.Отметим несколько недавних попыток, которые предприняты сторонниками теории обмена в объединении своего подхода с другими. Например, Ямагиши и Кук (Yamagishi & Cook, 1993) стремились сблизить теорию обмена с теорией социальных дилемм (Yamagishi, 1995), вариантом теории рационального выбора. Теория социальных дилемм уходит корнями в известную дилемму узника и опирается на связанные с этим исследования. «Социальная дилемма — это ситуация, имеющая особую побудительную структуру, предполагающую, 1) что если все члены группы будут сотрудничать, все выиграют, тогда как 2) для каждого индивида в отдельности более выгодно действовать независимо от других» (Yamagishi & Cook, 1993, p. 236). Ямагиши и Кук обнаружили, что природа отношений и структуры обмена воздействует на способы разрешения людьми социальных дилемм.

Подобного же рода предложения выдвинули Хегтведт, Томпсон и Кук (Hegtvedt, Thompson, & Cook, 1993), которые попытались объединить теории обмена и атрибуции — подход, связанный с изучением когнитивных процессов. Это позволяет выявить механизм того, как люди атрибутируют и воспринимают атрибуцию, теория же обмена компенсирует слабость второго подхода в исследовании «социально-структурных предпосылок и поведенческих последствий атрибуции» (Hegtvedt, Thompson, & Cook, 1993, p. 100). Таким образом, ученые обнаружили подтверждение идеи того, что власть связана с сильной позицией индивида в рамках определенной структуры, и того, что люди, «воспринимающие себя наделенными большей властью, приписывают свои успехи, достигнутые в процессе обмена, личному действию или взаимодействию» (Hegtvedt, Thompson, & Cook, 1993, p. 104). Хотя данное исследование не подтверждает гипотезы авторов сполна, оно показывает, сколь важно изучить связи, устанавливаемые между социальной структурой, когнитивными процессами (восприятие и атрибуция) и поведением.

В последние годы развитие теории обмена идет в новом направлении (Molm, готовится к изданию). Во-первых, все больше внимания уделяется аспектам риска и ненадежности в отношениях обмена (Kollock, 1994). Например, один действующий субъект может помочь другому добиться полезных результатов, ничего

РИЧАРД ЭМЕРСОН : БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК[1]

Ричард Эмерсон родился в городе Солт-Лейк-Сити (штат Юта) в 1925 г. Выросший поблизости от гор, он, кажется, всю жизнь был привязан к рекам, горным вершинам и ледникам. Одним из наиболее ярких достижений Эмерсона стало его участие в успешном покорении Эвереста в 1963 г. О некоторых деталях восхождения рассказывается в публикации «Подьем на Эверест», которая появилась в декабрьском выпуске «Ежегодного бюллетеня альпинистов» за 1963 г., а также этому посвящена статья, опубликованная в «Социометрии» за 1966 г. От Национального научного фонда он получил грант на изучение группового поведения в сохраняющихся долгое время стрессовых условиях, с какими сталкиваются альпинисты при восхождении на горные вершины. Этот проект принес ему медаль Хаббарда, врученную Эмерсону в июле 1963 г. от лица Национального географического общества президентом Кеннеди.

Привязанность Ричарда Эмерсона к горам и горным деревушкам в Пакистане стала источником вдохновения для его социологических исследований. Его работам, посвященным вопросу поведения в группе, власти и социального влияния, способствовали тесные личные контакты с участниками экспедиций, которые оказывались в ситуации, требующей интенсивного взаимодействия и не менее проявленной конкуренции.

После Второй мировой войны и службы в армии, которая проходила в Западной Европе, в 1950 г. он получил степень бакалавра гуманитарных наук в университете Юты, а затем степень магистра гуманитарных наук (1952) и доктора философии (1955) в университете Миннесоты, где его основной специализацией была социология, а дополнительной — психология. Его докторская диссертация называлась «Детерминанты влияния в замкнутых группах».

Первым местом работы Эмерсона в научной области стал университет Цинциннати (1955-1964). Покинув его, Эмерсон написал: «Тема, к которой я в своей работе возвращался периодически, определилась в статье, посвященной проблеме власти и зависимости. Однако данная теория — скорее плацдарм для будущего, нежели резюме минувшего. У меня есть вполне конкретные планы относительно теоретических и эмпирических разработок в области стратификации и структуры власти в сообществе». Он занимался этой темой до самой смерти в декабре 1982 г. В настоящее время его труд, в котором рассматривается соотношение власти и зависимости (Emerson, 1962), стал классическим, оказав влияние на множество современных исследований в американской социологии.

Огромное влияние оказали на развитие науки два его научных труда. Написанные в 1967 г. и опубликованные в 1972, они связаны с разработкой теории социального обмена. Он написал их, будучи сотрудником университета Вашингтона, куда он перешел в 1965 г. Нет сомнений, что северо-запад Америки поманил его своими горами и водопадами.

Влияние Эмерсона на социологическую теорию сказалось во время его работы в университете Вашингтона. Там он в течение десяти лет (1972-1982) сотрудничал с Карен Кук, проводя эмпирически изучая социальный обмен. Вместе эти ученые выдвинули программу исследований, рассчитанную на реализацию в первой американской компьютеризированной лаборатории, которая предназначалась для проведения такого рода научной работы. Это исследование финансировалось за счет трех грантов, полученных от Национального научного фонда.

В памяти коллег и студентов Эмерсон остался «мыслителем». Эту сторону его личности лучше всего отражают слова статьи из книги Боуена (1960), называющейся «Новые профессора». «Итак, в чем ценность академического (то есть «непрактического, оторванного от жизни») изучения предмета? Люди тоже задают этот вопрос. На него трудно ответить, поскольку задающие их никогда не ходили в горы, и эта тема их не интересует. Я считаю, что эти люди слишком оторваны от жизни».

[1] Этот биографический очерк написан Карен Кук.

ценного не получив взамен. Во-вторых, внимание к роли риска, в свою очередь порождает интерес к проблеме доверия. Возникает логичный вопрос: может ли один действующий субъект доверять другому, что тот возместит ему издержки если он уже добился пользы? В-третьих, с этим соотносится вопрос о снижении риска и повышении доверия с помощью установления ряда взаимных обязательств (Molm, 1997). Это, в свою очередь связано с четвертым аспектом — растущим вниманием к специфике аффекта и эмоциям, хотя ранее научные интересы концентрировались на эгоизме субъектов. Наконец, несмотря на то что немалая часть работ по теории обмена сосредоточена на структуре, все больший интерес вызывает существо и роль действующего субъекта. Говоря о необходимости внимания к определенным аспектам, Молм утверждает, что теория обмена сфокусирована на структурах обмена, однако следовало бы больше заниматься изменениями или динамикой обмена.

Сетевая теория

Представители данного научного направления (например, Harrison White, 1992; Wasserman & Faust, 1994; Wellman & Berkowitz; 1988/1997) настаивают на том, что их подход отличается от социологических подходов, названных Рональдом Бертом «атомистическими» и «нормативными» (Burt, 1982; см. также: Granovetter, 1985). Последние направления изучают принятие действующими субъектами решений изолированно от других акторов. Иными словами, они рассматривают «личные характеристики» субъектов (B. Wellman, 1983). Атомистические подходы не принимаются потому, что они сосредоточены на мелких элементах и не учитывают отношения, складывающиеся между акторами. Согласно формулировке Барри Уэлмана, «лучше оставить задачу объяснения индивидуальных мотивов психологам» (Wellman, 1983, p. 163). Конечно, это подразумевает отрицание ряда социологических теорий, которые, так или иначе, изучают мотивы.

По мнению адептов сетевой теории, нормативные подходы сфокусированы на культуре и процессе социализации, благодаря которому обеспечивается общность норм и ценностей. Согласно этому отрицаемому подходу, людей объединяют общие идеи. Сетевые теоретики, не принимая и это положение, утверждают, что следует изучать объективную модель связей, объединяющих членов общества (Mizruchi, 1994). Вот как Уэлман пишет об этом:

> Аналитики сетей стремятся изучать упорядоченный характер поведения людей и сообществ, а не регулярный порядок убеждений о том, как им следует себя вести. Следовательно, они пытаются избежать нормативных объяснений социального поведения. Они отвергают любое положение, трактующее социальный процесс в качестве суммы персональных характеристик индивидуальных акторов и интернализованных норм как не являющееся структурным (B. Wellman, 1983, p. 162)

Подчеркнув категорическое неприятие отдельный идей, теоретики сетевого подхода не менее ясно указывают на отстаиваемые ими принципы и предметы анализа, в том числе и главный — социальные отношения, или объективную мо-

дель связей, объединяющих членов (индивидуальных и коллективных) общества (Burt, 1992). Уэлман таким образом формулирует данную позицию:

> Приверженцы сетевой теории отталкиваются от простой, но внушительной посылки, что первейшим делом социологов должно быть изучение социальной структуры... Наиболее непосредственный способ исследования социальной структуры заключается в том, чтобы проанализировать модели связей, объединяющих членов общества. Аналитики сетей выискивают за сложной структурой социальных систем *глубинную* — упорядоченные сетевые модели... Действующие субъекты и их поведение рассматриваются с учетом ограничений, которые на них накладывают эти структуры. Таким образом, упор здесь делается не на свободно действующих субъектах, а на структурных ограничениях (B. Wellman, 1983, p. 156-157)

Одной из отличительных черт сетевой теории является то, что она рассматривает широкий круг структур — от микро- до макроуровня. Согласно ей, в качестве акторов могут выступать люди (Wellman & Wortley, 1990), группы, корпорации (W. Baker, 1990; Clawson, Neustadtl, & Bearden, 1986; Mizruchi & Koenig, 1986) и общества. Связи возникают как на глобальном социально-структурном уровне, так и на относительно мелких. Марк Грановеттер описывает такие микроуровне-вые связи, как действие, «вписанное» в «конкретные личные отношения и структуры (или "сети") таких отношений» (Granovetter, 1985, p. 490). Но фундаментальная идея в любом случае остается одной: любой «актор» (индивидуальный или коллективный) может обладать различным доступом к ценным ресурсам (благосостоянию, власти, информации). Как следствие, структурированные системы стратифицированы, и одни их элементы зависят от других.

Пожалуй, одна из главных тенденций в развитии сетевого анализа — его смещение от рассмотрения социальных групп и социальных категорий к исследованию связей, которые существуют между действующими субъектами, не «в достаточной мере связанных между собой или сплетенных, чтобы именоваться группами» (B. Wellman, 1983, p. 169). Хорошей иллюстрацией данного тезиса служит работа Грановеттера (Granovetter, 1973,1983), посвященная «силе слабых связей». Исследователь различает «сильные связи» — например, связи между субъектами и их близкими друзьями — и «слабые связи» — например, с просто знакомыми. Социологи исследуют, как правило, первое явление, или социальные группы. Они считают их значимыми, не видя в слабых связях какого-либо большого социологического значения. Однако Грановеттер убедительно показал, что последние способны сыграть весьма значительную роль. Например, слабые связи между двумя действующими субъектами оказываются порой мостом между двумя группами, внутренние связи в которых сильны. Без этого дополнения две группы оказались бы совершенно изолированы друг от друга. А изоляция, в свою очередь, ведет к большей раздробленности социальной системы. Индивид, не имеющий слабых связей, оказался бы отделенным, пребывая лишь внутри одной группы, где существует сильная взаимосвязь, и не располагал бы информацией о том, что происходит в других группах, равно как и обо всем обществе. Следовательно, слабые связи предотвращают изоляцию и обеспечивают индивидам лучшую интеграцию в обществе. Грановеттер подчеркивает важность слабых связей, однако уточняет, что «сильные

связи также обладают ценностью» (Granovetter, 1983, p. 209; см.: Bian, 1997). Например, их наличие ведет к усилению мотивации помочь друг другу и готовности пойти навстречу.

Сетевая теория относительно новая и еще недостаточно разработанной. Как говорит Берт, «в настоящее время существует аморфная совокупность подходов, именуемая сетевым анализом» (Burt, 1982, p. 20). Однако этот подход развивается, о чем свидетельствует ряд вышедших статей и книг, а также тот факт, что в настоящее время существует специализированный журнал («Социальные сети»). Даже несмотря на то что сетевая теория складывается из разрозненного числа работ, она базируется на ряде согласованных принципов (B. Wellman, 1983). Причем их несколько.

Во-первых, связи между действующими субъектами симметричны как в плане содержания, так и по степени интенсивности. Действующие субъекты предоставляют друг другу разного рода вознаграждения, при этом интенсивность такого свершения различна. Во-вторых, связи между индивидами следует анализировать с учетом структуры более крупных сетей. В-третьих, структурирование социальных связей ведет к появлению устойчивых сетей различного рода. С одной стороны, сети обладают свойством транзитивности: если есть связь между А и Б и между Б и В, то, вероятно, существует связь между А и В. В результате, весьма возможно, наличествует сеть, включающая А, Б и В. С другой стороны, число таких связей и степень их интенсивности ограничены. Следовательно, выявятся сетевые скопления, у которых отмечаются четкие границы, отделяющие один кластер от другого. В-четвертых, между кластерами, как и между индивидами, может быть образована перекрестная связь. В-пятых, между элементами системы существуют асимметричные линии связи, что приводит к неодинаковому распределению редких ресурсов. Наконец, оно, в свою очередь, обусловливает как сотрудничество, так и конкуренцию. Некоторые группы объединены, чтобы в совместной деятельности добыть редкие ресурсы, тогда как в случае с другими превалирует конкуренция относительно ресурсов и даже вероятны конфликты. Таким образом, сетевая теория учитывает динамику (Rosenthal et al., 1985), поскольку структура системы меняется вследствие изменения моделей сотрудничества и конфликта.

Приведем пример. Мизраши (Mizruchi, 1990) задается вопросом о сплоченности корпораций и роли власти. Он утверждает, что исторически *сплоченность* определялась двояко. Во-первых, с субъективной точки зрения, «сплоченность — это ощущение членами группы своей идентификации с ней, в частности того, что их индивидуальные интересы связаны с интересами группы» (Mizruchi, 1990, p. 21). Очевидно, что упор сделан на нормативную систему, и сплоченность возникает благодаря всеобщему утверждению системы норм или под давлением группы. Во-вторых, с объективной точки зрения, «солидарность можно рассматривать как объективный, наблюдаемый процесс, не зависящий от чувств индивидов» (Mizruchi, 1990, p. 22). Поскольку Мизраши — приверженец сетевой теории, ясно, что он придерживается объективного взгляда на категорию сплоченности.

Мизраши считает сходство поведения следствием не только сплоченности, но также *структурной эквивалентности:* «Это те действующие субъекты, чьи связи с другими акторами в рамках социальной структуры тождественны» (Mizruchi,

1990, p. 25). Таким образом, структурная эквивалентность существует, скажем, между корпорациями, даже если между ними отсутствует коммуникация. Они ведут себя одинаково, поскольку имеют одинаковые отношения с некой третьей реальностью в социальной структуре. Мизраши пришел к выводу, что учет структурной эквивалентности позволяет так же, как и категория сплоченности, объяснить сходство в поведении. Исследователь вообще придает этому аспекту, предполагающему существование сети социальных отношений, огромное значение.

Сетевая теория, в большей степени сближающая различные подходы

Рональд Берт (Burt, 1982) из тех теоретиков, кто вместо какой-либо очередной формы структурного детерминизма стремился разработать подход, который бы оказался обобщающим. Прежде всего, Берт указывает, что в теории действия существует расхождение между «атомистическим» и «нормативным» подходами. Первый «предполагает, что альтернативные действия независимо оцениваются отдельными акторами, выносящими оценки безотносительно к другим действующим субъектам», «при нормативном же подходе интересы отдельных акторов воспринимаются как взаимозависимые в рамках системы, поскольку социальные нормы вырабатываются в процессе взаимной социализации акторов» (Burt, 1982, p. 5).

Берт отстаивает позицию, которая «устраняет разрыв между атомистическим и нормативным действием», будучи «скорее своеобразным третьим подходом, объединяющим два других, нежели не их синтезом» (Burt, 1982, p. 8). Исследователь называет свой подход *структурным* и видит его главное отличие от вышеуказанных в «постулате пограничной оценки. Критерий его заключается в том, что ряд свойственных субъекту статусов/ролей порождается разделением труда. Актор оценивает пользу альтернативных действий, принимая во внимание как собственные обстоятельства, так и обстоятельства других людей» (Burt, 1982, p. 8). Он считает, что такая позиция оказывается логическим продолжением атомистического подхода и «эмпирически точным ограничением» нормативной теории.

На рис. 8.1 схематически показана структурная теория действия Берта. Согласно ей, «субъекты действуют под давлением социальной структуры» (Burt, 1982, p. 9; см. также: Mizruchi, 1994). Как полагает этот ученый:

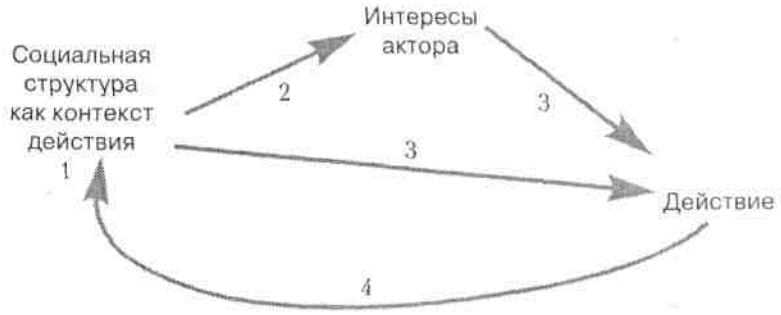

Рис. 8.1. Обобщающая модель Рональда Берта

> Действующие субъекты пребывают в рамках социальной структуры. Она определяет их социальное сходство, которое, в свою очередь, формирует их восприятие преимуществ, что связаны с тем или иным из альтернативных действий. Одновременно социальная структура по-разному ограничивает действия акторов. Следовательно, они преследуют собственные интересы вплоть до границ возможного, т. е. того рубежа, когда их интересы и сама способность действовать формируются социальной структурой. Наконец, действия, осуществляемые под таким давлением, могут изменить саму социальную структуру, что способно привести к появлению новых ограничений, с каким сталкиваются действующие субъекты, пребывающие в рамках данной структуры (Burt, 1982, p. 9).

Теория рационального выбора

Несмотря на оказанное теорией рационального выбора влияние на развитие теории обмена, она находилась в стороне от доминирующего направления социологической теории (Hechter & Kanazawa, 1997). Во многом благодаря усилиям одного человека, Джеймса С. Коулмена, эта теория стала одной из «злободневных» в современной социологии (Chriss, 1995; Tilly, 1997). Во-первых, Коулмен основал в 1989 г. журнал «Рациональность и общество», преследующий цель распространения теории рационального выбора. Во-вторых, Коулмен (Coleman, 1990) опубликовал чрезвычайно влиятельную книгу «Основания социальной теории». Наконец, в 1992 г. он стал президентом Американской социологической ассоциации. Воспользовавшись случаем для продвижения теории рационального выбора, он выступил на собрании ассоциации с обращением «Рациональное переустройство общества» (Coleman, 1993b).

Поскольку основные принципы теории рационального выбора уже были намечены, следует начать со вступительных замечаний Коулмена (Coleman, 1989) к первому номеру *«Рациональности и общества»*. Журнал задумывался как междисциплинарный, поскольку данная теория (или, как говорил сам Коулмен, «парадигма рационального действия» [1989, p. 5]) единственная, обладающая возможностью интегрировать различные парадигмы. Коулмен утверждает, что такой подход разработан на основе методологического индивидуализма, и применяет теорию рационального выбора в качестве микроуровневого основания, привлекаемого для объяснения явлений макроуровня. Интересно, что Коулмен *не* считает «конгениальными»:

> работу, которая методологически холистична, затрагивает лишь поверхность системы и не обращается к исследованию действующих субъектов, чьи действия порождают саму эту систему... понимание действия как исключительно экспрессивного, иррационального, а также представление о действии как полностью определяемом внешними силами без опосредования интенции или цели. Наш подход не предусматривает эмпирические исследования, охотно проводимые в социальной науке, когда индивидуальное поведение «объясняется» определенными факторами или детерминантами без учета какой-либо модели действия (Coleman, 1989, p. 6)

Таким образом, журнал «Рациональность и общество» закрыт для многих социологических исследований. Вместе с тем в зоне интересов издания остаются

макроуровневые подходы и их взаимосвязь с рациональным действием. Кроме подобных академических соображений, Коулмен настаивает на том, чтобы исследования, следующие концепции рационального выбора, были практическим образом связаны с нашим меняющимся миром. Например, Хекаторн и Броудхед (Heckathorn & Brqadhead, 1996), опираясь на теорию рационального выбора, исследовали вопросы социальной политики, касающейся профилактики СПИДа.

«Основания социальной теории»

Коулмен утверждает, что социология должна рассматривать социальные системы, однако такие макроявления следует объяснять внутренними факторами, прежде всего, обращаясь к рассмотрению индивидов. Он выделяет исследования этого уровня по нескольким причинам, в частности, потому что данные обычно собираются на индивидуальном уровне, а затем группируются или компонуются, образуя системный уровень. Приверженность Коулмена изучать уровень индивида объясняется еще и убеждением, что на этом уровне реализуются «интервенции», нацеленные на осуществление социальных изменений. Как мы увидим дальше, центральное место во взглядах Коулмена занимает идея о том, что социальная теория не является просто академической деятельностью — она должна с помощью таких «вмешательств» воздействовать на социальный мир.

Признавая свой интерес к индивидуальному, Коулмен соглашается, что он методологический индивидуалист, хотя и рассматривает свой подход в качестве «особого варианта» данной позиции. Его взгляд специфичен в том смысле, что исследователь воспринял идею эмерджентности. Кроме того, фокусируясь на внутренних для системы факторах, он не расценивает их обязательно как индивидуальные действия или ориентации. Следовательно, предметом анализа могут быть не только такие микроуровневые явления, как индивиды.

Приверженность Коулмена концепции рационального выбора отражается в его главной идее о том, что «люди стремятся к достижению своей цели, причем цель (апоэтому и действия) формируется ценностями или предпочтениями» (Coleman, 1990, p. 13). Но одновременно Коулмен (Coleman, 1990, p. 14) уточняет, что в теоретическом плане ему требуется концептуально более определенное представление о рационально действующем субъекте, которое можно реально заимствовать из политэкономии. Согласно этой концепции, акторы выбирают те действия, что способствуют извлечению максимальной пользы, удовлетворяют потребности и желания

Ключевые понятия в теории Коулмена — акторы и ресурсы. Ресурсы — это то, что контролируется действующими субъектами и в чем те так или иначе заинтересованы. Учитывая два этих элемента, Коулмен описывает, как их взаимодействие выводится на системный уровень:

> Минимальная основа социальной системы действий — два актора, каждый из которых контролирует ресурсы, в которых заинтересован другой. Именно заинтересованность в ресурсах, контролируемых другим, заставляет субъектов быть целеустремленными и участвовать в действиях, включающих обе стороны в... систему действий.... Именно эта структура, наряду с целеустремленностью акторов, стремящихся по максимуму реализовать свои интересы, обусловливает взаимозависимость их действий, придавая им системный характер (Coleman, 1990, p. 29)

Исходя из теории рационального выбора, Коулмен далек от мысли, что данный подход даст ответы на все возникающие вопросы. Однако он убежден в ее способности развиваться в этом направлении, так как утверждает, что «успех основанной на рациональности социальной теории заключается в последовательном сокращении той сферы социальной деятельности, которая не поддается объяснению этой теорией» (Coleman, 1990, p. 18).

Коулмен признает, что в реальном мире люди не всегда ведут себя рационально, но считает, что это не имеет для его теории большого значения: «Я думаю, что выдвинутые теоретические предположения останутся по сути своей такими же, вне независимости оттого, действуют ли субъекты, четко придерживаясь принципа рациональности, как это обычно наблюдается» (Coleman, 1990, p. 506; Inbar, 1996),

Сосредоточенность Коулмена на рациональном действии индивида подсказывает, что его подход предусматривает сцепление микро- и макроявлений или объяснение того, как комбинация индивидуальных действий сказывается на поведении системы. Придавая этому вопросу наибольшее значение, Коулмен интересуется переходом от макро- к микроуровню или тем, каким образом система ограничивает установки действующих субъектов. Наконец, он сосредоточивается на отношениях внутри микроуровня — воздействии индивидуальных действий на другие индивидуальные действия.

Но все-таки подходу Коулмена не удается избежать нескольких недостатков, три из которых — основные. Во-первых, он уделяет преобладающее внимание вопросу о переходе от микро- к макроуровню, не концентрируясь на рассмотрении отношений иного плана. Во-вторых, он пренебрегает отношениями внутри макроуровня. Наконец, он устанавливает причинные связи сугубо однонаправленно; иначе говоря, не учитывает диалектических отношений, связывающих микро- и макроявления.

На основе теории рационального выбора Коулмен объясняет ряд макроуровневых явлений. Главное его требование заключается в том, что теоретикам следует придерживаться постоянной концепции действующих субъектов и на основе данной микроконстанты определять-различные образы явлений макроуровня. Таким образом, различия последних можно объяснить разными структурами отношений, установленных на макроуровне, а вовсе не отклонениями на микроуровне.

Ключевым этапом в переходе от микро- к макроуровню становится предоставление власти и прав, которыми обладает один субъект, другому. Это действие ведет к подчинению одного актора другому. Оно порождает и фундаментальный макрофеномен — действующую единицу, состоящую из двух людей, а не два независимых друг от друга актора. Возникающая в результате структура действует независимо от субъектов. Вместо того чтобы добиться максимальной выгоды для себя, действующий субъект — в таком случае — стремится реализовать интересы другого актора или независимой коллективной единицы. Это не просто другая социальная реальность, она «имеет специфические недостатки и порождает специфические проблемы» (Coleman, 1990, p. 145). Поскольку Коулмен придерживается рамок прикладного подхода, он сосредоточивается на определении и решении этих проблем.

Коллективное поведение

Как Коулмен рассматривает макроявления, показывает феномен коллективного поведения (Zallocki, 1996). Он выбрал его для исследования, поскольку считается, что неупорядоченный и нестабильный характер такого поведения трудно проанализировать с позиции теории рационального выбора. Однако, по мнению Коулмена, эта теория способна объяснить все виды макроявлений, а не только упорядоченные и устойчивые. Переход от рационально действующего субъекта к «необузданному и турбулентному функционированию системы, именуемому коллективным поведением» осознается как «простая (и рациональная) передача контроля над действиями одного субъекта другому... произведенная в одностороннем порядке, а не в качестве обмена» (Coleman, 1990, p. 198).

Почему же люди в одностороннем порядке передают другим контроль над своими действиями? С точки зрения теории рационального выбора, ответ заключается в том, что они так поступают, пытаясь максимизировать свою полезность. Как правило, стремление индивида добиться максимальной пользы предполагает установление равновесия контрольных функций среди нескольких субъектов, что ведет к созданию равновесия в пределах общества. Однако при коллективном поведении, из-за того что передача контроля односторонняя, стремление индивидов достичь максимума полезности вовсе не обязательно приводит к равновесию системы, отчего коллективное поведение неустойчиво.

Нормы .-

Другое макроявление, которое исследовал Коулмен, — это нормы. Принимая их как данность и обращаясь к ним для объяснения индивидуального поведения, большинство социологов не истолковывают, как и почему они появляются. Коулмен задается вопросом, каким образом в группе рационально действующих субъектов возникают и поддерживаются определенные нормы. Ученый утверждает, что это происходит благодаря некоторым людям, которые видят, что соблюдение норм принесет выгоду, а нарушение их — ущерб. В определенной мере люди отказываются от контроля над собственным поведением, но взамен они (благодаря нормам) получают контроль над поведением других. Коулмен так излагает свой взгляд на нормы:

> Основной элемент в толковании... частичный отказ от прав контролировать собственные действия и получение частичных прав контролировать действия других, т. е. появление нормы. В конечном итоге контроль... которым обладал каждый в отдельности, широко распространяется среди всех акторов, которые осуществляют этот контроль (Coleman, 1990, p. 292)

Субъекты рассматриваются с позиции максимизации полезности, возрастающей благодаря частичной уступке прав контроля над собой и получению частичного контроля над другими. Поскольку передача контроля не является односторонней, то в случае с нормами равновесие не нарушается.

Однако существуют и такие обстоятельства, когда нормы действуют в пользу одних людей и в ущерб другим. Иногда действующие субъекты уступают право контроля над своими собственными действиями тем, кто вводит и поддерживает нормы. Эти нормы оказываются эффективными, если устанавливается согласие

Джеймс С, Коулмен: биографический очерк

Карьера Джеймса С. Коулмена в социологии неоднородна. Определение «теоретик» — всего лишь один из применимых к этому человеку. В 1955 г. он стал доктором философии Колумбийского университета (о значении Колумбийской «школы» в его наследии см.: Swedberg, 1996), а через год приступил к работе в Чикагском университете в качестве приглашенного профессора. Туда он вернулся вновь в 1973 г. после14-летней работы в университете Джона Хопкинса и оставался там до самой смерти. Начав преподавать в Чикаго, Коулмен стал (наряду с Сеймуром Мартином Липсетом и Мартином А. Троу) автором одного из знаковых исследований в истории промышленной социологии, если не вообще в социологии, называвшегося «Союзная демократия». (Докторская диссертация Коулмена в Колумбийском университете, написанная под руководством Липсета, была посвящена рассмотренным в «Союзной демократии» проблемам). Затем Коулмен занялся исследованиями проблем молодежи и образования, что наиболее отразилось в выдающемся докладе, подготовленным для федерального правительства (он стал широко известен как «Доклад Коулмена»), способствовавшем небесспорному политическому шагу — использованию школьных автобусов в качестве способа достичь расового равенства в американских школах. Именно благодаря этой работе Коулмен получил огромное влияние практического характера, как никто другой из американских социологов. После этого он сосредоточился на стерильной атмосфере математической социологии (особенно отметим его «Введение в математическую социологию»[1964] и «Математику коллективного действия» [1973]). В последующие годы Коулмен заинтересовался социологической теорией, в особенности теорией рационального выбора, что нашло отражение в публикации книги «Основания социальной теории» (1990) и основании журнала «Рациональность и общество» (1989). Упомянутые работы показывают все разнообразие интересов ученого, но все равно никак не отражают 28 книг и 301 статью, написанных Коулменом.

Коулмен получил степень бакалавра естественных наук в университете Пердью (1949) и до поступления на знаменитое социологическое отделение Колумбийского университета (в 1951 г.) работал химиком в компании «Истман Кодак». Особое влияние на него оказал Роберт Мертон (см. главу 3), в частности его лекции о Дюркгейме и социальных детерминантах индивидуального поведения. Он также находился под влиянием идей известного теоретика Пола Лазарфельда, от которого на всю жизнь унаследовал интерес к количественным методам и математической социологии. Третьим ученым, повлиявшим на становление представлений Коулмена, был Сеймор Мартин Липсет. Коулмен присоединился к его исследовательской команде, приняв участие в проведении знакового исследования *«Союзнаядемократия».* Таким образом, по окончании университета он был знаком с введением в теорию, методами и их взаимосвязями в эмпирическом исследовании. Это было и остается образцом для всех пытливых социологов.

Вот как на основе этого опыта Коулмен описывает свое «видение» социологии (это его взгляд на момент окончания аспирантуры и начало профессорской карьеры):

> Социология... в качестве единицы анализа должна рассматривать не индивида, а социальную систему (будь она небольшой или крупной); но она должна применять количественные методы, оставляя без внимания несистемные, которые приспособлены к пристрастиям исследователя, нерегулярны и которым недостает пояснительного

относительно того, что определенные люди обладают правом контролировать (благодаря нормам) действия других людей.

Кроме того, эффективность норм зависит от способности обеспечивать в жизни это взаимное согласие. Именно консенсус и давление норм препятствуют росту характерной для коллективного поведения неустойчивости.

Коулмен признает, что нормы взаимосвязаны, но считает, что этот вопрос, коррелирующий с макроуровнем, выходит за рамки его работы, посвященной основаниям социальным систем. С другой стороны, он стремится рассмотреть микро-

> или причинного фокуса. Почему у меня и других студентов Колумбийского университета в то время было такое видение? Думаю, это было уникальное влияние идей как Роберта Мертона, так и Пола Лазарфельда (Coleman, 1994, p. 30-31)

Оглядываясь назад, в середине 1990-х, Коулмен обнаружил, что его подход изменился, но не настолько, как он предполагал. Например, относительно своего участия в проектах по социальному моделированию, проводимых университетом Джонса Хопкинса в 1960-х гг., он говорит, что они «заставили поменять мою теоретическую направленность, переключиться с подхода, согласно которому свойства системы являются не единственными детерминантами действия (как в исследовании Эмиля Дюркгейма «Самоубийство»), на другой, предполагающий, что онимогут быть также и следствиями иногда намеренных, иногда неумышленных действий» (Coleman, 1994, p. 33). Таким образом, ему была нужна теория действия, и он выбрал, как и большинство экономистов,

> простейшую из таких основ концепцию рационального или, если угодно, целенаправленного действия. Самая значительная задача социологии состоит в том, чтобы создать теорию, которая будет переходить с микроуровня действия на макроуровень норм, социальных ценностей, статусного распределения и социального конфликта (Coleman, 1994, p. 33)

Именно это объясняет, почему внимание Коулмена привлекла экономическая теория:

> От иных социальных наук экономику отличает не то, что учитывается концепция «рационального выбора», а анализ, позволяющий перемещаться между уровнем индивидуального действия и уровнем функционирования системы в целом. При двух допущениях — что люди действуют рационально и что идеальными рынки становятся, если взаимодействия осуществляются сполна, — экономический анализ связывает макроуровень функционирования системы с микроуровнем индивидуальных действий (Coleman, 1994, p. 32)

Другой ракурс его взгляда на социологию, близкий высказанному в его ранней работе, ' посвященной школьному образованию, состоит в том, что ее следует использовать в социальной политике. О теории он говорит так: «Критерием оценки работ в области социальной теории должен выступать их потенциальная польза для социальной политики» (Coleman, 1994, p. 33). С выдвигаемой Коулменом задачей единения теории, методов и социальной политики согласны почти все социологи, но не многие из них разделяют предложенные ученым пути подобного соединения. Тем не менее соглашаются или нет социологи с этим, они вынуждены признать, что в будущем им придется серьезно заняться вопросом соединения трех ключевых аспектов социологической практики, и, следовательно, некоторые из ученых смогут отыскать в наследии Джеймса Коулмена надлежащий образец.

Джеймс Коулмен умер 25 марта 1995 г. (J. Clark, 1996).

Уровневый аспект, связанный с внутренним усвоением норм. Ученый соглашается, что в этом случае он вступает в «опасные для теории рационального выбора воды» (Coleman, 1990, p. 292). Внутреннее усвоение норм определяется им как установление системы санкций: в случае нарушения нормы люди наказывают сами себя. Коулмен исходит из того, что один или несколько субъектов стремятся контролировать других, способствуя тем самым такому усвоению ими норм. Следовательно, в интересах одной части акторов, чтобы другая приняла нормы и чтобы На основе этого можно было ее контролировать. Коулмен полагает данный про-

цесс целесообразным, «если такие попытки могут быть эффективны при незначительных издержках» (Coleman, 1990, p. 294).

Ученый рассматривает нормы с учетом трех ключевых моментов своей теории: перехода от микро- к макроуровню, целенаправленного действия на микроуровне и перехода от макро- к микроуровню. Нормы — это макроуровневые явления, возникающие на основе микроуровнего целерационального действия. Появившись, нормы посредством санкций или угрозы санкций влияют на действия индивидов. Определенные действия могут поощряться, в то время как другие не приветствуются.

Корпоративные субъекты

Исследуя нормы, Коулмен обратился к рассмотрению макроуровня и изучению корпоративных субъектов (J. Clark, 1996). В рамках такого сообщества акторы не могут действовать на основе своего личного интереса, но должны действовать в интересах коллектива.

Чтобы реализовать переход от индивидуального к коллективному (социальному) выбору, имеются различные правила и механизмы. Простейшие из них — голосование и процедуры подсчета голосов и выведения коллективного решения. Это план развертывания от микро- к макроуровню, в то же время выдвижение списка кандидатов коллективом предполагает направление единения от макро- к микроуровню.

Коулмен утверждает, что и индивиды, и корпоративные субъекты имеют определенные цели. Кроме того, в рамках корпоративной структуры, например организации, люди могут преследовать собственные цели, расходящиеся с корпоративными. Такой конфликт интересов позволяет уяснить источник сопротивления корпоративной власти. Единение, реализованное от микро- к макроуровню, подразумевает способы, которыми люди лишают корпоративную структуру власти и наделяют легитимностью субъектов, участвующих в бунте против нее. Но здесь присутствует и соединение другого плана — от макро- к микроуровню: рамки макроуровня заставляют людей лишать кого-то подобных властных полномочий или облачать ими.

Будучи сторонником теории рационального выбора, Коулмен исходил из интереса к индивиду и соответствующей идеи, что все права и ресурсы наличествуют именно на этом уровне. Интересы индивидов определяют течение событий. Однако это не так, особенно в современном обществе, где «значительная доля прав и ресурсов и, следовательно, суверенитета может принадлежать корпоративным субъектам» (Coleman, 1990, p. 531). В современном мире корпоративные субъекты приобретают все большее значение. Они способны приносить как пользу, так и ущерб индивиду. Каким образом следует оценивать корпоративного субъекта? Коулмен подчеркивает, что «только концептуально признавая точку зрения, согласно которой полнота суверенитета принадлежит индивидам, можно выявить, как реализуются их первичные интересы любой существующей социальной системой. Постулат суверенности индивидов позволяет социологам оценивать функционирование социальных систем» (Coleman, 1990, p. 531-532).

По мнению этого исследователя, важнейшее социальное изменение — возникновение корпоративных субъектов, которое дополняет наличие индивидуальных субъектов — «естественных людей». И тех и других можно рассматривать как действующих субъектов, поскольку они «контролируют ресурсы и события, заинтересованы в ресурсах и событиях и способны для реализации этих интересов с помощью этого контроля предпринимать определенные действия» (Coleman, 1990, p. 542). Конечно, корпоративные субъекты существовали всегда, но прежние, например, семья, заменяются новыми, целесообразно устроенными. Существование этих новых корпоративных субъектов ставит вопрос о том, как обеспечить их социальную ответственность. Коулмен предполагает, что это возможно благодаря внутренним реформам или изменениям внешней структуры, в частности, законов, касающихся этих корпоративных субъектов, или учреждений, ими управляющих.

Коулмен различает исконные структуры, основанные на семейственности (родственные и религиозные группы) и структуры, преследующие определенную цель (экономические организации и правительство). Он говорит о «рассеянии» деятельности, ранее сосредоточенной в рамках семьи. Первичные структуры «упрощаются» по мере того, как их функции «рассеиваются» и перенимаются рядом корпоративных субъектов. Коулмен исследует это «упрощение», а также необходимость рассматривать позиции, определяемые структурами, преследующими определенную цель, а не людей, составлявших исконные структуры. Цель своей работы этот исследователь полагает в том, чтобы «предоставить основание для конструирования жизнеспособной социальной структуры, поскольку изначальная структура, на которую полагались люди, исчезает» (Coleman, 1990, p. 652).

Коулмен подвергает критике большинство социальных теорий за то, что они отстаивают *человека социологического (homo sociologicus).* Данный подход основное внимание уделяет процессу социализации и тесной связи между индивидом и обществом. Следовательно, *homo sociologicus* далек от присущей индивидам свободы действий согласно своему желанию. Кроме того, этот подход не может сполна оценить действия социальной системы. *Homo economicus,* по мнению Коулмена, напротив, располагает всем этим. Кроме того, исследователь подвергает критике традиционную социальную теорию за то, что она продолжает исполнять монотонное пение избитых теоретических мантр и совершенно невосприимчива к происходящим в обществе изменениям, а также не помогает понять, куда движется общество. Социологическая теория (равно как и социологические исследования) должна иметь определенную цель, играть свою роль в жизни общества. Коулмен выступает за социальную теорию, которая заинтересована не просто в знании ради знания, но также в «поиске знаний для переустройства общества» (Coleman, 1990, p. 651).

Взгляды этого ученого на задачи социальных теорий тесно связаны с его воззрениями на меняющуюся природу общества. Стирание исконных структур и их замещение структурами, преследующими определенную цель, привели к образованию пробелов, которые не были адекватным образом заполнены новыми социальными организациями. Социальная теория, и общественные науки в целом, необходимы потому, что требуется переустроить это новое общество (Coleman,

1993a, 1993b; Bulmer, 1996). Задача состоит не в разрушении целеполагающих структур, а в реализации их возможностей и преодолении свойственных им проблем. Новое общество требует новой социальной науки. Взаимосвязи сфер социальных институтов изменились, и поэтому общественные науки должны выйти за традиционные рамки дисциплин.

Критика

Нет необходимости говорить, что теория рационального выбора (Goldfield & Gilbert, 1997; Green & Shapiro, 1994; Imber, 1997) служит в социологии мишенью для серьезных нападок. Как отмечает Хекаторн (Heckathorn, 1997, p. 15), в некоторых сферах социологии по поводу теории рационального выбора наблюдается своего рода «истерия». Работы Джеймса Коулмена многими подвергались критике (Alexander, 1992; Rambo, 1995). Например, Тилли (Tilly, 1997, p. 83) дает такой свод критических замечаний относительно теории Коулмена:

1. Пренебрежение спецификой причинных механизмов.
2. Отстаивание неполного и потому обманчивого психологического редукционизма.
3. Защита разновидности общей теории (анализа рационального выбора), которая в течение некоторого времени вела социологов в тупик, где те бесцельно блуждали, становясь жертвами разбойников и мошенников, торгующих разными марками индивидуального редукционизма.

Действительно, ученые обнаружили в теории рационального выбора недостатки (Weaklien & Heath, 1994), однако подавляющее большинство критиков — это сторонники альтернативных социологических точек зрения (Wrong, 1997). Например, придерживаясь своей макроструктурной позиции, Блау (Blau, 1997) утверждает, что социология должна сфокусироваться на макроуровневых явлениях, следовательно, пояснение индивидуального поведения, которым занимается теория рационального выбора, выпадает из рамок социологии.

Теорию рационального выбора критиковали за чрезмерную претенциозность, стремление занять место всех прочих теоретических подходов. Так, Грин и Шапиро (Green & Shapiro, 1994, p. 203) утверждают, что ей следовало бы «исследовать пределы того, что может объяснить концепция рационального выбора», и «отказаться от... тенденции пренебрегать конкурирующими теоретическими позициями, поглощать или дискредитировать их».

Исходя из феминистских представлений, Ингланд и Килбурн (England & Kilbourne, 1990) критиковали допущение рассматриваемой теории об эгоистичности субъекта. По их мнению, следует учитывать как эгоизм, так и альтруизм в качестве переменных характеристик. Указание на эгоизм отражает мужскую предвзятость. Эти критики признают, что рассмотрение этой характеристики в качестве переменной уменьшило бы «дедуктивную определенность» теории рационального выбора, считая, что преимущества такой более реалистичной, менее пристрастной теоретической ориентации перевешивают вероятные ее издержки.

Под углом зрения символического интеракционизма критикует теорию рационального выбора Дензин (Denzin, 1990в; см. также главу 6). Он высказывает то,

что и следовало ожидать от диаметрально противоположного теоретического направления:

> Теория рационального выбора не способна убедительно ответить на вопрос: как возможно общество? ...ее идеальные нормы рациональности не соответствуют повседневной жизни и нормам рациональности и эмоциональности, организующим реальные действия взаимодействующих индивидов.
>
> Польза теории рационального выбора для современной социальной теории ограничена. Ее схема групповой жизни и ее представление о человеке, действии, взаимодействии, самости, тендере, эмоциональности, власти, языке, повседневной политической экономии, а также об истории прискорбно узки и совершенно не подходят для *целей интерпретации* (Denzin, 1990a, p. 182-183; курсив мой)

Большинство социологов, придерживающихся интерпретации широкого плана, согласились бы с суровой критикой, высказанной Дензином.

Помимо общих критических аргументов, теорию рационального выбора критиковали за недооценку роли таких явлений, как культура (Fararo, 1996) и случайные события (G. Hill, 1997), или вообще за полное пренебрежение ими.

Наконец, хотя можно было бы описать еще много других критических позиций, мы можем упомянуть аргумент Смелзера (Smelser, 1992), признающего, что, как и другие теоретические воззрения, теория рационального выбора, в результате внутренней ли эволюции или в качестве реакции на критику извне, выродилась. Она стала тавтологичной и неуязвимой для опровержений и, что самое важное, приобрела «способность объяснять все, а следовательно, ничего» (Smelser, 1992, p. 400).

Теория рационального выбора имеет много сторонников (Hedstrom & Swed-berg, 1996). Можно обнаружить немало усилий по подтверждению ее легитимности в качестве социологической теории и еще большее число попыток ее использования и развития. Вероятно, мы станем свидетелями дальнейшего роста критики, направленной на теорию рационального выбора.

Резюме

В данной главе рассматриваются три взаимосвязанные теории, для которых общей является позитивистская ориентация. На развитие современной теории обмена оказал влияние ряд интеллектуальных направлений, в особенности бихевиоризм и теория рационального выбора. Работа Тибо и Келли под названием «Социальная психология групп», несмотря на то что не относится к социологии, стала важной предпосылкой для развития некоторых теорий именно в социологии. Основателем современной теории обмена был Джордж Хоманс. Суть его редукционистской, ориентированной на микроуровень теории обмена заключается в нескольких постулатах. Блау стремился распространить теорию обмена на макроуровень, подчеркивая важность изучения норм. На многие современные работы по теории обмена оказало влияние наследие Ричарда Эмерсона, попытавшегося разработать обобщенный подход к рассмотрению обмена. Последователи Эмерсона и другие ученые распространили его теоретические представления на различные сферы.

Одним из интересовавших Эмерсона вопросов были сети. Это предмет, который исследуется также сторонниками сетевой теории. Несмотря на множество совпадений между теорией обмена и сетевой теорией, приверженцы последней не касаются феномена обмена. Сетевую теорию отличает внимание к объективной модели связей на микро- и макроуровнях социальной реальности и между этими уровнями.

Во многом благодаря усилиям Джеймса Коулмена теория рационального выбора, сыгравшая существенную роль в развитии теории обмена, стала самостоятельной концепцией. Используя несколько базовых принципов, во многом взятых из политэкономии, теория рационального выбора претендует на рассмотрение вопросов микро- и макроуровня, а также значения микроуровневых факторов в формировании макроуровневых явлений. Число сторонников теории рационального выбора в социологии возрастает, однако увеличивается и противодействие ей со стороны тех социологов, которые придерживаются иных теоретических подходов.

Глава 9
Современная теория феминизма

Патриция Маду Ленгерман
Университет Джорджа Вашингтона

Джилл Нибрюгге-Брантли
Геттисбургский колледж

Феминистская теория — это обобщенная сложная система воззрений на социальную жизнь и человеческий опыт, предусматривающая в качестве отправной точки приоритет женщины. Она сфокусирована на женщине или женщинах, причем это выражается в трех главных аспектах. Во-первых, основным «объектом» изучения становится ситуация (или ситуации) и трудности, с которыми сталкиваются женщины в обществе. Во-вторых, эта теория рассматривает женщин в качестве важнейших «субъектов», т. е. стремится смотреть на мир, исходя из специфически женской позиции — роли женщины в социальном мире. В-третьих, феминизм как теория выступает с критикой от имени женщин и действует в их интересах, стремясь создать для них лучший мир, а следовательно, согласно самой этой теории, — и для всего человечества.

Данное представление отличается от большинства социологических теорий двумя ключевыми особенностями. Во-первых, это продукт междисциплинарный, в создании которого участвуют не только социологи, но и представители других областей, например антропологии, биологии, экономики, истории, права, литературы, философии, политологии, психологии и теологии. В ее образовании принимают участие люди, добившиеся известности как писатели, политические деятели, активисты движений в защиту цветных женщин, представители самых разных интеллектуальных обществ из Европы и стран третьего мира[1]. Во-вторых, социологи феминистского толка, как и иные теоретики этого направления, преследуют двойную цель — расширить изначальные параметры своей области (в данном случае — социологии), пересматривая ее с учетом совершаемых приверженцами феминистских направлений открытий; и выработо-

[1] В данной главе рассматривается по преимуществу тот вклад в разработку теории феминизма, который внесли представители англоязычных стран.

тать критическое понимание общества, дабы сделать мир более справедливым и гуманным. Такая двойная задача представляется отличительной чертой любой критически нацеленной теории.

Основные теоретические проблемы

Современный феминизм вырос из кажущегося простым вопроса: *а как насчет женщин?* Это означает, какое место в той или иной ситуации занимают женщины. Если же они вообще отсутствуют, то почему? Если присутствие женщин очевидно, то каково их конкретное занятие? Какие чувства они испытывают в данный момент? Что привнесено благодаря им? Что означает данная ситуация для женщин?

За три десятилетия, с момента появления этих вопросов, ученые пришли к определенным выводам. Большинство социальных ситуаций не обходится без участия женщин. Если вдруг случается наоборот, то причиной тому оказывается не недостаток у женщин способностей или интереса, а предпринятые кем-то меры, направленные на их вытеснение. Там, где присутствие женщин заметно, они выполняют роли, существенно отличающиеся от тех, что закрепляет за ними привычное мнение (например, покорных жен и матерей). Будучи женами и матерями и выполняя целый ряд иных ролей, женщины вместе с мужчинами активно формировали рассматриваемые ситуации. Несмотря на то что женщины проявляют активность в большинстве социальных ситуаций, ученые, общественность и даже сами действующие в социальном мире субъекты (как женщины, так и мужчины) как бы не замечают их присутствия. Более того, даже если роль женщин в социальных ситуациях оказывалась значимой и весомой, она, в отличие от роли мужчин, все равно не была приоритетной, неся подчиненный характер. Незаметность — лишь один показатель подобного неравенства.

Второй основной аспект, который волнует сторонников феминизма: *почему же тогда все именно так, как есть?* Если первый вопрос призывает к описанию социального мира, то этот требует его объяснения. Описание и объяснение социального мира — две стороны любой социологической теории. Поэтому попытки, предпринятые последователями феминизма, ответить на эти вопросы вызвали к жизни теорию, имеющую в социологии универсальную значимость.

Третий вопрос, который ставят все феминисты, звучит так: *каким образом мы можем изменить и улучшить социальный мир, чтобы сделать его более справедливым для женщин и для всех людей?* Приверженность идеям социальных преобразований в интересах справедливости является отличительной чертой критической социальной теории. Такая позиция характерна для феминизма, марксизма, неомарксизма и социальных теорий, свойственных племенным и этническим меньшинствам, а также постколониальным обществам. Патриция Хилл Коллинз (P. H. Collins, 1998, p. xiv) подчеркивает важность приверженности идее справедливости и борьбе с несправедливостью: «Критическая социальная теория представляет собой корпус знаний... нацеленных на разрешение важнейших вопросов, встающих перед группами людей, которые терпят несправедливость в определенных политических, экономических, социальных и исторических ситуациях». Это предполагает, что теоретики феминизма задаются следующим вопросом: «К каким последствиям ведет подобный способ мышления, направленный на уменьшение несправед-

ливости в жизни женщин? Как этот способ объяснения мира сможет улучшить ясизнь всех женщин?» (Henessy & Ingraham, 1997, p. 5).

За более чем тридцатилетний период круг феминистов, исследующих эти вопросы, постоянно расширялся, включая все больше людей из различных сфер, как в Соединенных Штатах, так и во всем остальном мире. Это привело к тому, что акцент в значительной степени был сделан на «квалификационном» вопросе, определяющем ныне теоретические изыскания феминистов: *каковы различия среди женщин?* Мы называем этот вопрос «квалификационным», поскольку ответ на него ведет к главному признанию, что незаметность, неравенство и отличие от ролей, выполняемых мужчинами (в общем, все, чем обычно характеризуется жизнь женщин), обусловлены социальным положением женщины — т. е. расой и классом, к которым она принадлежит, возрастом, привязанностями, семейным положением, религиозными верованиями, этнической принадлежностью и местом жительства.

Насколько универсальна является теория феминизма? Казалось бы, поскольку рассматриваемые ею вопросы связаны с положением женщин, теория не может быть общей, она окажется ограниченной по масштабу, аналогично социологическим теориям девиантного поведения или процессов, свойственных малым группам. Однако на самом деле основные вопросы, которыми интересуются сторонники феминизма, привели к созданию теории социальной жизни, универсальной по своей применимости. Подходящими параллелями к ней будутся не теории малых групп или девиантного поведения, предполагающие, что социологи отвлекаются от «целостной картины», уделяя внимание ее деталям. Подходящим оказывается одно из гносеологических достижений Маркса. Его теория помогла ученым, занимающимся социальными науками, выяснить, что знание людей об обществе, считавшееся абсолютным и универсальным описанием реальности, является, по сути, только отражением опыта тех, кто экономически и политически управляет социальным миром. Марксистская теория убедительно показывает, что на мир можно смотреть, исходя из превосходства рабочих, которые, будучи политически и экономически подчиненными, являются неотъемлемыми создателями нашего мира. Это представление помогло выявить относительность знаний правящего класса и, благодаря возможности сопоставления этого знания с тем, что открывается, если принять во внимание точку зрения рабочих, повысило нашу способность анализировать социальную реальность. Через сто лет после смерти Маркса становится ясным смысл этого открытия.

Основные теоретические вопросы, волнующие приверженцев феминизма, сходным образом привели к революционному перевороту в нашем понимании мира. Они подвели к пониманию того, что знание о мире, которое мы принимали за универсальное и абсолютное, на самом деле всего лишь продукт части общества, располагающей властью, его «господ» — мужчин. Но это знание относительно, если заново посмотреть на мир, учитывая превосходство до сих пор незаметного, непризнанного «дна» — женщин, которые, исполняя роли подчиненного, или «обслуживающего» плана, но являющиеся в то же время необходимыми, способствовали поддержанию и воссозданию общества, в котором мы живем. Это вновь поднимает вопросы обо всем, что, как нам казалось, известно об обществе. Данное открытие и связанные с ним выводы определяют значимость современной теории феминизма в социологической теории.

Радикальный вызов, который бросает феминизм общепринятым системам знания, противопоставляя их пониманию реальности, предполагающему в центре точку зрения женщины, не только утверждает относительность утвердившегося знания, но также «деконструирует» его. Заявить, что знание «деконструировано», — значит сказать, что мы обнаруживаем за представлением знания как авторитетного, единственного и естественного некую сокрытость, — а именно: открываем, что такое представление является конструкцией, покоящейся на социальных, относительных и властных устроениях. Феминизм разрушает системы общепринятого знания, выявляя их »мужскую» обусловленность, а также гендерную политику, создаваемую и формируемую ими. Однако и сам феминизм, особенно в последнее десятилетие, стал субъектом относительности и испытал на себе деконструктивистское воздействие, которое порождается внутри его собственных теоретических границ. Первое и наиболее сильное давление оказывают женщины, находящиеся в оппозиции к белым, к людям из привилегированных классов, ко многим известным феминисткам гетеросексуальной ориентации. То есть оно исходит от цветных женщин, женщин из постколониальных обществ, женщин, принадлежащих к рабочему классу, лесбиянок. Они атакуют с «маргинальной» (Hooks, 1984) позиции. Это демонстрирует, что в равной степени много женщин, занимающих различное положение, и систем знаний, исходящих из приоритета женской позиции, которые противостоят как распространенному «мужскому» знанию, так и любым феминистским притязаниям на гегемонию единой женской точки зрения. Второе деконструктивистское воздействие на феминизм оказывает постмодернистская литература, поднимающая вопрос о гендере как недифференцированном концепте и о самоидентичности индивида как устойчивом ядре сознания и личности, отталкиваясь от которого постигаются гендер и мир. Эти аспекты влияют, главным образом, на феминистскую эпистемологию — систему ее притязаний на истину; более основательно они будут рассмотрены ниже.

Социологические теории гендера: с 1960-х гг. по настоящее время

Взаимосвязь теории феминизма и социологии очевидна по меньшей мере, в двух ключевых областях. Первое значимое соприкосновение, роль которого в течение последних пяти лет все более возрастает, — это влияние феминистской теории на важнейшие предметы, рассматриваемые социологией: проблему девиантного поведения (Barry, 1995; Bergen, 1996; Stiglmayer, 1994), семейной жизни (McMahon, 1995; Stacey, 1996), занятости и профессиональной деятельности (Pierce, 1995; Williams, 1995), на политическую социологию (Fraser, 1997;Jackman, 1994; Stetson & Masur, 1995), вопрос о социальных движениях (Ferree & Martin, 1995; Taylor, 1989; Whittier, 1995; «Гендер и общество», 12, p. 6,1998 and 13, p.1,1999) и стратификации (Ferree and Hall, 1996; Ridgeway, 1997). Второй гранью их соприкосновения и главной темой настоящего раздела являются работы, относящиеся к социологическим теориям угнетения (см. в сборнике, под ред. England, 1993, критическое рассмотрение взаимосвязи феминизма с социологическими теориями; см. также: Chafetz, 1997). В большинстве работ, соотносящих феминизм с существующими социальными теориями, исследуются вопросы гендера. Предлагаемое нами обозре-

ние таких трудов построено на основе их классификации на макросоциальные и микросоциальные теории гендера.

Макросоциальные теории гендера

На первый вопрос феминизма — «А как насчет женщин?» — были даны оказавшиеся существенными ответы теоретиков, придерживающихся трех важнейших макросоциальных подходов, более подробно описанные в других главах книги, — структурного функционализма (глава 3), теории конфликта (глава 3) и неомарксистской теории мировых систем (глава 4). Все эти теоретики прибегают к одинаковому процессу анализа, обращаясь к вопросу о гендере в рамках общего теоретического описания крупных социальных явлений. Во-первых, они определяют последние в качестве системы взаимосвязанных и взаимодействующих структур, которые понимаются как «шаблонный, регулярный порядок человеческого поведения» (Chafetz, 1984, p. 23). Функционалисты и сторонники аналитической теории конфликта изучают государственно-национальные образования, а также (это особенно свойственно аналитической теории конфликта) предшествующие нынешним культурные сообщества. Теория мировых систем исследует глобальный капитализм как транснациональную систему, в которой государственно-национальные объединения выступают в качестве важных структур. Различия между этими теориями связаны с тем, каким отдельным структурам и системным процессам придается основное значение. Во-вторых, эти теоретики пытаются найти место женщин внутри описанных систем. Теоретики всех трех направлений приходят к одному и тому же выводу: основное место женщин — а оно понимается в качестве чисто женской «сферы» в рамках всех культур — это дом/семья. Это положение изначально, и женщины никогда не переступают за его рамки, однако они проявляют активность, отвоевывая в структуре общества и другие важные позиции, что в большей степени проявляется при рыночной экономике. Отсюда вытекает другой вопрос — о понимании функций дома/семьи в социальной системе и схеме взаимосвязи между домашним хозяйством и экономикой. В-третьих, каждая упомянутая группа теоретиков гендера стремится объяснить гендерную стратификацию — рассматриваемую как социальное зло для женщин — с точки зрения структурного образования, имеющего вид треугольника: дом/семья — экономика — общие потребности и процессы в социальной системе.

Функционализм

Основной сторонницей функционализма в теории гендера является Мириам Джонсон (Johnson, 1988,1989,1993). Поборница функционализма и феминистка, она, прежде всего, признает неспособность первого удовлетворительным образом проанализировать невыгодное положение женщин в обществе. Джонсон считает, что в теории семьи, которую выдвинул Талкотт Парсонс, непреднамеренно сказался дискриминационный крен и что функционализм оставляет за рамками своего рассмотрения аспекты социального неравенства, господства и подавления. Эта тенденция коренится в изначальном интересе, проявляемым функционализмом к социальному порядку. При этом Джонсон убедительно демонстрирует, что многогранность и сложность парсоновского функционализма необходимы при анализе гендерных вопросов, поскольку эта теория обладает гигантским аналитическим раз-

махом и гибкостью. Таким образом, она вторит позиции многих неофункционалистов (см. главу 3). В своих трудах Джонсон исследует соотношение многих ключевых типологий Парсонса с вопросами гендера: роль как основная единица социальной системы; экспрессивные ролевые ориентации в противопоставлении инструментальным; семья как институт, связанный с другими институтами; функциональные предпосылки социальной системы (адаптация, достижение цели интеграция и сохранение латентной структуры); аналитические уровни социального действия (социальный, культурный, личностный и поведенческий); стадии социетальных изменений (дифференциация, адаптивное обновление, интеграция и генерализация ценностей).

Наиболее значимо для понимания гендера в рамках функционализма использование Джонсон парсоновского понятия экспрессивных ролей в их противопоставлении инструментальным, его тезиса о взаимосвязи семьи с другими институтами и модели функциональных предпосылок. Джонсон видит истоки возникновения гендерного неравенства в структуре патриархальной семьи, отмечаемой почти во всех известных обществах. Семья выполняет функции, отличные от функций экономики и других «общественных» институтов: это задача социализации детей и эмоционального обогащения взрослых членов семьи, что имеет существенное значение для социальной солидарности и воспроизводства ценностей (интеграция и сохранение ценностного образца). Изначальное положение женщины в структуре семьи определяется тем, что она предстает основным исполнителем этих значимых функций. И ей следует быть экспрессивной, иметь эмоциональный настрой и отзывчивость к родственникам. Функции женщин в семье и экспрессивность сказываются на том, что они выполняют во всех прочих социальных структурах, особенно в экономике. Например, подходящими для женщин считаются откровенно экспрессивные занятия, в типично мужских профессиях от женщин ожидают экспрессивности, но одновременно применяют к ним за такое поведение санкции; кроме того, участие женщин в экономической жизни ограничено их ответственностью за семью.

Однако ни одна из описанных выше функций не ведет с неизбежностью к гендерной стратификации, которая обесценивает и принижает положение женщин. Для того чтобы понять, почему она возникает, нужно обратиться к патриархальной семье. В таком мире женщины, заботясь о детях, действуют благодаря имеющемуся у них весу, авторитету, приобщая и мальчиков, и девочек к своему пониманию «общей гуманности». Рамки, которые продиктованы особенностями культуры и социальных институтов, предполагают, что женщина слаба и податлива мужу, чья экономическая конкурентоспособность, опосредованная наличием ряда средств (инструментов), позволяет ему добиться для своей семьи определенного уровня экономической безопасности. Поскольку для детей женщина предстает в роли «слабой жены», они усваивают почтительное отношение к патриархату и недооценивают такую родительскую установку, как эмоциональность, по сравнению с которой инструментальность мужчин кажется более мощной и значимой. Эта оценка мужских способов как более эффективных, чем женская экспрессивность, проникает в культуру. Но такая позиция никак не подтверждается на практике — разве только в том случае, когда она сформирована патриархальной идеологией. Джонсон, в частности, рассчитывает, что женское движение вызо-

вет перемены общественного и культурного плана, которые, в свою очередь, приведут к общесистемной переоценке экспрессивности.

Однако Джонсон приходится касаться и вопроса о том, функциональны ли патриархальные структуры в создании системного равновесия и социального порядка. Джонсон предполагает (Johnson, 1993), что мы спросим: «Функциональны для кого?» Подобный вопрос удаляет от парсоновской позиции, согласно которой функциональность должна рассматриваться с точки зрения системы. Вопрос «функциональны для кого?» выдвигает проблему неравного обладания властью и конфликта интересов и указывает скорее на критическую, нежели ценностно-нейтральную установку теоретика — установку, противоположную функционализму. Вопрос о женщинах — гендерный аспект — стал, как часто бывает, последней каплей, переполнившей чашу.

Аналитическая теория конфликта

Проблему гендера рассматривает в рамках аналитической теории конфликта Джанет Чафетс (Chafetz, 1984, 1988, 1990; см. также: Dunn, Almquist, & Chafetz, 1993), чьи работы наиболее значимы и показательны. В отличие от Джонсон ее интересы соответствуют ряду теоретических работ подобного рода (Rae Lesser Blumberg, 1978, 1979, 1984; Randall Collins, 1975; и антрополог Peggy Sanday, 1974, 1981). Подход Чафетс предусматривает скрещение разных культур и сближение различных исторических фаз, поэтому его можно назвать межкультурным и трансисторическим. Во всех частных эпизодах, имеющих отношение к уровню сообществ, она стремится теоретически выделить тему гендера. Если быть точнее, она фокусирует внимание на гендерном неравенстве или, по ее словам, *половой стратификации.* Исходя из этого аспекта, Чафетс строит свою теорию в соответствии с традициями аналитической теории конфликта. Она выявляет периодичность социального конфликта и анализирует, придерживаясь ценностно-нейтральной позиции, структурные условия, вызывающие конфликт той или иной степени интенсивности.

Затем Чафетс исследует социальные структуры и условия, которые влияют на выраженность стратификации по половому признаку — или подчиненности женщин — во всех обществах и культурах. К этому относится дифференциация гендерных ролей, патриархальная идеология, организация семьи и работы, а также условия, ставящие определенные ограничительные рамки, в том числе модели воспроизводства населения, разделение домапкней работы и профессиональной Деятельности, экономическое перепроизводство, усложнение технологий, плотность населения и суровость окружающей среды — все эти параметры считаются переменными величинами. Взаимодействие их определяет масштаб стратификации по половому признаку, поскольку ими формируются ключевые структуры хозяйства в рамках дома и производства на уровне экономики, а также способность женщин свободно переходить от одной области к другой. Чафетс считает наименее ущербной ситуацию, когда женщины гармонично совмещают домашние обязанности и существенную и самостоятельную роль в рыночном производстве. Функция «дом/семья» оценивается не как внешняя по отношению к трудовой деятельности, эмоциональному поведению и воспитанию, а как область, которую можно со всем основанием охарактеризовать в качестве рабочей: это забота

о детях, хлопоты по хозяйству, а иногда и работа (как, например, на семейной ферме), приносящая дополнительное материальное вознаграждение. Возможность получить материальное вознаграждение посредством домашнего хозяйства или рыночного производства делает социально невыгодное положение женщин не столь вопиющим, а форма ведения домашних и семейных дел, обусловленная взаимодействием множества других переменных, представляет собой главную структуру, облегчающую этот доступ или препятствующую ему.

Затем Чафетс рассматривает вопрос о том, как следует целенаправленно идти к равенству полов. Она определяет основные структурные моменты, изменение которых могло бы улучшить положение женщин. Побуждая быть активными в достижении равенства полов, Чафетс выходит за рамки ценностного нейтралитета, что со времен Вебера отличало аналитическую теорию конфликта. Изучение гендерных проблем снова уводит теоретика — в данном случае высокоответственного профессионала — за границы теории, к проблемам власти и политики.

Теория мировых систем

Эта теория оценивает мировой капитализм, взятый во всех его исторических фазах, как *единственную систему* социологического анализа. Национальные и иные культурные сообщества (например, колонии и туземные племена) — значительные структуры в мировой системе глобального капитализма, как и экономическая стратификация этих сообществ и групповых образований (центральная, второстепенная и периферийная экономики), разделение труда, капитала и власти между ними и внутри них и классовые отношения в каждом отдельном сообществе. Поскольку данная теория сконцентрирована на капитализме, индивиды рассматриваются здесь с точки зрения той роли, которую они играют в создании прибавочной стоимости. Соответственно, этой теории свойственно оценивать роль женщин в социальной системе лишь постольку, поскольку их труд становится частью капиталистического порядка — т. е. когда они выступают в качестве работников, поставленными в рамки капиталистического производства и рынка. Однако данную модель социальной системы колеблет цельное и прямое рассмотрение проблемы гендера.

Кэтрин Б. Уорд (Ward, 1984,1985a, 1985b, 1988,1990,1993; Word & Pyle, 1995) утверждает следующее: 1) мировая система не может быть познана, пока не будут надлежащим образом проанализированы труд, который ведется в домашнем хозяйстве, и труд в сфере неформальной экономики; 2) поскольку женщины составляют большинство занятых этими видами труда, им следует уделить в теории мировых систем особое внимание, а не просто упомянуть как «работников». Ведение домашнего хозяйства предполагает всю работу по дому, направленную на поддержание и воспроизводство работников; неформальная экономика — это такая организация работы, в которой *не* существует четкого разделения между трудом и капиталом и регулирования труда с помощью закона или капиталистической организации. По мнению Уорд, почти 66 % всей работы в мире приходится на эти две экономические сферы, являющиеся некапиталистическими и в значительной степени игнорируемые. Кроме того, ученый полагает, что их доля растет, *точно так же, как расширяется* в глобальных масштабах *сам капитализм.* Таким образом, если отвечать на вопрос «А как насчет женщин?», то можно обнаружить в мировой си-

стеме обширный «субконтинент» некапиталистического производства, существующий рядом с глобальным капитализмом, постоянно расширяющийся и вступающий во взаимодействие с последним. Модель, показывающая трудовое участие женщин в масштабе всего мира — потребность в домашней работе здесь постоянна, помимо этого, женщины так или иначе задействованы в неформальной и капиталистической экономике, — может, на наш взгляд, стать основой для создания теории структур труда в рамках мировой системы. Далее, Уорд утверждает, что бесплатный труд женщин как вклад в мировую экономику и доминирование мужчин над женщинами надлежит понимать и объяснять не просто как продукты капитализма, но как «отличительные свойства явлений, обладающие своей собственной логикой» (Ward, 1993, p. 52).

Микросоциальные теории гендера

Теоретики, придерживающиеся микросоциального подхода, стремятся скорее не к тому, чтобы объяснить невыигрышное социальное положение женщин, а чтобы понять гендер в рамках восприятия общества как совокупности взаимодействующих людей. Их интересует, как проявляются в процессе взаимодействия гендерные характеристики и каким образом этот процесс вызывает их. Две главные микросоциальные теории гендера — символический интеракционизм (Cahill, 1980; Deegan & Hill, 1987; Goffman, 1979) и этнометодология (Feiistermaker, Berk, 1985; Fenstermaker, West, & Zimmerman, 1991; West & Fenstermaker, 1993; West & Zimmerman, 1987).

Гендерная теория, обусловленная рамками символического интеракционизма, исходит из свойственному ему общего положения: «Гендерная идентичность, подобно иным ее социальным видам, возникает в процессе социального взаимодействия и связана с самостью индивида, превосходящей границы одной ситуации, [и] должна постоянно подтверждаться в различных ситуациях взаимодействия... поскольку самость — это предмет постоянной эмпирической проверки» (Cahill, 1980, p. 123). Символический интеракционизм отвергает идею Фрейда о том, что ключевым *в становлении* гендерной идентичности признаком является отождествление ребенка с одним из родителем, пол которого тождествен его полу. Приверженцы символического интеракционизма утверждают: ребенок, овладевая языком, узнает, что он вполне определенно отождествляется с представителями того или иного пола и учится идентифицировать себя как «мальчика» или «девочку», а следовательно, отождествлять себя с «мамочкой» или «папочкой». В своих работах сторонники данного научного направления поясняют, как в разных ситуациях сохраняется индивидами гендерная самость. Главным персонажем таких научных описаний становится осведомленный индивид, имеющий ряд идей и понятий, которые высказываются в его внутренних монологах и в разговорах с кем-либо, четко определяющих, что значит быть мужчиной или женщиной. Индивид в той или иной ситуации реализует свою самость, которая гендерно означена, и действует согласно с таким самоопределением, которое, правда, может подвергнуться изменениям в процессе взаимодействия, оставаясь вместе с тем хранилищем гендерного компонента, выявляемого в поведении человека от ситуации к ситуации.

Последователи этнометодологии сомневаются в устойчивости гендерной идентичности, изучая, «как осуществляется гендер». Следовательно, он воспринима-

ется в качестве «исполняемого» акторами в различных ситуациях. Ученые такого плана отталкиваются от выдвинутого Циммерманом (Zimmerman, 1978, p. 11) положения о том, что «свойства социальной жизни, представляющиеся объективными, реальными и превышающими рамки одной конкретной ситуации, на самом деле обусловлены совершением локальных процессов». Приверженцы этномето-дологии проводят различие между *полом* (биологическое определение человека в качестве мужчины или женщины), *категорией пола* (социальное определение человека в качестве мужчины или женщины) и *гендером* (поведение, удовлетворяющее социальным ожиданиям, предъявляемым к мужчинам или женщинам). Это имеет важнейшее теоретическое значение. В том случае, когда упор, сделанный на усвоении индивидом четкой гендерной идентичности, сводит понятие гендер к такому атрибуту, как пол — к неотъемлемой части индивидуальности, аргументом, выдвигаемым сторонниками этнометодологии, становится то, что гендер не может быть понят в качестве присущего личности свойства, поскольку он «приобретается» в конкретной ситуации взаимодействия. Так как категория пола — это постоянно присущее личности качество, такое «обретение» гендера в социальных ситуациях всегда предполагается потенциально возможным. Разделяемые людьми представления о нормах, соответствующих поведению мужчин или женщин, активизируются ситуативно. В конкретной ситуации люди осознают «ответственность» за выполнение гендерной роли, причем степень такой ответственности зависит от того, в какой мере ситуация позволяет человеку вести себя как мужчина или как женщина, давая возможность другим людям распознать мужские или женские образцы поведения. Люди, принадлежащие к разным культурам, — в том числе классовым и расовым — вероятно, сочтут поведение друг друга неясным в плане гендерной идентичности: в этом случае то, что делает другая сторона, не опознается как поведение, свойственное представителям мужского или женского пола. С другой стороны, этнометодологические исследования выявили, что разделение труда, которое происходит при ведении домашнего хозяйства, кажущееся непропорциональным, рассматривается и мужчинами, и женщинами, пребывающими в самой этой ситуации, как справедливое и равное. Это происходит, потому что обе стороны вполне охотно принимают нормативные требования, касающиеся распределения гендерных ролей в быту, и соответствуют им'.

Согласно символическому интеракционизму и этнометодологии, нормативные концепции гендера реализуются в границах, обусловленных социальными институтами. Гофман (Goffman, 1979) одним из первых отметил (с этим все более соглашаются сторонники символического интеракционизма, поддаваясь постмодернистскому влиянию (Denzin, 1993)), что такие нормативные концепции не вытекают исключительным или преимущественным образом из процесса взаимодействия с другими людьми. Опосредованные послания — образы, порождаемые рекламой, телевидением, кинофильмами, книгами, журналами — прямо, без влияния процессов человеческого взаимодействия, показывают и взрослым, и детям, как исполняется гендерная роль. Эти опосредованные сообщения предлагают нам то, что Гофман называет «демонстрациями» гендера: «упрощенную, преувеличенную, стереотипную» информацию о том, какие «конструкты» свойственны в данном взаимодействии либо мужчине, либо женщине. Этот анализ поднимает вопрос о причинно-следственных связях: имитируют ли средства массовой информации

жизнь или жизнь подражает СМИ? Микросоциальный подход к исследованию гендера успешен в границах заданных парадигм. Однако он оставляет без внимания проявление в самих этих парадигмах исключительно мужских, свойственных I элите предубеждений. Этой проблемы мы коснемся ниже, рассматривая феминистскую социологическую теорию.

Разновидности современной теории феминизма

Любая социологическая теория феминистского толка, в том числе и та, что изложена во второй половине данной главы, покоится на современной теории феминизма — системе воззрений общего плана, позволяющих изложить и объяснить социальный опыт людей, преимущественно фокусируясь на роли и значимости женщин. В этом разделе излагаются вопросы, которые феминистская теория выдвигаются на первый план при создании социологических учений феминистского толка. Представленная «схема» теории феминизма — всего лишь *одна* из возможных конструкций или идеальных образцов, позволяющих смоделировать всю совокупность интеллектуального наследия[1].

Наша типология теорий феминизма выстроена вокруг основного феминистского вопроса «Л *как насчет женщин?».* Из модели ответа на него определяются главные категории нашей классификации (см. табл. 9.1). В результате было выявлено четыре основных ответа на главный вопрос. Согласно первому, положение женщин и их опыт в большинстве случаев *отличаются* от того места, которое отводится мужчинам, и их опыта. Второй подход утверждает, что место женщин в большинстве ситуаций не только отличается от того, что занимают мужчины, но также оказывается менее привилегированным или откровенно *неравным* по сравнению с мужским. Третий ответ гласит, что положение женщин необходимо оценивать с точки прения непосредственного соотношения сил между женщинами и мужчинами. Женщины *угнетены — для них определяют разного рода ограничения, заставляют подчиниться, подгоняют под стереотипы, их оскорбляют и пользуются ими.* Согласно четвертому типу, переживание женщинами существующего различия, неравенства и угнетения обусловлено их местом в системе *структурного угнетения* или в системе координат, образуемых векторами угнетения и привилегии, — в зависимости от классовой, расовой и этнической принадлежности, возраста, выбора привязанностей, семейного положения и местожительства. Различные варианты теории феминизма можно классифицировать как теории *гендерного различия, гендерного неравенства, гендерного угнетения, структурного угнетения.* Среди этих категорий также определяются различия, связанные с ответом на второй вопрос: «Почему же положение женщин такое, какое оно есть?» (Различные

[1] Существуют и некоторые другие системы классификации, например, разработанные Chafetz (1988); Clough (1994); Glennon (1979); Jaggar (1983); Jaggar & Rothenberg(1984); Kirk & Okazawa-Rey (1998); Lengermann & Wallace (1985); Snitow, Stansell, & Thompson (1983); Sokoloff (1980). Читатели могут обратиться к ним, чтобы провести сравнение с указанной в данном разделе идеальной моделью или расширить ее. Все вместе эти работы дают множество типов теории феминизма, в том числе: «черный» феминизм, консерватизм, экспрессионизм, инструментализм, лесбийский феминизм, марксизм, поляризм, психоаналитический феминизм, радикализм, сепаратизм, социализм и синтетическое учение. В нашей типологии мы попытались учесть большую часть этих теорий, хотя и не все они описаны под такими названиями.

варианты ответов обобщены в табл. 9.1). Мы указываем и то, каким образом эти ответы связаны с «квалификационным» вопросом феминизма: «Каковы различия среди женщин?» В завершение внимание уделяется существующему и все более расширяющемуся соотношению феминизма и постмодернизма. Но, поскольку феминисты постмодернистского толка не выстраивают свои концепции, опираясь на главный вопрос «А как насчет женщин?», это направление выделено особо — на что указывает и его положение в таблице.

Таблица 9.1
Обзор различных теорий феминизма

Основные варианты теории феминизма — ответы на вопрос описательного плана: «А как насчет женщин?»	**Отличия в теориях — ответы на вопрос пояснительного плана: «Почему же положение женщин такое,какое оно есть?»**
Гендерное различие	
Место, которое занимает женщина в той или иной ситуации, и ее опыт в большинстве случаев *отличается* от положения и опыта мужчин в тех же ситуациях	Культурный феминизм Биологический феминизм Институциональные феминистские теории и теории социализации Социально-психологический феминизм
Гендерное неравенство	
Место, занимаемое женщиной в большинстве ситуаций, не только отличается от положения, свойственного мужчинам, но еще и менее привилегированно или *неравное* по сравнению с последними	Либеральный феминизм Марксистский феминизм Трактовки Маркса и Энгельса Современные марксистские трактовки
Гендерное угнетение	
Женщины по сравнению с мужчинами *притесняются* не просто иным, неравным образом — их усиленно подгоняют под мерки ограничений, шаблонов, заставляют подчиняться, мужчины оскорбляют их и пользуются ими	Психоаналитический феминизм Радикальный феминизм Социалистический феминизм
Структурное угнетение	
Переживание женщинами различий, неравенства и притеснений разнится в связи с их социальным положением в системе капитализма, патриархата и расизма	Социалистический феминизм Теория пересечений

Такой метод классификации позволяет нам схематично представить всю совокупность современной феминистской теории и обширной социологической литературы по гендерной тематике, начиная с 1960-х гг. Направляя свои усилия на исследование вопросов феминизма, социологи обычно использовали некоторые положения существующей социологической теории в качестве отправной точки для направления, названного *гендерной социологией.* Термин *гендер* часто заменяет слово «женщины», однако ебли быть точным, социология гендера — это изучение социально обусловленных мужских и женских ролей, отношений и особенностей личности (Acker, 1992). В настоящее время появляется все больше социологических исследований, посвященных вопросам маскулинности (например, Arendell, 1995; Connell, 1990.1995; Collinson & Hearn, 1996; Fine, Weis, Addelston, & Marusza, 1997; Hood, 1993; Kimmel, 1996; Messner, 1997; Pyke, 1996; Schwalbe, 1996). Рассмотрение отношений между мужчинами и женщинами неэквивалентно теории феминизма, которое представляет собой критическое описание человеческого опыта, исходящим из сосредоточенности на женщинах и их роли. Но вместе с тем некоторые ученые, работающие в рамках гендерной социологии, выпустили работы, обладающие значимостью для теории феминизма, а многие социологи прямо подключились к созданию феминистской теории.

В завершение раздела рассматриваются теории гендерного различия, гендерного неравенства, гендерного угнетения и структурного угнетения. Дается общее описание подхода, указываются основные имеющиеся в его рамках расхождения и излагаются пути реализации их рекомендаций. Однако следует особо оговорить несколько моментов. Во-первых, наследие многих теоретиков не поддается жесткой классификации. Поэтому приходится отмечать либо их преобладающую теоретическую направленность, либо указывать различия в их теоретических положениях. Во-вторых, важнейшей тенденцией в работах феминистов стало «переплетение» идей, заимствуемых из разных теорий, которые оказываются необходимыми при рассмотрении таких специфических вопросов, как корпоративная политика или природа государства. Это можно охарактеризовать термином Куна — как «нормальное построение теории». В-третьих, наш обзор носит выборочный характер. Учитывая весь объем недавно появившихся феминистских и социологических работ, посвященных положению женщин, можно сказать, что исчерпывающий обзор в масштабах данной главы невозможен.

Гендерное различие

На сегодняшний день сторонники феминизма продолжают обсуждать понятие «различие», ставшее предметом рассмотрения в пяти разных случаях. Во-первых, ученые обсуждают, подходит ли термин «различие» для описания дифференциации мужчин и женщин лучше, чем термин *«гендерныеразличия»,* чему посвящена данная глава, или к нему следует прибегать, когда имеется в виду теория, связанная с проблемой дифференциации только среди женщин. Вторым спорным вопросом является отмеченная постмодернистами вероятность того, что гендер нельзя понимать как неотъемлемое свойство человеческой личности и что он представляет собой «исполнение», продиктованное конкретным процессом взаимодействия или связанным с ним контекстом (Butler, 1990, 1993; Connell, 1992b; Flax, 1990; Frye, 1996; Nicholson, 1994; Thorne, 1993). Предмет третьей дискуссии —

участие феминистов, придерживающихся позиции гендерного различия, в политике; это спор о политике, направленной на удовлетворение специфически женских потребностей (сюда относится, например, отпуск по беременности и уходу за ребенком или исследование рака груди). Когда-то данный аспект являлся самым сильным аргументом, к которому прибегали феминисты (Gordon, 1994; Skocpol 1992), однако сейчас сторонники этого направления все более задумываются о переходе от политики, провозглашающей, что «женщина и ребенок прежде всего», к твердому убеждению, что следует выявлять несправедливость, затрагивающую всех людей, например такую, как капиталистическая организация труда или здравоохранения (Bacchi, 1990; Barrett & Phillips, 1993; Fineman, 1995; Scott, 1990; Stacey, 1994; Vogel, 1993). Четвертая дискуссия, касающаяся гендерных различий, получила наиболее массовый отклик. Она развернулась вокруг вопроса о том, какие черты — «специфически женские» или «специфически мужские» — наиболее подобающий «образец» для индивида и для социальной организации. Пятый спорный вопрос состоит в том, являются ли теории гендерного *различия в силу самого факта их существования* «эссенциалистскими». «Эссенциализм» означает, что вещь или человек обладает или не обладает определенным качеством в силу заданных условий или своей врожденной природы. Большинство теоретиков феминизма не разделяют его, поскольку они придерживаются критического императива «не теоретизировать о мире, а изменять его», тогда как указанное направление мысли отрицает возможность изменений. Обращение теоретиков феминизма к аспектам гендерного различия» привело к созданию трех ответвлений: культурного феминизма, доказывающего ценность женского способа существования, теорий объяснения, в рамках которых исследуются возможные причины гендерного различия, и феноменологических и экзистенциальных теорий, поясняющих взгляд на женщин как на «Других».

Культурный феминизм

Аргумент непреложного гендерного различия был, конечно, первоначально использован в мужском патриархальном дискурсе против женщин, с целью заявить, что женщины стоят ниже мужчин и выступают по отношению к ним подчиненными. Однако этим аргументом воспользовались феминисты «первой волны», переиначившие его суть. Они создали теорию *культурного феминизма,* превозносящую положительные аспекты того, что рассматривалось как «женский характер» или «женская личность». Такие теоретики, как Маргарет Фулер, Френсис Уиллард, Джейн Адаме и Шарлотта Перкинс Гилман были сторонниками культурного феминизма, провозглашавшего, что для управления государством обществу требуются такие женские добродетели, как готовность к сотрудничеству, заботливость, пацифизм и неприятие насилия при улаживании конфликтов (Deegan & Hill 1998; Donovan, 1985; Lengermann & Niebrugge-Brantley, 1998). Это представление существует ныне в виде утверждений, что для женщин существуют особые стандарты этических суждений (Friedman, 1993; Gilligan, 1982; Held, 1993), что женское сознание предполагает «заботливое внимание» (Fisher, 1995; Ruddick, 1980). Также подобная точка зрения выражается в убеждении о существовании различных моделей мотивации, ведущих к достижению цели (Kaufman and Richardson, 1982), а также женского стиля общения (Bate & Taylor, 1988; Crawford, 1995;

Tannen, 1990, 1993, 1994), женской открытости эмоциональным переживаниям (Beutel & Marini, 1995; Lorde, 1984; Mirowsky & Ross, 1995), женских сексуальных фантазий (Hite, 1976; Radway, 1984; Snitow, Stansell, & Thompson, 1983) и уверенности в менее агрессивном поведении женщин и большей их способности обеспечить мирное сосуществование (A. Campbell, 1993; Ruddick, 1994; Wilso & Musick, 1997). Культурный феминизм, как правило, стремится подчеркнуть высокий статус ценностей, отличающих именно женщин, но не объясняет исток таких отличий.

Теории объяснения

Согласно им, причины гендерного различия кроются в биологии, институциональных ролях, социализации и социальном взаимодействии. Социолог и феминистка Элис Росси (Rossi, 1977, 1983) связала различие биологических функций мужчин и женщин с различными моделями гормонально обусловленного индивидуального развития на протяжении всей жизни. Это развитие, в свою очередь, она увязала с вариациями половой специфики, например такими свойствами, как чувствительность к свету и звуку, различия в работе правого и левого полушарий мозга. По ее мнению, эти различия определяют дифференциацию игровых моделей у детей, на которые обратили внимание Гиллиган (Gilligan, 1982), Левер (Lever, 1978) и Бест (Best, 1983). Отсюда проистекает известная женская «боязнь математики» и тот очевидный факт, что женщины более предрасположены к воспитанию детей, нежели мужчины. Росси полагает необходимым осуществить социокультурные преобразования, дабы с помощью социального обучения компенсировать недостатки, которые биологически свойственны гендеру. Проведенное недавно последователями теории феминизма исследование в области биологии показало, что многие животные регулируют поведение, связанное с делением на мужские и женские особи, в соответствии с изменениями, происходящими в окружающей среде (Fausto-Ster-ling, Gowaty, & Zuk, 1997).

Объяснения, учитывающие характер социальных институтов, опираются на то, что гендерные различия обусловлены разными ролями, которые женщины и мужчины разыгрывают в различных ситуациях, связанных с социальными институтами. Основным фактором видится разделение труда по половому признаку, заставляющее женщин выполнять строго функции жены, матери и домохозяйки, привязывающее их к сфере домашнего хозяйства и семьи; это ведет к ряду событий в жизни женщины и тем трудностям, которые ей приходится преодолевать, причем они отличны от ситуаций, с которыми сталкиваются мужчины. Роль женщин — матерей и жен — в формировании и воспроизведении женской личности и культуры анализировали Бергеры (Berger & Berger, 1983), Дж. Бернард *(J.* Bernard, 1981, 1982), Чодороу (Chodorow, 1978), Ризман и Ферре (Risman & Ferre, 1995) и М. Джонсон (M.Johnson, 1989). Теории социализации рассматривают, каким образом люди, в особенности дети (но также и взрослые, готовящиеся к вступлению в брак или к материнству), учатся исполнять эти жизненные роли в соответствии с гендерным сценарием (Best, 1983; Brown & Gilligan, 1992; Gilligan, 1982; Lever, 1978; Martin, 1998; Sidel, 1990). В некоторых работах (например, Kirk, 1997) утверждается, что опыт социализации и институциональная роль женщин способствуют Возникновению характерных форм политической деятельности, например участию

в движениях по охране окружающей среды. Однако некоторые социологи считают, что теория социализации и ролевая теория придерживаются слишком статичной и детерминистски жесткой модели. Эти социологи пристально изучают человеческую деятельность, направленную на гендерное воспроизведение в непрерывной практике взаимодействия, обусловленного контекстом, когда устанавливаются, реализуются, проверяются и даже изменяются культурные стереотипы гендера. Эти теоретики видят людей как «исполняющих» гендерные предписания в повседневном процессе взаимодействия, а не как гендерно определенных личностей (Connell, Ashenden, Kessler, & Dowselt, 1982; Eder, Evans, & Parker, 1995; Passaro, 1996; Thome, 1993; West & Fenstermaker, 1995; West & Zimmerman, 1987).

Экзистенциальный и феноменологический анализ

Представители феминистской мысли, избравшие экзистенциальный и феноменологический анализ, выдвинули одну из самых устойчивых в теории феминизма тем: оттеснение женщин созданной мужчинами культурой как «Других». В классическом виде эта тема сформулирована в книге Симоны де Бовуар *«Второй пол»* (Simone de Beauvoir, 1949/1957). Среди иных работ такого плана отметим труды Бартски (Bartsky, 1992), Дели (Daly, 1978), Гриффин (Griffin, 1978,1981), Д. Смит (D.Smith, 1987) и Такс (Tax, 1970). Согласно выдвигаемым объяснениям, мир, в котором обитает человек, развился из культуры, созданной мужчинами. В рамках такой культуры полагается в качестве субъекта (т. е. в качестве сознания), рассматривающего и определяющего мир, мужчина. Эта культура вытесняет события женской жизни и способы их самоосознания на периферию концептуального построения. В своем наиболее пугающем проявлении она создает представление о женщине как о «Другом», как о предметном бытии, которому приписываются качества, противоположные свойствам мужчины-субъекта. (Для Бовуар, вслед за Гегелем, Хайдеггером и Сартром, ясно, что представление о «Другом является фундаментальной категорией человеческого мышления» [Simone de Beauvoir, 1949/1957, p. xiv], что бинарная оппозиция — один из способов, посредством которых организуется культура, и что индивидуальный опыт других людей — это потенциальная угроза суверенности сознания субъекта, ограничение его способности к непрерывной самореализации.) Отличие женщин от мужчин, в частности, обусловлено культурной конструкцией, предусматривающей недопущение женщин, в том числе оттеснение, происходящее от усвоения ими собственной «Инаковости». Следовательно, возникает целый ряд очень важных вопросов, среди которых: смогут ли женщины самостоятельно преодолеть статус предмета/«Другого»; должны ли они, освобождаясь, становиться похожими на мужчин или могут приобрести особую индивидуальность. Доминирующим оказалось представление (которое развивали в радикальном плане французские психоаналитики феминистского направления — Элен Сиксу [Cixous, 1976, 1994] и Люс Иригарай [Irigaray, 1985a, b]) о том, что женщины создадут сознание и культуру, которые будут исключительно женскими.

Стремясь к изменениям, ученые, разделяющие теорию гендерного различия, требуют, чтобы способы существования женщин были признаны жизнеспособной альтернативой мужским образцам, чтобы общественное знание, академические учения и организация социальной жизни были пересмотрены с целью реального

учета женских способов бытия. В своем самом активном феминистском вариан-те культурном феминизме — этот теоретический подход заново формулирует старейшее феминистское заявление: когда в общественной жизни закрепится значительное число женских образцов, мир станет более безопасным, более справедливым для всех.

Гендерное неравенство

феминистский теоретический подход в части гендерного неравенства характеризуется четырьмя аспектами. Во-первых, мужчины и женщины занимают в обществе не только различные, но и неравные положения. Конкретнее, женщины получают меньше материальных ресурсов, имеют более низкий социальный статус, меньше власти и возможностей для самореализации, чем мужчины того же социального положения — будь оно основано на классовом, расовом, профессиональном, этническом, религиозном, образовательном, национальном или любом другом социально значимом факторе. Во-вторых, такое неравенство возникает вследствие самой организации общества, а не каких-то существенных биологических или личностных различий между женщинами и мужчинами. В-третьих, хотя люди отличаются друг от друга по своим возможностям и характерным чертам, нет никаких естественных различий, разделяющих мужской и женский пол. Напротив, всем людям свойственна потребность свободы в самореализации и гибкость, помогающая им адаптироваться к условиям или границам ситуаций, в которых они оказываются. Сказать, что существует гендерное неравенство — значит заявить, что женщины по своему положению имеют меньше возможностей, чем мужчины, осуществить такую же потребность в самореализации. В-четвертых, все теории неравенства исходят из того, что и мужчины, и женщины прореагируют на более уравнительные социальные структуры и ситуации безболезненно и достаточно органично. Иными словами, утверждается, что изменить ситуацию возможно. В этом теоретики гендерного неравенства не согласны с последователями теории гендерного различия, которые воспринимают социальную жизнь так, что гендерные различия, какова бы ни была их причина, более устойчивы, более глубоко проникают в личность и не столь легко изменяются.

Либеральный феминизм

Теория гендерного неравенства наиболее ярко воплотилась в форме либерального феминизма, сторонники которого полагают, что женщины могут претендовать на равенство с мужчинами, поскольку человеку присуща способность сознательной духовной деятельности, а также потому, что гендерное неравенство — результат патриархальной и дискриминационной модели разделения труда. Достичь же гендерного равенства, по их мнению, можно благодаря изменениям в разделении труда, реализуемым путем преобразования ключевых институтов — закона, работы, семьи, образования и средств масс-медиа (Bern, 1993; Epstein, 1988; Friedan, 1963; Lorber, 1994; Rhode, 1997).

Исторически первым элементом либерального феминизма является требование гендерного равенства. Ключевой документ, позволяющий понять это требование, — «Декларация чувств», которую выпустил первый Съезд борьбы за права

женщин, состоявшийся в городе Сенека-Фоллс (штат Нью-Йорк) в 1848 г. Перефразируя Декларацию независимости, подписавшие заявили: «Мы считаем самоочевидными истинами: что все мужчины и женщины [«и женщины» добавлено] созданы равными; что создатель наделил их определенными неотчуждаемыми правами; что среди этих прав — жизнь, свобода и стремление к счастью; что, с целью защитить эти права, учреждаются правительства [«среди мужчин» опущено], которые получают право власти с согласия управляемых». Далее они продолжают в том же ключе, подтверждая право на революцию, когда «любая форма правления становится губительной для достижения этих целей». Избрав такую идеологию, женское движение определило свои притязания на усвоение интеллектуальных дискурсов, касающихся достижений Просвещения, Американской и Французской революций и движения аболиционистов. Движения этих эпох выдвигали требования, чтобы права для всех людей были едины и основаны на естественном законе и человеческой способности к разумной и духовной деятельности. Было заявлено, что законы, которые отказывают женщинам в праве на счастье, «противоречат великому предписанию природы и... неправомерны». Прозвучал призыв изменить законы и обычаи, чтобы позволить женщинам занять равное с мужчинами место в обществе. Отрицание этих прав правительствами, *учрежденными мужчинами,* нарушает естественный закон и является тиранническим насаждением патриархальной идеологии, усиливая дискриминацию по половому признаку. Суть этого фундаментального документа заключается в том, что он оценивает женщину вне контекста дома и семьи, воспринимая ее как независимого индивида, имеющего неотчуждаемые права (DuBois, 1973/1995).

Либеральный феминизм зиждется на следующих убеждениях: 1) все люди обладают определенными неотъемлемыми свойствами — способностью к разумной, духовной деятельности и самореализации; 2) осуществление этих способностей может охраняться благодаря законодательному признанию всеобщих прав; 3) приписываемое половой принадлежности неравенство между мужчинами и женщинами на самом деле — социальная конструкция, не укорененная в «природе»; 4) социальные изменения, направленные на установление равенства, могут осуществиться благодаря организованному призыву к интеллектуальной части общественности и с использованием возможностей государства. Современный феминистский дискурс расширил эти аргументы, введя понятие *«гендер»* как способа понимания всех социально сконструированных особенностей, выстроенных в связи с идеей половой идентичности и взятых на вооружение, чтобы породить неравенство людей, разделив их на мужчин и женщин (например, Lorber, 1994; Ferree, Lorber, & Hess, 1999). Свою роль в развитии феминистского дискурса сыграл и глобальный феминизм, борющийся с расизмом в Северной Америке и повсюду отстаивающий «человеческие права женщин». Фундаментальными заявлениями, отражающими данный дискурс, стали такие документы, как Заявление о намерениях национальной организации за права женщин и Пекинская декларация. Эти заявления опираются на теорию о равноправии людей, которое власть — местного уровня, общенациональная, интернациональная — должна уважать. Эти аргументы заново были упомянуты в дебатах с политиками правого толка о свободе воспроизводства (Bordo, 1993; Pollitt, 1990; Solinger, 1998), в дебатах с постмодернистами о

возможности и полезности формулирования правовых принципов (Green, 1995; Phillips, 1993: Williams, 1991), а также вошли в систему феминистских рассуждений о гендерном характере либеральной демократической теории и практики (Напеу, 1996; Hirschmann & Di Stefano, 1996; Pateman, 1989; Phillips, 1993).

Сторонники либерального феминизма, объясняя гендерное неравенство, исследуют роль четырех факторов: социального конструирования гендера, гендерного разделения труда, доктрины и практики публичной и частной сферы, патриархальной идеологии. Разделение труда по признаку пола в современных обществах ведет к подразделению области производства как в плане гендерном, так и в плане выделения сфер, называемых «публичной» и «частной». Обязанности, отводимые женщинам, связаны, прежде всего, с последней, тогда как мужчинам предоставляется привилегированный доступ к публичной сфере (последователи либерального феминизма рассматривают ее как средоточие настоящих вознаграждений, получаемых в социальной жизни, — денег, власти, заметного статуса, свободы, возможностей роста и высокой самооценки). Доступ женщин в общественную сферу, несомненно, является завоеванием женского движения, а также либерального феминизма и феминистской социологии, равно как и тот факт, что женщины предъявляют мужчинам определенные требования, касающиеся помощи в работе, ограниченной рамками приватной сферы. В жизни женщин взаимосвязь двух указанных сфер играет особую роль (в большей степени, чем в жизни мужчин), но обе эти сферы по-прежнему формируются на основе патриархальной идеологии и дискриминации по половому признаку, распространенной даже в современных средствах массовой информации (Davis, 1997). С одной стороны, женщины находят свое место в общественных областях деятельности — образовании, работе, политике — и в публичном пространстве, где еще вполне реальны дискриминация, отторжение и сексуальное домогательство (Benokraitis, 1997; Gardner, 1995; Hagan & Kay, 1995; Reskin & Padovic, 1994; Ridgeway, 1997). С другой стороны, возвращаясь домой с работы, за которую они получают деньги, женщины оказываются в своем приватном пространстве и ощущают там себя в «тисках времени»; это их «вторая смена» — забота о доме и детях, внушенная идеологией активного материнства (Hays, 1996; Hochschild, 1989,1997). Это приводит к появлению сложного переплетения различных стрессов, понять специфику наложения которых друг на друга и пытается современная теория феминизма. Требования, которые диктуются рамками частной сферы, мешают проявиться конкурентоспособности женщин в карьерной и профессиональной области (Waldfogel, 1997). Патриарх выдвигает жесткие условия, диктующие в общественной сфере приоритет полной отдачи, что усиливает стресс, вызываемый домашними обязанностями, сокращает ресурсы как времени, так и энергии. Это, в свою очередь, еще более ужесточает предъявляемые к женщинам требования по ведению домашнего хозяйства (Hochschild, 1997). Идеологическая привязка женщин к деятельности, свойственной частному порядку, — заботе, эмоциональной поддержке, сохранению привычного режима и устоя — обусловливает то, что от них и в общественных рамках ожидается выполнение Дополнительной и неэквивалентно оплачиваемой работы, в которой эти «женские» навыки овеществлены и предложены на рынке труда (Adkins, 1995; Pierce, 1995). Патриархальная модель профессиональной деятельности и ведения домаш-

него хозяйства оставляет мать-одиночку, женщину, пытающуюся поддерживать дом и детей, без помощи мужчины — добытчика заработка, оставляет ее в ситуации, когда огромен экономический риск. Это становится одним из факторов возрастающей «феминизации бедности»: женщина, как правило, зарабатывает меньше мужчины; положение матери-одиночки, поскольку у нее имеются жесткие домашние обязанности, становится шатким; и при этом становится меньше возможностей изменить что-либо в этой сфере (Edin & Lein, 1997; Harris, 1996).

Один из вопросов, рассматриваемых сторонниками либерального феминизма при анализе гендерного неравенства, — это проблема равенства в браке. Данная тема в классической формулировке приводится Джесси Бернард в ее исследовании под названием «Будущее брака» (Bernard, 1972/1982). Она рассматривает брак как одновременно и культурную систему взглядов и идеалов, и институциональную расстановку ролей и норм, а также как сложное взаимодействие конкретных женщин и мужчин. В культуре брак идеализируется: он представляется судьбой и источником самореализации для женщин; смешением освященной традицией домовитости, ответственности и ограничения для мужчин; а для американского общества в целом — эгалитарной связью мужа и жены. Как институт брак закрепляет за ролью мужа авторитет и свободу, а по сути дела обязанность преодолевать рамки домашнего порядка. К этому добавляется идея о мужском превосходстве в сексуальном отношении и о мужской силе. Соответственно, женам предписывается быть уступчивыми, покорными, готовыми к самоотдаче и сконцентрированными исключительно на делах и нуждах определенного домашнего хозяйства. Таким образом, на самом деле в институте брака имеются два типа. Во-первых, это мужской брак, в котором муж придерживается мнения, что на него возложили тяжелое бремя и ряд ограничений и в то же время пользуется властью, независимостью и правом на домашнее, эмоциональное и сексуальное обслуживание со стороны жены, что продиктовано установленными нормами. Во-вторых, это женский брак, в котором жена подтверждает присутствующий в культуре тезис о самореализации, в то время как реально ее положение характеризуется безвластием и зависимостью, обязанностью предоставлять домашние, эмоциональные и сексуальные услуги, какие ей предписывается реализовывать, а потому «сходит на нет» та независимость, которой она обладала до замужества. Результаты такого положения дел проявляются в стрессе. У *замужних* женщин, что бы они ни говорили о самореализации, и *неженатых* мужчин, что бы те ни говорили о своей свободе, обнаруживается высокий уровень стресса по всем позициям, включая учащенный сердечный ритм, головокружение, головные боли, обмороки, ночные кошмары, бессонницу и боязнь нервного срыва. Что касается *незамужних* женщин, независимо от того, ощущают ли они социальный позор, и *женатых* мужчин, то эти категории демонстрируют низкие показатели стресса по всем позициям. Таким образом, брак хорош для мужчин и плох для женщин и перестанет быть столь неравным по своему воздействию только тогда, когда пары почувствуют себя достаточно свободными от преобладающих ограничений, накладываемых социальными институтами, и выберут такой вид брака, который лучше всего подходит их индивидуальным потребностям и свойствам личности. Недавно было выдвинуто мнение, что, хотя анализ Бернард справедлив для большинства браков (Steil, 1997), некоторые пары целенаправленным усилием достигают либерально-феминистского идеала эгалитарного брака (Schwartz, 1994).

Джесси Бернард: биографический очерк

Жизнь и исследовательская деятельность Джесси Бернард характеризуют необычайный рост и развитие. Она постоянно открывала новые интеллектуальные области. Процесс ее развития был описан самой Бернард в книге «Четыре моих революции: автобиографический отчет Американской социологической ассоциации» (1973). Знакомясь с этими революциями, можно проследить всю историю участия женщин в становлении американской социологии XX в. и движения мыслящей женщины к феминизму.

Родилась Джесси Рэвич 8 июня 1903 г. в Миннеаполисе. Свой первый прорыв она сделала, когда покинула свою семью еврейских иммигрантов и в возрасте 17 лет поступила в университет Миннесоты. Там она училась у Сорокина, основавшего социологическое отделение в Гарварде, и у Л. Л. Бернарда, принимавшего участие в появлении «Американского социологического обозрения». В 1925 г. она вышла за Бернарда замуж. У него она почерпнула знания из области позитивистской социологии, что в дальнейшем сказалось в ее умении подключать подходы качественного плана к исследованиям количественного и критического характера. Степень доктора философии она получила в Вашингтонском университете (Сент-Луис) в 1935 г.

К середине 1940-х гг. Бернарды оказались в Пенсильванском государственном университете, и Джесси попала в центр развивающегося позитивизма. Холокост разрушил ее веру в то, что наука обладает необходимым знанием и способна создать справедливый мир. Тогда она стала придерживаться той точки зрения, что смысл знания скорее связан с контекстом, нежели носит объективный характер. У нее появилась своя репутацию в академических кругах. Муж Джесси умер в 1951 г., но она осталась в Пенсильвании примерно до 1960 г., занимаясь преподаванием, написанием научных трудов и воспитанием троих детей. В 1960-е гг. она переехала в Вашингтон (округ Колумбия), чтобы полностью посвятить себя написанию научных трудов и исследованиям.

Наибольший прорыв в деятельности Бернард пришелся на последнюю треть ее жизни — с 1964 г. до ее смерти в 1996-м. Этот период значителен как с точки зрения выдающихся научных достижений, каких добилась Бернард, так и с точки зрения его показательности для женских моделей карьеры. В это время Бернард стала ведущим толкователем гендерной социологии, выпустила 12 книг и бесчисленное множество статей. Она отклонила предложение возглавить Американскую социологическую ассоциацию, дабы посвятить себя исключительно исследованиям, написанию научных работ и участию в женском движении. В свете «второй волны» феминизма она переосмыслила многие из своих работ на тему семьи и ген-дера. В числе ее основных сочинений: «Брак и семья у негров» (1956), «Женщины-ученые» (1964), «Сексуальная игра: общение полов» (1968), «Женщины и общественный интерес: эссе о политике и протесте» (1971), «Будущее брака» (1972), «Будущее материнства» (1974), «Женщины, жены, матери: ценности и возможности» (1975), «Женский мир» (1981) и «Женский мир с глобальной точки зрения» (1987).

Эти работы характеризуют четыре особенности: привлечение данных макроуровня для анализа микровзаимодействий; понимание взаимосвязи индивидуальной деятельности и социальных структур; интерес к зависимости знания от контекста и признание необходимости изучать маргинальные группы сами по себе, а не в сравнении с каким-либо господствующим, патриархально установленным образцом; перемена позитивистского подхода к изучению жизни женщин на критический феминистский анализ.

За свою жизнь Бернард получила множество наград, самой высокой из которых, возможно, было то, что несколько наград было названо в ее честь. Они, утверждает Липман-Блумен, введены, чтобы отметить «тех, кто, как и Джесси Бернард, интеллектуально, профессионально и человечески посвятил себя миру науки и феминизма» (Lipman-Blumen, 1979, p. 55).

Источники: Bannister (1991), Bernard (1973), Howe & Cantor (1994), Lipman-Blumen (1979).

Программа перемен, провозглашенная сторонниками либерального феминизма, адекватна анализу обоснованности требований равенства и определению причин неравенства: они стремятся нейтрализовать категорию гендера как органи-

зующего принципа при распределении социальных «товаров» и задействовать универсальные принципы в поисках равенства. Они хотят добиться перемен посредством закона — законодательства, судебной практики и регулирования права— и взывают к разумным нравственным суждениям человека, к общественности, дабы та восприняла призывы к справедливости. Эти теоретики выступают за равные образовательные и экономические возможности, равную ответственность в сфере семейной жизни, исключение дискриминационных высказываний в семейной и образовательной сферах, а также в средствах массовой информации; за борьбу с дискриминацией по половому признаку в обыденной жизни. Либеральные феминисты демонстрируют замечательную изобретательность в переосмыслении стратегий, которые должны привести к установлению равенства. Пользуясь расширяющимися экономическими возможностями, они предложили законодательные изменения, чтобы гарантировать равенство в сфере образования и предотвратить дискриминацию на рабочем месте. Они отслеживали все контролирующие действия, которые были направлены на проведение этой законодательной инициативы в жизнь. По их почину сексуальные домогательства на рабочем месте получили узаконенное определение «дискриминации на работе». Они потребовали «равенства в оплате» (равной оплаты за одинаковую работу), а также «сопоставимой оценки» (равной оплаты за работу сопоставимой значимости) (Acker, 1989; England, 1992; Kessler-Harris, 1990; Reskin, 1988; Rosenberg, 1992).

Для либеральных феминистов, идеальное гендерное устройство — это когда каждый индивид, действуя как свободный и отвечающий за свои действия нравственный субъект, избирает тот стиль жизни, который наиболее для него подходит, и этот выбор принимают и уважают, будь это выбор домашней хозяйки или «домашнего хозяина», неженатого карьериста или одного из члена семьи, в которой работают супруга, бездетного или имеющего детей, гетеросексуала или гомосексуалиста. Последователи либерального феминизма полагают, что такое устройство позволяет увеличить свободу и добиться равенства — основных идеалов американской культуры. Таким образом, они вполне адекватны преобладающему в Америке этосу, который отличается фундаментальным приятием демократии и капитализма, реформистской ориентацией и для которого актуален призыв к ценностям индивидуализма, выбора, ответственности и равенства возможностей.

Гендерное угнетение

Теоретики гендерного угнетения считают положение женщин следствием непосредственных властных отношений, складывающихся между мужчинами и женщинами, в которых фундаментальный интерес мужчин состоит в контроле, использовании, подчинении и угнетении женщин — т. е. в практике *господства.* Под последним приверженцы данной теории понимают любые отношения, когда одной, *господствующей,* стороне (индивиду или коллективу) удается сделать другую сторону (индивида или коллектив) *подчиненной,* орудием своей воли, и при этом первая сторона отказывается признать субъективную независимость второй. Или, наоборот, если смотреть с точки зрения подчиненного, в таком отношении его роль сводится исключительно к тому, чтобы быть орудием воли господина (Lenger-mann & Niebrugge, 1995). Таким образом, теоретиками гендерного угнетения положение женщин рассматривается как ситуация использования, контроля, подчи-

нения и угнетения со стороны мужчин. Этим пронизана организация общества, в этом состоит структура господства, обычно именуемая *патриархатом.* Последний не является непроизвольным побочным результатом, вызванным влиянием ряда факторов — будь то биология, социализация, половые роли или классовая система. Он представляет собой основную структуру власти, поддерживаемую умышленно, намеренно. С точки зрения сторонников рассматриваемой теории, гендерные различия и гендерное неравенство — следствия патриархата.

Тогда как большинство ранних теоретиков феминизма фокусировались на вопросах гендерного неравенства, одной из отличительных черт современной теории становится широкий и мощный интерес к аспектам угнетения (Jaggar, 1983). Большинство современных феминистов в той или иной степени разделяют теорию угнетения, и многие из наиболее плодотворных и новаторских разработок в области феминизма принадлежат именно этой группе теоретиков. Мы обратимся к двум основным вариантам теории гендерного угнетения: психоаналитическому и радикальному феминизму.

Психоаналитический феминизм

Нынешние сторонники психоаналитического феминизма объясняют патриархат, переформулируя теории Фрейда и его последователей (al-Hibri, 1981; Benjamin, 1985,1988; Chodorow, 1978,1990, 1994; Dinnerstein, 1976; Kittay, 1984)[1]. Эти теории указывают и выделяют эмоциональную динамику личности, когда эмоции скрыты глубоко в подсознательном или бессознательном слое психики. Кроме того, упор сделан на роли, какую играют в формировании таких эмоций младенческие и детские годы. Обращаясь к теории Фрейда, феминисты однако фундаментальным образом перерабатывают выводы этого ученого, чтобы одновременно не отступать от тех направлений, что вытекают из представлений Фрейда, и не принимать тех из его выводов, которые имеют специфически гендерную окраску и носят дискриминационный и патриархальный характер.

Представители рассматриваемого направления придерживаются особой модели патриархата. Как и все сторонники теории угнетения, он осознается ими как система подчинения мужчинами женщин, как охватывающая всю социальную организацию универсальная система, устойчиво существующая во времени и в пространстве и выдерживающая изредка возникающие трудности. Вместе с тем главной отличительной чертой психоаналитического феминизма остается представление, что все мужчины в своей повседневной практике постоянно и настойчиво утверждают и сохраняют эту систему патриархата. Женщины лишь изредка оказывают сопротивление, но чаще всего они идут на уступки или делают все, чтобы оказаться в подчинении. Загадка, которую стараются решить феминисты психоаналитического толка, такова: почему мужчины без устали расходуют массу энергии на поддержание системы патриархата и почему женщины не оказывают этому противодействия?

[1] Существует французский психоаналитический феминизм, базирующийся на феминистской трактовке пересмотренных Жаком Лаканом произведений Фрейда; см.: Cixous, 1976, 1994; Irigaray, 1985a, 1985b; Kurzweil, 1995.

Теоретикам такого плана не кажется убедительным аргумент, предполагающий, что для поддержания мощи патриархата мужчинам достаточно осознать свою практическую выгоду. Мобилизация когнитивных ресурсов, на их взгляд недостаточна, чтобы столь интенсивно проявилась энергия, приложимая мужчинами для поддержания патриархата. По мнению этих исследователей, такого не может быть, поскольку человек испытывает сомнения и вообще «крепок задним умом», мужчины далеко не всегда уверены, что патриархат представляет для них безоговорочную ценность. Кроме того, если исходить из аргумента, основанного на том, что человек преследует свои собственные интересы, то следует признать: женщины должны восстать против патриархата с особой энергией. Сторонники рассматриваемой теории прибегают к другому способу аргументации, они рассматривают те аспекты психики, которые описали фрейдисты: зону человеческих эмоций, полуосознанных или неосознанных желаний и страхов, а также невроза и патологии. В этом им видится источник как необычайно сильной энергии, так и слабости (причем клинически устанавливаемый), который связан со столь глубокими психическими структурами, осознать или отследить которые сознание индивида не способно. Стремясь выяснить, откуда же проистекает энергетическая сила патриархата, приверженцы психоаналитического феминизма дали два возможных объяснения, почему же существует господство мужчин над женщинами: это страх смерти, а также социальное и эмоциональное окружение, в котором формируется личность ребенка.

Страх смерти рассматривается в психоаналитической теории как один из тех экзистенциальных вопросов, с которым сталкивается каждый индивид и который заставляет всякого человека испытывать ужас. Теоретики феминизма, разрабатывающие данную тему, утверждают, что женщины, как правило, значительно меньше мужчин подавлены страхом собственной смерти, поскольку они продолжительное время заняты воспитанием детей (al-Hibri, 1981; Dinnerstein, 1976). Мужчины реагируют на перспективу прекращения жизни иначе: они испытывают ужас и предпринимают серию защитных мер, которые и приводят к господству над женщинами. Они стремятся создать что-то, способное надолго их пережить — предметы искусства и архитектуры, огромные состояния и оружие, науку и религию. Все это становится средством, с помощью которого мужчины обретают господство над женщинами (и друг над другом). Они также стремятся (завидуя репродуктивной способности женщин и страстно желая достичь бессмертия благодаря потомству) к тому, чтобы контролировать даже репродуктивный процесс. Мужчины хотят обладать женщинами, распоряжаться их телами и благодаря нормам законности и отцовства стремятся контролировать детей. Наконец, под влиянием страха они избегают напоминаний о своих бренных телах, желая отдалить себя от рождения, природы, сексуальности, человеческого тела, природных функций, а также от женщин, чья связь со многими из этих явлений делает их символом последних. Все эти аспекты существования им надобно отринуть, подчинить и контролировать, поскольку мужчины всегда настроены на то, чтобы удалиться от смертности, отринуть и не признавать ее. Женщины, которые символизируют эти запрещенные темы, тоже должны тогда рассматриваться как «Другое», как то, чего боятся, избегают, что стремятся взять под контроль.

Вторая тема, поднимаемая сторонниками психоаналитического феминизма, связана с двумя аспектами развития человека в раннем детском возрасте. Это 1) предположение, что человеческое существо вырастает во взрослого человека, научившись жить с учетом неразрешимого противоречия между желанием свободы действия — *индивидуализации* — и желанием получить одобрение со стороны других — *признания;* и 2) тот факт, что во всех обществах самые близкие, неразрывные, тесные отношения младенцы и дети на ранней и важнейшей стадии своего развития имеют с женщинами — матерью или той, кто ее заменяет (Benjamin, 1985,1988; Chodorow, 1978,1990,1994; Dinnerstein, 1976; Doane & Hodges, 1992). В младенческом и раннем детском возрасте, не обладая даже знанием языка — средством познания, — люди переживают первые фазы своего развития как вихрь примитивных эмоций: страха, любви, ненависти, удовольствия, гнева, неудачи, желания. Эмоциональные последствия раннего опыта навсегда остаются для человека влиятельными, но чаще всего это бессознательные, «чувственные воспоминания». Важнейшую роль в этом играет совокупность амбивалентных чувств, испытываемых к женщине/матери/няне: потребность в ней, зависимость от нее, любовь, обладание, но также страх и гнев, вызываемый тем, что она может перечить чужой воле. Отношение детей к отцу/мужчине — случайно, вторично и в плане эмоциональном однородно. Следовательно, ребенок мужского пола, вырастая в культуре, где позитивно оценивается мужественность и принижается женственность, и осознавая свою мужскую идентичность, стремится как можно скорее отделиться от женщины/матери. Такое отчуждение, инициированное культурой, деструктивно по своим последствиям. У взрослого человека эмоциональный остаток детского отношения к женщине — потребность в ней, любовь, ненависть, обладание ею — вызывает требовательность мужчины к женщине, удовлетворяющей его эмоциональные потребности и при этом зависимой и контролируемой им. Мужчина хочет доминировать, а взаимное признание со своей стороны для него затруднительно. Дитя женского пола, испытывающее те же чувства по отношению к женщине/матери, обнаруживает свою женскую идентичность в культуре, обесценивающую роль женщин. Девочка вырастает со смешанными позитивными и негативными эмоциями, связанными как со своей личностью, так и вообще с женщиной/матерью. Эта амбивалентность ведет к тому, что исчезает вероятность сопротивления социальному угнетению. Взрослая женщина стремится усилить свою способность Добиться признания: у мужчин при помощи сексуальной привлекательности, соглашаясь с подчиненной ролью; у женщин, поддерживая родственные и дружеские отношения. Становясь матерью, она восстанавливает отношения, которые знакомы ей с раннего детства — ребенок/женщина.

Последователи психоаналитического феминизма расширяют свой подход, обращаясь к анализу не только индивида, но и западной культуры в целом. В науке Запада основной упор делается на четком отделении «мужчины» от «природы», понимании первого как ее «властителя» и на «научном методе», базирующемся на этих отношениях и показывающем «объективную» истину. Такой подход получил новую трактовку как проекция сверхличного мужского Эго с его устремленностью к доминированию и опасением взаимного признания (Jaggar & Bordo, 1989; Keller, 1985). Мотивы, характерные для поп-культуры, - например, изоб-

ражение на сюжетном и образном уровне мужчины как господина женщины — интерпретируются теоретиками психоанализа как показатель дисбаланса между жаждой индивидуализации и потребностью в признании (Benjamin, 1985,1988; Brennan, 1994; Chancer, 1992). Если это равновесие нарушается (будь то рамки культуры или собственно индивид) и степень такого распада велика, возникают две патологии: появляется господин, «признающий» другого только как объект контроля, и подчиненный, отказывающийся от независимости, чтобы стать зеркальным отражением своего господина.

Таким образом, сторонники психоаналитического феминизма объясняют угнетение женщин, рассматривая эмоциональную потребность мужчин в контроле над ними — т. е. то побуждение, что порождено мужскими неврозами, обусловленными страхом смерти и амбивалентным отношением к матерям. У женщин такие неврозы либо отсутствуют, либо они подвержены комплементарным неврозам, но, как бы то ни было, у женщин нет эквивалентного источника энергии, чтобы сопротивляться доминированию мужчин. Клинические исследования в области психиатрии подтверждают, что такие неврозы широко распространены в западных обществах. Вместе с тем следует особо сказать, что рассматриваемые в данном разделе теории, переходя от общечеловеческих эмоций прямо к вопросу всеобщего угнетения женщин, не изучают промежуточные социальные установления, связывающие эмоции и угнетение, а потому не могут указать возможные изменения в эмоциях, социальных установках или ситуациях подавления. Некоторые ученые задумались над этническим, классовым и национальным характером основных положений данных теорий и пришли к выводу, что они выведены на основе исследования исключительно семей, которые образуют белые люди, принадлежащие к высшему слою среднего класса, из стран Северной Атлантики (Segura & Pierce, 1993; Spelman, 1988; Zhang, 1993). Вообще, теория психоаналитического феминизма предлагает крайне мало стратегий изменения, за исключением, пожалуй, преобразования практики деторождения и массовой культурно-психологической трансформации отношения к смерти. Таким образом, эти теории выявляют корни гендерного угнетения, но при этом нуждаются в основательной разработке проблем социологических факторов, а также стратегий изменения.

Радикальный феминизм

Радикальный феминизм базируется на двух эмоциональных утверждениях: 1) женщины обладают абсолютной позитивной ценностью сами по себе — это утверждение выдвигается в качестве противопоставления обесцениванию роли женщин; 2) женщин подавляет — и жестоким образом — система патриархата (T. Atkinson, 1974; Bunch, 1987; Chesler, 1994; Daly, 1993; C. Douglas, 1990; Dworkin, 1976,1987, 1989; Echols, 1989; French, 1992; Frye, 1983; Griffin, 1978; Jeffreys, 1991; Millett, 1970; Rich, 1976,1980,1993; Richardson, 1996). Радикальные феминисты, которым свойственна эта взрывоопасная смесь любви и гнева, напоминают некоторые воинственные племенные и этнические группы; афроамериканцев, провозглашающих, что «черное прекрасно», или евреев, переживших Холокост, с их подробнейшим образом записанными «свидетельствами». Опираясь на главные свои идеологические позиции, радикальные феминисты разработали теорию социальной организации, гендерного угнетения и стратегий изменения.

Они распознают системы угнетения, в которых одни люди доминируют над другими, в любом социальном институте и даже в базовых структурах общества — гетеросексуальности, классах, кастах, расах, этнической принадлежности, возрасте и ' гендере. Из всех этих систем господства и подчинения гендер, система патриарха-та _ наиболее фундаментальная структура подавления. Патриархальная система не только исторически первая структура господства и подчинения, но продолжает св ое существование как наиболее распространенная и устойчивая система неравенства, базовая общественная модель доминирования (Lerner, 1986). Благодаря ей мужчины учатся презирать других людей, не считая их таковыми, и повсеместно контролировать их. В рамках патриархата мужчины опознают, а женщины узнают на своем опыте, что собой представляет подчинение. Эта система порождает целый набор состояний — виновность и подавление, садизм и мазохизм, манипуляцию и обман, что побуждает мужчин и женщин к проявлению других форм деспотизма. С точки зрения радикального феминизма система патриархата понимается как структура социального неравенства, которой уделяется наименьшее внимание, но которая, тем не менее, имеет наибольшее значение.

Анализ, проводимый сторонниками радикального феминизма, направлен на понимание патриархальной структуры как аппарата насилия, привлекаемого мужчинами и социальными организациями, где доминируют те же мужчины, в отношении женщин. Насилие не всегда принимает форму откровенной физической жестокости. Оно присутствует как более сложные проявления эксплуатации и контроля: как стандарты моды и красоты; деспотические идеалы материнства, моногамии, целомудрия и гетеросексуальности; как сексуальные домогательства на работе; как правила, диктуемые гинекологией, акушерством и психотерапией; как бесплатный тяжелый труд по дому и низкооплачиваемая работа (MacKinnon, 1979,1989; Rich, 1976,1980; Thompson, 1994; Wolf, 1991). Насилие присутствует в том случае, когда одна группа, преследуя свои собственные интересы, контролирует жизненные возможности, окружение, действия и систему восприятия другой группы, как это и происходит в отношении мужчин к женщинам.

Кроме того, радикальные феминисты напрямую связывают систему патриархата с физическим насилием: изнасилованием, сексуальным оскорблением, вынужденной проституцией, оскорблением жен, кровосмешением, сексуальным совращением детей, удалением матки и другими радикальными хирургическими действиями, садизмом в порнографии, историческими и культурными обычаями сжигать ведьм, избиением женщин за супружескую неверность камнями до смерти, преследованием лесбиянок, убийством младенцев женского пола, перевязыванием в Китае девочкам ног с целью воспрепятствовать их дальнейшему росту, оскорблением вдов и практикой удаления клитора (Barnett & LaViolette, 1993; Barry, 1979,1997; Bart & Moran, 1993; Bergen, 1996; Buchwald, Fletcher, & Roth, 1993; MacKinnon, 1993; Owen, 1996; Russell, 1998; Sanday, 1996; Scully, 1990; Stiglmayer, 1994).

Патриархат — универсальная социальная форма потому, что мужчины для Установления контроля всегда могут задействовать свой основной ресурс власти — физическую силу. Также привлекаются и другие ресурсы — экономические, идеологические, законодательные и эмоциональные. Однако превалирует физическое насилие, используемое как в межличностных, так и в межгрупповых отно-

шениях для защиты патриархальной системы от индивидуального и коллективного сопротивления женщин (Caputi, 1989; Faludi, 1991).

Мужчины воссоздают и поддерживают патриархальную систему не только потому, что располагают необходимыми для этого ресурсами, но и из-за своей заинтересованности в том, чтобы женщина была всего лишь покорным орудием. Женщины служат удовлетворению сексуального желания мужчин. Их тело незаменимо для деторождения, а дети удовлетворяют как практические, так и, согласно психоаналитикам, невротические потребности мужчин. Женщины — полезная рабочая сила. Они оказываются иллюстрацией статуса и власти мужчин. Сопровождая по жизни детей и взрослых мужчин, которые постоянно контролируют их, женщины — не только желательный партнер, но и источник эмоциональной поддержки и просто фон, оттеняющий мужское чувство первостепенной социальной значимости. Выполнение этих функций означает, что мужчины стремятся добиться от женщин покорности. Различные же социальные обстоятельства обусловливают вариации в установлении порядка значимости таких функций, что и приводит к межкультурным различиям в формировании патриархальной системы. Радикальные феминисты не только разъясняют всеобщее гендерное угнетение, *но и* выдвигают модель понимания межкультурных вариаций в этой сфере.

Как одолеть патриархат? Сторонники радикального феминизма считают, что для начала следует основательно изменить сознание женщины, дабы та поняла свою ценность и силу, отвергла давление патриархальной системы, принуждающей ее быть слабой, зависимой и играть второстепенную роль, стала действовать единым фронтом с другими женщинами, игнорируя различия между ними, для того чтобы утвердить почти что сестринское сообщество доверия, поддержки, уважения и взаимной защиты (McCaughey, 1997). Если оно возникнет, следует прибегнуть к двум другим стратегиям: быть в критической оппозиции к любому аспекту патриархального господства и добиться сепаратизма, предполагающего, что женщины пребывают в рамках своего бизнеса, хозяйства, уходят в женские сообщества, становятся участниками центров творческой деятельности и принимают отношения лесбийской любви. Лесбийский феминизм, как важнейшее направление радикального феминизма, представляет собой реализацию на практике того убеждения, что «эротическая и/или эмоциональная привязанность к женщинам является частью сопротивления патриархальному господству» (Phelan, 1994; Taylor and Rupp, 1993, p. 33).

Как оценить радикальный феминизм? Реакция каждого из нас зависит от степени личного радикализма. Некоторые посчитают это движение чрезмерно критичным, другие же — вполне адекватным. Однако, пытаясь дать некоторую теоретическую оценку радикальному феминизму, следует иметь в виду, что данное направление включает положения, выдвигаемые как теми сторонниками феминизма, которые разделяют социалистические взгляды, так и приверженцами психоаналитического феминизма. Эти положения касаются причин подчиненного места женщин в обществе, но и при этом выходят за рамки указанных разновидностей теории феминизма. Кроме того, радикальные ее представители провели исследования, чтобы аргументировать свой тезис о том, что патриархальная система, в конечном счете, основана на практике насилия по отношению к женгди-

нам. Эти ученые предоставили разумную, хотя, вероятно, все-таки не совершенную, программу необходимых перемен. Их обвиняли в том, что они уделяют внимание исключительно проблеме патриархата. Представляется, что рассматриваемый подход существенно упрощает реалии социальной организации и социального неравенства, соответственно, не вполне реалистично описывая и сам предмет насущных изменений к лучшему.

Структурное угнетение

Приверженцы теории структурного угнетения, как и гендерного угнетения, признают, что оно следует из той непосредственной выгоды, которую извлекают некоторые группы людей, контролируя, используя, подчиняя и угнетая другие. Предметом анализа является узаконивание господства с помощью механизмов социальной структуры, т. е. с помощью повторяющихся и общепринятых способов организации социального взаимодействия. Теоретики структурного угнетения считают, что эти способы всегда представляют собой властные установления, возникшие в процессе исторического развития, с течением времени. В качестве главного предмета своего исследования они избирают структуры патриархата, капитализма, расизма и гетеросексуальную систему, полагая, что причиной установления господства и проявлений угнетения оказывается фактор взаимодействия этих структур, способ их совместной реализации. Ученые этого толка не отрицают роли индивидуального доминирования, но исследуют его как продукт структурных образований. Мы рассмотрим два варианта теории структурного угнетения — социалистический феминизм и теорию пересечений.

Социалистический феминизм

Теоретический проект социалистического феминизма организован вокруг трех задач: 1) критически рассмотреть проявления угнетения в рамках патриархальной и капиталистической систем, принимая в качестве центральной точки отсчета опыт женщин; 2) разработать четкие и адекватные методы социального анализа, широко трактуя исторический материализм; 3) учесть при материалистическом анализе факторов, определяющих состояние общества, сферу идей. Феминисты социалистического направления стремятся добиться теоретического синтеза всех имеющихся феминистских теорий и одновременно преодолеть их рамки. Точнее, они пытаются совместить Две традиции, которые представляются им наиболее емкими и значимыми, — марксизм и радикальный феминизм (Bartsky, 1992; Eisenstein, 1979; Fraser, 1989, 1997; Hansen & Philipson, 1990; Hartmann, 1979; Hartsock, 1983; Hennessey, 1992; Hennessey & Ingraham, 1997; Jaggar, 1983; MacKinnon, 1989; Rose, 1995; D. Smith, 1974, 1975,1978,1979,1987,1989,1990a, 1990b, 1992,1993; Vogel, 1995).

Как отмечалось выше, радикальный феминизм целенаправленно критикует патриархальную систему. Марксистский феминизм объединяет характерный для Марксизма классовый анализ и феминистский социальный протест. Однако этот сплав — называемый «неравным браком» (Hartmann, 1981; Shelton & Agger, 1993) — подчас вызывал к жизни, вопреки ожиданиям, вовсе не теорию гендерного угнетения, а всего лишь достаточно сдержанное признание гендерного неравенства, поскольку интересы женщин рассматривались вместе с критикой классово-

го угнетения, а не выделялись особо. Хотя собственно марксистский феминизм в современном американском феминистском движении занимает весьма скромное место, он оказывает влияние на теорию социалистического феминизма. Основы данного направления заложены Марксом и Энгельсом (см. главу 4). Главной проблемой, которую они рассматривали, оказалось социально-классовое угнетение, но они также обратили внимание и на вопросы гендерного подавления, примером тому служит работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (написана Энгельсом в 1884 г. с привлечением подробных заметок, сделанных Марксом ровно за год до своей смерти в 1883 г.). Мы даем краткое изложение этой книги, поскольку она помогает ввести читателя в классическую марксистскую теорию гендерного угнетения и ознакомить его с методом исторического материализма.

Основной аргумент «Происхождения...» заключается в том, что угнетенное положение женщины — следствие не ее биологических свойств, вероятно, неизменных, а социальных отношений, которые можно исторически проследить и, вероятно, изменить. В XIX в. рассуждения о гендерном вопросе выглядели радикальными, поистине феминистскими. Подчиненное положение женщин обусловлено существованием семьи — института, само название которого происходит от латинского слова, обозначавшего слугу, — поскольку та (как это сложилось в развитых обществах) является системой, позволяющей мужчинам контролировать действия женщин. Идеология современных обществ рассматривает семью в качестве фундаментального и универсального признака социальной жизни, однако Энгельс и Маркс приводят археологические и антропологические свидетельства, показывая, что семья — сравнительно новая форма отношений, что в доисторический период мужчины и женщины существовали в рамках родовых структур, где женщины имели относительную автономность, поскольку их экономическое положение как собирательниц, мастериц, заготовителей и распределителей необходимых вещей было независимым. Фактор, разрушивший социальную систему такого типа и вызвавший то, что Энгельс называет «всемирное историческое поражение женского пола» (Engels, 1884/1974, p. 87), носил экономический характер. В частности, это была замена охоты и собирательства скотоводческой и земледельческой экономикой, при которой имевшиеся у мужчин сила, мобильность, а также навыки, приобретенные ими ранее при выполнении функций охотника, давали им систематическое преимущество над женщинами. Это привело к понятию *собственности,* отражавшему идею класса мужчин, претендовавших на общественные ресурсы экономического производства как на свои собственные. В экономике нового типа мужчинам как обладателям собственности нужны были покорная рабочая сила — будь то рабы, пленники, жены или дети — и наследники для сохранения и передачи собственности. Так возникла первая *«фамилия»* — хозяин и его слуги-рабы, слуги-жены, слуги-дети. С тех пор эксплуатация труда принимала вид все более сложных структур господства, что особенно проявилось в классовых отношениях. Политическое устройство было предназначено для охраны этих систем господства, а сама семья в ходе исторических преобразований экономической системы и системы собственности превратилась в зависимый социальный институт, отражающий наиболее масштабные формы несправедливости, порождаемые полити-

ческой экономией, и, соответственно, принудительно подчиняющий женщин. Энгельс и Маркс пришли к выводу, что женщины достигнут свободы социальных, политических, экономических и личных действий только при условии разрушения системы, построенной на праве собственности, в результате классовой революции.

Определяя происхождение патриархальной системы вследствие возникновения отношений собственности, ученые рассматривают проблему угнетения женщин, придерживаясь общих рамок марксистского классового анализа. «Собственность» — понимаемая не как личное обладание, но как владение ресурсами, необходимыми для общественного производства (средствами производства) — это основа классового разделения, поскольку создает ситуацию, при которой определенные группы способны заявить, что владеют средствами производства, тогда как другие группы становятся наемными рабочими. Особое внимание в марксистском анализе уделяется тому, как осуществляется это классовое разделение при капитализме, экономической системе современных обществ. Отличительной чертой капитализма является то, что класс, обладающий средствами производства — капиталисты, стремится к постоянному накоплению капитала. *Капитал* — это богатство (деньги или иные ценности), которое может быть использовано для создания материальной инфраструктуры экономического производства. В отличие от других форм экономической организации, когда люди обменивают товары или деньги на большее количество товаров, в этой системе капиталисты прибегают к отношениям обмена, чтобы накопить капитал, который, в свою очередь, инвестируется в материальную инфраструктуру экономического производства для создания товаров, цель которого — добиться еще большего благосостояния. Механизм, позволяющий капиталистам обратить товар в капитал, — прибавочная стоимость. Это — разница между получаемой работниками компенсацией за свой труд и ценой производимых ими товаров. Эта прибавочная стоимость (которую можно понимать как разницу между издержками на производство и ценой единицы продукции — или прибыль) присваивается капиталистом, который использует ее для улучшения условий своей жизни и упрочения власти и, прежде всего, для реинвестирования в текущий процесс накопления капитала и в расширенное воспроизводство.

Особое значение для феминистов социалистического направления имеет описанный марксистами анализ классовых отношений, сложившихся при капитализме, которые они считают главным источником угнетения. Проблематичным в логике такого анализа оказывается то, что патриархальная система рассматривается как функция экономических отношений. Последователи социалистического феминизма берут на вооружение радикальный аргумент, доказывающий, что патриархальная система, хотя и взаимосвязана с экономическими условиями, все же представляет собой независимую структуру угнетения.

Теория социалистического феминизма стремится преобразовать два представления — об угнетении в условиях капитализма и об угнетении в патриархальной системе — в единое объяснение всех форм социального угнетения. Для этой цели, в частности, используется термин *капиталистический патриархат* (Eisenstein, 1979; Hartmann, 1979; Kuhn & Wolpe, 1978). Однако более распространен термин *господство,* выше определенное (в разделе «Гендерное угнетение») как отноше-

ния, при которых одной стороне, *господствующей,* удается сделать другую сторону, *подчиненную,* орудием своей воли, *тл* первая отказывается признавать независимость подчиненного. Сторонники социалистического феминизма объясняют господство как крупномасштабное структурное образование, отношение власти между группами или категориями социальных акторов. Эта структура господства формирует деятельность, волевые установки и целенаправленные действия индивидуальных субъектов и одновременно воссоздается в этой деятельности. Социалистический феминизм главное внимание уделяет женщинам по двум причинам. Во-первых, как и для любого другого направления феминизма, угнетение женщин — первостепенная тема анализа. Во-вторых, положение женщин в обществе и их понимание мира — аспекты, позволяющие рассмотреть специфику господства в любых его формах. В конечном счете, этих теоретиков интересуют всевозможные проблемы угнетения, причем без разницы, сталкиваются с ними женщины или мужчины. Они также исследуют, каким образом некоторые женщины, испытывающие на себе силу подавления, при этом активно участвуют в угнетении других женщин, как, например, происходит в случае с представительницами привилегированного слоя американского общества, которые притесняют бедных. Фактически, одна из стратегий всех последователей социалистического феминизма, заключается в том, чтобы противодействовать предубеждениям и угнетению *в рамках* женского сообщества как такового (Eisenstein, 1994; Lorde, 1984).

Преобладающее внимание как к вопросам капиталистического патриархата, так и к проблемам господства связано с явной или скрытой приверженностью теоретиков к историческому материализму, ставшему аналитической стратегией (Hennessey & Ingraham, 1997; Jagger, 1983). *Исторический материализм,* базовый принцип марксистской социальной теории, предполагает, что материальные условия человеческой жизни, включая деятельность и отношения, создающие эти условия, представляются ключевыми факторами формирования человеческого опыта, личности, идей и социальных образований; что эти условия со временем изменяются, поскольку в них заложена определенная динамика; что история есть описание изменений в материальных условиях групповой жизни и соответствующих перемен в практике, личности, идеях и социальных установлениях. Исторические материалисты считают, что социальный анализ должен в исторически конкретных подробностях исследовать особенности материальных условий групповой жизни и взаимосвязь между этими условиями и характерными для группы знаниями, личностными свойствами, событиями, представлениями и социальными установлениями. Связывая исторический материализм с важнейшим для себя вопросом господства, представители социалистического феминизма пытаются осознать свою задачу в рамках теории, исследующей обобщенные социальные установления, проблемы господства, сохраняя при этом приверженность точному, исторически конкретному анализу материальных и социальных установлений, формирующих частные случаи господства.

Исторический материализм, отличительный признак социалистического феминизма, показывает, сколь многим эта школа обязана марксистской мысли. Однако феминисты социалистического толка в данном плане идут дальше марксистов. Последнее видно по трем моментам: они заново определяют материальные

условия, по-новому оценивают значение идеологии и выбирают в качестве главного предмета своего рассмотрения проблему господства. Во-первых, они расширяют смысл категории *материальных условий* человеческой жизни. Марксисты обычно подразумевали под этим понятием экономическую динамику общества, прежде всего — способы создания и рыночного обмена различных видов товара. В существовании такого порядка эксплуатации, делающего одних богатыми, а других бедными, им видятся корни классового неравенства и классовых конфликтов. Сторонники теории социалистического феминизма учитывают не только развитие экономики, но и другие факторы образования и сохранения человеческой жизни: тело человека, половой инстинкт, рождение потомства и воспитание детей; ведение домашнего хозяйства и связанные с этим неоплачиваемые, малоприметные домашние дела; эмоциональная поддержка; создание знаний. В случае со *всеми* жизненно важными факторами установки эксплуатации приносят пользу одним и лишения другим. Неотъемлемой частью теории господства становится полный охват всех главных установок, направленных на жизнеобеспечение и эксплуатацию.

Это переосмысление понятия материальных условий ведет к трансформации марксистского представления о том, что люди являются производителями товаров, в утверждение, согласно которому люди создают и поддерживают всю жизнь человека в целом. Такой сдвиг понятий направляет нас ко второму различию между марксистским историческим материализмом и историческим материализмом, какой сложился в рамках теории социалистического феминизма. Последняя теория особое внимание уделяет тому, что иные марксисты пренебрежительно назвали бы *ментальными явлениями или феноменами мышления:* сознанию, мотивации, представлениям, социальным определениям ситуации, знанию, текстам, идеологии, стремлению действовать в своих интересах или желанию уступать интересам других[1]. С точки зрения феминистов социалистического толка, все указанные факторы влияют на личность, действия человека и структуры господства, реализуемые в процессе таких действий. Кроме того, эти аспекты порождаются социальными структурами, неразрывно связанными со структурами производства товаров, которые существуют в экономике, и столь же сложны и влиятельны, как и те. Везде установки эксплуатации позволяют одним обогатиться и получить власть, а других доводят до бедности и сковывают их действия. Анализ процессов, влияющих на формирование человеческой личности, имеет существенное значение для теории господства, и его можно усовершенствовать как раз благодаря принципам исторического материализма.

Третье отличие теории социалистического феминизма от марксистского учения состоит в том, что данная теория считает объектом анализа не классовое, а социальное неравенство, широкий диапазон его феноменов. Последователи социалистического феминизма описывают социальную организацию, в которой структуры экономики, государственного устройства и идеологии сочетаются с потаенными, приватными процессами воспроизводства людей, домашней жизни, сексуальной сферы и аспектами субъективности, которые все вместе служат сохранению многогранной системы господства, чье функционирование затрагивает как ста-

[1] По общему признанию, некоторые неомарксисты, особенно представители критической теории, также по-новому оценили объяснительную роль идеологии (см. главу 4).

бильные обезличенные социальные образцы, так отличающиеся большей тонкостью межличностные отношения. Анализируя эту систему, феминисты от социализма обращаются и к описанию и крупных структур господства, и к исследованию деталей повседневной жизни угнетенных людей. Выдвигаемая ими стратегия изменений базируется на таком выявлении разного рода угнетения, в который они пытаются вовлечь рассматриваемые ими группы угнетенных людей. В результате этого, по их мнению, и сами индивиды, и группы научатся совместно действовать ради всеобщего освобождения.

Общий теоретический набросок социалистического феминизма позволяет определить три разных подхода. Первый, *материалистический феминизм,* концентрируется на гендерных отношениях и оценивает их место в структуре классовой системы современного капитализма, во многом потому, что теперь она приобрела глобальный масштаб. Сторонников этой теории интересует та роль, которую глобальный капитализм играет в определении положения женщин, и то, как женский труд способствует благополучному существованию капиталистического мира. В системе глобального капитализма труд женщин оплачивается ниже, чем труд мужчин, потому что патриархальная идеология приписывает женщинам более низкий социальный статус. Кроме того, поскольку патриархат устанавливает для них ответственность за ведение домашних дел, в сфере оплачиваемой занятости у них оказывается менее надежное положение, чем у мужчин, и поэтому им сложнее устроиться на работу. Два этих фактора делают женщин источником легкой прибыли для класса капиталистов. Кроме того, капиталистическое благополучие обусловлено бесплатным женским трудом, чья работа в качестве домохозяек, жен и матерей субсидирует воспроизводство и сохранение рабочей силы и тем самым скрываются реальные затраты на это. Будучи же потребителями товаров и услуг для домашнего хозяйства, женщины становятся важным источником получения капиталистами прибыли (Hennessey & Ingraham, 1997; Vogel, 1995). Второй подход в современном социалистическом феминизме, сформулированный Дороти Смит и ее учениками, касается *отношений властного управления* — осуществления капиталистического патриархального господства посредством системы контроля, которая распространяется не только на экономику, но и на государство и привилегированные профессии (в том числе и социальную науку). Динамика установления этого контроля изучается при рассмотрении повседневной деятельности женщин и их роли в поддержании материальной жизни. Отношения господства проявляются в виде контролирующих повседневную деятельность женщин «текстов» — «повсеместных», обобщенных требований, направленных на то, чтобы установить модели их труда и присвоить его результаты. Этими «текстами» выступают формы медицинского страхования, школьные реестры, реклама, указывающая, каким должен быть идеальный дом и идеальное женское тело (Campbell & Manicom, 1995; Currie, 1997). Третье направление дискурса социалистического феминизма — это *культурный материализм* (Hennessey & Ingraham, 1997). Его приверженцы исследуют, как сигналы государственной политики, социальной идеологии и средств массовой информации соотносятся с субъективным настроем людей, формируя и контролируя мышление и под его воздействием вновь обретая формулировки. Исследуя процессы создания таких «сообщений», приверженцы культурного материа-

лизма не всегда связывают эти процессы с моделью глобального капитализма и масштабными социально-классовыми установлениями. Вместо этого они фокусируются на аспектах тела, его изображениях, его смысле и удовольствиях, а также на вопросах политики как борьбы за представительство социальных групп и категорий (Clough, 1994; Davis, 1997; Walkerdine, 1997). «Культурный материализм отвергает антикапиталистический системный анализ, связывающий историю культуры и производство значений с классовой системой капитализма.... Вместо этого его приверженцы почти исключительно сосредоточиваются на идеологических, государственных или культурных действиях, связывают смысл с телом и его удовольствиями или осознают социальные изменения, главным образом, с позиции борьбы за представительство» (Hennessey and Ingraham, 1997, p. 5)[1].

Выдвигаемая сторонниками социалистического феминизма программа перемен призывает к глобальной солидарности женщин для боротьбы против тех оскорблений, что привносит в их жизнь, жизнь их сообществ и окружение капитализм. Они взывают к постоянной бдительности феминистского общества, дабы отследить опасность их вхождения в ряды привилегированной интеллигенции, служащей капиталистическим интересам. Их проект заключается в мобилизации людей для привлечения государства как средство эффективного перераспределения общественных ресурсов. Это можно осуществить благодаря широкой сети общественных услуг, к которым относятся системы поддерживаемого государством образования, здравоохранения, транспорта, попечения о детях, жилищная система; а также прогрессивная структура налогообложения, снижающая неравенство в доходах богатых и бедных слоев; гарантия прожиточного минимумам всем членам общества. Они считают, что такая мобилизация окажется эффективной только при условии, что люди осознают условия жизни других и будут заботиться о них так же, как о себе. Долг социолога, сторонника феминизма, состоит в том, чтобы выявить материальное неравенство, формирующее человеческую жизнь.

Теория пересечений[1]

Она проистекает из осознания того, что женщины подвергаются угнетению в различных формах и в различной степени (C. Anderson, 1996; Anzaldua, 1990; Aptheker, 1989; Caldwell, 1991; P. Collins, 1998; Crenshawe, 1989,1991,1997; E. Glenn, 1985; Lorde, 1984; Williams, 1991, 1995; Linn & Dill, 1993). Эти теории предлагают следующее объяснение (и оно является их центральным предметом) указанных различий: хотя все женщины подвержены угнетению по половому признаку, оно неодинаково, поскольку возникает под влиянием переплетения множества других установлений социального неравенства. Последние можно описать как *векторы угнетения и привилегий* (или термином П. Коллинз — как «матрицу господства» [P. Collins, 1990]), что предусматривает учет не только гендера, но также класса, расы, местожительства, сексуальных предпочтений и возраста. Вариации такого пересечения существенно изменяют бытие женщины, что необходимо принимать во внимание при построении теорий о жизни «женщин». Согласно теории пере-

[1] Читателям следует обратить внимание на то, что между теоретиками нет единства в отношении указанных терминов, особенно *материалистического феминизма*. История полемики относительно этих понятий хорошо изложена в работе: Hennessey & Ingraham (1997).

ДОРОТИ Э. СМИТ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дороти Э. Смит подчеркивает, что ее социологическая теория опирается на житейский опыт женщины, пребывающей в двух мирах — академической сфере, где господствуют мужчины, и дома матери-одиночки. Вспоминая о том, как в начале1960-х гг. она готовилась к получению докторской степени по социологии в Беркли, будучи матерью-одиночкой, Смит отмечает, что ее жизнь, судя по всему, сформировалась под влиянием «не столько... карьеры, сколько ряда случайностей, случайных обстоятельств» (Dorothy E. Smith, 1979, p. 151). Эта тема случайности —одно из множества переживаний, которые привели Смит к сомнению относительно социологической ортодоксальности, заставили, в частности, пересмотреть образ произвольно действующего субъекта в ролевых конфликтах.

Случайными или же нет были события в жизни Смит, — в любом случае они представляются важными этапами в ее становлении. Она родилась в Великобритании в 1920 г.; в 1955 г. получила степень бакалавра социологии, окончив Лондонский университет, а в 1963 г. — степень доктора философии в области социологии (в Калифорнийском университете в Беркли). Тогда же она узнала, что такое «брак, иммиграция [в Канаду], которая последовала вскоре после замужества, рождение детей, уход мужа, вакансии работы» (Smith, 1979, p. 151). Мысленно возвращаясь к этим событиям, Смит говорит, что это «те моменты, когда у меня, по сути, почти не было выбора и почти ничего не предвиделось в будущем». Среди ее должностей — место социолога-исследователя, должность преподавателя социологии в английском университете в Колчестере (графство Эссекс), младшего профессора и затем профессора на факультете социологии в университете Британской Колумбии, ас 1977 г. — профессора социологии образования в Институте исследования образования в Торонто (провинция Онтарио).

Смит писала на различные темы, связанные с вопросом «бифуркации», ставшим в некоторых ее работах центральной темой, прошедшим через другие лейтмотивом. Смит утверждает, что «бифуркация» проявляется в разделении социально-научного описания и житейского опыта людей, житейского опыта женщин и патриархальных идеальных типов, предлагаемых для описания этого опыта, микро- и макроуровневых структур, воздействующих на опыт, которым характеризуется микроуровень, и особенно в разделении микроуровня тех, кто угнетен, и микроуровня, тех, кто доминирует в мире, чьи действия и порождают макроструктуры угнетения. Конкретные аспекты этих тем отражены в названиях некоторых работ Смит: «Статистика о женщинах и психических заболеваниях: как не

сечений, конкретная ситуация угнетения порождена самой моделью пересечения, а не какой-либо одной переменной величиной. Креншау (Crenshawe, 1989), например, доказывает, что чернокожие женщины зачастую подвергаются дискриминации в работе потому, что они *чернокожие женщины,* однако суды обычно отказываются признавать факт именно такой дискриминации — если невозможно доказать, что это случай, считающийся общей дискриминацией, «дискриминацией по полу» (читай «белых женщин») или «расовая дискриминация (читай «чернокожих мужчин»). Характеризуя это как векторы угнетения *и* привилегий, хотелось бы сказать о фундаментальном выводе теорий пересечений, согласно которому привилегии, которыми пользуются некоторые женщины и мужчины, оборачиваются угнетением других женщин и мужчин. Теория пересечений, в сущности, оценивает эти закрепления неравенства как иерархические структуры, базирующиеся на несправедливых отношениях власти. Тема несправедливости указывает на последовательный критический разворот этого подхода.

Рассматриваемая теория признает связь идеологии с властью, что позволяет господствующим субъектам контролировать подчиненных, проводя такую политику, в которой различие становится концептуальным орудием, используемым

следует ее понимать» (1975), «Что означает заниматься канадской "социологией": мир повседневности как совокупность проблем» (1976), «У К. психическое заболевание: анатомия фактического отчета» (1978), «Где угнетение — там и сопротивление» (1979), «Женщины, класс и семья» (1981) — и, прежде всего, «Социология для женщин» (1979). В 1987 г. Смит наиболее емко пояснила эти темы, создав работу, ставшую вехой в истории феминистской социологии, — «Мир повседневности как совокупность проблем». Затем последовали сочинения «Концептуальные действия власти» (1990) и «Тексты, факты и женский пол» (1990).

Смит предоставляет социологам феминистского толка и, собственно, вообще социологам, интересующимся теоретическими рамками этой дисциплины, учение, соединяющее неомарксистские подходы с анализом структур господства и феноменологическим пониманием различных субъективных миров, связанных с микроуровневыми взаимодействиями. Смит считает, что различные миры повседневности формируются макроструктурами, которые, в свою очередь, формируются историческими особенностями экономических потребностей. Развивая данное направление рассуждений, Смит избегает представления о мире, согласно которому угнетателей неизменно трактуют как индивидуальных субъектов, действующих из эгоизма. Она полагает, что такой эгоизм сам находится в рамках структуры, и призывает сосредоточиться именно на той, которая и порождает рассматриваемые последствия. Однако она в то же время убеждена, что эту структуру можно познать, отталкиваясь от имеющихся перед нами результатов ее действия, т. е. изучая индивидуальные миры повседневности, находящиеся в составе структуры. Смит озабочена тем, что социальная наука скорее затемняет, чем проясняет структуры, создающие такие миры, поскольку исходит из допущения, что структуры уже известны и их можно познать отдельно от миров жизненной повседневности. В самых последних своих работах Смит разрабатывает проект социологии для женщин, исследуя макроструктуры, организующие ежедневные/еженощные миры. Ее внимание особо приковано к организации, базирующейся на тексте, и текстово опосредованным социальным отношениям, которые реализуются в повседневных действиях людей. В этом ее работы представляют социологическую альтернативу феминистскому постмодернизму. Данная глава во многом основана на сочинениях Смит, которые являются существенным вкладом в социологическую теорию.

для оправдания установок подавления. В социальной практике господствующие группы пользуются имеющимися между людьми различиями, чтобы оправдать деспотические действия, переводя различие в модель низшего/высшего положения. В процессе социализации люди усваивают отношение к таким различиям не как к источнику разнообразия, интереса и культурного богатства, но в оценочном плане, с точки зрения «лучшего» или «худшего». Как утверждает Лорд (Lorde, 1984, p. 115), это «неприятие различий, характерное для социальных институтов, признается абсолютно необходимым в экономике, которая нацелена на получение прибыли, поскольку ей требуются аутсайдеры в качестве избытка людей». Такие идеологии создают *«мифическую норму»,* относительно которой люди оценивают других и себя. В обществе Соединенных Штатов это норма «белого, худощавого, мужского пола, молодого, гетеросексуального, христианского и финансово надежного человека» (Lorde, 1984, p. 116). Она позволяет господствующим группам контролировать общественное производство (как оплачиваемое, так и бесплатное). Кроме того, она превращается в аспект субъективного настроя индивида, будучи усвоенным неприятием различий, что вполне способно повлиять на снижение самооценки, сказаться в отвержении других людей, принадлежащих иным

группам, и привести к созданию в рамках его собственной группы критериев исключения, наказания или отторжения членов группы. Ансалдуа описывает последнее как «Отчужение»: принятое подчиненной группой определение, помогающее установить, что кто-либо не может быть в нее принят, он «другой» по какому-либо критерию. Исследовательница отмечает, что это действие, предполагающее такое определение, устраняет возможность коалиции и общего сопротивления.

Различное скрещение векторов угнетения и привилегий обусловливает разнообразие как в форме, так и в мощи угнетения: «страдание неодинаково, боль исчислима» (Arguelles, 1993). Исследования, создаваемые в рамках теории пересечений, показывают конкретную реальность человеческой жизни как ее формирование посредством пересечений указанных векторов. В наибольшей степени исследованы феминистами пересечения гендера и расы (Amott & Mathhaei, 1991; Glark-Lewis, 1994; Dill, 1994; Jacobs, Thomas, & Lang, 1997); гендера и класса (Cohen, 1998; Foner, 1994; Gregson & Lowe, 1994; Seitz, 1995; Sugiman, 1994; Wrigley, 1995), расы, гендера и класса (Anderson & Collins, 1992; Edin & Lein, 1997; Rollins, 1985). Существуют также исследования гендера и возраста (Findlen, 1995; Gibson, 1996; Lopata, 1996; Walker, 1995); гендера и местожительства (Goodwin, 1994; Momsen, 1993; Rueschemeyer, 1994; Scheper-Hughes, 1992), а также гендера и сексуальных предпочтений (Dunne, 1997).

Реагируя на материальные условия своей жизни, женщины изобретают различные объяснения, разрабатывают стратегии выживания и сопротивления постоянному проявлению несправедливой власти. Проект теории пересечений предусматривает возможность выразиться знанию, которое выработано отдельными группами в рамках их специфического существования, обусловленного исторически сформированными пересечениями неравенства, и заявить такое знание в различных направлениях феминизма — будь то, например, «черный» феминизм или феминизм чикана[1] (R. Brewer, 1989; P. Collins, 1990; Cordova et al, 1990; Alma Garcia, 1989; James & Ousia, 1993; Zandy, 1990).

Приверженцы теории пересечений критикуют работы, созданные в период «второй волны» феминизма (как, впрочем, и «первой волны»), видя в них отражение опыта и интересов белых феминистов, принадлежащих к привилегированному классу североатлантических обществ. Некоторым из этих критических работ соответствуют постмодернистские работы, хотя этот факт преувеличивать не следует. Теория пересечений — одна из старых традиций в движении феминизма, по крайней мере, в Соединенных Штатах; она восходит, например, к речи Соджорнер Трут «Разве я не женщина», произнесенной на Съезде по правам женщин в Акроне, который состоялся в 1852 г.; целому ряду работ, посвященных положению чернокожих женщин, что появились в 90-е гг. XIX ., это, в свою очередь, сказалось в появлении множества иных книг, в том числе таких, как «Голос с Юга от чернокожей Юга» Анны Джулии Купер (1892) или «Цветная женщина в мире белых» (1940) Мери Черч Террел. Эти критические работы подняли вопрос о том, что мы подразумеваем под такими категориями, как «женщина», «гендер», «раса» и «женское сообще-

[1] Чикана — мексикаиоамериканский. — *Примеч. пер.*

Патриция Хилл Коллинз: биографический очерк

Патриция Хилл Коллинз родилась в 1948 г. По ее словам, она выросла в большой дружной семье чернокожих рабочих. Семья жила в негритянском районе Филадельфии. Патриция ходила в государственную среднюю школу для девочек, в которой к учащимся предъявляли высокие требования. Затем она училась в университете Брандеиса, где в 1969 г. получила степень бакалавра, а в 1970 г., уже в Гарварде, —степень магистра педагогики. В 1970-х гг. Коллинз работала как специалист по учебным планам в школах Бостона, Питтсбурга, Хартфода, Нью-Йорка и Вашингтона (округ Колумбия). После этого она вернулась в Брандеис, где в 1984 г. получила степень доктора философии в области социологии. Сейчас Коллинз работает в университете Цинциннати, где занимает должность профессора социологии в рамках программы, реализуемой фондом Чарльза Фел-пса Тафта, и профессора, исследующего афроамериканское своеобразие.

Коллинз пишет, что ее успеху в области образования сопутствовало противоречивое ощущение того, что она «первая», или «одна их немногих», или «единственная» афроа-мериканка и/или женщина, и/или человек из рабочей среды в... школах, сообществах и в рабочем окружении» (Collins, 1990. p. xi). Она открыла для себя, что ее оценивают ниже, чем других, имевших иное происхождение, людей, и усвоила, что образовательный процесс, по-видимому, требовал от нее, дабы она дистанцировалась от своих корней, уходивших к чернокожему рабочему классу. Напряжение вызвало «утрату голоса».

Ответом Коллинз на данные проблемы стала формулировка альтернативного понимания социальной теории и альтернативного подхода к ее построению. С помощью такого проекта она высказала теоретические убеждения своего сообщества. Наиболее ярко это проявилось в знаковой для феминистской и социальной теории книге «Феминистские воззрения чернокожих». Эта работа была включена во многие антологии и была отмечена наградой Джесси Бернард и наградой Ч. Райта Миллза. В упомянутой книге социальная теория описана в виде воззрений специфической группы — чернокожих женщин. С этой целью Коллинз привлекает множество высказываний как знаменитых, так и малоизвестных людей. Она предлагает социальную теорию, основанную на взглядах данного сообщества, теорию, которая выражает свойственное этой группе отношение к угнетению, что образуется благодаря пересечениям различных факторов — расы, гендера и класса, а также описывает ее историческую борьбу против угнетения. Коллинз показывает особую эпистемологию, благодаря которой чернокожие женщины оценивают степень истинности и надежности. Кроме того, она убедительно аргументирует эпистемологию феминизма. В «Феминистских воззрениях чернокожих» предлагается направление развития феминистской социальной теории, в частности, и социальной теории в целом. На практике и в теории Коллинз следовала своей концепции пересечений. Она помогла организовать отделение Американской социологической ассоциации под названием «Раса, гендер, класс», выступила совместно с Маргарет Андерсон редактором собрания эссе «Раса, класс и гендер» (1992). Ей принадлежит множество статей, опубликованных в различных журналах.

Книга «Слова в защиту: чернокожие женщины и поиск справедливости» (1998) оказалась орудием борьбы за переосмысление социальной теории: за понимание ее не как сферы компетенции и занятий элитной группы интеллектуалов, а в качестве воззрений на социальный мир групп, чье положение различно. В этом сочинении Коллинз повторяет настойчивый призыв к социологам писать и работать, считая, что социальная теория — часть общего созидания социальной жизни, и сделать ее значимой и доступной для общественности.

ство» (Hooks, 1984; Kaminsky, 1994; Mohanty, 1991). В них было обращено внимание на разнообразие опыта, связанного с такими, казалось бы, универсальными ситуациями, как «материнство» и «семья». Кроме того, оказались переосмысленными иные работы теоретического плана, в частности исследования Чодороу и Бенджамин (Dickerson, 1995; Glenn, Chang, & Forcey, 1993; Mahoney & Yngvesson, 1992; Segura & Pierce, 1993; Zhang, 1993), созданные в рамках психоаналитической социологии. Критика привела к пересмотру представителями «белого» фемини-

ма самого понятия «белый», осознанию его как конструкции, а также желанию понять, каким образом это ведет к установлению привилегий, какие действия следует предпринять, чтобы уменьшить расизм и внести вклад в разработку более цельного феминистского подхода (Alcoff, 1998; A. Bailey, 1998; Breines, 1992; Chodorow, 1994; Frankenberg, 1993; Ward, 1994).

В процессе теоретических построений, исследований и критики теория пересечений подошла к одной из важнейших тем и одной из центральных проблем сегодняшнего феминизма: как совместить принцип анализа, базирующийся на эмпирической данности, показывающей различия женщин, и пристрастную политическую позицию, согласно которой определенные группы женщин придерживаются свойственной им точки зрения. Объясняя выражение *«точка зрения»,* Патриция Хилл Коллинз (Collins, 1998, p. 224-225) уточняет, что это взгляд на мир, разделяемый группой, которая характеризуется «разнородной общностью». Слово «разделяемое» имеет отношение, по мысли Маркса, к «обстоятельствам, с которыми сталкиваются, которые даны и унаследованы от прошлого». Таким образом, Коллинз заключает, что точку зрения группы формирует не эссенциализм, а тот факт, что, по словам чернокожей активистки Фанни Л у Хэмер, «мы в этом мешке все вместе». Хотя векторы угнетения и привилегий — раса, класс, гендер, возраст, местожительство, сексуальные предпочтения — пересекаются в жизни каждого человека, указанные теоретики утверждают, что специфика такого пересечения заметно влияет на степень установления общей точки зрения. Среди факторов, которые способствуют этому утверждению, можно назвать такие: существование группы в течение определенного времени, ощущение группой своей собственной истории, ее нахождение в относительно изолированном, опознаваемом пространстве и развитие внутри нее системы социальных организаций, а также наличие знаний для борьбы с угнетением. Однако позиция группы никогда не бывает монолитной или герметичной: уже сам факт того, что последняя образована благодаря пересечениям разных векторов, означает вариативность в понимании членами группы самих себя. Они нередко оказываются вырванными из своей исконной группы и включенными в более крупное сообщество, в котором приобретают опыт «внутреннего постороннего» (P. Collins, 1990,1998). Кроме того, в исконную группу проникают идеи извне, и она неоднородна: ей присуща своя внутренняя динамика различий. Более того, она подчас существует в «пограничной области» (Anzaldua, 1990) культуры. Приверженцы теории пересечений предупреждают, что хотя и возможно связать ситуации пересечения и точки зрения с индивидуальной сферой, подобный редукционизм представляет теоретическую и политическую опасность, поскольку зачеркивает исторически сложившиеся структуры неравноправной власти, породившие индивидуальный опыт, и скрадывает необходимость политических перемен.

Разрабатывая проект изменений, сторонники теории пересечений обращаются к знанию угнетенных людей и к их ценностным принципам веры и справедливости (Collins, 1990,1998; Hooks, 1984,1990; Reagon, 1982/1995; Lorde, 1984). Эта теория ратует за показ, протест, принятие мер, чтобы изменить ситуацию в рамках угнетенного сообщества, поскольку только тогда можно сохранить веру в окончательное торжество справедливости — не той справедливости, что заключе-

на в узкие легальные рамки рациональности, а осознаваемой как установление в социальных институтах и социальных отношениях принципов честности и заботы о других и о себе.

Феминизм и постмодернизм

Теория постмодернизма описана в главе 13. Здесь же дается сокращенное описание, причем акцент сделан на взаимосвязи ее с теорией феминизма.

В 1990-е гг. стало заметнее вовлечение постмодернистских идей и лексики в сферу академического феминизма (Clough, 1994; P. Collins, 1998; Hennessey and Ingraham, 1997; Mann and Kelley, 1997; Stacey and Thorne, 1996). Но постмодернизм как социальная теория привлекается феминистами в меньшей степени, чем, скажем, эпистемологический подход; в равной степени они могли бы привлечь для анализа эмпиризм или феноменологию. Причина в том, что постмодернизм не предлагает ответа на фундаментальный вопрос феминизма «А как насчет женщин?». Его ответ оказался бы встречным вопросом: каким образом вы конструируете категорию или понятие «женщин»? На наш взгляд, постмодернизм имеет для феминистской теории основное значение в качестве «оппозиционной эпистемологии», стратегии подвергать сомнению притязания на истину или знания, утверждаемые какой-либо теорией (см. также: P. Collins, 1998).

Постмодернизм исходит из следующего наблюдения: мы — т. е. те, кто живет на рубеже веков — вступили в «постсовременность». Этот постсовременный мир характеризуется четырьмя аспектами: это этап агрессивной экспансии глобального капитализма; ослабевание централизованной государственной власти (с распадом бывших империй, раздроблением коммунистического блока и ростом этнических проблем в государственно-национальных образованиях); моделирование жизни посредством становящейся более мощной и всеохватной технологии, диктующей правила производства и способствующей утверждению консьюмеризма; развитие освободительных социальных движений, опирающихся не на класс, а на другие формы идентичности: национальные интересы (революционные движения в бывших колониальных государствах), расу (движение за гражданские права афроамериканцев), гендер (феминизм как глобальное движение), сексуальную ориентацию (права гомосексуалистов), а также развитие движения за охрану окружающей среды. Освободительные движения, возможно, — важнейший фактор отрицания постмодернизмом модернистской эпистемологии и теории. Как разъясняет феминистский философ Сьюзан Бордо:

> За развенчание притязаний и иллюзий, свойственных идеалам эпистемологической объективности, обоснованности и нейтральности суждения, в конечном счете, ответствен не *какой-то* профессионал-интеллектуал. Сначала произошло развенчание... в политической практике. Его агентами были освободительные движения 1960-х и 1970-х гг., возникшие не только для того, чтобы заявить о легитимности маргинальной культуры, неуслышанных голосов, запрещенных высказываний, но также чтобы разоблачить ракурс и пристрастность официальных сообщений... [Ключевыми теперь стали] исторические, социальные вопросы: *Чья* правда? *Чья* природа? *Чье* соображение? *Чья* история? *Чья* традиция? (Bordo, 1990, p. 136-137)

Вопрос « *Чье* знание?» подтолкнул радикальную трансформацию. Им начались дебаты о взаимосвязи власти со знанием и об основе притязаний человека на знание. Постмодернисты отрицают основной принцип модернистской гносеологии, согласно которому люди, благодаря чистому разуму, способны достичь совершенного и объективного знания о мире, являющегося отражением действительности, «зеркалом природы». Они утверждают, что этот принцип дает целый ряд гносеологических ошибок, к которым относятся, в частности: понятие «взгляд *творца»,* что помещает наблюдателя вне наблюдаемого мира; большое повествование, холистически объясняющее этот мир; *фундаментализм»,* полагающий определенные правила анализа неизменно адекватными; *универсализм»,* утверждающий наличие познаваемых принципов, которыми определяется мир; *эссенциализм»,* устанавливающий что люди обладают некой сущностью и неизменными свойствами; *репрезентация»,* или допущение, что определенное утверждение о мире в точности его отражает. Постмодернизм ставит под вопрос существование как «разума» в качестве универсального, неотъемлемого свойства человеческого ума, так и «мыслящего субъекта» в качестве непротиворечивой унифицированной формы сознания. Постмодернисты описывают процесс формирования знаний как одно из многочисленных представлений опыта, свойственного различным группам, имеющим разный дискурс, в которых появление любого монопольного притязания на знание вызвано эффективным использованием власти. Постмодернисты предлагают такие гносеологические альтернативы, как *децентрация,* или помещение в центр дискурса и знаний воззрения непривилегированных групп; *деконструкция,* показывающая историческую обусловленность и противоречивость концепций, представлявшихся точным изображением мира; *различие,* или рассмотрение конструкта знания не только в связи с тем, о чем он сообщает, но и тем, что он вычеркивает или отодвигает на задний план, особенно с помощью модернистской *двойной логики* «или/или».

И феминизм, и постмодернизм поднимают вопрос о том, *чьи* знания или определения должны приниматься в расчет, и в определенной мере оба эти направления занимаются децентрацией и деконструкцией. Если мы посмотрим на популярные лозунги феминистских активистов 1960-х и 1970-х гг., то увидим устранение бинарных оппозиций — «Личное — это политическое»; вызов традиционным категориям — «Мужчина нужен женщине как рыбе зонтик»; акцент на децентрации — «Идет Всевышний и, парень, ОНА сердится»; понимание языка как контекстуального и относительного явления — «Если она говорит "Нет", это изнасилование»; понимание мира как построенного на основе отношений власти — «Если бы мужчины могли рожать, аборт был бы благим делом». Современные теоретики феминизма находят в постмодернизме подкрепление и оправдание своей собственной уверенности в гносеологической и политической необходимости децентрации и деконструкции. Они обогатили свой анализ, заимствуя лексику постмодернизма: *дискурсивные практики, анализ дискурса, генеалогия, код, интертексту алъностъ, репрезентация, текст, Воображаемое, различие, сверхреалъностъ, изменчивость.* Таким образом, постмодернистская эпистемология дала возможность некоторым феминистам проименовать свои работы, войдя в практику как проект «деконструкции гендера», разрабатываемые сторонниками либерального феминизма. Такое усвоение лексики — совершенно в традициях феминизма «вто-

рой волны», который разработал словарь, чтобы означить угнетение женщин и способы лишения их власти. Здесь нет бездумного перехвата терминологии, но тонкое их подключение к своей сфере при сохранении, иногда видоизменении первоначальных значений. Многие феминисты, особенно интересующиеся областями, в которых главным фигурирует текст, — например литературой, также считают постмодернистское понимание мира, выраженное в понятиях «репрезентации», «текста» и «дискурса», важным для построения концепций социальной жизни. Феминисты в сфере социальных наук иногда перенимают образ социальной жизни как дискурса и репрезентации или используют это направление для анализа того, что явным или скрытым образом присутствует в культурных и политических репрезентациях, затрагивающих жизнь женщин. Прежде всего, постмодернистский «поворот» побуждает теорию феминизма к тому, чтобы придерживаться рефлексивности, что позволит ей не превратиться в то, против чего она выступает, — во влиятельный дискурс, который с помощью эссенциалистских и универсалистских категорий угнетает людей (Hara way, 1990; King, 1994; Nicholson, 1994; Sawicki, 1991).Это устремленность особенно значима, поскольку совпадает с поднимаемыми цветными женщинами, женщинами, не принадлежащими к североатлантическим сообществам, лесбиянками и женщинами, относящимися к рабочему классу, вопросами о свойственных феминизму «второй волны» эссенциалистских притязаниях в отношении «сообщества сестер», «женщины», «женщин третьего мира», «половой жизни», «семьи», «материнства» и «работы». Яна Савицки утверждает, что феминисты «имеют достаточные основания призывать к негативной свободе Фуко, т. е. свободе отбросить нашу политическую идентичность, наши предположения о гендерных различиях и категории и отринуть действия, характеризующие феминизм... Женщины — продукты патриархальной власти, и в то же время они ей сопротивляются. Существуют достаточные причины для противоречивого отношения к освободительным возможностям призыва к «разуму», «материнству» или «жгнскому», так как они также были источником нашего угнетения» (Jana Sawicki, 1991, p. 102).

Однако отношение феминизма к постмодернизму скорее отмечено сдержанным недовольством, нежели считается безоговорочно приняты. Многие феминисты считают, что постмодернизм стремится к исключительности и, следовательно, прямо противоположен феминистскому проекту включения. Об этом свидетельствует загадочность словаря постмодернизма, его место в академической сфере, а не в политической борьбе и неосознанное стремление занять в академическом дискурсе монопольный статус. Многие феминисты также сомневаются в «невинности» постмодернистского вызова, задаваясь вопросом о том, может ли он быть освободительным или же является частью той политики знания, которой привилегированный академический класс отвечает на вызов маргинальных личностей, прибегая к изощренному аргументу, что никакая позиция не может претендовать на авторитетность. Хартсок (Hartsock, 1990, p. 169) принадлежит классическое высказывание по поводу такого подхода: «Представляется почему-то весьма подозрительным, что именно в тот самый момент, когда столь многие группы стали... переосмысливать маргинальных Других, появляются сомнения относительно природы "субъекта", возможностей общей теории, которая может описать мир, относительно исторического "прогресса"». Еще один источник сдержанного

отношения заключается в том, что акцентирование постмодернизмом бесконечного регресса деконструкции и различий ведет людей от коллективной освободительной политики к радикальному индивидуализму, который может привести к выводу о том, что «"поскольку... каждый из нас отличен от другого и индивидуален, следовательно, каждая проблема или кризисная ситуация порождаются исключительно нашей собственной или, наоборот, вашей проблемой — а не моей"» (Jordan, 1992, цит. по: Collins, 1998, p. 150). Главное же состоит в том, что постмодернистский поворот уводит феминистов от материальных явлений неравенства, несправедливости и угнетения к неоидеалистической позиции, рассматривающей мир как «дискурс», «репрезентацию» и «текст». Разрывая связь с вопросами материального неравенства, постмодернизм удаляет феминизм от его приверженности прогрессивным изменениям — фундаментального проекта любой критической социальной теории.

Феминистская социологическая теория

В данном разделе обобщены идеи, явно или потаенно выраженные в разнообразных феминистских теориях, описанных выше. Это сделано, чтобы описать некоторые фундаментальные принципы феминистской *социологической* теории. Мы выделяем пять ее характерных аспектов. Это — социология знания, модель общества, модель социального взаимодействия, внимание к субъективному уровню социального опыта и интеграция этих уровней социальной жизни. Мы привлекаем идеи теоретиков, представляющих различные дисциплины, в том числе и социологию. Наибольшее влияние на предлагаемое нами синтетическое построение оказали работы Бенджамин (Benjamin, 1988); Бордо (Bordo, 1993); Чодороу (Chodorow, 1978); П. Коллинз (P. Collins, 1990, 1998); Гиллиган (Gilligan, 1982); Хейлбран (Heilbrun, 1988); Хеннесси и Инграхам (Hennessey & Ingraham, 1997); Лорд (Lorde, 1984); МакКиннон (MacKinnon, 1989); Рич (Rich, 1976), 1980; Д. Смитф. Smith, 1978,1979,1989,1990a, 1990b, 1992,1993); Уэст и Фенстермейкер (West & Fenstermaker, 1993); Уильяме (Williams, 1991, 1995).

Феминистская социология знания

Согласно феминистской социологии, все, что обычно называют «знанием о мире», характеризуется четырьмя аспектами: 1) оно всегда создается с позиций персонифицированных акторов, объединенных в группы, положение которых в социальной структуре различно; 2) таким образом, оно всегда пристрастно и корыстно и никогда не бывает абсолютным и объективным; 3) оно вырабатывается в рамках группы и отлично в разных группах, а также у действующих субъектов в рамках одной группы; 4) на него влияют отношения власти — независимо от того, формируется ли оно господствующими или подчиненными группами. Такое восприятие знания называется «феминистской эпистемологией определенной точки зрения» (Harding, 1986). Феминистская социологическая теория открывается социологией знания, потому что ее сторонники пытаются описать, проанализировать и менять мир с точки зрения женщин. Отталкиваясь от подчиненной позиции женщины в социальных отношениях, социологи-феминисты признают, что знание становится частью системы власти, контролирующей создание знания,

поскольку вообще руководит всем производством в обществе. Феминистская социологическая теория пытается поменять властные отношения в социологическом дискурсе — и в социальной теории, выдвигая позицию женщин в качестве одного из оснований для конструирования социального знания.

Пытаясь построить социологию с точки зрения женщин, ученые-феминисты рассматривают прежде всего, что образует эту точку зрения. Точка зрения есть продукт социальной группы, имеющей свою историю и общность условий для выработки общего знания о социальных отношениях. Феминисты, начиная там, где остановился Маркс, выделили три основных типа групп — собственники, работники *и женщины,* — особое отношение которых к процессам социального производства и воспроизводства превращают их в группы с определенными точками зрения. Женщинам при патриархате, в независимости от их классовой и расовой принадлежности, отдавались задачи социального воспроизводства (деторождение, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, приготовление пищи, забота о больных и иждивенцах, эмоциональное и сексуальное обслуживание). Патриархат — это такие властные отношения, при которых женщины занимают подчиненное положение как работники, чей труд эксплуатируется и присваивается мужчинами. При этом сплоченность женщин как «класса» в системе патриархального производства нарушается возникновением иных классовых конфигураций, в том числе собственно классовых и расовых. Сложившееся в истории общее для женщин отношение к социальному воспроизводству, осуществляемому в структуре подчинения, позволяет создать основу для феминистского притязания на «точку зрения женщин». В то же время в повседневных проявлениях социальной власти гендерное неравенство пересекается с неравенством расовым, классовым, геосоциальным и неравенствами сексуального и возрастного характера. Это порождает сложную систему групп, наделенных разными возможностями и представляющих различные точки зрения, групп, отношения которых выстраиваются посредством изменяющихся установок и убеждений, приводящих к созданию коалиций или оппозиции. Такие пересечения — неотъемлемая часть феминистского описания и анализа точки зрения женщин.

Понимание знания как продукта групп, имеющих разные точки зрения, выдвигает проблему: как выработать такой феминистский социологический подход, который был бы одинаково приемлем для социологов и служил бы целям эмансипации, т. е. как избежать релятивизма, при котором одно описание устраняет другое. Для этого берут на вооружение, по меньшей мере, четыре стратегии. Первая — это утверждение обоснованности «смешанных описаний». Они предполагают описание разного знания об опыте, которое имеется у субъектов или групп, придерживающихся различных точек зрения, и изложение всевозможных ситуаций, в том числе касающихся динамики власти, которые позволяют субъектам или группам создавать свои версии (Haraway, 1988). Вторая стратегия состоит в том, что описаниям или точкам зрения акторов или групп, наделенных наименьшей властью, отводится привилегированное место. Она обусловливается тем фактом, что в системе неравных властных отношений взгляды господствующих групп в большей мере обладают доверием и в большей степени тиражируются. Выявление точек зрения, которые присущи группам, не обладающим властью, и выдвижение их в центр, на привилегированное место составляет феминистский проект

эмансипации, а также корректирует преобладающие социологические теории, изменяя угол понимания социальных процессов (Lorde, 1984). Согласно третьей стратегии, теоретику феминизма нужно четко представлять те стадии, что он (она) проходит, двигаясь от понимания точки зрения, свойственной индивиду или группе, к обобщенному социологическому рассмотрению, дабы эти этапы описать, поскольку переход такого рода является актом власти (P. Collins, 1990, 1998; D. Smith, 1990a). Суть четвертой стратегии заключается в том, что социологу нужно определить точку зрения, с которой он (она) выступает, и таким образом уяснить свою пристрастность (во всех смыслах данного слова[1]) и влияние последней на теорию. Поскольку мы придерживаемся именно этой стратегии, то нам следует заявить о своей точке зрения, в ракурсе которой мы выводим создаваемый теоретический синтез. Наша позиция — это точка зрения сравнительно привилегированного класса ученых-теоретиков, занятых в сфере социальных наук и проживающих ныне на территории Соединенных Штатов. Мы выступаем также и с позиции женщин, чье место определяется пересечением векторов угнетения и привилегий, отчего ощущаем на себе дискриминационное давление расизма, эйджеизма[2] и гетеросексуальности. На особенности нашей позиции влияет принадлежность к образованным, имеющим определенную точку зрения группам, которым свойственна бедность и черты колониальной зависимости. Подобное сплетение специфики нынешнего положения и корней семьи определяет формирование как наших интересов, так и ценностей. Устанавливаемый нами синтез отражает концепцию справедливого общества, которую выдвигают теории угнетения. Согласно ей, справедливое общество — то, которое позволяет всем людям реализовать свое фундаментальное право (именно право, а не уступку нужде и установление награды для «достойного») претендовать на справедливую долю общественных благ — от продуктов, одежды, крова, услуг здравоохранения и образования до ликвидации страха насилия, утверждения позитивной оценки личности в конкретной группе и индивидуальной идентичности.

Макросоциальный уровень

Здесь и далее наше описание опирается на общепринятые в социологии терминологические и концептуальные традиции: изложение обустроено благодаря терминам *макросоциалъное, микросоциальное* и *субъективный уровень.* Несомненно, многое можно почерпнуть в теориях феминизма, которые опираются на какое-либо одно из этих социологических понятий, но, как станет ясно, вычленяемое нами из этих теорий отражает фундаментальную критику утверждений, которые связаны с указанными темами, существующих в социологии. Однако критика на этом не останавливается. Теория феминизма ныне формулирует новый концептуальный словарь социологии, выходящий за пределы бифуркации макросоциальный — микросоциальный/субъективный, показывая, что такое видение реальности устарело. В заключительной части данного раздела мы обратимся к самым современ-

[1] Используемое здесь слово *partiality,* помимо значения *«пристрастность,* предвзятость, необъектив ность» означает также *«частичность,* неполнота». — *Примеч. пер.*

[2] *Эйджеизмом* называют дискриминацию по возрасту *{ageism* от англ. *age,* т. е. «возраст»). — *При меч. пер.*

ным концепциям, которые показывают, что феминистские социологи переступают границы прежней модели социальной реальности.

феминистская социология макросоциального уровня подчеркивает влияние, оказываемое на субъективное восприятие социальной реальности как социальной структурой (или макрообъективными образованиями), так и идеологией (или макросубъективностью).

Прежде всего, феминистская социология расширяет марксистское понятие экономического производства до более общего — социального производства, т. е. продуцирования всей социальной жизни людей. Наряду с созданием товаров для рынка социальное производство, по мнению сторонников феминизма, включает такие установления, как организация домашнего труда, в результате которого создаются необходимые продукты и услуги; половая жизнь, формирующая и удовлетворяющая человеческое желание; близкие отношения, формирующие и удовлетворяющие эмоциональные потребности человека в одобрении, любви и самоуважении; государства и религии, создающие правила и законы общества; политика, средства массовой информации и научный дискурс, устанавливающие институционализированные, общественные определения ситуации.

Подобным образом изложенная и дополненная марксистская модель межгрупповых отношений по-прежнему занимает видное место в феминистской модели социальной организации. Каждый из этих различных видов социального производства базируется на установлении, посредством которого некоторые субъекты, контролирующие ресурсы, что имеют существенное значение для определенного рода деятельности, действуют в качестве господствующих индивидов, или «хозяев», диктующих условия производства и извлекающих из них выгоду. В каждом секторе производство опирается на труд подчиненных, или «слуг», чья энергия •помогает создать руководимый господами мир, и эксплуатация которых лишает их вознаграждения и удовлетворения от их труда. В феминистской теории более ярко, чем в марксизме, проявляется мысль о тесной связи между хозяевами и слугами, которая лежит в основе производства и обусловливает незаменимость труда слуг в создании и поддержании всего необходимого для социальной жизни людей. Господство в рамках отношений эксплуатации может выражаться не как принуждение, а как патернализм, «совокупность положительных эмоций по отношению к группе с дискриминационными интенциями, направленными на другую группу». Патернализм маскирует обе стороны, но не изменяет отношения господства и подчинения (Jackman, 1994, p. 11). Социальное производство выражается в многомерной структуре господства и эксплуатации, организующей класс, гендер, расу, секс, власть и знание в пересекающейся иерархии взаимосвязей между хозяевами и работниками.

Феминистская модель стратификации в социальном производстве критически направлена против структурно-функционалистского видения общества как системы отдельных институтов, характеризующуейя взаимосвязью ролей. Феминизм утверждает, что эта модель не является обобщенной, она отражает опыт и Доминирующее положение господствующих слоев общества: белых, взрослых, Мужского пола, принадлежащих к высшему классу людей. Феминистские исследования показывают, что женщины и другие притесняемые группы в своей социальной жизни не переходят от одной роли к другой. Наоборот, их роли пропорци-

онально соотносятся, интересы и ориентации слиты воедино, благодаря чему эти группы способствуют соединению социальных институтов в единое целое. Действительно, одним из показателей контроля господствующей группы над условиями производства является возможность, которой располагают ее члены, добиться разделения *своего* ролевого поведения, что служит воссозданию их контроля над ситуацией. Однако феминистская социология подчеркивает, что это условие зависит от действий подчиненных субъектов, которые не могут подразделять свою жизнь и действия. В самом деле, если бы эти подчиненные субъекты оказались способны осуществлять такое разделение, тогда вся производственная система сложных индустриальных обществ разрушилась бы. В отличие от структурно-функциональной феминистская модель подчеркивает, что слияние ролей, свойственное женщинам, в общем смысле аналогично жизни многих других подчиненных групп («слуг»), из чьего труда соткана повседневная жизнь. Понимание роли таких подчиненных групп в организации социальной жизни кардинальным образом отличается от того, которое характеризует теорию структурного функционализма; даже определения важнейших социальных институтов разнятся. Приоритетная роль этих групп в социальной жизни связана с тем, что они необходимы обществу в современном его виде, а также с тем, что их труд позволяет хозяевам ощущать надежность институционально разделенного мира.

Кроме того, феминизм подчеркивает роль доминирующей идеологии в структуре социального господства. Идеология — это сложная паутина убеждений, связанных с действительностью и социальной жизнью, паутина, которая закрепляется социальными институтами и оформляется в виде общественного знания, которое распространяется во всем обществе столь эффективно, что становится для всех социальных групп само собой разумеющимся. Таким образом, рассматриваемое феминистами «публичное знание о социальной действительности» есть не всеобъемлющая культура, созданный по общему согласию социальный продукт, а только отражение интересов и деятельности господствующих слоев общества и один из наиболее существенных показателей их власти. Такой взгляд отличается от традиционного марксистского тем, что, с феминистской точки зрения, идеологический контроль — это базовый процесс господства, а контроль иерархического плана над дискурсом и знанием — ключевой элемент господства на социетальном уровне.

Центральное место в феминистском подходе к макросоциальному порядку отводится определению макроструктурной модели гендерного угнетения. Теоретики феминизма утверждают, что тело женщины — важный источник социального производства и воспроизводства и, следовательно, предмет эксплуатации и подавления. Гендерное притеснение воссоздается идеологической системой, связанной с социальными институтами и отражающей интересы и опыт мужчин. Кроме того, эта гендерная идеология выделяет мужчин как носителей социокультурного авторитета и приписывает им право на господство, устанавливая для женщины выполнение обслуживающей функции во всех областях социального производства. Гендерная идеология рисует женщин как объектов мужского желания, общественная значимость которых определяется в соответствии с надлежащим телосложением. Гендерная идеология систематически принижает и извращает суть производственной деятельности женщин. Это достигается с помощью: 1) понимания

некоторых ее форм, например работы по дому, как незначительных; 2) идеализирования других функций женщины, например материнства; 3) отсутствия внимания к иной существенной стороне деятельности женщин, например их вкладу в производство рыночных товаров. Эти идеологические процессы, по сути, едины в макроструктурном создании всех видов социального подчинения.

Капитализм и патриархат, представляя собой отдельные формы господства, тем не менее усиливают друг друга. Например, организация производства в общественной и частной сферах и гендерные их характеристики дают выгоду обеим системам доминирования. Выгода капитализма заключается в том, что благодаря труду женщин в частной сфере воспроизводится рабочая сила, при этом система капитализма не несет дополнительных издержек. Кроме того, возлагаемая на женщин ответственность за эту приватную сферу делает их маргинальным, но одновременно вполне подходящим источником дешевого труда, что сбивает уровень заработной платы. И патриархат получает свою выгоду от этой эксплуатации работающих женщин, поскольку поддерживает их зависимость от мужчин. Препятствия для доступа женщин в общественную сферу гарантируют, что при наличии «хорошей» работы, она, прежде всего, будет предложена мужчинам. Тот факт, что женщины подвергаются сексуальному домогательству на работе и оскорблению в общественных местах, признается не каким-то случайным и незначительным событием, а примером отношения власти, в чем сходятся интересы патриархата и капитализма. Подобное неравноправие усложняется расовым, возрастным, а также гендерным разделением общественного и частного секторов.

Микросоциальный уровень

На уровне микровзаимодействий феминистская социология (как и некоторые микросоциологические подходы) уделяет основное внимание тому, как индивиды, следуя объективным проектам или разделяя характерные для различных субъектов смыслы, принимают Друг друга в расчет. Феминистская социологическая теория утверждает, что общепринятые модели взаимодействия (например, в рамках социального бихевиоризма и социального дефиниционизма — см. приложение) описывают, как люди, занимающие равное положение в макроструктурных, наделенных властью уровнях, создают общие смыслы и взаимоотношения для реализации совместных проектов. Эти модели показывают, исходя из приоритетной позиции господствующих в социальной структуре слоев, как происходит взаимодействие субъекта с равными и подчиненными ему людьми. Тем не менее феминистская теория полагает, что при взаимодействии субъектов, чье положение в социальной структуре различно, возникает множество других особенностей, помимо тех, что традиционно указываются. Так, утверждается, что действие носит скорее ответный, нежели целенаправленный характер, что непрерывно устанавливаются властные различения, что смысл многих действий не выражен явно или незаметен, что не всегда даны условия, когда возможным становится создание коллективных смыслов.

Традиционная микросоциология выдвигает модель целенаправленно действующих субъектов, определяющих собственные цели и преследующих их с помощью прямолинейного действия, при осуществлении которого они (индивидуально или коллективно) пытаются соотнести имеющиеся средства и предполагаемые цели.

По сравнению с этим феминистские исследования показывают, во-первых, что жизнь женщин зависит от случая, поскольку они действуют в рамках меняющихся обстоятельств, которые связаны с колебаниями в сфере брака, поступками мужей, непредсказуемым влиянием детей на жизненные планы женщин, разводом, вдовством и шаткостью положения женщин на работе. Во-вторых, в своей повседневной жизни женщины не столь прямо идут к своим целям, они все время удовлетворяют потребности и требования других. Эта тема поднимается при описании множества различных ситуаций: от анализа эмоционального и родственного симбиоза, складывающегося в отношениях матери и дочери, описания женских групп, объединенных родственными связями, до анализа ролевых функций женщин как учителей, сиделок, секретарей, администраторов и помощников по офису, а также описания выполняемых женщинами ролей жен, матерей, координаторов общины и рода. Называя действия женщин «ответными», мы не воспринимаем их как пассивные реакции; мы создаем портрет людей, которые ориентированы не столько на свои собственные цели, сколько на наблюдение, координацию, оказание помощи и регулирование желаний, действий и требований других. Таким образом, взамен традиционной микросоциологической модели целенаправленно действующих субъектов феминистские исследования выдвигают модель акторов, которые в своей повседневной жизни оказываются в том центре, где переплетаются действия других людей, и выполняют «ответные» функции, а в перспективе сами попадают под влияние сил, которые они не в состоянии ни предусмотреть, ни проконтролировать.

Традиционная микросоциальная теория полагает, что давление взаимодействия, принуждение к сотрудничеству и созданию смыслов столь велико, что субъекты действуют (при этом макроструктурные соображения выносятся за скобки) по отношению друг к другу на основе равенства. Феминистские исследования, посвященные взаимодействиям женщин и мужчин, опровергают такой вывод, показывая, что они формируются под влиянием макроструктурного контекста. На повседневные действия женщин оказывает влияние их подчинение мужчинам, с которыми они взаимодействуют в процессе общения, ухаживания, в браке, семье и на работе. Равенству или даже господству, которого способны достичь женщины, оказывается упорное сопротивление в самом процессе взаимодействия. Происходит это под влиянием структурных моделей, наиболее распространенная из них — ся институт гендера. Макроструктурное формирование гендерного неравенства сложным образом структурируется благодаря взаимодействию женщин и мужчин. Оно влияет не только на общее разделение труда в плане формулирования и исполнения задач, но даже на детали процесса взаимодействия, отражающие признание авторитета, почтительность в поведении, формах обращения и разговоре, взглядах и контроле над пространством и временем. Признание неравенства как свойства, проявляющегося в ситуациях взаимодействия, становится обостреннее и сильнее, если в аналитический план вовлекаются расовые и классовые факторы.

Сторонники социального дефиниционизма полагают, что одним из главных процессов, который протекает во время социального взаимодействия, является конструирование коллективных значений. Субъекты, наблюдая друг за другом, приходят в результате коммуникации к общему пониманию. Феминисты утверж-

дают, что это представление следует скорректировать, учитывая тот факт, что взаимодействия на микроуровне — часть макроструктуры, ею обусловлены. Повседневные действия и взаимоотношения женщин с другими людьми осуществляются па идеологическом фоне, связанном с общественным пониманием сути повседневной жизни или ее осознанием в рамках социальных институтов, что вносит свои деформирующие коррективы в деятельность и опыт женщин. Эта идеология формирует значения, которые приписываются тем или иным действиям. Мужчины (господствующие субъекты), взаимодействуя с женщинами, припишут их поступкам те смыслы, что определены макроструктурой гендерной идеологии; у них нет той установки, что следует интерпретировать действия женщин непредвзято или на основе иных моделей макроуровня. Женщины, погруженные в пространство той же самой идеологической интерпретации, оказываются в ситуации диалектического напряжения, сравнивая эту идеологию со своей реальной жизнью. Это порождает огромное число значений. Приверженцы теории социального дефиниционизма утверждают, что субъекты, имеющие близкие отношения и общающиеся в течение длительного времени, начинают выражать общую точку зрения или создают систему общего понимания. Феминистские исследования, посвященные, вероятно, наиболее интимной и наиболее продолжительной по времени связи между мужчиной и женщиной — браку, показывают, что по всем перечисленным выше причинам партнеры остаются чужими друг другу и пребывают в совершенно разных смысловых мирах. Такая «от-чуж-денность» в большей степени характерна для мужчины, охраняющего свои интересы контроля и доминирования, чем для женщины, которая вынуждена лишь приноравливаться к значениям, которые выдвигает ее господин-супруг.

Этос демократии формирует как социально-дефиниционистское, так и социально-бихевиористское описание взаимодействий. Традиционные модели предполагают, что люди обладают равными возможностями и свободой выбора, касающейся вступления в процесс взаимодействия и его прерывания и прекращения. Феминистские же работы демонстрируют, что те взаимодействия, когда женщины обладают свободой воссоздавать вместе с другими людьми смыслы, отражающие их житейский опыт, случаются, если они общаются с женщинами, имеющими аналогичное положение. Кроме того, такая дружба чрезвычайно привлекательна для женщины по причине практической, эмоциональной и мировоззренческой поддержки, которую она обеспечивает. Однако женщины не обладают правом свободно войти в такую среду. Закон, идеология, подавление в сфере взаимодействия ограничивают это общение и принижают его значимость, так что даже сами женщины начинают сомневаться в привлекательности подобных связей. Соответственно, такого рода связь оказывается не свободным и открытым выбором, а подпольной, замкнутой и скрытой от глаз постороннего областью отношений и установления смыслов.

Наконец, в феминистском анализе взаимодействия подчеркиваются те различия между мужчинами и женщинами, которые объяснимы с точки зрения глубинных психических структур. Воспитание мужчин поощряет индивидуализацию и ведет к отрицанию женского начала; с детства мужчина понимает, что его притязания на свое преимущество означают, что надобно отстраниться от женских эталонов поведения. Подобным же образом, женщина рано узнает, что одна из обязан-

ностей женщин — по отношению к мужчинам и друг к другу — признать личность другого человека благодаря жестам, которые проявляются при взаимодействии: оказание знаков внимания, комментарий к сделанному, одобрение и демонстрация осведомленности. Такого рода поведение распространено, оно объясняет не только гендерные интеракции, но и взаимодействия, проходящие в рамках групп одного пола. Женщин часто изображают проявляющими больше отзывчивости по отношению к другим и в большей степени следящими за нуждами и желаниями других. Мужчины же склонны ощущать право и обязанность разграничивать свое поведение, реализовывая собственные планы, и чувствовать, что их отзывчивость по отношению к другому человеку — акт великодушия, а не часть ожидаемого от них в процессе взаимодействия поведения.

Субъективность

В большинстве социологических теорий связываются субъективный уровень социального опыта с микросоциальным действием (микросубъективностью) или же (как «культуру» или «идеологию») с макроуровнем (макросубъективностыо) (см. главу 10; приложение). Социологи же феминистского толка настаивают, что индивидуальная интерпретация субъектом целей и отношений должна рассматриваться как отдельный уровень. Это требование вытекает из рассмотрения жизни женщин и представляется вполне приложимым к анализу жизни подчиненных групп в целом. Будучи подчиненными, женщины особенно осознают субъективность своего опыта, поскольку их собственные переживания столь часто вступают в противоречие с преобладающими культурными и утверждающимися в процессе микровзаимодействий определениями. Когда социологи рассматривают уровень субъективности, обычно понимаемый ими как часть микросоциального, они обращают внимание на четыре главных вопроса: 1) принятие ролей и знание другого; 2) процесс усвоения норм сообщества; 3) природа «Я» как социального актора; 4) природа сознания в повседневной жизни. В настоящем разделе дается анализ феминистского пояснения этих аспектов.

Согласно традиционной социологической модели личности (в том варианте, что выдвинут теорией Мида [см. главу 6] иШюца), принимая на себя ту или иную роль, субъект учится видеть себя глазами других людей, которые считаются более или менее на него похожими. Но феминистская социология доказывает, что в процессе социализации женщины учатся видеть себя глазами мужчин. Даже если «значимыми другими» являются женщины, все равно перенимается мужское представление о себе и женщине вообще. На усвоение женщинами свое роли влияет тот факт, что они, в отличие от мужчин, должны научиться роли настоящего *другого,* а не просто какого-либо иного социального субъекта, который во многом схож с ней. Другим для женщины выступает мужчина, и он чужд ей. Для мужчин другие — в первую очередь мужчины, равные ему по гендерному признаку, чему в культуре придается необыкновенное значение. Феминисты считают, что данную формулу усложняет еще пересечение в индивидуальной жизни векторов угнетения и привилегий.

Принятие роли обычно рассматривают как наивысшую точку в усвоении норм сообщества, когда социальный актор учится принимать роль «обобщенного дру-

гого», представляющего собой конструкт, мысленно созданный субъектом из совокупности событий макро- и микроуровня, какие образуют его социальную жизнь. Привлечение слова в единственном числе — *«другой»* — означает, что последователи микросоциологии рассматривают обобщенного другого как цельное, когерентное, единственное выражение ожиданий. Однако, по мнению феминистов, в патриархальной культуре, где господствуют мужчины, «обобщенный другой» — это набор норм, принятых в сообществе, где господствуют мужчины, и вынуждающие женщину считать, что она «нечто более низкое» или «неравное» по отношению к мужчинам. В той степени, в какой женщине удается сформулировать понимание «обобщенного другого», точно отражающее воззрения, которые господствуют в обществе, она нанесет ущерб проявлению чувства собственного достоинства и самопознанию. Феминистская теория опровергает тезис, согласно которому для большинства людей существует единый образ обобщенного другого. Подчиненный субъект пребывает между миром, который управляется свойствами доминирующего образа «другого» и соответствующей системой значений, и своим местом в «исконных группах», выдвигающих альтернативные воззрения и стандарты такого обобщения. Осознание множества моделей обобщенного другого существенно в плане понимания сложности быть личностью и самореализовываться.

Согласно предлагаемому приверженцами микросоциологией описанию, социальный актор видит повседневный мир как нечто, подчиненное частным интересам. Социологи-феминисты подчеркивают: женщины могут оказаться настолько ограничены своим статусом, что идея строить собственные планы в мире оказывается бессмысленной и чисто умозрительной. Кроме того, женщины могут не считать жизненный мир чем-то, что осваивается в соответствии с собственными частными интересами. В результате социализации они, вероятно, станут осознавать мир как место, где субъект уравновешивает разнообразные интересы других акторов. Женщины не обладают опытом самостоятельного контроля над определенными сферами пространства. Аналогично и их понимание времени редко следует элементарной модели «первое — значит, первое», поскольку их жизненная реализация состоит в уравновешивании интересов и проектов других. Таким образом, женщины способны строить планы и действовать, заботясь о различных интересах — своих собственных и чужих, способны действовать в интересах сотрудничества, а не руководства; способны воспринимать имеющийся баланс ролей не как конфликт, не как ролевое раздробление, а как реакцию на социальную жизнь.

Феминистские социологи критически отнеслись к тезису о цельном характере сознания в повседневной жизни, который принят сторонниками традиционной микросоциологии. Феминистские социологи подчеркивают, что женщинам свойственно «раздвоенное сознание», обусловливающее «линию разлома», проходящую между их личным, пережитым и обдуманным опытом и общепринятыми социальными описаниями этого опыта (D. Smith, 1979, 1987). Таким образом, повседневная жизнь разламывается для подчиненных субъектов на два рода действительности: с одной стороны — реально пережитых, обдуманных событий, с другой — существование социальных моделей. Женщины, понимающие, насколько их собственный опыт отличается от имеющегося у мужчин, с которыми они взаимодействуют, не допустят разделение личности. Как биологические и социальные суще-

ства, чьи действия не в полной мере регулируются патриархатом, женщины различают время как пережитый опыт и время как социальную обязанность. Феминистская социология личности, вероятно, сначала бы задала вопрос: как люди выживают, если их собственный опыт не соответствует установленным социальным образцам опыта? Одни выходят из положения, не размышляя над этим, другие — осознавая индивидуальные типы, чтобы осмыслить свой опыт; третьи — стремясь найти общность с другими, принимающими такую раздвоенную действительность; четвертые — отрицая обоснованность собственного опыта.

Представленные в обобщенном виде положения, касающиеся личности женщин, верны и в отношении личности всех других подчиненных субъектов. 1. Принятие ими роли осложняется пониманием, что необходимо принять ожидания другого, являющегося в силу обладания властью чужим. 2. Они связаны не с одним, а многими образами «обобщенного другого», свойственного как культуре могущественных групп, так и различным субкультурам, которые либо наделены меньшей властью, либо не наделены ею вовсе. 3. Они не ощущают себя целенаправленно действующими субъектами, способными выстраивать собственную жизнь — хотя им (прежде всего, в границах американского этоса) постоянно говорят, что они могут это делать. 4. Они живут с раздвоенными сознанием, ощущением раскола между своим собственным опытом и тем, чтоутверждается господствующей культурой.

Наше рассмотрение подразумевало цельного субъекта, т. е. индивида (женщину или мужчину), обладающего беспрерывным, поступательным сознанием и осознанием себя. Представление о цельном субъекте имеет существенное значение для феминистской теории, поскольку именно такой субъект способен испытать боль и угнетение, именно он выносит ценностные суждения и именно он либо оказывает сопротивление, либо примиряется с положением вещей. Цельный субъект — важнейший агент социальных изменений. Но нас интересует, насколько целостен такой субъект; выдвигается проблема субъекта, чей обобщенный другой — поистине «другой» или «чужой», субъекта, сталкивающегося не с *одним каким-либо* обобщенным другим, но со множеством таких образов, субъекта, чье сознание раздвоено, а личность, способная развиваться и изменяться, должна рассматриваться скорее как процесс, а не как продукт. Такое понимание «Я» как в качестве состоящего из отдельных частей, а не становящегося цельным, свойственно феминистским теориям личности, более того — это самая суть феминистских идей о сопротивлении и переменах. Восприятие «Я» как раздробленного наиболее сильно в критическом постмодернистском феминизме (рассмотренном выше), сторонники которого сомневаются в самой возможности «единого субъекта или сознания». Но если личность, любое «Я», постоянно пребывает в изменении, если можно сказать в любой момент, что «это не я», то как вообще можно найти основания для утверждения личности? Феминисты, критикующие постмодернизм, обращаются к исследованию повседневной жизни женщин. Те, говоря: «Я тогда не была собой» или «До сих пор я не была собой», допускают наличие некоего устойчивого «Я», от которого они отклонились, и, более того, самими этими утверждениями предполагается наличие такого «Я», которое знает об этом отклонении.

К обобщающей теории

Картина социальной организации, возникающая в рамках феминистской социологической теории, носит обобщенный характер. Она соединяет экономическую деятельность с другими видами социального производства (воспитание детей, эмоциональная поддержка, содержание домашнего хозяйства, половая жизнь и т. д.); считает материальное производство взаимосвязанным с производством идеологическим; описывает переплетение представляющихся автономными социальных институтов с произвольными индивидуальными действиями и отношениями; связывает структуру с взаимодействием и сознанием. Представляя мир таким образом, феминистская социологическая теория обращается к двум дихотомиям в социологической мысли: вопросам соотношения структуры и воли и разделения «макроуровня» и «микроуровня».

Первый вопрос — спор о том, каким образом должны строиться социологические объяснения, о том значении, которое имеет для этого объяснения произвольное действие (люди, которые действуют относительно независимо, оказывают воздействие на социальную жизнь) или структура (влияние коллективных социальных установлений, определяющих ограничения индивидуального действия) (см. главу 11). Феминистская социологическая теория подключилась к рассмотрению этих проблем, исследуя взаимосвязи между структурой и волей с точки зрения феминизма на социальную жизнь как ту, что определяется конфликтом между борьбой за свободу и угнетением. С одной стороны, феминистская теория говорит о крупных, устойчивых, вводящих ограничения социальных структурах патриархата, капитализма и расизма. С другой стороны, она сосредоточена на оппозиционной политике, а в методологии — на персонифицированном субъекте, таким образом утверждая значимость человеческих действий в истории и их роль для социального анализа. Индивиды осмысливаются как живущие и действующие в рамках пространства власти, которым они детерминируются и которое они своими действиями одновременно воспроизводят и с которым борются. Социальная жизнь воспринимается как цепь актов угнетения, что осуществленных агентами, причем их обязанность воспроизводить систему господства оценивается как непременное условие, даже если эти акты можно объяснить социальными структурами. Социальную жизнь можно понимать и как ряд индивидуальных и групповых реакций на притеснение: преодоление, отрицание, вызов, свержение, протест, сопротивление — как политику сопротивления, при которой индивидуальные и коллективные действия противостоят структурам и агентам господства. Существенное значение для этой оппозиционной политики имеет наличие и устойчивость точек зрения разных групп. Эти точки зрения представляют собой способы понимания общества, возникающие из социально-структурных установлений и мотивирующие индивидуальное и групповое воспроизведение системы господства или сопротивления ей (P. Collins, 1998). Если приверженец структурного детерминизма утверждает, что точка зрения является продуктом социальных структур, то феминистский анализ указывает на неизменное чудо и тайну человеческой способности надеяться и действовать для достижения лучшего даже в обстоятельствах самого жестокого угнетения. Последний подход подчеркивает эмоциональ-

ную восприимчивость персонифицированных индивидуальных субъектов по отношению к структурам, их способность реагировать гневно или обращать гнев на созидательные цели. Эмоциональную реакцию в виде гнева — и желание обратить его в сопротивление несправедливости — или требование справедливости нельзя объяснить порождающими их структурами угнетения (Lorde, 1984). В этом утверждении феминизм выражает надежду на освободительную политическую деятельность и предлагает разрешение теоретической проблематики, отраженной в дебатах о структуре/деятельности.

Теоретики феминизма разрабатывают словарь, чтобы описать различные сосуществующие реалии микро- и макроотношений. Дороти Смит ввела понятия «отношений господства», «обобщенных, анонимных, безличных текстов» и «локальных условий переживаемого опыта» (Smith, 1987, 1990a, 1990b). Термин *отношения господства* подразумевает сложные, отдельные, хотя и сложно взаимосвязанные социальные действия, направленные на контроль за социальным производством. Это социальное продуцирование, по своей материальной природе, осуществляется в определенное время в *локальных условиях переживаемого опыта* — т. е. там, где некий реальный человек, например, пишет или читает книгу (или высаживает огородные растения, или шьет). Отношения господства в период позднего капиталистического патриархата проявляются в *текстах,* которые характеризуются присущими им свойствами *анонимности, обобщенности и власти.* Эти тексты предназначены для того, чтобы моделировать и переводить специфический, индивидуализированный опыт реальной жизни в языковую форму, приемлемую для отношений господства. Критерий «приемлемости» удовлетворяется, если текст отражает свойственное господствующим субъектам определение ситуации. Тексты могут варьироваться от договоров и полицейских отчетов до официальных бюллетеней, школьных аттестатов и медицинских записей. Повсюду они изменяют материальную действительность, по-новому интерпретируя то, что произошло, определяя то, что возможно. Таким образом, вступая во взаимоотношения с системой господства, пусть даже на локальном уровне, индивид (например, студент, нанимающийся на летнюю работу в ресторане, принадлежащем другу его семьи) обнаруживает, что должен заполнить определенные текстовые образцы (например, налоговые бланки), которые были установлены не его непосредственным работодателем, а господствующим аппаратом. Эти тексты приводят к тому, что постоянно пересекаются отношения господства и локальные условия переживаемого опыта. Важно отметить, что это пересечение двояко: в определенные моменты действующие субъекты, будучи каждый на своем индивидуальном месте, сидя за партами, компьютером или столом переговоров, создают формы, которые станут элементом господства.

Все эти три аспекта социальной жизни — отношения господства, локальные условия переживаемого опыта и тексты — являются распространенными, неизменными, устойчивыми чертами организации социальной жизни и системы доминирования. Все они могут и должны изучаться как одновременно действия и продукты конкретных субъектов. Каждое измерение обладает своей особой внутренней динамикой — побуждение к контролю в отношениях господства, побуждение к производству и коммуникации в локальных условиях, побуждение к объективизации и отражению действительности в обобщенных текстах. Этому миру присущи ген-

дерные характеристики и одновременно расовые. Хотя никто не может избежать жизни в локальных условиях, поскольку каждому человеку приходится находиться где-то во времени и в пространстве, женщины гораздо более глубоко вовлечены в непрерывный процесс сохранения локальных условий, тогда как мужчины намного свободнее, будучи господствующими субъектами. Такое же разделение повторяется в случае представителей подчиненной и господствующей расы. Тексты, стремящиеся к объективации и отражению действительности, составлены так, что становится невозможным равное участие всех субъектов в деятельности, которая организована текстом, и это неравенство создается по линиям расы, гендера, класса, возраста, местожительства — т. е. различие выступает организационным принципом текстов в рамках отношений господства. Здесь перекрещиваются детали структуры и взаимодействий. Существование господства и производства становится проблематичным, и их проявления включают и, таким образом, поглощают давнее социологическое разграничение макросоциальных, микросоциальных и субъективных аспектов социальной реальности. В этом теория феминизма вполне сближается со многими работами, которые рассматриваются в третьей части данной книги, посвященными проблемам интеграции микро- и макроуровней и соотношения индивидуального действия и социальной структуры.

Резюме

Феминистская социологическая теория вырастает из теории феминизма в целом — нового учения о женщинах, стремящегося создать систему воззрений, которые бы характеризовались тем, что женщина выступает как объект и субъект, способный действовать и обладающий знанием.

Современный феминизм стремится привлечь внимание социологов к гендерным отношениям и жизни женщин. Сейчас в рамках многих социологических направлений исследуются эти вопросыШакросоциальные теории — функционализм, аналитическая теория конфликта и неомарксистская теория мировых систем — рассматривают, какое место занимает домашнее хозяйство в рамках социальных систем, разъясняя, почему положение женщин в обществе является подчиненным. Символический интеракционизм и этнометодология — микросоциальные теории — исследуют способы продуцирования и воспроизводства гендера в межличностных отношениях.

Феминизм вырастает из четырех главных вопросов: *«А как насчет женщин?», «Почему же тогда все именно так, как есть?», «Каким образом мы можем изменить и улучшить социальный мир, чтобы сделать его более справедливым для женщин и для всех людей?», «Каковы различия между женщинами?».* Ответы на эти вопросы порождают различные варианты теории феминизма. В данной главе отмечены четыре основных ее направления. Согласно теориям гендерного различия, положение женщин отличается от того, которое занимают мужчины. Эти направления феминистской мысли объясняют такое различие, исходя из обусловленности биосоциальными факторами, социализации, социального взаимодействия и онтологической трактовки женщины как «Другого». Теории гендерного неравенства, представленные, главным образом, либеральным феминизмом, подчеркива-

ют требование фундаментального права женщин на равенство и описывают структуры неодинаковых возможностей, которые оказываются следствием дискриминации по половому признаку. Теории гендерного угнетения — это феминистская психоаналитическая теория и радикальный феминизм. Первая разновидность объясняет притеснение женщин, основываясь на психоаналитическом описании психического стимула мужчин к господству; вторая — с точки зрения способности и желания мужчин использовать насилие для подчинения женщин. Теории структурного угнетения — это феминизм социалистического толка и теория пересечений. Первая из двух вариаций связывает угнетение с патриархальной и капиталистической попыткой контролировать социальное производство и воспроизводство. Теория пересечений указывает то влияние, какое оказывают факторы классовой и расовой принадлежности, гендера, предпочтений в любви, местожительства на переживание событий, формирование точек зрения, свойственных определенным группам, и отношения, складывающиеся между женщинами.

Феминистская теория выделяет шесть основных причин для пересмотра общепринятых социологических теорий. Во-первых, построение социологической теории должно опираться на социологию знания, признающую пристрастность любого знания и утверждающую, что его носитель персонифицирован и имеет определенное социальное положение, а функция власти состоит в воздействии на то определение, что обретает форму знания. Во-вторых, макросоциальные структуры укоренены в процессах, которые контролируются господствующими слоями, действующими в своих интересах, и осуществляются подчиненными, чей труд благодаря господствующей идеологии оказывается незамеченным и недооцениваемым даже самими исполнителями. Таким образом, доминирующие субъекты контролируют и присваивают производительный труд общества, в том числе не только экономическое производство, но и женскую работу в плане социального воспроизводства. В-третьих, социальные процессы микровзаимодействий являются актами властных установлений господства/подчинения, которые по-разному трактуются влиятельными и подчиненными субъектами. В-четвертых, эти условия порождают у женщин «раздвоенное сознание» по линии разлома, вызываемого сопоставлением патриархальных идеологий с пережитыми женщинами жизненными реалиями. В-пятых, сказанное по поводу женщин относится ко всем подчиненным субъектам, — здесь обнаруживается очевидное сходство, хотя и не тождественность. В-шестых, надлежит подвергнуть сомнению категории, выработанные в рамках дисциплины, где традиционно доминировали мужчины, особенно разделение ее на микро- и макросоциологию.

Часть III

Развитие интеграции в современной социологии

Глава 10
ИНТЕГРАЦИЯ МИКРО- И МАКРОПОЗИЦИЙ

В данной главе, так же как и в следующей, мы рассмотрим два ведущих направления в современной социологической теории. Мы проследим ее динамику начиная с 1980-х гг., (хотя, как мы увидим, здесь не обошлось и без предшественников современных теорий, сыгравших важную роль в социологии), когда в Соединенных Штатах отмечалось бурное развитие социологии, продолжающееся и в настоящее время. Прежде всего это касается вопроса о *соотношении микро- и макросвязей.* В главе 11 мы рассмотрим развитие социологической теории, в широком масштабе происходившее в Европе — что было вызвано повышением интереса к *взаимосвязи между действием и структурой.* Как мы увидим, между работами американских ученых, посвященными микро- и макроинтеграции, и европейскими теориями о деятельности социальных агентов и структуре, существуют как принципиально сходные моменты, *так и* существенные различия. Эти два направления сами могут рассматриваться как примеры теоретического синтеза, а значит, и как один из этапов широкого движения к этому синтезу, который стал предметом рассмотрения II части настоящей книги.

Полярные микро- и макропозиции

До недавнего времени *одним* из крупнейших разногласий в американской социологической теории XX в. был конфликт между полярными *микро-* и макротеориями[1] (и теоретиками) и, что, возможно, более важно, между теми, кто таким образом *интерпретировал* социологические теории (Acher, 1982). Такие крайние концепции и интерпретации теорий имели тенденцию преувеличивать масштабы рас-

[1] Использование терминов *«микро-* и *«макро»* предполагает наличие дихотомии, однако мы отдаем себе отчет в том, что существует *континуум!* варьирующийся в пределах микро- и макроуровня (см. приложение).

хождения между микро- и макротеориями, а также, в более общем плане, конфликта и разногласий (Gouldner, 1970; Wardell andTurner, 1986a; Wiley, 1985) в социологической теории.

Идеи классиков социологической теории, рассмотренные в части 1 настоящей книги — Маркса, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля, — можно понять (что многие и делали) как выражение полярных микро- или макропозиций. Однако наиболее оправдан взгляд — именно его мы и будем придерживаться, — согласно которому этих мыслителей заботило соединение микро- и макроуровней (Moscovici, 1993). Справедливо полагать, что Маркса интересует принудительное и отчуждающее влияние капиталистического общества на отдельных работников (и капиталистов). Центральный аспект теории Вебера — проблема трудного положения индивида в железных тисках сложившегося рационального общества. Зиммеля, главным образом, интересовали отношения между объективной (макро-) и субъективной (или индивидуальной, микро-) культурой. Даже Дюркгейм исследовал влияние социальных фактов макроуровня на индивидов и индивидуальное поведение (например, самоубийство). Если мы принимаем такую характеристику классиков социологической теории, тогда оказывается, что немалая часть американской социологической теории XX в. утратила интерес к микро-макросвязи и характеризуется поляризацией микро- и макропозиций — т. е. превосходством теоретиков и теорий, придающих повышенное значение и влияние микролибо макроуровню. Таким образом, рассмотренные в третьей части книги теории тяготели к той или иной крайности. Со стороны «макроэкстремизма» выступали теория конфликта, структурный функционализм и некоторые разновидности неомарксистской теории (особенно экономический детерминизм). С «микроэкстремистской» — символический интеракционизм, этнометодология, теории обмена и рационального выбора.

Среди наиболее примечательных теорий XX в., преимущественно ориентированных на макроуровень, выделяют «культурный детерминизм»[1] Парсонса (Parsons, 1966); теорию конфликта Дарендорфа (Dahrendorf, 1959) с ее упором на императивно скоординированных ассоциациях; и макроструктурализм Питера Блау, суть которого выражена в его броском заявлении: «Я структурный детерминист» (Blau, 1977a, p. x). Макроструктурный «экстремизм» также имеет и другие источники (Rubinstein, 1986), в частности, концепции таких представителей сетевой теории, как Уайт, Борман и Брейгер (White, Boorman, and Breiger, 1976), экологов, например Дункана и Шнора (Duncan and Schnore, 1959), и структуралистов, таких как Мэйхью (Mayhew, 1980). Далеко не каждый может превзойти максимализм позиции Мэйхью, который, в частности, говорит: «В структурной социологии единицей анализа всегда является социальная сеть и *никогда — индивид*» (Mayhew, 1980, p. 349).

Как «микроэкстремистские» можно рассматривать немалую долю теорий, относящихся к символическому интеракционизму, и идеи Блумера (Blumer, 1969a),

[1] Даже такой сочувственный наблюдатель, как Джеффри Александер (Alexander, 1987, p. 296), признает свойственный Парсонсу «коллективистский уклон»; см. также Coleman (1986, p. 1310). Однако, хотя наибольшее влияние Парсонс имел в области коллективистской теории, в его творчестве можно обнаружить отчетливую линию на интеграцию микро-и макропозиций.

который зачастую имел в виду именно структурный функционализм, определяя символический интеракционизм как социологическую теорию, по-видимому, целиком сконцентрированную на микроуровневых явлениях (см. главу 6, где дается совершенно другая интерпретация воззрений Блумера). Еще более отчетливый пример крайней микропозиции мы находим в теории обмена Джорджа Хоманса (Homans, 1974), искавшего альтернативу структурному функционализму и нашедшего ее в наиболее радикальном направлении бихевиоризма, сфокусированном на микропорядке, которое развивает Скиннер. Кроме того, сюда относится этнометодология с ее вниманием к повседневной деятельности субъектов. У Гарфинкеля (Garfinkel, 1967) вызывали неприязнь макроподходы структурного функционализма и его тенденция превращать действующих субъектов в «остолопов».

Движение к интеграции микро- и макропозиций

Поляризация микро- и макроориентаций — тенденция, ставшая характерной для большой части социологических теорий XX в. Начиная с 1980-х гг., проявилось, преимущественно в американской социологии, движение от крайностей микро- и макроподходов к согласованности во мнении, что необходимо уделять *основное* внимание *интеграции (или синтезу) микро-и макротеорий и/илиуровней социального анализа.* Данный подход, в самом деле, отражает смену акцентов в социологии по сравнению с подходом, характерным для 1970-х гг., когда Кемени утверждал: «Этому различию уделяется столь мало внимания, что термины "микро" и "макро" обычно даже не упоминаются в работах по социологии» (Kemeny, 1976, p. 731). Можно говорить о том, что в этом отношении американские теоретики социологии возродили теоретические установки классиков социологии.

Хотя особенно бурное развитие в новом направлении наблюдалось в 1980-е и 1990-е гг., ученые и раньше обращались непосредственно к вопросу соединения микро- и макросоциологии. Например, в середине 1960-х гг. Хельмут Вагнер (Wagner, 1964) исследовал взаимосвязь теорий частного и общего порядка. В конце этого десятилетия Уолтер Уоллэс (Wallace, 1969) изучил микро-макроконтинуум, однако в его анализе этот вопрос отошел на второй план и рассматривался как дополнение к его базовой классификации социологической теории. В середине 1970-х гг. Кемени (Kemeny, 1976) призвал уделять больше внимания отличию микро- от макроуровня, а также способам их взаимосвязи.

Однако именно в 1980-е гг. мы стали свидетелями увеличению числа работ, посвященных вопросу объединения микро- и макропозиций. Коллинз утверждал, что работа над этой темой «обещает стать значительной базой для теоретического развития в ближайшее время» (Collins, 1986a, p. 1350). В своем введении к двухтомнику, одна из книг которого посвящена макро- (Eisenstadt and Helle, 1985a), а вторая — микротеории (Helle and Eisenstadt, 19.85), Эйзенштадт и Хелле сделали вывод о том, что «противостояние микро- и макротеорий принадлежит прошлому» (Helle and Eisenstadt, 1985b, p. 3). Подобным же образом, Мюнх и Смел-зер в своем заключении к антологии «Микро-макросоединение» (Alexander et al., 1987) заявили: «Полемические уверения в том, что один уровень фундамен-

тальнее другого... должны рассматриваться как ошибочные. Практически каждый из тех, благодаря кому появилась эта книга, настойчиво утверждал взаимосвязь микро- и макроуровней» (Alexander et al., 1987, p. 385).

Существуют два главных направления работ, связанные с проблемой интеграции полярных подходов. Отдельные ученые стремятся к соединению микро- и макрогаео-*рий,* тогда как другие разрабатывают теорию, предметом которой является взаимосвязь микро- и *макроуровней* (Alford and Friedland, 1985; Edel, 1959) социального анализа. Например, выше мы приводили высказывание Эйзенштадта и Хелле (Helle and Eisenstadt, 1985b:3), которые сделали вывод о том, что конфронтация микро- и *макротеорий* ушла в прошлое, в то время как Мюнх и Смелзер (Munch and Smelser, 1987, p. 385) пришли к сходному заключению относительно отсутствия потребности выбора микро- или макроуровня в качестве основного. Существуют значительные различия между попыткой соединения макро- (например, структурного функционализма) и микротеорий (например, символического интеракционизма) и стремлением создать теорию, изучающую взаимоотношения макро- (например, социальной структуры) и микроуровней социального анализа (например, личности).

С учетом этого введения мы обратимся к некоторым примерам интеграции явлений микро- и макропорядка. В части II настоящей книги мы уже рассматривали попытки объединить микро- и *макротеории.* Нижеследующие примеры дают представление об интеграции микро- и *макроуровней социального анализа.*

Примеры интеграции полярных позиций

Интегрированная социологическая парадигма

Данный раздел начинается с описания моей собственной попытки (Ritzer, 1979, 1981a) микро-макроинтеграции. Здесь мы относительно кратко рассмотрим этот вопрос, поскольку интегрированная социологическая парадигма представлена в приложении. Там излагается ее суть, поскольку данная парадигма представляет собой метатеоретическую схему, согласно которой организована настоящая книга. В данном разделе предметом нашего внимания станет вопрос интеграции микро- и макропозиций в том виде, как он выражен интегрированной парадигмой.

Следует отметить, что мой взгляд на интегрированную парадигму в целом, и, в частности, на такого рода интеграцию, сформировался под влиянием творчества ряда предшественников, особенно Абрахама Эделя (Edel, 1959) и Джорджа Гур-вича (Gurvitsh, 1964); см. также Bosserman, 1968). Гурвич считает, что социальный мир можно изучать с точки зрения «горизонтальных» уровней (Смелзер [Smelser, 1997] выделяет четыре уровня), представленных в восходящем порядке от микро- к макропорядку: формы социальности, групповые образования, социальные классы, социальная структура и глобальные структуры. Чтобы дополнить эту иерархию, Гурвич также предлагает десять «вертикальных», или «глубинных», уровней, начиная от наиболее объективных социальных явлений (например, экологические факторы, организации) и заканчивая наиболее субъективными (коллективные представления и ценности, коллективный разум). Гурвич перекрещивает горизонтальные и вертикальные измерения для того, чтобы получить многочисленные уровни социального анализа.

В своей работе по интегрированной социологической парадигме, опираясь на достижения Гурвича, я пытался создать более емкую модель. Она начинается с микро-макроконтинуума (горизонтального уровня у Гурвича), идущего от индивидуального мышления и действия к мировым системам (см. приложение, рис. А.1). К данному континууму добавляется объективно-субъективный континуум (вертикальные уровни Гурвича), варьирующийся от таких материальных явлений, как индивидуальное действие и бюрократические структуры, до таких нематериальных, как сознание, нормы и ценности (см. приложение, рис. А.2). Следуя за Гур-вичем, я перекрещиваю эти два континуума, но таким образом, что в результате получается не множество, а всего лишь четыре уровня социального анализа, что значительно упрощает их изучение. Они изображены на рис. 10.1[1].

По моему мнению, проблему взаимосвязи микро-, макроуровней нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума. Все социальные явления как микро-, так и макропорядка — объективны или субъективны. Таким образом, вывод состоит в том, что существуют четыре основных уровня социального анализа, *и* социологи должны исследовать диалектическую взаимосвязь между ними. Макрообъективный уровень включает масштабные материальные явления: общество, бюрократия и технология. Макросубъективный уровень охватывает масштабные нематериальные явления — например, нормы и ценности. Что касается микроуровней, то микрообъективность подразумевает частные сущности, типа действия и взаимодействия, тогда как микросубъективность относится к частным ментальным процессам, с помощью которых люди конструируют социальную реальность. Каждый из этих четырех уровней важен сам по себе, однако наибольшее значение имеет динамическая связь между ними.

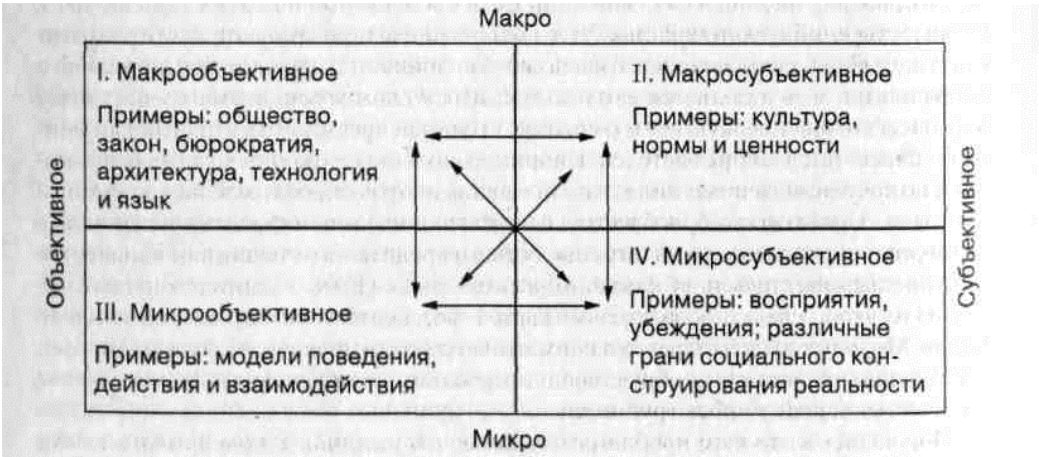

Рис. 10.1. Основные уровни социального анализа, предложенные Ритцером[2]

[1] Я воспроизвожу эту модель как здесь, так и в приложении (рис. А.3), поскольку не все преподаватели будут отсылать студентов к приложению.

[2] Обратите внимание, что это не «фотоснимок» в определенный момент времени. Он встроен в непрерывный исторический процесс.

Я использовал интегративный подход в работе «Выражая Америку: критика глобального общества кредитных карточек» (Ritzer, 1995). В частности, я обратился к идеям Ч. Райта Миллза (C. Write Mills, 1959) относительно взаимодействия между микроуровневыми *личными* и макроуровневыми *общественными проблемами* при анализе проблемных ситуаций, порождаемых использованием кредитных карточек.

Личные проблемы — те, что влияют на индивида и его непосредственное окружение. Например, муж, который бьет жену, создает проблемы для своей супруги, других членов семьи и, возможно, для себя (особенно если вступает в действие закон). Однако действия отдельно взятого мужа, бьющего свою жену, не порождают общезначимой проблемы: эти действия не приведут к массовому протесту за отмену брака как социального института. Общественные проблемы, как правило, затрагивают большое количество людей и общество в целом. Разрушение брака как института, отчасти из-за распространения случаев избиения женщин, было бы общественной проблемой. Между личными неурядицами и социально значимыми проблемами существуют различные взаимосвязи. Например, широкое распространение первых может вырасти в общественную проблему, которая, в свою очередь, послужит причиной многих личных проблем.

Я исследую широкий спектр той и другой категории проблем, связанных с использованием кредитных карточек. Свою аргументацию и интегрированный подход к соединению микро- и макроуровней я проиллюстрирую на примере задолженностей по потребительскому кредиту. На макроуровне совокупная потребительская задолженность стала общественной проблемой, поскольку значительное и растущее количество людей становится должниками компаний, эмитирующих кредитные карты. Следствием растущей потребительской задолженности является увеличение числа правонарушений и случаев банкротства. К макроуровню относится и остается общественной проблемой также и та роль, которую играет правительство, потворствующее росту задолженностей из-за своей склонности к накоплению долга. Большую роль в том, что люди увязаю^ в долгах, играют компании-эмитенты кредитных карточек, которые делают все возможное, чтобы распространить их среди как можно большего числа пользователей. Например, все большее количество людей получают по почте извещения о том, что им предоставляются уже оформленные кредитные карточки. Можно легко приобрести значительное их количество с внушительным размером перечисленного на них совокупного кредита. Возможно, наибольшее порицание вызвают действия компаний-эмитентов кредитных карточек, направленные на то, чтобы сделать обладателями карточек студентов колледжей и старшеклассников. Молодых людей стараются поймать на «кредитный крючок». Такие действия, несомненно представляютобщественную проблему, создающую для бесчисленного количества людей личные трудности.

Обращаясь к личным проблемам, скажем, что миллионы людей сами влезают в долги, иногда непоправимо, в результате злоупотребления кредитными карточками. Люди выстраивают огромные «пирамиды», порою выживая благодаря использованию кредита на одной карточке для минимальных платежей по другим. Доведенные до разорения, многие люди перестают соблюдать условия платежей и иногда вынуждены объявить о своем банкротстве. В результате требуются годы, а иногда и весь остаток жизни, чтобы покрыть старые долги и восстановить право

на получение кредитов. Даже если дело не заходит так далеко, многие вынуждены работать только для того, чтобы заплатить проценты по своей задолженности на кредитной карточке, не будучи способными изменить свой кредитный баланс. Таким образом, можно сказать, что они связаны пожизненным договором с фирмами-эмитентами кредитных карточек.

Описанные здесь виды личных трудностей в совокупности порождают общезначимые проблемы. И, как мы уже видели, таковые, например, политика и действия компаний-эмитентов кредитных карточек (предложение уже оформленных кредитных карточек и вербовка учащихся), способствуют возникновению личных сложностей. Таким образом, между личными неурядицами и общественными проблемами, взаимно усиливающими друг друга, существует диалектическая связь. В более общем плане, приведенный пример с кредитными карточками показывает приложимость интегрированного микро, макроподхода к изучению актуальной социальной проблемы.

Многомерная социология

Джеффри Александер предложил понятие «новая "теоретическая логика" социологии» (Alexander, 1982, p. xv). Она затрагивает «социологическое мышление на каждом уровне интеллектуального континуума» (Alexander, 1982, p. 65). В этом аспекте Александер называет *социологию многомерной.* Хотя *многомерность* имеет в его работе несколько значений, наиболее уместно говорить о многомерном понимании уровней социального анализа.

Начнем с рассмотрения того, что Александер (вслед за Парсонсом) называет *проблемой порядка.* Ученый полагает, что микро-, макроконтинуум («"индивидуальный" или "коллективный" уровень анализа» [Alexander, 1982, p. 93]) связан с тем, как в обществе на разных уровнях создается упорядоченность. На макроуровне континуума порядок складывается извне и является по своей природе коллективистским; т. е. он порождается общественными явлениями. На микроуровне упорядоченность возникает из интернализованных факторов, она индивидуалистична по своей природе: порядок проистекает из индивидуальных договоренностей.

К проблеме порядка добавляется, в классически парсоновской манере, *проблема действия.* Действие подразумевает материалистически-идеалистический континуум, соответствующий объективно-субъективному, который упомянут в моей интегрированной социологической парадигме. Как материальное, действие описывается в качестве инструментального, рационального и обусловленного. Как нематериальное, оно представляется нормативным, нерациональным и аффективным. Скрещивая предложенные Александером континуумы порядка и действия, мы получаем четыре уровня социального анализа, сильно напоминающие указанные мною (рис. 10.2).

Несмотря на то что терминология разнится, между моделями, предложенными Александером и мною, почти нет различий. Отличие состоит в том, как мы соотносим четыре указанных уровня. Я уделяю внимание их диалектической взаимосвязи, тогда как Александер акцентирует один из уровней.

Он считает, что «теоретически ошибочно» (Alexander, 1987, p. 295) отдавать предпочтение микроуровню и критически оценивает, например, символический

интеракционизм, а также те теории, которые отталкиваются от индивидуально-нормативного уровня нерациональной произвольной деятельности и на его основе выстраивают макроуровни. По его мнению, недостаток этих теорий состоит в том, что, сохраняя понятия индивидуальной свободы и волюнтаризма, они не способны исследовать особую *(sui generis)* природу коллективных явлений. Александер также критикует теории, например теорию обмена, которые отталкиваются от индивидуально-инструментального уровня и переходят от него к макроуровевым структурам типа экономики. Такие теории также, по его мнению, не в состоянии адекватно изучать макроуровневые явления. Таким образом, Александер подвергает критике все теории, берущие свое начало на микроуровнях и стремящиеся объяснить на этой основе явления макроуровня.

Что касается последнего, то Александер высказывает несогласие с коллективно-инструментальными теориями (например, экономическим и структурным детерминизмом), придающими особое значение принудительному порядку и устраняющими индивидуальную свободу. Суть его возражений заключается именно в том, что такие теории не учитывают индивидуальную деятельность.

Хотя Александер занимался изучением взаимосвязей между всеми четырьмя уровнями своей модели, его симпатии (что неудивительно, принимая во внимание его парсоновские и структурно-функционалистские корни) на стороне коллективно-нормативного уровня и тех теорий, которые от него отталкиваются. По его утверждению, «надежда на соединение коллективного порядка и индивидуального волюнтаризма лежит в русле нормативной, а не рационалистической традиции» (Alexander, 1982, p. 108). Принципиальное значение имеет точка зрения ученого, согласно которой предпочтительна именно такая ориентация, поскольку источники порядка интернализованы (в совести), а не экстернализованы, как это происходит в случае с коллективно-инструментальной ориентацией. Таким образом, этот подход к интернализации норм учитывает *как* порядок, *так и* произвольную деятельность.

В целом, согласно утверждению Александера, любой индивидуальный, или микро-, подход следует отвергнуть, поскольку он приводит к «беспорядочности и полнейшей непредсказуемости», а не к порядку (Alexander, 1985, p. 27). Таким образом, «общий абрис социальной теории может быть выведен *только* из коллективистской перспективы» (Alexander, 1985, p. 28; курсив мой). Выбирая их двух коллективистских направлений, Александер занимает коллективно-нормативную позицию.

Рис. 10.2. Интегративная модель Александера

Следовательно, с точки зрения Александера, социальные теоретики должны выбирать либо, коллективистские (макро-) позиции, либо индивидуалистский (микро-) подход. В первом случае возможен лишь «относительно небольшой» элемент индивидуального соглашения. Если же предпочтение отдается индивидуалистской теории, тогда возникает «индивидуалистическая дилемма» в попытке ввести в теорию сверхиндивидуальные явления, чтобы объяснить присутствующие в ней элементы беспорядочности. Данную дилемму можно разрешить только, «если оставлена формальная приверженность индивидуализму» (Alexander, 1985, p. 27).

Таким образом, хотя Александер использует четыре уровня анализа, которые в значительной степени сходны с применяемыми мною, между этими двумя теориями обнаруживается существенная разница. Александер придает первостепенное значение коллективно-нормативным теориям и роли норм в социальной жизни. Я же отказываюсь считать важнейшим какой-либо уровень и выступаю за необходимость изучения диалектической взаимосвязи между ними. В итоге Александер преувеличивает значение макро- (субъективных) явлений, что весьма ограничивает его вклад в развитие теории микро-макроинтеграции. В своей более поздней работе ученый заявил: «Я считаю, что теоретики производят ошибочное обобщение, переходя от отдельной переменной к непосредственному воссозданию целого» (Alexander, 1987, p. 314). Можно утверждать, что Александер сам — один из этих теоретиков, поскольку стремится произвести ошибочное обобщение, переходя от коллективно-нормативного уровня к остальному пространству социального мира.

Не указывая непосредственно на работы Александера, Гидденс (Giddens, 1984) пришел к аналогичному выводу о том, что *все* работы, перенимающие парсоновское различение действия и порядка, в итоге неизбежно слабы на микроуровнях, особенно в области «знания социальных акторов как составной части общественных практик. Я [Гидденс] не думаю, что какая-либо точка зрения, в значительной степени обязанная Парсонсу, может удовлетворительным образом изучить этот вопрос, составляющий самое ядро социальной теории» (Giddens, 1984, p. xxxvii).

Все же следует отметить, что Александер сформулировал более интегративный подход, определяющий взаимообусловленность понятий *микро* и *макро*. Свою точку зрения он формулирует следующим образом: «Коллективное окружение действия одновременно и вдохновляет, и ограничивает его. Если верна моя концепция действия, это окружение будет рассматриваться в качестве его продукта; если я могу правильно построить концепцию окружения, действие будет считаться его конечным результатом» (Alexander, 1987, p. 303). Это уже более сложное, диалектическое понимание микро-, макросвязи, во многом схожее с моей интегрированной социологической парадигмой, в отличие от его более ранней модели.

Субъективные уровни анализа

Норбертом Уайли (Wiley, 1988) была предложена модель микро-, макровзаимосвязей, в значительной степени сходная с теми, что были разработаны Александером и мной. Подход Уайли — чисто субъективный, тогда как в модели Александера и моей учитывается *как* субъективность, *так и* объективность. Уайли ясно говорит об этой стороне своего подхода, отстаивая ту мысль, что отправной точ-

кой для описания уровней является их отношение к субъекту. Уайли выделяет следующие четыре основных уровня анализа, здесь же я (в скобках) указываю соответствующие каждому из них в моей модели: «Я» или индивид (микросубъективное), взаимодействие (микрообъективное), социальная структура (макрообъективное), культура (макросубъективное). Хотя выделяемые мной (и Александером) четыре уровня поразительно похожи на уровни Уайли, тем не менее ясно, что последний пренебрегает объективной реальностью. Иначе говоря, у него уровни интеракции и социальной структуры, как и другие, определяются с субъективной точки зрения.

В своем анализе Уайли отталкивается от индивида, или «Я», образующего «микроуровень». Александер, как мы видели, несомненно, указал бы на проблематичность такой исходной позиции. Мы же считаем, что выбор исходного уровня, в конечном счете, не является принципиальная задача, поскольку рассматривается диалектическая взаимосвязь между всеми уровнями анализа. Однако Уайли предлагает весьма ограниченную концепцию микросубъективной составляющей. Точнее, он придает чрезмерное значение «Я» и поэтому не учитывает ряд важных компонентов микросубъективного уровня: разум, сознание, социальное конструирование реальности и т. д. Другими словами, как подчеркивают социальные психологи, микросубъективный уровень далеко не исчерпывается «Я».

Подобным же образом, понимание Уайли взаимодействия или микрообъективного уровня тоже имеет ограниченный характер. На этом уровне далеко не всегда происходит взаимодействие. Как минимум нам следует учесть здесь еще действие (в том числе сознательное прошлое) и поведение (не имеющее прошлого). Это, без сомнения, должно относиться к этому уровню, так как микроуровневые явления подобного рода не входят в иную внутрисубъективную микроуровневую категорию, указанную Уайли. Кроме того, хотя взаимодействие, действие и поведение могут иметь субъективный компонент, они объективно существуют, и могут быть социально закреплены в повторяющихся моделях. В своих работах я рассматриваю субъективные аспекты этих процессов на макросубъективном уровне, а объективные аспекты — в рамках микрообъективности. Так или иначе, нам следует изучать в указанных явлениях *как* субъективные, *так и* объективные моменты.

Концепция социальной структуры Уайли и мое понимание макрообъективности оказываются более близкими, чем микроанализ этих понятий, даже несмотря на то, что Уайли в своей модели подходит к этому уровню с субъективной точки зрения. Хотя он пишет об «обобщенном "Я"», существующем на этом уровне, которое он осознает «исполняющим роли и придерживающимся правил» (Wiley, 1988, p. 258), все же он имеет в виду существование макрообъективных структур. Притом, что Уайли акцентирует здесь субъективное обобщенное «Я», я бы придал наибольшее значение объективным структурам (общество, мировая система), создающим правила и роли для «Я».

Мало существенных различий обнаруживается между упоминаемым в модели Уайли уровнем культуры и планом макросубъективности в моем представлении, поскольку обе позиции предполагают описание с позиции крупномасштабной и субъективной. Единственным разногласием остается то, что размышления Уайли о «чистом значении», связанном с этим уровнем, носят слишком общий харак-

тер, здесь требуется большая конкретизация и конкретное рассмотрение таких общеизвестных социологических понятий, как нормы и ценности.

Уайли и я выдвигаем модели, сходные не только в концептуальном выделении четырех основных уровней, но и с точки зрения нашего понимания взаимосвязей между ними. Уайли говорит о длящемся процессе «возникновения», который свя зывает нижние уровни с верхними, и о процессе «обратной связи» (тоже, по-ви димому, непрерывном), который протекает по направлению от верхних к нижним уровням. Аналогичным образом и меня интересует диалектическая (т. е. непре рывная, многонаправленная) взаимосвязь всех уровней социального анализа. Мое понимание этой диалектической взаимосвязи более неопределенное и обобщен ное, чем понятия «эмерджентности» и обратной связи, встречающиеся у Уайли, но одновременно следует заметить, что разные уровни социального анализа связаны большим, чем предполагает Уайли, количеством связей. Различные социологиче ские концепты (например, экстернализация, объективизация, социализация, интернализация, социальный контроль) отражают разные аспекты диалектической взаи мосвязи микро- и макроуровней. »

Хотя микро- и макроподходы, предложенные Уайли и Александером, были критически рассмотрены под ракурсом выдвинутой мной парадигмы обобщенного плана, все-таки первостепенное значение имеет то, что все эти три подхода предлагают практически идентичные модели основных уровней социального анализа. Сходство особенно поразительно, учитывая, что мы трое пришли к данной проблеме, отталкиваясь от совершенно несхожих теоретических позиций — диалектического подхода, которого придерживаюсь я; многомерной, неофункционалистской ориентации Александера; субъективной точки зрения Уайли. Теперь нужно обратиться к некоторым подходам, связанным с изучением взаимосвязи микро- и макроуровней, что сильно отличаются от уже рассмотренных.

Модель перехода от микро- к макроуровню

В своих ранних работах, посвященных данному вопросу, Джеймс Коулмен (Coleman, 1986, 1987) проявил интерес к взаимосвязи микро- и макроуровней. (В главе 8 мы рассматривали более позднюю и значительно проработанную теорию рационального выбора Коулмена [Coleman, 1990].) Однако он концентрируется на проблеме перехода от микро- к макроуровню и преуменьшает значение вопроса об обратном направлении перехода. Таким образом, в свете предложенного мною более сбалансированного подхода, а также с точки зрения Александера и Уайли, позиция Коулмена относительно данной проблемы носит весьма ограниченный характер. Полностью адекватный подход к этому вопросу должен учитывать *как* проблемы перехода от микро- к макроуровню, *так и* аспекты перехода от макро- к микроуровню.

Отчасти предлагаемая Коулменом модель адекватно показывает взаимосвязи микро- и макроуровней. При этом он использует в качестве иллюстрации положение Вебера о протестантской этике. Как показано на рис. 10.3, в этой модели учитываются *как* вопросы перехода от макро- к микроуровню (стрелка 2), *так и* вопрос перехода от микро- к макроуровню (стрелка 3), а такжотношения на микроуровне (стрелка 1). Это многообещающая модель, но она сформулирована в терминах, носящих причинно-следственный характер, причем линии однонаправленные. Более адекватной

моделью была бы диалектическая, и в отражающей ее схеме стрелки указывали бы в обоих направлениях; т. е. здесь учитывалась бы обратная связь, которая существует между всеми уровнями анализа. Основной же недостаток отстаиваемого Коулменом подхода состоит в том, что исследователь стремится сосредоточиться сугубо на переходе от микро- к макроуровню (стрелка 3 на рисунке). Пусть это и является важным аспектом, но все-таки не более значимым, чем рассмотрение перехода от макро- к микроуровню. В сбалансированной микро-макромодели непременно должны учитываться *оба* этих взаимоотношения.

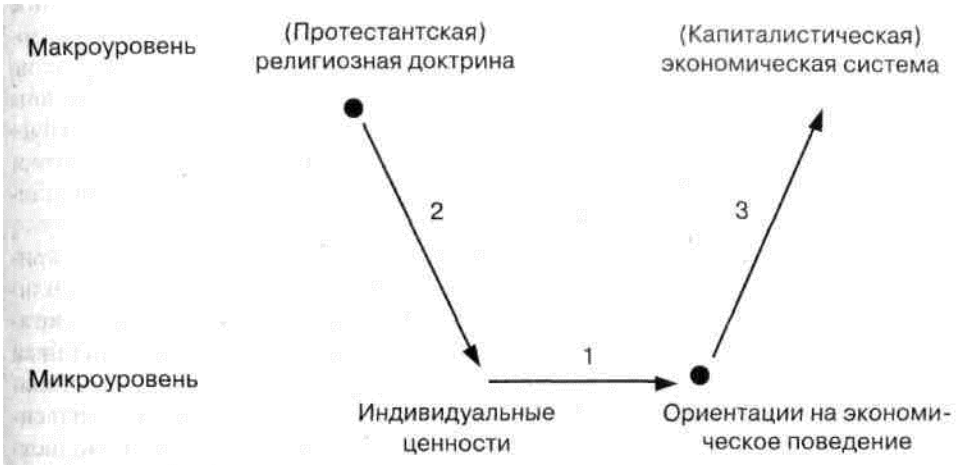

Рис. 10.3. Обобщающая модель Коулмена

Аллен Лиска (Liska, 1990) стремился преодолеть недостатки коулменовского подхода, рассмотрев как проблему продвижения от микро- к макроуровню, так и вопрос об обратном направлении перехода. В модели Лиски, как и у Коулмена, в качестве примера используется положение Вебера относительно протестантской этики (рис. 10.4).

Данная модель обладает по сравнению с коулменовским подходом двумя преимуществами. Первое — стремление Лиски рассматривать связи при переходе от макро- к микроуровню. Во-вторых, он учитывает отношение (стрелка *a*) между двумя макроуровневыми явлениями. Однако, как и Коулмен, в модели, которую предлагает Лиска, стрелки, отражающие характер причинных связей, однонаправлены, тем самым и здесь забыта диалектическая взаимосвязь всех изучаемых факторов.

Лиска использует известную схему для рассмотрения как макроявлений, так взаимосвязи микро- и макроуровней. Эта схема состоит из трех способов описания макроявлений. Первый — *агрегация,* или суммирование, индивидуальных качеств, чтобы сформировать свойство группы. Таким образом, последнюю можно описать, исходя из величины среднего дохода или числа самоубийств, свойственных этой группе. *Структурный* аспект — взаимоотношения индивидов внутри группы. Примерами этого служат отношения, базирующиеся на власти или коммуникации. Наконец, существуют *глобальные* явления, имеющие свойства, считающиеся эмерджентными, — например, закон и язык.

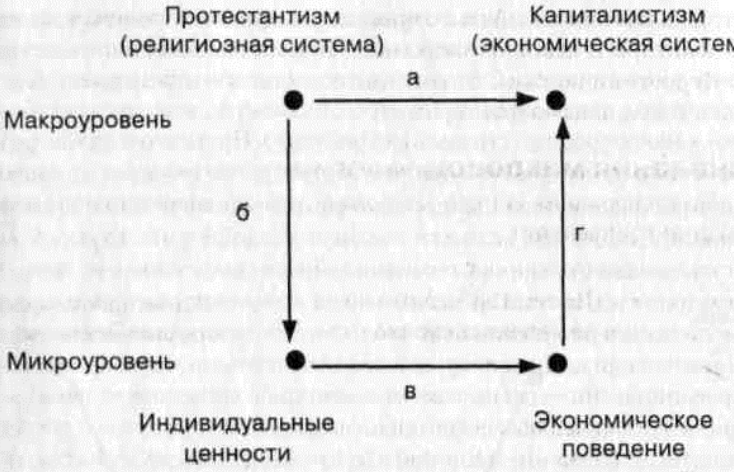

Рис. 10.4. Модель перехода от макро- к микро- и от микро- к макроуровню, предложенная Лиской

Лиска в свете особенностей связи между микро- и макроуровнями анализирует трудности, возникающие при учете структурных или глобальных факторов. Эти факторы качественно отличаются от характеристик индивидуального действия, и понять, как они вырастают из микроуровня, сложно. Чтобы рассмотреть их, социологи привлекают понятие эмерджентности, но на самом деле они очень мало знают о ее реальном исполнении. Таким образом, Лиска подчеркивает важность агрегации как соединения при переходе от микро- к макроуровню. Тогда становится понятно, как индивидуальные свойства, соединяясь, образуют групповые. Так, например, «отдельные случаи самоубийств суммируются и "объединяются", превышая определенную социальную единицу, и их можно представить в виде ее показателя» (Liska, 1990, p. 292). Пусть агрегация — не самый интересный путь продвижения от микро- к макроуровню, преимущество его состоит в том, что он наиболее ясный и наименее мистический, в отличие от структурного или глобального подступов.

Обращаясь к проблеме перехода от макро- к микроуровню, Лиска ратует за важность контекстуальных переменных как причин микроуровневых феноменов. Он подключает «агрегаты», структурные отношения и глобальные свойства как контекст явлений индивидуального плана. Лиска утверждает, что, интересуясь микроуровнем, социологи слишком часто полагаются на факторы соответствующего порядка. Если бы они учитывали макроуровневые, контекстуальные факторы, то тогда бы сторонники микросоциологии продвинулись в сторону лучшего понимания вопроса о сути перехода от макро- к микроуровню и особенностей такого соединения.

В своей работе Лиска выступает с призывом к социологам, которые фокусируют внимание либо на макро-, либо на микроуровне. Первые из их числа склонны пренебрегать агрегацией, поскольку она кажется им исключительно индивидуалистичной и не обладающей эмерджентными свойствами глобальныхили струк-

турных факторов. Вторая же группа социологов склонна привлекать только микроуровневые факторы и игнорировать контекстуальные. Лиска приходит к выводу, что макротеоретики должны больше интересоваться агрегацией, а микротеоретики — контекстуальными факторами.

Микрооснования макросоциологии

В своем эссе под названием «О микрооснованиях макрососциологии» Рэндалл Коллинз (Randall Collins, 1981a; см. также: Randall Collins, 1981b) предложил редукционистский подход к вопросу о соединении микро- и макроуровней (критику данного подхода см.: Ritzer, 1985). Хотя из названия эссе можно предположить, что в нем утверждается обобщенный подход, сам Коллинз называет его «радикальной микросоциологией». Предмет исследования ученого, главная тема его радикальной микросоциологии — так называемые «ритуальные цепочки взаимодействия» или сплетения «индивидуальных цепей опыта взаимодействий, перехлестывающихся в пространстве и времени» (Randall Collins, 1981a, p. 998). Исследуя такие ритуальные цепи, Коллинз избегает подходов, которые предполагает фокусирование на индивидуальном поведении и сознании, что, представляется ученому еще большим редукционизмом. Его анализ распространяется на процессы взаимодействий, их «цепочки» и «рыночное пространство». Таким образом, Коллинз отбрасывает крайности микроуровня — как в плане мышления, так и действия (поведения), подвергая критике теории (например, феноменологию и теорию обмена), которые фокусируются именно на этом.

Коллинз также дистанцируется от теорий, сосредоточивающихся на явлениях макроуровня. Например, критикует последователей структурного функционализма, преимущественно интересующихся макрообъективным (структура) и макросубъективным (нормы) явлениями. Фактически, он даже говорит, что «терминологию норм следует изъять из социологической теории» (Collins, 1981a, p. 991). Негативно он относится и к концепциям, связанным с теорией конфликта. Например, утверждает, что нет таких «неотъемлемых объективных» сущностей, как собственность или власть; есть только «испытываемые людьми в определенных местах и в определенное время разнообразные ощущения того, насколько сильны эти принуждающие коалиции» (Collins, 1981a, p. 997). Он считает, что только люди способны что-либо реально сделать; структуры, организации, классы и общества «никогда ничего не *делают*. Любое объяснение причин должно, в конечном счете, сводиться к действиям реальных индивидов» (Collins, 1975, p. 12).

Коллинз стремится доказать, что «все макроявления» можно свести «к комбинациям микрособытий» (Collins, 1981a, p. 985). В частности, он утверждает, что социальные структуры могут быть эмпирически переведены в «модели повторяемого микровзаимодействия» (Collins, 1981a, p. 985).

Таким образом, Коллинз стремится *не* к подходу, построенному на принципах интеграции, а к выделению в качестве приоритетных теории и явлений микроуровня (аналогичную критику см.: Giddens, 1984). Как утверждает Коллинз, «попытка последовательного построения макросоциологии на исключительно эмпирических основаниях микроуровня является важнейшим этапом на пути к более успешным достижениям в социологической науке» (Collins, 1981b, p. 82).

Рэндалл Коллинз: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Я с раннего возраста готовился стать социологом. Мой отец в конце Второй мировой войны работал на военную разведку, а затем служил чиновником дипломатической службы в Государственном Департаменте. Одно из моих ранних воспоминаний связано с приездом к отцу в Берлин летом 1945 г. Мы с сестрами не могли играть в парке, потому что повсюду валялись неразорвавшиеся бомбы, а однажды русские солдаты пришли к нам на задний двор, чтобы выкопать чей-то труп. Я смог ощутить силу конфликта и то, что насилие возможно всегда.

В последующем служебные дела привели нас в Советский Союз, а потом обратно в Германию (оккупированную на тот момент американскими войсками), Испанию и Южную Америку. В промежутках между заграничными командировками семья обычно жила в Штатах, так что я ездил туда и обратно, будучи и обычным американским ребенком, и привилегированным иностранным гостем. Думаю, что именно это привело к определенной беспристрастности во взгляде на социальные отношения. С возрастом дипломатический образ жизни перестал быть мне интересным, больше походя на неразмыкаемый круг этикетных правил, когда люди не говорят о важных текущих политических событиях. Видя зияющую пропасть между закулисной секретностью и церемониалом дипломатической авансцены, я уже был готов к тому, чтобы воспринять труды Ирвинга Гофмана.

Когда я повзрослел так, чтобы уже не сопровождать родителей за границу, меня отправили в подготовительную школу в Новой Англии. Здесь я узнал о еще одной существенной социологической реальности — стратификации. Многие ученики были выходцами из высокопоставленных семей, и я начал понимать, что мой отец не принадлежит к тому же социальному классу, что послы и помощники государственных секретарей, чьих детей я видел.

Затем я поступил в Гарвард, где раз шесть менял специализацию. Я изучал литературу и пытался быть драматургом и романистом. От математики перешел к философии, читал Фрейда и собирался стать психиатром. Наконец, я выбрал специализацию «социальные отношения», куда входила социология, социальная психология и антропология. Прослушав курсы Толкотта Парсонса, я определил нужный путь. На своих занятиях Парсонс захватывал практически все — от микро- до макроявлений, обращаясь ко всей мировой истории. У него я научился не столько разработанной им теории, сколько понял идеал социологии. Он также снабдил меня значительным культурным капиталом: я узнал, что протестантская

Подход Коллинза можно противопоставить теоретическому направлению Карин Кнорр-Сетины (Knorr-Cetina, 1981a). Хотя она тоже придает немалое значение сфере взаимодействий, большая роль в ее работе отведена сознанию, а также явлениям макроуровня. Кнорр-Сетина, как и Коллинз, приводит доводы в пользу радикальной перестройки макросоциологии на основе микросоциологии, однако она менее радикальна в этом плане, стремясь к простому объединению микросоциологических результатов в макросоциальную теорию. Кроме того, она разделяет представление о том, что конечная цель микросоциологического исследования — лучшее понимание общества в целом, его структуры и институтов:

> Я... верю в тот очевидный парадокс, что именно с помощью микросоциальных подходов мы наилучшим образом узнаем о макропорядке, потому что они, благодаря своему откровенному эмпиризму, позволяют увидеть реальность, о которой мы говорим. Конечно, нам не понять целого, если нашим предметом станет только детальное фиксирование непосредственного взаимодействия людей. Однако для начала этого может оказаться достаточным, если мы ощущаем пульсацию макропорядка (Knorr-Cetina, 1981a, p. 41-42)

Таким образом, очевидно, что Кнорр-Сетина занимает более сбалансированную позицию относительно взаимосвязи макро- и микроуровней, нежели Коллинз.

этика интересовала Вебера меньше, чем сравнение всех мировых религий, и что Дюркгейм поставил ключевой вопрос, когда пытался раскрыть основу социального порядка.

Я думал, что хочу стать психологом, и поехал в Стэнфорд. Однако год, посвященный имплантации электродов в мозг крыс, убедил меня в том, что социология — лучшая область изучения людей. Я сменил университет и летом 1964 г. приехал в Беркли, — как раз вовремя, чтобы вступить в движение по защите гражданских прав. К тому моменту, когда в университете зародилось движение за свободу слова, — осенью того же года — мы уже стали «ветеранами» забастовок, и аресты воспринимались с особым эмоциональным подъемом, поскольку это случалось с сотнями других активистов. Я анализировал социологию конфликта, одновременно испытывая его на собственном опыте. По мере ожесточения Вьетнамской войны и расовых конфликтов на родине оппозиционное движение стало отходить от своих пацифистских принципов; многие из нас разочаровались и обратились к богемному образу жизни; не закончив обучение, стали хиппи. Если не потерять навыков социологического сознания, это может высветить некоторые проблемы. Я изучал работы Ирвинга Гофмана, а также Герберта Блумера (оба в то время преподавали в университете Беркли) и начал понимать, что все аспекты, характеризующие общество, — конфликт, стратификация и прочее — возникают из ритуальных взаимодействий повседневности.

Я никогда не стремился стать преподавателем, но сегодня у меня накопился опыт преподавания во многих университетах. Я попытался суммировать его в одной книге, «Социология конфликта» (1975), но оказалось, что нужно было написать еще одну, «Мандатное общество» (1979), чтобы объяснить обесценивающуюся статусную систему, которой мы все опутаны. Следуя своим выводам, я оставил академический мир и некоторое время зарабатывал на жизнь написанием романа и учебников. В конечном счете, откликнувшись на призыв коллег, которые мне не безразличны, я вернулся к преподаванию. В нашей области мы узнаем потрясающие вещи — от новой картины мировой истории до мельчайших деталей социальных эмоций. Значительное влияние на меня оказала моя вторая жена, Юдит Мак-Коннелл. Она организовала женщин-юристов, с тем чтобы сломать дискриминационные барьеры в профессии юриста, и сейчас я узнаю от нее многое о закулисной политике в судопроизводстве. В социологии и в обществе еще немало должно быть сделано.

Стремление интегрировать различные подходы отличает позицию Эрона Си курела (Cicourel, 1981): «Ни микро-, ни макроструктуры не являются автономны ми уровнями анализа, они неразрывно связаны благодаря *взаимодействию* друг і другом, что нельзя не учесть, несмотря на выгоду и порой сомнительное удоволь ствие рассмотреть только какой-либо один из уровней» (Cicourel, 1981, p. 54' В этих словах косвенным образом дана критика подхода, которого придерживаете. Коллинз, но Сикурел и более откровенно критикует точку зрения Коллинза: «Вс прос не только в игнорировании того или иного уровня анализа, а в демонстраци того, как их следует интегрировать при условии, что нельзя пренебрегать одни; уровнем ради другого, для удобства отвергая иные исследовательские и теоретич(ские рамки» (Cicourel, 1981, p. 76). К своей чести, Сикурел не только понимает вал ность объединения макро- и микроуровней, но и осознает, что такого рода интегр; ция носит онтологический, теоретический и методологический характер.

Какое-то время Коллинз придерживался редукционизма, продолжая изуча1 явления микроуровня. Например, в одной из своих поздних работ он утвержда «Макроструктура состоит исключительно из большого числа микровзаимоде] ствий, которые повторяются (или порой изменяются во времени и в простра: стве)» (Collins, 1987b, p. 195). Ученый откровенно признавался: «Это звучит та

словно наибольшее значение я придаю микроуровню. И это правда» (Collins, 1987b, p. 195). Всего год спустя Коллинз (Collins, 1988a) попытался изменить соотношение, показать существенную значимость макроуровня. Это привело к тому, что он предложил более взвешенную концепцию взаимосвязи микро- и макроуровней: «Переход от микро- к макроуровню показывает, что все «макро» состоит из "микро". И наоборот, всё "микро" — часть макроструктуры: оно существует в макроконтексте... и возможно проследить связи микро- и макроуровней в любом из направлений» (Collins, 1988a, p. 244). Последнее утверждение в значительно большей мере диалектично. Тем не менее, Коллинз (Collins, 1988a, p. 244), как и Коулмен, подписывается под тем, что «главное требование», предъявляемое к социологии, — показать, «каким образом микроизмерение влияет на макро». Следовательно, теория Коллинза остается достаточно ограниченным подходом.

Назад в будущее: фигурационная социология Норберта Элиаса

В этой главе мы рассматривали некоторые из последних по времени попыток интеграции микро- и макроуровней, которые предприняли американские социологи. Однако лучше всего соответствует названию главы подход, предложенный европейским теоретиком, Норбертом Элиасом. (Хорошую подборку его работ см.: Mennell and Goudsblom, 1998.) Элиас попытался преодолеть дистанцию между микро- и макроуровнем и вообще свойственную социологам тенденцию разграничивать индивида и общество (Dunning, 1986, p. 5; Mennell, 1992). Наиболее продуктивным периодом в его научной деятельности стали 1930-е гг., но лишь совсем недавно наследие этого ученого получило то признание, которого оно заслуживает (Kilminster and Mennell, готовится к публикации; van Krienken, 1998). Теперь самое время, чтобы рассмотреть взгляды Элиаса, касающиеся вопросов интеграции микро- и макроподходов, и ознакомиться с его основными теоретическими идеями.

Элиас выдвинул понятие *фигурации.* Эта идея

> делает возможным сопротивление социально обусловленному давлению, направленному на то, чтобы расколоть наше понимание человечества, сделать его поляризованным, что препятствует нашему восприятию людей как индивидов *пето же время* как сообществ. ...Поэтому понятие фигурации служит в качестве простого концептуального инструмента, дабы ослабить такое социальное принуждение, заставляющее говорить и думать так, как если бы «индивид» и «общество» представляли собой нечто антагонистическое и разное (Elias, 1978, p. 129-130; курсив мой)

Фигурации можно, прежде всего, рассматривать в качестве процессов. В сущности, Элиас в дальнейшем предпочитал говорить о своей теории как о «социологии процессов» (Mennell, 1992, p. 252). Фигурации — это социальные процессы, в которых люди «сплетены» друг с другом. Это *не* внешние, принудительные для человеческих отношений структуры; это и *есть* взаимоотношения. Индивиды

воспринимаются как «открытые» и связанные с другими субъекты; фигурации бразуют именно они. Власть играет главную роль в социальных фигурациях, оторые, вследствие этого, постоянно изменяются:

> Сердцевину изменяющихся фигурации — самый их центр — составляет подвижное, гибкое равновесие, колебание баланса сил, перевес их сначала в одну, а затем в другую сторону. Это колебание баланса власти является структурной характеристикой изменения любой фигурации (Elias, 1978, p. 131)

Фигурации возникают и развиваются, но в основном невидимым и незапланированным образом.

Основное значение здесь имеет тот факт, что понятие фигурации применимо к микро-, и к макроуровню, а также к любому социальному феномену, что расположен между этими двумя полюсами. Указанный концепт

> можно применять и к относительно малым группам, и к сообществам, состоящим из тысяч или миллионов взаимосвязанных индивидов. Учителя и ученики в классе, врачи и пациенты больниц, постоянные клиенты в пивной, дети в начальной школе — все они образуют достаточно определенные фигурации. Но жители деревни, города или страны также создают их, правда, в данном случае фигурации нельзя воспринимать прямо, поскольку *цепочки взаимозависимости,* соединяющие людей, сложнее и разнообразнее (Elias, 1978, p. 131; курсив мой)

Таким образом, Элиас не рассматривает взаимосвязь «индивида» и «общества», а сосредоточивает внимание на «отношениях между людьми, воспринимаемыми как индивиды, и людьми, воспринимаемыми как общества» (Elias, 1986a, p. 23). Иначе говоря, уровни индивидов и обществ (и любого социального явления, находящегося между этими крайностями) предполагают участие людей — наличие отношений между ними. Понятие «цепочек взаимозависимости», отмеченное выше, наиболее адекватно тому, что Элиас подразумевает под фигурациями и что составляет важнейший предмет его социологии: «Как и почему люди объединяются, образуя особые динамические фигурации, составляется один из центральных вопросов, возможно, даже *самым* главным вопросом социологии» (Elias, 1969/1983, p. 208).

Предложенное этим ученым понятие фигурации связано с идеей о том, что индивиды открыты другим индивидам и пребывают во взаимосвязях друг с другом. Элиас утверждает, что большинство социологов исходят из представления о человеке как *homo clausus,* т. е. используют «образ отдельных людей, каждый из которых, в конечном счете, абсолютно независим от всех остальных — индивид-в-себе» (Elias, 1969/1983, p. 143). Это неприемлемо для теории фигурации: в ней действующий субъект понимается как «открытый» и вместе с тем находящийся в отношениях взаимозависимости.

Учитывая специфику тех задач, которые определены в этом разделе нашей книги, преимущественное внимание мы уделим проблеме интеграции микро- и макроуровней, однако нельзя не заметить, что научное наследие Элиаса считается образцом синтезирования и обобщения направлений не только в указанном смысле. Например, ничуть не меньше, чем дихотомия микро- и макроявлений,

Карьера Норберта Элиаса интересна и весьма поучительна. Важнейшие его работы относятся к 1930-м гг., однако ни тогда, ни много лет спустя их не признавали. Но в конце жизни Элиаса он сам и его труды были «открыты», особенно в Англии и Голландии. Сегодня авторитет этого ученого постоянно растет, а его наследие приковывает к себе все большее внимание, получая признание во всем мире. Элиас дожил до 93 лет (он умер в 1990 г.), достаточно долго, чтобы успеть насладиться запоздалым признанием своей работы.

Родился Элиас в Бреслау (Германия), в 1897 г. (Mennell, 1992). Отец его был мелким промышленником, и семья жила вполне обеспеченно. Очевидно, дома царила атмосфера любви, давшая Элиасу уверенность в себе, что сослужило ему хорошую службу в дальнейшем, когда его идеи не получали признания:

> Я приписываю это сильному чувству уверенности, знакомому мне с детства. ...Во мне очень глубоко коренилось это, ощущение уверенности, что в конце концов все обернется к лучшему, я объясняю его той величайшей эмоциональной защитой, которую родители давали мне, своему единственному ребенку. Уже в ранней молодости я знал, чем хотел бы заниматься; я хотел поступить в университет и заняться исследовательской работой. Я осознал это довольно рано и осуществил намеченное, несмотря на то, что иногда это казалось почти невозможным.... У меня была абсолютная уверенность, что в конце концов мой труд получит признание как ценный вклад в область знаний о человечестве (Elias; цит. по: Mennell, 1992, p. 6-7).

Во время Первой мировой войны Элиас служил в немецкой армии, а по окончании вернулся в Бреслау, чтобы изучать философию и медицину в местном университете. Хотя он добился успехов в медицинской области, все же оставил ее ради изучения философии. Работа в сфере медицины позволила ему понять характер взаимосвязей между различными частями человеческого тела, и этот взгляд сформировал его подход к взаимосвязям в социальной области — его интерес кфигурациям. В январе 1924 г. Элиас получил степень доктора философии, отправившись затем в Гейдельберг изучать социологию.

У Элиаса не было никакого оплачиваемого места в Гейдельберге, однако он оказался активным членом в социологических кругах университета. В 1920 г. умер Макс Вебер, но возглавляемый его женой Марианной салон активно действовал, и Элиас стал его завсегдатаем. Он также познакомился с братом Макса Вебера, Альфредом, который работал в университете на кафедре социологии, и с Карлом Мангеймом (которого Элиас [Elias, 1994, p. 34] охарактеризовал как «бесспорно блестящего» социолога); тот в плане карьеры был впереди Элиаса. По сути дела, Элиас стал другом Мангейма и его добровольным внештатным помощником. Когда в 1930 г. Мангейму предложили место в университете Франкфурта, Элиас поехал вместе с ним уже в качестве штатного ассистента (об отношениях между этими людьми и их работах см.: Kilminster, 1993).

ученого волновал раскол в социологии — как в теоретическом, так и в собственно исследовательском плане. По его мнению, теория становится высушенной, если не опирается на реальные данные, а практическое рассмотрение без внушительного теоретического обоснования не имеет четкой направленности. Идея синтеза теоретических и научно-практических платформ, как и попытка показать интеграцию микро- и макроуровней отчетливо сказались в двух томах («История манер» [Elias, 1939/1978] и «Власть и вежливость» [Elias, 1939/1978]), составляющих самое известное произведение Элиаса, «О процессе цивилизации» (Elias, 1939/1994). Именно этой работе посвящен данный раздел книги.

НоРБЕРТ ЭЛИАС: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (ОКОНЧАНИЕ)

В феврале 1933 г. к власти пришел Адольф Гитлер, и вскоре после этого Элиас, как и многие другие ученые-евреи (в том числе и Мангейм), вынужден был эмигрировать, сначала в Париж, а затем в Лондон (считается, что мать Элиаса умерла в концентрационном лагере в 1941 г.). Именно в Лондоне он проделал большую часть работы над книгой «О процессе цивилизации», опубликованной в Германии в 1939 г. Поскольку в Германии тогда для евреев книжный рынок оказался недосягаем, Элиас так и не получил гонорара за это издание. Кроме того, в других странах книга была встречена прохладно.

Все время, пока шла война, и почти десять лет по ее окончании у Элиаса не было стабильного заработка, он оставался вне научных кругов Англии. Однако в 1954 г. ему предложили две академические должности, одну из которых, в Лейстере, он выбрал. Таким образом, Элиас *начал* свою научную карьеру штатного сотрудника в возрасте 57 лет! В Лейстере она успешно развивалась, появились важные публикации. Элиас разочаровался в своей работе в Лейстере, поскольку попытка закрепить в науке эволюционный подход, который послужил бы альтернативой подходам статического характера (свойственным Толкотту Парсонсу и др.), доминировшим тогда в социологии, не удалась. Он был также разочарован тем, что его подход восприняло весьма ограниченное число студентов. Элиас оставался «гласом вопиющего в пустыне» даже в Лейстере, где студенты считали его эксцентричным «голосом из прошлого» (Mennell, 1992, p. 22). Это чувство отверженности выразилось в навязчивом сне, о котором рассказал Элиас, сне, когда голос в телефонной трубке повторяет: «Вы можете говорить громче? Я не слышу вас» (Mennell, 1992, p. 23). Интересно отметить, что за все годы его работы в Лейстере *ни одна* книга Элиаса не была переведена на английский язык, а тогда мало кто из английских социологов свободно владел немецким.

В 1950-1960-х гг. в остальной Европе, особенно в Голландии и Германии, наконец-то «открыли» работы Элиаса. В 1970-е гг. ученый получил признание не только в европейских научных, но и в общественных кругах. В заключительный период своей жизни он получил ряд наград, в том числе и степень почетного доктора. Также были опубликованы, юбилейный сборник в его честь и специальный двойной выпуск «Теории, культуры и общества», посвященный его наследию.

Хотя труды Элиаса общепризнаны в социологии (недаром им уделено место в данной книге), само это признание случилось, когда в социологии все менее рецептируются работы такого плана. Постмодернизм способствовал критическому отношению социологов к любому нарративу, отличающемуся величественностью и грандиозностью, а важнейшая работа Элиаса, «О процессе цивилизации», —• именно такой нарратив: ее предметом является историческое развитие (имеющее периоды подъема и упадка) западной цивилизации. Постмодернистская мысль может уничтожить интерес к научному наследию Элиаса именно тогда, когда оно привлекло внимание широких кругов.

Прежде чем продолжить знакомство с идеями Элиаса, следует бегло пояснить, почему наследие этого социолога рассматривается в рамках обсуждения аспектов интеграции микро- и макроуровней, а не в следующей главе, в которой затрагиваются вопросы интеграции другого рода — действий и структуры. Ведь Элиас родился в Германии, и работы, касающиеся проблем интеграции структуры и действия, по большей части принадлежат европейцам, в то время как труды, в которых рассматриваются аспекты соотнесения микро- и макроуровней, — в основном американцам. Наследие Элиаса можно рассмотреть в любой главе, но представляется, что наиболее уместно это сделать сейчас, поскольку данного ученого скорее инте-

ресует действие на микроуровне и взаимодействие, нежели сознательные, креативные процессы, которые подразумевает «деятельностный» подход. На самом деле, внимание Элиаса обращено, главным образом, на бессознательный и незапланированный характер происходящего в социальном мире. Кроме того, как мы увидим далее, в первом томе книги «О процессе цивилизации» — «История манер» — в центре поставлены проблемы макроуровневого порядка, а во втором — «Власть и вежливость» — скорее аспекты микроплановые.

«История манер»

Если предметом рассмотрения Вебера была рационализация, свойственная западному миру, то у Элиаса — это *цивилизация* стран Запада (Bogner, Baker, and Kilminster, 1992; об обращении к его идеям при обращении к странам другой части света — например, Сингапура — см. Stauth, 1997). Кстати, Элиас вовсе не утверждает, что цивилизация, какой она существует на Западе или в иной части мира, чем-либо особенно хороша. Не говорит он и обратное: что цивилизация плоха, хотя и признает, что в западной цивилизации есть проблемы. В общем, Элиас (Elias, 1968/1994, p. 188) не считает, что быть более цивилизованным — хорошо, равно не полагая и противоположное: быть менее цивилизованным — это плохо. Говоря, что люди стали более цивилизованными, мы вовсе не всегда констатируем, что они стали лучше (или хуже); мы просто подтверждаем существование социологического факта. Таким образом, Элиас (как вскоре станет ясно) обращается к социологическому изучению того, что он называет «социогенезисом» западной цивилизации.

Точнее, Элиаса интересуют постепенные изменения (Elias, 1997), происходящие в поведении и психологическом облике людей Запада. Именно анализ этих изменений является предметом рассмотрения в «Истории манер». Во втором томе своей работы «О процессе цивилизации», который имеет название «Власть и вежливость», Элиас сосредоточивается на изменениях общества, что сопровождают перемены в поведении и психологии людей и теснейшим образом связаны с последними. Вообще же, предметом исследования для Элиаса стали «взаимосвязи между изменениями в структуре общества и изменениями в структуре поведения и психического облика» (Elias, 1939/1994, p. xv).

Исследуя манеры, Элиас обращает внимание на постепенной исторической трансформации множества самых привычных форм поведения, становящихся, как сказали бы теперь, цивилизованными (хотя отмечает и те периоды, когда наблюдались противоположное направление изменений; см.: Elias, 1995). Хотя свой исторический обзор Элиас начинает с эпохи средних веков, он поясняет, что нет и не может быть отправной (как, впрочем, и конечной) точки в развитии цивилизации: «Ничто не может быть более бесплодным при рассмотрении длительных социальных процессов, чем попытка указать на абсолютное начало» (Elias, 1969/1983, p. 232). Следовательно, цивилизационные процессы можно проследить в прошлом, они существуют в настоящем и продолжатся в будущем. Цивилизация — это непрерывный эволюционный процесс, который Элиас, для удобства, стал рассматривать с периода Средневековья. Он стремится, в частности, проследить изменения, связанные с тем, что нас смущает, вызывает особые чувства, проследить, как

растет наша восприимчивость, а также исследовать развитие свойственного людям теперь повышенного внимания к другим и обостренного их понимания. Однако всего лучше привести конкретные примеры, как Элиас рассматривает такого рода изменения.

Поведение за столом

Элиас исследовал книги (и иные источники), о том, как себя вести за обеденным столом (а также касающиеся тех аспектов, которые мы рассмотрим в следующих разделах), написанные в период с XIII по XIX в. Ученый пришел к такому выводу: порог смущения со временем становится ниже. Что люди делали за столом в ХШ в., почти не смущаясь, в XIX в. стало бы причиной сильного чувства стыда. То же, что полагается отвратительным, со временем, вероятно, и вовсе *«будет удалено из социальной жизнт* (Elias, 1939/1994, p. 99).

Например, поэма XIII в. предостерегает: «Некоторые люди обгладывают кость и затем кладут ее опять на блюдо — это серьезный проступок» (Elias, 1939/1994, p. 68). Другая книга XIII в. гласит: «Неприлично совать пальцы в уши или глаза, как делают некоторые люди, или ковырять в носу во время еды» (Elias, 19939/1994, p. 71). Эти запреты подразумевают, что многие люди в то время вели себя описанным образом и что такое поведение обычно не вызывало у них, или у окружающих, никакой неловкости. Надобно было предостеречь, поскольку люди не знали, что такое поведение «нецивилизованное». Со временем становится все меньше необходимости предупреждать людей, например, о том, что нельзя ковырять в носу во время еды. Так, документ конца XVI в. сообщает: «Нет ничего более неприличного, чем облизывать пальцы, брать еду и класть ее в рот рукой, размешивать соус пальцами или макать в него хлеб вилкой и потом его обсасывать» (Elias, 1939/1994, p. 79). Конечно, *существуют* вещи более неприличные, чем облизывание пальцев, — например, ковыряние в носу, но к настоящему моменту цивилизация уже достигла такого уровня, что был признан нецивилизованный характер подобного поведения. Притом, что ковыряние в носу благополучно происходит «в закулисье», общество нашло и другие, менее вопиющие виды поведения, которые определяются как нецивилизованные.

Одно из утверждений Элиаса, относящееся к рассматриваемой научной проблеме, равно как и другим, состоит в том, что эти изменения не происходят рационально. Их источники он видит скорее в области эмоций, чем в рациональных рассуждениях. (Например, анализируя рост запретов плеваться прилюдно, Элиас утверждает, что стимулом для этого стали соображения социального, а не медицинского плана; такие ограничения возникли задолго до того, как появились научные подтверждения нездорового действия плевка.) Кроме того, как уже отмечалось, эти изменения не происходят сознательно, а скорее возникают бессознательно. По словам Элиаса, «очевидно, отдельные люди не планировали.когда-то в прошлом изменения, "цивилизацию", и не намеревались постепенно осуществлять ее сознательными, "рациональными", целенаправленными методами» (Elias, 1939/1982). Другой важный момент заключается в том, что эти изменения обычно порождены одним источником (особенно, как мы увидим, жизнью при дворе —

во французском обществе) и затем распространяются повсюду. Вот какое резюме дает Элиас:

> Определенные виды поведения запрещаются — не потому что вредны [рациональное основание (мотив)], а потому, что вызывают отвращение и неприятные ассоциации; стыд при возникновении такого зрелища, первоначально отсутствовавший; и опасение вызвать такие ассоциации постепенно распространяется от кругов, которые определяют стандарты, к более широким слоям, что происходит благодаря существующим властям и институтам. Однако раз такие взгляды возникли и твердо установились в обществе с помощью определенных ритуалов... они постоянно воспроизводятся, пока структура человеческих отношений не изменится фундаментальным образом (Elias, 1939/1994, p. 104).

Естественные отправления

Схожая тенденция прослеживается в способах естественных отправлений. В книге XIV в., которой, в частности, пользовались школьники, даются советы, касающиеся «пускания ветра»:

> Чтобы поладить с болезнью, послушайте старинное правило о звуке «ветра». Если от него можно освободиться без шума, это хорошо. Но пусть он лучше выпускается с шумом, чем сдерживается...
>
> ...Звук освобождения от газов, особенно у тех, кто стоит на возвышенности, ужасен. Следует подавить его, плотно сжав ягодицы...
>
> пусть кашель скроет взрывной звук. ...Следуйте закону тысячелетий: заглушайте звуки газов кашлем (Elias, 1939/1994; 106)

В этой книге открыто обсуждается тема, которую к XIX в. (и, конечно, сейчас) нет надобности поднимать, поскольку стало общеизвестным, что указанное поведение носит нецивилизованный характер. Более того, нас сильно удивит столь открытое обсуждение такого рода предметов, так как это задевает современное понимание пристойности, Однако именно в этом и отражается процесс цивилизации и изменение «порога смущения» (Elias, 1939/1994, p. 107). Обсуждавшееся ранее открыто, со временем отодвигалось за этот рубеж. Тот факт, что нас удивляют советы по испусканию газов, отражает, что сегодня порог допустимого сильно отличается от того, каким он был в XIV в..

Элиас связывает эти изменения во взглядах на надлежащий способ испускания газов с изменениями в социальных фигурациях, особенно при французском дворе. Увеличивалось количество людей, живших в тесном соседстве и постоянной взаимозависимости. Следовательно, возрастала необходимость регулировать человеческие импульсы и налагать на них большие ограничения. Зародившаяся в придворных кругах манера контролировать эти импульсы, в конечном счете, была воспринята более низкими социальными слоями. Необходимость распространить такого рода запреты вызвана дальнейшими изменениями фигурации, прежде всего — сближением и большей взаимозависимостью людей, имеющих разный статус, а также меньшей жесткостью системы стратификации, благодаря чему людям с более низким статусом стало проще взаимодействовать с обладателями более высокого. В результате представители низших классов должны были контроли-

ровать испускание газов (и многие другие аналогичные проявления) точно так же, как и выходцы из высших. В то же время последним требовалось следить за испусканием газов не только в присутствии лордов, но и людей, обладающих более низким социальным статусом.

Элиас подытоживает свое рассмотрение перемен, произошедших с манерой совершать эти естественные отправления:

> Постепенно общество начинает все более жестко подавлять удовольствие, свойственное определенным отправлениям, вызывая у человека беспокойство, связанное с ними. Точнее, общество делает это удовольствие «интимным» и «тайным» (т. е. побуждает индивида сдерживать его), одновременно поощряя негативные эмоции — недовольство, отвращение, неприязнь — как единственно принятые в обществе (Elias, 1939/1994, p. 117).

Сморкание

Схожий процесс наблюдается в утверждении ограничений, связанных со сморканием. Например, документ XIV в. предупреждал: «Не сморкайтесь той же рукой, которую используете, чтобы держать мясо» (Elias, 1939/1994, p. 118). А в XVI в. читателю советовали: «Также не подобает, высморкав нос, расправлять носовой платок и рассматривать его, как будто из вас могли выпасть жемчужины и рубины» (Elias, 1939/1994, p. 119). Однако к концу XVIII столетия такого рода деталей в книгах о правилах поведения избегали: «Любое произвольное движение носа... невежливо и легкомысленно. Запускать пальцы в нос — отвратительное неприличие... Сморкаясь, вы должны соблюдать все правила приличия и чистоты» (Elias, 1939/1994, p. 121). Как говорит Элиас: «распространяется "заговор тишины»" (1939/1994, p. 121). То, что открыто осуждалось век или два назад, теперь рассматривается более сдержанно или не затрагивается вовсе. «Порог стыдливости» относительно сморкания и многих других проявлений отодвинулся. Чувство стыда закрепилось за тем (например, сморкание, газоиспускание), что в прошлом не считалось постыдным. Все больше преград воздвигается между людьми, так что проявления, ранее возможные в присутствии других, сегодня тщательно скрываются.

Сексуальные отношения

Элиас описывает ту же самую общую тенденцию применительно и к сексуальным отношениям. В Средние века для многих людей, как мужчин, так и женщин, было обычным проводить ночь вместе в одной комнате. И для них не было редкостью спать обнаженными. Однако со временем стало считаться все более постыдным находиться без одежды в присутствии лиц противоположного пола. В качестве примера «нецивилизованного» сексуального поведения Элиас описывает следующие свадебные обычаи, возникшие в средние века:

> Процессию в комнату новобрачных возглавлял шафер. Новобрачную раздевали подружки невесты; она должна была снять все украшения. Постель новобрачных должна была застилаться в присутствии свидетелей, чтобы брак имел законную силу. Их «укладывали рядом». «Постель одна, значит, муж и жена», — гласила поговорка. В позднее Средневековье эта традиция постепенно изменилась вплоть до того, что паре позволялось ле-

> жать на кровати в одежде... Даже в абсолютистской Франции жениха и невесту провожали в кровать гости, их раздевали и давали ночные рубашки (Elias, 1939/1994, p. 145-146)

Ясно, что это претерпело изменения с развитием цивилизации. Сегодня все, что происходит в постели новобрачных, скрыто и недоступно взору наблюдателей. Сексуальная жизнь выведена за пределы общественной и происходит в рамках отдельной семьи.

Один из важнейших аспектов, который связан и с более общими проблемами, заключается в том, что цивилизация предполагает изменение в способе контроля над побуждениями человека. Это означает, что происходит движение от относительного отсутствия контроля или контроля главным образом внешнего к современной ситуации, где акцент сделан на самоконтроль.

В сексуальной сфере, как и во всех прочих, процесс цивилизации *не* развивается прямолинейно. Периодически происходит множество прогрессивных, регрессивных и побочных перемен. Но все же заметна общая тенденция, которую можно назвать цивилизационным процессом:

> Процесс цивилизации в области сексуальных побуждений, по большому счету, параллелен аналогичному, затрагивающему другие импульсы, независимо от конкретных социогенетических различий, которые, судя по всему, постоянны... контроль становится все жестче. Инстинкт медленно, но верно вытесняется из публичной жизни общества... И это ограничение, как и прочие, все менее подкрепляется непосредственным применением физической силы. Оно культивируются в человеке с раннего возраста в виде привычного самоограничения структурой социальной жизни, давлением социальных институтов в целом и, в частности, определенными исполнительными органами общества (прежде всего — семьей). Таким образом, социальные требования и запреты все более становятся частью человеческой личности (Elias, 1939/1994, p. 154).

В «Истории манер» Элиас рассматривает изменения в способах человеческого мышления, действия и взаимодействия. Иногда он говорит об этом в общем — как об изменении в «структуре личности», однако представляется, что Элиас описывает не только изменения личностного плана: он показывает перемены в действии и взаимодействии людей. В целом, можно утверждать, что в «Истории манер» рассматриваются, главным образом, аспекты микроуровня. Однако два значимых фактора препятствуют такой интерпретации. Во-первых, в «Истории манер» Элиас часто обращает внимание на сопутствующие макроуровневые изменения (например, при дворе) и утверждает, что «структуры личности и общества эволюционируют в неразрывной взаимосвязи» (Elias, 1968/1994, p. 188). Во-вторых, «История манер» написана с учетом того, что за ней последует второй том, «Власть и вежливость», главным предметом которого стали упомянутые изменения, в большей степени относящиеся к макроуровню. Тем не менее, хотя Элиас и желает избежать дихотомии микро- и макроуровней, работа «О процессе цивилизации» состоит из двух отдельных томов, один из которых делает основной упор на аспекты микро-, а второй — макропорядка.

«Власть и вежливость»

Если ключевую роль в процессе цивилизации играет самоограничение, то предметом рассмотрения во «Власти и вежливости» становятся изменения в способах социального подавления, связанных с таким ростом самоограничений. Начать

ознакомление с книгой «Власть и вежливость» следует, обратившись к словам самого Элиаса, сказанным им относительно «Истории манер» :

> Выше было подробно показано, как ограничения посредством других людей, различными способами превращаются в самоограничения, как самые откровенные физиологические проявления человека все более вытесняются с авансцены социальной жизни людей и обрастают чувством стыда, как регуляция всех инстинктов и эмоций с помощью постоянного самоконтроля становится более устойчивой, сбалансированной и распространенной (Elias, 1939/1982, p. 230).

Несмотря на то, что позже Элиас отверг различение микро- и макроуровней, во «Власти и вежливости» он, похоже, обращается к «макроскопическому» уровню анализа:

> *Созадающаяся из множества отдельных планов и действий людей основа может вызвать к жизни изменения и модели, которые не планировал и не создавал ни один отдельно взятый человек. Из этой взаимозависимости людей рождается своеобразный порядок — более принуждающий и мощный, чем воля и разум отдельных составляющих его индивидов.* Именно этот порядок переплетенных человеческих побуждений и стремлений, этот социальный порядок определяет направление исторических изменений; он лежит в основе процесса цивилизации (Elias, 1939/1982, p. 230)

Это сильные, почти дюркгеймовские слова выражают суть уникальной *(sui generis)* реальности, обладающей силой принуждения, которая «определяет направление исторических изменений». Несмотря на позднейшие утверждения Элиаса о необходимости преодолеть различение микро- и макроуровней, во «Власти и вежливости» такая позиция в целом не находит подкрепления. Здесь рассматривается влияние, иногда определяющее, макроструктур на феномены микроуровня. (Однако спешу заметить, что Элиас часто говорит о том, что его интересуют исключительно взаимосвязанные изменения макро- и микроявлений, или взаимосвязь между «особыми изменениями в структуре человеческих отношений и соответствующими изменениями в структуре личности» [Elias, 1939/1982, p. 231].)

Сложность добиться интеграции при рассмотрении микро- и макроуровней отражает тот факт, что Элиас различает *психогенетические и социогенетические* исследования. В первых акцент делается на индивидуальной психологии, тогда как диапазон и горизонты вторых более широки, поскольку они фокусируются на «целостной структуре, не только отдельного государственного сообщества, но и социального пространства, которое формируется особой группой взаимозависимых обществ, и последовательного порядка его эволюции» (Elias, 1939/1982, p. 287-288).

Удлинение цепочек взаимозависимости

Каковы макроструктурные изменения, которые имеют столь большое значение для процесса цивилизации? Их можно описать как удлинение «цепочек взаимозависимости»:

> С ранних этапов существования западного мира по настоящее время социальные функции под давлением конкуренции все более и более дифференцировались. Чем боле< различными они становятся, тем больше возрастает число функций и, таким образом количество людей, от которых постоянно зависит индивид во всех своих действиях -

> от простейших и самых банальных до более сложных и нестандартных. По мере того как все большее число людей должно приноравливать собственное поведение к поведению других, паутина действий организовывается строже и точнее, чтобы каждое индивидуальное действие исполнило свою социальную функцию. Индивид вынужден регулировать свое поведение, придерживаясь все более дифференцированных, более взвешенных и твердых манер... усложняющийся и все более постоянный контроль за поведением с самого раннего возраста все в большей степени усваивается самим индивидом, подобно автоматизму, самоограничению, которому он не может сопротивляться, даже если сознательно желает этого (Elias, 1939/1982, p. 232-233).

Следствием описанного процесса является «удлинение цепочек социального действия и взаимозависимости», что способствует соответствующей потребности индивидов сдерживать свои эмоции, развивая «привычку связывать события в свете причинно-следственных отношений» (Elias, 1939/1982, p. 236).

Таким образом, по Элиасу, рост дифференциации социальных функций играет ключевую роль в процессе цивилизации. Кроме этого, в связи с ней важно, что Элиас называет «тотальной реорганизацией социальной материи» (Elias, 1939/ 1982, p. 234). Здесь он описывает исторический процесс появления более стабильных центральных органов общества, монополизирующих средства физического принуждения и налогообложения. Существенное значение в этом процессе имеет возникновение абсолютной королевской власти, а также придворного общества (особенно во Франции, в частности, в период правления Людовика XIV, хотя дворы европейских монархий были тесно связаны друг с другом). Здесь действует то, что Элиас называет «королевским механизмом»: короли появляются при наличии особой фигурации, когда соперничающие функциональные группы амбивалентны (одновременно зависимость друга от друга и враждебность по отношению друг к другу), а власть оказывается поровну распределенной между ними, что препятствует возникновению серьезного конфликта или итогового компромисса. По словам Элиаса, «оптимальная власть, которая обычно находит свое выражение в автократии, достигается центральным органом не в том случае, когда рождается сильная правящая личность, а при условии, что особая социальная структура обеспечивает для этого возможность» (Elias, 1939/1982, p. 174). Иными словами, король появляется, когда имеется соответствующая фигурация.

Королевский двор играет, согласно Элиасу, особую роль, поскольку именно здесь происходили изменения, которые, в конечном счете, оказывали воздействие на все общество. В отличие от воина, которому было свойственно с легкостью прибегать к насилию, поскольку его цепочки взаимозависимости были достаточно коротки, придворные дворяне, связанные со многими иными дворянами гораздо более длинными цепочками взаимозависимости, считали нужным быть более восприимчивыми к другим. Дворянство находило все более затруднительным давать свободу своим эмоциям, проявляющимся в насилии и подобного рода действиях. Кроме того, укреплялась сила ограничений, связанная с тем, что король приобретал все больший контроль над средствами принуждения. «Монополизация физического принуждения, концентрация оружия и вооруженных людей под властью одного человека... вынуждает мирных безоружных людей быть менее воинственно настроенными, прибегать к особой предусмотрительности или рассудительно-

сти; иными словами, она навязывает людям большую или меньшую степень самоконтроля» (Elias, 1939/1982, p. 239). Монополия силы тесно связана со способностью короля концентрировать в своих руках налогообложение, поскольку налоги — это то, что позволяет ему финансировать контроль над средствами принуждения (Elias, 1939/1982, p. 208). Фактически Элиас описывает ситуацию взаимодействия двух монополий: «Финансовые средства, таким образом поступающие правителю, поддерживают его монополию на вооруженное принуждение, тогда как она, в свою очередь, поддерживает монополию на налогообложение» (Elias, 1939/ 1982, p. 104). Кроме того, рост дохода королевской казны сопровождается снижением доходов дворянства, а неравенство способствует дальнейшему усилению королевской власти (Elias, 1969/1983, p. 155).

Дворяне играют ключевую роль в процессе цивилизации, поскольку изменения, происходящие в этой элитной группе, постепенно распространяются на все общество:

> Именно в придворном обществе формируются основные модели поведения, которые, объединяясь с другими и изменяясь в соответствии с той позицией, которую занимают прибегающие к этим моделям группы, распространяются, заставляя проявлять предусмотрительность, на все более широкие группы функций. Из-за своего особого положения люди, принадлежащие к придворным кругам, более чем какая-либо иная группа западного общества, испытывающая на себе влияние Такого процесса, оказываются специалистами по разработке и формированию моделей социального поведения (Elias, 1939/1982, p. 258).

Эти появившиеся на Западе перемены распространились и на другие части света.

Появление королевской власти и двора, а также исторический переход от фигуры воина к придворному (или процесс превращения воина в дворянина) представляют собой, с точки зрения Элиаса, важнейший «рывок» в процессе цивилизации. Идея «рывков» — средоточие предложенной Элиасом теории социальных изменений: он не считает их ровным однонаправленным процессом, полагая последний со множеством стартов и остановок, а также как разнонаправленное движение.

Хотя Элиас придает огромное значение феномену королевского двора[1], конечная причина последовавших решающих изменений состоит в изменении всей социальной фигурации того времени. То есть ключевое значение имели изменения во взаимоотношениях между различными группами (например, между воинами и дворянами), а также изменения во взаимоотношениях между индивидами в этих группах. Кроме того, эта фигурация определяла ограничения в равной степени для дворянства и для короля: «Принцы и аристократы могут показаться людьми, ведущими свободную от принуждения жизнь. Тут... стало очевидным, чем ограничены представители высших классов и в не меньшей степени тот из них, кто обладает наибольшей властью, — монарх» (Elias, 1969/1983, p. 266).

Начиная со времени господства короля и его придворных, происходит постепенное движение к формированию государства. Другими словами, когда имеется частная (королевская) монополия на военную силу и налоги, появляется основа для

[1] Интересное исследование двора, буржуазии и их влияния на Моцарта см. в Elias, 1993.

общественной монополии на эти ресурсы — т. е. для образования государства. Существует непосредственная связь между укреплением королевской власти и затем государством как контролирующими органами в обществе и параллельным развитием контролирующих установок отдельной личности. Совместное установление такого рода ограничений ведет к их беспрецедентной власти над способностью индивида воздействовать на собственные эмоции. Нельзя сказать, что до этого времени самоконтроль у людей совершенно отсутствовал, но он стал постоянным, неколебимым, затрагивая все больше аспектов человеческой жизни. Утверждение Элиаса о том, что, обладая более длинными цепочками взаимозависимости, «индивид учится контролировать себя во всем и всегда; тогда он в меньшей степени узник своих страстей» (Elias, 1939/1982, p. 241), очень близко позиции Дюркгейма.

Любопытно в то же время признание Элиаса, что этот контроль не оборачивается абсолютным благом. Жизнь стала менее опасной, однако она также стала приносить меньше удовольствий. Неспособные непосредственно выразить свои эмоции люди вынуждены находить другие отдушины, например в мечтах или книгах. Кроме того, борьба, ранее проявлявшаяся как нечто внешнее, выступила в качестве, говоря языком Фрейда, борьбы Оно и Суперэго. (На воззрения Элиаса, касающиеся личности человека, огромное влияние оказала теория Фрейда.) Таким образом, способствуя уменьшению насилия, рост контроля над эмоциями вызвал усиление скуки и беспокойства.

Удлинение цепочек взаимозависимости соотносится не только с ужесточением контроля над аффектами, но и с возрастающей восприимчивостью людей по отношению к другим и к самим к себе. Кроме того, человеческие суждения приобретают более тонкие оттенки и нюансы, благодаря чему люди более способны оценивать и контролировать как себя, так и других. До того как появилось придворное общество, им приходилось защищать себя от насилия и угрозы смерти. Позднее, когда эта опасность стала меньше, люди могли позволить себе стать более восприимчивыми по отношению к менее значительным угрозам и действиям. Эта возросшая чувствительность становится важнейшим аспектом процесса цивилизации, а также имеет ключевое значение для его дальнейшего развития.

Огромную роль в этом процессе играет социализация молодых, в ходе которой они усваивают механизмы самоограничения. Однако и в этом случае есть проблемы: «Приобщение молодого человека к цивилизации никогда не бывает абсолютно безболезненным процессом; оно всегда оставляет шрамы» (Elias, 1939/1982, p. 244).

Резюме

Основным предметом рассмотрения в данной главе является интеграция подходов к микро- и макроуровням. Развитие такого рода теорий чревато возвратом к вопросам, интересовавшим титанов социологической мысли, а также отходом от крайних микро- или макропозиций в теории, чем во многом характеризовалась американская социологическая теории XX в. Тогда как до 1980-х гг. вопросу интеграции подходов к микро- и макроуровням уделялось мало внимания, в это десятилетие и в течение 1990-х интерес к данной теме резко возрос. Работы, касающиеся этой области, создавались в рамках полярных теорий, а также различных

подходов промежуточного плана. Некоторые из них были сфокусированы на объединении микро- и макротеорий, тогда как остальные рассматривали взаимосвязь микро- и макроуровней социального анализа. Помимо этого базового различия существуют значительные расхождения во взглядах на интеграцию указанных теорий и уровней.

Существенное место в данной главе занимает разбор нескольких важнейших работ, посвященных интеграции микро- и макроуровней социального анализа. Три автора, Ритцер, Александер и Уайли, развивают очень схожие «микро-макромодели» социального мира. Несмотря на то что между ними имеются существенные отличия, указываемые ими похожие образы социального мира отражают показательное сближение ученых, стремящихся к объединению микро- и макроуровней социального анализа.

Значительно более узкой теорией является концепция Коулмена, который сосредоточивается на переходе от микро- к макроуровню и их соединении в таком направлении. Его исследования критикуют за неспособность описать специфику соединения при переходе от макро- к микроуровню, а также за отсутствие диалектического понимания социального мира. В этом контексте также рассматривается наследие Лиски, поскольку тот предпринимает попытку преодолеть ограниченность свойственного Коулмену подхода и изучить вопрос перехода от макро- к микроуровню. Лиска подчеркивает значение агрегации и контекстуальных факторов в рассмотрении соединения феноменов микро- и макропорядка. Предпринятая Коллинзом попытка построить теорию интеграции двух полюсов критикуется за редукционизм — тенденцию сводить макрофеномены к микроявлениям.

Данная глава завершается подробным ознакомлением с работами одного из европейских предшественников американских теорий интеграции — Норберта Элиаса. Особенно актуальны его представления в области фигурационной социологии, а также сравнительно-историческое исследование взаимосвязи относящихся к микроуровню манерам и происходящих на макроуровне изменений при дворе короля и в государстве.

Глава 11
Интеграция действия и структуры

Введение

Как отмечалось в предыдущей главе, возрастанию интереса к вопросу микро- и макроуровней в американской социологической теории соответствует наблюдаемый у европейских теоретиков рост интереса к вопросу взаимосвязи между действием и структурой. В сущности, интерес этот столь силен, что Фуллер (Fuller, 1998) назвал его «помешательством». Маргарет Арчер считает, что «проблема структуры и деятельности по праву стала рассматриваться в качестве основного вопроса современной социальной теории» (1 Archer, 988, p. ix). Фактически она утверждает, что рассмотрение этой взаимосвязи (равно как и ряда других вытекающих из нее взаимосвязей) стало «лакмусовой бумажкой» общей социальной теории и «центральной проблемой» теории (Archer, 1988, p. x). Еще раньше Доу высказался даже более радикально, чем Арчер: *«Таким образом, проблематика, вокруг которой может быть написана вся история социологического анализа, заключается в проблематике человеческого действия»* (Duawe, 1978, p. 379). Кроме того, в подходе Доу к деятельности присутствует интерес к социальной структуре, а также постоянной коллизии между ними.[1]

На поверхностном уровне вопросы микро-макросоединения и интеграции действия и структуры выглядят схожими и зачастую трактуются, как будто в значительной степени идентичны. Однако, если посмотреть на вопросы о действии-структуре и микро-/макроуровнях с другой стороны, становятся вполне очевидны существенные различия между этими концептуальными построениями.

Хотя *деятельность* обычно относят к микроуровню, отдельно действующим субъектам[2], она также может относить-

[1] В сущности, зачастую термин «деятельность» используется так, что в этот анализ включается и интерес к структуре (Abrams, 1982, p. xiii).

[2] Множество современных теоретиков, особенно связанные с постструктура лизмом и постмодернизмом, подвергали сомнению и даже отрицали идею человеческой деятельности. См., например, M.Jones (1996).

ся к действующим (макро) коллективным образованиям. Например, Берне считает, что понятие действующих субъектов включает в себя «индивидов, а также организованные группы, организации и государства» (Bums, 1986, p. 9). Турен (Touraine, 1977) рассматривает в качестве акторов социальные классы. Если согласиться с пониманием этих коллективных образований в качестве социальных агентов, мы не можем приравнивать действие и микроуровневые явления. Кроме того, хотя *структуру* обычно относят к масштабным социальным структурам, она может относиться и к микроструктурам, например, включенным в человеческое взаимодействие. Определение, которое Гидденс дает *системам* (более близкое к обычному значению термина «структура», чем его понятие структуры), подразумевает оба типа структур, поскольку, включает в себя «воспроизводимые отношения между акторами или коллективными образованиями» (1979, p. 66). Таким образом, как деятельность, так и структура могут относиться и к микро, и к макроуровневым явлениям или к явлениям обоих уровней.

Если обратиться к вопросу разделения микро-макроуровней, нужно сказать, что термин *«микро»* зачастую относится к сознательному, креативному актору, изучаемому многими теоретиками действия, но он может относиться и к актору, проявляющему более неосознанное поведение, представляющее интерес для сторонников бихевиоризма, теорий обмена и рационального выбора. Аналогичным образом, термин *«макро»* может относиться не только к масштабным социальным структурам, но и к культурам коллективных образований. Таким образом, «микро» может относиться или не относиться к «агентам», а «макро» может иметь или не иметь отношение к «структурам».

Внимательно изучая схемы «микро-макро» и «действия-структуры» мы обнаруживаем между ними существенные различия.

Основные теории интеграции действия и структуры

Структурационная теория

Одну из наиболее известных и отчетливых попыток интеграции действия и структуры представляет собой структурационная теория Энтони Гидденса (Bryant and Jary, готовится к изданию; Cohen, 1989; Craib, 1992; Held and Thompson, 1989). Гидденс утверждает, что «любое научное исследование в сфере социальных наук или истории занимается соединением действия [часто используется как синоним *деятельности]* и структуры... Никоим образом нельзя говорить о том, что структура "определяет" действие или наоборот» (Giddens, 1984, p. 219).

Несмотря на то что Гидденс не марксист, марксистская теория повлияла на его творчество, а он сам считает свое *«Строение общества»* развернутым рассуждением об одном из высказываний Маркса, носящем по своей сути интегративный характер: «Люди сами творят историю, но они ее делают не так, как им вздумается; они творят ее при обстоятельствах, которых сами не выбрали, а с которыми непосредственно сталкиваются, которые даны им и унаследованы от прошлого» (1869/1963, p. 15)[1].

[1] Я согласен с тем, что Марксу отводится столь важное место в структурационной теории, в более общем плане, в теориях, которые соединяют действие и структуру. В своей метатеоретической работе я сделал вывод, согласно которому творчество Маркса представляет собой наилучший «пример интегрированной социологической парадигмы» (Ritzer, 1981a, p. 232).

Теория Маркса — лишь один из множества источников структурационной теории. Так или иначе, Гидденс проанализировал и критически разобрал большинство важнейших теоретических подходов и извлек из многих из них ряд полезных идей. Теория структурации необычайно эклектична; фактически Крейб (Craib 1992, p. 20-31) выделяет девять основных источников концепции Гидденса.

Гидденс изучает множество теорий, которые исходят от индивида/агента (например, символический интеракционизм) либо от общества/структуры (например, структурный функционализм) и отвергает обе противоположные альтернативы. Он утверждает, что мы должны отталкиваться от «повторяющихся социальных практик» (Giddens, 1989, p. 252). Уточняя, он пишет: «Основная сфера исследования в социальных науках, согласно теории структурации, есть не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социальной целостности, а социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве» (Giddens, 1984, p. 2).

Структурационная теория и Гидденса с ее вниманием к социальным практикам по сути представляет собой теорию взаимосвязи между действием и структурой. Согласно Бернстайну, «самая сердцевина теории структурации» состоит в «намерении пролить свет на дуальность и диалектическое взаимодействие деятельности и структуры» (Bernstein, 1989, p. 23). Таким образом, действие и структура не могут пониматься в разрыве друг от друга; это две стороны одной и той же медали. Говоря языком Гидденса, они представляют собой дуальность (в следующем разделе мы рассмотрим критику данного подхода с позиции Арчер). Любое социальное действие включает в себя структуру, а любая структура предполагает социальное действие. Действие и структура неразрывно переплетены в текущей человеческой деятельности или практике.

Как уже отмечалось, аналитической точкой отсчета для Гидденса становятся человеческие практики, но он настаивает на том, чтобы они понимались как рекурсивные. Иначе говоря действия «не порождаются социальными акторами, а постоянно ими воспроизводятся с помощью тех самых средств, которые помогают им выражать себя как акторов. В этих действиях и их посредством агенты создают условия, которые делают эти действия возможными» (Giddens, 1984, p. 2). Таким образом, действия не порождаются сознанием, социальным конструированием реальности, не создаются они и социальной структурой. На самом деле, выражая себя как акторы, люди участвуют в практике, и именно через практику создаются и сознание и структура. Анализируя рекурсивный характер структуры, Хелд и Томпсон утверждают, что «структура воспроизводится в процессе и посредством последовательности привязанных к ситуации практик, которые ею организованы» (Held and Thompson, 1989, p. 7). То же можно сказать и о сознании. Гидденса интересует вопрос сознания, или рефлексивности. Однако он считает, что, будучи рефлексивным, индивидуальный актор не просто осознает себя, но участвует в наблюдении непрерывного потока действий и структурных условий. Бернстайн утверждает, что «действие само рефлексивно и рекурсивно включено в социальные структуры» (Bernstein, 1989, p. 23). В более общем плане можно сказать, что Гидденс рассматривает диалектический процесс, в ходе которого порождаются практика, структура и сознание. Таким образом, Гидденс исследует вопрос о деятельности и структуре, пользуясь историческим, процессуальным и динамическим подходом.

Рефлексивны не только социальные акторы, но и социальные исследователи, их изучающие. Эта идея приводит Гидденса к его известным рассуждениям о «двойной герменевтике». И социальные акторы, и социологи пользуются языком. Акторы используют язык для объяснения своих действий, а социологи, в свою очередь, используют язык для толкования действий социальных акторов. Таким образом, необходимо обратить внимание на взаимосвязь между обыденным и научным языком. Особенно следует осознать тот факт, что понимание социального мира социальным ученым может оказывать влияние на понимание изучаемых им акторов. Таким способом социальные исследователи могут изменять мир, который изучают, и приходить к искаженным результатам и выводам.

Элементы теории структурации

Давайте рассмотрим некоторые важнейшие элементы структурационной теории, Гидденса, начиная с его рассуждений об агентах, которые, как мы видели, непрерывно отслеживают собственные мысли и действия, а также их физический и социальный контекст. Стремясь к ощущению безопасности, акторы рационализируют свой мир. Под рационализацией Гидденс понимает развитие рутинных практик, которые не только дают акторам ощущение безопасности, но и позволяют эффективно действовать в социальной жизни. Кроме того, акторы обладают мотивацией к действию, и эта мотивация включает в себя потребности и желания, побуждающие их к действию. Таким образом, тогда как рационализация и рефлексивность постоянно участвуют в действии, мотивацию правильнее считать возможностью действия. Мотивация обеспечивает общие планы действия, однако большинство наших действий, по мнению Гидденса, не имеет непосредственной мотивации. Хотя такое действие не мотивировано и наши мотивации рбычно носят бессознательный характер, мотивация играет в человеческом поведении значительную роль.

В сфере сознания Гидденс также проводит (нежесткое) различие между дискурсивным и практическим сознанием. *Дискурсивное сознание* означает способность описывать наши действия словами. *Практическое сознание* подразумевает действия, которые акторы воспринимают как нечто само собой разумеющееся, не будучи способными выразить свои действия словами. Именно этот последний вид сознания имеет особое значение в теории структурации, что отражает ее основной интерес к тому, что делается, а не к тому, что говорится.

Принимая во внимание сделанный акцент на практическом сознании, перейдем от агента к деятельности — тому, что агенты фактически *делают*. «Деятельность касается событий, по отношению к которым индивид выступает как нарушитель... То, что произошло, не случилось бы, если бы этот индивид не вмешался» (Giddens, 1984, p. 9). Таким образом, Гидденс уделяет большое (критики говорят, что слишком большое) внимание роли деятельности (Baber, 1991). Он пытается отделить деятельность от намерений, поскольку хочет показать, что действия в конечном итоге нередко оказываются отличными от первоначальных намерений; иначе говоря, преднамеренные действия зачастую приводят к непреднамеренным последствиям. Понятие непреднамеренных последствий играет в теории Гидденса большую роль, и оно имеет особое значение при переходе от анализа деятельности к рассмотрению уровня социальной системы.

Следуя своему подходу, где акцент делается на деятельности, Гидденс приписывает агенту значительные возможности. Иначе говоря, агенты у Гидденса обладают способностью изменять социальный мир. Более того, понятие агентов не имеет смысла без этой власти: актор перестает быть агентом, если утрачивает способность изменять социальный мир. Гидденс, конечно, признает, что существуют ограничения, которым подвергаются акторы, однако это не означает, что у акторов нет выбора и они не способны что-либо изменить. С точки зрения Гидденса, эта способность логически предшествует личности, поскольку действие предполагает власть, или способность изменять ситуацию. Таким образом, теория структурации Гидденса приписывает актору и действию определенную власть и противостоит теориям, которые данный подход отвергают и вместо этого придают большое значение целям актора (феноменология) или внешней структуре (структурный функционализм).

Концептуальная сущность теории структурации заключается в понятиях структуры, системы и дуальности структуры. *Структура* определяется как «структурирующие свойства *[правила и возможности]*... свойства, благодаря которым заметно схожие социальные практики могут существовать в различные промежутки времени и пространства и которые придают им системный вид» (Giddens, 1984, p, 17). Структура возможна благодаря существованию правил и возможностей. Самих структур не существует во времени и в пространстве, но социальные явления обладают способностью структурироваться. Гидденс утверждает, «структура существует только в ходе и посредством действий социальных агентов» (Giddens, 1989, p. 256). Таким образом, Гидденс предлагает очень необычное определение *структуры,* в котором не придерживается дюркгеймовской модели. Согласно последней, структуры носят внешний и принудительный по отношению к акторам характер. Гидденс же пытается избежать изображения структур «наружными» или «внешними» относительно человеческого действия. «В моем словоупотреблении, структура есть то, что придает форму социальной жизни, а не *самой* этой формой» (Giddens, 1989, p. 256). Как пишут Хелд и Томпсон, структура по Гидденсу, не каркас, «наподобие балок строения или скелета тела» (Held and Thompson, 1989, p. 4).

Гидденс не отрицает возможности сдерживающего влияния структуры на действие, но считает, что социологи преувеличивают значение этого ограничения. Более того, они не учитывают, что структура *«всегда и* ограничивает, *и* позволяет» (Giddens, 1984, p. 25,163; курсив мой). Структуры часто разрешают агентам делать то, что иначе они были бы делать не способны. Отрицая приоритетное значение структурного ограничения, Гидденс все же признает, что акторы могут утратить контроль над «структурными свойствами социальных систем» при их растяжении во времени и пространстве. Однако он тщательно избегает веберовского образа железной клетки и отмечает, что такая потеря контроля *не* оказывается неизбежной.

Общепринятое в социологии понимание структуры стоит ближе к гидденсовской концепции социальных систем (Thompson, 1989, p. 60). Гидденс определяет *социальные системы* как воспроизводимые социальные практики, или «воспроизводимые отношения между акторами или коллективными образованиями, организованные как регулярные социальные практики» (1984, p. 17, 25). Таким образом, понятие социальной системы вытекает из того большого внимания, которое

Гидденс уделяет практике. Социальные системы *не* имеют структур, но проявляют структурные свойства. Самих структур во времени и пространстве не существует, однако они проявляются в социальных системах в форме воспроизводимых практик. Хотя некоторые социальные системы могут быть продуктом целенаправленного действия, Гидденс основной акцент делает на том, что такие системы часто оборачиваются непреднамеренными последствиями человеческого действия. Эти непредвиденные последствия могут стать неосознаваемыми обстоятельствами действия и оказывать на него влияние по механизму обратной связи. В свою очередь, обстоятельства могут уклоняться от попыток их подчинения, но тем не менее акторы не оставляют своих усилий по осуществлению такого контроля над этими обстоятельствами.

Итак, структуры «иллюстрируются» в социальных системах. Кроме того, они очевидны в «следах воспоминаний», ориентирующих поведение сознательных социальных агентов» (Giddens, 1984, p. 17). В результате, правила и возможности проявляются как на макроуровне социальных систем, так и на микроуровне человеческого сознания.

Теперь мы можем рассмотреть понятие *структурации,* основанное на идее, что «образование агентов и структур — это не два независимых набора явлений, дуализм, а дуальность ... структурные свойства социальных систем являются одновременно средством и результатом практик, которые рекурсивно организуют друг друга», или «момент создания действия есть также момент воспроизведения социальной жизни в условиях повседневного осуществления» (Giddens, 1984, p. 25, 26). Ясно, что структурация предполагает диалектическую взаимосвязь между структурой и действием (Rachlin, 1991). Структура и действие представляют собой дуальность; ни один из этих двух элементов не может существовать без другого.

Как уже отмечалось, *время* и *пространство* — очень важные переменные в теории Гидденса. Они зависят от временного или пространственного присутствия других людей. Изначальное условие — межличностное взаимодействие, при котором другие присутствуют в одно и то же время в одном и том же месте. Однако социальные системы расширяются во времени и пространстве, и другие могут уже не присутствовать непосредственно. Такое дистанцирование во времени и пространстве становится в современном мире все более возможным благодаря новым формам коммуникации и транспортировки. Грегори (Gregory, 1989) утверждает, что Гидденс уделяет времени больше внимания, чем пространству. Подчеркивая значение пространства, Сондерс заявляет, что «при любом социологическом анализе того, *почему* и *как* что-то происходит, потребуется учесть, *где* (и когда) это происходит» (Saunders, 1989, p. 218). Важнейший социологический вывод о социальном порядке зависит от степени интеграции социальных систем во времени и пространстве. Одно из наиболее широко признанных достижений Гидденса в социальной теории — это его попытка выдвинуть на передний план вопросы времени и пространства.

Данный раздел мы завершаем приближением крайне абстрактной структурационной теории Гидденса к реальности с помощью рассмотрения исследовательской программы, которую можно извлечь из данной теории. Во-первых, не исследуя человеческие общества, теория структурации сосредоточилась бы на «упорядочении институтов во времени и пространстве» (Giddens, 1989, p. 300). (Институты по-

нимаются Гидденсом как совокупности практик, и он выделяет четыре их типа: символический порядок, политический институт, экономический институт и закон). Во-вторых, основной интерес был бы направлен на изменения, происходящие в институтах во времени и пространстве. В-третьих, исследователи должны были бы понять, каким образом руководители различных институтов навязывают и изменяют социальные образцы. В-четвертых, приверженцы структурационной теории должны были бы отслеживать и чутко реагировать на влияние своих выводов на социальный мир. Обобщая, можно сказать, что Гидденс проявляет глубокий интерес к «разрушительному влиянию современности» (Giddens, 1989, p. 301), и сторонник теории структурации следует заняться изучением этой острой социальной проблемы.

Теория структурации далеко не ограничивается тем, что может быть рассказано в данной книге; Гидденс очень подробно рассматривает уже упомянутые нами элементы своей теории, а также многие другие ее аспекты. При этом он анализирует, соединяет и/или критически разбирает целый ряд теоретических воззрений. Относительно недавно он начал уделять больше внимания применению своей теории для критического анализа современного мира (Giddens, 1990, 1991, 1992; см. главу 12). В отличие от многих других теоретиков, Гидденс вышел за рамки программного заявления интеграции действия и структуры: он провел подробный анализ различных элементов этой интеграции и, что более важно, рассмотрел характер этой взаимосвязи. Наиболее убедительно в подходе Гидденсато, что основной интересующий его вопрос — структурация — определяется с сущностно интегративной точки зрения. Образование агентов и структур не происходит независимо друг от друга; свойства социальных систем рассматриваются одновременно как средство и результат практик акторов, и эти системные свойства рекурсивно организуют практики акторов.

Лейдер, Аштон и Санг (Layder and Ashton, and Sung, 1991) в своем исследовании перехода с учебы на работу искали эмпирическое подтверждение структурационной теории Гидденса. Несмотря на то, что в целом они поддерживают его теоретический подход, основной их вывод заключается в том, что структура и деятельность не настолько переплетены, как полагает Гидденс: «Итак, мы заключаем, что эмпирически структура и действие взаимозависимы (и, таким образом, глубоко проникают друг в друга), *но отчасти это автономные и отделимые сферы»* (Layder, Ashton, and Sung, 1991, p. 461; курсив мой). Как мы увидим в следующем разделе, данный вывод согласуется с позицией, которую занимает Маргарет Арчер.

Критика

Крейб (Craib, 1992) разработал наиболее систематизированную критику структурационной теории Гидденса (критику более общего плана см. в Mestrovic, 1998). Во-первых, Крейб утверждает, что, поскольку Гидденс уделяет основное внимание социальным практикам, его теории недостает «онтологической глубины». Имеется в виду, что Гидденс в своем анализе не рассматривает социальные структуры, лежащие в основе социального мира. Во-вторых, предпринятая им попытка теоретического синтеза слабо увязана со сложностью социального мира. Для рассмотрения этой сложности нужна не отдельная синтетическая теория — «нам требуется целый ряд теорий, которые могут быть до некоторой степени несовмести-

мыми» (Craib, 1992, p. 178). С точки зрения Крейба, социальный мир также довольно неупорядочен, и эту неупорядоченность невозможно адекватным образом проанализировать лишь с помощью единственного концептуально точного подхода наподобие теории структурации. Гидденсовский подход ограничивает возможности заимствования, которые открываются при привлечении широкого диапазона социологических теорий. Отрицая такие метатеории, как позитивизм, и такие теории, как структурный функционализм, Гидденс оказывается неспособен извлекать из них полезные идеи. Даже если Гидденс реально привлекает другие теории, он использует лишь некоторые их аспекты и, как следствие, не извлекает из них всего возможного. В-третьих, Гидденс не формулирует никакой точки опоры своих рассуждений, поэтому ему недостает необходимой основы для критического анализа современного общества (см. главу 12). В итоге критика, которую проводит Гидденс, скорее носит специально-целевой характер, а не вытекает систематическим образом из связного теоретического ядра. В-четвертых, теория Гидденса, в конечном счете, представляется недостаточно целостной. В силу этой эклектичности своей теории он аккумулирует различные теоретические элементы, которые не обязательно хорошо сочетаются друг с другом. Наконец, трудно, а то и невозможно, точно понять, о чем говорит Гидденс (Mestrovic, 1998, p. 207). Неоднократно на протяжении своего анализа Крейб указывает на то, что не уверен, а лишь предполагает, что же Гидденс имеет в виду.

Принимая во внимание масштаб и серьезность критики, Крейб вопрошает: зачем тогда вообще применять структурационную теорию? Он выдвигает две основных причины. Во-первых, многие идеи Гидденса (например, понимание структур как одновременно ограничивающих и позволяющих) стали неотъемлемой частью современной социологии. Во-вторых, любому, кто сегодня работает в сфере социальной теории, понадобится учесть творчество Гидденса и выработать свою позицию в его отношении. Свой анализ Крейб заканчивает вялой похвалой в адрес творчества Гидденса: «Полагаю, что трудно представить себе социальную теорию, которая бы не нашла в его творчестве *чего-либо,* на что можно опираться. *На данный момент,* во всяком случае, структурационная теория будет сохранять свое центральное положение» (1992, p. 196; курсив мой).

Культура и деятельность

Маргарет Арчер (Archer, 1988) направила тематику деятельности и структуры в новое русло: она сосредоточилась на вопросе взаимосвязи деятельности и культуры. В сущности, этот подход берет начало в более ранней работе Арчер (Archer, 1982), в которой она подвергла критике теорию структурации Гидденса и попыталась сформулировать альтернативу ей в рамках теории систем. Мы начнем с рассмотрения этой более ранней работы, потому что она дает основу для более поздней теории Арчер о культуре и действии.

Основное внимание Арчер уделяет *морфогенезу.* Это понятие происходит из теории систем (см. главу 9) и обозначает процесс, при котором сложный взаимный обмен приводит не только к изменениям в структуре системы, но также к возникновению конечного продукта — структурной сложности. (Тогда как морфогенез подразумевает изменения, *морфостаз* имеет противоположное значение —

отсутствие изменений.) Морфогенез означает, что существуют эмерджентные свойства, отделимые от действий и взаимодействий, которые их породили. Возникнув, структуры влияют на действие и взаимодействие и изменяют их. С точки зрения морфогенеза, этот процесс рассматривается во времени, с учетом бесчисленных последовательностей и циклов структурных изменений, изменений в действии и взаимодействии и структурной сложности.

Критика Гидденса

Одним из ключевых моментов расхождения Гидденса и Арчер становится утверждение Гидденсом дуальности, в то время как Арчер критикует эту приверженность Гидденса и говорит о полезности применения в анализе социального мира (аналитического) дуализма (Archer, 1996; Willmott, 1997). С точки зрения Арчер, структура (и культура) и действие аналитически различны, несмотря на то что в социальной жизни они переплетены. Арчер несомненно имеет в виду Гидденса, когда говорит, что «слишком многие чересчур поспешно сделали отсюда вывод о том, что вопрос состоит в одновременном рассмотрении обеих сторон монеты... [Это] отрицает возможность исследования их взаимодействия во времени... Любой форме концептуализации, препятствующей исследованию этого взаимодействия, поэтому следует оказывать сопротивление» (Archer, 1988, p. xii). Больше всего Арчер опасается, что мышление на основе дуальности «элементов» и «людей» будет означать, что «их взаимное влияние невозможно прояснить» (1988, p. xiv).

Мы полагаем, что как дуальность, так и дуализм играют свою роль в анализе социального мира. В некоторых случаях может быть полезным разделение структуры и действия, или микро- и макроуровней, с тем чтобы рассмотреть их взаимосвязь. В других случаях может понадобиться рассмотрение структуры и действия и микро- и макроуровней как неразделимых дуальностей. Фактически, вполне возможно, что степень, в которой социальный мир характеризуется дуальностью или дуализмом, — вопрос эмпирический. То есть в одном случае социальные условия лучше анализировать с применением дуальности, а в другом случае, возможно, лучше использовать дуализм. Похожие доводы можно привести относительно различных моментов времени. Мы должны уметь исследовать и измерять степень дуальности и дуализма в любой социальной обстановке в любое время.

Второе основное направление критики теории структурации Гидденса касается видимого отсутствия в ней какого-либо конечного результата. Есть только бесконечный цикл деятельности и структуры, не имеющий никакого направления. Морфогенетический подход Арчер, наоборот, ведет в направлении структурного усложнения. Существуют многие другие аспекты критики теории Гидденса с точки зрения морфогенетического подхода Арчер, однако для нас важно то, что морфогенез является основой теории культуры и деятельности и играет в ней ключевую роль.

Морфогенез, культура, деятельность

Арчер отталкивается от предпосылки, согласно которой проблема структуры и Действия «затмила» собой вопрос культуры и деятельности. Как и большинство социологов, она проводит между этими вопросами различие. Однако это разли-

чие имеет главным образом концептуальный характер, поскольку в реальном мире структура и культура, очевидно, переплетены (Hays, 1994). Тогда как структура есть сфера материальных явлений и интересов, культура предполагает нематериальные явления и идеи. Структура и культура не только содержательно различны, но и относительно автономны.[1] Таким образом, с точки зрения Арчер, структура и культура должны рассматриваться как относительно автономные, а не «зажатые в концептуальные тиски» (1988, p. ix). Однако, несмотря на возрождение «культурной социологии» (Lamond and Wuthnow, 1990), культурный анализ намного отстает от анализа структурного. (Арчер описывает «культурный анализ как скудное повествование» [1988, p. xii]; она считает, что, в результате, вопросу взаимосвязи культуры и действия уделялось мало внимания.)

В сфере структуры морфогенетическая теория, главным образом, рассматривает структурно обусловленное влияние на социальное взаимодействие и то, каким образом это взаимодействие, в свою очередь, ведет к структурному усложнению. Аналогично в области культуры интерес касается культурно обусловленного влияния на социокультурное взаимодействие и, опять же, того, каким образом это взаимодействие приводит к культурному усложнению. В обоих случаях вопросу времени отводится в морфогенетической теории центральное место. Культурная обусловленность относится к составным частям, или элементам, культурной системы. Социокультурное взаимодействие связано с отношениями между культурными агентами. Таким образом, взаимосвязь между культурной обусловленностью и социокультурным взаимодействием представляет собой вариант вопроса о структуре/действии (в области культуры).

Культурная система становится для Арчер отправной точкой, «поскольку любое социкультурное действие, в какой бы момент истории оно ни происходило, помещено в контекст бесчисленных взаимосвязанных теорий, убеждений и представлений, возникших прежде этого действия и, как мы увидим, оказывающих на него обусловливающее влияние» (1988, p. xix). Социокультурная система логически предшествует социокультурному действию и взаимодействию, влияет на него и испытывает влияние этого действия. Наконец, культурное усложнение следует за социокультурным действием и взаимодействием и переменами, вызванными в них изменениями в социокультурной системе. Арчер интересует объяснение не только культурного усложнения в целом, но также и его конкретных проявлений. Вот как Арчер обобщает свой временной, диалектический подход к взаимосвязи этих трех «стадий»: «Таким образом, культурное усложнение есть будущее, которое куется из настоящего, выкованного из прошлого наследия современным новаторством» (1988, p. xxiv).

В теории Арчер наличествует также и измерение «конфликта-и-порядка». Элементы культурной системы могут быть либо противоречащими, либо дополняющими друг друга. Это помогает определить, в какие — упорядоченные или конфликтные — отношения друг с другом вступят агенты. Эти взаимоотношения, в свою очередь, помогут определить, стабильны культурные отношения или они изменяются.

[1] Противоположное понимание культуры и утверждение необходимости рассматривать культуру как социальную структуру см. в Hays (1994). Социальная структура, по мнению Хейса, состоит из «систем социальных отношений и систем значения» (1994, p. 65).

С точки зрения деятельности Арчер стремится установить, каким образом культурная система вторгается в социокультурное действие. Кроме того, ее интересует какое влияние оказывают социальные отношения на агентов. Существует также вопрос о том, каким образом агенты реагируют на воздействие культурной системы и сами влияют на последнюю. Арчер так выражает свой основной интерес к вопросу взаимосвязи культуры и действия: «Наш главный интерес к культурной системе заключается именно в ее двойной взаимосвязи с человеческой деятельностью; т. е. с ее влиянием на нас... и нашим влияние на нее» (Archer, 1988, п 143). Агенты обладают способностью усиливать либо сопротивляться влиянию культурной системы.

Арчер считает, что культура находится на одном уровне с социальной системой и может анализироваться с применением аналогичного подхода, принятого в теории систем. Она отличает свой подход к культуре от трех других общих ориентации. Первая из них — нисходящая конфляция, или взгляд, согласно которому культура есть макроявление, влияющее на акторов без их ведома. Вторая позиция _ это восходящая конфляция, или точка зрения, в соответствии с которой одна группа навязывает свое понимание мира другим. Наконец, существует центральная конфляция, которую Арчер связывает с подходом Гидденса. В своей критике гидденсовских размышлений она, в частности, утверждает, что он отказывается анализировать отдельно культурную систему и социокультурный уровень. Арчер так формулирует свою излюбленную позицию: «Культура есть продукт человеческой деятельности, но в то же время в нее встроена всякая форма социального взаимодействия» (Archer, 1988, p. 77-78).

В основе теории Арчер лежат четыре общих положения. Во-первых, культурная система состоит из логически взаимосвязанных элементов. Во-вторых, культурная система оказывает причинное воздействие на социокультурную систему. В-третьих, существует причинная взаимосвязь между индивидами и группами, находящимися на социокультурном уровне. Наконец, изменения на социокультурном уровне ведут к усложнению культурной системы.

Арчер приводит доводы в пользу изучения взаимосвязи между культурой и деятельностью под общим заголовком «морфогенез» (Archer, 1995). Тем не менее в более позднем творчестве ее целью становится целостный анализ взаимосвязи между структурой, культурой и деятельностью. Здесь Арчер подходит к рассмотрению взаимного влияния структуры и культуры, а также относительного влияния последних на действие.

Габитус и поле

Теория Пьера Бурдье (Bourdieu, 1984a, p. 483) возникла из желания преодолеть то, что автор считает ложным противопоставлением объективизма и субъективизма, или, как он выражается, «абсурдной враждой между индивидом и обществом» ourdieu, 1990, p. 31). Как пишет Бурдье, «самый основательный (и, на мой взгляд, эолее важный) стимул, направляющий мое творчество, заключался в преодолении» оппозиции объективизм/субъективизм (1989, p. 15).

лагерю объективистов он причисляет Дюркгейма с его исследованием социьных фактов (см. главу 1), структурализм Соссюра, Леви-Стросса и структур-

ный марксизм (см. главу 13). Он критикует данные подходы за то, что в качестве основного предмета своего рассмотрения они берут исключительно объективные структуры. При этом они игнорируют процесс социального конструирования, посредством которого акторы воспринимают, мыслят и создают эти структуры, действуя затем на этой основе. Объективисты не учитывают ни деятельность, ни роль социальных агентов. Бурдье же предпочитает структуралистский подход, который не упускает из виду агента. «Я стремился вернуть исчезнувших у Леви-Стросса и других структуралистов, особенно Альтюссера, реальных акторов» (Bourdieu, цит. по: Jenkins, 1992, p. 18).

Эта цель заставляет Бурдье (1980/1990, p. 42) обратиться к субъективистскому направлению, в котором во время его студенчества доминировал экзистенциализм Сартра. Кроме того, в качестве примеров субъективизма им рассматриваются феноменология Шюца, символический интеракционизм Блумера и этнометодология Гарфинкеля, поскольку настоящие теории изучают, как социальные агенты мыслят, объясняют или представляют социальный мир. При этом данные направления игнорируют объективные структуры, в рамках которых протекают эти процессы. Бурдье считает, что эти теории концентрируются на деятельности и игнорируют структуру.

Вместо того чтобы придерживаться одного из указанных подходов, Бурдье исследует диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями:

> С одной стороны, объективные структуры... образуют основу для... представлений и создают структурные ограничения, которые затрагивают взаимодействия: однако, с другой стороны, эти представления также необходимо принимать во внимание, особенно при желании объяснить повседневные усилия, индивидуальные и коллективные, имеющие целью изменить или сохранить эти структуры (Bourdieu, 1989, p. 15)

С целью избежать дилеммы объективизм/субъективизм, Бурдье (Bourdieu, 1977, p. 3) концентрируется на понятии *практики,* которое считает проявлением диалектической взаимосвязи между структурой и действием. Практики не детерминированы объективно, не являются они и продуктом свободной воли. (Еще одна причина внимания Бурдье к вопросу практики состоит в том, что при таком подходе удается избежать зачастую неуместного интеллектуализма, который он связывает с объективизмом и субъективизмом.)

Свой собственный подход Бурдье, отражая интерес к диалектике структуры и человеческого конструирования социальной реальности, называет «конструктивистским структурализмом», «структуралистским конструктивизмом», или «генетическим структурализмом». Вот как он определяет генетический структурализм:

> Анализ объективных структур — структур различных полей — неотделим от анализа генезиса у биологических индивидов ментальных структур, которые в определенной степени оказываются продуктом инкорпорации социальных структур; а также неотделим от анализа генезиса самих этих социальных структур: социальное пространство и занимающие его группы — это продукт исторической борьбы (в которой агенты уча-

ствуют в соответствии с занимаемой ими в социальном пространстве позицией и ментальными структурами, посредством которых они понимают это пространство) (Bourdieu, 1990, p. 14)

Бурдье, по крайней мере отчасти, присоединяется к структуралистскому подходу, но его позиция отличается от структурализма Соссюра и Леви-Стросса (равно как и структурных марксистов). Тогда как они концентрировались на структурах в языке и культуре, Бурдье утверждает, что структуры существуют и в самом социальном мире. Бурдье считает, что «объективные структуры не зависимы от сознания и воли агентов, которые способны направлять и сдерживать свои практики или свои представления» (Bourdieu, 1989, p. 14). Одновременно он перенимает конструктивистскую позицию, которая позволяет ему рассматривать генезис схем восприятия, мысли и действия, а также социальных структур.

Хотя Бурдье стремится соединить структурализм и конструктивизм, и это ему отчасти удается, в его творчестве присутствует уклон в направлении структурализма. Именно по этой причине он (наряду с Фуко и другими — см. главу 13) считается постструктуралистом. В его творчестве больше от структурализма, нежели от конструктивизма. В отличие от подхода, свойственного большинству других теоретиков (например, феноменологам, символическим интеракционистам), конструктивизм Бурдье не учитывает субъективность и интенциональность. Он действительно считает важным включить в свою социологию вопросы восприятия и конструирования социального мира людьми на основе их положения в социальном пространстве. Однако присутствующие в социальном мире восприятие и конструирование одновременно стимулируются и сдерживаются структурами. Это хорошо отражено в одном из данных Бурдье определений его теоретического подхода: «Анализ объективных структур... не отделим от анализа генезиса у биологических индивидов, ментальных структур, которые в определенной степени являются продуктом инкорпорации социальных структур; а также не отделим от анализа генезиса самих этих социальных структур» (Bourdieu, 1990, p. 14). Интересующий его вопрос можно описать как взаимосвязь «между социальными структурами и ментальными структурами» (Bourdieu, 1984a, p. 471).

Таким образом, некоторым представителям микросоциологии подход Бурдье показался бы неудовлетворительным, и они сочли бы его практически не выходящим за рамки относительно более адекватного структурализма. По словам У аканта, «несмотря на то, что оба момента анализа в равной степени необходимы, они не равноправны: объективистскому разрыву отдается эпистемологический приоритет над субъективистским пониманием» (Wacquant, 1992, p. 11). Согласно формулировке Дженкинса, «в самой сути своей социологии он [Бурдье] — приверженец объективистского взгляда на мир, как и большинство тех, чье творчество он столь неумолимо отвергает» Qenkins, 1992, p. 91). Или, наоборот, «в итоге, возможно, важнейший недостаток в творчестве Бурдье - это его неспособность рассматривать субъективность» Qenkins, 1992, p. 97). Тем не менее в теории Бурдье присут-вует активный актор — актор, способный на *«непреднамеренное изобретение* выверенной импровизации» (Bourdieu, 1977, p. 79). Ядро творчества Бурдье и го попытки соединить субъективизм и объективизм заключается в его концепциях

габитуса и поля (Aldridge, 1998), а также диалектической взаимосвязи последних друг с другом (Swartz, 1997). Тогда как габитус существует в умах акторов, поля существуют вне их сознания. Подробнее два этих понятия мы изучим ниже.

Габитус

Мы начинаем с понятия, которым наиболее известна теория Бурдье, — габитуса.[12] *Габитус* — это «ментальные, или когнитивные структуры», посредством которых люди действуют в социальном мире. Люди наделены рядом интериоризированных схем, через которые они воспринимают, понимают и оценивают социальный мир. Именно через такие схемы люди одновременно производят свои практики и воспринимают и оценивают последние. Диалектически, габитус есть «продукт интериоризации структур» социального мира (Bourdieu, 1989, p. 18). По сути дела, габитус можно считать «интернализованными, "персонифицированными" социальными структурами» (Bourdieu, 1984a, p. 468). Габитусы отражают объективные разделения в классовой структуре, например возрастные группы, тендер, социальные классы. Габитус приобретается в результате длительного занятия определенного положения в социальном мире. Таким образом, габитусы различаются в зависимости от характера позиции субъекта в этом мире; не каждый обладает одинаковым габитусом. Однако люди, занимающие в социальном мире аналогичные положения, как правило, имеют сходные габитусы. (Справедливости ради мы должны отметить, что Бурдье, в частности, утверждает, что в своем творчестве руководствовался «желанием заново ввести в рассмотрение практику агента, его изобретательность и способность к импровизации» [Bourdieu, 1990, p. 13]).

В этом смысле габитус может также быть и явлением коллективным. Габитус позволяет людям осмыслять социальный мир, однако существование множества габитусов означает, что социальный мир и его структуры не производят одинаковое воздействие на разных акторов.

Имеющийся в каждое конкретное время габитус создается на протяжении коллективной истории: «Габитус, продукт истории, порождает индивидуальные и коллективные практики, и следовательно, саму историю, в соответствии с порожденными историей схемами» (Bourdieu, 1977, p. 82). Обнаруживаемый в каждом данном индивиде габитус приобретается в ходе индивидуальной истории и является функцией отдельного момента в социальной истории, в который габитус имеет место. Габитус одновременно обладает свойствами прочности и перемещаемости — он может перемещаться от одного поля к другому. Но люди могут иметь и несоответствующий габитус, пострадать от того, что Бурдье называет *гистерезисом.* Хорошим примером этого эффекта запаздывания может быть человек, который был оторван от аграрного существования в современном докапиталистическом обществе и направлен на работу на Уолл-стрит. Габитус, приобретенный в докапиталистическом обществе, не позволил бы ему в удовлетворительной степени справиться с жизнью на Уолл-стрит.

[1] Данное понятие — это не изобретение Бурдье, а возрожденное им традиционное философское понятие (Wacquant, 1989).

[2] Термин «габитус» происходит от лат. *habitus* — свойство, состояние, положение, и обычно никак не переводится. — *Примеч. пер.*

ПЬЕР БУРДЬЕ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

На момент написания данного очерка Пьер Бурдье занимал престижную должность заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс *(College de France)* (Jenkins, 1992). Родившись в 1930 г. в небольшом сельском местечке на юго-востоке Франции, Бурдье вырос в семье, принадлежавшей к низшему среднему классу (его отец был почтовым чиновником). В начале 1950-х гг. он посещал престижный педагогический коллеж в Париже _ Высшую педагогическую школу, где и получил диплом. Однако Бурдье отказался писать диссертацию. Отчасти это произошло потому, что он протестовал против заурядного уровня преподавания и авторитарного устройства в учебном заведении. Принятая в школе твердая коммунистическая, особенно сталинистская, ориентация вызывала у него отторжение, и он находился в активной оппозиции к этим воззрениям. Короткий период времени Бурдье преподавал в провинциальной школе, однако в 1956 г. его призвали в армию, и два года он пробыл в составе французских войск в Алжире, после чего он пробыл там еще два года. О своей жизни в Алжире Бурдье написал книгу, В 1960 г. он вернулся во Францию и в течение года работал ассистентом в Парижском университете. Он посещал лекции антрополога Леви-Стросса в Коллеж де Франс, а также работал ассистентом социолога Раймона Арона. На три года Бурдье перешел в университет Лилля, а затем вернулся, чтобы занять влиятельную должность директора-исследователя в Высшей практической исследовательской школе *(L'Ecole Practique des Hautes* Etudes) в 1964 г.

В последующие годы Бурдье стал крупной фигурой в парижских, французских и, в конце концов, мировых интеллектуальных кругах. Его творчество оказало влияние на ряд различных областей, в том числе педагогику, антропологию и социологию. В 1960-х гг. он собрал вокруг себя группу сторонников, и с тех пор его последователи сотрудничали с ним, а также добивались собственных интеллектуальных успехов. В1968 г. был основан Центр европейской социологии *(Centre de Sociologie Europeenne),* Бурдье стал его руководителем. С этим центром было связано издание уникального журнала *Actes de la Recherche en Sciences Sociales* («Ученые труды в социальных науках»^ ставшего важной трибуной для Бурдье и его сторонников.

С выходом в 1981 г. Раймона Арона в отставку освободилось место заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. Большинство ведущих французских социологов (например, Раймон Будон и Ален Турен) претендовали на эту должность. Однако кафедру отдали Бурдье. С этого времени Бурдье стал даже более плодовитым автором, чем раньше, а его слава продолжала расти (более подробно о Бурдье см. в Swartz, 1997, p. 15-51). Интересный аспект творчества Бурдье — формирование его воззрений под влиянием непрерывного, иногда явного, иногда скрытого, диалога с другими мыслителями. Например, многие его ранние размышления сформировались в диалоге с двумя видными учеными, которые были ведущими в годы его учебы, — Жан-Полем Сартром и Клодом Леви-Строссом. Из сартровского экзистенциализма Бурдье заимствовал ясное понимание акторов как создателей социальных миров. Однако Бурдье считал, что Сартр зашел слишком далеко, приписывая акторам чересчур большие возможности и при этом игнорируя структурные ограничения, которым они подвергаются. Интересуясь структурой, Бурдье, естественно, обратился к творчеству выдающегося структуралиста Леви-Стросса. На первых порах Бур-

Габитус порождает социальный мир и одновременно сам порождается им. С одной стороны, габитус является «структурирующей структурой», т. е. структурой, которая структурирует социальный мир. С другой стороны, это «структурированная структура», — структура, которая структурирована социальным миром. В других терминах Бурдье описывает габитус как *«диалектику интернетизации экшерналъпостшэкстернализации интерналъности»* (1977', p. 72). Таким образом, понятие габитуса позволяет Бурдье избежать необходимости выбора между субъективизмом и объективизмом, «избежать философии субъекта, не отменяя рассмот-

дье весьма привлекал этот подход: фактически, в течение некоторого времени он описывал себя как «счастливого структуралиста» (цит. по: Jenkins, 1992, p. 17). Вместе с тем некоторые из его ранних исследований привели его к выводу о том, что структурализм — такой же ограничивающий, хотя и в другом направлении, подход, как экзистенциализм. Он оппонировал позиции структуралистов, считающих себя привилегированными наблюдателями людей, которые полагаются контролируемыми не осознаваемыми ими структурами. Бурдье потерял расположение к научной сфере, которая концентрируется исключительно на таких структурных ограничениях, утверждая, что социология

> может быть, не стоила бы и малейшего внимания, если бы вся ее цель сводилась к намерению выявить механизмы, которые активируют наблюдаемых ею индивидов — если бы она забыла о том, что имеет отношение к людям, даже к тем, которые, как марионетки, играют в игру, правил которой не знают, — короче говоря, если бы она не брала на себя задачу восстановить для людей значение их действий (Bourdieu, цит. по Robbins, 1991, p. 37).

Бурдье определил одну из своих основных целей как ответ на крайности структурализма: «Я стремился вернуть исчезнувших у Леви-Стросса и других структуралистов... из-за рассмотрения их в качестве эпифеноменов структур реальных акторов» (цит. по: Jenkins, 1992, p. 17-18). Иначе говоря, Бурдье хотел объединить, по крайней мере, часть экзистенциализма Сартра со структурализмом Леви-Стросса.

Кроме того, воззрения Бурдье сформировались под глубоким влиянием марксистской теории и марксистов. Как мы видели, будучи студентом, Бурдье выступал против некоторых крайностей марксизма, а позже он отверг идеи структурного марксизма. Хотя Бурдье нельзя считать марксистом, в его творчестве, несомненно, прослеживаются заимствованные из марксистской теории идеи. Наиболее знаменателен его акцент на практике (праксисе) и желание соединить в своей социологии теорию и (исследовательскую) практику. (Можно сказать, что вместо экзистенциализма или структурализма Бурдье занимается «праксеологией».) В его творчестве также наблюдается освободительная направленность, относительно которой можно говорить о его стремлении к освобождению людей от политического и классового господства. Однако, как это было и в случае Сартра и Леви-Стросса, лучше всего сказать, что Бурдье формирует свои воззрения, используя Маркса и марксистов в качестве отправной точки.

В творчестве Бурдье прослеживается также влияние других теоретиков, особенно Вебера и ведущего теоретика французской социологии — Эмиля Дюркгейма. Но Бурдье против того, чтобы его называли приверженцем Маркса, Вебера, Дюркгейма или кого-либо другого. Он считает такие ярлыки ограничивающими, чересчур упрощающими и оскорбляющими его творчество. В известном смысле Бурдье создавал свои идеи в критическом диалоге, который начался, когда он был студентом, и продолжается по сей день: «Все, что я сделал в социологии и антропологии, я сделал настолько же вопреки тому, чему меня учили, насколько благодаря этому» (Bourdieu, в: Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 204).

рение агента,... а также философии структуры, не забывая принимать во внимание ее воздействие на агента» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 121-122).

Именно практика служит опосредующим звеном между габитусом и социальным миром. С одной стороны, именно через практику создается габитус; с другой стороны, именно в результате практики создается социальный мир. Бурдье говорит об опосредующей функции практики, когда определяет габитус как «систему структурированных и структурирующих диспозиций, которая образована практикой и постоянно нацелена на практические... функции (цит. по: Wacquant, 1989, p. 42; см. также

Bourdieu, 1977, p. 72). В то время как практика формирует габитус, последний, в свою очередь, одновременно унифицирует и порождает практику.

Несмотря на то что габитус представляет собой интериоризованную структуру которая стесняет мышление и выбор действия, он *не* определяет последние. Это отсутствие детерминизма — одна из основных особенностей, отличающих позицию Бурдье от подходов традиционных структуралистов. Габитус просто «предлагает», что людям думать и какие поступки выбирать. Люди сознательно взвешивают доступные возможности выбора, хотя этот процесс принятия решения отражает действие габитуса. Габитус обеспечивает принципы выбора людьми альтернатив и определения ими стратегий для применения в социальном мире. Как колоритно выражают это Бурдье и Уакант, «люди не дураки». Однако людей не следует рассматривать как полностью рациональных (Бурдье пренебрежительно относится к теории рационального выбора); они действуют «разумно» — обладают «практическим смыслом». В действиях людей есть логика — это «логика практики» (Bourdieu, 1980/1990).

Роббинс подчеркивает, что практическая логика «политетична» — практическая логика способна одновременно поддерживать многочисленные неоднозначные и логически (с точки зрения формальной логики) противоречивые значения или тезисы, потому что основной контекст ее действия — практический» (1991, p. 112). Это утверждение важно не только потому, что подчеркивает различие между практической логикой и рациональностью (формальной логикой): оно также напоминает нам о «реляционизме» Бурдье. Последний имеет в данном контексте большое значение, так как помогает понять, что габитус не является неизменной, закрепленной структурой: его приспосабливают индивиды, которые постоянно меняются, оказываясь в противоречивых ситуациях.

Габитус функционирует «ниже уровня сознания и языка, вне зоны, доступной интроспективному исследованию и волевому контролю» (Bourdieu, 1984a, p. 466). При том что мы не осознаем габитус и его действие, он проявляется в наших самых практических поступках, например, в том, как мы едим, ходим, говорим и даже сморкаемся. Габитус действует как структура, однако нельзя сказать, что люди просто механически реагируют на него или на внешние воздействующие на них структуры. Таким образом, в своем подходе Бурдье удается избежать крайностей непредсказуемой новизны и тотального детерминизма.

Поле

Обратимся теперь к понятию «поле», понимаемому Бурдье скорее реляционно, нежели структурно. *Поле* есть сеть отношений между объективными позициями (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 97). Эти отношения существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Это не взаимодействия или межличностные связи индивидов. Занимать позиции могут как агенты, так и институты. В любом случае их связывает структура поля. В социальном мире существует ряд полуавтономных полей (например, художественное [Bourdieu and Darbel, 1969/1990; Fowler, 1997], религиозное, высшего образования), каждое из которых обладает своей собственной особой логикой и формирует у акторов мнение относительно того, что в определенном поле имеет значение.

Бурдье считает, что поле по определению есть арена борьбы: «Поле есть также поле сражений» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 101). Структура поля одновременно «поддерживает и направляет стратегии, с помощью которых те, кто занимает эти позиции, стремятся индивидуально или коллективно, сохранить или улучшить свое положение и навязать тот принцип иерархии, который наиболее благоприятен для их собственных произведений» (Bourdieu, цит. по: Wacquant, 1989, p. 40). Поле представляет собой своего рода конкурентный рынок, где используются различные виды капитала (экономический, культурный, социальный, символический). Все же наибольшее значение имеет поле власти (политики); иерархия властных отношений в рамках политического поля структурирует все прочие поля.

Для анализа какого-либо поля Бурдье предлагает трехступенчатый процесс. Первый этап отражает первостепенное значение поля власти и состоит в том, чтобы проследить отношения определенного поля с полем политическим. Вторая стадия заключается в составлении плана объективной структуры отношений между позициями в рамках этого поля. И, наконец, аналитик должен попытаться определить характер габитуса агентов, которые занимают различные позиции.

Позиции различных агентов в поле определяются количеством и относительным весом капитала, которым они обладают (Anheier, Gerhards, and Romo, 1995). Бурдье даже использует для описания поля военные образы: он называет его ареной «стратегических огневых позиций, укреплений, которые защищают и захватывают на поле сражений» (1984a, p. 244). Именно капитал обеспечивает контроль над собственной судьбой и судьбами других (о негативных аспектах капитала см. P.ortes and Landolt, 1996) Бурдье обычно рассматривает четыре вида капитала (рассмотрение несколько иной формулировки типов капитала применительно к возникновению государства см. в Bourdieu, 1994). Это понятие, конечно, заимствовано из экономической сферы, и значение *экономического капитала* очевидно. *Культурный капитал* включает в себя различные виды легитимного знания; *социальный капитал* состоит из ценимых социальных отношений между людьми; *символический капитал* происходит из почета и престижа.

Агенты, занимающие определенные позиции в рамках данного поля, используют разнообразные *стратегии.* Эта идея опять же показывает, что акторы у Бурдье обладают, по крайней мере, некоторой свободой: «Габитус не отрицает возможность *стратегического* расчета со стороны агентов» (Bourdieu, 1993, p. 5; курсив мой). Однако стратегии означают не «целенаправленное и запланированное достижение рассчитанных целей... а активное развертывание объективно ориентированных "линий действия", которые подчиняются упорядоченности и формируют согласованные и социально понятные образцы, даже несмотря на то, что они не следуют сознательным правилам или не стремятся к обдуманной заранее цели, установленной стратегом» (Wacquant, 1992, p. 25). Именно через стратегии «те, кто занимает эти позиции, стремятся, индивидуально или коллективно, сохранить или улучшить свое положение и навязать тот принцип иерархии, который наиболее благоприятен для их собственных произведений. Стратегии агентов зависят от их позиций в поле» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 101).

Бурдье считает государство местом борьбы за монополию над тем, что он называет *символическим насилием.* Это «мягкая» форма насилия — «насилие, кото-

рое применяется к социальному агенту при его соучастии» (Bourdieu and Wacquant, 1992 p 157). Символическое насилие осуществляется косвенно, во многом посредством механизмов культуры и противоположно более непосредственным формам социального контроля, которые часто исследуются социологами. Основной институт посредством которого к людям применяются символическое насилие, — это система образования (Bourdieu and Passeron, 1970/1990; относительно применения понятия символического насилия к положению женщин см. Krais, 1993). Язык, значения, символическая система власть имущих навязываются остальной части населения. Это служит позиции власть имущих опорой, поскольку среди прочего маскирует их действия для остальной части общества и позволяет «господствующим принять собственное положение господства как легитимное» (Swartz, 1997, p. 89). В более общем плане Бурдье (Bourdieu, 1996) считает, что образовательная система глубоко задействована в воспроизводстве существующих властных и классовых отношений. Именно в воззрениях Бурдье на символическое насилие наиболее отчетливо проявляется политический аспект его творчества. Таким образом, Бурдье интересует освобождение людей от этого насилия и, глобальнее, от классового и политического господства (Postone, LiPuma, and Calhoun, 1993, p. 6). При этом Бурдье — не наивный утопист. Наилучшим образом его позицию можно было бы описать как «разумный утопизм» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 197).

Подчеркивая значение габитуса *и* поля, Бурдье отвергает раскол между методологическими индивидуалистами и методологическими холистами и занимает позицию, недавно названную «методологическим реляционизмом» (Ritzer and Gindoff, 1992). Иначе говоря, основной интересующий Бурдье предмет — *отношения* между габитусом и полем. Он усматривает два основных проявления этой взаимосвязи. С одной стороны, поле *обусловливает* габитус; с другой стороны, габитус *образует* поле как нечто значимое, обладающее смыслом и ценностью и заслуживающее затрат энергии.

Применение концепции габитуса и поля

Бурдье не просто стремится разработать абстрактную теоретическую систему. Он также связывает ее с некоторыми эмпирическими вопросами и таким образом изоегает ловушки чистого интеллектуализма. Мы проиллюстрируем применение теоретического подхода Бурдье на примере его эмпирического исследования «Различие», в котором рассматриваются эстетические предпочтения различных групп общества.

«Различие»

В этой работе Бурдье, среди прочего, пытается показать, что культура может быть вполне законным объектом научного изучения. Он пытается объединить культуру в смысле «высокой культуры» (например, предпочтения классической музыки) с антропологическим пониманием культуры, учитывающим все ее формы, как высокие, так и низкие. В частности, в своей работе Бурдье связывает предпочтения изысканных предметов с предпочтениями в еде.

Из-за структурных инвариантов, особенно поля и габитуса, культурные предочтения различных групп общества (в особенности, классов и их отдельных сек-

торов) образует согласованные системы. Основной интересующий Бурдье вопрос — различия в эстетических «вкусах», приобретенная склонность проводить различие между разнообразными культурными объектами эстетического наслаждения и по-разному их оценивать. Кроме того, вкус вырабатывается практикой, которая, в частности, способствует приобретению самим индивидом ощущения своего места в социальном порядке, равно как и определению этого места относительно других людей. Вкус служит для объединения людей, обладающих сходными предпочтениями *и* для отделения их от тех, у кого вкусы иные. Таким образом, с помощью практического применения вкуса» люди классифицируют объекты и в ходе этого классифицируют сами себя. Мы можем относить людей к определенной категории в зависимости от тех вкусов, которые они проявляют: например, в зависимости от предпочтения ими разной музыки или кинофильмов. Эти практики, как и все прочие, нужно рассматривать в контексте всех взаимных отношений, то есть в целостности. Таким образом, кажущиеся изолированными пристрастия в сфере искусства или кинематографа связаны с предпочтениями в пище, спорте или прическах.

В свое исследование вкусовых предпочтений Бурдье включает рассмотрение двух взаимосвязанных полей: классовых отношений (особенно в рамках отдельных групп господствующего класса) и культурных отношений (критику этого разграничения см. в Erickson, 1996). Бурдье рассматривает эти поля как ряд позиций, где происходят разнообразные «игры». Действия, предпринимаемые агентами (индивидуальными или коллективными), занимающими определенные позиции, обусловлены структурой поля, характером позиций и связанными с ними интересами. Игра также предполагает самопозиционирование и использование и широкого диапазона стратегий, позволяя кому-либо особенно выделиться в игре. Пристрастие предоставляет возможность одновременно реально ощущать и отстаивать свою позицию в поле. Однако поле социального класса обладает глубоким воздействием на способность участвовать в этой игре, высшие классы в гораздо большей степени способны добиться признания своих вкусов и оказывать сопротивление вкусам низших классов. Таким образом, мир произведений культуры связан с иерархическим миром социальных классов и сам представляет одновременно иерархическим и иерархизирующим.

Нет нужды говорить, что Бурдье также связывает вкус с другим важным понятием своей теории — габитусом. Вкусы в гораздо большей степени формируются этими глубоко укоренившимися и долгосрочными диспозициями, нежели поверхностными мнениями и высказываниями. Человеческие предпочтения даже в таких бытовых аспектах культуры, как одежда, мебель или приготовление пищи, формируются габитусом. И именно эти диспозиции «создают бессознательное единство класса» (Bourdieu, 1984a, p. 77). Далее Бурдье формулирует это более ярко: «Вкус — это сват... с помощью которого один габитус подтверждает свое родовое сходство с другим габитусом» (1984a, p. 243). Конечно, диалектически, структура класса формирует габитус.

Хотя для Бурдье большое значение имеют как поле, так и габитус, именно их диалектическая взаимосвязь имеет величайшую важность и смысл; поле и габитус взаимно определяют друг друга:

> Диспозиции, образующие культурный *габитус,* формируются, функционируют и действительны исключительно в *поле,* во взаимосвязи с полем... которое само выступает «полем возможных сил», «динамичной» ситуацией, в которой силы проявляются исключительно во взаимосвязи с определенными диспозициями. Поэтому одни и те же практики могут получать противоположные значения и ценность в различных полях, различных конфигурациях или противоположных секторах одного поля (Bourdieu, 1984a, p. 94; курсив мой)

Или, как обобщает Бурдье, «существует значительная корреляция между социальными позициями и диспозициями занимающих их агентов» (1984a, p. 110). Именно исходя из взаимосвязи между габитусом и полем устанавливаются практики, в частности, культурные практики.

Бурдье считает культуру своего рода экономикой или рынком. На этом рынке люди используют не экономический, а культурный капитал. Этот капитал в значительной степени становится результатом социально-классового происхождения и образовательного опыта людей. На рынке люди накапливают большее или меньшее количество капитала и либо расходуют его для улучшения своего положения, либо утрачивают его и таким образом ухудшают свою позицию в экономике.

Люди следуют различиям в широком диапазоне полей культуры — в напитках, которые они употребляют (Перрье или кола), автомобилях, которые они водят («Мерседес Бенц» или «Форд Эскорт»), газетах, которые они читают («Нью-Йорк тайме» или «ЮэсЭй тудэй») или местах, где они отдыхают (Французская Ривьера или Дисней-ленд). Отношения различия объективно вписаны в эти продукты и заново активируются всякий раз при их использовании. Бурдье полагает, что «совокупное поле этих полей предлагает почти неисчерпаемые возможности следования различиям» (1984a, p. 227). Приобретение определенных культурных товаров (например, «Мерседес Бенц») приносит «прибыль», тогда как других («Форд Эскорт») — не приносит никакого дохода или даже оказывается убытком.

Бурдье (Bourdieu, 1998, p. 9) стремится пояснить, что он не просто, вслед за известной теорией демонстративного потребления Торстейна Веблена (1899/ 1994), утверждает, что «побудительная сила любого человеческого поведения — стремление к различию». Он заявляет, что основной его тезис состоит в следующем: «Существовать в социальном пространстве, занимать определенное место или быть индивидом в социальном пространстве значит отличаться, быть другим... вписанный в рассматриваемое пространство человек... наделен категориями восприятия, схемами классификации, определенным *вкусом,* позволяющим ему проводить различие, отличать, распознавать» (Bourdieu, 1994/1998, p. 9). ак, например, человек, предпочитающий иметь рояль, отличается от того, кто выбирает аккордеон. Тот факт, что один выбор (рояль) заслуживает отличия, Другой (аккордеон) считается простонародным, является результатом господства определенной точки зрения и символического насилия, обращаемого против тех, кто придерживается другого мнения.

> Между характером продуктов культуры и вкусами существует диалектическая взаимосвязь. Изменения в продуктах культуры ведут к изменениям во вкусах, но изменения вкусов также, вероятно, вызовут преобразования в продуктах культу-

ры. Структура поля не только обусловливает желания потребителей культурных товаров, но также структурирует создаваемое производителями с целью удовлетворения этих потребностей.

Изменения во вкусах (а Бурдье рассматривает все поля во времени) проистекают из борьбы между оппозиционными силами как на культурной (например, приверженцы старой моды против сторонников новой), так и на классовой (господствующие против управляемых групп в рамках господствующего класса) арене. Однако центр этой борьбы находится в классовой системе, а сражение культурное, например между художниками и интеллектуалами, представляет собой отражение бесконечной борьбы между различными группами господствующего класса за то, чтобы определять культуру, а на самом деле, — весь социальный мир. Именно оппозиции в классовой структуре обусловливают противоположности во вкусах и габитусах. Приписывая огромное значение социальному классу, Бурдье отказывается сводить его просто к экономическим вопросам или производственным отношениям, а считает, что класс также определяется габитусом.

Бурдье предлагает особую теорию взаимосвязи между деятельностью и структурой в рамках контекста анализа диалектической взаимосвязи между габитусом и полем. Его теория также отличается вниманием к практике (в предыдущем случае, практикам эстетическим) и отказом заниматься сухим интеллектуализмом. В этом смысле она представляет собой возврат к марксистскому интересу к взаимосвязи теории и практики.

«Homo Academicus»

В работе *«Homo Academicus»* Бурдье (1984b) ставит различные цели, в том числе применить свой теоретический арсенал к анализу французского академического мира (см. Krais, 1996, относительно применения теории к анализу академического мира Германии). Описывая область своего интереса в этой работе, Бурдье высказывает ряд теперь знакомых нам идей:

> Университетское поле, как и любое другое, есть место борьбы за определение условий и критериев легитимного членства и легитимной иерархии, т. е. за определение того, какие свойства могут уместно, эффективно и законно выполнять функции капитала, приносящего особые гарантируемые полем выгоды (Bourdieu, 1984b, p.11)

В частности, Бурдье интересует взаимосвязь между объективным положением различных академических сфер, их соответствующими габитусами и их борьбой между собой. Кроме того, Бурдье стремится связать академическое поле и происходящее в нем с более обширным полем власти. Как описывает в данном случае эту взаимосвязь Бурдье, структура высшего образования «воспроизводит в специфически академической логике структуру поля власти, доступ к которому она обеспечивает» (Bourdieu, 1984b, p. 38). И, диалектически, структура академического поля посредством отбора и идеологического внушения способствует воспроизводству поля власти.

Бурдье приходит к заключению, что французский академический мир распределен между самыми влиятельными полями закона и медицины и подчиненными полями науки и, в меньшей степени, искусства. Такое разделение соответствует

делению поля власти, в котором тот, кто обладает социальной компетентностью, занимает какое-то время господствующее положение, а обладающие компетентностью научной являются в социальном плане подчиненными. Однако вопрос существенно осложняется тем, что академический мир одновременно представляет собой социальную иерархию (которая отображает поле власти, а также систему социальной стратификациикогда господствует политическая и экономическая власть) и иерархию культурную, управляемую культурным капиталом, проистекающим из научного авторитета или интеллектуальной известности. В культурной сфере иерархия академических дисциплин имеет противоположный характер: наука находится на вершине, а закон и медицина занимают более низкое положение. Таким образом, во французской университетской системе наблюдается оппозиция экономико-политического и культурного поля.

Эта борьба ведется не только между отдельными областями, но и в *рамках* факультета гуманитарных и естественных наук, который разрывается между социальным и научным. Таким образом, указанный факультет занимает «привилегированную позицию для наблюдения за борьбой двух форм университетской власти» (Bourdieu, 1984b, p. 73). Социальная (или академическая) власть некоторых членов этого факультета проистекает из их роли в университете как месте передачи легитимного знания. Свой капитал они приобретают в рамках университета, благодаря контролю над образовательным процессом и формированием следующего поколения академических ученых. Другие члены факультета обладают властью научной, источник которой — в их интеллектуальной известности в их особой области. Два эти вида академических ученых в рамках факультета гуманитарных и естественных наук в поле французской университетской системы борются за власть.

Какого бы рода капиталом ни обладал академический ученый, для его приобретения требуется время. Процесс приобретения капитала приводит к интересной динамике между авторитетными преподавателями и аспирантами и младшими сотрудниками факультета, стремящимися занять их места. Облеченные властью осуществляют контроль над аспирантами, которые должны быть послушными и покорными. Однако аспиранты также участвуют в этом процессе. Как пишет Бурдье, «на крючок попадается только тот, кто в водоеме» (Bourdieu, 1984b, p. 89). Ведущие преподаватели должны удерживать новообращенных от слишком скорого обретения независимого статуса, но они не должны подавлять их до такой степени, чтобы те разочаровались и ушли работать на конкурирующих профессоров. Количество и авторитет подчиненных способствуют повышению престижа преподавателя. Кроме того, большое число студентов способствует привлечению других студентов. Таким и другими способами «капитал порождает капитал» (Bourdieu, 1У04Ь, p. 91). Честолюбивых студентов притягивают честолюбивые преподаватели, в результате чего их сближение носит в гораздо большей степени социальный, нежели интеллектуальный характер.

«этот пример Бурдье использует для критики интеллектуальной посредственности университетской системы. Чтобы добиться успеха, человек скорее должен ыть конформистом, чем новатором. На практике получается, что время, затраченное на усиление академической власти (например, посредством участия в комиссиях), есть время, отнятое у интеллектуальных занятий. Накопление и сохра-

нение академической власти требует большого времени — времени, которое нельзя посвятить более интеллектуальным занятиям. По мнению Бурдье, такое положение дел нельзя рассматривать как результат сознательного выбора академических ученых, скорее всего это проистекает от динамики взаимодействия должностей в академической среде.

Взаимоотношения старших и младших академических ученых Бурдье также использует для анализа произошедшей во Франции в 1968 г. академической революции. Воспитанные в вышеописанных комфортных условиях академической системы старшие преподаватели не были готовы к последовавшим волнениям. Некоторые новички, со своей стороны, отказались ждать долго и терпеливо, как ждали их предшественники. Таким образом, и молодые, и старшие преподаватели столкнулись с конфликтом между сохранившимся габитусом и меняющимся характером поля. Старшие преподаватели продолжали работать «без какой-либо сознательной настройки для защиты социальных постоянных преподавательского состава» (Bourdieu, 1984b, p. 137). Их встревожило количество новичков, способных вступить в академическую сферу без уплаты ожидаемых взносов. Эти вновь прибывшие рассматривались как получающие доступ по «сниженной цене». Именно эти новые члены профессорско-преподавательского состава, даже несмотря на то что занимали академические должности, объединялись со студентами, чтобы совершить революцию.

Однако Бурдье считает, что конфликт произошел не между старыми и молодыми членами профессорско-преподавательского состава, а между двумя группами молодых преподавателей. С одной стороны, существовали молодые члены профессорско-преподавательского состава, интериоризовавшие габитус старшего поколения и имевшие возможность подняться в академической иерархии. Против них в боевом порядке выстроилась вторая группа молодых преподавателей с другим габитусом, явившимся следствием того, что у них почти не было видов на будущее в плане карьеры (вполне вероятно, что те, кто считает свои шансы на продвижение блокированными, выступят с протестом).

Кроме того, Бурдье утверждает, что различные преподавательские группы реагировали на кризис по-разному. Группы, участие которых было наиболее вероятно, — служившие «прибежищем для студентов, которые в предыдущем состоянии системы не были бы допущены или были бы исключены» (Bourdieu, 1984b, p. 165). Двумя такими сферами были социология и психология: «Эти слабо определенные академические позиции, обеспечивающие доступ к социальным позициям, в свою очередь, являющимся слабо определенными, предназначены для того, чтобы позволить тем, кто их занимает, окружить себя и свое будущее аурой неопределенности и неясности» (Bourdieu, 1984b, p. 165). Не умеющие приспосабливаться или обладающие неясными ожиданиями с большей вероятностью участвовали в кризисе. Социология играла ключевую роль в начале кризиса не только по вышеперечисленным причинам, но также и потому, что она привлекала «студентов из господствующего класса, обладающих низким уровнем академических достижений» (Bourdieu, 1984b: 170). Именно в социологии такие студенты вступили в контакты с преподавателями, чьи карьерные планы были незначительны, и именно получившееся в результате взаимодействие сыграло ключевую роль в разжигании

бунта. Как пишет Бурдье, существовала «структурная близость между студентами и низшими преподавателями» (Bourdieu, 1984b, p. 171). Они пошли вместе не ознательно, а из-за сходства их габитусов и позиций в соответствующих сферах (студенческой и профессорско-преподавательской).

Заключительные размышления. Бурдье — один из тех мыслителей (сюда относится и Гарфинкель), которых считают теоретиками, но сами они отвергают такую характеристику. Он говорит, что не «создает общий дискурс социального мира» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 159). Бурдье отрицает чистую теорию, которой не хватает эмпирической основы, однако он также пренебрежительно относится и к чистому эмпиризму, осуществляемому в теоретическом вакууме. Он считает, что сам занимается исследованиями, которые «нераздельно эмпиричны и теоретичны... *исследование без теории слепо, а теория без исследования пуста»* (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 160, 162).

В целом я согласен с Дженкинсом, когда он утверждает, что «интеллектуальный проект Бурдье долгосрочен, относительно последователен и целостен. Он представляет собой просто-напросто попытку создания теории социальной практики и общества» (Jenkins, 1992, p. 67). Кэлхоун считает Бурдье критическим теоретиком, который в данном контексте определяется более широко, чем термин, относящийся к представлениям Франкфуртской школы. Кэлхоун определяет критическую теорию как «проект социальной теории, где одновременно проводится критика общепринятых категорий, критика теоретической практики и независимый критический анализ социальной жизни с точки зрения возможного, а не просто действительного» (Calhoun, 1993, p. 63).

Хотя Бурдье предлагает определенную теорию, она не обладает универсальной значимостью. Например, он говорит, что «не существует трансисторических закбнов отношений между полями» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 109). Природа действительных отношений между полями была вопросом эмпирическим. Аналогично меняется и характер габитуса в новых исторических обстоятельствах: «Габитус... есть трансцендентал, но *исторический трансцендентал,* который тесно связан со структурой и историей поля» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 189).

Колонизация жизненного мира

Ранние воззрения Хабермаса обсуждались нами в главе 4, посвященной неомарксистской теории, в разделе «Критическая теория». Хотя подход Хабермаса, как мы увидим, все еще можно, по крайней мере отчасти, считать неомарксистским, он значительно развился, и его все сложнее заключить в рамки этой или какой-то Другой теоретической категории. Теория Хабермаса расширилась и стала более разноплановой благодаря его обращению к воззрениям разнообразных социологических теоретиков и включению этих идей в круг своей теории. Самые недавние и наиболее знаменательные из этих обращений связаны с концепциями Джорджа Герберта Мида, Толкотта Парсонса, Альфреда Шюца и Эмиля Дюркгейма. есмотря на трудности включения нового теоретического подхода Хабермаса в акую-либо категорию, мы рассмотрим его самые последние идеи, которые можохарактеризовать как теорию «колонизации жизненного мира» в рамках «вопроса деятельности и структуры». Хабермас (Habermas, 1991, p. 251) поясняет, что

занимается «сочетанием парадигм»: он создает свой подход к деятельности/структуре, объединяя идеи, заимствованные из теории действия и теории систем. Деятельность, по крайней мере частично, рассматривается Хабермасом, когда он рассуждает о жизненном мире. Структура обсуждается Хабермасом главным образом при анализе социальной системы, которая, как мы увидим, есть та сила, которая осуществляет «колонизацию» жизненного мира. Что же Хабермас подразумевает под «жизненным миром», «системой» и «колонизацией»? В настоящем разделе мы обратимся к указанным явлениям и их взаимоотношениям, а также к другим важнейшим идеям самых последних теоретических разработок Хабермаса.

Прежде чем перейти к этим понятиям, следует пояснить, что основным предметом рассмотрения Хабермаса остается коммуникативное действие. Свободная и открытая коммуникация фигурирует как основная линия его теории, так и его политической целью. Кроме того, она выполняет методологическую функцию, во многом сходную и с идеальными типами Вебера, позволяет Хабермасу анализировать отклонения от модели: «Построение не ограниченного и не искаженного дискурса может самое большее служить в качестве фона для того, чтобы более ярко наметить довольно неопределенные тенденции, связанные с развитием современного общества» (Habermas, 1987a, p. 107). Действительно, в колонизации жизненного мира его более всего интересует неблагоприятное воздействие этого процесса на свободную коммуникацию.

Хабермас также не теряет интереса к веберовскому процессу рационализации, особенно к вопросу различающейся рационализации жизненного мира и системы и влияния этого различия на колонизацию первого последней (отчасти противоположный взгляд см. в Bartas, 1996). В использовавшемся Вебером термине *система* есть сфера формальной рациональности, тогда как *жизненный мир* есть место рациональности субстанциальной. Следовательно, *колонизация жизненного мира* означает повторение тезиса Вебера о том, что в современном мире формальная рациональность торжествует над рациональностью субстанциальной и начинает господствовать в тех сферах, которые раньше определялись субстанциальной рациональностью. Таким образом, несмотря на то что теория Хабермаса дала некоторые новые интересные направления, она сохраняет свои теоретические корни, особенно в своей марксистской и веберовской ориентациях.

Жизненный мир

Это понятие происходит из феноменологической социологии в целом и, конкретнее, теорий Альфреда Шюца (Bowring, 1996). Однако Хабермас трактует идеи Джорджа Герберта Мида как тоже способствующие постижению жизненного мира. С точки зрения Хабермаса, жизненный мир представляет собой взгляд изнутри (в то время как система, как мы увидим, выражает внешнюю точку зрения): «Общество постигается с позиции действующего субъекта» (1987a, p. 117). Иначе говоря, существует лишь одно общество; жизненный мир и система — лишь разные способы его рассмотрения.

Хабермас считает жизненный мир и коммуникативное действие «дополняющими» понятиями. Конкретнее, коммуникативное действие можно рассматривать как происходящее в рамках жизненного мира:

> Жизненный мир является, так сказать, трансцендентальным местом, где встречаются говорящий и слушающий, где они взаимно предъявляют претензии на то, что их высказывания соответствуют миру... и где они могут критиковать и подкреплять эти притязания на обоснованность, улаживать свои разногласия и приходить к соглашению (Habermas, 1987a, p. 126)

Жизненный мир представляет собой «контекстообразующй фон процессов достижения понимания» через коммуникативное действие (Habermas, 1987a, p. 204). Он включает широкий диапазон невысказываемых предположений относительно взаимного понимания — предположений, которые должны существовать и обоюдно пониматься, для того чтобы произошла коммуникация.

Хабермас рассматривает рационализацию жизненного мира, что предполагает, в частности, возрастающе рациональную коммуникацию в жизненном мире. Он полагает, что чем более рациональным становится жизненный мир, тем больше вероятность того, что взаимодействие будет регулироваться «рационально мотивированным взаимным пониманием». Такое понимание, или рациональный метод достижения согласия, в конечном итоге, основано на власти лучшей аргументации.

Хабермас считает, что рационализация жизненного мира предполагает постепенную дифференциацию его различных элементов. Жизненный мир состоит из культуры, общества и личности (обратите внимание на влияние Парсонса и его систем действия). Каждый элемент связан с моделями интерпретации или фоновыми предположениями о культуре и ее влиянии на действие, о соответствующих образцах социальных отношений (об обществе) и о том, каковы люди (о личности) и как им следует себя вести. Участие в коммуникативном действии и достижение понимания с точки зрения каждой из указанных позиций способствуют воспроизводству жизненного мира через укрепление культуры, интеграцию общества и формирование личности. Тогда как эти компоненты тесно переплетены в архаических обществах, рационализация жизненного мира предполагает «возрастающую дифференциацию между культурой, обществом и личностью» (Habermas, 1.987a, p. 288).

Система

Тогда как жизненный мир представляет точку зрения действующих субъектов на общество, система предполагает внешний взгляд, рассматривающий общество «с наблюдательской позиции кого-то извне» (Habermas, 1987a, p. 117). Анализируя системы, мы настраиваемся на взаимосвязь действий, а также на функциональное значение действий и их роль в сохранении системы. Каждый из важнейших компонентов жизненного мира (культура, общество, личность) имеет соответствующие ему элементы системы. Культурное воспроизводство, социальная интеграция и личностное формирование происходят на уровне системы.

Корни системы находятся в жизненном мире, однако, в конечном счете, она вырабатывает свои собственные структурные характеристики, в числе таких структур: семья, судоустройство, государство, экономика и др. По мере своего развития эти структуры все более отдаляются от жизненного мира. Как и в жизненном мире, рационализация на системном уровне вызывает постепенную дифференциацию и большую сложность. Эти структуры также становятся более са-

Достаточными. По мере увеличения их власти они проявляют все большую

способность управлять жизненным Миром. Они становятся все менее связанными с процессом достижения консенсуса и, в сущности, ограничивают проявление этого процесса в жизненном мире. Иначе говоря, эти рациональные структуры, вместо того чтобы увеличивать способность к коммуникации и достижению понимания, угрожают этим процессам посредством осуществления над ними внешнего контроля.

>

Социальная интеграция и системная интеграция

С учетом вышеприведенных рассуждений о жизненном мире и системе Хабермас заключает: *«Фундаментальная проблема социальной теории* состоит в том, как удовлетворительным образом соединить две концептуальные стратегии, обозначенные понятиями "система" и "жизненный мир"» (1987a, p. 151; курсив мой). Хабермас называет две эти концептуальные стратегии «социальной интеграцией» и «системной интеграцией».

Подход *социальной интеграции* концентрируется на жизненном мире и на том, как система действия интегрирована посредством нормативно гарантированного или достигнутого в коммуникации консенсуса. Теоретики, которые считают, что общество объединено посредством социальной интеграции, отталкиваются от коммуникативного действия и отождествляют общество с жизненным миром. Они придерживаются внутреннего взгляда членов группы и применяют герменевтический подход, для того чтобы соотнести свое понимание с пониманием членов жизненного мира. Непрерывное воспроизводство общества рассматривается как результат действий, предпринимаемых членами жизненного мира для сохранения его символических структур. Этот процесс также рассматривается исключительно с их позиции. Можно сказать, что в данном герменевтическом подходе утрачивается точка зрения внешнего наблюдателя, а также понимание процессов воспроизводства, происходящих на системном уровне.

Подход *системной интеграции* обращает основное внимание на систему и то, как она интегрирована посредством внешнего контроля над индивидуальными решениями, которые не согласовываются субъективно. Приверженцы настоящего подхода считают общество саморегулирующейся системой. Они занимают позицию внешнего наблюдателя, но эта перспектива препятствует реальному рассмотрению структурных образцов, которые можно понять лишь герменевтически, внутренним взглядом членов жизненного мира.

Таким образом, Хабермас заключает, что, хотя каждый из указанных общих подходов выдвигает определенные принципы, оба они обладают значительными ограничениями. На основе этой критики социальной и системной интеграции Хабермас предлагает свой альтернативный подход, стремясь объединить указанные теоретические ориентации. Он считает

- общество системой, которая должна выполнять условия сохранения социокультурных жизненных миров. Доктринальные общества являются *систематически стабилизируемыми* комплексами действия *социально интегрированных* групп... [Я] поддерживаю эвристическое предложение рассматривать общество как сущность, которая в ходе социальной эволюции дифференцируется *и* как *система и* как *жизненный мир»* (Habermas, 1987a, p. 151-152; курсив мой)

Утверждая, что его интересует *как* система, *так и* жизненный мир, в конце вышеприведенной цитаты Хабермас поясняет, что интересуется и эволюцией. Хотя и система, и жизненный мир развиваются в направлении возрастающей рационализации, в жизненном мире и в системе рационализация принимает разные формы, и эта дифференциация является основой колонизации жизненного мира.

Колонизация

Для понимания идеи колонизации существенное значение имеет тот факт, что Хабермас считает общество состоящим из жизненного мира *и* системы. Также несмотря на то что оба понятия в более ранний исторический период были тесно переплетены, сегодня между ними наблюдается возрастающее расхождение; они «рассоединялись», и жизненный мир и система претерпели процесс дифференциации, однако этот процесс в двух указанных сферах принял различные формы. Хотя Хабермас видит между системой и жизненным миром диалектическую взаимосвязь (они одновременно ограничивают и предоставляют новые возможности друг для друга), основной интересующий его вопрос состоит в том, каким образом система в современном мире стала контролировать жизненный мир. Иначе говоря, его интересует разрушение диалектики между системой и жизненным миром и увеличение власти первой над последним.[1]

Хабермас противопоставляет возрастающую рациональность системы и жизненный мир. Рационализация жизненного мира вызывает увеличение рациональности в коммуникативном действии. Кроме того, действие, ориентированное на достижение взаимопонимания, все более освобождается от нормативного принуждения и все в большей степени опирается на повседневный язык. Другими словами, социальная интеграция достигается все более посредством процессов, при которых согласие формируется в языке.

Но в результате требования к языку возрастают и начинают превышать его возможности. Делингвистифицированные средства (особенно деньги в экономической системе и власть в политической системе и ее административном аппарате) — те, которые дифференцировались в системе и выделились из нее, — заполняют эту пустоту и заменяют, по крайней мере до некоторой степени, повседневный язык. Вместо языковой координации действия эту функцию выполняют деньги и власть. Жизнь монетаризируется и бюрократизируется.

Иначе говоря, усложняющаяся система «высвобождает системные императивы, разрушающие возможности жизненного мира, которые они инструментализи-руют» (Habermas, 1987a, p. 155). В этой связи Хабермас пишет о «насилии», которое применяется к жизненному миру системой таким образом, что ограничивает коммуникацию. Это насилие, в свою очередь, вызывает «патологии» в жизненном мире. Хабермас рассматривает эти изменения, рассуждая о всемирной истории:

> Далеко идущее рассоединение системы и жизненного мира было необходимым условием перехода от стратифицированных классовых обществ европейского феодализма к экономическим классовым обществам раннего периода современности; однако капи-

[1] Однако Хабермас усматривает проблемы (господство, самообман) также и *в рамках* жизненного мира (Authwaite, 1994, p. 116).

> талистическая модель модернизации отмечена *искажением,* овеществлением символических структур жизненного мира под воздействием императивов подсистем, дифференцированных посредством денег и власти и ставших самодостаточными (Habermas, 1987a, p. 283; курсив мой)

Отметим, что, связывая возникновение деформаций с капитализмом, Хабер-мас, по крайней мере, в этом смысле, продолжает работать в рамках неомарксистской концепции. При рассмотрении современного мира он вынужден оставить марксистский подход (Sitton, 1996), поскольку заключает, что искажения жизненного мира «более невозможно локализовать классово-конкретным способом» (1987a, p. 333). Высказывая это ограничение и следуя своим истокам в критической теории, Хабермас демонстрирует также сильное влияние веберовской теории. Фактически он утверждает, что различие между жизненным миром и системой и окончательная колонизация жизненного мира позволяют нам увидеть в новом свете веберовский тезис о «противоречащей себе современности» (Habermas, 1987a, p. 299). По Веберу, это главным образом конфликт между субстанциальной и формальной рациональностью и торжество на Западе последней над первой. С точки зрения Хабермаса, рационализация системы торжествует над рационализацией жизненного мира, вследствие чего жизненный мир колонизируется системой.

Определенность своим рассуждениям о колонизации Хабермас придает, утверждая, что основными силами в данном процессе выступают «формально организованные области действия» на системном уровне — например, экономика и государство. В традиционных марксистских терминах, Хабермас считаетрассматривает современное общество подверженным периодическим системным кризисам. Стремясь справиться с этими кризисами, такие институты, как государство и экономика, предпринимают действия, пагубно влияющие на жизненный мир, вызывающие в нем патологии и кризисы. По существу, жизненный мир обедняется этими системами, и коммуникативное действие оказывается все менее направленным на достижение согласия. Коммуникация становится более загнанной в жесткие рамки, истощенной и раздробленной, и сам жизненный мир, кажется, балансирует на грани разрушения. Эта атака на жизненный мир чрезвычайно беспокоит Хабермаса, если принять во внимание его интерес к коммуникативному действию, которое в этом мире происходит. Но как бы обширна ни была колонизация со стороны системы, жизненный мир «никогда не вымывается полностью» (Habermas, 1987a, p. 311).

Если важнейшая проблема современного мира заключается в рассоединении системы и жизненного мира и господстве системы над жизненным миром, тогда ее решения вполне ясны. С одной стороны, жизненный мир и систему необходимо вновь соединить. С другой стороны, должна быть восстановлена диалектика системы и жизненного мира таким образом, чтобы вместо искажения последнего первой оба стали взаимно обогащающими и укрепляющими. Несмотря на то что в первобытном обществе система и жизненный мир были переплетены, из-за происшедшего в обоих процесса рационализации будущее воссоединение, возможно, породит такой уровень системы, жизненного мира и их взаимосвязи, который не имеет прецедента в человеческой истории.

Итак, Хабермас снова возвращается к своим марксистским корням. Маркс, конечно, не искал в историческом прошлом идеальное государство, а видел его в будущем в виде коммунизма и полного расцвета человеческого рода. Хабермас тоже не оглядывается на архаические общества, в которых нерационализованные система и жизненный мир были более едины, а рассчитывает на будущее государство с гораздо более удовлетворительным объединением рационализированных системы и жизненного мира.

Кроме того, Хабермас переосмысливает марксистскую теорию социальной борьбы. Маркс делал акцент на конфликте между пролетариатом и капиталистами и объяснял его эксплуатационным характером капиталистической системы. Хабермас уделяет внимание не эксплуатации, а колонизации, и рассматривает многие конфликты последних десятилетий в свете этого подхода. Он считает социальные движения, такие как ориентированные на большее равенство, самореализацию, охрану окружающей среды и мира, «реакцией на атаку системы на жизненный мир. Несмотря на многообразие интересов и политических проектов этих разнородных групп, они сопротивлялись колонизации жизненного мира» (Seidman, 1989, p. 25). Надежда на будущее определенно связана с сопротивлением посягательствам на жизненный мир и с созданием мира, в котором система и жизненный мир находятся в гармонии и взаимно обогащают друг друга так, как этого еще не было в истории.

Основные различия в теориях действия — структуры

Как и в произведениях американских авторов на тему микро-макроинтеграции, так и между европейскими теоретическими разработками по проблеме действия — структуры имеются значительные различия. Например, существуют немалые разногласия в работах о природе социального агента. Большинство работающих в этой области ученых (например, Гидденс, Бурдье) склонны трактовать агента как индивидуального актора, а «акционалистская социология» Турена считает агентами коллективные образования, такие как социальные классы. Фактически Турен определяет *деятельность* как «организацию, непосредственно воплощающую один или более элементов системы исторического действия и, следовательно, непосредственно вмешивающуюся в отношения социального господства» (Touraine, 1977, p. 459). Третью, промежуточную позицию по данному вопросу занимают Берне и Флэм (см. также Crozier and Friedberg, 1980), которые в качестве агентов рассматривают либо индивидов либо коллективные образования. Это отсутствие согласия относительно природы агента является источником значительных различий в работах по проблеме действия — структуры.

«значительные разногласия наблюдаются даже среди тех, кто рассматривает в качестве агентов индивидуальных акторов. Например, агент у Бурдье, испытывающий воздействие габитуса, представляется гораздо более механическим, чем агент у Гидденса (или Хабермаса). Габитус Бурдье включает в себя «системы

устойчивых, перемещаемых *диспозиций,* структурирующих структур, т. е. принципы порождения и структурирования практик и представлений» (Bourdieu, 1977, p. 72). Габитус будучисточником стратегии, «не является продуктом подлинного стратегического намерения» (Bourdieu, 1977, p. 73). Он не субъективистский, ни объективистский, а сочетает элементы обоих типов. Несомненно, при этом отрицается понимание актора как обладающего «свободной и волевой учреждающей властью» (Там же). У Гидденса агенты, возможно, тоже не наделены интенциональюстью и свободной волей, однако они в гораздо большей степени обладают произвольной властью, чем агенты у Бурдье. Тогда как агенты Бурдье, кажется, находятся во власти своего габитуса, внутренних («структурирующих») структур, агенты в творчестве Гидденса выступают нарушителями действия. Они имеют, по крайней мере, какой-то выбор, возможность действовать иначе, чем они действуют. Они обладают властью, они привносят изменения (см. также Lukes, 1977). Что самое важное, они образуют структуры (и образуются ими). В творчестве Бурдье, напротив, габитус, который иногда представляется вычлененным, вовлечен в диалектические отношения с внешним миром.[1]

Подобным же образом, среди теоретиков действия — структуры имеются заметные разногласия в том, что они подразумевают под структурой.[2] Некоторые теоретики в качестве основной выделяют какую-либо определенную структуру: например, в работе Крозье и Фридберга рассматривается организация, а у Турена — отношения социального господства, обнаруживаемые в политических институтах и организациях. Другие (например, Burns, 1986, p. 13) исследуют целый ряд социальных структур, таких как бюрократия, государственное устройство, экономика и религия. Гидденс выдвигает очень специфическое определение *структуры* («рекурсивно организованные наборы правил и возможностей» [1984, p. 25]), не соответствующее практически ни одному другому определению *структуры,* приводимому в социологической литературе (Layder, 1985). Однако его определение *систем* как воспроизводимых социальных практик очень близко к тому, что многие социологи обозначают термином «структура». Помимо различий среди тех, кто исследует структуру, существуют также различия между этими теоретиками и другими. Например, Арчер, как мы видели, подвергает суровой критике Гидденса (и, косвенно, всех остальных) за то, что он сосредоточивается на структуре, исключая из своего анализа культуру.

Попытки соединения структуры и действия предпринимаются с совершенно разных теоретических позиций. Например, что касается социальной теории Гидденса, ее, по-видимому, вдохновляет функционализм и структурализм в противопоставлении с феноменологией, экзистенциализмом и этнометодологией, а в более общем плане — новый лингвистический структурализм, семиотика и герменевтика (Archer, 1982), тогда как на Арчер оказывает влияние главным образом теория

[1] Хотя я и подчеркиваю различия между взглядами Гидденса и Бурдье на действие, Гидденс (Giddens, 1979, p. 217), по крайней мере, видит между ними некоторые сходства.

[2] Здесь я уделяю внимание главным образом европейским ученым, рассматривающим социальную структуру, а не тем, кто считает структуру скрытыми, лежащими в основе культуры элементами.

систем, особенно в варианте Уолтера Бакли. Одним из следствий таких ориентации вляется то, что у Гидденса агенты, как правило, изображаются активными и креативными людьми («телесные существа», обладающие личностью), включенные в непрерывный поведенческий поток, тогда как у Арчер они зачастую сводятся к системам, в особенности к социокультурной системе. Бурдье стремится найти удовлетворительную альтернативу субъективизму и объективизму в антропологической теории. Хабермас пытается соединить идеи, происходящие из концепций Маркса, Вебера, критических теоретиков, Дюркгейма, Мида, Шюца и Парсонса.

В Европе у теоретиков наблюдается уклон либо в сторону деятельности, либо в сторону структуры. Бурдье, несомненно, в значительной степени склоняется в направлении структуры, а Гидденс обладает более мощным пониманием деятельности, чем большинство других теоретиков этого толка (Layder, 1985, p. 131). Несмотря на существование уклона в сторону деятельности и структуры, творчество европейских теоретиков по проблеме деятельности и структуры отличает гораздо более отчетливое, по сравнению с американскими работами о микро-макроинтеграции, понимание необходимости отказа от того, чтобы разделять эти два понятия, и рассмотрения их диалектически (например, в теориях Гидденса, Бурдье, Хабермаса). В посвященных вопросу микро-макроинтеграции произведениях американских ученых параллелью европейским попыткам диалектического рассмотрения деятельности и структуры выступает моя попытка диалектического рассмотрения интеграции микро-макро и объективно-субъективного континуумов.

Дайетц и Берне (Dietz and Bums, 1992) предприняли попытку применить к действию и структуре подход, отражающий сильные и слабые стороны предыдущих работ. Для того чтобы деятельность приписывалась социальному актору, должны выполняться четыре условия.[1] Во-первых, актор должен обладать властью; он должен быть способен осуществлять изменения. Во-вторых, действия, предпринимаемые агентом, должны носить целенаправленный характер. В-третьих, актор должен иметь определенный выбор, некоторый простор действий. В результате этого наблюдатели могут что-либо утверждать относительно возможных действий акторов лишь в вероятностном плане. Наконец, агенты должны рефлексировать, отслеживать результаты своих действий и использовать это знание для изменения основ действия. В целом, деятельность рассматривается в виде континуума; все акторы в определенной степени участвуют в деятельности, и при этом действия ни одного актора не могут быть в высшей степени свободными, ничем не ограниченными.

Другая, структурная часть уравнения, по мнению Дайетца и Бернса, — это ограничения действия. Во-первых, даже если агент может вообразить определенные действия, они просто могут быть невозможны из-за каких-либо технологических и физических реалий. Во-вторых, структура (особенно правила) представляет определенные действия необходимыми, а другие невозможными. Наконец, деятельность ограничивается со стороны других агентов, обладающих санкционирующей властью, как позитивной, так и негативной.

[1] Как и большинство других теоретиков действия — структуры, Дайетц и Берне преуменьшают значение группы агентов или вообще игнорируют его (см. Shilling and Mellor, 1996; Shilling, 1997b).

Соединение структуры и действия и микро-макроинтеграция

Основные сходства

Наиболее общее сходство этих работ американских и европейских ученых состоит в стремлении к интеграции и синтезу. Помимо этого общего интереса, как американских, так и европейских теоретиков в их рассуждениях наблюдалась сильная антипатия к крайностям существующих господствующих теорий. И американцы, и европейцы подвергли критике макродетерминизм структурного функционализма. Присутствует в их теориях и сходное отношение к крайностям структурализма, хотя неприятие более сильно проявляется в Европе, где структурализм получил гораздо большее распространение, чем в Соединенных Штатах. В Европе структурный функционализм и структурализм рассматриваются как теории, уделяющие повышенное внимание структуре и почти не придающие значения человеческой деятельности (см., например, Giddens, 1979, p. 50). В Америке считается, что эти теории фокусируются на макроуровне и мало внимания уделяют микроуровневым явлениям.

Аналогично, теоретики по обеим сторонам океана настороженно относятся к крайностям микро/деятельностных теорий, таких как символический интеракционизм, этнометодология, а также экзистенциализм и феноменология. Общая точка зрения здесь заключается в том, что эти теории мало сообщают нам о макро/структурном уровне, вследствие чего акторам приписывается слишком большой волюнтаризм. Например, Гидденс утверждает: «Символический интеракционизм основное внимание уделил рассмотрению социальной жизни как активного исполнения целеустремленных, осведомленных акторов... последующая эволюция этой традиции... не смогла породить удачные модели институционального анализа» (Giddens, 1979, p. 50). Подобным же образом, как мы видели в главе 10, Александер полагает, что отдавать предпочтение микроуровню — «теоретическая ошибка» (Alexander, 1987, p. 295).

Фундаментальные различия

Наиболее общие различия между работами американских теоретиков о микро-макроинтеграции (исключение составляет европейский теоретик Элиас) и европейских теоретиков о действии и структуре обсуждались нами с точки зрения важнейших терминологических различий между произведениями, посвященными структуре — действию и микро-макроинтеграции. Однако они не исчерпывают всех различий между произведениями указанных направлений.

Большой интерес для нас в этом разделе представляют приводимые Гидденсом (Giddens, 1984, p. 139; см. также Archer, 1995) доводы «против» микро-макродуализма. Представляется, что Гидденс (Giddens, 1984, p. 141) выступает против противопоставления «микро» и «макро», поощрения «микро/макроразличия». Он выступает против «дутой войны» между микро- и макросоциологией, равно как и против «неудачного разделения труда, [которое], как правило, возникает между ними» (Giddens, 1984, p. 139). Конкретнее, Гидденс критикует Коллинза за его излишнее внимание к микроуровню и, соответственно, слабость его подхода на макроуровне (этот взгляд разделяют и некоторые американские теоретики

[например, Рогрога, 1989; Ritzer, 1985]). Однако Гидденс находится в оппозиции главным образом к микро-макродуализму — по отношению к тем, кто рассматривает эту взаимосвязь в виде дуальности он, кажется, настроен не столь критически.

Одно из важнейших различий между американскими и европейскими теоретиками заключается в характерном для их концепций образе актора. Американскую теорию отличает гораздо большее влияние бихевиоризма, а также теории обмена, которая сама отчасти вышла из бихевиористского подхода. Таким образом, американские теоретики разделяют интерес (некоторых) европейцев к сознательному, креативному действию, но у них он ограничен признанием значения неосознанного поведения. Эта склонность рассматривать поведение актора как неосознанное сегодня еще более усиливается из-за увеличения в американской социологии интереса к теории рационального выбора. Актор здесь изображается более или менее автоматически выбирающим наиболее эффективные средства для достижения целей.[1] То влияние, которое имеет в Соединенных Штатах теория рационального выбора, сулит вбить еще больший «клин» между европейскими и американскими концепциями действия и деятельности.

На макроструктурном уровне европейцы демонстрировали склонность рассматривать главным образом социальные структуры. Когда же социальной структуре целенаправленно не уделялось повышенное внимание, ее не отличали от культуры адекватным образом. (Это, в действительности, и послужило стимулом к написанию недавней работы Арчер [Archer, 1988].) С другой стороны, в Соединенных Штатах проявилась гораздо большая тенденция рассматривать *и* структуру, *и* культуру в попытках создания концепций микро-макроинтеграции. Например, я в своей работе (см. Главу 10) выделил макрообъективность (главным образом, включающую социальную структуру) и макросубъективность (в основном, включающую культуру) и попытался рассмотреть их диалектическую взаимосвязь с микрообъективностью и микросубъективностью.

Еще одно различие в подходах к вопросу макроструктурного уровня проистекает из различий в теоретическом влиянии в Соединенных Штатах и Европе. В Соединенных Штатах основное влияние на социологическое мышление по вопросу макроструктурного уровня оказал структурный функционализм. Характер этой теории способствовал тому, что американские теоретики концентрировали свое внимание на масштабных социальных структурах *и* культуре. В Европе наиболее влиятельным был структурализм, в котором структуры понимаются гораздо более широко: от микроструктур разума до макроструктур общества — все это входит в данное понятие. Структуралисты придавали гораздо меньшее значение культуре, чем структурные функционалисты.

Еще одно ключевое различие между двумя рассматриваемыми направлениями социологической литературы заключается в том, что вопрос микро-макроинтеграции можно отнести к более широкому вопросу об уровнях анализа (Edel, 1959; Jaffee, 1998; Ritzer, 1981a, 1989b; Wiley, 1988), тогда как о проблеме деятельности и структуры этого сказать нельзя. Определенно, вопрос микро-макросоединения можно рассматривать с точки зрения своего рода вертикальной иерархии, где внизу распо-

[1] Де Виль (DeVille, 1989) считает такого актора роботоподобным.

лагаются микроуровневые явления, наверху — явления макроуровня, а посередине — сущности мезоуровня. По-видимому, деятельностно-структурное соединение не имеет явной связи с вопросом об уровнях анализа, поскольку как деятельность, так и структуру можно обнаружить на любом уровне социального анализа.

Вопрос о деятельности и структуре в гораздо большей степени встроен в исторические, динамические рамки, нежели вопрос о микро- и макроуровнях (Sztompka, 1991; опять-таки заметным исключением оказывается Элиас, но он, конечно, европеец). Особенно ясно эта характеристика выражена в творчестве Гидденса, Хабермаса и Арчер, хотя проявляется во всей литературе, посвященной проблеме действия и структуры. Теоретики, рассматривающие вопросы микро-макроинтеграции, напротив, скорее, изображают их на статической, иерархической, внеисторической основе. Тем не менее, по крайней мере, некоторые из теоретиков, рассматривающих микро-макровзаимосвязь скорее статически, поясняют, что понимают динамический характер этой взаимосвязи: «Изучение уровней социальной реальности и их взаимосвязи по сути своей является *динамическим,* а не статическим подходом к социальному миру... динамический и исторический подход к изучению уровней социального мира можно считать неотъемлемой частью более общей *диалектической* ориентации» (Ritzer, 1981a, p. 208; см. также Wiley, 1988, p. 260).

Наконец, мы должны отметить, что в качестве центрального вопроса для теоретиков деятельности и структуры выступает мораль, во многом не учитываемая в работах о микро-макроинтеграции. Данное различие можно отчасти объяснить разницей в теоретических истоках и референтных группах. Теория действия — структуры имеет гораздо более мощные корни в философии и больше ориентируется на философское понимание, что, в частности, отражается и в значительном внимании к вопросам морали. Теория микро-макроинтеграции, напротив, главным образом вышла из социологии и ориентирована на строгие науки — область, в которой моральные вопросы имеют гораздо меньшее значение, чем в философии. Вследствие этого, интерес к вопросам морали, даже некоторая моральная неистовость, гораздо более заметны в работах о структуре и деятельности, чем в социологической литературе о микро-макроинтеграции.

Резюме

В настоящей главе рассматриваются главным образом работы европейских теоретиков о соединении действия и структуры. Социологическая литература данного направления имеет ряд сходств с произведениями американских теоретиков о микро-макроинтеграции, однако между ними существует также ряд значительных различий.

Хотя вопрос о взаимосвязи деятельности и структуры рассматривает большое число современных европейских теоретиков, основная часть данной главы посвящена творчеству четырех важнейших представителей данного теоретического направления. Мы остановились на теории структурации Гидденса. Суть теории Гидденса состоит в его отказе рассматривать социальных агентов и структуры отдельно друг от друга, они понимаются как взаимообразующие. Далее разбиралась предложенная Арчер теория взаимосвязи культуры и деятельности. Арчер подвергает

критике отказ Гидденса в аналитических целях разделять социального агента и структуру. Она критикует теоретиков действия - структуры за то, что они игнорируют вопросы культуры, и стремится восполнить этот пробел, рассмотрев взаимосвязь деятельности и культуры. Затем мы обратились к теории Бурдье, который прежде всего сосредоточивается на взаимосвязи между габитусом и полем. Наконец, мы проанализировали последние идеи Хабермаса о жизненном мире и системе и о колонизации жизненного мира системой.

Вслед за рассмотрением этих конкретных примеров работ о действии — структуре мы возвратились к более общему обсуждению социологической литературы данного направления. Мы начали с анализа основных различий в рамках последнего, в том числе различия во взглядах на природу социального агента и структуры. Еще один источник различий — неодинаковые теоретические традиции, на которых основаны рассматриваемые работы. Некоторые из них демонстрируют уклон в направлении деятельности, тогда как другие склоняются в сторону структуры.

Следующий рассмотренный нами вопрос — сходства между работами, посвященными проблемам действия — структуры и микро-макроинтеграции. Представители обоих направлений проявляют интерес к интеграции и настороженно относятся к крайностям микротеорий (теорий действия) и макротеорий (структуры). Однако между теоретиками двух указанных направлений гораздо больше различий, чем сходств. Различны представляемые ими образы актора, способы понимания структуры, теории, из которых происходят их идеи, степень возможного их включения в понятие уровней анализа, степень их включенности в исторические, динамические рамки и доля внимания, уделяемого вопросам морали.

Часть IV

От современной к постсовременной социальной теории (и далее)

Глава 12
Новейшие теории современности

Сегодня в социологии идут ожесточенные дискуссии между теми, кто продолжает считать нынешнее общество современным миром, и теми, кто утверждает, что в последние годы произошли существенные изменения и мы перешли в новый, «постсовременный» мир. Две заключительные главы настоящей книги посвящены этим двум теоретическим позициям. В данной главе мы рассмотрим творчество тех представителей сегодняшней социологии, которые продолжают считать, что эпоха модерна не закончена, а в следующей (и последней) главе мы предлагаем обзор воззрений некоторых важнейших теоретиков постмодернизма.

Классические теоретики о современности

Прежде чем перейти к знакомству с творчеством мыслителей нашего времени о современности, напомним читателю о том, что большинство классических теоретиков занимались анализом и критикой общества эпохи модерна. Такой анализ, например, отчетливо проводится в творчестве четырех крупнейших классических теоретиков социологии: Маркса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля. Все они исследовали вопрос возникновения и доминирующего влияния современности. Хотя эти мыслители прекрасно осознавали преимущества современности, в наибольшей степени их творчество стимулировалось критикой порожденных современным миром проблем.

Очевидно, что для Маркса современность определялась капиталистической экономикой. Маркс признавал те улучшения, которые вызвал переход от ранних обществ к капитализму. Однако в своем творчестве он ограничивался главным образом критикой этой экономической системы и ее уродливых черт (отчуждения, эксплуатации и т. д.).

Для Вебера определяющей проблемой современного мира является распространение формальной рационально-

сти в ущерб другим ее типам и возникновение в результате этого железной клетки рациональности. Люди все в большей степени становятся заключенными этой железной клетки, вследствие чего постепенно теряют способность выражать некоторые из своих наиболее человеческих качеств. Конечно, Вебер признавал преимущества рационализации — например, сильные стороны бюрократии по сравнению с более ранними организационными формами, однако больше занимался исследованием вызываемых рационализацией проблем.

С точки зрения Дюркгейма, современность определяется органической солидарностью и ослаблением коллективной совести. Принеся с собой большую свободу и большую производительность, органическая солидарность также породила ряд совершенно особых проблем. Например, с ослаблением общей морали люди стали зачастую ощущать свою бессмысленную «заброшенность» в современный мир. Иными словами, они испытывают страдание от аномии.

Четвертому из вышеуказанных классических теоретиков, Георгу Зиммелю, мы уделим здесь несколько большее внимание, во многом из-за того, что недавно он был охарактеризован *одновременно* как модернист (Frisby, 1992) и постмодернист (Weinstein and Weinstein, 1993; Jaworski, 1997). Поскольку Зиммеля в определенной степени можно отнести к обеим категориям, он выступает важным соединительным звеном между этой и следующей главами. Здесь мы обсудим, почему Зиммеля можно считать модернистом; в следующей главе мы рассмотрим аргументы в пользу его постмодернистской направленности.

Фрисби придерживается той точки зрения, что «Зиммель — первый социолог современности» (Frisbi, 1992, p. 59). Считается, что Зиммель исследует современность главным образом в двух взаимосвязанных областях — в сфере города и денежной экономики. В городе современность концентрируется или усиливается, а денежная экономика предполагает распространение современности, ее расширение (Frisby, 1992, p. 69).

Поджи (Poggi, 1993) поднимает тему современности в ее взаимосвязи с деньгами, особенно в том виде, в каком это представлено в зиммелевской *«Философии денег»*. Поджи считает, что в этой работе выражены три взгляда на современность. Во-первых, утверждается, что модернизация влечет за собой ряд преимуществ для человека, особенно способность людей выражать различные потенциальные возможности, которые в досовременном обществе оставались невыраженными, скрытыми и подавленными. В этом смысле Зиммель считает современность «прозрением, то есть ясно выраженным проявлением присущих человеческому роду, но ранее не обнаруживавшихся возможностей» (Poggi, 1993, p. 165). Во-вторых, Зиммель рассматривает мощное воздействие денег на современное общество. Наконец, Зиммель сосредоточивается на проблеме неблагоприятных последствий этого влияния для современности, особенно на проблеме отчуждения. Последняя возвращает нас к центральному вопросу социологической теории Зиммеля в целом, равно как и к его социологии современности — «трагедии культуры», возрастающему разрыву между объективной и субъективной культурой, или, как пишет Зиммель, «атрофии индивидуальной культуры и гипертрофии объективной культуры» (цит. по: Frisby, 1992, p. 69).

С точки зрения Фрисби, Зиммель концентрируется на «опыте» современности. Важнейшие элементы этого опыта — время, пространство и случайная причин-

ность — представляют собой центральные аспекты, по крайней мере, некоторых новых теорий современности, рассматриваемых в настоящей главе:

> Опыт современности в понимании Зиммеля носит прерывистый характер: *время* рассматривается как преходящее, где сходятся скоротечный момент и ощущение настоящего времени; *пространство* как диалектика отдаленности и близости... и *причинность* как условная, произвольная и случайная (Frisby, 1992, p. 163-164)

Несмотря на то что Зиммеля, несомненно, можно считать постмодернистом и, как мы увидим в следующей главе, он, по-видимому, имеет с постмодернистами больше общего, чем другие классические социальные теоретики, тем не менее, по крайней мере, настолько же обоснованно считать его модернистом. Можно почти с полной уверенностью говорить о том, что вопросы, которым он уделяет большое внимание, — особенно город и денежная экономика — составляют суть современности. Таким образом, даже Зиммеля и, конечно, Маркса, Вебера и Дюркгейма лучше всего охарактеризовать как теоретиков, которые занимались социологией современности.

К 1920 г. этих классиков социологической теории уже не было на свете. При вступлении в XXI в. стало очевидно, что мир с 1920 г. сильно изменился. Относительно начала эпохи постмодерна (если предположить, что она наступила) существуют значительные разногласия, однако никто не называет дату ранее 1920 г. Вопрос в том, являются ли происходящие с этого времени в мире изменения умеренными и служат продолжением изменений, связанных с эпохой современности, или же они столь драматичны и радикальны, что сегодняшний мир лучше описать новым термином — как постсовременный. В этой и следующей главах ведется обсуждение данного вопроса.

В настоящей главе мы познакомимся с размышлениями нескольких теоретиков нашего времени (существует много других ученых [например, Lefebvre, 1962/ 1995; Touraine, 1995; P. Wagner, 1994; Wood, 1997], чье творчество мы не сможем рассмотреть за недостатком места), которые различным образом и в неодинаковой степени считают, что сегодняшний мир все еще лучше описывать как современный.

Сокрушительная сила современности

Пытаясь не только соответствовать своей структурационной теории (см. главу 11), но также создать образ, альтернативный предложенным классическими теоретиками, например, образу железной клетки Вебера, Энтони Гидденс (Giddens, 1990; см. в Mestrovic, 1998, резкую критику теории современности Гидденса) описал современный мир (зародившийся в Европе XVII в.) как «сокрушительную силу». В частности, он использует этот термин для описания продвинутого этапа современности — радикальной, высокой, или поздней, современности. Таким образом, Гидденс спорит с теми, кто утверждает, что мы вступили в эпоху постсовременности, хотя и допускает возможность определенного рода постмодернизма в будущем. Однако, по мнению Гидденса, несмотря на то что мы все еще живем в

эпоху современности, сегодняшний мир существенно отличается от мира классических теоретиков социологии.

Вот как он описывает сокрушительную силу современности:

> Неудержимая машина чудовищной силы, которой люди в определенной степени могут коллективно управлять, но которая также грозит вырваться из-под нашего контроля и может расколоться на части. Сокрушительная сила уничтожает тех, кто ей сопротивляется, и несмотря на то что иногда кажется, что она следует неизменным путем, случается, что она странным образом меняет направление на совершенно непредсказуемое. Это движение отнюдь не является всецело отталкивающим или невознаграждающим; часто оно может радовать и на него могут возлагаться надежды. Но пока существуют институты современности, мы никогда не сможем полностью контролировать направление либо темп этого движения. В свою очередь, мы никогда не будем чувствовать себя в полной безопасности, поскольку местность, но которой проходит этот путь, чревата весьма существенными рисками (Giddens, 1990, p. 139)

Как сокрушительная сила, современность крайне динамична, это «неудержимый мир», значительно превосходящий прежние системы по темпам, масштабу и глубине изменений (Giddens, 1991, p. 16). При этом Гидденс добавляет, что эта сокрушительная сила не следует в единственном направлении. Кроме того, это не что-то единое: она состоит из нескольких конфликтующих и противоречащих друг другу частей. Таким образом, Гидденс говорит нам, что не предлагает «большую теорию» старого образца или, по крайней мере, не предлагает простое однонаправленное «большое повествование».

Понятие сокрушительной силы вполне соответствует структурационной теории, особенно той роли, которую играют в ней время и пространство. Образ сокрушительной силы выражает нечто, перемещающееся *во времени и физическом пространстве.* Однако этот образ *не* соответствует акценту, который Гидденс делал на власти социального агента. Представляется, что в образе сокрушительной силы этому механизму современности приписывается гораздо большее влияние, чем агентам, которые им управляют (Mestrovic, 1998, p. 155). Данный вопрос согласуется с более общей критикой разрыва между упором на деятельность в чисто теоретическом творчестве Гидденса и его независимым историческим анализом, который «указывает на господство системных тенденций над нашей способностью изменять мир» (Craib, 1992, p. 149).

Современность и ее последствия

Гидденс определяет современность на основе четырех основных институтов. Первый из них — *капитализм,* который, как известно, характеризуется товарным производством, частной собственностью на капитал, не обладающим собственностью наемным трудом и вытекающей из этих характеристик классовой системой. Второй институт — *индустриализм,* предполагающий использование для производства товаров неодушевленных источников энергии и машинного оборудования. Индустриализм не ограничивается сферой производства, а затрагивает множество других областей, например «транспортную коммуникацию и семейную жизнь» (Giddens, 1990, p. 56). Тогда как две первые характеристики современности едва ли

новы о третьей — *возможности надзора,* хотя она и многим обязана творчеству Мишеля Фуко (см. главу 13), — этого сказать нельзя. Согласно определению Гидденса, «надзор означает наблюдение за действиями подчиненного населения [в основном, но не только] в политической сфере» (Giddens, 1990, p. 58). Последнее институциональное измерение современности — это военное могущество, или *контроль над средствами насилия,* включая индустриализацию войны. Кроме того, следует отметить, что в своем анализе современности, по крайней мере, на макроуровне, Гидденс сосредоточивает внимание на современном *национальном государстве* (а не на обществе, что более принято в социологии), которое считает в корне отличным от характерного для общества досовременной эпохи.

Согласно структурационной теории Гидденса, динамизм современности придают три существенных аспекта: дистанцирование, высвобождение и рефлексивность. Первый аспект —*разделение времени и пространства, или дистанцирование* (хотя этот процесс возрастающего разделения, как и все аспекты творчества Гидденса, не линейный, а диалектический). В обществах досовременной эпохи время всегда было соединено с пространством, а измерение времени не было точным. При наступлении модернизации время было стандартизировано, и тесная связь между временем и пространством была нарушена. В этом смысле как из времени, так и из пространства было «выкачено» содержание; никакое конкретное время или пространство не занимают привилегированного положения; они стали чистыми формами. В обществах досовременной эпохи пространство главным образом определялось физическим присутствием и, следовательно, четко ограниченными местами. С наступлением современной эпохи пространство стало отделяться от места. Все более вероятными становятся отношения с теми, кто физически отсутствует и находится на все более отдаленном расстоянии. Гидденс считает, что место становится «фантасмогорическим», т. е. «места действия глубоко пронизываются и формируются довольно отдаленными от них социальными воздействиями... "видимая форма" места действия скрывает дистанцированные отношения, которые определяют его характер» (Giddens, 1990, p. 19).

Пространственно-временное дистанцирование имеет в современности большое значение по нескольким причинам. Во-первых, она делает возможным развитие рационализированных организации типа бюрократий и национального государства с присущим им динамизмом (по сравнению с досовременными формами) и способностью соединять локальные и глобальные сферы. Во-вторых, современный мир помещен в фундаментальное понимание мировой истории и способен черпать из этой истории для создания настоящего. В-третьих, такое дистанцирование становится важнейшей предпосылкой второго по Гидденсу источника динамизма современности — высвобождения.

Согласно определению Гидденса, *высвобождение* подразумевает «"отрыв" социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия и их реструктурирование на неограниченных промежутках времени — пространства» (1990, p. 21). Ключевую роль в современных обществах играют два рода разлагающих механизмов; оба можно включить в категорию абстрактных систем. Первый из них — символические знаки, из которых наиболее известны деньги. Деньги обеспечивают пространственно-временное дистанцирование: мы способны заключать сделки

с другими людьми, значительно отдаленными от нас во времени и/или пространстве. Второй тип механизмов — экспертные системы, определяемые как «системы технического выполнения или профессиональной экспертизы, организующие обширные области материальной и социальной среды, в которой мы сегодня живем» (Giddens, 1990, p. 27). Наиболее очевидные экспертные системы включают в себя таких профессионалов, как юристы и врачи, — но и повседневные явления, например, наши машины и дома, создаются экспертными системами и испытывают их воздействие. Экспертные системы дают гарантии (однако, не без рисков) действия через время и пространство.

В современных обществах, где господствуют абстрактные системы со значительным пространственно-временным дистанцированием, огромное значение имеет доверие. Потребность в доверии связана с этим дистанцированием: «Мы не имеем потребности доверять кому-то, кто постоянно находится в поле нашего зрения и чьи действия можно непосредственно отслеживать» (Giddens, 1991, p. 19). Доверие становится необходимым, когда мы, в результате возрастающего дистанцирования, с точки зрения времени либо пространства, более не обладаем всей полнотой информации о социальных явлениях (Craib, 1992, p. 99). Доверие определяется как «уверенность в надежности человека или систем относительно данного набора результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого или в правильность абстрактных принципов (технического знания)» (Giddens, 1990, p. 34). Доверие имеет огромное значение не только в современном обществе в целом, но также важно для символических знаков и экспертных систем, служащих высвобождающими механизмами в современном мире. Например, для того чтобы работали денежная экономика и правовая система, люди должны им доверять.

Третья динамическая характеристика современности — это *ее рефлексивность*. Являясь фундаментальным свойством структурационной теории Гидденса (равно как и, по его мнению, человеческого существования), рефлексивность приобретает особое значение в современности, где «социальные практики постоянно исследуются и преобразуются в свете поступающей информации об этих практиках, таким образом существенно изменяя свой характер» (Giddens, 1990, p. 38). Все в современном мире открыто рефлексии, в том числе и сама рефлексия, что оставляет у нас всеобъемлющее ощущение неопределенности. К тому же здесь снова возникает проблема двойной герменевтики (см. главу 11), поскольку рефлексия экспертов о социальном мире, как правило, изменяет сам этот мир.

Опосредованный характер современной жизни поднимает ряд особых вопросов. Один из них — необходимость доверия абстрактным системам в целом и экспертным системам, в частности. Используя одну из своих довольно спорных метафор, Гидденс говорит, что детям «делают прививку» «дозой» доверия в период первичной социализации. Этот аспект социализации снабжает людей «защитным коконом», который по мере наступления зрелости способствует приобретению ими некоторой онтологической безопасности и доверия. Это доверие, как правило, подкрепляется рядом рутинных событий, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Однако существуют и связанные с современностью новые и опасные риски, которые всегда угрожают нашему доверию и грозят привести к

всеобъемлющей онтологической ненадежности. Как считает Гидденс, хотя разлагающие механизмы обеспечили нам безопасность в различных областях, они также породили особый «профиль риска». Риск имеет характер, глобальный по силе (ядерная война может уничтожить нас всех) и распространению случайных событий, затрагивающих множество людей во всем мире (например, изменения в международном разделении труда). Кроме того, существуют риски, которые можно объяснить нашими попытками управлять материальной окружающей средой. Риски также вызываются созданием институциональных рисковых сред, например глобальных рынков инвестиций. Люди все более осознают существующие риски, и религия и обычаи все более теряют свое значение в качестве основы веры в то, что риски эти могут быть преобразованы в надежность. Большой круг общественности сегодня, вероятно, осведомлен о рисках, с которыми мы сталкиваемся. Наконец, существует тягостное осознание того, что способность экспертных систем бороться с этими рисками ограничена. Именно эти риски придают современности образ неудержимой сокрушительной силы и наполняют нас онтологической неуверенностью.

Что же произошло? Почему мы испытываем негативные последствия существования в качестве пассажиров сокрушительной машины современности? Гидденс выдвигает несколько причин. Первая из них — *дефекты конструкции,* которые наличествуют в современном мире: те, кто разрабатывал элементы современного мира, допустили ошибки. Вторая возможная причина — *несостоятельность операторов:* проблема связана не с разработчиками, а с теми, кто руководит современным миром. Однако основное значение Гидденс придает двум другим факторам — *непреднамеренным последствиям* и *рефлексивности социального знания.* Имеется в виду, что последствия, которые действия будет иметь для системы, никогда нельзя полностью прогнозировать, а новое знание постоянно толкает системы в новых направлениях. По всем указанным причинам мы не можем полностью контролировать сокрушительную силу, современный мир.

Тем не менее Гидденс не уступает, а предлагает парадоксальный курс *утопического реализма.* Он ищет равновесие между утопическими идеалами и реалиями жизни в современном мире. Он также придает значение той роли, которую могут сыграть в преодолении некоторых рисков современного мира и указании нам на общество, где эти риски смягчены, социальные движения.

Попытка Гидденса (Giddens, 1994) найти компромиссную политическую позицию видна из заглавия одной из его поздних книг — «По ту сторону левого и правого: будущее радикальной политики». В то время как существующие политические позиции теряют свою жизнеспособность, Гидденс предлагает перестроенную «радикальную политику», основанную на утопическом реализме и ориентированную на обращение к проблемам бедности, загрязнения окружающей среды, деспотической власти и принуждения, насилия в социальной жизни. В политическую позицию Гидденса входит принятие по крайней мере некоторых аспектов капитализма (например, рынков) и отрицание многих аспектов социализма (например, революции). Таким образом, Гидденс предпочел идти по очень узкому и трудному политическому канату.

Попробуем определить, какую позицию Гидденс занимает относительно постсовременности, придерживаясь описанных взглядов на современность. С одной

стороны, он отвергает практически все принципы, которые мы обычно связываем с постмодернизмом. Например, касаясь идеи о невозможности систематичного знания, Гидденс говорит, что такая точка зрения привела бы нас к «полному отказу от интеллектуальной деятельности» (1990, p. 47). Однако, считая, что мы живем в эпоху «высокой» современности, Гидденс полагает, что уже сейчас наличествует возможность получить некоторое представление о постсовременности. Этот мир, по его мнению, будет характеризоваться постдефицитной системой, все более многослойной демократизацией, демилитаризацией и гуманизацией технологии. Однако явно не существует никаких гарантий, что мир будет двигаться в направлении хотя бы некоторых, не говоря уже обо всех, свойств постмодерна. Рефлексивность проявляется в том, что, по мнению Гидденса, говоря о таких возможностях, он (и другие) может в определенной степени содействовать их осуществлению.

Современность и идентичность

Тогда как работа «Последствия современности» носит во многом макроориентированный характер, в «Современности и самоопределении» (Giddens, 1991) больше внимания уделяется микроаспектам эпохи поздней современности, особенно личности. Конечно, Гидденс рассматривает личность как диалектически связанную с институтами современного общества, однако основное внимание здесь он уделяет микростороне континуума. Мы тоже сосредоточимся на вопросах микропорядка, однако не следует упускать из виду более обширную диалектику:

> Трансформация самоопределени и глобализации... — это два полюса диалектики локального и глобального в условиях высокой современности. Изменения в интимных аспектах личной жизни... непосредственно связаны с установлением социальных связей очень широкого масштаба... впервые в человеческой истории «личность» и «общество» взаимосвязаны в глобальной среде (Giddens, 1991, p. 32)

Как мы видели, Гидденс определяет современный мир как рефлексивный и утверждает, что «рефлексивность современности проникает внутрь личности... личность становится *рефлексивным проектом»* (1991, p. 32). То есть личность становится чем-то, о чем можно размышлять, что можно изменять и даже формировать. Индивид не только делается ответственным за создание и сохранение собственной личности — эта ответственность имеет сплошной и всеобъемлющий характер. Личность становитсяпродуктом самоисследования, а также развития тесных социальных взаимоотношений. В современном мире даже тело «вовлекается в рефлексивную организацию социальной жизни» (Giddens, 1991, p. 98). Мы ответственны за формирование не только нашей личности, но также (что с этим связано) наших тел. Центральное значение в рефлексивном создании и иоддержании личности имеет телесный облик и его соответствующие проявления в разнообразных обстановках и условиях. Кроме того, тело подвергают множеству «режимов» (например, книги по диете и физическим упражнениям), что не только помогает индивидам формировать тело, но также способствует саморефлексивности, равно как и рефлексивности современности в общем. Результатом, в целом, становится свойственная современному миру одержимость своим телом и своей личностью.

Современный мир влечет за собой *«секвестр опыта»,* или «связанные процессы маскировки, отделяющие рутины обыденной жизни от следующих явлений: безумия; преступности; болезни и смерти; половой жизни; природы» (Giddens, **1991. p. 149,**156). Такой секвестр происходит в результате возрастания роли абстрактных систем в повседневной жизни. Эта изоляция дает нам большую онтологическую безопасность, однако ценой этого оказывается «исключение из социальной жизни фундаментальных экзистенциальных вопросов, которые ставят людей перед важнейшими нравственными дилеммами» (Giddens, 1991, p. 156).

Хотя современность схожа с обоюдоострым мечом, вызывая как позитивные, так и негативные изменения, Гидденс осознает фундаментальную «нависающую угрозу *личностной бессмысленности»* (1991, p. 201). Все значимое изъято из повседневной жизни; его подавили. Но диалектически, возрастающая саморефлексивность приводит к увеличению вероятности возврата того, что подверглось подавлению. Гидденс считает, что мы вступаем в мир, в котором «на коллективном уровне и в повседневной жизни нравственные/экзистенциальные вопросы снова пробиваются на центр арены» (1991, p. 208). Мир постсовременности есть, по Гид-денсу, мир, который характеризуется «реморализацией». Нравственные и экзистенциальные проблемы, которые изымались из социальной жизни, займут центральное положение в обществе, которое, по мнению Гидденса, предвещается и предвосхищается саморефлексивностью эпохи поздней современности.

Современность и интимность

Многие из этих вопросов Гидденс затрагивает в «Трансформации интимности» (1992). В настоящей работе Гидденс рассматривает происходящие в сфере интимных отношений изменения, демонстрирующие движение в сторону другого важного понятия в его рассуждениях о современном мире — чистых взаимоотношений, или «ситуации, при которой в социальное отношение вступают ради него самого, ради того, что каждый может извлечь из длительного общения с другим; и которое продолжается, пока обе стороны считают, что оно доставляет каждому индивиду достаточное удовлетворение, чтобы остаться в этом отношении» (Giddens, 1992, p. 58). В случае интимного общения чистые взаимоотношения характеризуются эмоциональной коммуникацией с самим собой и другим человеком в ситуации сексуального и эмоционального равенства. Демократизация интимных отношений может привести к демократизации не только межличностных отношений в целом, но также и макроинституционального устройства. Изменение характера интимных отношений, в которых женщины («эмоциональные революционерки современности» [Giddens, 1992, p. 130]) взяли на себя инициативу, а мужчины проявили себя «увальнями», имело революционное значение для общества в целом.

В современном мире интимные отношения и половая жизнь (и, как мы видели, многое другое) подверглись ограничению. Однако этот секвестр, являясь в различных отношениях освобождающим от интимного общения в традиционных обществах, представляет собой и форму подавления. Рефлексивная попытка создать более чистые интимные отношения должна осуществляться отдельно от

более крупных нравственных и этических вопросов. Но все же это современное установление начинает испытывать на себе давление, когда люди, в особенности женщины, пытаются рефлексивно сконструировать самих себя и других. Таким образом, Гидденс выступает не за сексуальное освобождение или плюрализм, а за обширные этические и моральные изменения, изменения, которые, как он считает, уже происходят в интимных отношениях:

> Нет необходимости ожидать социополитической революции, чтобы содействовать реализации проектов освобождения, такая революция и не способствовала бы этому в значительной степени. Революционные процессы уже происходят в инфраструктуре личной жизни. Трансформация интимности требует психических, а также социальных изменений, и такие изменения, идущие «снизу вверх», потенциально могут разветвиться, затрагивая другие, более публичные институты (Giddens, 1992, p. 181-182).

Общество риска

Мы уже затрагивали вопрос риска в творчестве Гидденса, посвященном проблемам современности. Как пишет Гидденс,

> современность есть культура риска. Этим я не хочу сказать, что социальная жизнь по своей сути более опасна, чем прежде; для большинства людей это не так. Понятие риска скорее имеет фундаментальное значение для способа организации социального мира как непрофессиональными акторами, так и техническими специалистами. Современность снижает общую рискованность определенных сфер и форм жизни, однако в то же время она привносит новые параметры риска, которые были прежним эпохам в основном или совершенно неизвестны (Giddens, 1991, p. 3-4)

Таким образом, Гидденс (Giddens, 1991, p. 28) описывает как «вполне точный» тезис, приводимый в работе Ульриха Бека «Общество риска: к новой современности» (1992; Bronner, 1995), которую мы рассмотрим в данном разделе.

С точки зрения нашего анализа, подзаголовок работы Бека имеет большое значение, поскольку указывает на то, что он, как и Гидденс, отвергает мнение, согласно которому мы вступили в эпоху постмодернизма. По мнению Бека, мы продолжаем жить в мире современности, хотя и новой формы современности. Прежняя, «классическая» фаза современности ассоциировалась с индустриальным обществом, тогда как возникающая новая современность и ее технологии связываются с обществом риска (Clark, 1997). Хотя мы еще не живем в обществе риска, мы уже не живем и только в индустриальном обществе; т. е. современный мир соединяет в себе элементы обеих стадий. Фактически, общество риска можно рассматривать как вид общества индустриального, поскольку многие из этих рисков связаны с индустриальным развитием. Бек так резюмирует свою позицию:

> *Точно так же, как в девятнадцатом веке модернизация разрушила структуру феодального общества и породила индустриальное общество, сегодня модернизация разрушает индустриальное общество, и рождается другая современность...* Тезис настоящей книги следующий: мы являемся свидетелями не конца, но *начала* современности — то есть современности за пределами ее классической индустриальной конструкции (Beck, 1992, p. 10) •

Энтони Гидденс: биографический очерк

Энтони Гидденс — самый значительный современный социальный теоретик Великобритании и один из немногих наиболее влиятельных теоретиков в мире. Гидденс родился 18 января 1938 г. (Clark, Modgil, and Modgil, 1990). Он учился в университете ХалЛа, Лондонской школе экономики и Лондонском университете. В 1961 г. Гидденса назначили преподавателем в университет Лейстера. Его раннее творчество носило эмпирический характер и было сосредоточено на проблеме самоубийства. К 1969 г. он перешел на должность преподавателя социологии в престижный Кембриджский университет, а также стал членом совета Королевского колледжа. Гидденс занялся межкультурными исследованиями, и это способствовало тому, что его книга «Классовая структура развитых обществ» (1975) стала первой, получившей международную известность. В последующие 10 лет Гидденс опубликовал ряд значимых теоретических работ. В них он постепенно начал создавать собственный теоретический подход, ставший известным как структурационная теория. Высшим выражением этих лет работы стала вышедшая в 1984 г. книга *«Строение общества: очерк структурационной теории»,* представляющая собой наиболее значительное целостное изложение теоретического подхода Гидденса. В 1985 г. Гидденса назначили профессором социологии в Кембриджском университете.

Гидденс имел влияние в социологии более двух десятилетий. Кроме того, он сыграл значительную роль в формировании современной британской социологии. Во-первых, он был консультирующим редактором двух издательств — «Макмиллан» (Macmillan) и «Хатчинсон» (Hutchinson). Под его редакцией было выпущено множество книг. Что более важно, он был одним из основателей «Полити Пресс» *(Polity Press)* — издательства, которое вело крайне активную деятельность и было очень влиятельно, особенно в сфере социологической теории. Гидденс также опубликовал имевший всемирный успех учебник «Социология» (1987), написанный в американском стиле.

Как теоретик, Гидденс был очень влиятелен в Соединенных Штатах, а также во многих других странах. Интересно, что в родной Великобритании его творчество зачастую принимали хуже, чем за рубежом. Это недостаточное одобрение на родине можно отчасти приписать тому, что Гидденсу удалось приобрести теоретических последователей по всему миру, к чему стремились и чего не достигли многие другие британские социальные теоретики. Как пишет Крейб, «Гидденс, возможно, осуществил фантазии многих из нас, посвятивших себя социологии в период напряженных захватывающих дискуссий, из которых возникла структурационная теория» (1992, p. 12).

В 1990-х гг. в карьере Гидденса произошли некоторые интересные изменения (Bryant and Jary, все еще готовится к изданию). Несколько лет терапии способствовали повышению его интереса к вопросам личной жизни и появлению таких книг, как «Современность и самоопределение» (1991) и «Трансформация интимности» (1992). Терапия также помогла ему занять более публичное положение и стать советником британского премьер-министра Тони Блэра. В 1997 г. он стал директором чрезвычайно престижной Лондонской школы экономики *(London School of Economics, LSE).* Он укрепил научную репутацию *LSE,* а также увеличил ее авторитет в публичной научной жизни Великобритании и всего мира. Есть ощущение, что все это неблагоприятно отразилось на научном творчестве Гидденса (его книгам 1990-х гг. не хватает глубины и проработанности, характерных для ранних работ), но в настоящее время он явно сосредоточен главным образом на своей роли в общественной жизни.

Что же тогда такое эта новая современность? И каково сопутствующее ей общество риска?

Бек называет новую или, лучше, еще возникающую, форму *рефлексивной современностью.* На Западе произошел процесс индивидуализации. То есть социальные агенты становятся все свободнее от структурных ограничений и, в результате, более способны к рефлексивному созданию не только самих себя, но также и обществ, в которых они живут. Например, вместо того чтобы находиться под

определяющим воздействием своего классового положения, люди действуют более или менее независимо. Предоставленные самим себе, люди оказались вынуждены быть более рефлексивными. Бек доказывает значение рефлексивности на примере социальных отношений в мире: «Вновь образованные социальные отношения и социальные сети теперь нужно выбирать индивидуально; социальные связи тоже становятся *рефлексивными,* так что должны устанавливаться, поддерживаться и постоянно обновляться индивидами» (1992, p. 97).

Бек видит в современности разрыв и говорит о переходе от классического индустриального общества к обществу риска, которое, в отличие от предшествующего ему, сохраняет многие характеристики индустриального общества. Центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения. В эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. Идеалом классической современности было равенство, тогда как в эпоху развитой современности — безопасность. В классической современности люди достигали солидарности в поисках позитивной цели равенства, в развитой современности попытка достижения этой солидарности обнаруживается в поиске во многом негативной и оборонительной цели избавления от опасностей.

Создание рисков

Риски в значительной степени вызываются источниками богатства в современном обществе. В особенности, промышленное развитие и его побочные эффекты порождают многочисленные опасные и даже смертельные последствия для общества и, вследствие глобализации (Featherstone, 1990; Robertson, 1992), для мира в целом. Используя понятия времени и пространства, Бек отмечает, что эти современные риски не ограничены местом (ядерная катастрофа в одной географической местности может затронуть многие другие государства) или временем (ядерная катастрофа может оказать генетическое воздействие, которое может затронуть будущие поколения).

Хотя центральное значение в индустриальном обществе имеет социальный класс, а в обществе риска — риск и класс не являются невзаимосвязанными. Как пишет Бек,

> история распространения риска показывает, что риски, как и богатство, связаны с классовой системой, только обратным образом: богатство накапливается наверху, а риски внизу. В этой степени риски, как представляется, *укрепляют,* а не уничтожают классовое общество. Бедность притягивает к себе несчастливый избыток рисков. Богатство (в доходе, власти или образовании), напротив, может *купить* себе безопасность и свободу от риска (Beck, 1992, p. 35)

Что верно в отношении социальных классов, применимо и к государствам, т. е., насколько это возможно, риски сконцентрированы в бедных государствах, тогда как богатые страны способны максимально оградить себя от множества рисков. Более того, богатые государства выигрывают от рисков, которые они порождают, например создавая и продавая технологии, способствующие предотвраще-

нию рисков или преодолению их неблагоприятных последствий, в случае если риски все же возникли.

Однако ни обеспеченные индивиды, ни государства, порождающие риски, не застрахованы от рисков. В данном контексте Бек рассматривает то, что он называет «эффектом бумеранга», из-за которого побочные эффекты риска «отскакивают назад даже к центрам их создания. Агентов модернизации самих настойчиво засасывает в водоворот опасностей, которые они выпускают на волю и из которых извлекают выгоду» (Beck, 1992, p. 37).

Управление рисками

Порождая риски, развитая модернизация также создает рефлексивность, позволяющую ей подвергнуть сомнению саму себя и производимые ею риски. В сущности, именно сами люди, жертвы рисков, начинают об этих рисках размышлять. Они начинают наблюдать и собирать данные о рисках и их последствиях для людей. Они становятся экспертами, которые подвергают сомнению, развитую современность и ее опасности. Делают они это отчасти потому, что больше не могут полагаться в этом на ученых. В самом деле, Бек очень строго относится к ученым вследствие их роли в создании и сохранении общества риска: «Наука *стала покровительницей глобального заражения людей и природы.* В этом отношении не будет преувеличением сказать, что тем, как науки во многих сферах рассматривают риски, *теперь до следующего раза они растратили свою известную рациональность»* (1992, p. 70).

Тогда как в классическом индустриальном обществе природа и общество были отделены друг от друга, в развитом индустриальном обществе природа и общество значительно переплетены, это значит, что изменения в обществе часто воздействуют на природную среду, а эти изменения, в свою очередь, влияют на общество. Таким образом, сегодня, по Беку, «природа *есть* общество, а общество есть также *"природа"»* (Beck, 1992, p. 80). Так, природа политизировалась, в результате чего претерпело политизацию творчество представителей естественных наук, так же как и наук социальных.

Традиционная сфера политики, правительство, утрачивает власть, поскольку основные риски исходят из того, что Бек называет «субполитикой», например, крупных компаний, научных лабораторий и т. п. Именно в субполитической системе «действуют структуры нового общества в направлении конечных целей прогресса в знании, вне парламентской системы, не в оппозиции к ней, а просто ее игнорируя» (Beck, 1992, p. 223). Это часть того, что он называет «освобождением политики», когда занятие политикой более не предоставлено исключительно центральному правительству, а все больше становится сферой деятельности различных подгрупп, а также отдельных индивидов. Эти подгруппы и индивиды могут быть более рефлексивны и самокритичны, чем центральное правительство, и они обладают способностью размышлять о множестве рисков, связанных с периодом развитой современности, и лучше с ними справляться. Таким образом, диалектически, развитая современность породила и беспрецедентные риски и беспрецедентные попытки эти риски преодолеть (Beck, 1996).

Макдональдизация, глобализация/американизация и новые средства потребления

В одной из своих работ я обратился к проблеме современности в трех ее аспектах: макдональдизации общества, связи между макдональдизацией и глобализацией/ американизацией и развития новых средств потребления.

Макдональдизация

Теоретическим побуждением к написанию работы «Макдональдизация общества» (Ritzer, 1993, 1996, 1998)[1] послужило посвященное вопросу рациональности творчество Вебера. Когда мы говорим о макдональдизации, основным для нас оказывается тот факт, что ресторан быстрого питания представляет собой современную Парадигму формальной рациональности. Так, можно утверждать, что во времена Вебера моделью системы формальной рациональности была бюрократия, тогда как сегодня ресторан питания обслуживания выражает собой даже более адекватную парадигму данного типа рациональности. Бюрократия все еще с нами, но ресторан такого типа дает нам лучший пример указанного вида рациональности. Это означает не только что формальная рациональность никуда не исчезла, но сохранился и современный мир, ключевым элементом которого становится рациональность этого рода.

Существуют четыре измерения формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор скорее на количестве, чем на качестве, и осуществление конт роля посредством замены человеческих технологий унификацией операций — и этот вид рациональности, как правило, привносит иррациональность рациональности. Эффективность означает поиск наилучших средств для достижения цели; в ресторане быстрого питания хорошим примером повышения эффективности работы служит окошко обслуживания для клиентов за рулем. Предсказуемость означает существование мира без неожиданностей; Бит Мак в Лос-Анджелесе неотличим от нью-йоркского; аналогично Биг Мак, который мы съедим завтра или в следующем году, будет точь-в-точь таким же, как тот, что мы едим сегодня. Рациональные системы, как правило, делают упор на количестве, обычно на больших количествах, а не на качестве. Биг Мак — хороший пример этого упора на количество, а не качество. Вместо человеческих качеств шеф-повара рестораны быстрого питания опираются на такие унифицированные технологии, как следование неквалифицированных поваров подробным указаниям и поточные методы приготовления и подачи пищи. Наконец, такая формально-рациональная система привносит различные моменты иррациональности, из которых наиболее значительные — это демистификация и дегуманизация процесса приема пищи.

Таким образом, ресторан быстрого питания выводит формальную рациональность в целом, а также каждое из ее отдельных измерений на новый уровень. Кроме того, другие бесчисленные предприятия и секторы социального мира пытаются превзойти некоторые или все инновации, вводимые рестораном быстрого

[1] О некоторых Дискуссионных вопросах в связи с темой макдональдизации см. Alfino, Caputo, and Wynyard, 1998, p.; Smart, 1999.

обслуживания. Если мы отождествляем формальную рациональность с современностью, то успешность и распространение ресторанов быстрого питания, равно как и степень, в которой они служат моделью для большой части остального общества, указывают на то, что мы продолжаем жить в современном мире. Данный аргумент подкрепляет тот факт, что ресторан быстрого питания в разных отношениях носит фордистский характер, который наиболее ярко проявляется в широком использовании поточных принципов и технологий. Аналогичным образом, он построен на индустриальных принципах и поэтому противоречит мнению, согласно которому мы уже вступили в постиндустриальное общество (Hage and Powers, 1992). Хотя в экономической сфере могут происходить другие поддерживающие идею постиндустриального общества изменения, ресторан быстрого питания и многие другие элементы экономики, смоделированные по его образцу, этот тезис не подтверждают. Я также исследовал с точки зрения тезиса рационализации проблему кредитных карточек (Ritzer, 1995). Кредитные карточки макдональдизиро-вали получение и расход кредита. Взамен быстрого питания современный банк раздает быстрые деньги.

Каждое из измерений макдональдизации применимо к проблеме кредитных карточек. Весь процесс получения займа стал более эффективным. Вместо прежнего длительного и громоздкого процесса оформления займа сегодня нужно ответить всего лишь на несколько простых вопросов. Если же такая процедура недостаточно эффективна, многим предоставляются заранее оформленные кредитные карточки. Предсказуемость лучше всего иллюстрирует тот факт, что кредитная карточка способствует большей предсказуемости потребления: можно что-либо приобрести, не имея при себе наличных денег. Для большинства людей особое значение имеет количество кредитных карточек, которые они могут приобрести и установленные пределы совокупного кредита по этим карточкам, при этом пагубному влиянию значительной суммы долга на качество их жизни уделяется мало внимания. Все чаще решения относительно выпуска (или не выпуска) новой карточки или повышения лимита по кредиту предоставляются все более сложным компьютерным программам, и при этом в повседневных ситуациях почти исключено участие людей. В конечном счете, чрезвычайно рационализированный бизнес кредитных карточек обладает рядом иррациональных черт, в том числе дегуманизация, связанная с использованием унифицированных технологий, и роботоподобные банковские служащие, вступающие с клиентами в жестко регламентированное взаимодействие.

Таким образом, кредитные карточки, как и рестораны быстрого питания, могут пониматься как часть нашего макдональдизированного, формально-рационализированного и, следовательно, в конечном итоге, современного общества. Рассмотренные здесь два примера указывают на то, что рациональность и, следовательно, модернизация, превосходят своих предшественников — местную закусочную и личный заем. Относится ли такой прогресс все еще к сфере современности, или нам требуется для его описания новое понятие, такое как постмодернизм?

С определенной долей уверенности можно сказать, что два описанных здесь случая указывают на то, что рациональность и, следовательно, современность про-

должают существовать в сегодняшнем мире. Даже если прочие явления можно описать термином «постмодернизм» (что чрезвычайно сомнительно), указанное продолжение существования, по крайней мере, некоторых элементов современности как минимум ставит под вопрос наиболее крайние претензии постмодернистов. Грубо говоря, если многие другие аспекты сегодняшнего мира могут быть лучше описаны как современные, то заявления о том, что мы вступили в постмодернистский мир, могут оказаться преждевременными или ошибочными.

Глобализация или американизация?

Один из вопросов, который поднимает макдональдизация, заключается в том, как следует описывать этот процесс: как глобализацию или как американизацию (Ritzer, 1998, p. 71/94)?

Американизация

Проблему американизации обычно не рассматривают как часть социальной теории, однако даже такого классического теоретика, как Георг Зиммель (Simmel, 1991, p. 27), заботил растущий «американизм» его времени. Помимо прочего, для Зиммеля это означало «огромное желание счастья современного человека» и, что представляется более негативным аспектом, «современную "жадность"». По прошествии времени в ряде работ, в целом не относящихся к социальной теории, была затронута проблема американизации (Duhamel, 1931; Duignanand Gann, 1992; Emmison, 1997; Kuisel, 1993; McCreagy, 1964; Servan-Schreiber, 1968; Williams, 19962). В более общем плане идеей американизации занималась теория модернизации (Archer, 1990), ставшая в одно время популярной социальной теорией. Теоретики модернизации, как правило, превозносили западные, особенно американские, достижения и призывали остальной мир двигаться в том же направлении.

На наиболее общем уровне «американизация» — просто термин для описания влияния Америки и ее норм, ценностей, структур и институтов на остальной мир. Однако основная часть работ по проблеме американизации была написана не американцами, вследствие чего эти произведения обычно имели критическую направленность. Так, Мак-Креари (McCreagy, 1964, p. 1) описывает американизацию как «освистывание всего, что говорящий морально и эмоционально не одобряет».

Ресторан «Мак-Дональде» и большинство его макдональдизированных производных являются продуктами американского общества, ставшими предметами агрессивного экспорта в остальной мир. Например, сегодня фирма «Мак-Дональде» открывает за рубежом новые отделения в гораздо большем количестве, чем в Соединенных Штатах, и уже около половины своей прибыли получает не из Соединенных Штатов. Представляя собой продукт американского экспорта, «Мак-Дональдс» привносит радикальные изменения в то, что и как ест остальной мир. Кроме того, хотя «Мак-Дональде» принимается людьми во всем мире, одновременно он встречает осуждение со стороны интеллектуалов и других общественных лидеров. Таким образом, представляя американский экспорт, а также становясь предметом осуждения, «Мак-Дональде» (и другие макдональдизированные системы) отчетливо отражает процесс американизации.

Глобализация

Тогда как американизация представляла малый непосредственный интерес для социальных теоретиков, глобализация входит в первый ряд самых актуальных тем современной социальной теории. Одним из наиболее заметных ученых, поднявших этот вопрос, был Роланд Робертсон (Robertson, 1992, p. 61,64), который утверждал, что социальным теоретикам следует встать на «специфически глобальную точку зрения» и «трактовать глобальные условия как таковые». Более конкретный и выразительный характер имеет утверждение Робертсона (Robertson, 1992, p. 60; см. также Featherstone, 1990, p. 1), что «в процессе глобализации, который происходит *относительно* независимо от строго социетальных и других традиционно изучаемых социокультурных процессов, присутствует общая автономность и "логика"».

Именно это внимание к глобальным и автономнымпроцессам является характерной чертой теории глобализации. Например, Аппадурай (Appadurai, 1990) выделяет ряд «третьих культур», которые, по крайней мере отчасти, носят автономный характер, выходят за пределы национальных границ и существуют в глобальном масштабе. Например, *финансовое перемещение* предполагает «передвижение огромных денежных масс через национальные пропускные пункты с оглушительной скоростью» (Appadurai, 1990, p. 298). Частью этого финансового перемещенистановится международная торговля на товарном, фондовом и валютном рынках. Затем, существует *этническое перемещение,* включающее в себя передвижение большого числа людей в качестве туристов. Международные сети отелей и Дисней-ленды со своими тематическими парками развлечений, существующие не только в Соединенных Штатах, но и в Японии и во Франции, вовлекаются в этническое перемещение. Другим примером подобных процессов выступает применение технологий, опоясывающих весь мир, — *технологическое перемещение.* Интернет представляет собой прекрасный пример элемента технологического перемещения.

Суть в том, что все эти «третьи культуры» выходят за пределы отдельных национальных государств, в том числе Соединенных Штатов. Вследствие этого теория глобализации противостоит любой теории, которая сосредоточивается на конкретной стране, особенно теории американизации и ее акценту на Соединенных Штатах.

Как лучше понимать макдональдизацию: как пример американизации или глобализации? Сам «Мак-Дональде» был создан в Соединенных Штатах, и практически все основные представители не только в индустрии быстрого питания, но и прочих макдональдизированных секторов имеют американские корни. «Мак-Дональде» и многие другие макдональдизированные сферы бизнеса распространились по всему миру, но продолжают сохранять свой американский фундамент и свои американские корни. Однажды все они могут утратить свою американскую основу и стать во многом автономными, как выше описанные третьи культуры, однако в настоящее время к ним в гораздо большей степени применим термин «американизация», а не «глобализация». Даже несмотря на то что теория глобализации не сильно связана с процессом макдональдизации, она представляет собой важный подход, который, вероятно, будет привлекать в социальной теории все больше внимания.

Новые средства потребления

Совсем недавно я обратился к вопросу возникновения «новых средств потребления» в Соединенных Штатах, которое началось более полвека назад со времени окончания Второй мировой войны (Ritzer, 1999). «Мак-Дональде» (и в более общем плане индустрия быстрого питания) стала одним из новых средств потребления, однако существует и множество других их видов, например крупные универмаги, мегамаркеты (например, «Молл оф Америка»), гигантские универмаги, суперунивермаги (например, «Тойс "Эр" Ас»), оптовые магазины («Уол-Март»), круизные линии, казино-отели в Лас-Вегасе, тематические парки развлечений наподобие «Дисней-ленда» и т. д.

Понятие новых средств потребления происходит из творчества Карла Маркса. Как и большинство других современных теоретиков, Маркс уделял основное внимание сфере производства. Если учитывать реалии того времени, а это было начало промышленного переворота и капитализма, становится понятной обоснованность его акцента на производстве в целом и на средствах производства, в частности. В последние же годы, в той степени, в какой производство и потребление можно четко отделить друг от друга, значение производства, особенно в Соединенных Штатах, все более уменьшается (например, меньшее число работников занято в производстве товаров), тогда как значение потребления возросло (все больше людей занято в связанной с потреблением сфере услуг и все больше людей значительную часть своего досуга тратят на потребление). В таком обществе имеет смысл переместить наше внимание с вопроса средств производства к вопросу средств потребления.

Поразительно, но Маркс сказал о потреблении немало, особенно в своей известной работе о товарном производстве. Гораздо менее известен и заметен тот факт, что Маркс (следуя, как он часто делал, Адаму Смиту) применял понятие «средства потребления», ставшее одним из центральных аспектов моей недавней книги.

Маркс определил *средства производства* как «товары, которые обладают формой, в которой... вступают в производственное потребление» (Marx, 884/1991, p. 471). *Средства потребления* он определил как «товары, которые обладают формой, в которой вступают в индивидуальное потребление капиталистического и рабочего класса» (Marx, 1884/1991, p. 471). В рамках данного термина Маркс выделяет потребление средств к существованию и потребление предметов роскоши (Смит проводил аналогичное различие). С одной стороны, существуют «необходимые средства потребления», или те, «которые вступают в потребление рабочего класса» (Marx, 1884/1991, p. 479). С другой стороны, есть «потребление предметов роскоши, которые поступают только в потребление класса капиталистов, т. е. могут приобретаться только за счет прибавочной стоимости, которой не получают рабочие» (Marx, 1884/1991, p. 479). Таким образом, основные продукты питания можно рассматривать как средства к существованию, тогда как шикарные автомобили (скажем, «Роллс-Ройс») — как предметы роскоши.

Марксу следует отдать должное за то, что уже тогда его интересовали проблемы, связанные с товарами, потреблением и средствами потребления. Однако в своем использовании последнего в этом ряду понятия, особенно в сравнении его с парным понятием средств производства, присутствует логическое несовпадение.

Средства производства занимают промежуточное положение между работниками и продукцией; это средства, делающие возможным как производство товаров, так и контроль над рабочими и их эксплуатацию. В использовании Марксом понятия средств потребления они, напротив, выступают не как средства, а скорее как конечные продукты в марксистской модели потребления; это вещи (средства к существованию либо предметы роскоши), которые потребляются. Иначе говоря, Маркс *не* проводит различия между потребительскими товарами и тем, что мы в данном контексте подразумеваем под средствами потребления (например, крупные универмаги и круизНые суда). Другими словами, в творчестве Маркса в сфере потребления не присутствует какого-либо соответствия опосредующей и ускоряющей роли, выполняемой средствами производства.

Хотя Маркс и использовал термин *«средства потребления»,* он употреблял его не в соответствии с логикой и не в том смысле, в каком мы используем его здесь. Во-первых, средства потребления играют ту же опосредующую роль в потреблении, что и средства производства в марксистской теории производства. Таким образом, аналогично средствам производства, с помощью которых пролетариат производит товары и из-за которых он в качестве работников подвергается контролю и эксплуатации, средства потребления определяются как то, что обеспечивает приобретение людьми товаров и услуг и возможность контроля и эксплуатации этих же людей в качестве потребителей.

Понятие средств потребления возникает, хотя бы в качестве упоминания, у многих других авторов (Simmel, 1907/1978, p. 477; Zukin, 1991), но наиболее примечательна в этом отношении одна из ранних работ Жана Бодрийяра «Общество потребления» (Bandrillard, 1970/1998). На этом этапе своей карьеры Бодрийяр продолжал испытывать значительное влияние марксистской теории, однако через несколько лет, приобретая известность в качестве постмодернистского социального теоретика, он отказался от этого подхода. Что характерно, Бодрийяр не дает определения самого понятия, но его использованием поясняет, что (в отличие от Маркса) не смешивает средства потребления с потребляемыми товарами, а следует определению, которого придерживаемся мы. В качестве примера средств потребления Бодрийяр предлагает использовать парижский «аптекарский магазин». Вот описание одного из таких магазинов:

> Все, что имеет сходство с американской аптекой, втиснуто в один угол. Остальная часть этого удивительного заведения больше напоминает мини-универмаг, где продается вес: от книг до фотоаппаратов, игрушек, французских и иностранных газет и журналов, одежды; тут же ведется преуспевающая торговля на вынос: быстро приготовленные сандвичи, салаты и безалкогольные напитки, а также икра, жирный печеночный паштет и изысканные корзинки для пикников. Кафе снаружи магазина предлагает, как оно утверждает, «подлинное» американское меню (Rothenberg and Rothenberg, 1993, p. 38).

Парижский «аптекарский магазин», несомненно, является средством потребления в том смысле, что это — средство, социальная и экономическая структура, которая позволяет покупателям приобретать множество товаров.

Но это только отправная точка для Бодрийяра. Далее он говорит о целом районе как об «усугубленном аптекарском магазине». В данном контексте он опи-

сывает район Парли-2, с торговым центром, бассейном, клубом и жилой застройкой. Торговый центр представляет собой примером новых средств потребления. В качестве других примеров Бодрийяр рассматривает курорты (лыжные курорты, Клаб Мед) и терминалы в аэропортах.

Бодрийяр проявил дар предвидения, поскольку уже в конце 1960-х гг. заговорил о значении этих новых средств потребления. Однако он недостаточно разработал это понятие и связанные с ним явления. Кроме того, он ошибался, помещая в центр своего внимания парижский аптекарский магазин, имеющий в остальной части мира ограниченное значение. В сущности, сегодня аптекарские магазины поглощены импортом различных средств потребления, которые здесь и занимают наше внимание: ресторанов быстрого питания, всевозможных сетей, европейских Дисней-парков и т. д. Тем не менее понимание Бодрийяром средств потребления наиболее близко в ряду представленных в других произведениях определений подходит к принятому нами в настоящем рассмотрении значению данного термина.

Любые новые средства потребления современны в том смысле, что это главным образом новшества, возникшие и ставшие известными во второй половине XX в. Как и «Мак-Дональде», это в основном американские нововведения, которые не только изменили потребление в Соединенных Штатах, но и стали предметом агрессивного экспорта во множество других стран, где они оказывают еще более глубокое воздействие на потребление. В Соединенных Штатах они имеют столь большой успех, что служат образцами в таких различных сферах, как университеты, больницы, музеи, аэропорты, стадионы и даже церкви. Все эти сферы можно рассматривать как обслуживающие потребителей, и они все больше приобретают облик новых средств потребления.

Новые средства потребления современны и в более важном смысле: они чрезвычайно рационализированы, или макдональдизированы.

Эффективность. Например, крупный универмаг можно описать как чрезвычайно эффективный механизм продажи. Это, в свою очередь, делает его чрезвычайно эффективной «машиной для покупок» с точки зрения клиента. Очевидно, что потребление становится гораздо более эффективным для покупателя, если практически все магазины расположены в одном месте, где поблизости, помимо этого, имеется также просторное место парковки. Сходную эффективность обеспечивают клиентам в поиске конкретного вида товара суперунивермаги.

Исчисляемость. Отели Лас-Вегаса конкурируют друг с другом за предложение самого большого количества номеров, самого крупного казино, самых «широких прорезей для монет», самых интересных развлечений. Сходное соревнование наблюдается среди крупнейших круизных линий, которые гордятся тем, какое количество людей способны перевозить их суда, насколько велики их размеры, сколько тонн они весят, сколько разных развлечений они предлагают и т. д. В оптовых универмагах, в том числе в Уол-Марте, покупателей уверяют в том, что они могут полагаться на три количественно определяемые характеристики: низкие цены, большие партии, широкий ассортимент товаров. То же убеждение бытует относительно крупных универмагов, где товары можно купить со скидкой, хотя зачастую оно оказывается обманчивым. Установленные цены на дневной или недельный билет в Мир Диснея, а также многочисленные вывески с указанием на

то, сколько предположительно нужно простоять в очереди, чтобы попасть на определенный аттракцион, иллюстрирует подобную исчисляемость в сфере потребления туристических услуг.

Предсказуемость, обнаруживаемая в «Мак-Дональдсе», очевидна в более масштабных сетях, таких как «Хард-рок кафе». Например, меню, вкус пищи, даже гитары, висящие на стене, одинаковы — находитесь ли вы в Осаке, Берлине или Сан-Франциско. Такие сети универмагов, как «Поттери-Барн», «Крейт» и «Бар-рел», «Гэп» и «Дж. Кру», можно рассматривать как поднявшие стандартизацию на новый уровень. Эти сети принесли на массовый рынок дорогой дизайн, однако ценой этого стала продажа идентичных товаров в идентичных универмагах. По иронии судьбы, несмотря на то что эти сети предлагают единообразие и предсказуемость, они рекламируют себя как предлагающие индивидуальность.

Контроль с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор технологий. Можно говорить о том, что в крупном универмаге осуществляется чрезвычайный технологический контроль во всех аспектах функционирования универмага. Жестко контролируются температура, освещение, порядок и покупки. Цель состоит в контроле над покупателями. Время и пространство контролируются посредством построения крупных универмагов без окон и с малым количеством дверей; единообразие крупных универмагов означает, что они могут быть в любом месте; во многих случаях там нет часов; поддержание магазинов в хорошем состоянии и периодические перемены в интерьере создают впечатление, что эти крупные универмаги не старятся. В целом, во всем, что связано с крупными универмагами, присутствует идеальная безупречность. Часами бродят покупатели по универмагам, не замечая, как проходит время. Стимулируя это состояние, крупные универмаги создают условия для покупателя, чтобы он зашел в большее число магазинов, увидел больше товаров и услуг и больше их приобрел. Крупные универмаги контролируют, что мы покупаем, не только решая, что включить, а что исключить из ассортимента, но также применяя принцип «дополнительной привлекательности», благодаря которому повседневные предметы начинают казаться более желанными, когда окружены разнообразными более экзотическими предметами. Крупные универмаги управляют эмоциями покупателей, создавая оживленную, радостную и оптимистичную атмосферу. Детям предоставляется особый уход, и поэтому можно сказать, что они вырастают в контролируемой обстановке. Больший контроль осуществляется даже над служащими, которых можно считать узниками универмага.

Таким образом, мы видим, что новые средства потребления — чрезвычайно рациональные и, следовательно, во многом современные явления. Мы вернемся к вопросу новых средств потребления в главе 13, где будем рассматривать применение некоторых постсовременных идей к этим современным явлениям.

Есть ли опасность?

Одно из кажущихся противоречий в нашем рассмотрении заключается в контрасте между акцентом, который делают Гидденс и особенно Бек на рисках в современном мире, и предсказуемостью, которую я считаю характеристикой макдо-

нальдизированных обществ. Предсказуемый мир — это мир без неожиданностей, в том числе без неожиданностей, возникающих из-за рискованных предприятий. Можно ли примирить две эти точки зрения?

Гидденс и Бек действуют на одном уровне анализа, тогда как я работаю на совершенно другом уровне. Гидденса и Бека интересуют главным образом из ряда вон выходящие события и обстоятельства, например катастрофы, связанные с атомными электростанциями и ядерным оружием. Очевидно, что здесь присутствуют огромные риски, риски, которые могут иметь неблагоприятные последствия на значительных промежутках времени и пространства. Я, напротив, в основном рассматриваю более обыденные стороны нашей жизни, например гамбургеры или маисовые лепешки, которые мы съедаем в обеденное время, или кредитные карточки, которыми мы пользуемся, чтобы за них расплатиться. Столь же очевидно, что здесь практически нет никакого риска — мы получим ожидаемый гамбургер или маисовую лепешку, и компания-эмитент кредитных карточек заплатит ресторану быстрого питания.

Но здесь возникает и более глубокий вопрос: могут ли макдональдизироваться описанные Гидденсом и Беком события и обстоятельства? Я думаю, ответ заключается в том, что они не только могут быть макдональдизированы, но они уже рационализированы в очень значительной степени. Атомная электростанция, конечно, функционирует эффективно, работает предсказуемо, опирается на количественные критерии и применяет широкий ряд унифицированных технологий, однако, как и другие макдональдизированные системы, она порождает иррациональные проявления рациональности, в том числе редкие, но разрушительные аварии.

Кроме того, веберовская теория рациональности, особенно присутствующее в ней понимание иррациональности рационального очень хорошо объясняет большинство описанных Гидденсом и Беком рисков. Большинство рискованных сфер в значительной степени рационализированы, однако иррациональные моменты всегда возможны. Бек, в сущности, говорит о том же, только в контексте ошибочного отрицания веберовского тезиса: «Концепция "рационализации" Макса Вебе-ра более не охватывает эту позднесовременную действительность, порожденную успешной рационализацией. *«Наряду с растущими возможностями технических опций* (Zweckrationalitat — целерациональность) *возрастает неисчисляемостъ их последствий»* (1992, p. 22). Проблема в том, что иррациональные проявления, связанные с рискованными предприятиями, гораздо важнее тех, которые связаны с ресторанами быстрого питания. Ядерная катастрофа намного серьезнее, чем подгорелый гамбургер или забракованная кредитная карточка.

Решаясь вступить в сферу, охватываемую макдольнадизацией, Бек почти вторит этому тезису:

> Индивидуализация означает рыночную зависимость во всех измерениях жизни. Возникающие формы существования — это изолированный *массовый рынок,* не осознающий себя, и *массовое потребление* домов, обстановки и предметов повседневного использования типовой разработки, а также мнений, привычек, установок и стилей жизни, запущенных и привитых средствами массовой информации. Иначе говоря, индивидуализация подвергает людей внешнему контролю и стандартизации, не известных в анклавах родовых и феодальных субкультур (Beck, 1992, p. 132).

Аналогично Гидденс в своем рефлексивном мире множества опций видит нечто наподобие макдональдизации в той же сфере, которую исследовал я: «Конечно, существует стандартизирующее влияние — особенно в форме коммодификации» (Giddens, 1991, p. 5). Обобщая, Гидденс пишет: «Абстрактные системы современности создают значительные области относительной безопасности в продолжение повседневной жизни» (1991, p. 133).

Еще одно различие заключается в том, что Гидденс (Англия) и Бек (Германия) пишут с европейской точки зрения, тогда как я выступаю с американской позиции. 1970-е и 1980-е гг., когда мы все — три теоретика — формировали свои идеи, в Европе были годами противостояния между Востоком и Западом и угрозы ядерной войны. Эта опасность сильнее ощущалась в Европе, чем в Соединенных Штатах, отчасти по причине близости Европы к бывшему Советскому Союзу и отчасти по причине того, что Европа непосредственно пережила на собственном опыте разрушительное действие войны. Это настроение заставило Гидденса, например, сказать: «Мир, в котором мы сегодня живем, чреват последствиями и опасен» (Giddens, 1990, p. 10). Американцы, хотя и далеко не свободны от опасности, как правило, склонны видеть мир вовсе не столь опасным.

Современность и Холокост

Как для меня современным образцом формальной рациональности стал ресторан быстрого питания, в свою очередь для Зигмунда Баумана (Bauman, 1989,1991) это Холокост — систематическое уничтожение евреев нацистским режимом. Бауман пишет: «Рассматриваемый в качестве сложной целенаправленной операции, Холокост может служить образцом современной бюрократической рациональности» (1989, p. 149). Многим покажется неприличным обсуждать рестораны и Холокост в одном и том же контексте. Тем не менее в социологическом мышлении относительно современной рациональности прослеживается отчетливая связь от бюрократии к Холокосту и далее к ресторанам быстрого питания. Веберовские принципы рациональности можно с пользой и смыслом применить к каждому из этих явлений. Те, кто осуществлял Холокост, применяли бюрократию в качестве одного из своих основных орудий. Условия, делавшие Холокост возможным, особенно система формальной рациональности, продолжают существовать и сегодня. Действительно, процесс макдональдизации указывает не только на то, что формально-рациональные системы продолжают существовать, но и на то, что они в значительной мере расширяются. Таким образом, с точки зрения Баумана, при верном наборе обстоятельств современный мир был бы способен даже на большую мерзость (если такое вообще возможно), чем Холокост.

Плод современности

Бауман, в отличие от большинства, не считает Холокост ненормальным явлением: он понимает его как во многих отношениях «нормальный» аспект современного рационального мира:

> Истина в том, что каждый «ингредиент» Холокоста — каждое из множества обстоятельств, которые сделали его возможным — было нормальным; «нормальным» не в смы-

> еле обычного... а в том смысле, что полностью согласовывался со всем, что мы знаем о нашей цивилизации, ее основной сущности, ее приоритетах, присущем ей видении мира (Bauman, 1989, p. 8)

Таким образом, по Бауману, Холокост был плодом современности, а *не,* как рассматривает его большинство людей, результатом распада современности или особого пути, выбранного в ее рамках (Joas, 1998; Varcoe, 1998). Говоря языком Вебера, между холокостом и современностью была «избирательная близость».

Например, Холокост включал в себя применение базовых принципов индустриализации в целом и фабричной системы, в частности, для уничтожения человека:

> [Освенцим] был также обыденным продолжением современной фабричной системы. Вместо производства товаров сырьем здесь были люди, а конечным продуктом — смерть, количество единиц в день аккуратно отмечалось в производственных таблицах управляющего. Из дымовых труб, настоящего символа современной фабричной системы, валил едкий дым, получавшийся при горении человеческой плоти. Блестяще организованный железнодорожный сортировочный парк современной Европы доставлял новый вид сырья к фабрикам. Он делал это точно так же, как и в случае любого другого груза... Инженеры спроектировали крематории; управляющие разработали бюрократическую систему, действовавшую энергично и эффективно... Мы были свидетелями настоящей массивной программы социального инжиниринга (Feingold, цит. по: Bauman, 1989, p. 8)

Нацистам удалось соединить рациональные достижения промышленности с рациональной бюрократией и затем использовать их в целях уничтожения людей. Современность, воплощенная в этих рациональных схемах, не была достаточным условием для Холокоста, однако она, несоменнно, была необходимым условием. Без современности и рациональности «Холокост был бы невообразим» (Bauman, 1989, p. 13).

Роль бюрократии

Немецкая бюрократия не просто осуществила Холокост — в самом подлинном смысле она создала Холокост. Задача «избавления от евреев», как ее определял Гитлер, была подхвачена немецкими бюрократами, и по мере разрешения ими ряда повседневных проблем, истребление возникло как лучшее средство для достижения цели, определенной Гитлером и его приспешниками. Таким образом, Бауман утверждает, что Холокост не был результатом иррациональности или досовременного варварства — скорее это был продукт современной, рациональной бюрократии. Создали Холокост и управляли им не сумасшедшие, а чрезвычайно рациональные и в остальных отношениях вполне нормальные бюрократы.

В сущности, предыдущие попытки, например эмоциональные и иррациональные погромы, не могли осуществить массового истребления, которое отличает Холокост. Подобное массовое искоренение требовало чрезвычайно рационализированного и бюрократизированного процесса. Такой иррациональный взрыв, как погром, мог уничтожить некоторое количество людей, но никогда не был способен успешно осуществить массовое истребление масштаба Холокоста. Как пишет Бауман, «гнев и ярость — ничтожно примитивные и неэффективные орудия

массового уничтожения. Обычно они иссякают прежде, чем выполнена основная работа» (Bauman, 1989, p. 90). Напротив, современный геноцид, творимый нацистами, имел представлявшуюся рациональной цель — создание «лучшего» общества (к сожалению, с точки зрения нацистов, лучшим было общество, свободное от «вредных евреев»), и нацисты и их бюрократы хладнокровно и методично действовали в направлении достижения этой цели.

В отличие от большинства исследователей, Бауман не считает бюрократию просто нейтральным орудием, которым можно действовать в любом направлении. Бауман понимает бюрократию как «более похожую... на заряженный механизм» (Bauman, 1989, p. 104). Хотя ее можно использовать как для жестоких, так и для гуманных целей, вероятнее, что она будет благоприятствовать бесчеловечным деяниям. «Она запрограммирована на измерение оптимума на основе, не отличающей один человеческий объект от другого или одушевленные объекты от неодушевленных» (Bauman, 1989, p. 104). И бюрократия, учитывая ее базовые характеристики, обычно доводила бесчеловечную задачу до конца, и даже дальше. Бюрократы малокомпетентны в других областях, и они также благоприятствовали Холокосту. Например, в бюрократиях средства часто превращаются в цели, в данном случае средство — уничтожение — тоже часто становилось целью.

Бюрократия и ее чиновники, конечно, не могли сами создать Холокост; требовались другие факторы. Во-первых, существовал неоспоримый контроль со стороны государственного аппарата, обладавшего монополией на средства насилия над остальным обществом. Другими словами, в нацистской Германии практически не было уравновешивающих властных влияний. А государство находилось под контролем Адольфа Гитлера, обладавшего способностью заставлять государство выполнять его приказания. Во-вторых, существовал специфически современный, рациональный вид антисемитизма, в котором евреев систематически отрезали от остальной части общества и изображали так, будто они мешали Германии стать «идеальным» государством. Для этого немцы должны были истребить тех, кто стоял на пути достижения совершенного общества. Немецкая наука (сама чрезвычайно рационализированная) применялась, чтобы способствовать установлению несовершенства евреев. Из провозглашения их ущербными и представляющими собой препятствие для идеального общества следовало, что единственным решением было их уничтожение. А как только устанавливалось, что они должны быть уничтожены, единственно важным вопросом, который вставал перед бюрократом, было нахождение наиболее эффективного способа достижения этого результата.

Сыграл свою роль также и тот фактор, что в таких современных структурах, как бюрократии, нет места нравственным соображениям. Никто не задавался вопросом: правильно ли уничтожать евреев? Отсутствие такого этического беспокойства — еще одна причина того, что Холокост — столь современное явление.

Холокост и макдональдизация

Холокост обладал всеми свойствами «макдональдизации». Несомненно, в нем присутствовал упор на эффективность. Например, газ определили гораздо более эффективным методом уничтожения большого числа людей, чем пули. Холокост обладал предсказуемостью конвейера: это были длинные составы, ползущие

в лагеря смерти, длинные людские ряды, текущие в «душ», «производство» огромных груд тел для ликвидации в конце процесса. Холокост был исчисляем в том смысле, что упор делался на количественных факторах, например на том, сколько людей можно уничтожить и за сколь короткое время.

> Для железнодорожных управляющих единственно значимая артикуляция объекта существует на уровне количества тонн на километр. Они не имеют дела с людьми, овцами или колючей проволокой, они имеют дело лишь с грузом, и это означает сущность, целиком состоящую из количественных величин и лишенную качественных характеристик. Для большинства бюрократов даже такая категория, как груз, значила бы ограничение, слишком определенно связанное с качеством. Они принимают в расчет только финансовые результаты своих действий. Их цель — деньги (Bauman, 1989, p. 103).

Несомненно, мало внимания уделялось качеству жизни и даже смерти евреев, неумолимо маршировавших в газовые камеры. В другом, количественном смысле Холокост был самым радикальным из массовых уничтожений:

> Как и все, что делается современным — рациональным, спланированным, научно обоснованным, экспертным, эффективно управляемым, координируемым — образом, Холокост превзошел и посрамил все явления, признаваемые его современными эквивалентами, выставив их примитивными, расточительными и неэффективными по сравнению с собой. Как и все в нашем современном обществе, Холокост был свершением во всех отношениях превосходным... Он намного возвышается над прошлыми эпизодами геноцида (Bauman, 1989, p. 89).

Наконец, Холокост использовал унифицированные технологии, такие, как уставы и предписания в лагерях и поточная работа газовых камер, с целью держать под контролем и заключенных и охрану.

Конечно, наилучшим образом соответствующей Холокосту характеристикой макдональдизации является иррациональность рациональности, особенно дегуманизация. Здесь Бауман применяет понятие дистанцирования, чтобы показать, что дегуманизация жертв возможна потому, что бюрократы, которые принимают относительно них решения, не имеют с ними личных контактов. Помимо этого, жертвы превращаются в объект манипуляции и ликвидации, цифры в гроссбухе — это не люди. В общем, «немецкий бюрократический аппарат был поставлен на службу цели, непостижимой в своей иррациональности» (Bauman, 1989, p. 136).

Один из наиболее интересных моментов в рассуждениях Баумана заключается в том, что рациональная система, введенная нацистами, захватила своих жертв — евреев. Гетто было преобразовано в «ответвление губительной машины» (Bauman, 1989, p. 23). Так,

> лидеры обреченных общин выполняли основную часть предварительной бюрократической работы, требовавшейся процессу (снабжали нацистов данными и содержали архив на будущих жертв), заведовали производством и распределением, требовавшимися, чтобы жертвы оставались живыми до тех пор, пока газовые камеры не будут готовы их принять, охраняли плененное население, так, чтобы закон и порядок не требовали никаких затрат со стороны захватчиков, обеспечивали гладкое течение процесса уничтожения, определяя объекты его последующих стадий, доставляли избранные

> объекты в место, откуда их можно было забрать с минимальными затратами, и мобилизовывали финансовые ресурсы, необходимые для оплаты последнего путешествия (Bauman, 1989, p. 118).

(Это сходно с идеей о том, что в макдональдизированном мире покупатели превращаются в неоплачиваемых работников этой системы: сами делают салаты, сами убирают за собой и т. д.) При «обычном геноциде» убийцы и убиваемые отделены друг от друга. Убийцы планируют сделать со своими жертвами что-то ужасное, в результате чего вероятно сопротивление потенциальных жертв. Однако такое сопротивление гораздо менее вероятно, когда жертвы являются неотъемлемой частью «системы», созданной преступниками.

Что касается действий евреев, сотрудничавших с нацистами, то они вели себя рационально. Они делали то, что было необходимо, для того чтобы, например, остаться в живых еще на какое-то время или быть выбранными в качестве заслуживающих особого, более мягкого обращения. Они даже использовали рациональные инструменты, например, считали, что принесение в жертву нескольких человек спасет многих, или что если бы они не сотрудничали с нацистами, то умерло бы гораздо больше людей. В конечном счете, такие действия были иррациональны, поскольку способствовали процессу геноцида и снижали вероятность сопротивления ему.

Современность гордится своей цивилизованностью, тем, что обладает необходимыми гарантиями, чтобы никогда не случилось ничего подобного Холокосту. Но все же это произошло; предосторожности были недостаточны для того, чтобы это предотвратить. Сегодня рационализация не утратила своего влияния, и оно пожалуй, даже, сильнее, чем прежде. Трудно предположить, что защитные механизмы, необходимые для предотвращения неистовства рационализации, сегодня сколько-нибудь сильнее, чем в 1940-х гг. Как пишет Бауман: «Ни одно из социетальных условий, сделавших возможным Освенцим, в действительности не исчезло, и никаких эффективных мер не было принято, чтобы предотвратить... подобные Освенциму катастрофы» (1989, p. 11). Для предотвращения нового холокоста необходимы сильная мораль и плюрализм политических сил. Но все же сохраняется вероятность эпохи преобладания единственной власти, и трудно поверить, что мы имеем достаточно сильную этическую систему, чтобы предотвратить новое слияние могущественного лидера и энергичной и волевой бюрократии.

Незавершенный проект современности

Юрген Хабермас, предположительно, не только ведущий социальный теоретик на сегодня, но также активный поборник современности и рациональности вопреки нападкам на эти воззрения со стороны постмодернистов (и не только). Согласно Сэйдману,

> в отличие от многих современных интеллектуалов, занявших анти- или постмодернистскую позицию, Хабермас в институциональном устройстве современности видит структуры рациональности. В то время как многие интеллектуалы стали скептически относиться к освободительному потенциалу современности... Хабермас продолжает настойчиво говорить об утопических возможностях современности. В социальной си-

> туации, в которой вера в провозглашенную Просвещением программу построения идеального общества с помощью разума являет собой гаснущую надежду и отвергнутого идола, Хабермас остается одним из ярых ее защитников (Seidman, 1989, p. 2).

Хабермас (Habermas, 1991,1987b) понимает современность как «незавершенный проект», имея в виду, что в современном мире еще должно быть сделано многое, прежде чем мы сможем говорить о возможности постсовременного мира (Scambler, 1996).

В главе 11 мы рассмотрели значительную часть размышлений Хабермаса о современности, когда знакомились с его рассуждениями о системе, жизненном мире и колонизации жизненного мира системой. Можно сказать, что Хабермас (Habermas, 1986, p. 96) занимается «теорией патологии современности», поскольку он считает, что современность находится в противоречии сама с собой. Под этим он подразумевает, что рациональность (в основном, формальная рациональность), которая стала характеризовать социальные системы, отлична от рациональности, характеризующей жизненный мир, и находится с ней в противоречии. Социальные системы стали более сложными, дифференцированными, интегрированными и характеризуемыми инструментальным разумом. Жизненный мир тоже претерпел возрастающую дифференциацию и уплотнение (за исключением фундаментальных знаний и ценностных сфер истины, добра и красоты), секуляризацию и институционализацию норм рефлексивности и критики (Seidman, 1989, p. 24). В рациональном обществе рационализация *как* системы, *так и* жизненного мира могла бы следовать своим особым путем, подчиняться своей собственной логике. Рационализация системы и жизненного мира привела бы к возникновению общества, в котором присутствовало бы *и* материальное изобилие наряду с контролем над внешней средой (как следствие рациональных систем), *и* истина, добро, и красота (проистекающие из рационального жизненного мира). Однако в современном мире система стала главенствовать и подвергла жизненный мир колонизации. В результате, хотя мы имеем возможность вкушать плоды рационализации системы, мы лишаемся богатства жизни, которое стало бы возможным, если бы мог расцвести и жизненный мир. Многие социальные движения, возникшие на «границе» между жизненным миром и системой за несколько последних десятилетий, можно объяснить сопротивлением колонизации и обеднению жизненного мира.

Анализируя колонизацию жизненного мира системой, Хабермас сравнивает свою теорию с примерами из истории социальной мысли:

> Основное направление социальной теории — от Маркса через Спенсера и Дюркгейма до Зиммеля, Вебера и Лукача — должно рассматриваться как ответ на вхождение внешнесистемных границ в само общество [жизненный мир Хабермаса], на возникновение «внутренней чужой территории»... которое понимается как *отличительная черта современности»* (Habermas, 1991, p. 255-256; курсив мой).

Иначе говоря, «отличительной чертой современности», по мнению Хабермаса, а также большинства классических теоретиков, является, используя термин Хабермаса, колонизация жизненного мира системой.

Что же тогда, по Хабермасу, есть завершение проекта современности? Кажется очевидным, что конечным результатом должно быть совершенно рациональное

Юрген Хабермас: биографический очерк

Юрген Хабермас, возможно, — важнейший социальный теоретик в мире сегодня. Он родился в немецком городе Дюссельдорфе 18 июня 1929 г. в довольно традиционной семье среднего класса. Отец Хабермаса был директором Торговой Палаты. В раннем подростковом возрасте, в период Второй мировой войны, Хабермас испытал сильное ее воздействие. Окончание войны принесло новые надежды и возможности для многих немцев, в том числе и для Хабермаса. Крах нацизма вызвал оптимистические настроения относительно будущего Германии, но Хабермас был разочарован из-за отсутствия значительного прогресса в первые послевоенные годы. С концом нацистского режима появилось множество интеллектуальных возможностей, и ранее запрещенные книги стали доступны юному Хабермасу. Это была западная и немецкая литература, в том числе трактаты Маркса и Энгельса. Между 1949 и 1954 гг. Хабермас изучал разнообразные предметы (например, философию, психологию, немецкую литературу) в Геттингене, Цюрихе и Бонне. Однако ни один из преподавателей учебных заведений, где учился тогда Хабермас, не был выдающимся, и большинство из них было скомпрометировано тем, что открыто поддерживали нацистов или просто продолжали при нацистском режиме выполнять свои академические обязанности. Хабермас получил докторскую степень в университете Бонна в 1954 г. и в течение двух лет работал журналистом.

В 1956 г. Хабермас начал работать во Франкфуртском институте социальных исследований и сотрудничать с Франкфуртской школой. Действительно, он стал научным ассистентом одного из самых знаменитых представителей этой школы — Теодора Адорно, а также членом корпорации Института (Wiggershaus, 1994). Хотя Франкфуртскую школу часто считают весьма последовательной, Хабермас так не считал:

> Для меня никогда не существовало последовательной теории. Адорно писал очерки о критике культуры и устраивал семинары по Гегелю. Он представлял определенные марксистские истоки — и это было верхом совершенства(НаЬеггглаз, цит. по: Wiggershaus, 1994, p. 2).

Сотрудничая с Институтом социальных исследований, Хабермас тем не менее с самого начала демонстрировал независимую интеллектуальную ориентацию. В 1957 г. написанная Хабермасом статья стала причиной раздора с директором Института, Максом Хоркхаймером. Хабермас настаивал на критическом образе мысли и практических действиях, но Хоркхаймер опасался, что такая позиция может представлять собой опасность для Института, который финансировался из бюджета. Хоркхаймер настоятельно рекомендовал уволить Хабермаса из Института: «Вероятно, перед ним хорошая, или даже блестящая, писательская карьера, но Институту он бы только причинил огромный вред» (цит. по Wiggershaus, 1994, p. 555). В конце концов, статью опубликовали, но не под патронажем Института и фактически без упоминания о нем. В конечном счете, Хоркхаймер создал Хабермасу невозможные условия работы, и тот уволился.

общество, в котором рациональность как системы, так и жизненного мира могла бы выражать себя полностью, и одна не разрушала бы другой. В настоящее время мы наблюдаем обеднение жизненного мира, и данную трудность следует преодолеть. Однако выход видится Хабермасом не в разрушении систем (особенно экономической и административной систем), поскольку именно они обеспечивают материальные предпосылки, необходимые для рационализации жизненного мира. Один из рассматриваемых Хабермасом (Habermas, 1987b) вопросов — трудности, с которыми сталкивается современное бюрократическое государство социального благосостояния. Многими эти проблемы признаются, однако предлагается решать их на уровне системы, например, простым добавлением новой подсисте-

Юрген Хабермас: биографический очерк (окончание)

В 1961 г. Хабермас стал приват-доцентом и защитил свою вторую диссертацию в Марбургском университете. К тому времени Хабермас уже опубликовал ряд заметных работ, и был рекомендован на место преподавателя философии Гейдельбергского университета еще до защиты второй диссертации. В Гейдельберге он оставался до 1964 г., а затем перешел в университет Франкфурта на должность преподавателя философии и социологии. С 1971 по 1981 год он возглавлял Институт Макса Планка. Хабермас вернулся во Франкфуртский университет на место преподавателя философии, а в 1994 г., выйдя в отставку, стал заслуженным профессором этого университета. Он получил ряд престижных академических наград и был удостоен титула почетного профессора нескольких университетов.

В течение многих лет Хабермас был ведущим неомарксистом в мире. Однако со временем его творчество развивалось и вобрало в себя различные теоретические течения. Хабермас продолжает верить в будущее современного мира. Именно в этом смысле Хабермас и пишет о незавершенном проекте современности. Тогда как Маркс помещал в центр своего внимания труд, Хабермаса главным образом занимает коммуникация, которую он считает процессом более общего характера, чем труд. В то время как Маркс сосредоточивался'на том искажающем влиянии, которое оказывает на труд структура капиталистического общества, Хабермаса интересует, каким образом структура современного общества искажает коммуникацию. Тогда как Маркс стремился к будущему миру содержательного и созидательного труда, Хабермас стремится к будущему обществу, характеризуемому свободной и открытой коммуникацией. Таким образом, между теориями Маркса и Хабермаса наблюдаются поразительные сходства. Если говорить в целом, то оба теоретика — модернисты, которые убеждены в том, что в их эпоху проект современности (творческий и удовлетворяющий человека труд у Маркса и открытая коммуникация у Хабермаса) еще незавершен. Кроме того, оба верили, что в будущем данная программа будет полностью реализована.

Именно эта приверженность модернизму и вера в будущее отличает Хабермаса от многих ведущих мыслителей современности, таких, как Жан Бодрийяр и другие постмодернисты. В то время как последние зачастую доходят до нигилизма, Хабермас продолжает верить в проект всей своей жизни (и современности). Подобным же образом, тогда как другие постмодернисты (например, Лиотар) отрицают возможность создания «великих повествований», Хабермас продолжает развивать и поддерживать то, что, возможно, является наиболее значительной «большой теорией» в современной социальной мысли. Для Хабермаса в его борьбе с постмодернистами многое поставлено на карту. Если победа останется за ними, Хабермаса можно будет считать последним великим модернистским мыслителем. Если же победителем выйдет Хабермас (и его сторонники), его можно будет рассматривать как спасителя модернистского проекта и «большой теории» в социальных науках.

мы для разрешения сложностей. Однако Хабермас не считает, что с этими трудностями можно справиться таким способом. Он полагает, что подобные проблемы следует решать во взаимосвязи системы и жизненного мира. Во-первых, следует установить «сдерживающие барьеры», чтобы уменьшить влияние системы на жизненный мир. Во-вторых, должны быть созданы «датчики», с тем чтобы увеличить воздействие жизненного мира на систему. Хабермас заключает, что современные проблемы нельзя решить, «если системы научатся лучше функционировать. Скорее импульсы жизненного мира должны быть способны внедряться в самоуправление функциональных систем» (Habermas, 1987b, p. 364). Указанные шаги стали бы важными этапами на пути к созданию взаимообогащающих друг друга жиз-

ненного мира и системы. Именно здесь на сцену выходят социальные движения, поскольку они олицетворяют надежду на новое соединение системы и жизненного мира, при котором рационализация сможет проявиться в обоих в максимально возможной степени.

Хабермас мало надеется на Соединенные Штаты, которые, кажется, склонны поддерживать рациональность системы за счет дальнейшего обеднения жизненного мира. Однако он возлагает надежды на Европу, которая может положить «конец ошибочному представлению о том, что нормативное содержание современности, заключенное в рационализированных жизненных мирах, можно высвободить лишь средствами еще более сложных систем» (Habermas, 1987b, p. 366). Таким образом, Европа обладает возможностью «решающим образом» усвоить «наследие западного рационализма» (Habermas, 1987b, p. 366). Сегодня это наследие преобразуется путем наложения ограничений на рациональность системы с целью дать рациональности жизненного мира возможность расцвести до той степени, когда оба вида рациональности смогли бы сосуществовать в современном мире на равных. Такое полноценное сотрудничество рациональностеи системы и жизненного мира стало бы завершением проекта современности. Поскольку мы еще далеки от этой цели, мы далеки и от конца современности, не говоря уже о приближении или наступлении эпохи постмодернизма.

Хабермас против постмодернистов

Хабермас приводит доводы не только в пользу современности, но также против постмодернистов. Некоторая начальная критика проводится им в эссе «Современность против постсовременности» (1981), получившем широкое признание.[1] В этом эссе Хабермас поднимает следующий вопрос: «нужно ли нам в свете неудач XX в. и дальше придерживаться *целей Просвещения,* как бы они ни были неадекватны, или нам следует объявить весь проект современности неудавшимся?» (1981, p. 9). Конечно, Хабермас не является сторонником отказа от программы Просвещения или, иначе говоря, современности. Он предпочитает сфокусироваться на «ошибках» тех, кто отвергает современность. Одно из существенных заблуждений последних состоит в желании отказаться от науки, особенно от науки жизненного мира. Отделение науки от жизненного мира и предоставление ее экспертам в сочетании с созданием других автономных сфер вызвало бы отказ от «проекта современности в целом» (Habermas, 1981, p. 14). Хабермас не отрицает возможность рационального, «научного» понимания жизненного мира, равно как и возможность рационализации этого мира.

Холуб (Holub, 1991) предложил обзор основной критики Хабермасом постмодернистов. Во-первых, постмодернисты не говорят однозначно о том, что они создают: серьезную теорию или беллетристику. Если относиться к ним как к создателям серьезной теории, тогда их творчество становиться абсурдным из-за «их отказа использовать институционально учрежденную лексику» (Holub, 1991, p. 158). Другой стороны, если трактовать творчество постмодернистов как литературу,

[1] Есть ощущение, что в своем более позднем творчестве Хабермас проводит более мягкую и более Детальную критику постмодернизма (Peters, 1994).

«тогда их аргументы утратят весь логический смысл» (Holub, 1991, p. 158). В любом случае становится практически невозможно провести серьезный критический анализ творчества постмодернистов, поскольку они всегда могут заявить, что мы не понимаем смысла их слов или их литературных приемов.

Во-вторых, Хабермас считает, что постмодернистами движут определенные нормативные настроения, но каковы эти настроения, от читателя скрывается. Таким образом, читатель не способен из сформулированных ими целей понять, что на самом деле они берут в расчет, почему они критикуют общество. Кроме того, умалчивая о своих нормативных установках, постмодернисты при этом вслух отвергают такие установки. Отсутствие подобных высказанных мнений препятствует разработке постмодернистами осознанной практики, нацеленной на преодоление тех сложностей, которые они обнаруживают в мире. Ясность и отчетливая формулировка Хабермасом своих пристрастий (свободная и открытая коммуникация), напротив, проясняет источник его критики общества и формирует основу для политической практики.

В-третьих, Хабермас обвиняет постмодернизм в том, что это обобщающий подход, который не может «различать явления и практики, происходящие в современном обществе» (Holub, 1991, p. 159). Например, утверждение о том, что в мире господствуют власть и надзор, недостаточно детализировано для того, чтобы был возможен полноценный анализ реальных источников угнетения в современном мире.

Наконец, постмодернисты обвиняются в игнорировании той сферы, которую Хабермас однозначно считает главной, — повседневной жизни и ее практик. Эта оплошность постмодернистов означает двойной недостаток. С одной стороны, они отрезаны от существенного источника разработки нормативных стандартов. В конце концов, рациональный потенциал, присутствующий в повседневной жизни, является для Хабермаса источником его идей о коммуникативной рациональности (Cooke, 1994). С другой стороны, повседневный мир также образует конечную цель деятельности социальных наук, поскольку именно здесь теоретические представления могут иметь влияние на практику.

Хабермас (Habermas, 1994, p. 107) формулирует удачное обобщение своих взглядов на современность-постсовременность, которое послужит для нас переходом к следующей главе книги, где мы рассмотрим постмодернистскую социальную теорию: «Понятие современности более не выступает с обещанием счастья. Но, несмотря на все разговоры о постсовременности, этой форме жизни нет явных рациональных альтернатив. Что же нам тогда остается, кроме поиска практических улучшений в *рамках* этой формы жизни?»

Информационализм и сетевое общество

Один из недавних вкладов в современную социальную теорию — трилогия Мануэля Кастеллса (Castells, 1996, 1997, 1998) под общим заголовком «Информационный век: экономика, общество и культура». Кастеллс (1996, p. 4) выражает позицию, противоположную позиции постмодернистской социальной теории, которая, как он считает, потворствует «празднованию конца истории и, в определенной мере, конца Разума, отрицая нашу способность понимать и осмысливать»:

> Программа, формирующая эту книгу, направлена против разрушения и находится в оппозиции к различным формам интеллектуального нигилизма, социального скептицизма и политического цинизма. Я верю в рациональность и в возможность обращения к разуму... Я верю в возможности осмысленного социального действия... Да, несмотря на давнюю традицию порой трагических интеллектуальных ошибок, я верю в то, что наблюдение, анализ и построение теории способствуют созданию иного, лучшего мНра(Castells, 1996, p. 4)

Кастеллс изучает возникновение нового общества, культуры и экономики в свете начавшейся в Соединенных Штатах в 1970-х гг. революции в информационной технологии (телевидение, компьютеры и т. д.). Эта революция, в свою очередь, привела к фундаментальной перестройке капиталистической системы, начиная с 1980-х гг., и к появлению того, что Кастеллс называет «информационным капитализмом». Помимо этого, возникали «информационные общества» (хотя между ними существуют значительные культурные и институциональные различия). Обе указанные формы основаны на «информационализме» («способе развития, при котором основным источником производительности становится качественная способность оптимизировать сочетание и использование факторов производства на основе знания и информации» [Castells, 1998, p. 7]). Распространение информационализма, особенно информационного капитализма, приводит к возникновению оппозиционных социальных движений, основывающихся на личности и идентичности («процесс, посредством которого социальный актор осознает себя и конструирует значение прежде всего на основе данного культурного признака или набора признаков, исключая более широкое обращение к другим социальным структурам» [Castells, 1996, p. 22]). Такие движения вызывают современный эквивалент того, что марксисты именуют «классовой борьбой». Надежду на противодействие распространению информационного капитализма и проблемам, которые он порождает (эксплуатация, ограничение доступа, угроза личности и идентичности), олицетворяет не рабочий класс, а разнообразные социальные движения (например, экологическое, феминистское), опирающиеся главным образом на идентичность.

Сущность проводимого Кастеллсом анализа состоит в том, что он называет парадигмой информационной технологии. Последняя обладает пятью основными свойствами. Во-первых, это технологии, которые воздействуют на информацию. Во-вторых, поскольку информация выступает составной частью всей человеческой деятельности, эти технологии оказывают повсеместное влияние. В-третьих, все системы, которые используют информационные технологии, определяются «сетевой логикой», которая позволяет им воздействовать на множество процессов и организации. В-четвертых, новые технологии весьма гибки, что позволяет им постоянно изменяться и адаптироваться. В-пятых, отдельные связанные с информацией технологии соединяются в чрезвычайно интегрированную систему.

В 1980-х гг. возникла новая глобальная информационная экономика с возрастающей прибыльностью. «Она *информационная* потому, что производительность и конкурентоспособность ее хозяйственных единиц или агентов (будь то фирмы, регионы или государства) фундаментальным образом зависят от их способности

производить, обрабатывать и эффективно применять основанную на знаниях информацию» (Castells, 1996, p. 66). Она глобальная потому, что обладает *«способностью функционировать как единое целое в реальном времени в масштабах всей планеты»* (Castells, 1996, p. 92). Впервые это стало возможным благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям. Новая экономика . «информационная, а не просто основанная на информации, потому что культурно-институциональные свойства всей социальной системы должны быть включены в распространение и осуществление новой технологической парадигмы» (Castells, 1996, p. 91). Несмотря на то что новая экономика носит глобальный характер, существуют определенные различия, и Кастеллс выделяет регионы, образующие основу новой глобальной экономики (Северная Америка, Европейский Союз и Юго-Восточная Азия). Таким образом, мы говорим о разделенной на регионы глобальной экономике. Кроме того, существуют значительные различия внутри каждого региона, и крайне важно, что, тогда как некоторые области земного шара включаются в этот процесс, другие из него исключаются и испытывают на себе серьезные негативные последствия. Исключаются целые области мирового пространства (например, Африка южнее Сахары), а также части привилегированных регионов (например, часть городов в Соединенных Штатах).

Возникновению новой глобальной информационной экономики сопутствует появление новой организационной формы — сетевого предприятия. Среди прочего, сетевое предприятие характеризуется гибким (а не массовым) производством, новыми системами управления (зачастую перенимаемыми из японских моделей менеджмента), организациями, основанными скорее на горизонтальной, а не на вертикальной модели и соединением крупных корпораций в стратегические альянсы. Однако, что самое важное, фундаментальным компонентом организаций является совокупность сетей. Именно по этой причине Кастеллс (Castells, 1996, p. 171) утверждает, что «новая организационная форма возникла как характерная для информационной/глобальной экономики: *сетевое'предприятие»,* определяемое как *«специфическая форма предприятия, система средств которого образуется пересечением сегментов автономных систем целей».* Сетевое предприятие есть материализация культуры глобальной информационной экономики, и это делает возможным преобразование сигналов в товары посредством обработки знаний. В результате, изменяется природа труда (например, индивидуализация труда посредством введения гибких форм графика рабочего времени), хотя конкретный характер этого изменения различен от государства к государству.

Кастеллс (Castells, 1996, p. 373) также рассматривает возникновение (которым сопровождается развитие средств мультимедийных технологий, происходящее из слияния средств массовой информации и компьютерных технологий) культуры *реальной виртуальности, «системы, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) всецело захватывается, полностью погружается в обстановку виртуальных образов, в мир воображаемого, в котором изображения не просто возникают на экране, через который передается опыт, а сами становятся опытом».* В отличие от прошлого, в котором господствовало «пространство мест» (например, такие города, как Нью-Йорк или Лондон), сегодня возникла новая пространственная логика, «пространство потоков». В нашем мире

в большей мере стали господствовать процессы, а не физическое местоположение (хотя последнее, очевидно, продолжает существовать). Подобным же образом, мы вступили в эпоху «безвременного времени», в которой, например, информация непосредственно доступна в любом месте земного шара.

Не ограничивая свой анализ рассмотрением сетевого предприятия, далее Кастеллс (Castells, 1996, p. 469, 470; курсив мой) утверждает, что «господствующие функции и процессы в информационную эпоху во все большей степени организованы вокруг *сетей»,* определяемых как наборы «взаимосвязанных узлов». Сети открыты, способны к неограниченному расширению, динамичны и могут обновляться, не разрушая систему. Однако то, что наша эпоха определяется сетями, не означает окончания капитализма. В сущности, по крайней мере, на данный момент, сети позволяют капитализму впервые становиться действительно глобальным и организованным на основе глобальных финансовых потоков, примером которых служат часто обсуждаемые глобальные «финансовые казино» — прекрасный пример не только сети, но также и информационной системы. Деньги, которые здесь выигрывают и проигрывают, имеют сегодня гораздо большее значение, чем те, что зарабатываются в процессе производства. Деньги отделились от производства; мы живем в капиталистическую эпоху, которая определяется бесконечным стремлением к деньгам.

Как мы видели выше, Кастеллс не считает, что развитие сетей, культуры реальной виртуальности, информационализм и особенно их использование в информационном капитализме происходят без помех. В оппозиции к ним находятся индивиды и коллективные образования, обладающие собственной идентичностью, которую они стремятся защитить. Таким образом, «Бог, государство, семья и общество обеспечат непреложные, вечные коды, вокруг которых будет установлено движение противодействия наступлению» (Castells, 1997, p. 66). Важно осознать, что эти противодействующие движения, чтобы преуспеть, должны опираться на информацию и сети. Таким образом, они в значительной степени вовлечены в новый порядок. В данном контексте Кастеллс описывает множество социальных движений, в том числе сапатисты в Чиапас в Мексике, американская милиция, японский культ «Аум Сенрике», движение в защиту окружающей среды, феминизм и движение гомосексуалистов.

Что же можно сказать о государстве? С точки зрения Кастеллса, в новом мире с его глобализацией экономики и зависимостью от глобальных рынков капитала государство становится все менее мощным. Таким образом, например, государства будут неспособны защищать свои социальные программы, потому что присутствующие в мире несбалансированности приведут к тому, что, капитал будет тяготеть к государствам с низкими издержками по социальным программам. Мощь государства также разрушают глобальные коммуникации, которые свободно перетекают из страны в страну. Кроме того, наблюдается глобализация преступности и создание глобальных сетей, находящихся вне контроля какого-либо отдельного осударства. Государства ослабляются также вследствие возникновения многосторонних объединений, таких супергосударств, как Европейский Союз, и внутренних подразделений. Несмотря на то что они будут продолжать существовать, кастеллс (Castells, 1997, p. 304) считает, что государства становятся *«узлами более*

обширной сети власти». Дилемма, с которой сталкивается государство, состоит в том, что, если оно представляет свои народы, оно будет менее эффективно в глобальной системе, однако если оно сосредоточится на последней, то не сможет адекватно выражать интересы своего народа.

Примером краха государства может быть Советский Союз. Он просто был неспособен адаптироваться к новому информационализму и миру сетей. Например, советское государство монополизировало информацию, однако это было несовместимо с миром, в котором успех связывается со свободным потоком информации. С распадом Советского Союза государство оказалось легкой добычей для глобальных криминальных элементов. По иронии судьбы, будучи исключенной из глобального информационного общества, Россия сегодня в значительной степени вовлечена в глобальную преступность.

Следуя своей критической ориентации, особенно в отношении информационного капитализма и его угроз личности, идентичности, благосостоянию, а также его исключения из обширных областей мирового пространства, Кастеллс (Castells, 1998, p. 359) делает вывод о том, что в сегодняшнем состоянии наша «экономика, общество и культура... ограничивают коллективное творчество, конфискуют урожай информационной технологии и направляют нашу энергию в саморазрушительное противодействие». Однако так быть не должно, поскольку «нет ничего, что не могло бы быть изменено сознательным целенаправленным социальным действием» (Castells, 1998, p. 360).

Кастеллс предлагает первый обоснованный социологический анализ нашего нового компьютеризированного мира, и из его работы можно извлечь множество заключений. Обращают на себя внимание два основных недостатка. Во-первых, это преимущественно эмпирическое исследование (опирающееся на вторичные данные), и Кастеллс стремится избежать использования определенных теоретических источников, которые могли бы усилить его работу. Во-вторых, он уделяет внимание исключительно сфере производства и не рассматривает следствия, которые имеет его анализ для области потребления. Тем не менее Кастеллс, несомненно, предложил нам важное начало для того, чтобы лучше понять описываемый им возникающий мир.

Резюме

В настоящей главе мы сделали обзор некоторых теоретических подходов, продолжающих рассматривать сегодняшний мир как часть современной эпохи. Энтони Гидденс понимает современность как сокрушительную силу, которая приносит ряд преимуществ, но также несет в себе ряд опасностей. Гидденс, в частности, подчеркивает такие опасности, как риски, связанные с сокрушительной силой современности. Эти опасности представляют собой основной вопрос, рассматриваемый Беком в его работе об обществе риска. Современный мир рассматривается как характеризуемый риском и необходимостью предотвращения людьми этого риска и их защиты себя от него. Я считаю рациональность ключевой характеристикой современного общества, несмотря на то что в нем крайне распространена макдональдизация. Тогда как я рассматриваю ресторан быстрого питания как образец

рациональности и современности, Бауман таким образцом считает Холокост. Акцент на ресторане быстрого питания и тем более на Холокосте указывает на иррациональные моменты и, обобщенно, опасности, связанные с современностью и возрастающей рационализацией. Затем мы рассматриваем воззрения Хабермаса на современность как на незавершенный проект. Хабермас тоже помещает в центр своего внимания рациональность, однако он главным образом исследует преобладание системной рациональности и обеднение рациональности жизненного мира. Хабермас видит завершение современной эпохи в возникновении взаимообогащающей рационализации системы и жизненного мира.

Последний раздел посвящен рассмотрению недавней работы Мануэля Кастеллса. Кастеллса интересует возникновение информационализма и развитие сетевого общества. Главным образом компьютер и информационные потоки, которые он предоставляет, изменили мир и при этом породили ряд проблем, например, исключение значительных территорий мирового пространства и даже некоторых областей в Соединенных Штатах из этой системы и лишение их ее преимуществ.

Приняв во внимание эти воззрения на современность, в следующей заключительной главе настоящей книги мы обратимся к рассмотрению различных идей, связанных с эпохой постмодерна.

Глава 13. Структурализм, постструктурализм и возникновение постмодернистской социальной теории

В данной книге главным образом рассматривалась *модернистская* социальная теория. Однако использование термина «модерн» подразумевает, что за модернистской социальной теорией следует какое-то дальнейшее развитие. Эта идея представляется странной, поскольку мы привыкли думать о современных явлениях как о самых новых событиях. Но в последние несколько десятилетий во многих сферах (искусство, архитектура, литература и т. д.) произошел ряд изменений, которые стали пониматься учеными как тгостсовременные. Имеется в виду не только то, что эти явления следуют за событиями эпохи модерна, но также и то, что с модерном были связаны определенные проблемы, на которые указывают постмодернисты и которые они пытаются разрешить.

В социологической теории современные (равно как и классические) теории, рассматривавшиеся на протяжении предыдущих глав, не теряют своего значения.— в сущности, они остаются важнейшими в рамках этой дисциплины. Тем не менее все более значительное влияние на социологическую теорию оказывает постмодернистская социальная теория, и сегодня мы можем выделить постсовременные разработки, теоретические подходы и теоретиков. Более того, можно было бы ожидать от социологических теоретиков, как наиболее близких к гуманитарным наукам, весьма открытого отношения к постмодернизму. По мере того как некоторые социологические теоретики используют все более постмодернистский подход, мы можем ожидать и от других, более эмпирически ориентированных социологов подверженности влиянию постмодернистской социальной теории, по крайней мере в некоторых ее аспектах.

Рассматривая постмодернистскую социальную теорию, необходимо переключиться с *социологических* теорий на *социальные.* Хотя различие между этими двумя типами теорий

нечетко выражение, как правило, социологические теории отражают разработки, осуществляемые главным образом в рамках социологии и представляющие интерес в основном для социологов. Социальные теории, как правило, многодисциплинарны. В сущности, по крайней мере, некоторые из уже рассмотренных нами в настоящей книге теорий, особенно неомарксистская и теория действия — структуры, лучше описывать как теории социальные. В любом случае, очевидно, что постмодернистские теории лучше всего рассматривать именно как социальные теории.

В настоящей главе мы рассмотрим возникновение того, что фактически следует за модернистской социальной теорией, проследив развитие теорий от структурализма и постструктурализма до того, что сегодня понимается под постмодернистской социальной теорией.

Вслед за Лэшем (lash, 1991, p. ix) в качестве отправной точки возникновения постструктурализма и постмодернизма мы возьмем «структурализм, который в 1960-х гг. прошел сквозь французскую социальную мысль». Сам по себе структурализм был реакцией на французский гуманизм, особенно экзистенциализм Жан-Поля Сартра. В своем раннем творчестве в центр внимания Сартр помещал индивида, в частности, индивидуальную свободу. Тогда он придерживался той точки зрения, согласно которой человеческие действия определяются самими людьми, а не социальными законами или крупными социальными структурами. Однако в более поздний период своего творчества Сартра больше притягивала марксистская теория, и, хотя он продолжал концентрировать свое внимание на «свободном индивиде», этот индивид теперь был «помещен в огромную подавляющую социальную структуру, которая ограничивает и отчуждает его действия» (Craib, 1976, p. 9).

В своем анализе творчества Сартра Джила Хейим (Hayim, 1980) видит связь между его ранними и поздними работами. В работе *«Бытие и Ничто»,* опубликованной в 1943 г., Сартр в большей степени уделяет внимание свободному индивиду и придерживается мнения, что «существование определяется через действия и их посредством.... *Человек есть то, что он делает»* (Hayim, 1980, p. 3). В то же время Сартр критикует структуралистское понимание «объективных структур как полностью детерминирующих поведение» (Hayim, 1980, p. 5). Для Сартра, и экзистенциалистов вообще акторы обладают способностью выходить за пределы настоящего, двигаться к будущему. Поэтому, с точки зрения Сартра, люди свободны; они ответственны за все, что делают; у них нет оправданий. В некоторых отношениях эти «поразительные обязанности отвечать за свободу» (Hayim, 1980, P-17)

становится для людей ужасным источником мук. С другой стороны, такая ответственность может быть для людей источником оптимизма: их судьба находится в их руках. В опубликованной в 1963 г. работе «Критика диалектического разума» Сартр уделяет больше внимания социальным структурам, но даже здесь он подчеркивает «человеческую прерогативу на трансценденцию — выход за пределы наличного» (Hayim, 1980, p. 16). Сартр критикует многих марксистов (.структурных марксистов), которые переоценивают роль и значение социальной структуры. «Догматичные марксисты, с точки зрения Сартра, исключили из первоначальной идеи Маркса гуманистический элемент» (Hayim, 1980, p. 72). Будучи экзистенциалистом, Сартр *всегда* придерживался этого гуманизма. Именно

в противопоставлении экзистенциалистскому гуманизму следует рассматривать возникновение структурализма, постструктурализма и постмодернизма.

Структурализм

Очевидно, что структурализм предполагает внимание к структурам, но это в основном не те структуры, которые интересуют структурных функционалистов (см. главу 3). Тогда как последние, а в действительности большинство социологов, рассматривают *социальные* структуры, для структуралистов основной интерес представляют структуры *лингвистические.* Такое переключение с социальных на лингвистические структуры стало известно как *лингвистический поворот,* кардинально изменивший характер социальных наук (Lash, 1991, p. ix). Значительное число ученых в сфере социальных наук переключилось с преимущественного рассмотрения социальной структуры на изучение языка (см., например, вышеприведенный разбор воззрений Хабермаса на коммуникацию или конверсационный анализ некоторых этнометодологов) или, в более общем плане, различного рода знаков.

Лингвистические истоки

Структурализм возник из различных разработок многих научных областей. Источником современного структурализма и его сильнейшим оплотом по сей день является лингвистика. Творчество швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857-1913) сыграло особую роль в развитии структурной лингвистики и, в конечном счете, структурализма в различных других сферах (Culler, 1976). Для нас особый интерес представляет то различие, которое Соссюр проводил между *langue* и *parole* и которое приобрело огромное значение.[1] *Langue* представляет собой формальную, грамматическую систему языка. Это система звуковых элементов, отношения между которыми, как считал Соссюр и его последователи, управляются определенными законами. Значительная доля лингвистических исследований со времен Соссюра стремилась открыть эти законы. Существование *langue* делает возможным *parole. Parole* есть фактическая речь, то, как говорящие используют язык для выражения своих мыслей. Хотя Соссюр и признавал значение использования людьми языка субъективным и зачастую неповторимым образом, он считал, что использование языка индивидом не может быть предметом исследования для научно ориентированного лингвиста. Такой лингвист должен уделять внимание *langue,* формальной системе языка, а не субъективным способам его применения акторами.

В этом случае *langue* можно понимать как систему знаков — структуру, значение каждого знака порождается взаимосвязью знаков в системе. Особенно здесь важны отношения различия, в том числе бинарные противоположности. Так, например, значение слова «горячий» проистекает не из каких-то свойств, присущих самому этому слову, а из отношения этого слова со словом «холодный», его бинарной ему противоположности. Значения, разум и, в конечном счете, социальный

[1] Французские *cnoealangue* («язык») *и parole* («речь, слово») в данном контексте часто не переводятся и используются в оригинальном написании. — *Примеч. перев.*

мир формируются структурой языка. Таким образом, вместо мира экзистенциалистов, в котором люди сами формируют свою среду, здесь мы имеем мир, в котором люди, равно как и прочие аспекты социального мира, формируются структурой языка.

Интерес к структуре был распространен на исследование не только языка, но всех знаковых систем. Такое внимание к структуре знаковых систем получило название «семиотика» и приобрело множество последователей (Gottdiener, 1994; Hawkes, 1977). *Семиотика* шире, чем структурная лингвистика, потому что охватывает не только язык, но также и другие знаковые и символьные системы, например мимику, язык тела, литературные тексты — в сущности, все формы коммуникации.

Истинным основателем семиотики часто считают Ролана Барта. Барт применил идеи Соссюра ко всем сферам социальной жизни. Не только язык, но также социальное поведение представляет собой репрезентации, или знаки: «Не только язык, но и соревнования по борьбе являются означающими практиками, как и телевизионные шоу, мода, приготовление пищи и все остальное в повседневной жизни» (Lash, 1991, p. xi). «Лингвистический поворот» охватил все социальные явления, которые, в свою очередь, стали интерпретироваться как знаки.

Антропологический структурализм: Клод Леви-Стросс

Центральной фигурой французского структурализма, а Курцвайль (Kurzweil, 1980, p. 13) вообще называет его «отцом структурализма», является французский антрополог Клод Леви-Стросс. Хотя в творчестве Леви-Стросса структура рассматривается в различных аспектах, для наших целей важно, что его можно считать ученым, который распространил подход, применявшийся Соссюром для изучения языка, на вопросы антропологии, например использовал его для исследования мифов в примитивных обществах. Однако, помимо этого, Леви-Стросс применял структурализм и более широко — для изучения всех.видов коммуникации. Основное его нововведение состояло в создании новой концепции многообразных социальных явлений (например, систем родства), рассматриваемых как системы коммуникации, благодаря чему эти явления поддаются структурному анализу. Например, обмен $^{с}У^{п}$РУгами можно анализировать так же, как обмен словами; в обоих случаях мы имеем дело с социальным обменом, который можно исследовать с помощью применения структурной антропологии.

Подход Леви-Стросса (Levi-Strams, 1967) можно проиллюстрировать на примере сходств между лингвистическими системами и системами родства. Во-первых, выражения, которые используются для описания отношений родства так же, как и фонемы в языке, выступают для структурного антрополога базовыми единицами анализа. Во-вторых, ни терминология родства, ни фонемы сами по себе не обладают значением. Они приобретают значение, только когда становятся неотъемлемой частью более крупной системы. Леви-Стросс даже использовал в своей антропологии систему двойных противоположностей (например, сырое и готовое), во многом схожих с теми, что использовались Соссюром в лингвистике. В-третьих, Леви-Стросс признавал, что как в случае фонематических систем, так и в случае систем родства от одной ситуации к другой наблюдаются

эмпирические отклонения, но даже эти различия можно объяснить действием всеобщих, хотя и скрытых, законов.

Описанный подход в значительной степени соответствует лингвистическому повороту, однако в конечном счете Леви-Стросс обратился к ряду направлений, которые с ним не сочетаются. Наиболее важно то, что как фонематические системы, так и системы родства он считал продуктом структур разума. Тем не менее они не являются продуктами сознательного процесса — это плод бессознательной логической структуры разума. Данные системы, равно как и производящая их логическая структура разума, функционируют на основе всеобщих законов. Большинство из тех, кто следовал лингвистическому повороту, не были последователями Леви-Стросса в определении базовой структуры разума как самой фундаментальной структуры.

Структурный марксизм

Еще одной разновидностью структурализма, пользовавшейся во Франции (и многих других странах) значительным успехом, был структурный марксизм, особенно представленный творчеством Луи Альтюссера, Никоса Пулянцаса и Мориса Годелье.

Хотя мы доказывали, что современный структурализм начался с лингвистического творчества Соссюра, некоторые считают, что начало этому направлению положил Карл Маркс: «Когда Маркс говорит, что структуру не следует смешивать с внешними отношениями и объясняет их скрытую логику, он открывает современную структуралистскую традицию» (Godelier, 1972b, p. 336). Хотя и структурный марксизм и структурализм в целом проявляют интерес к «структурам», концепции структуры строятся в каждом случае по-разному.

По крайней мере, некоторые структурные марксисты разделяют интерес структуралистов к изучению структуры как предпосылки изучения истории. Как сказал Морис Годелье, «изучение внутреннего функционирования структуры должно предшествовать и проливать свет на исследование ее происхождения и эволюции» (Godelier, 1972b, p. 343). В другой работе Годелье пишет: «Внутренняя *логика* этих систем должна анализироваться *до* анализа *происхождения»* (1972a, p. xxi). Еще одно общее для структуралистов и структурных марксистов мнение состоит в том, что структурализм должен рассматривать структуры, или системы, образуемые взаимодействием социальных отношений. Обе школы считают структуры реальными (хотя и невидимыми), но при этом заметно различаются во взгляде на то, какого рода структуры считать реальными. Леви-Стросс центральными считает структуры разума, тогда как для структурных марксистов основное значение имеет глубинная структура общества.

Вероятно, наиболее важно, что и структурализм и структурный марксизм отвергают эмпиризм и уделяют внимание глубинным невидимым структурам. Годелье утверждает: «Как структуралисты, так и марксисты отрицают эмпиристские определения того, что образует социальную структуру» (1972a, p. xviii). Помимо этого, Годелье пишет:

> Для Маркса, как и для Леви-Стросса, структура *не рассматривается* как реальность, которая *непосредственно* видима и потому может непосредственно наблюдаться, а представляет собой *уровень реальности,* который существует *за пределами* видимых отно-

> шений между людьми, и функционирование которого составляет глубинную логику системы, лежащий в основе порядок, через который объясняется порядок видимый (Godelier, 1972a, p. xix)

Годелье пошел даже дальше и заявил, что подобное стремление определяет всю науку: «Видимое есть *реальность,* которая скрывает *другую,* более глубокую реальность, которая скрыта и обнаружение которой составляет истинную цель научного познания» (1972a:xxiv).

Несмотря на указанные сходства, структурный марксизм в основном не принимал участия в лингвистическом повороте, происходившем в то время в социальных науках. Так, основным предметом рассмотрения оставались социальные и экономические, а не лингвистические структуры. Более того, структурный марксизм не терял связи с марксистской теорией, и многие французские социальные мыслители начинали проявлять к марксистской теории такую же нетерпимость, как к экзистенциализму.

Постструктурализм

Хотя невозможно точно указать момент такого перехода, Шарль Лемер (Lemert, 1990) относит начало постструктурализма к речи, произнесенной в 1966 г. Жаком Деррида, одним из признанных лидеров этого подхода, речи, в которой он провозгласил начало новой постструктуралистской эпохи. В отличие от структуралистов, особенно тех, кто следовал лингвистическому повороту и считал, что предопределяющее влияние на людей оказывает структура языка, Деррида свел язык к «письму», которое не ограничивает своего субъекта. Более того, Деррида понимал социальные структуры как письмо и, следовательно, как не обладающее способностью оказывать сдерживающее влияние на людей. Используя современную терминологию, можно сказать, что Деррида произвел деконструкцию языка и социальных институтов (Trifonas, 1996) и, закончив, обнаружил всего лишь письмо. Хотя основное внимание здесь все также уделяется языку, письмо *не* является структурой, которая ограничивает людей. Кроме того, тогда как структуралисты видели в системе языка упорядоченность и стабильность, Деррида считает язык неупорядоченным и нестабильным. Разные контексты сообщают словам разные значения. Как следствие, система языка не может иметь над людьми власти принуждения, как это полагают структуралисты. Более того, невозможен научный поиск глубинных законов языка. Таким образом, в конечном счете, Деррида предлагает разрушительный, деконструктивистский подход. Как мы увидим, разрушение и деконструкция приобретают даже большее значение с возникновением постмодернизма, и именно постструктурализм заложил основу для постмодернизма.

Враждебность Деррида направлена на логоцентризм (поиск универсальной мыслительной системы, открывающей, что истинно, справедливо, прекрасно и т. д.), занявший господствующее положение в западной социальной мысли. Этот под-

°Д, по словам Деррида, способствовал «историческому подавлению и сдерживанию письма со-времен Платона» (Derrick, 1978, p. 196). Логоцентризм привел к амкнутости не только философии, но и вообще науки. Дерриду занимает декон-

струкция, или «демонтаж», источников этой замкнутости, этого подавления, таким образом он стремится освободить письмо от того, что его порабощает. Удачным выражением для описания подхода Деррида служит «деконструкция логоцентризма» (1978, p. 230). В более общем плане, *деконструкция* предполагает разложение единого с целью выявления скрытых различий (Smith, 1996, p. 206). Хороший пример рассуждений Деррида дает нам его анализ «театра жестокости». Он противопоставляет это понятие традиционному театру, где, как он считает, господствует система мышления, называемая им репрезентационнои логикой (схожая логика преобладала в социальной теории). Имеется в виду, что происходящее на сцене «представляет» происходящее в «настоящей жизни», а также выражает ожидания писателей, режиссеров и т. д. Этот «репрезентационализм» является для театра богом, он придает традиционному театру теологический характер. Теологический театр — это контролируемый, порабощенный театр:

> Сцена теологична до тех пор, пока ее структура, согласно всей полноте традиции, содержит следующие элементы: автор-создатель, который, при том что отсутствует и находится вдалеке, вооружен текстом и наблюдает, объединяет, регулирует время или значение представления... Он позволяет спектаклю выражать его через своих представителей, режиссеров или актеров, *порабощенных* интерпретаторов... которые... более или менее непосредственно выражают мысль «создателя». *Рабы-интерпретаторы,* которые преданно исполняют предопределенные замыслы «господина». ... Наконец, теологическая сцена включает в себя *пассивную,* рассаженную по местам публику, публику, состоящую из зрителей, потребителей, пользователей (Derrida, 1978, p. 235; курсив мой).

Деррида изображает альтернативный театр (альтернативное общество?), где «речь перестанет управлять сценой» (1978, p. 239), т. е. сценой больше будут руководить, например, авторы и тексты. Актеры больше не будут подчиняться приказам; писатели перестанут указывать, что должно происходить на подмостках. Однако это не значит, что на сцене наступит анархия. Хотя Деррида и не говорит о своей альтернативной сцене отчетливо, мы понимаем, что он имеет в виду, когда он пишет о «построении сцены, крики которой еще не усмирены словами» (1978, p. 240), т. е. «театр жестокости» стал бы искусством различий и трат без экономии, без ограничений, без компенсации, без истории» (Derrida, 1978, p. 247).

Ясно, что Деррида требует радикальной деконструкции традиционного театра. В более общем плане, здесь подразумевается критика общества, находящегося в рабстве логоцентризма. Точно так же, как Деррида стремится освободить театр от диктатуры автора, он хочет и общество видеть свободным от идей всех интеллектуальных авторитетов, создавших господствующий дискурс. Иначе говоря, Деррида хочет, чтобы каждый из нас был свободным писателем.

Здесь также имеется в виду еще одно известное понятие постструктурализма (и постмодернизма) — *децентрация.* В каком-то смысле Деррида хочет, чтобы театр отошел от своего традиционного «центра», от повышенного внимания к авторам (авторитетам) и их ожиданиям, и дать актерам возможность более свободной игры. Данный тезис тоже можно обобщить применительно к обществу в целом. Деррида связывает центр с *окончательным* ответом и, следовательно, в конечном

счете, со смертью. Центр связан с отсутствием того, что имеет для Деррида существенное значение — «игры и различия» (Derrida, 1978, p. 297). Театр или общество без игры и различий, т. е. статичный театр или общество, можно считать мертвыми. Напротив, театр либо мир, вне центра, бесконечно открыты, непрерывны и саморефлексивны. Деррида заключает, что будущее «не следует ожидать или воссоздавать» (Derrida, 1978, p. 300). Он считает, что мы не найдем будущее в прошлом, не должны мы и пассивно ожидать своей судьбы. Будущее обнаруживается, творится, пишется нашими поступками.

Развенчав западный логоцентризм и интеллектуальные авторитеты, в конечном итоге Деррида оставляет нас без ответа. В сущности, единственного ответа *нет* (Cadieux, 1995). Поиски ответа, Логоса, были деструктивными и порабощающими. Все, что нам остается, — это письмо и действие, в которых есть игра и различие.

Воззрения Мишеля Фуко

Хотя Деррида играет в постструктурализме весьма значительную роль, самым важным представителем данного подхода следует признать Мишеля Фуко (Smart, готовится к изданию). Творчество Фуко демонстрирует еще одно различие между постструктурализмом и структурализмом. В то время как на структурализм чрезвычайно сильное влияние оказала лингвистика, подход Фуко и постструктуралистов в целом демонстрирует множество теоретических влияний (Smart, 1985). По этой причине творчество Фуко носит вызывающий характер и трудно для рассмотрения. Кроме того, идеи не просто заимствуются им у других мыслителей: при их включении в нестандартную теоретическую ориентацию Фуко они преобразу- — ются. Так, определенное воздействие оказывает на теорию Фуко теория рационализации Вебера, но, с точки зрения Фуко, рационализация обнаруживается лишь на определенных «ключевых участках» и не является «железной клеткой»; у Фуко всегда присутствует сопротивление. В творчестве Фуко также присутствуют марксистские идеи (Smart, 1983), однако Фуко не ограничивается экономикой; он рассматривает целый ряд институтов. Его больше интересует «микрополитика власти», нежели традиционный марксистский упор на власть на социетальном уровне. Для лучшего понимания интересовавших его социальных явлений Фуко занимался герменевтикой. Кроме того, Фуко не обладает чувством некой глубинной, конечной истины; существует лишь бесконечное множество пластов, которые нужно удалить. В творчестве Фуко присутствует и феноменологическое влияние, но он отрицает понятие автономного субъекта, определяющего значение. Наличествует и значительный элемент структурализма, однако нет формальной, определяемой правилами модели поведения. Наконец, что, возможно, наиболее важно, Фуко перенимает интерес Ницше к взаимосвязи власти и знания, однако эта связь анализируется Фуко в гораздо большей степени с социологической точки зрения. Такое множество теоретических источников — одна из причин того, почему Фуко считают постструктуралистом.

Творчество Фуко носит явно постструктуралистский характер и в другом отоплении. В ранний период своего творчества Фуко испытал значительное влия-ие структурализма, но со временем это влияние уменьшилось, и под воздействи-

ем других течений его теория стала развиваться в других направлениях. Проследим эволюцию творчества Фуко.

Сущность методологии Фуко составляют два понятия — «археология знания» (Foucault, 1966) и «генеалогия власти» (Foucault, 1969). Хотя в его творчестве присутствует ощущение того, что последняя следует за первой, Митчелл Дин (Dean, 1994) убедительно доказал, что они сосуществуют и взаимно поддерживают друг друга в самостоятельном творчестве Фуко.

Алан Шеридан (Sheridan, 1980, p. 48) утверждает, что археология знания у Фуко подразумевает поиск «набора правил, определяющих условия возможности всего того, что может быть сказано в рамках отдельного дискурса в определенное время». Иначе говоря, археология есть поиск «общей системы создания и преобразования утверждений [в дискурсивные образования]» (Dean, 1994, p. 16). Поиск такой «общей системы», или таких «правил», равно как и внимание к *дискурсу* — речевым и письменным «документам» — отражает раннее влияние структурализма на творчество Фуко. Анализируя эти документы, Фуко не стремится «понять» их, как это делал бы герменевт. Археология Фуко «организует документ, расчленяет его, классифицирует, упорядочивает, распределяет его по уровням, сортирует его по группам, отмечает релевантное и нерелевантное, выделяет элементы, определяет совокупности, описывает взаимосвязи» (Dean, 1994, p. 15). Дискурс и создаваемые им документы должны анализироваться, описываться и организовываться; они не поддаются и не подлежат интерпретации, которая стремится вскрыть некий «глубинный» уровень понимания. Фуко исключает и поиски происхождения: значение имеют сами документы, а не момент их возникновения.

Особый интерес для Фуко представляют те дискурсы, которые «имеют целью рационализировать или систематизировать себя относительно определенных способов "выражения истины"» (Dean, 1994, p. 32). Как мы увидим, этот подход приводит Фуко к исследованию дискурсов, связанных с образованием таких гуманитарных наук, как психология. Археология обладает способностью дистанцироваться и отделять себя от «норм и критериев обоснованности, принятых в традиционных науках и дисциплинах, в пользу внутренней ясности таких ансамблей, условий их возникновения, существования и изменения» (Dean, 1994, p. 36).

Интерес Фуко к «выражению истины» непосредственно связан с его генеалогией власти, поскольку Фуко приходит к пониманию неразрывной взаимосвязи знания и власти (здесь Фуко многим обязан философии Ницше). Генеалогия представляет собой совершенно особый тип интеллектуальной истории, «способ соединения исторических сущностей в организованные и упорядоченные *траектории,* не являющиеся ни простым раскрытием их происхождения, ни необходимым осознанием их следствий. Это способ анализа многочисленных, непрерывных, разнородных траекторий дискурсов, практик и событий и определения их стандартизированных взаимосвязей без обращения к режимам истины, претендующим на псевдонатуралистические законы или всеобщие необходимости» (Dean, 1994, p. 35-36; курсив мой). Таким образом, генеалогия отличается от других видов исторических исследований, которые придают этим законам или необходимостям преобладающее значение. С генеалогической точки зрения, все носит случайный характер. Генеалогия по своей сути критична, она предполагает «неустанные

вопросы о том, что полагается заданным, необходимым, естественным или нейтральным» (Dean, 1994, p. 20).

Конкретнее, генеалогию занимает взаимосвязь между знанием и властью в гуманитарных науках и их «практики, касающиеся руководства людьми, управления поведением и формирования личности» (Dean, 1994, p. 154). Фуко интересуют «условия, которые в каждый данный момент времени отвечают за "выражение истины"» в гуманитарных науках (Dean, 1994, p. 24). Таким образом, «тогда как археология раньше обращалась к правилам образования дискурса, новое критическое генеалогическое описание рассматривает как редкость формулировок, так и власть утвердительного» (Dean, 1994, p. 33). Что касается связи между двумя указанными методами Фуко, то археология выполняет задачи, необходимые для занятия генеалогией. Конкретно, археология подразумевает эмпирический анализ исторических дискурсов, тогда как генеалогия проводит последовательный критический анализ этих исторических дискурсов и их взаимосвязи с проблемами, касающимися сегодняшнего мира.

Таким образом, генеалогия должна быть «историей настоящего». Однако ее не следует смешивать с «презентизмом», предполагающим «непреднамеренную проекцию структуры интерпретации, которая рождается из личного опыта историка или из контекста, на изучаемые аспекты прошлого» (Dean, 1994, p. 28). Вместо этого Фуко стремится пролить свет на настоящее, используя «исторические ресурсы для того, чтобы размышлять о случайности, своеобразии, взаимосвязях и потенциальных возможностях различных траекторий элементов, содержащих в качестве опыта современные установления» (Dean, 1994, p. 21). В этом нет никакого детерминизма; настоящее не обязательно следствие событий прошлого. Фуко ориентирован на критическое использование истории для прояснения возможностей настоящего.

В своей генеалогии власти Фуко обсуждает, как люди управляют собой и другими посредством создания знаний. Среди прочего, он анализирует, как знание порождает власть, определяя людей в качестве объектов влияния и затем управляя этими объектами с помощью знания. Фуко критически относится к иерархизации знания. Из-за того что формы знания, занимающие самое высокое положение (науки), обладают наибольшей властью, они подвергаются Фуко самой суровой критике. Фуко интересуют методы, технологии, извлекаемые из знания (особенно научного знания), и их использование различными институтами в целях осуществления власти над людьми. Хотя Фуко видит связь между знанием и властью, он не считает, что между членами элиты общества существует тайный сговор. акой заговор означал бы сознательные действия субъектов, тогда как Фуко скорее склонен видеть структурные отношения, особенно между знанием и властью. ассматривая ход истории, Фуко не видит в переходе от первобытного зверства к современной гуманности прогресса, основанного на более сложных системах знания. Вместо этого Фуко считает, что история колеблется от одной системы господства (основанного на знании) к другой. Хотя в целом вырисовывается довольно рачная картина, тут есть и позитивный момент: Фуко верит в то, что с основанной а знании властью всегда ведется борьба, непрерывно осуществляется сопротив-

ление. Он рассматривает исторические примеры, но прежде всего его интересует современный мир. По словам самого Фуко, он «пишет историю настоящего» (Foucault, 1979, p. 31).

Имея такую основу, обратимся теперь к рассмотрению некоторых конкретных самостоятельных работ Фуко. В «Безумии и цивилизации» (1965; Foucault, 1995) Фуко занимается археологией знания, особенно в сфере психиатрии. Начинает он свое исследование с эпохи Возрождения, когда безумие и разум еще не разделялись. Однако между 1650 и 1800 гг. (в классический период) между ними была установлена дистанция, и в конечном итоге, разум подчинил себе безумие. Иначе говоря, Фуко описывает «нарушенный диалог» между разумом и безумием (1965-х). Он описывает конечный результат этого процесса:

> В этот момент в полном великолепии воцарил разум, торжествуя над бешеным безумием. У безумия таким образом была отнята та иллюзорная свобода, которая еще позволяла ему процветать на границе Возрождения. Не так давно оно с трудом передвигалось средь бела дня: в «Короле Лире» в «Дон Кихоте». Но менее чем через полвека оно уже было изолировано и, брошенное в крепость ограничения, стало зависимым от Разума, правил морали и их однообразных ночей (Foucault, 1965, p. 64).

Здесь явно присутствует веберовский образ железной клетки — «однообразные ночи», которые «безумное» (иррациональное) вынуждено проводить в железной клетке, созданной здравомыслящими (рациональностью).

Научная психология XIX в. в итоге стала результатом отделения сумасшедших от здравомыслящих, произошедшего в восемнадцатом веке (психиатрия именуется «монологом разума о безумии» [Foucault, 1965, p. ix]). Сначала медицина отвечала за физическое и моральное лечение сумасшедших, однако позднее моральное лечение взяла на себя научная психологическая медицина. «Чисто психологическая медицина стала возможна лишь тогда, когда безумие было отчуждено в грех» (Foucault, 1965, p. 182-183). Затем Фуко говорит: «То, что мы называем психиатрической практикой, является определенной моральной тактикой, современной для конца XV1H в., сохранившейся в порядке существования в психиатрической лечебнице и обремененной мифами позитивизма» (1965, p. 276). Таким образом, психология (и психиатрия) предстают для Фуко, не научной попыткой, а моральным предприятием, направленным против сумасшедших, которые постепенно теряют способность защитить себя от этой «помощи». Он считает, что сумасшедшие приговариваются так называемым научным прогрессом к «колоссальному моральному заключению».

Нет нужды говорить, что Фуко здесь отвергает представление о том, что со временем в лечении сумасшедших происходит научный, медицинский и гуманитарный прогресс. Вместо этого он говорит о возрастании способности здравомыслящих людей и их агентов (врачей, психологов, психиатров) притеснять и угнетать сумасшедших, которые, и об этом не стоит забывать, в XVII в. существовали со здравомыслящими на равных. Последние изменения в этой сфере заключаются в том, что теперь сумасшедших в меньшей степени оценивают эти внешние агенты; «безумие непрестанно вынуждают судить о себе самому» (Foucault, 1965, p. 265). Во многих отношениях такой интернализованный контроль является

наиболее репрессивной формой контроля. Ясно, что археология знания Фуко приводит его к выводам, совершенно отличным от заключений, которые традиционные историки делают об истории и теперешнем статусе сумасшедших и их отношениях со здравомыслящими (и их агентами). Помимо этого, он исследует истоки гуманитарных наук (особенно психологии и психиатрии) в различии между сумасшедшими и здравомыслящими и осуществлении морального контроля над сумасшедшими. Это часть его более общего тезиса о роли гуманитарных наук в моральном контроле над людьми.

Что касается структурализма в раннем творчестве Фуко, то в рассматриваемой работе он утверждает, что безумие происходит на двух «уровнях», и на «более глубоком уровне безумие выступает формой дискурса» (1965, p. 96). Безумие, по крайней мере, в классическую эпоху, не означает умственных или физических изменений; «бессвязная речь — предельная истина безумия» (Foucault, 1965, p. 97). Но в этой работе присутствует и структурализм более широкого плана: «Позволим классической культуре, *в своей общей структуре,* выразить свой опыт безумия, опыт, возникающий с теми же значениями, в порядке, тождественном его внутренней логике, в порядке рассуждения и в порядке институтов, *и в дискурсе, и в указе,* и в слове, и в лозунге — в сущности, везде, где значащие элементы могут приобретать для нас языковой смысл» (Foucault, 1965, p. 116; курсив мой).

Структуралистский метод Фуко продолжает использовать в работе «Рождение клиники», в которой он исследует медицинский дискурс и лежащую в его основе структуру: «В произносимом людьми значение имеет не столько то, что они могли бы думать или насколько эти высказывания выражают их мысли, сколько *то, что с самого начала приводит их в систему,* делая их в последующем бесконечно открытыми новым дискурсам и задачам их преобразования» (1975, p. xiv; курсив мой). В «Безумии и цивилизации» медицина рассматривалась как значимая предтеча гуманитарных наук, и данная тема занимает еще более центральное положение в «Рождении клиники». (Как сказал Фуко, «наука о человеке... имела медицинскую... основу» [1975, p. 36]). ДоX1X в. медицина была наукой о классификациях, и основное внимание уделялось созданию четко упорядоченной системы заболеваний. Однако в XIX в. медицина стала исследовать заболевания в той форме, в какой они существуют у отдельных индивидов и в обществе в целом (эпидемии). Медицина распространилась и на здоровых людей (профилактическое лечение) и приняла норматив разделения здоровых и больных, а позднее — нормальных и патологиче-

[х состояний. Медицина опять стала предтечей гуманитарных наук, которые переняли это понимание человеческой нормы и патологии.

Однако в медицине еще пока не существовало клинической структуры. Ключевое значение имело возникновение клиники, где пациентов наблюдали в постели. Здесь основное значение имеет используемое Фуко выражение *«пристальный взгляо»,* в данном случае «пристальный взгляд, бывший в то же время знанием» (Foucault, 1975, p. 81). Иначе говоря, знание извлекалось из наблюдавшихся врачами явлений, которые не совпадали с тем, что они читали в книгах. Будучи структуралистом, Фуко считал пристальный взгляд своего рода языком, «языком без слов» (Foucault, 1975, p. 68), и интересовался глубинной структурой этого «языка». Способность смотреть и притрагиваться (особенно при вскрытиях) к больным (или

мертвым) людям стала решающим изменением и важным источником знаний. О вскрытии Фуко говорит: «Живой мрак рассеивается в свете смерти» (1975, p. 146). Фуко считает анатомо-клинический пристальный взгляд «великим прорывом» в западной медицине. Таким образом, произошла не эволюция знания, а изменение эпистемы. Врачи уже не играли в ту же игру; эта была другая игра с другими правилами. *Эта* игра заключалась в том, что люди (пациенты) стали предметом научного знания и практики (заменив в качестве изучаемой сущности заболевание). С точки зрения структуралистского подхода, изменился именно характер дискурса: названия заболеваний, группировок, сфера наблюдаемых объектов и т. д. (Foucault, 1975, p. 54).

Снова медицина, как считает Фуко, берет на себя роль предшественницы гуманитарных наук. «Исходя из этого понятно, что медицина должна была иметь большое значение в создании наук о человеке — значение не только методологическое, но онтологическое, в той мере, в какой она касается человеческого существа как объекта позитивного знания» (Foucault, 1975, p. 197). Конкретно относительно медицинского вскрытия Фуко говорит: «Смерть покинула свои старые трагические пределы и стала лирическим ядром человека: его невидимой истиной, его видимой тайной» (1975, p. 172). В сущности, изменением более общего плана для Фуко является то, что индивид стал предметом и объектом собственного знания, а изменения в области медицины — это лишь одно из более очевидных свидетельств этих изменений в фундаментальном распределении знания (1975, p. 199).

Многие из описанных тем поднимаются и в работе «Дисциплина и наказание» (Foucault, 1979), но в данном случае мы видим больше генеалогии власти и гораздо меньше структурализма, дискурса и т. п. Здесь «власть и знание непосредственно предполагают друг друга» (Foucault, 1979, p. 27). В этом произведении Фуко рассматривает интервал между 1757 и 1830 гг. — период, когда пытки заключенных были заменены контролем тюремных правил. (Что характерно, Фуко считает, что это изменение происходило неравномерно; оно не развертывалось рациональным образом.) Согласно общепринятому взгляду, этот сдвиг от пыток к правилам представлял собой гуманизацию обращения с преступниками; оно стало более мягким, менее мучительным и менее жестоким. На самом же деле, как считает Фуко, наказание просто стало более рационализированным («палач [на гильотине] должен быть всего лишь педантичным караульным» [1979, p. 13]) и во многих отношениях даже больше ударяло по заключенным. Ранние пытки заключенных могли устраиваться для публичных демонстраций, но это было «плохой экономикой власти», поскольку, как правило, возбуждало среди зрителей представления волнения (Foucault, 1979, p. 79). В случае пыток отчетливо проявлялась связь между знанием и властью; с введением правил эта связь стала гораздо менее явной. Новая система правил была «более регулярной, более эффективной, более неизменной и более детальной по своим результатам; короче говоря, это правила, которые повышают ее воздействие, снижая экономическую стоимость» (Foucault, 1979, p. 80-81). Новая система была предназначена не для того, чтобы быть более гуманной, а для того, «чтобы лучше карать... чтобы вогнать карательную власть глубже в социальное тело» (Foucault, 1979, p. 82). В отличие отчпыток эта новая технология карательной власти встречалась и ранее в нестандартных случаях, она более

многочисленной, более бюрократизированной, более эффективной, более обезличенной, более устойчивой, более рассудительной и предполагала надзор не только за преступниками, но и за обществом в целом.

Эта новая технология, технология дисциплинарной власти, базировалась на военном порядке. Она включала в себя не единую всеобъемлющую систему власти а скорее систему властных микровлияний. Фуко описывает «микрофизику власти» с «бесчисленными точками конфронтации» (1979, p. 26-27) и сопротивления (Brenner, 1994). Он выделяет три инструмента дисциплинарной власти. Первый — *иерархическое наблюдение,* или способность чиновников наблюдать все, что ими контролируется, одним *пристальным взглядом.* Второй инструмент — способность выносить *нормализующие приговоры* и наказывать тех, кто нарушает нормы. Так, человека могут негативно оценить и наказать в категориях времени (за опоздание), деятельности (за невнимательность) и поведения (за невежливость). Третий инструмент — использование *исследования* для наблюдения за людьми и вынесения относительно их нормализующих приговоров. Этот инструмент дисциплинарной власти включает в себя два остальных.

Фуко говорит не только об отрицательной стороне возникновения дисциплинарного общества; по его мнению, это имеет также и положительные последствия. Например, он считает, что дисциплина позитивно функционирует на военных и промышленных заводах. Тем не менее Фуко выражает неподдельный страх по поводу распространения дисциплины в обществе, особенно из-за ее вхождения в сеть государственной полиции, для которой все общество становится полем восприятия и объектом наказания.

Фуко не считает, что дисциплина единообразно охватывает все общество. Он полагает, что она «протискивается» сквозь общество и по мере своего продвижения воздействует на определенные его части. В конечном счете под дисциплинарным влиянием оказывается большинство важнейших институтов. Фуко задает риторический вопрос: «Разве удивительно, что тюрьмы походят на заводы, школы, казармы, больницы, которые все походят на тюрьмы?» (1979, p. 228). В конечном счете, Фуко говорит о том, что при возникновении карательной системы дисциплина перемещается «от карательного института ко всему социальному целому» (1979, p. 298). Хотя здесь и присутствует образ железной клетки, Фуко, как обычно, при этом видит действие сил, оппозиционных карательной системе; в творчестве Фуко обнаруживается непрерывная структурная диалектика.

Несмотря на то что в «Дисциплине и наказании» очевидно большее внимание Фуко к вопросу власти, в этой работе его также занимает обычная для него тема возникновения гуманитарных наук. Переход от пыток к тюремным правилам знаменовал собой поворот от наказания тела к наказанию души или воли. Это изменение, в свою очередь, привнесло соображения нормы и нравственности. Тюремные чиновники и полиция начали оценивать нормальность и мораль заключенного, конечном итоге, эта способность судить распространилась на других «мелкомасчтабных судей», например психиатров и педагогов. Из всех этих суждений возникли новые подразделения научного карательного знания, что послужило основой «современного «научно-правового комплекса». Новый вид подчинения заключался в том, что люди определялись как объект знания, научного дискурса. Ключе-

вой момент состоит в том, что здесь обнаруживаются истоки современной гуманитарной науки. Фуко едко изобразил происхождение гуманитарных наук из русла этих дисциплин: «Техническая матрица этих наук, уже более века столь восхищающих наше "человеколюбие", — в незначительных злобных мелочах этих дисциплин и их исследований» (Foucault, 1979, p. 226).

Стоит упомянуть еще один аспект «Дисциплины и наказания» . Фуко интересует, как знание порождает методы осуществления власти. В данном контексте он рассматривает *паноптикум.* Это структура, позволяющая служителям наблюдать за всеми аспектами жизни заключенных. В сущности, постоянного присутствия надзирателей не требуется; само существование этой структуры (и возможность присутствия служителей) сдерживает преступников. Паноптикум может принимать вид находящейся в центре кольцевой тюрьмы вышки, с которой караульный имеет возможность видеть все камеры. Паноптикум становится для тюремных служителей огромным источником власти, поскольку дает им возможность тотального надзора. Еще большее значение имеет тот факт, что власть паноптикума увеличивается за счет контроля преступников за самими собой; они удерживаются от различных действий, потому что боятся, что их *могут* видеть охранники. Здесь обнаруживается отчетливая связь между знанием, технологией и властью. Кроме того, Фуко возвращается к своей обычной теме гуманитарных наук, поскольку рассматривает паноптикум как определенную лабораторию для сбора информации о людях. Паноптикум был предвестником социально-научных лабораторий и других методов социальных наук, применяющихся для сбора информации о людях. На другом уровне Фуко рассматривает паноптикум как основу «целого типа общества» (Foucault, 1979, p. 216), дисциплинарного общества.[1]

Наконец, мы можем обратиться к первому тому «Истории сексуальности» (Foucault, 1980). Здесь снова делается акцент на генеалогии власти. С точки зрения Фуко, сексуальность «особенно плотная переходная точка для отношений власти» (Foucault, 1980, p. 103). Свою цель он видит в «определении режима власти—знания—удовольствия, который *поддерживает* дискурс о человеческой сексуальности в нашей части мира» (Foucault, 1980, p. 11). Фуко исследует, как секс включается в дискурс и как власть пропитывает этот дискурс.

Фуко спорит с общепринятым мнением о том, что воззрения викторианской эпохи привели к подавлению сексуальности в целом и сексуального дискурса, в частности. В сущности, он заявляет прямо противоположное: викторианство привело к взрыву дискуссий о сексуальности. Вследствие викторианства появилось больше анализа, оценок, классификаций, детального рассмотрения и количественных/причинных исследований сексуальности. Фуко пишет: «Люди всегда спрашивают себя, почему мы были столь склонны положить конец правилам молчать о том, что было самой шумной из наших забот» (Foucault, 1980, p. 158). Особенно такая ситуация наблюдалась в школах, где вместо подавления сексуальности «вопрос секса был постоянной заботой» (Foucault, 1980, p. 27). Вот как Фуко резюмирует викторианскую гипотезу и свой альтернативный взгляд:

[1] Об интересном способе применения этой идеи см. в Zuboff (1988), где компьютер рассматривается как современный паноптикум, дающий вышестоящим практически неограниченный надзор над подчиненными.

> Следовательно, мы должны отказаться от гипотезы, согласно которой современные индустриальные общества возвестили эпоху усиленного подавления сексуальности. Мы не только были свидетелями заметного бурного роста нетрадиционной сексуальности... никогда не существовало больше центров власти; никогда не проявлялось и не выражалось больше внимания... никогда не было большего количества мест, где насыщенность удовольствий и настойчивость власти завладевают территорией только для того, чтобы распространиться в другом месте (Foucault, 1980, p. 49)

В очередной раз Фуко придает особое значение медицине и ее дискурсам по вопросам сексуальности. В то время как большинство считает, что медицина ориентирована на научный анализ сексуальности, для Фуко характерно суровое отношение к медицине: он полагает, что цель медицинского дискурса состоит «не в установлении истины, а в предотвращении самого ее появления» [Foucault, 1980, p. 55]). В моральную сторону вопроса сексуальности также включается религия, особенно западное христианство, где практикуется исповедь и существует потребность в том, чтобы человек говорил правду о сексуальности. Все указанные аспекты связаны с гуманитарными науками и их заинтересованностью в получении знаний о человеке. Точно так же как люди исповедовались своим священникам, исповедовались они и своим врачам, психиатрам и социологам. Исповедь, особенно исповедь сексуальная, была замаскирована научным подходом.

На Западе «научная программа изучения человека все более сужающимися кругами концентрировалась вокруг вопроса о сексе» (Foucault, 1980, p. 70). Выяснение вопроса о том, кто мы есть, все в большей степени стало связываться с сексом. Фуко резюмирует это так: «Секс — объяснение всему» (1980, p. 78).

Фуко не сосредоточивается на вопросе подавления сексуальности, вместо это го он утверждает, что научное изучение секса должно быть нацелено на рассмот рение взаимосвязи секса и власти. Опять же, власть не исходит из какого-либо единого центра; она существует во множестве микросфер. Кроме того, как это все гда бывает у Фуко, он утверждает, что влиянию, осуществляемому властью над сексом, оказывается сопротивление. Везде присутствует и власть, и сопротивле ние власти.

До XVIII в. общество стремилось осуществлять контроль над смертью, но начиная с этого столетия упор переместился на контроль над жизнью, особенно сексом. Власть над жизнью (и сексом) принимала две формы. Во-первых, существовала «анатомическая политика человеческого тела», целью которой было дисциплинировать человеческое тело (и его сексуальность).[1] Во-вторых, существовала «биополитика населения», направленная на контроль и регулирование роста населения, его здоровья, продолжительности жизни и т. д. В обоих случаях общество стало рассматривать «жизнь как политический объект» (Foucault, 1980, p. 145). Секс занимал центральное положение в обоих случаях: «Секс был средством доступа как к жизни человека, так и к жизни человеческого рода» (roucault, 1980, p. 146). На современном Западе секс приобрел большее значе-

[1] Творчество Фуко сыграло ключевую роль в развитии социологии тела и нового журнала «Тело и общество» (Featherstone and Turner, 1995).

ние, чем душа (и мы знаем, как важен этот вопрос в творчестве Фуко), и стал почти так же важен, как сама жизнь. С помощью знания о сексуальности общество получает больше власти над самой жизнью. Однако, несмотря на это увеличение контроля, Фуко надеется на освобождение:

> Мы должны покончить с влиянием секса, если стремимся — путем тактического изменения механизмов сексуальности — противостоять тискам власти с помощью требований тел, удовольствий и знаний в их разнообразии и возможности сопротивления. Сплачивающим началом для контрнаступления против развертывания сексуальности должно быть не сексуальное вожделение, а тела и удовольствия (Foucault, 1980, p. 157)

Дин (Dean, 1994) утверждает, что с конца 1970-х гг. и вплоть до своей смерти в 1984 г. в творчестве Фуко происходил переход от микрополитики власти к рассмотрению *«правительственности»,* или «разнородных безличных процессов, в ходе которых практики и методы руководства зависели от дискурсивных представлений о сферах их вмешательства и функционирования» (Dean, 1994, p. 78). В отличие от других теоретиков, Фуко рассматривает не конкретно государство, а «практики и рациональности, образующие способы правления и руководства» (Dean, 1994, p. 153). Так, с точки зрения воли к знанию в гуманитарных науках Фуко рассматривает, как регулируются тела, как управляется поведение и как формируется личность. Иначе говоря, его интересовало управление собой, управление другими и управление государством. В самых общих чертах, управление для Фуко связано с «руководством поведением» (Dean, 1994, p. 176).

Уже почти два десятилетия, как нет Фуко, но, несмотря на то что некоторые ранние французские структуралисты (например, Деррида) продолжают активную деятельность, постмодернистская теория догнала и опередила постструктурализм. Всегда было трудно провести четкую границу между постструктурализмом и постмодернистской теорией; по сути дела, такой границы и не существует. Постмодернистское мышление можно рассматривать как продолжение и гипертрофию постструктурализма. Независимо от того, можно провести четкое различие между этими двумя течениями или нет, очевидно, что постмодернизм стал самым значительным творением не только в социологической теории, но и в различных академических и не академических сферах.

Постмодернистская социальная теория

Сегодня социология сталкивается с ситуацией, в которой 10 лет назад уже находились некоторые направления, главным образом, в сфере гуманитарных наук:

> Момент постмодерна наступил, и сбитые с толку интеллектуалы, художники и культурные деятели задавались вопросом, стоит ли им примкнуть к движению и присоединиться к карнавалу или же лучше сидеть на обочине до тех пор, пока новое веяние не исчезнет в вихре культурной моды (Kellner, 1989b, p. 1-2)

Несмотря на то что многие социологи и некоторые социологические теоретики до сих пор считают постмодернистскую социальную теорию преходящим

Мишель Фуко: биографический очерн

«Мишель Фуко был, возможно, самым знаменитым интеллектуалом в мире», — произнес Миллер после смерти Фуко от СПИДа в 1984 г. в возрасте 57 лет. (J. Miller, 1993, p. 13). Слава Фуко была результатом захватывающих работ, оказавших влияние на мыслителей в различных сферах, включая социологию. Кроме того, Фуко прожил крайне интересную жизнь, и темы, проходящие через его жизнь, как правило, определяли и его творчество. По сути дела, можно утверждать, что через свое творчество Фуко стремился лучше понять себя и те силы, которые заставляли его вести ту жизнь, которую он вел. Среди последних работ Фуко была трилогия, посвященная сексу, — «История сексуальности» (1976), «Забота о себе» (1984) и «Польза удовольствия» (1984). Эти работы отражают пожизненную одержимость Фуко сексом. Значительная доля жизни Фуко, кажется, определялась этой навязчивой идеей, особенно его гомосексуальность и садомазохизм. Во время поездки в Сан-Франциско в 1975 г. Фуко посетил сильно заинтересовавшее его процветающее городское сообщество геев. Фуко, по-видимому, привлекал обезличенный секс, процветавший в имевших дурную репутацию банях там в тот период. Его интерес и участие в этих занятиях были частью его пожизненного интереса к «непреодолимому, невыразимому, бросающему в дрожь, ошеломляющему, экстатическому» (цит. по: J. Miller, 1993, p. 27). Иначе говоря, в жизни (и в творчестве) Фуко глубоко интересовали «пограничные переживания» (в которых люди [и он в том числе] целенаправленно доводили свои умы и тела до предела прочности), наподобие обезличенных садомазохистских опытов, происходивших в этих банях и вокруг них. Фуко был убежден в том, что именно во время таких пограничных переживаний становятся возможны великие личные и интеллектуальные прорывы.

Таким образом, секс был связан с пограничными переживаниями, при этом одно и другое было связано с взглядом Фуко на смерть: «Я думаю, что удовольствие, которое я счел бы *самым настоящим* удовольствием, было бы столь глубоким, столь сильным, столь непреодолимым, что я не смог бы его вынести. ...Полное абсолютное удовольствие... для меня оно связано со смертью» (Foucault, цит по J. Miller, 1993, p. 27). Даже осенью 1983 г., когда он уже прекрасно знал о СПИДе и о том, что гомосексуалисты имеют несоразмерно большую вероятность заразиться, он опять окунулся в обезличенный секс бань Сан-

увлечением (и для некоторых она продолжает скорее выглядеть как карнавал, нежели серьезная научная попытка), факт заключается в том, что социологические теоретики более не могут игнорировать постмодернистскую социальную теорию. В современной социальной теории она стала «самым модным развлечением городка» (Kellner, 1989b, p. 2). В сущности, эта забава была столь модной, что, по крайней мере, один теоретик настаивал на том, что следует перестать использовать этот термин, потому что «чрезмерное употребление износило его до крайности» (Lemert, 1994b, p. 142). То есть этим термином злоупотребляли как его сторонники, так и противники и сами по себе и в ходе горячих дискуссий.

С учетом значения постмодернистской социальной теории и порожденных ею жарких споров наша цель в данном разделе будет состоять в кратком введении в постмодернистскую мысль (Antonio, 1998; Ritzer, 1997). Это, однако, не простая задача. Во-первых, между постмодернистскими мыслителями, которые сами по себе чрезвычайно своеобразны, имеются значительные различия, поэтому трудно делать какие-либо обобщения, которым соответствовало бы большинство теории. Смарт (Smart, 1993), например, выделял три постмодернистские позиции.[1]

[1] Розено (Rosenau, 1992) различает скептических и позитивных постмодернистских мыслителей.

Мишель Фуко: биографический очерк (окончание)

Франциско: *«Он воспринял СПИД очень серьезно... Когда он в последний раз отправился в Сан-Франциско, он воспринял болезнь как пограничное переживание»* (цит. по: J. Miller, 1993, p. 380).

Фуко также имел пограничный опыт с ЛСД в Забриски-Пойнт в Долине Смерти весной 1975 г. Там Фуко впервые попробовал ЛСД, и наркотики очень сильно повлияли на его рассудок: «Небо взорвалось... и звезды дождем сыпятся на меня. Я знаю, что это не правда, и все же это Правда» (цит. по: J. Miller, 1993, p. 250). Со слезами, струившимися по лицу, Фуко сказал: «Я очень счастлив.... Сегодня вечером я по-новому взглянул на себя. ...Теперья понимаю свою сексуальность. ...Мы должны вернуться домой» (цит. по: J.Miller, 1993, p. 251).

До своего опыта употребления ЛСД Фуко испытывал затруднения при работе над исследованием по истории сексуальности. Он планировал применить в этой работе во многом такой же подход, какой использовал в предыдущих произведениях, посвященных вопросам безумия и др. Однако после своего пограничного опыта употребления ЛСД он полностью переосмыслил свой проект. Среди прочего, он уделил большее внимание личности. Возможно, именно этот новый подход Фуко предчувствовал, когда во время своей поездки говорил о возвращении домой (т. е. к личности).

Фуко довел себя до предела не только в личной жизни, но и в своем творчестве. В самом деле, можно сказать, что экстремальный характер обоих взаимно подпитывал обе сферы его жизни. Что бы ни говорили о творчестве Фуко, оно, несомненно, имело чрезвычайно креативный характер; оно раздвигало и, возможно, даже выходило за границы креативности. Творчество было для него пограничным переживанием, и исследование этого творчества может быть «пограничным переживанием» для читателя.

Поскольку Фуко действовал на пределе, его жизнь и творчество не поддаются простому определению. Эта трудность была бы естественной для Фуко, учитывая, что однажды он написал: «Не спрашивайте, кто я, и не просите меня оставаться неизменным.... Не один человек, как и я, несомненно, пишет для того, чтобы не иметь лица» (Foucault, цит. по: J.Miller, 1993, p. 19).

Согласно первой, крайней, постмодернистской позиции, произошел фундаментальный прорыв, и современное общество было заменено обществом постсовременным. Среди сторонников этой точки зрения Жан Бодрийяр, Жиль Делёз и Феликс Гваттари (Guattari, 1972/1983; Bogard, 1998; «Теория, культура и общество», 1997). Согласно второй позиции, хотя такое изменение и имело место, постмодернизм вырастает из модернизма и неразрывен с ним. Приверженцами этой ориентации являются такие марксистские мыслители, как Фредрик Джеймсон, Эрнесто Лаклау и Шанталь Муффе, а также такие представительницы постмодернистского феминизма, как Нэнси Фрезер и Линда Николсон. Существует, наконец, позиция, которая разделяется самим Смартом и согласно которой можно рассматривать модернизм и постмодернизм не как отдельные эпохи, а как участников длительных и непрерывных отношений, причем постмодернизм постоянно указывает на ограниченность модернизма. Хотя типология Смарта может быть полезной, постмодернисты, вероятно, ее бы отклонили как сильно упрощающую все разнообразие их идей и в ходе этого искажающую сами эти идеи.

Хотя ни один термин не имеет сегодня большего резонанса среди ученых во множестве научных дисциплин, чем «постмодерн», относительно того, каково же точное значение этого термина, присутствует неопределенность и ведется

полемика. Для большей ясности полезно проводить различие между терминами «постсовременность», «постмодернизм» и «постмодернисткая социальная теория».[1] Термин *«постсовременность»* относится к исторической эпохе, которую обычно считают следующей за эрой современности; *«постмодернизм»* — к произведениям культуры (в искусстве, кинематографе, архитектуре и т. д.), отличающихся от модернистских продуктов культуры, а *«постмодернистская социальная теория»* — к способу мышления, отличающемуся от модернистской социальной теории. Таким образом, постмодерн включает в себя *новую историческую эпоху, новые произведения культуры* и *новый тип теоретизирования о социальном мире*. Каждый из этих аспектов, несомненно, предполагает, что в последние годы произошло что-то новое и необычное, что уже нельзя описать термином «модерн» и что эти новые обстоятельства встают на место модернистских реалий.

Что касается первого из этих понятий, широко распространено мнение, согласно которому современная эпоха заканчивается или уже завершилась, и мы вступили в новую историческую эпоху *постсовременности.* Лемер утверждает, что начало постмодернизма, по крайней мере символически, можно усмотреть в

> крушении модернистской архитектуры, случившемся в 3:32 пополудни, 15 июля 1972 г. — в момент разрушения жилого микрорайона «Прютт-Айгоу» в городе Сент-Луис... Этот массивный жилой комплекс в Сент-Луисе олицетворял собой самонадеянную убежденность модернистской архитектуры в том, что постройкой крупнейшего и самого лучшего жилого комплекса проектировщики и архитекторы сумеют искоренить бедность и человеческие невзгоды. Осознавать эту символичность и разрушить олицетворение этой идеи означало признать провал модернистской архитектуры и, косвенно, самой современности (Lemert, 1990, p. 233; вслед за Jencks, 1977)

Разрушение «Прютт-Айгоу» отражает различие во взглядах модернистов и постмодернистов на возможность найти рациональные решения проблем общества. Возьмем другой пример: война с бедностью, которую вел в 1960-х гг. Линдон Джонсон, была типичным проявлением модернистской убежденности в возможности обнаружения и реального осуществления рациональных решений социальных проблем. Можно сказать, что в 1980-х гг. администрация Рейгана и ее общее нежелание разрабатывать массовые программы по преодолению таких явлений были характерными проявлениями общества постмодерна и убежденности в том, что не существует единого рационального решения различных проблем. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период между правлением президентских администраций Кеннеди, Джонсона и Рейгана Соединенные Штаты перешли от современного к постсовременному обществу. Фактически, разрушение «Прютт-Айгоу» произошло именно в этих временных рамках.

Второе понятие, «постмодернизм», связано с культурной сферой, в рамках которой утверждается, что наблюдается тенденция к вытеснению модернистских произведений продуктами постмодерна. Так, в сфере изобразительного

[1] Здесь я придерживаюсь различия, которое пропели Бест и Келлнер (Best and Kcllner, 1991, p. 5).

искусства Джеймсон (Jameson, 1984), как мы скоро увидим, сопоставляет постмодернистские, почти фотографические и безэмоциональные изображения Мэрилин Монро Энди Уорхолом с модернистским и крайне впечатляющим «Криком» Эдварда Мунка. В сфере телевидения показ «Твин Пикса» обычно считают удачным примером постмодернизма, тогда как «Папа знает лучше всех» — хороший пример модернистской телевизионной программы. В сфере кинематографа в качестве постмодернистской работы можно рассматривать «Бегущий по лезвию», тогда как «Десять заповедей», несомненно, можно определить как модернистский фильм.

Третий аспект постмодерна, гораздо более уместный в данном контексте, — это возникновение *постмодернистской социальной теории* и ее отличия от теории модернистской. Модернистская социальная теория стремилась к универсальному, внеисторическому, рациональному обоснованию своего анализа и критики общества. Для Маркса таким фундаментом было существование вида, тогда как для Хабермаса эту роль играл коммуникативный разум. Постмодернистское мышление отвергает эти поиски основания и склоняется к релятивизму, иррационализму и нигилизму. Вслед за Ницше и Фуко и некоторыми другими мыслителями постмодернисты поставили такие обоснования под сомнение, считая, что при этом определенные группы ставятся в привилегированное положение, а значение других принижается; одни группы наделяются властью, а другие представляются безвластными.

Подобным же образом, постмодернисты отрицают представление о «больших повествованиях» или метанарративах. Именно в отрицании этих идей заметную роль играет один из важнейших постмодернистов — Жан-Франсуа Лиотар. Лио-тар (Lyotard, 1984, p. xxiii) начинает с определения модернистского (научного) знания как определенного вида единого большого синтеза (или «метадискурса»), который мы связываем с творчеством таких теоретиков, как Маркс и Парсонс. Среди больших повествований, которые Лиотар связывает с модернистской наукой, присутствуют «диалектика Духа, герменевтика значения, освобождения рационального или трудящегося субъекта или создание благосостояния» (Lyotard, 1984, p. xxiii).

Раз современное знание, с точки зрения Лиотара, отождествляется с метаповествованиями, то постсовременное знание предполагает отрицание таких больших нарративов». Лиотар пишет: «До предела упрощая, я определяю *постмодерн* как недоверие к метаповествованиям» (Lyotard, 1984, p. xxiv). Конкретнее он утверждает: «Давайте вести войну с тотальностью... давайте активируем различия» (Lyotard, 1984, p. 82). Фактически, постмодернистская социальная теория становится торжеством различных теоретических подходов: «Постмодернистское знание не является просто орудием авторитетов; оно совершенствует нашу восприимчивость к различиям и усиливает нашу способность допускать несоразмерное» (Lyotard, 1984, p. xxv). С этой точки зрения, социология в своем поиске различных синтезов более конкретного характера перешла от периода модерна к эпохе постмодерна. Как считают Фрезер и Николсон, метаповествованиям или большим нарративам» модерна Лиотар предпочитает «уменьшенные, локализованные повествования» (Lyotard, 1988, p. 89). Варианты новых синтезов, обсуждавши-

еся на протяжении настоящей книги, можно считать примерами таких «уменьшенных», «локализованных» социологических повествований.

Тогда как Лиотар отвергает большие повествования в целом, Бодрийяр отрицает идею большого повествования в социологии. С одной стороны, Бодрийяр отвергает само понятие социального. С другой стороны, отрицание социального приводит к отрицанию социологического метаповествования, связанного с модерном:

> великого организующего принципа, большого повествования Социального, нашедшего поддержку и оправдание в идеях о разумном соглашении, гражданском обществе, прогрессе, власти, производстве — того, что могло свидетельствовать о том, что когда-то существовало, но более не существует. Эпоха социальной перспективы, точно совпадающая с недостаточно определенным периодом, известным как модерн... прошла (Bogard, 1990, p. 10)

Таким образом, постмодернистская социальная теория выступает за неприятие метаповествований в целом и больших повествований в социологии, в частности.

Постмодернистская социальная теория в значительной степени была созданием людей, не являвшихся социологами (Лиотара, Деррида, Джеймсона и др.). В последние годы постмодернистский подход стал использоваться рядом социологов, и постмодернистская социальная теория, по крайней мере в некоторой степени, может рассматриваться как часть классической социологической традиции. Возьмем, например, новую трактовку творчества Зиммеля, недавно появившуюся под заглавием «Постмодернистский (постмодернизированный) Зиммель» (Weinstein and Weinstein, 1993; 1998). Вайнштейцы признают вескость доводов в пользу характеристики Зиммеля как либерального модерниста, создавшего большое повествование об исторической тенденции к господству объективной культуры — «трагедии культуры». Однако при этом они утверждают, что не менее веские аргументы можно привести в пользу отнесения Зиммеля к теоретикам постмодерна. Таким образом, они признают обоснованность обеих альтернатив и считают, что обе одинаково верны. Вайнштейны заявляют: «С нашей точки зрения, "модернизм" и "постмодернизм" являются не взаимоисключающие альтернативы, а дискурсивные области, граничащие друг с другом» (1993, p. 21). Они отмечают, что могли бы интерпретировать творчество Зиммеля в модернистском ключе, но полагают, что постмодернистское толкование более полезно. Таким образом, они выражают вполне постмодернистскую позицию: «Не существует никакого конкретного Зиммеля, есть лишь разные Зиммели, прочитываемые сквозь призму разнообразных подходов современного дискурс-формирования» (Weinstein and Weinstein, 1993, p. 55).

Какие же доводы приводят Вайнштейны в защиту постмодернизированного характера творчества Зиммеля? Во -первых, обращается внимание на то, что Зиммель в целом был противником тотализации; действительно, он склонен к детотализированию современности. Несмотря на свою теорию «трагедии культуры» и за ее исключением, Зиммель был прежде всего эссеистом и рассказчиком и в основном рассматривал диапазон конкретных проблем, нежели всю целостность социального мира.

Помимо этого, Вайнштейны и другие теоретики характеризуют Зиммеля как *«фланёра»,* т. е. праздношатающегося. Конкретнее, Зиммель описывается ими как социолог, который праздно проводил время, анализируя разнообразные социальные явления. Все они интересовали его благодаря своим эстетическим качествами существовали для того, чтобы «щекотать, удивлять, радовать или доставлять ему удовольствие» (Weinstein and Weinstein, 1993, p. 60). Рассказывается, как Зиммель проводил свою интеллектуальную жизнь, бродя среди многообразных социальных явлений, описывая одно или другое в зависимости от своего настроения. Такой подход увел Зиммеля от тотализированного видения мира и привел к рассмотрению им ряда отдельных, но важных элементов этого мира.

Зиммель также описывается словом «бриколёр». *Бриколёр* — это такой интеллектуальный «мастер на все руки», который использует все, чему случается попасть в его распоряжение. В распоряжении Зиммеля были многообразные фрагменты социального мира или, как пишут в терминах Зиммеля Вайнштейны (1993, p. 70), «черепки объективной культуры». Будучи *бриколёром,* Зиммель по кусочкам соединяет любые идеи, которые может найти, чтобы пролить свет на социальный мир.

Нет необходимости слишком детально разбирать интерпретацию Вайнштей-нами постмодернизированного творчества Зиммеля. Уже приведенные примеры разъясняют, что такая трактовка столь же приемлема, сколь и модернизированное видение. Было бы гораздо сложнее сформулировать схожие постмодернистские взгляды других крупнейших классических теоретиков, хотя, несомненно, можно обнаружить такие аспекты их творчества, которые согласуются с постмодернистской социальной теорией. Сэйдман (Seidman, 1991) поясняет, что большая часть социологической теории модернистская, но, как показывает случай Зиммеля, даже во вполне модернистской традиции присутствуют признаки постмодерна.

Признаки постмодернистской социальной теории можно также обнаружить у критиков теории модерна *в рамках* социологической теории. Как отмечают некоторые ученые (Antonio, 1991; Best and Kellner, 1991; Smart, 1993), ключевая позиция представлена Ч. Райтом Миллзом (Mills, 1959). Во-первых, Миллз на самом деле использовал термин «постмодерн» для описания следующей за Просвещением эпохи, в которую мы вступали: «Мы находимся в конце так называемой эпохи модерна.... За эпохой модерна следует период постмодерна» (Mills, 1959, p. 165-166). Во-вторых, он был суровым критиком модернистской «большой тео-рии» социологии, особенно в том виде, в каком это осуществлялось Толкоттом Парсонсом. В-третьих, Миллз одобрял социальную и нравственную вовлеченность социологии. Говоря его языком, он стремился к социологии, связывавшей широкие общественные проблемы с конкретными личными.

Несмотря на то что в творчестве Зиммеля и Миллза (и многих других) присутствуют признаки постмодернистской социальной теории, саму эту теорию мы обнаруживаем не здесь. Например, Бест и Келлнер утверждают, что Миллз «в весьма значительной степени является модернистом, если принимать во внимание его широкие социологические обобщения, тотализирующие социологические и исторические обзоры и веру в силу социологического воображения в деле понимания социальной реальности и изменения общества» (Best and Kellner, 1991, p. 8).

Принимая во внимание описанные общие положения, перейдем теперь к более конкретному рассмотрению постмодернистской социальной теории. Мы познакомимся с некоторыми воззрениями двух крупнейших представителей постмодернистской социальной теории — Фредрика Джеймсона и Жана Бодрийяра.

Умеренная постмодернистская социальная теория: фредрик Джеймсон

Преобладающий взгляд на постсовременность, несомненно, заключается в том, что между современностью и постсовременностью существует фундаментальное разъединение. Однако некоторые представители постмодернистской теории утверждают, что, хотя постсовременность имеет значительные отличия от современности, между ними прослеживается преемственность. Наиболее известны доводы, которые приводит на этот счет Фредрик Джеймсон (Jameson, 1984) в своем эссе, озаглавленном «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма», а также позже в своем сборнике эссе под тем же заглавием (Jameson, 1991). Данное заглавие служит явным признаком разделяемой Джеймсоном марксистской позиции, согласно которой капитализм в настоящее время находится в своей «поздней» фазе, продолжает быть преобладающей чертой сегодняшнего мира, но породил новую культурную логику — постмодернизм. Иначе говоря, несмотря на то что культурная логика могла измениться, фундаментальная экономическая структура соответствует более ранним формам капитализма. Кроме того, капитализм продолжает свои старые привычки создания культурной логики с целью способствовать своему сохранению.

Ясно, что раз Джеймсон рассуждает в таком ключе, он отрицает утверждение многих постмодернистов (например, Лиотара, Бодрийяра) о том, что марксистская теория, возможно, представляет собой преимущественно большое повествование и, следовательно, не относится к постсовременности и не соответствует ей. Джеймсон не только занимается спасением марксистской теории — он пытается доказать, что она предлагает наилучшее теоретическое объяснение постмодерна. Интересно, что, хотя Джеймсона обычно превозносят за его глубокое понимание культуры постмодернизма, он часто подвергается критике, особенно марксистами, за несоответствующий анализ экономического фундамента этого нового культурного мира.

Снова следуя творчеству Маркса, Джеймсон (Jameson, 1984, p. 86), в отличие от большинства теоретиков постмодернизма, видит в постсовременном обществе как положительные, так и отрицательные черты, «катастрофу и прогресс одновременно». Маркс, несомненно, сходным образом понимал капитализм: он говорил о возникновении ценных достижений и свобод *и в то же время* высшей степени эксплуатации и отчуждения.

Прежде всего Джеймсон признает, что постмодернизм ассоциируется с фундаментальным расколом, но затем рассмотрев ряд явлений, которые обычно связывают с постмодернизмом, он задает вопрос: «Означают ли эти наблюдаемые изменения разрыв более фундаментальный, чем периодические изменения в стиле и моде, определяемые старым, весьма модернистским императивом стилистических новшеств?» (Jameson, 1984, p. 54). Он отвечает на это, что хотя, безусловно,

свершились эстетические изменения, эти изменения продолжают оставаться функцией фундаментальной экономической динамики:

> Произошло то, что эстетическое производство сегодня стало частью товарного производства в целом: насущная экономическая необходимость производства новой волны товаров, которые представляются все большими новинками (от одежды до самолетов), с все большей нормой оборота, в настоящее время закрепляет за эстетическими новшествами и экспериментами все более значимую структурную функцию и положение. Такая экономическая необходимость, таким образом, находит признание в институциональной поддержке всего того, что полезно для нового искусства — от пожертвований и субсидий до музеев и других форм попечительства (Jameson, 1984, p. 56)

Неразрывность с прошлым еще яснее и драматичнее проявляется в следующем высказывании:

> Вся глобальная, и тем не менее американская, постмодернистская культура является внутренним надстроечным проявлением новой волны американского военного и экономического господства во всем мире: в этом отношении, как происходит на всем протяжении классовой истории, оборотной стороной культуры оказываются кровь, пытки, смерть и ужас (Jameson, 1984, p. 57)

Джеймсон (вслед за Эрнестом Манделом) выделяет в истории капитализма три этапа. Первый, проанализированный Марксом, этап — это рыночный капитализм, или возникновение единых национальных рынков. Вторая, проанализированная Лениным, стадия — империалистическая, связанная с возникновением глобальной капиталистической системы. Третий этап, названный Манделом (Mandel, 1975) и Джеймсоном «поздним капитализмом» , включает в себя «обширную экспансию капитала в до сей поры не коммерционализированные сферы» (Jameson, 1984, p. 78). Эта экспансия, «отнюдь не противоречащая проведенному Марксом в XIX веке великолепному анализу, напротив, образует самую чистую форму капитала из когда-либо возникавших» (Jameson, 1984, p. 78). Джеймсон пишет: «Марксистская основа остается необходимой для понимания нового исторического содержания, которое требует не изменения марксистской основы, а ее расширения» (цит. по: Stephanson, 19889, p. 54). По мнению Джеймсона, ключ к современному капитализму заключается в его многонациональном характере, а также в том, что он существенно расширил сферу коммодификации.

Эти изменения в экономической структуре отразились в культуре. Так, Джеймсон связывает реалистическую культуру с рыночным капитализмом, модернистскую культуру — с монополистическим капитализмом, а культуру постмодерна — с многонациональным капитализмом. Такой подход представляется модернизированной версией марксистской аргументации с позиции фундамента и надстройки, и многие критиковали Джеймсона за применение столь упрощенного подхода. Однако Джеймсон всеми силами постарался избежать такой «вульгарной» позиции и описал более сложную взаимосвязь между экономикой и культурой. Тем не менее даже такой сочувственно настроенный критик, как Фезерстоун, заключает: «Ясно, что его понимание культуры в значительной степени ограничивается рамками модели фундамента-надстройки» (Featherstone, 1989, p. 119).

От этапа монополистического капитализма, когда культура была, по крайней в какой-то степени, автономна, капитализм перешел к многонациональному капитализму, когда произошел взрыв культуры:

> Произошла повсеместная обширная экспансия культуры в сферу социального до такой степени, когда обо всем в нашей социальной жизни — от экономической стоимости и государственной власти до обычаев и самой структуры духа, можно сказать, что они стали «культурными» в неком своеобразном и пока еще не осмыслены теоретически. Это, возможно, поразительное утверждение тем не менее вполне согласуется с предыдущей характеристикой общества видимостей или симулякра [скоро мы дадим определение этого термина] и преобразованием "реального" во множество псевдособытий (Jameson, 1984, p. 87)

Джеймсон описывает эту новую форму как «культурную доминанту». Постмодернизм как культурная доминанта представляется как «силовое поле, в котором должны пробивать себе дорогу... совершенно различные виды культурных импульсов» (Jameson, 1984, p. 57). Таким образом, хотя постмодернизм является «новой систематической культурной нормой», он состоит из ряда вполне разнородных элементов (Jameson, 1984, p. 57). Употребляя термин «культурная доминанта», Джеймсон также, очевидно, имеет в виду, что хотя постмодернистская культура признается господствующей, в сегодняшней культуре существуют и другие силы.

Фредрик Джеймсон предлагает недвусмысленный образ постсовременного общества: состоящий из четырех основных элементов (пятый, его позднекапиталистический характер, нами уже рассматривался). Во-первых, общество постмодерна характеризуется поверхностностью и недостатком глубины. Постмодернистские произведения культуры довольствуются неглубокими образами и не делают глубоких изысканий фундаментальных значений. Хорошим примером служит известное произведение Энди Уорхола «Банки с супом Кэмпбелл», которое кажется не чем иным, как совершенным изображением этих банок. Если использовать ключевой связанный с постмодернистской теорией термин, можно сказать, что эта картина своеобразный *симулякр,* в котором невозможно отличить оригинал от копии. Симулякр есть также копия копии; говорили, что Уор-хол писал свои банки с супом не с настоящих банок, а с их фотографии. Джеймсон характеризует симулякр как «идентичную копию, для которой никогда не существовало оригинала» (1984, p. 66). Симулякр, по определению, поверхностен и неглубок.

Во-вторых, постмодернизм характеризуется ослаблением эмоций или аффектов. В качестве примера Джеймсон противопоставляет еще одно произведение Уорхола — опять же почти фотографическое изображение на этот раз Мэрилин Монро, — классическому модернистскому художественному произведению — «Крику» Эдварда Мунка. «Крик» — это сверхреальное изображение человека, выражающее глубину отчаяния, или на языке социологии, аномию или отчуждение. Изображение Мэрилин Монро Уорхола поверхностно и не выражает никакой искренней лоции. В этом проявляется позиция постмодернистов, согласно которой отчужде-[e] и аномия, бывшие причиной изображенной Мунком реакции — частью мира Дерна, который уже остался в прошлом. В мире постмодерна отчуждение за-

менилось фрагментацией. Поскольку мир и люди в этом мире распались на части, остается лишь «беспричинный и обезличенный» (Jameson, 1984, p. 64) аффект. С характерными для постмодерна ощущениями связана своеобразная эйфория, которую Джеймсон предпочитает именовать «накалом». В качестве примера он приводит фотореалистический городской пейзаж, «где даже автомобильные обломки сверкают неким новым иллюзорным блеском» (Jameson, 1984, p. 76). Эйфория от автомобильных катастроф среди городского убожества, в самом деле, эмоция совершенно особого рода. Постмодернистский накал также случается, когда «человек увлекается новыми электронными средствами» (Donougho, 1989, p. 85).

В-третьих, утрачена историчность. Мы не можем знать прошлого. Все, что нам доступно, это тексты о прошлом, и все, что мы можем сделать, это производить вдобавок к ним другие тексты на эту же тему. Утрата историчности привела к «беспорядочному пожиранию всех стилей прошлого» (Jameson, 1984, p. 65-66). Здесь мы подходим к еще одному ключевому термину постмодернистского мышления — *попурри*. Поскольку историки не имеют возможности узнать истину о прошлом или даже составить о нем связный рассказ, они довольствуются созданием попурри о прошлом, или смеси идей, порой противоречивой и бессвязной. Помимо этого, нет ясного ощущения исторического развития, хода времени. Прошлое и настоящее неразрывно переплетены. Например, в таких исторических романах, как «Рэгтайм» Э. Л. Доктороу, мы наблюдаем «исчезновение связи с прошлым. Этот исторический роман больше не может претендовать на изображение исторического прошлого; он может только "изображать" наши воззрения и стереотипные представления об этом прошлом» (Jameson, 1984, p. 71). Еще одним примером служит кинофильм «Жар тела», который, хотя, несомненно, повествует о настоящем, создает атмосферу, напоминающую о 1930-х гг. С этой целью

> предметный мир сегодняшнего дня — предметы материальной культуры и приспособления, даже автомобили, дизайн которых мог бы указать на время повествования — тщательно вымаран. Следовательно, все в этом фильма призвано скрыть его формальную современность и обеспечить возможность воспринимать повествование, как будто действие происходит в какие-то вечные тридцатые, вне исторического времени Oameson, 1984, p. 68)

Кинофильм типа «Жар тела» или такой роман, как «Рэгтайм», являются «детально оформленным признаком ослабления нашей историчности» (Jameson, 1984, p. 68). Эта утрата временного восприятия, неспособность различать прошлое, настоящее и будущее проявляется на индивидуальном уровне в своего рода шизофрении. Для индивида эпохи постмодерна события носят раздробленный и дискретный характер.

В-четвертых, с обществом постмодерна связана новая технология. Вместо производительных технологий, таких как конвейер по сборке автомобилей, здесь мы имеем преобладание воспроизводственных технологий, особенно электронных средств типа телевизора и компьютера. Вместо «бурных» технологий индустриальной революции мы сегодня владеем такими технологиями, как телевидение, «которое ничего не выражает, а скорее сжимается, неся в себе свою плоскую поверхность изображений» (Jameson, 1984, p. 79). Сжимающиеся, уплощающиеся

технологии постмодернистской эпохи порождают продукты культуры, совершено отличные от взрывных, расширяющихся технологий эпохи модерна.

В целом, Джеймсон предлагает нам образ постмодерна, в котором люди ПЛЫВУТ по течению и не способны постичь многонациональную капиталистическую систему или бурно растущую культуру, в которой они живут. В качестве образца этого мира и места человека в нем Джеймсон приводит пример отеля «Бонавентуре» в Лос-Анджелесе, спроектированного известным постмодернистским архитектором Джоном Портманом. В частности, Джеймсон отмечает, что в этом отеле человек не способен сориентироваться в вестибюле. Вестибюль служит примером того, что Джеймсон обозначает термином *«гиперпространство»,* сферы, в которой модернистские концепции пространства не могут помочь нам сориентироваться. В данном случае вестибюль окружают четыре абсолютно симметричных башни, в которых находятся номера. Фактически, пришлось ввести в отеле цветное кодирование и указательные сигналы, чтобы помочь людям найти свое направление. Ключевой момент здесь, однако, состоит в том, что в том виде, в каком отель задумывался изначально, людям было очень трудно сориентироваться в фойе отеля.

Ситуация в вестибюле отеля «Бонавентуре» может рассматриваться как метафора нашей неспособности сориентироваться в многонациональной экономике и бурном культурном развитии позднего капитализма. Будучи марксистом, Джеймсон, в отличие от многих постмодернистов, не желает оставлять все как есть и вырабатывает, по крайней мере, частичное решение проблемы жизни в обществе постмодерна. Он считает, что нам необходимы карты познания, которые помогут нам ориентироваться (Jagtenberg and Mekie, 1997). При этом они не являются и не могут быть картами прежней эпохи. Таким образом, Джеймсон ожидает

> прорыва к какому-то пока еще невообразимому новому способу представления... [позднего капитализма], в котором мы можем снова осознать свое место в мире как индивидуальных и коллективных субъектов и вновь обрести способность действовать и бороться, в настоящее время уничтоженную нашим пространственным и социальным замешательством. Политическая форма постмодернизма, если таковая существует, будет призвана изобретать и проектировать глобальные когнитивные картографии в социальном, а также пространственном измерении Qameson, 1984, p. 92)

Эти когнитивные карты могут происходить из различных источников: от социальных теоретиков (в том числе Джеймсона, которого можно считать создателем такой карты в своем творчестве), писателей, а также обычных людей в их повседневной жизни, которые могут чертить карту собственного пространства, конечно, карты для такого марксиста, как Джеймсон, не самоцель, но они должны использоваться в качестве основы для радикальных политических действий в постмодернистском обществе.

Потребность в картах связана с убеждением Джеймсона о том, что мы перешли мира, определяемого на основе времени, к миру, определяемому пространственно. В самом деле, понятие гиперпространства и пример с вестибюлем в отеле « Бо навентуре» отражают господство пространства в постмодернистском мире. Таким образом, центральной проблемой сегодня, по мнению Джеймсона, становится

«утрата нами способности *определять свое место в этом пространстве и строить его когнитивные карты»* (Jameson, цит. по: Stephanson, 1989, p. 48).

Интересно, что Джеймсон связывает понятие когнитивных карт с марксистской теорией, а именно с идеей классового сознания: «"Когнитивная картография", фактически, была всего лишь кодовым обозначением "классового сознания"... но она предполагала потребность в классовом сознании нового и до сего времени невообразимого рода, одновременно сместив рассмотрение в направлении новой пространственное™, подразумеваемой в постмодерне» (Jameson, 1989, p. 387).

Значительное преимущество творчества Джеймсона заключается в попытке синтеза марксистской теории и постмодернизма. Хотя следует отдать ему /юлжное, дело в том, что зачастую его творчество не устраивает *и* марксистов, *и* постмодернистов. Как пишут Бест и Келлнер, «его творчество служит примером потенциальных опасностей эклектической, основанной на разных подходах теории, пытающейся вобрать в себя несметное число позиций, некоторые из которых плохо сочетаются или противоречат друг другу, как это происходит при создании неудачного союза классического марксизма и крайнего постмодернизма» (Best and Kellner, 1991, p. 192). Если говорить конкретнее, некоторые марксисты, например, не согласны с пониманием Джеймсоном постмодернизма как культурной доминанты, а некоторые постмодернисты критикуют его за принятие тотализирующего взгляда на мир.

Радикальная постмодернистская социальная теория: Жан Бодрийяр

Если Джеймсон — один из довольно умеренных социальных постмодернистских теоретиков, то Жан Бодрийяр — один из наиболее радикальных и неистовых представителей данного направления. В отличие от Джеймсона, Бодрийяр получил социологическое образование, однако его творчество давно вышло за границы данной дисциплины; действительно, оно не сдерживается какими-либо дисциплинарными рамками, и Бодрийяр в любом случае вообще отрицал само понятие дисциплинарных границ.

Следуя Келлнеру (Kellner, 1989d; готовится к изданию), мы сделаем краткий обзор эволюции творчества Бодрийяра. Для его ранних работ, восходящих к 1960-м гг., была характерна модернистская (Бодрийяр не использовал термин «постмодернизм» вплоть до 1880-х гг.) и марксистская ориентация. В своих ранних произведениях Бодрийяр разрабатывал марксистскую критику общества потребления. Уже на эти произведения существенный отпечаток наложили лингвистика и семиотика, из-за чего Келлнер утверждает, что раннее творчество Бодрийяра лучше всего рассматривать как «семиологическое дополнение к теории политической экономии Маркса». Однако это случилось незадолго до того, как Бодрийяр начал подвергать марксистский подход (а также структурализм) критике и, в конечном счете, отказался от него.

В работе «Зеркало производства» Бодрийяр (Baudrillard, 1973/1975) пришел к выводу, что марксистский подход является зеркальным отражением консервативной политической экономии. Иначе говоря, Маркс (и марксисты) придерживались такого же взгляда на мир, как и консервативные сторонники капитализма.

По мнению Бодрийяра, Маркс был заражен «вирусом буржуазной мысли» (Baudrillard 1973/1975, p. 39). Конкретно, подход, применявшийся Марксом, был наполнен'консервативными понятиями, такими как «труд» и «стоимость». Требовалась новая, более радикальная ориентация.

Бодрийяр высказал идею символического обмена в качестве альтернативы — и полного отрицания — обмену экономическому (Cook, 1994). Символический обмен включает в себя непрерывный цикл «приобретения и возмещения, отдачи и получения», *«цикл* даров и встречных даров» (Baudrillard, 1973/1975, p. 83). Это была идея, не попавшая в ловушку, расставленную Марксом; символический обмен явно был вне логики капитализма и противостоял ей. Понятие символического обмена подразумевало политическую программу, нацеленную на создание общества, характеризующегося таким обменом. Например, Бодрийяр выражает критическое отношение к рабочему классу и, кажется, более положительно настроен по отношению к новым левым, или хиппи. Вскоре, однако, он отказался от *всех* политических целей.

Вместо этого Бодрийяр обратил свое внимание на анализ современного ему общества, в котором, как он полагает, уже господствует не производство, а «средства массовой информации, кибернетические модели и системы управления, компьютеры, обработка информации, индустрия развлечений и знаний и т. д.» (Kellner, 1989d, p. 61). Из этих систем рождается подлинный взрыв знаков (Harris, 1996). Можно сказать, что мы перешли от общества, где господствовал способ производства, к обществу, контролируемому кодом производства. Цель сдвинулась от эксплуатации и получения прибыли к достижению господства с помощью знаков и производящих их систем. Кроме того, хотя когда-то знаки обозначали нечто реально существующее, теперь они не представляют собой практически ничего, кроме самих себя и других знаков; знаки стали самореферентными. Мы больше не можем говорить о том, что реально; различие между знаками и действительностью *сократилось.* В наиболее общем плане, мир постмодерна (потому что теперь Бодрийяр действует непосредственно в этом мире) — это мир, для которого характерно такое сжатие в противовес расширению (производственных систем, товаров, технологий и т.д.), которое было свойственно обществу модерна. Таким образом, аналогично тому, как модернистский мир претерпел процесс дифференциации, можно считать, что постмодернистский мир подвергается *дедифференциации.*

При описании мира постмодерна Бодрийяр, как и Джеймсон, также отмечает, что он характеризуется *подражательством;* мы живем в «век притворства» (Baudrillard, 1983, p. 4; Der Derian, 1994). Процесс подражания приводит к созданию *симулякров,* или «воспроизведений объектов или событий» (Kellner, 1989d, p. 78). v-огда стирается различие между знаками и реальностью, все труднее становится отличить реальное от того, что его копирует. Бодрийяр, например, говорит о «растворении телевидения в жизни, растворении жизни в телевидении» (1983, p. 55). конечном счете, именно изображения реального, имитации занимают господствующее положение. Мы в плену этих симуляций, которые «образуют спиралевидную, круговую систему, не имеющую начала и конца» (Kellner, 1989d, p. 83).

Бодрийяр (Baudrillard, 1983) характеризует этот мир как *сверхреальность.* апример, средства массовой информации перестают быть зеркалом действи-

тельности, они становятся этой действительностью или даже становятся более реальными, чем реальность. Низкопробные новостные шоу, которые так популярны сегодня на телевидении (например, «Местный выпуск»), служат наряду с «информационной мозаикой» хорошим примером этой ситуации, поскольку ложь и искажение фактов, которые они преподносят зрителям, — это больше, чем реальность; это сверхреальность. В результате, реальное ставится в подчиненное положение и, в конечном счете, вообще исчезает. Становится невозможно отличить реальность от спектакля. В сущности, «реальные» события все более принимают характер сверхреальных. Например, судебный процесс над бывшей футбольной звездой О. Дж. Симпсоном за убийства Николь Симпсон и Рональда Голдмана казался сверхреальным, прекрасной пищей для сверхреальных телевизионных шоу типа «Местный выпуск». В конечном счете реальности больше нет, есть лишь сверхреальность.

Рассматривая описанные аспекты, Бодрийяр концентрирует свое внимание на культуре, в которой, как он считает, происходит массовая «катастрофическая» революция. Эта революция включает в себя все более возрастающую пассивность масс, а не их возрастающую мятежность, о которой говорили марксисты. Таким образом, масса представляется «"черной дырой" [которая] поглощает все значение, информацию, коммуникацию, сообщения и т.д., таким образом делая их бессмысленными... массы угрюмо бредут своим путем, игнорируя попытки манипулировать ими» (Kellner, 1989d, p. 85). Слова «безразличие», «апатия» и «инертность» хорошо характеризуют массы, пронизанные символами средств массовой информации, симулякрами и сверхреальностью. Средства массовой информации не манипулируют массами, но вынуждены удовлетворять их растущий спрос на вещи и зрелища. В определенном смысле общество само превращается в черную дыру, которой предстают массы. Резюмируя значительную часть этой теории, Келлнер заключает:

> Развитие инертности, превращение значения в средства массовой информации, превращение социального в массы, превращение масс в черную дыру нигилизма и бессмысленности — таково постмодернистское видение Бодрийяра (Kellner, 1989d, p. 118)

Каким бы необычным ни казался такой анализ, в работе «Символический обмен и смерть» (1976/1993) Бодрийяр еще более странен, скандален, непочтителен, неразборчив, игрив или, как говорит Келлнер, «карнавален». Бодрийяр рассматривает современное общество как культуру смерти, где смерть является «образцом всякого социального исключения и дискриминации» (Kellner, 1989d, p. 104). Акцент на смерти также отражает бинарную оппозицию жизни и смерти. Напротив, общества, для которых характерен символический обмен, уничтожают бинарные оппозиции между жизнью и смертью (и с помощью этого также исключение и дискриминацию, которые сопутствуют культуре смерти). Именно страх смерти и исключения заставляет людей еще глубже погружаться в культуру потребления.

Понимание символического обмена как предпочтительной альтернативы современному обществу стало казаться Бодрийяру (Baudrillard, 1979/1990) слишком примитивным, и в качестве предпочтительной альтернативы он стал рассматривать *соблазн,* возможно, потому, что это больше соответствовало возникавшему ощущению постмодернизма. Соблазн «подразумевает очарование чистых простых игр, поверх-

ностных обрядов» (Kellner, 1989d, p. 149). Бодрийяр превозносит соблазн, который со всей его бессмысленностью, игривостью, поверхностностью, «абсурдностью» и иррациональностью превосходит мир, в котором господствует производство.

В конечном счете, Бодрийяр предлагает теорию неизбежного. Так, в одной из своих поздних работ под названием «Америка» он пишет, что при своем посещении этой страны «искал законченную форму будущей катастрофы» (Baudrillard, 1986/ 1989 p. 5). Здесь нет надежды на революцию, как у Маркса. Здесь нет даже возможности реформирования общества, на что рассчитывал Дюркгейм. В противоположность этому, мы представляемся обреченными на жизнь среди копий, сверхреальности и сужения всего существующего в непостижимую черную дыру. Хотя в творчестве Бодрийяра обнаруживаются также такие смутные альтернативы, как символический обмен и соблазн, обычно он уклоняется от превознесения их достоинств или формулировки политической программы по их осуществлению.

Постмодернистская социальная теория и социологическая теория

Существует точка зрения, согласно которой постмодернистская социальная теория, особенно в своих более радикальных вариантах, представляет собой альтернативу, несоизмеримую с социологической теорией. В известном отношении ее вообще не считают теорией, по крайней мере, в том смысле, в каком мы обычно используем этот термин. В начале настоящей книги мы определили социологическую теорию как «"большие идеи" в социологии, которые выдержали (или обещают выдержать) испытание временем, системы воззрений, которые рассматривают важнейшие социальные вопросы и являются широкими по своему масштабу». Мне кажется, что радикальные идеи такого постмодерниста, как Бодрийяр, вполне соответствуют этому определению. Бодрийяр, безусловно, выдвигает ряд «больших идей» (подражание, сверхреальность, символический обмен, соблазн). Это идеи, в полной мере обещающие выдержать испытание временем. Помимо этого, Бодрийяр, несомненно, рассматривает важнейшие социальные проблемы (например, контроль средств массовой информации); его идеи затрагивают значительную часть социального мира, если не весь этот мир. Таким образом, по моему мнению, Бодрийяр предлагает социологическую теорию, и если так можно сказать о Бодрийяре, то, конечно, это утверждение справедливо и относительно Джейм-сона и большинства других постмодернистов.

Реальная угроза постмодернистской социальной теории в большей степени исходит из ее формы, нежели ее содержания. Отрицая большие повествования, постмодернисты отрицают большую часть того, что мы обычно считаем социологической теорией. Бодрийяр и другие постмодернисты не предлагают больших повествований, а скорее создают отрывки и фрагменты идей, зачастую кажущиеся противоречащими . Если постмодернисты одержат победу, социологическая теория будущего существенно изменится по сравнению с сегодняшним днем. Но даже если форма будет
ючти нераспознаваемой, содержание тем не менее сохранит важные, широкого диапазона идеи относительно социальных проблем.

Нто бы ни заключало в себе будущее, в настоящее время постмодернистские
оциальные теоретики создают необычайно много значительных увлекательных

идей. С этими идеями нельзя не считаться, и по мере их включения в социологию они, возможно, будут двигать социологическую теорию в каких-либо новых непредвиденных направлениях.

Применение постмодернистской социальной теории

В главе 12 мы коснулись моего исследования новых средств потребления (Ritzer, 1999). Они описывались как современные явления, во-первых, потому что это нововведения и, во-вторых, потому что чрезвычайно рационализированы. Однако высокая степень рационализации не только обеспечивает им различные возможности, но и порождает проблемы, и именно в ответах на эти вопросы можно рассматривать полезность социальной теории постсовременности, особенно идей Жана Бодрийяра.

В то время как Макс Вебер предупреждает нас о процессе рационализации, он также привлекает наше внимание к проблемам, связанным с рационализацией, особенно разочарованию. Один из наиболее общих тезисов Макса Вебера заключается в том, что вследствие рационализации западный мир все более разочаровывается (Schneider, 1993, p. ix). Разочарование предполагает вытеснение «магических составляющих мышления» (Gerth and Mills, 1958, p. 51). Как пишет Шнайдер (Schneider, 1993, p. ix), «Макс Вебер увидел, что история покинула околдованное прошлое по пути к разочарованному будущему — путешествие, которое постепенно лишает природный мир его магических свойств, а также осмысленности». «Он считал, что в свете на вид неустанного развития науки и бюрократической социальной организации разочарование все дальше и дальше будет отступать от институциональных центров нашей культуры. Доведенный до конца, этот процесс превратит жизнь в повесть, которая, независимо от того, рассказывается она идиотом или нет, безусловно не будет означать ничего, так как смысл из нее выхолощен» (Schneider, 1993, p. xiii).

Разочарование ставит перед новыми средствами потребления серьезную проблему. Атмосфера разочарования не очень привлекательна для потребителей, и они вряд ли будут снова и снова возвращаться в такие места. Вследствие этого, новым средствам потребления необходимо найти какой-либо способ вновь придать себе очарование. Понятие обновленного очарования подводит нас к постмодернистской социальной теории, поскольку постмодернисты придают этому процессу центральное значение:

> Постсовременность... влечет за собой «обновленное очарование» мира вслед за горячей и затяжной, хотя, в конечном счете, и неубедительной, борьбой модерна за его разочарование (или, говоря точнее, сопротивление разочарованию, едва ли когда-нибудь прекращавшееся, все время было «постмодернистским шипом» в теле модерна). Подозрительное отношение к человеческой спонтанности, побуждениям, импульсам и наклонностям, сопротивлявшееся предсказуемости и рациональному обоснованию, почти полностью сменилось подозрительным отношением к безэмоциональному, расчетливому разуму. Достоинство было вновь обращено в эмоции; законность в «необъяснимое», даже *иррациональное*... В постсовременном мире *тайна* уже не является просто ожидающим распоряжения о высылке чужестранцем, которого как-то еще терпят... Мы учимся жить среди событий и действий, которые не просто еще-не-объяснены, а которые (потому что все мы знаем о том, что мы когда-либо будем знать) необъясни-

> мы. Мы вновь учимся почтительно относиться к двусмысленности, чувствовать уважение к человеческим эмоциям, ценить поступки, совершаемые без цели и исчисляемых выгод (Bauman, 1993, p. 33).

Например, Бодрийяр (Baudrillard, 1983/1990, p. 51) утверждает, что вышеописанный «соблазн» дает возможность вернуть нашей жизни очарование. В отличие от полной ясности и прозрачности, ассоциируемых с модерном, соблазн предлагает нам «игру и власть иллюзий». Обновленное очарование дает выход из дилеммы, порожденной расколдовыванием мира в целом и средств потребления, в частности. Чтобы продолжать привлекать, контролировать и эксплуатировать потребителей, соборы потребления проходят через непрерывный процесс обновления очарования.

Ключевое значение в возврате средствам потребления очарования имеет спектакль (DeBord, 1967/1994). Обычно мы определяем спектакль как публичное драматическое представление. В данном случае эти представления ориентированы на возврат очарования новым средствам потребления. Спектакли могут устраиваться намеренно, а могут отчасти или целиком быть незапланированными. Мы остановимся на последнем виде зрелищ, уделяя особое внимание их связи с вышеописанными постсовременными процессами подражания и сжатия.

Подражание. Возможно, важнейшей причиной создания имитаций, или преобразования «реальных» явлений в подражание, может быть тот факт, что их можно сделать более зрелищными, чем их оригиналы, и, следовательно, представляющими для потребителей больший соблазн. Возьмем, например, Лас-Вегас: он стал первым по смоделированным спектаклям, потому что создал множество искусственных сцен в одном месте. Где еще вы сможете обнаружить Нью-Йорк, Монте-Карло, Белладжо, Венецию и Париж на расстоянии нескольких минут ходьбы друг от друга? Даже если бы вы поехали в один из этих настоящих городов, вы смогли бы познакомиться только с этим городом. В любом случае, туристические районы в этих городах сами стали имитацией.

Отели-казино Лас-Вегаса одержали победу на границе между реальным и нереальным. Белладжо — это имитация носящего то же название региона Италии, но оно также содержит оригинальные произведения изобразительного искусства стоимостью 260 миллионов долларов — работы таких мастеров, как Ренуар, Сезанн и Пикассо. Приблизительно в то же самое время, когда было открыто Белладжо, отель-казино «Рио» разместил в своих стенах полугодовую выставку сокровищ российской династии Романовых. Среди экспонатов был трон Перта Великого и перо работы Фаберже, которым царь Николай в 1917 г. подписал отречение от престола. Эти «настоящие» предметы хранились в виде точных копий в российских царских галереях, в том числе и «копия неоготического потолка из искусственного материала». Могила Царя Тота в отеле «Луксор» называется «музеем», хотя все экспонаты в нем копии. Однако в сувенирной лавке продаются «подлинные древние монеты, египетские гравюры XVIII в., масляные лампы и др.». Как сказал один художественный критик, «в музее все было подделкой, а в сувенирной лавке продавались подлинные вещи. В этом был для меня весь Лас-Вегас» (Binkley, 1998, p. B10).

Хакстебл, вслед за Умберто Эко (и Бодрийяром), утверждает, что «нереальное стало реальностью... Реальное теперь имитирует имитацию» (цит. по: Huxtable,

1997a, p. 64, 65). Например, очевидно искусственный и нереальный мир Диснея стал образцом не только диснеевского городка Праздника, но многих других районов по всей территории Соединенных Штатов. В качестве примера популярных районов, где была предпринята попытка создать суррогатную Америку небольших городков, первое место среди которых занимает мир Диснея, можно назвать Си-сайд, штат Флорида, и Кентландс, штат Мэриленд. Особый акцент Хакстебл делает на возрастающей роли фальшивой, синтетической, искусственной, суррогатной архитектуры: «Настоящая архитектура в ненастоящей Америке не очень уместна» (Huxtable, 1997a, p. 3).

В нашем окружении стали преобладать развлечения и подражание увеселительным паркам. В качестве архитектурной модели данной ситуации Хакстебл (1997b, p. 1) приводит казино «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и вообще Лас-Вегас: «настоящие подделки достигают в таких местах, как Лас-Вегас, своего апогея... Вопиюще фальшивая подделка создала собственный свойственный ей стиль, а также определенный стиль жизни, чтобы стать реальностью... это реальность, реальная подделка на высочайшем, самом крикливом и самом подлинно фальшивом уровне иллюзии и изобретения». Хакстебл (Huxtable,1997b, p. 40) утверждает, что посетители, по-видимому, считают искусственные тропические леса, вулканы и горы и тому подобные вещи в Лас-Вегасе гораздо более впечатляющими, чем реальность. Фактически, представитель промышленности даже выступает *против* реальности: «Настоящая скала оставит у вас искусственное впечатление».

Сжатие. Сжатые миры представляют собой некий спектакль, привлекающий потребителей и напрвляющий их потребление. Просто удивительно обнаруживать взаимопроникающие ситуации и занятия, которые не так давно были четко отделены друг от друга. Всего несколько десятилетий назад люди должны были ехать из одного места в другое, чтобы приобрести различные товары и услуги; теперь все это многообразие они могут найти в одном большом универмаге. Подобным же образом, не так много лет назад если человек хотел поиграть в азартные игры, он отправлялся в Лас-Вегас, а если хотел посетить тематический увеселительный парк, то ехал в Орландо (или Анахайм). Сегодня можно прийти, например, в «Эм-джи-эм Гранд» или «Серкес-серкес» в Лас-Вегасе и найти на территории отеля и казино и увеселительный парк. Ваш местный «Уол-Март» или районный пункт обслуживания вполне может иметь при себе ресторан быстрого питания. «Ар-и-ай» в Сиэтле не только предлагает вам обувь для альпинизма, но даже гору, на которой вы можете поупражняться. Таким образом, еще один эффектный и приводящий в восторг аспект значительной части новых средств потребления заключается в том, что в них концентрируется так много разного, а они, в свою очередь, предстают во множестве других обрамлений.

Изменения, произошедшие в Лас-Вегасе, связаны с более общим процессом размывания границ между туризмом и потреблением. Безусловно, путешествия всегда подразумевали потребление туристских мероприятий и достопримечательностей. При этом туристов обычно интересовало приобретение всевозможных вещей — от брелков до трофеев. Однако сегодня мы видим все больше случаев, когда

основной целью путешествия *и становится* потребление товаров. Начать с того, что универмаги превратились в туристическое направление. Привлекательность проведения отпуска в мегаунивермаге заключается в том, что там каждый найдет нибудь для себя, там есть аквапарки, американские горки, увеселительные парки для детей; магазины, рестораны и бары для взрослых. Такое сочетание эффектно и обладает для путешественника мощной привлекательностью. Авиакомпании предлагают дневные путешествия до «Мол оф Америка»; автобусные компании — шоп-туры, куда может входить неоднократное посещение универмага. В «Мол оф Америка» в 1995 г. побывали 12 миллионов туристов, что больше, чем число посетителей мира Уолта Диснея, Гранд-Каньона и Грейсленда, вместе взятых. В Канаде крупнейшей туристической достопримечательностью является *не* Ниагарский водопад, а универмаг «Эдмонтон Мол». В «Потомак Миллз» за пределами Вашингтона побывали в 1995 г. 4,5 миллиона посетителей. Для сравнения: 4 миллиона посетили Арлингтонское национальное кладбище, 2,5 миллиона совершили поездку в колониальный Уильямсбург и лишь 1 миллион посетил Маунт Верной. «Франклин Миллз» за пределами Филадельфии в 1995 г. привлек 6 миллионов посетителей, что в 4 раза больше, чем число посетивших Либерти Белл. «Найк Таун» — крупнейшая туристическая достопримечательность в Чикаго. Многие посещаемые туристами места окружены розничными или оптовыми универмагами, которые оказываются самым быстрорастущим сегментом не только малого бизнеса, но также и индустрии туризма. Люди почти настолько же склонны совершать поездки в эти места ради универмагов, сколь ради моря или воздуха. В самом деле, зачастую кажется, будто в универмагах почти столько же народу, сколько на пляже.

В этом контексте также стоит упомянуть круизные лайнеры, которые, что кажется неправдоподобным, имеют универмаги на борту и превращают встречающиеся на маршруте острова в немногим больше, чем местные универмаги. Бывают даже круизы, целиком посвященные покупкам, где основной упор делается на бортовые магазины, каталоги и набеги на магазины в отдельных портах.

Несмотря на такие попытки по возврату им привлекательности новые средства потребления сталкиваются с дилеммой. Каким бы способом они ни достигали этого, когда им удалось вновь приобрести очарование, они стали значительно более заманчивыми для потребителей и эффективными в привлечении их к потреблению. Проблема в том, что эти попытки обновления очарования с самого начала могут быть рационализированы (или макдональдизированы). Даже если этого не происходит, новые средства потребления зачастую столь огромны и/или включают в себя такое количество ситуаций, что вынуждены рационализировать те аспекты, которые привлекают потребителей, а в процессе рационализации этих форм очаровывания они, по определению, развенчивают их. Могут ли рационализированные формы обновления очарования оставаться впечатляющими и привлекательными для потребителей? Могут ли соборы потребления непрерывно порождать новые, нерационализированные формы обновленного очарования? Время покажет; но сейчас ясно, что по своей сути новые средства потребления противоречивы, что, в конечном счете, может обернуться их гибелью.

Критика и пост-постмодернистская теория

Обсуждение постструктуралистской и постмодернистской социальной теории обычно вызывает горячие дискуссии. Сторонники этих теорий часто яро их восхваляют, тогда как противники зачастую демонстрируют то, что можно охарактеризовать не иначе как безрассудную ярость. Например, Джон О'Нил (O'Neill, 1995) пишет об «умопомешательстве постмодернизма» (p. 16); согласно его характеристике, постмодернизм открывает «огромные безнадежные небеса абсурда» (p. 191) и является «уже погасшим мгновением разума» (p. 199). Оставим в стороне радикальную риторику и рассмотрим главные аспекты критики постмодернистской социальной теории (имея в виду, что в свете разнообразия постмодернистских социальных теорий их обобщенная критика сомнительно обоснованна и полезна).

1. Постмодернистскую теорию критикуют за неспособность соответствовать научным стандартам модерна, стандартам, которых постмодернисты избегают. С точки зрения научно ориентированного модерниста, понять, верны ли утверждения постмодернистов, невозможно. Говоря более формальным языком, практически все, что говорят постмодернисты, расценивается модернистами как нефальсифицируемое, т. е. их идеи нельзя опровергнуть, особенно с помощью эмпирических исследований (Frow, 1991; Kumar, 1995). Эта критика, разумеется, предполагает наличие научной модели, существование реальности, поиск и существование истины. Эти допущения, естественно, были бы отклонены постмодернистами.
2. Поскольку знание, которое создается постмодернистами, нельзя считать совокупностью научных идей, постмодернистскую социальную теорию, может быть, лучше рассматривать в качестве идеологии (Kumar, 1995). Если мы станем смотреть на нее с этой точки зрения, вопрос уже будет заключаться не в том, правильны ли эти идеи, а лишь в том, доверяем мы им или нет. Те, кто верит в определенные идеи, не имеют оснований утверждать, что разделяемые ими идеи чем-то лучше или хуже идей любой другой направленности.
3. Поскольку постмодернистов не сдерживают научные нормы, они вольны действовать по собственному желанию; «играть» с большим диапазоном идей. Ими предлагаются широкие обобщения, зачастую без необходимых ограничений. Кроме того, выражая свою позицию, постмодернистские социальные теоретики не ограничиваются беспристрастной риторикой модернистского ученого. Избыточный характер значительной доли постмодернистского дискурса затрудняет принятие его основных принципов людьми, стоящими на других позициях.
4. Постмодернистские идеи зачастую носят столь неопределенный и абстрактный характер, что трудно, а то и вовсе невозможно, установить их связь с социальным миром (Calhoun, 1993). Кроме того, значения понятий имеют тенденцию меняться в рамках работ постмодернистов, а читатель, не подозревающий об исходных значениях, не может ясно осознать какие-либо изменения.

5 Несмотря на свою склонность к критике больших повествований, создававшихся теоретиками модерна, постмодернистские социальные теоретики нередко предлагают собственные разновидности таких повествований. Например, Джеймсона часто обвиняют в использовании больших повествований марксистской направленности и тотализаций.

6. В своем анализе постмодернистские социальные теоретики часто критикуют общество модерна, однако эта критика обладает сомнительной обоснованностью, поскольку обычно не имеет нормативного фундамента, чтобы высказывать такие суждения.

7. Вследствие отрицания значения субъекта и субъективности постмодернисты зачастую не формулируют теорию деятельности.

8. Постмодернистским социальным теоретикам нет равных в критике общества, но они не имеют ни малейшего представления о том, каким общество должно быть.

9. Постмодернистская социальная теория ведет к абсолютному пессимизму.

10. Хотя постмодернистские социальные теоретики борются с тем, что считают важнейшими социальными проблемами, они при этом нередко игнорируют явления, рассматриваемые многими как ключевые проблемы нашего времени.

11. Хотя среди феминистов можно найти приверженцев постмодернистской социальной теории, как мы видели в главе 9, они же были особенно суровыми ее критиками. Феминисты, как правило, критически относятся к отрицанию постмодернистами роли субъекта, к их неприятию универсальных, общекультурных категорий (таких, как тендер и тендерное угнетение), их чрезмерному интересу к различиям, их отрицанию истины и неспособности разработать критическую политическую программу действий.

Конечно, мы могли бы перечислить еще множество других критических замечаний относительно постмодернистской социальной теории в целом, не говоря уже о значительном объеме конкретной критики отдельных постмодернистских теоретиков. Однако вышеперечисленные положения дают читателю достаточное представление о диапазоне этой критики. Независимо от особенностей последней, центральный вопрос состоит в том, создала ли постмодернистская теория ряд интересных, проницательных и важных идей, способных оказывать на социальную теорию влияние в течение длительного времени. Из данной главы должно быть понятно, что такие идеи существуют в постмодернистской социальной теории в изобилии.

Хотя постмодернистская социальная теория еще только начинает становиться влиятельной силой в американской социологии, во многих других областях она уже давно миновала период своего расцвета и находится в упадке. Интересно, что именно во французской социальной теории, откуда происходят лучшие образцы "структурализма и постмодернизма, мы обнаруживаем самые решительные попытки выйти за рамки постмодернистской теории.

следствие отрицания роли индивидуального субъекта постмодернистов обвиняют в антигуманизме (Ferry and Renaut, 1985/1990, p. 30). Таким образом, постпостмодернисты стремятся спасти гуманизм (и субъективность) от постмодернист-

ской критики, которая, по-видимому, эту мысль похоронила. Например, Лилла (Lilla, 1984b, p. 20) утверждает, что проводятся попытки «реабилитации универсальных рациональных норм в морали и политике, и особенно защиты прав человека».

Другое направление «пост-постмодернистской социальной теории» включает в себя попытку восстановить значение либерализма вопреки проводимой постмодернистами атаке на либеральные большие повествования (Lilla, 1994a). Работы постструктуралистов/постмодернистов (например, «Дисциплина и наказание» Фуко), даже когда облекались в чрезвычайно абстрактную теоретическую форму, воспринимались французами как нападки на структуру в целом, в особенности на структуру либерального буржуазного общества и его «правительственности». Постмодернистские теоретики не просто подвергали это общество сомнению — их позиция выражала убежденность в невозможности оказаться вне досягаемости властных структур данного общества. Вопросы, которые считались в период расцвета постмодернистской теории неактуальными, — «права человека, конституционное правительство, представительство, класс,,индивидуализм» (Lilla, 1984b, p. 16) — вновь привлекли к себе внимание. Нигилизм постмодернизма был заменен целым рядом ориентации, сочувствующих либерализму. Можно сказать, что это возрождение внимания к либерализму (равно как и к гуманизму) служит признаком возобновления интереса и сочувственного отношения к обществу модерна.

Некоторые другие аспекты пост-постмодернистской социальной теории проясняет Жилль Липовецки (Lipovetsky, 1987/1994) в своей работе «Империя моды: одевая современную демократию». Липовецки дает вполне определенную характеристику постструктуралистской и постмодернистской теорий. Вот как он формулирует свойственный им подход, против которого он, по крайней мере отчасти, выступает:

> В наших обществах мода играет ведущую роль. Менее чем за полвека привлекательность и недолговечность стали организующими принципами современной коллективной жизни. Мы живем в обществах, где господствует тривиальность... Должно ли это нас пугать? Возвещает ли это медленно, но неумолимо надвигающийся упадок Запада? Следует ли воспринимать это как знак разрушения демократического идеала? Нет ничего более избитого и распространенного, чем склонность поносить — и не безосновательно — консьюмеристскую наклонность демократий; они изображаются как общества, лишенные коллективных мобилизующих проектов, доведенные до оцепенения избыточным консьюмеризмом, сведенные к инфантилизму «моментальной» культурой, рекламой, политическими спектаклями (Lipovetsky, 1987/1994, p. 6)

Сам же Липовецки (Lipovetsky, 1987/1994), напротив, признавая связанные с модой проблемы, утверждает, что она является «важнейшим агентом постепенного движения к индивидуализму и консолидации либеральных обществ». Таким образом, Липовецки не разделяет мрачного взгляда постмодернистов; он видит не только отрицательную, но и положительную сторону моды и в целом оптимистично смотрит на будущее общества.

Говоря много позитивного о моде, консьюмеризме, индивидуализме, демократии и современном обществе, Липовецки также признает и связанные с ними проблемы. Он делает вывод о том, что мы живем «не в лучшем и не в худшем из миров... Мода не ангел и не дьявол... Таково величие моды, которая всегда обращает

нас как индивидов к самим себе; такова нищета моды, которая делает нас все более проблематичными для себя и для других» (Lipovetsky, 1987/1994, p. 240-241). Липовецки предупреждает интеллектуалов не отбрасывать моду (и остальные вышеуказанные явления) только потому, что она оскорбляет их интеллектуальные предпочтения. Именно за отрицание таких важнейших явлений, как мода (и либерализм, демократия и т. д.) Липовецки критикует постструктуралистов/постмодернистов и других теоретиков (например, представителей критической теории). В любом случае атака на моду (и другие аспекты общества модерна) привела к игнорированию того, что «эпоха моды остается важнейшим фактором в процессе совместного ухода мужчин и женщин от мракобесия и фанатизма, учреждения отрытого публичного пространства и формирования более законной, более зрелой, более скептической гуманности» (Lipovetsky, 1987/1994, p. 12).

Хотя в качестве примера Липовецкий использует одежду, он утверждает, что мода есть форма социальных изменений, характерная для стран Запада. В отличие от постмодернистов, которые отрицали понятие происхождения, Липовецки связывает истоки моды с высшими классами западного общества в период позднего средневековья. Мода — это такая форма изменений, для которой характерны кратковременность, во многом прихотливые сдвиги и способность оказывать влияние на разнообразные сферы социального мира. На Западе определенную форму (особенно свойственное ей покровительство индивидуальности и новизне) мода приобрела под воздействием целого ряда факторов.

В рамках развития индивидуализма мода стала силой, позволяющей людям выражать себя и свою индивидуальность в одежде, при том что они вполне могли следить и за коллективными тенденциями в моде. Аналогичным образом, этот фактор был направлен на большее равноправие людей, так как давал возможность более низким слоям в системе стратификации, по крайней мере, одеваться так же, как высшие слои. Мода также давала возможность свободно самовыражаться. Иначе говоря, она связана с ростом индивидуализма и демократизацией общества в целом.

Обсуждаемые в этом разделе вопросы не должны создавать впечатление, что пост- или антипостмодернистской социальной теорией исчерпывается современная французская теория; однако это, несомненно, одна из преобладающих тем. Постмодернистская социальная теория продолжает существовать в современной Франции. Продолжает работать Жан Бодрийяр и другие ученые, творчество которых мы не успели рассмотреть. Отметим, например, вклад французского урбаниста и архитектора Поля Вирильо. В своей замечательной серии книг Вирильо (Virilio, 1983,1986,1991a, 1991b, 1995) сконцентрировал внимание на исследовании скорости (дромологии) в мире постмодерна. Например, в работе «Потерянное измерение» Вирильо (Virilio, 1991a) анализирует исчезновение физических расстояний и препятствий в связи с возрастающим значением скорости; пространство заменилось временем; материальное было вытеснено нематериальным. Так, например, физические границы города навсегда нарушены, в частности, вследствие высокоскоростной коммуникации. Мир модерна, который определялся пространством, уступил место миру постмодерна, который определяется временем.

Для наших целей большее значение имеет тот факт, что постмодернистская социальная теория не только продолжает существовать, но и начинает набирать

силу в Соединенных Штатах. Однако мы должны смотреть глубже интеллектуальной моды в Соединенных Штатах (или во Франции) и понимать, что, независимо от того, в моде постмодернизм/постструктурализм в каком-либо месте в определенный момент времени или нет, эти теории сохранят свое значение для социальной теории в целом. В конечном счете, рано или поздно постмодернистская социальная теория утратит свое значение, однако социальная теория в целом благодаря ей никогда уже не будет прежней.

Резюме

Данная глава охватывает широкий диапазон важных взаимозависимых разработок в наиболее близкой к нам по времени социологической теории. Источником многих из них произошедшая в лингвистике революция, которая привела к поискам фундаментальных структур языка. Структурализм — название, данное этому перелому, — оказал влияние на целый ряд сфер, в том числе на антропологию (и особенно творчество Леви-Стросса) и марксистскую теорию (в большей степени, на структурный марксизм).

Хотя структурализм продолжает оказывать влияние на социальных теоретиков, он породил новое движение, которое стало известно как постструктурализм. Как видно из названия, постструктурализм был основан на структуралистских представлениях, но в значительной степени вышел за их рамки, создав особый способ мышления. Самым выдающимся теоретиком из постструктуралистов является Мишель Фуко. В ряде своих значимых работ Фуко создал теоретические идеи, которые, вероятно, сохранят свое влияние в течение многих десятилетий.

Отчасти из постструктурализма возникло чрезвычайно влиятельное направление, известное как постмодернистская теория. Постмодернистское мышление оказало влияние на множество областей: изобразительное искусство, архитектуру, философию и социологию. Существуют разнообразные варианты постмодернистских социальных теорий, мы познакомились с предлагаемой Фредриком Джеймсо-ном умеренной версией, а также с радикальной альтернативой, которая представлена Жаном Бодрийяром. Постмодернистская социальная теория как минимум представляет собой вызов социологической теории. Как максимум она выступает отрицанием значительной части, если не всей, социологической теории. Настоящая глава завершается рассмотрением основной критики постмодернистской социальной теории и обсуждением значения постмодернистской социальной теории.

Приложение. Социологические метатеории и метатеоретическая схема анализа социологической теории

Одним из недавно возникших в социологической теории явлений можно назвать рост интереса к социологическим метатеориям. Тогда как теоретики в качестве основного предмета своего изучения рассматривают социальный мир, метатеоретики занимаются *систематическим изучением фундаментальной структуры социологической теории* (Ritzer, 1991b; Zhao, готовится к изданию). В приложении мы, в частности, ставим цель проанализировать этот интерес к метатеориям в социологии, а также основные параметры данного подхода. Кроме того, вся структура настоящей книги основана на конкретном наборе метатеоретических перспектив, сформулированных автором (Ritzer, 1975a, 1981a). Таким образом, еще одна цель данного приложения заключается в формулировке метатеоретических представлений, определяющих построение текста книги, но перед этим необходимо провести обзор имеющихся в социологии метатеорий.

Метатеории в социологии

Социологи — не единственные, кто занимается метаанализом, то есть рефлексивным исследованием собственной дисциплины. Подобный анализ проводят и философы (Radnitzky, 1973), и психологи (Gergen, 1973, 1986; Schmidt at al, 1984), и политологи (Connolly, 1973), а также ряд других представителей социальных наук (см. различные эссе в Fiske and Shweder, 1986) и историки (White, 1973).

Кроме того, метаанализ можно найти в других областях науки, его осуществляют социологи различных направлений, а не только метатеоретики как таковые

(Zhao, 1991). Различные типы метаанализа в социологии можно объединить под заголовком «метасоциология», которую мы определяем *как рефлексивное исследование фундаментальной структуры социологии в целом, а также различных ее элементов:* независимых сфер исследования (например, обзор социологии занятости Р. Хола [Holl, 1983]), понятий (например, анализ понятия «структура», проведенный Рубинштейном [Rubinstein, 1986]), методов *(метаметодов;* например, попытки синтеза социологических методов которые осуществили Брюэр и Хан-тер [Brewer and Hunter, 1989] и Ноблит и Хэем [Noblit and Hare, 1988]), данных *(метааанализ данных*[1]*;* например, Fendrich, 1984; Hunter, Schmidt, and Jackson, 1982; Polit and Falbo, 1987; Wolf, 1986) и теорий. Именно последний из перечисленных аспектов — *метатеории* — будет занимать нас в настоящем приложении.

Работы метатеоретического плана отличает не столько сам процесс метатеоретизирования (или систематического изучения теорий, что является общим для всех метатеоретиков), сколько характер конечного результата. Существует три разновидности метатеорий, которые определяются главным образом различиями конечных результатов (Ritzer, 1991a, 1991b, 1991c, 1992b, 1992c). Первый тип, *метатеоретизирование как средство достижения более глубокого понимания теории* (Ми)[2], предполагает изучение теории с целью лучшего, более глубокого понимания уже существующей теории (Ritzer, 1988). Конкретнее, $М_и$ занимается исследованием теорий, теоретиков и сообществ теоретиков, а также более крупного интеллектуального и социального контекста теорий и теоретиков. Второй тип, *метатеоретизирование как вступление к разработке новой теории* ($М_Р$), означает исследование существующей теории, для того чтобы создать новую социологическую теорию. Есть и третья разновидность метатеорий — *метатеоретизирование как источник подходов к обобщению социологической теории* ($М_0$): в этом случае исследование теории ориентировано на создание подхода (можно сказать *«отдельной* метатеории»), охватывающего всю социологическую теорию или ее определенную часть. (Как мы еще увидим, именно данный тип метатеоретизирования образует основу построения текста настоящей книги.) Принимая во внимание указанные определения, давайте теперь более подробно изучим каждый тип метатеорий.

Первый тип метатеорий, $М_и$, состоит из четырех основных подтипов, каждый из которых включает в себя формальное или неформальное исследование социологической теории для достижения более глубокого ее понимания. Первый подтип (внутренне-интеллектуальный) уделяет основное внимание интеллектуальным или когнитивным вопросам, которые носят внутренний по отношению к социологии характер. Сюда же входят попытки определить основные когнитивные парадигмы (Ritzer, 1975a, 1975b; см. также обсуждение ниже) и «школы мысли» (Sorokin,

[1] Я ввел здесь (отчасти неуклюжий) термин «метаанализ данных», чтобы отделить его от более общего метаанализа. Целью метаанализа данных стали поиски способов аккумуляции результатов изучения научных исследований. В своем введении к работе Вулфа «Метаанализ» Ниеми определяет *метааанализ* как «применение статистических процедур к совокупностям эмпирических данных отдельных исследований с целью их интеграции, синтеза и трактовки» (Wolf, 1986, p. 5).

[2] В данном обозначении заглавная «М» означает «метатеоретизирование», а индекс — начальную букву слова *understanding* (понимание); в случае двух других типов индексы при «М» означают *prelude* (вступление) и *overarching* (обобщение) соответственно. — *Примеч. пер.*

1928), более динамический взгляд на фундаментальную структуру социологической теории (Harvey, 1982,1987; Wiley, 1979; Nash and Wardell, 1993; Holmwood and Stewart, 1994) и разработка общих метатеоретических инструментов для анализа существующих социологических теорий и создания новых теорий (Alexander et al, 1987; Edel, 1959; Gouldner, 1970; Ritzer, 1989b, 1990a; Wiley, 1988). Второй подтип (внутренне-социальный) тоже сосредоточен на социологии, но уделяет основное внимание социальным, а не когнитивным факторам. Основной подход здесь заключается в том, что подчеркиваются общественные аспекты различных социологических теорий и предпринимаются попытки выделения основных «школ» в истории социологии (Bulmer, 1984,1985; Cortese, 1995; Tiryakian, 1979, 1986), используется более формальный сетевой подход к исследованию связей между группами социологов (Mullins, 1973, 1983), а также изучение самих теоретиков: их институционального участия, карьерных моделей, положения в поле социологии и т. д. (Gouldner, 1970; Camic, 1992). Третий вариант (внешне-интеллектуальный) в поисках идей, инструментов, понятий и теорий, которые можно использовать для анализа социологической теории, обращается к другим академическим дисциплинам (см., например, Brown, 1987,1990a). Бейкер (Baker, 1993) рассмотрел значение происходящей из физики теории хаоса для социологической теории. Бейли утверждает, что хотя явно выраженное внимание к метатеоретизированию в социологии, возможно, — сравнительно новое явление, «общая теория систем давно отмечена распространенным метатеоретизированием» (1994, p. 27). Потребность в метатеоретизировании была вызвана многодисциплинарным характером теории систем и необходимостью изучения и сведения воедино идей из различных областей знания. Далее Бейли утверждает, что теория социальных систем «заключает в себе метатеоретизирование» (Bailey, 1994, p. 82). В сущности, Бейли применяет метатеоретический подход для анализа разработок в рамках теории систем (см. главу 5) и их взаимосвязи с разработками в рамках социологической теории.

Наконец, внешне-социальный подход большее внимание уделяет макроуровню и таким образом более укрупненно рассматривает общество (государство, социокультурное окружение и т. д.) и характер его влияния на социологическое теоретизирование (см., например, Vidich and Lyman, 1985).

Отдельные работы метатеоретической направленности, разумеется, могут соединять в себе черты двух и боле типов M_{LI}. Например, Яворский продемонстрировал, насколько вышедшая в 1956 г. книга Льюиса Козера «Функции социального конфликта» (см. главу 3) «была глубоко личной книгой и одновременно произведением, укорененным в социальном контексте» (Javorski, 1991, p. 116). Так, Яворский касается вопроса влияния семьи (внутренне-социального) и возвышения Гитлера в Германии (внешне-социального) на жизнь и творчество Козера. Яворский также рассматривает влияние внешне-интеллектуальных (американская радикальная политическая мысль) и внутренне-интеллектуальных (индустриальная социология) факторов на мышление Козера. Таким образом, в своем анализе творчества Козера по проблеме социального конфликта Яворский соединяет все четыре подтипа $M_{и}$.

Большая часть метатеорий в социологии носит не Ми-характер, а больше относится ко второму типу ($M_{Р}$) — это метатеоретизирование в качестве прелюдии

к созданию новой социологической теории. Большинство значительных классических и современных теоретиков разрабатывали свои теории, по крайней мере отчасти, на основе тщательного изучения творчества других теоретиков и своего отношения к нему. Одним из наиболее значительных примеров такого подхода служат теория капитализма Маркса (см. главу 1), разработанная исходя из систематического занятия гегелевской философией, а также изучения других подходов, например, политической экономии и утопического социализма; теория действия Парсонса (см. главу 3), разработанная на основе систематического изучения творчества Дюркгейма, Вебера, Парето и Маршалла; многомерная неофункциональная теория Александера (Alexander, 1982-1983), основанная на подробном изучении творчества Маркса, Вебера, Дюркгейма и Парсонса; теория коммуникаций Хабермаса (Habermas, 1987a), основанная на исследовании творчества различных представителей критической теории, а также Маркса, Вебера, Парсонса, Мида и Дюркгейма. Давайте более подробно рассмотрим M_P - подход в том виде, в каком он применялся Карлом Марксом.

В *«Экономически-философскихрукописях»* 1844 г. Маркс (Marx, 1932/1964) развивает свой теоретический подход на основе тщательного детального анализа и критики работ таких экономистов, как Адам Смит, Жан-Батист Сэй, Давид Ри-кардо и Джеймс Милль; таких философов, как Г. В. Ф. Гегель, младогегельянцы (например, Бруно Бауэр) и Людвиг Фейербах; таких утопистов-социалистов, как Этьен Кабе, Роберт Оуэн, Шарль Фурье и Пьер Прудон, и множества других значительных и второстепенных интеллектуальных школ и личностей. С достаточной степенью уверенности можно сказать, что «Рукописи» 1844 г. практически целиком представляют собой метатеоретический труд, в котором Маркс развивает свои собственные идеи исходя из множества других систем воззрений.

А другие работы Маркса? Являются ли они более эмпирическими? Менее метатеоретическими? В своем предисловии к «Немецкой идеологии» (Marx and Engels, 1845-46/1970) К. Дж. Артур характеризует эту работу как состоящую главным образом из «подробной построчной полемики с произведениями некоторых их [Маркса и Энгельса] современников» (1970, p. 1). Фактически Маркс и сам описывает «Немецкую идеологию» как попытку «изложить нашу концепцию в противоположность идеологии немецкой философии — в сущности, свести счеты с нашей прежней философской совестью. Данный замысел был осуществлен в форме критики постгегельянской философии» (1859/1970, p. 22). «Святое семейство» (Marx and Engels, 1845/1956) представляет собой прежде всего развернутую критику воззрений Бруно Бауэра, младогегельянцев и их склонности к умозрительной «критической критике»[1]. В предисловии Маркс и Энгельс поясняют, что такого рода метатеоретическая работа является прелюдией к их последующему теоретизированию: «Поэтому мы приводим данную полемику как предваряющую наши самостоятельные сочинения, где мы... представим свой определенный взгляд (1845/1956, p. 16). В «Очерках» (1857-58/1974) Маркс в качестве своих метатеоретиче-ских антагонистов избрал экономиста Давида Рикардо и французского социалиста Пьера Прудона (Nicolaus, 1974). На протяжении «Очерков» Маркс пытается разрешить множество теоретических проблем, отчасти посредством критики упомянутых теорий и теоретиков, отчасти с помощью применения идей, заимство-

[1] Фактически эта работа носит подзаголовок «Против Бруно Бауэра и его компании».

ванных у Гегеля. Характеризуя введение к «Очеркам», Николаус говорит, что оно «в каждой своей строке отражает борьбу Маркса с Гегелем, Рикардо и Прудоном. Из нее Маркс вынес самую важную из всех целей, а именно: базовые принципы диалектического написания истории» (Nikolaus, 1974, p. 42). Работа «К критике политической экономии» (Marx, 1859/1970), как видно из названия, представляет собой попытку создания особого экономического подхода на основе критики творчества теоретиков политической экономии.

Даже «Капитал» (1867/1967), который, по общему признанию, является одной из наиболее эмпирических работ Маркса, поскольку в ней с помощью использования правительственных отчетов и статистики непосредственно рассматриваются реалии капиталистического труда, определяется как вдохновленный более ранним метатеоретическим творчеством Маркса и сам содержит метатеоретизирование. В сущности, метатеоретические истоки совершенно проясняют подзаголовок данного труда — «Критика политической экономии». Однако в «Капитале» Маркс действует более независимо, что позволяет ему быть гораздо «позитивнее», т. е. создать собственную особую теоретическую ориентацию. Эта независимость отчасти объясняется значительным метатеоретическим фундаментом, который был сформулирован в ранних работах Маркса. Кроме того, основную часть нового метатеоретического творчества относят к так называемому четвертому тому «Капитала», опубликованному под заголовком «Теории прибавочной стоимости» (Marx, 1862-1863/1963,1862-1863/1968). Эта работа содержит большое число выдержек из трудов крупнейших теоретиков политической экономии (например, Смита, Рикардо), а также их критический анализ Марксом. В общем, можно с уверенностью сказать, что Маркс был в значительной степени метатеоретиком, возможно, его работы, были самыми метатеоретическими из всех произведений классических социологических теоретиков.

Хотя мы выбрали для подробного рассмотрения творчество Маркса, практически все классические и современные теоретики были метатеоретиками и, говоря конкретнее, применяли M_P-подход.

Существует также ряд примеров третьего типа метатеоретизирования — M_0-К этой категории относятся: «дисциплинарная матрица» Уолласа (Wallace, 1988), «интегрированная социологическая парадигма» Ритцера (Ritzer, 1979, 1981) (рассматривается ниже в настоящем приложении), позитивистская метасоциология Ферфи (Furfey,1953/1965), «неодиалектическая» метасоциология Гросса (Gross, 1961), «общая теоретическая логика социологии» Александера (Alexander, 1982), а также более поздняя попытка Александера (Alexander, 1995) разработать постпозитивистский подход к универсальности и рациональности. Некоторые теоретики (Bourdieu and Wacquant, 1992; Emirbayer, 1997; Ritzer and Gindoff, 1992, 1994) предпринял попытку создать то, что Ритцер и Гиндофф назвали «методологическим реляционизмом»[1], чтобы дополнить уже существующие обобщающие подходы «методологического индивидуализма» (Bhargava, 1992) и «методологического холизма». Методологический реляционизм выводится из исследования работ по вопросам микро-макроинтеграции и соединения действия и структуры, также различных работ по социальной психологии.

[1] Шварц (1997) особенно хорошо описывает эту метатеорию, равно как и другие метатеории, которые вдохновляют теорию Бурдье.

Описанные три разновидности метатеорий — всего лишь идеальные типы. В действительности зачастую имеет место значительное пересечение целей метатеоретических работ. Однако ученые, которые занимаются только одним типом метатеоретизирования, как правило, в меньшей степени заинтересованы в достижении целей, характерных для двух других типов. Разумеется, существуют социологи, которые в то или иное время занимались всеми тремя типами метатеорий. Например, Александер (1982-1983) в первом томе «Теоретической логики в социологии» создает обобщающие подходы (M_0), в следующих трех томах использует их для достижения лучшего понимания ($M_и$) классических теоретиков, а позднее он попытался внести свой вклад в создание неофункционализма ($M_Р$) как теоретический преемник структурного функционализма (Alexander and Colomy, 1990a).

Рефлексивная социология Пьера Бурдье

Видным современным метатеоретиком (хотя сам он воспротивился бы такому определению, как, впрочем, и вообще любому ярлыку) признан Пьер Бурдье. Он выступает за рефлексивную социологию: «С моей точки зрения, социология должна носить метахарактер, но при этом *всегда соотноситься сама с собой.* Она должна использовать собственные инструменты, чтобы понять, что она есть и чем она занимается, попытаться лучше осознать свое место» (Bourdieu and Wacquant, 1992; см. также Meisenhelder, 1997). Применяя в отношении метасоциологии более традиционный и менее определенный термин («социология социологии»), Бурдье пишет: «Социология социологии является фундаментальным измерением социологической эпистемологии» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 68). Социологи, посвящающие свою деятельность «объективизации» социального мира, должны больше внимания уделять объективизации собственных действий. Таким образом, социология «постоянно оборачивает на саму себя те научные средства, которые она создает» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 214). Некоторые виды метатеорий (например, внутренне-социальную и внутренне-интеллектуальную формы $M_и$) Бурдье даже отвергает как «самодовольное субъективное сообщение о частной *личности* социолога или поиски интеллектуального *духа времени,* вдохновляющего его творчество» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 72; рассмотрение более позитивного взгляда Бурдье даже на эти виды метатеорий см. в Wacquant, 1992, p. 38). Однако отрицание определенных видов метатеорий не означает отрицания метатеоретических попыток в целом. Если следовать логике «Homo Academicus» (1984b; см. главу 11), то становится ясно, что Бурдье должен выступать за изучение габитуса и практик социологов в поле социологии как научной дисциплины. в поле ее академического мира, а также в аспекте взаимоотношений между этими полями и полями стратификации и политики. Работа «Различие» (1984a) должна была привести Бурдье к изучению вопроса о том, какие стратегии отдельные социологи, а также социологическая дисциплина как таковая используют для достижения этого различия. Например, некоторые социологи могут использовать профессиональный жаргон для того, чтобы казаться авторитетнее и получить в этой области высокий статус, а сама социология может надеть на себя покров научности, чтобы достичь различия по отношению к миру практики. В сущности, Бурдье вообще заявил, что научные притязания социологии и других социальных наук «на самом деле представляют собой смягченную претензию на власть»

(Robbins, 1991, p. 139). Такая позиция, разумеется, влечет за собой неудобные выводы о собственном творчестве Бурдье:

> Основной проблемой Бурдье в 1980-х было сохранить свою символическую власть, одновременно подрывая научность, на которой она изначально была основана. Некоторые сказали бы, что он завязал петлю на собственной шее и выбил табурет у себя из-под ног (Robbins, 1991, p. 150).

Учитывая приверженность Бурдье к теоретически обоснованным эмпирическим исследованиям, нетрудно понять, почему он нетерпимо относился к большинству (если не ко всем) видов M_0, которое он охарактеризовал как «универсальный метадискурс о знании о мире» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 159). Бурдье обычно отрицает метатеоретизирование как независимую деятельность, отделяя метатеоретизирование от теоретизирования о социальном мире и его эмпирического изучения (см. Wacquant, 1992, p. 31).

Бурдье приводит интересный довод в пользу метатеоретизирования, когда утверждает, что социологам необходимо *«избегать быть игрушкой социальных сил в [своем] занятии социологией»* (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 183). Единственный способ избежать такого удела — понять природу сил, воздействующих на социологов в данный исторический момент. Такие силы можно понять только через метатеоретический анализ, или то, что Бурдье называет «социоанализом» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 210). Когда социологи осознают природу действующих на них сил (особенно внешне-социальных и внешне-интеллектуальных), они смогут лучше контролировать влияние этих факторов на свое творчество. Как пишет Бурдье, «я постоянно использую социологию в стремлении очистить свое творчество от... социальных детерминант» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 211). Таким образом, целью метатеоретизирования, с точки зрения Бурдье, становится не разрушение социологии, а ее освобождение от детерминирующих ее сил. Разумеется, то, что Бурдье говорит о своих собственных попытках, справедливо и в отношении метатеоретических устремлений в целом. Стремясь ограничить воздействие внешних факторов на свое творчество, Бурдье при этом осознает границы таких попыток: «Я отнюдь не считаю и не претендую на то, что целиком от них [социальных детерминант] освободился» (Bourdieu and Wacquant, 1992, p. 211).

Подобным же образом Бурдье выражает желание освободить социологов от символического насилия, которое осуществляют над ними другие, более влиятельные социологи. Данная цель побуждает к использованию внутренне-интеллектуального и внутренне-социального анализа социологии, с тем чтобы вскрыть источники и природу этого символического насилия. Когда это понимание достигнуто, у социологов появляются способы освободиться от этих воздействий или, по крайней мере, ограничить их. Иначе говоря, социологи вполне способны к «эпистемологической бдительности», способствующей защите от этих искажающих воздействий (Bourdieu, 1984b, p. 15).

Наиболее характерной чертой метатеоретического подхода Бурдье является его отказ отделять метатеоретизирование от других граней социологии[1]. То есть

[1] Поэтому Шварц (1997, p. 11) утверждает, что «Бурдье не разделяет видения Ритцера (1988), который говорит о создании социологической теории как законной подотрасли в рамках социологической дисциплины».

он считает, что в процессе социологического анализа социологам постоянно необходима рефлексивность. Социологи должны размышлять о своих действиях и особенно о том, каким образом в процессе анализа они могут искажать исследуемые объекты. Эта рефлексия может ограничить количество «символического насилия», обращенного против субъектов исследования.

Хотя творчество Бурдье своеобразно, ясно, что оно, по крайней мере отчасти, носит метатеоретический характер. Учитывая возрастающее значение Бурдье в социальной теории, связь его творчества с метатеоретизированием, вероятно, будет и далее способствовать усилению интереса к метатеориям в социологии.

Теперь мы обратимся к рассмотрению конкретного метатеоретического подхода, на который опирается настоящая книга. Как будет видно из дальнейшего, данный подход представляет собой сочетание $М_и$ и $М_0$. Мы начнем с краткого обзора творчества Томаса Куна, затем познакомимся с моим ($М_и$) анализом нескольких социологических парадигм. Наконец, мы рассмотрим метатеоретический инструмент — интегрированную социологическую парадигму ($М_0$), которая выступает источником уровней анализа, применяемых на всем протяжении данной книги для анализа социологических теорий.

Концепция Томаса Куна

В 1962 г. представитель философии науки Томас Кун опубликовал довольно небольшую по объему книгу, озаглавленную «Структура научных революций» (Hoyningen-Huene, 1993). Поскольку данная работа выросла из философии, она казалась обреченной на периферийное положение в социологии, особенно потому, что основное внимание в ней уделялось точным наукам (например, физике), а непосредственно о социальных науках говорилось мало. Однако высказанные в книге положения оказались крайне интересными для представителей самых разных областей (например, Hollinger, 1980, в истории; Searle, 1972, в лингвистике; Stanfield, 1974, в экономической теории), но ни для кого эта работа не имела большего значения, чем для социологов. В 1970 г. Роберт Фридрикс опубликовал первую значимую работу, основанную на подходе Куна, «Социология социологии». С тех пор не прекращался непрерывный поток публикаций, использующих этот подход (Eckberg and Hill, 1979; Effrat, 1972; Eisenstadt and Curelaru, 1976; Falk and Zhao, 1990a, 1990b; Friedrichs, 1972a; Greisman, 1986; Guba and Lincoln, 1994; Lodahl and Gordon, 1972; Phillips, 1973,1975; Quadagno, 1979; Ritzer, 1975a, 1975b, 1981b; Rosenberg, 1989; Snizek, 1976; Snizek, Fuhrman, and Miller, 1979). Мало сомнений в том, что теория Куна — важная разновидность Ми, однако в чем конкретно заключается подход Куна?

Одной из целей Куна в «Структуре научных революций» было подвергнуть сомнению общепринятые представления о том, как происходят изменения в науке. Большинство непрофессионалов и большое число ученых считают, что наука развивается накопительным образом, когда каждое новое достижение непоколебимо опирается на всю совокупность предшествующих научных знаний. Наука достигла своего теперешнего состояния путем медленных равномерных приращений знания. В будущем она достигнет еще больших высот. Эта концепция науки

была сформулирована физиком сэром Исааком Ньютоном, который сказал: «Если я видел дальше, то это потому, что я стоял на плечах титанов». Однако Кун считал данную концепцию кумулятивного развития науки мифом и стремился ее развенчать.

Кун признавал, что накопление знаний играет в развитии науки какую-то роль, однако считал, что истинно важные изменения возникают в результате революций. Кун разработал теорию, объясняющую, как, по его мнению, происходят важнейшие изменения в науке. Он полагал, что в каждый данный момент времени в науке господствует конкретная *парадигма* (на этот период определяемая как фундаментальная картина предмета научного изучения). *Нормальная наука* — это период накопления знаний, в течение которого ученые развивают господствующую парадигму. Такая научная работа неизбежно порождает *аномалии,* или результаты, которые не могут быть объяснены господствующей парадигмой. *Кризисный* этап наступает в том случае, когда эти аномалии накапливаются, и кризис этот, в конечном счете, может завершиться научной революцией. Господствующая парадигма ниспровергается, в то время как новая занимает центральное положение в науке. Рождается новая господствующая парадигма, и цикл готовится повториться вновь. Теорию Куна можно изобразить с помощью следующей схемы:

Парадигма I ⟶ Нормальная наука ⟶ Аномалии
Кризис ⟶ Революция ⟶ Парадигма II

Именно во время революционных периодов происходят истинно великие изменения в науке. Эта точка зрения, несомненно, противостоит большинству концепций научного развития.

Ключевым понятием в подходе Куна, равно как и в настоящем разделе, является «парадигма». К сожалению, Кун весьма неопределенно говорит о том, что подразумевает под «парадигмой» (Alcala-Campos, 1997). Согласно Маргарет Мастерман (Masterman, 1970), он использовал данный термин как минимум в двадцати одном различном значении. Мы будем использовать определение *парадигмы,* которое считаем соответствующим смыслу и духу раннего творчества Куна.

Парадигма служит для отделения одного научного сообщества от другого. Это понятие можно использовать для отделения физики от химии или социологии от психологии. Названные области имеют разные парадигмы. Понятие парадигмы может быть использовано для разделения различных исторических этапов в развитии науки (Mann, Grimes, and Kemp, 1997). Парадигма, господствовавшая в физике в XIX в., отлична от той, что господствовала в этой науке в начале XX в. Понятие парадигмы можно использовать еще в одном значении, и именно оно наиболее полезно для нас здесь. Парадигмы могут обозначать различие между когнитивными группировками *в рамках* одной и той же науки. Так, например, в современном психоанализе различают фрейдистскую парадигму, парадигмы Юнга, Хорни и др., т. е. в психоанализе имеются *многочисленные парадигмы,* это справедливо и в отношении социологии и большинства других научных областей.

Теперь я могу дать определение *парадигмы,* которое, на мой взгляд, верно отражает смысл первоначальной работы Куна:

> Парадигма — это фундаментальный образ предмета изучения науки. Она служит для определения того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и как, ка-

ким правилам нужно следовать при интерпретации полученных ответов. Парадигма представляет собой наиболее общий блок единодушия в науке и служит для отделения одной научной группы *(или* подгруппы) от другой. Она классифицирует, определяет и соотносит существующие в ней образцы, *теории* (курсив мой), методы и инструменты (Ritzer, 1975a, p. 7)

С учетом данного определения мы можем начать рассматривать взаимосвязи между парадигмами и теориями. *Теории ~ это только часть целых парадигм.* Иначе говоря, парадигма может включать в себя две или более *теорий,* а также различные *образы* предметной области, *методы* (и инструменты) и *образцы* (конкретные примеры научной работы, выступающие моделью для всех последующих).

Социология: полипарадигмальная наука

Моя работа по вопросу парадигматического статуса социологии (Ritzer, 1975a, 1975b, 1980) образует основу метатеоретического подхода, которому следовал анализ социологической теории на всем протяжении настоящей книги. С моей точки зрения, существуют *три* господствующие в социологии парадигмы, а также имеются некоторые другие, обладающие потенциальной возможностью достичь парадигматического статуса. Эти три парадигмы я называю парадигмами *социальных фактов, социального определения* и *социального поведения.* Каждая парадигма анализируется с точки зрения четырех элементов любой парадигмы.

Парадигма социальных фактов

1. Образец: моделью для сторонников парадигмы социальных фактов служит творчество Эмиля Дюркгейма, особенно его работы «Правила социологического метода» и «Самоубийство».
2. *Определение предметной области:* сторонники парадигмы социальных фактов основное внимание уделяют тому, что было названо Дюркгеймом социальными фактами, или крупными социальными структурами и институтами. Приверженцы парадигмы социальных фактов исследуют не только эти явления, но и их воздействие на индивидуальное мышление и действие.
3. *Методы:* сторонники парадигмы социальных фактов в большей степени, чем все остальные, используют опросные методы[1] и методы исторического сравнения.
4. *Теории:* парадигма социальных фактов включает в себя несколько теоретических подходов. *Структурно-функциональные* теоретики склонны считать, что социальные факты четко взаимосвязаны, а упорядоченность поддерживается всеобщим согласием. Теоретики *конфликта,* как правило, подчеркивают неупорядоченность социальных фактов, а также придерживаются мнения, что порядок поддерживается в обществе принудительными мерами. Хотя структурный функционализм и теория конфликта признаются в данной парадигме господствующими теориями, входят сюда и другие теоретические концепции, в том числе и теория *систем.*

[1] Уильям Снизек (Snizek, 1976) показал, что опросный метод доминирует во *всех* парадигмах.

Парадигма социального определения

1. *Образец:* для сторонников социального определения объединяющей моделью стала посвященные социальному действию работы Макса Вебера.
2. *Представление предметной области:* творчество Вебера способствовало возникновению у социальных дефиниционистов интереса к вопросу о том, как акторы определяют социальные ситуации и как это определение влияет на последующее действие и взаимодействие.
3. *Методы:* сторонники парадигмы социального определения, хотя в большей степени применяют опросный метод, чаще, чем приверженцы остальных парадигм, используют метод наблюдения (Prus, 1996). Иначе говоря, наблюдение рассматривается как методология, характерная для социальных дефиционистов.
4. *Теории:* в рамки парадигмы социального определения можно включить значительное количество теорий: *теорию действия, символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию* и *экзистенциализм.*

Парадигма социального поведения

1. *Образец:* для социальных бихевиористов моделью служит творчество психолога Б. Ф. Скиннера.
2. *Образ предметной области:* с точки зрения социальных бихевиористов, предметной областью социологии является неосознанное *поведение* индивидов. Особый интерес для них представляют награды, вызывающие желательные виды поведения, и наказания, сдерживающие нежелательное поведение.
3. *Методы:* характерным для социального бихевиоризма является эксперимент.
4. *Теории:* в понятие «социальный бихевиоризм» можно включить два теоретических социологических подхода. Первый — *поведенческая социология,* очень близкая к чистому психологическому бихевиоризму. Второй, гораздо более значительный подход, — *теория обмена*[1].

К более целостной социологической парадигме

Помимо подробного рассмотрения характера множественных социологических парадигм я попытался привести доводы в пользу большей парадигматической интеграции в социологии. Хотя имеются основания для того, чтобы имеющиеся парадигмы продолжали существовать, вместе с тем присутствует потребность в более интегрированной парадигме[2]. В противоположность заявлению Нэша и Уорделла (Nacn and Wardell, 1993), я *не* утверждаю нового доминирующего положения в социологии; я *не* утверждаю, что «сегодняшнее многообразие представляет со-

[1] Анализ этой парадигмальной схемы содержится в Eckbergand Hill (1979); Friedheim (1979); Harper, bylvester, and Walczak (1980); Snizek (1976); и Staats (1976).

[2] Существуют и другие возможности, в том числе постмодернистская парадигма (Milovanovic, 1995) и более межпарадигмальный диалог (Chriss, 1996).

бой нежелательное состояние, которое требуется устранить» (Nash and Wardell, 1993, p. 278). Напротив, я выступаю за *большее* разнообразие через разработку интегрированной парадигмы для дополнения существующих парадигм. Как и Нэщ и Уорделл, я *за* теоретическое многообразие.

Существующие парадигмы, как правило, страдают односторонностью, поскольку концентрируются на конкретных уровнях социального анализа, при этом уделяют другим уровням мало или вовсе никакого внимания. Данная характеристика отражается в интересе сторонников парадигмы социальных фактов к макроструктурам; внимании приверженцев парадигмы социального определения к действию и социальному конструированию реальности; интересе социальных бихевиори-стов к поведению. Именно эта односторонность способствовала росту среди множества социологов интереса к более целостному подходу (Ritzer, 199Id). (Это составляет лишь часть растущего интереса к интеграции, которая наблюдается в рамках многих социальных наук и даже между этими науками; в особенности см. Mitroff and Kilmann, 1978.) Например, Роберт Мертон, сторонник парадигмы социальных фактов, считал эту парадигму и социальный дефиниционизм взаимообогащающими, «противостоящими друг другу примерно в том же смысле, в каком ветчина противостоит яйцам: они различны по вкусу, но взаимно обогащают друг друга» (Merton, 1975, p. 30).

Ключом к интегрированной парадигме служит понятие *уровней* социального анализа (Ritzer, 1979, 1981a). Как прекрасно понимает читатель, *в реальности социальный мир не разделен на уровни.* Социальную реальность, в сущности, лучше всего рассматривать как огромное множество социальных явлений, вовлеченных в непрерывное взаимодействие и изменение. Индивиды, группы, семьи, бюрократии, государство и другие многочисленные чрезвычайно разнообразные социальные явления представляют собой ошеломляющее разнообразие, составляющее социальный мир. Крайне сложно охватить столь значительное число многообразных и взаимопроникающих социальных явлений. Несомненно, требуется некоторая концептуальная схема, и социологи разработали несколько таких схем, пытаясь исследовать социальный мир. Используемое здесь понятие социальных уровней социального анализа следует рассматривать только как одну из многих подобных схем, которые могут применяться и применялись для рассмотрения всей сложности социального мира.

Уровни социального анализа: обзор

Хотя понятие уровней подразумевается в значительной части социологии, явного внимания ему уделялось сравнительно мало (однако явный интерес к этому вопросу, по-видимому, действительно присутствует, как это проявляется, например, в работе Хейджа [Hage, 1994a], Уитмейера [Whitmeyer, 1994] и особенно Джефи [Jaffa, 1998] и Смелзера [Smelser, 1997]). Сосредоточиваясь здесь на вопросе уровней социального анализа, мы делаем явным то, что в основном только подразумевалось в социологии.

В конце данного приложения мы представим концепцию основных уровней социального анализа. Адекватное понимание этой концепции требует некоторых предварительных уточнений. Как вы увидите, в построении основных уровней

Джордж Ритцер: автобиография как метатеоретическии инструмент

Биографии и автобиографии полезны с точки зрения лучшего понимания творчества социологов теоретиков и социологов вообще. Историк науки Томас Ханкин так объясняет роль биографии:

> Полноценная биография ученого, включающая в себя не только характеристику его личности, но также и описание его научной работы и интеллектуального и социального контекста времени, продолжает оставаться наилучшим способом постижения многих проблем, с которыми сталкивается написание истории науки... наука создается людьми, и сколь бы значительно она ни определялась действующими извне силами, эти силы проявляют свое действие через личность самого ученого. Биография _ это литературная призма, через которую мы можем наблюдать этот процесс наилучшим образом (Hankin, 1979, p. 4).

Утверждение Ханкина об ученых в целом определяют мой подход к биографиям социологических теоретиков, в том числе и лично моей. Этот автобиографический отрывок предназначен для того, чтобы предложить, по крайней мере, несколько способов использования биографии в качестве полезного инструмента метатеоретического анализа.

Хотя я свыше 30 лет преподавал на социологических отделениях, много писал о социологии и по всему миру читал лекции по этой дисциплине, ни одна из моих научных степеней не относится к социологии. Это отсутствие формальной квалификации в данной области привело к пожизненному изучению социологии в целом и социологической теории в частности. Кроме того, это, по крайней мере в одном отношении, способствовало моим попыткам понять социологическую теорию. Поскольку я не получил социологического образования в конкретной «школе», я пришел в социологическую теорию с малым количеством предварительных представлений и предубеждений. Скорее, я могу назвать себя студентом всех «школ мысли», поскольку все они в равной мере мною использовались.

В своей первой работе метатеоретического характера «Социология: наука многочисленных парадигм» (1975a), я попытался не только изложить отдельные, часто конфликтующие, социологические парадигмы, но также привести доводы в пользу переплетения, соединения и интеграции парадигм. Меня не устраивал конфликт парадигм, и я хотел видеть в социологии больше гармонии и интеграции. Это желание привело к публикации работы «К интегрированной социологической парадигме» (1981 a), в которой я более полно развил свое понимание интегрированной парадигмы. Интерес к разрешению теоретического конфликта привел к изучению проблем микро-макроинтеграции (1990a) и объединения действия и структуры (Ritzer and Gindoff, 1994), а также более крупного вопроса теоретических синтезов (1990b).

Мой интерес к метатеоретическому творчеству объясняется желанием лучше понять теорию и разрешить ненужный конфликт в социологической теории. В работе «Мета-

социального мира используются два континуума социальной реальности. Первый из них — *микро-макрокопинуум.* Представлять себе как социальный мир состоящий из различных сущностей, которые варьируются от крупно- до маломасштабных, относительно несложно, поскольку это нам хорошо знакомо. Большинство людей в повседневной жизни воспринимают социальный мир с этой точки зрения. Как мы видели в главе 10, ряд мыслителей также использовал в своих работах микро-макроконтинуум. Как для непрофессионалов, так и для академических ученых континуум основан на простом представлении о том, что социальные явления значительно различаются по масштабу. На макроотрезке континуума помещаются такие крупные социальные явления, как группы обществ (например, капиталистическая мировая система), общества и культуры. На микрооотрезке

теории в социологии» (1991b) и в вышедшей в моей редакции книге «Метатеоретизирование» (1992b) я привожу доводы в пользу необходимости систематического исследования социологической теории. Я считаю, что это следует практиковать, для того чтобы лучше понять теорию и создать новые обобщающие теоретические подходы (и метатеории). Метатеоретическое исследование также ориентировано на разрешение спорных вопросов, разногласий и обеспечения большей возможности для интеграции и синтеза.

Проведя годы в попытке прояснить природу социологической теории, в начале 1990-х я устал от абстрактной метатеоретической работы. Я попытался применить различные изученные мною теории к самым конкретным аспектам социального мира. В 1980-х я отчасти сделал это, применив теорию рационализации Вебера к ресторанам быстрого питания (1983) и врачебной профессии (Ritzer and Walczak, 1988). Я снова обратился к очерку 1983 г., результатом чего стал выход книги «Макдональдизация общества» (1993, 1996), где утверждалось, что тогда как во времена Вебера образцом процесса рационализации являлась бюрократия, сегодня наилучшую модель этого процесса представляет собой ресторан быстрого питания (эта тема дополнительно рассматривается в «Вопросе макдональдизации» [1988]). В работе «Выражая Америку: критика глобального общества кредитных карточек» я обратился к исследованию еще одного повседневного экономического явления, которое проанализировал не только с точки зрения теории рационализации, но и с применением других подходов, в том числе теоретических воззрений Георга Зиммеля о деньгах.

Работа над проблемами ресторанотакого типа и кредитных карточек привела к сознанию того, что действительно меня интересует это социология потребления — область, которая была в Соединенных Штатах развита слабо, по крайней мере, по сравнению с Великобританией и другими европейскими государствами. Так появилась работа «Очарование разочарованного мира: революционизирование средств потребления» (1999), в которой я использовал веберовскую, марксистскую и постмодернистскую теории для анализа революционного воздействия новых средств потребления (суперунивермагов, мегаунивермагов, крупных супермаркетов, телемагазинов «на диване», казино, тематических увеселительных парков, круизных судов, а также ресторанов быстрого питания и др.) на то, как американцы и остальной мир потребляют товары и услуги.

Хотя я не могу исключить возвращения к вопросам более метатеоретического плана, мои планы на данный момент состоят в том, чтобы продолжать применять социальную теорию к сфере потребления. Кроме того, я предполагаю исследовать взаимосвязи между различными социальными теориями рационализации и вопрос макдональдизации.

Источник: Адаптировано (и обновлено) по статье Джорджа Ритцера «/Never Metatheory/ Didn't hike» *Mid-American revrew of Sociology,* 15, p. 21-32, 1991.

располагаются индивидуальные акторы, их мысли и действия. Промежуточное положение занимают разнообразные явления мезоуровня: группы, коллективные образования, социальные классы и организации. Нам несложно понять эти разграничения и рассматривать мир с точки зрения микро-макроконтинуума. Между микросоциальными и макросоциальными элементами не существует резкой границы: есть континуум, который простирается от микро- до макрооконечности. Второй континуум — это *объективно-субъективное* измерение социального анализа. На каждой оконечности микро-макроконтинуума (и в любой промежуточной точке) мы можем выделить объективные и субъективные компоненты. На микро, или индивидуальном, уровне находятся субъективные мыслительные процессы и объективные модели действия и взаимодействия актора. *Субъективное*

здесь обозначает что-либо, происходящее исключительно в области представлений; *объективное* относится к реальным, материальным событиям. Такое же разделение обнаруживается на макрооконечности континуума. Общество состоит из объективных структур, например правительств, бюрократий и законов, и субъективных явлений, таких как нормы и ценности.

Теперь давайте обратимся к творчеству нескольких социологов, рассматривавших объективно-субъективный континуум. Как мы видели в главе 1, на Карла Маркса большое влияние оказал немецкий идеализм, в особенности творчество Г. В. Ф. Гегеля. Гегелевская диалектика была субъективным процессом, происходящим в области идей. Хотя этот подход и сказался на воззрениях Маркса, его (а еще до него и младогегельянцев) не удовлетворяла диалектика, поскольку она не была укоренена в объективном, материальном мире. Опираясь на творчество Людвига Фейербаха и других мыслителей, Маркс стремился распространить диалектику на материальный мир. С одной стороны, реальные, чувствующие акторы его занимали больше, чем системы представлений. С другой стороны, он стал рассматривать объективные структуры капиталистического общества, прежде всего экономическую структуру. Все больше интереса Маркс стал проявлять к реальным материальным структурам капитализма и противоречиям, которые существуют между ними и внутри их. Нельзя сказать, что Маркс забыл о субъективных представлениях: понятия ложного и классового сознания, в сущности, играют в его творчестве ключевую роль. Именно раскол между материализмом и идеализмом, как явствует из творчества Маркса и других мыслителей, — один из важнейших философских истоков объективно-субъективного континуума в современной социологии.

Этот континуум, хотя и в другом виде, мы можем обнаружить и в творчестве Эмиля Дюркгейма (см. главу 1). В своей классической работе по вопросам методологии Дюркгейм выделил материальные (объективные) и нематериальные (субъективные) социальные факты. В «Самоубийстве» Дюркгейм пишет: «Социальный факт иногда материализуется и становится элементом внешнего мира» (Durkheim, 1897/1951, p. 313). В качестве примеров материальных (объективных) социальных фактов он рассматривал архитектуру и закон. Тем не менее, как правило, в творчестве Дюркгейма делается акцент на нематериальных (субъективных) социальных фактах:

> Разумеется, верно, что не все социальное сознание достигает такой экстернализации и материализации. Не весь эстетический дух нации воплощается во вдохновляемых ею работах; не вся мораль формулируется в виде четких правил. Большая часть находится в рассеянном состоянии. Значительная часть коллективной жизни находится на свободе; всевозможные течения сменяют друг друга, обращаются повсюду, пересекаются и смешиваются тысячью различных способов, и именно потому что они постоянно подвижны, никогда не застывают в объективном состоянии. Сегодня на общество опускается дыхание уныния и упадка духа — завтра счастливая уверенность воодушевит все сердца (Durkheim, 1897/1951, p. 315)

Эти социальные течения не обладают материальным воплощением; они могут существовать только в сознании индивидов и между индивидами. В «Самоубийстве» Дюркгейм рассматривал примеры такого рода социальных фактов. Он связал различия в уровнях самоубийств с различиями в социальных течениях. Например, там, где присутствуют сильные течения аномии (безнормности), мы обнаружива-

ем высокий уровень аномических самоубийств. Такие социальные течения, как аномия, эгоизм и альтруизм, безусловно, не имеют материального воплощения, хотя могут оказывать материальное воздействие, вызывать различия в уровнях самоубийств. Это межсубъективные явления, которые могут существовать только в сознании людей.

Питер Блау (B1au, 1960) различал институты (субъективные сущности) и социальные структуры (объективные сущности). Он определял *субъективные институты* как «коллективные ценности и нормы, воплощенные в культуре или субкультуре» (Blau, 1960, p. 178) С другой стороны, существуют *социальные структуры,* представляющие собой «сети социальных отношений, в которых организуются процессы социального взаимодействия и через которые дифференцируются социальные положения индивидов и подгрупп» (Blau, 1960, p. 178).

Можно утверждать, что объективно-субъективный континуум играет важнейшую роль в творчестве таких мыслителей, как Маркс, Дюркгейм, Блау и многих других. С применением настоящего континуума связана довольно интересная проблема: эти мыслители используют его почти исключительно на макроуровне, тогда как его можно применять и к микроуровню. Прежде чем привести пример, необходимо подчеркнуть, что мы должны рассматривать не только микро-макро и объективно-субъективный континуумы, *но также и взаимодействие между ними.*

Одним из примеров использования объективно-субъективного континуума на микроуровне можно назвать проведенное Мэри и Робертом Джекман (Jackman, 1973) эмпирическое исследование «объективного и субъективного социального статуса». С точки зрения микросубъективного их занимало «восприятие индивидом своего собственного положения в статусной иерархии» (Jackman and Jackman, 1973, p. 569). В данном исследовании микросубъективность предполагала чувства, восприятие и ментальные аспекты положения акторов в системе стратификации. Это связано с различными элементами микрообъективной сферы, включающей в себя социально-экономический статус актора, его социальные контакты, количество капитала, которым он владеет, принадлежность к этнической группе или статус кормильца или члена профсоюза. Эти измерения не относятся к ощущениям акторов; они подразумевают более объективные характеристики индивидов — модели действия и взаимодействия, в которых они фактически участвуют.

Интерес к микроаспекту объективно-субъективного континуума проявляется как в парадигме социального определения, так и в социальном бихевиоризме. Обе парадигмы склонны фокусироваться на микрообъективных моделях действия и взаимодействия, однако по-разному относятся к микросубъективному измерению. Все теоретические компоненты парадигмы социального определения (например, символический интеракционизм, этнометодология и феноменология) разделяют интерес к микросубъективности — чувствам и мыслям акторов. Однако социальные бихевиористы отвергают идею о том, что необходимо исследовать микросубъективные элементы социальной жизни. Примером этого отрицания является критика Б. Ф. Скиннером (1971) того, что он называет идеей «автономного человека». По мнению Скиннера, мы предполагаем, что люди автономны, когда приписываем им чувства, мышление, свободу, достоинство и т. п. Скиннер считает представление о том, что люди обладают такой внутренней автономной сущностью, одним из тех мистических, метафизических положений, которые долж-

ны быть исключены из социальных наук: «Автономный человек служит для объяснения только того, что мы еще не способны объяснить иначе. Его существование вызвано нашим незнанием, и он, конечно, утратит свое положение, когда мы узнаем о поведении больше» (1971, p. 12). Хотя с такого рода резкой обличительной речью мы не можем согласиться, ключевой момент заключается в следующем: микроуровень имеет *как* субъективное, *так и* объективное измерение.

Уровни социального анализа: модель

Наиболее значительным мыслителем, рассмотревшим вопрос уровней социальной реальности, был французский социолог Жорж Гурвич. Хотя Гурвич и не использовал конкретно эти термины, он (Gurvitch, 1964) понимал значение *как* микро-макро, *так и* объективно-субъективного континуумов. Кроме того, что еще более важно, он проявлял глубокое понимание взаимосвязи этих двух континуумов. К его чести будет сказано, он твердо отказывался рассматривать эти два континуума и их взаимосвязи как статистические инструменты, а обычно использовал их, чтобы подчеркнуть динамичность социальной жизни. Но аналитическая схема Гурвича обладает одним существенным недостатком: она крайне сложна и громоздка.

Социальный мир чрезвычайно сложен, и, чтобы сделать его доступным для изучения, нам требуются сравнительно простые модели. Простая модель, которую мы ищем, формируется из пересечения двух континуумов уровней социальной реальности, которые рассматривались выше. Первый, микро-макроконтинуум можно изобразить так, как это показано на рис. П1

Рис. П1. Микро-макро континуум с обозначением некоторых ключевых моментов континуума

Объективно-субъективный континуум представляет большую сложность, при этом он не менее важен, чем микро-макроконтинуум. В целом, объективное социальное явление обладает реальным материальным существованием. Можно представить ее, в частности, такие объективные социальные явления: акторы, действие, взаимодействие, бюрократические структуры, закон и государственный аппарат. Все эти объективные явления можно увидеть, потрогать или изобразить на схеме. Однако есть социальные явления, существующие *исключительно* в сфере идей; они не имеют материального воплощения. Это такие явления, как мыслительные процессы, социальное конструирование реальности (Berger and Luckmann, 1967), нормы, ценности и многие элементы культуры. Связанная с объективно-субъективным континуумом сложность заключается в том, что существует множество явлений, занимающих промежуточное положение, обладающих *и* объективными, *и* субъективными элемента-

ми. Так, например, семья обладает реальным материальным воплощением, а также рядом субъективных элементов: взаимопонимание, нормы и ценности. Подобным же образом, государство состоит из объективных законов и бюрократических структур, а также субъективных политических норм и ценностей. В сущности, вероятно, огромное количество социальных явлений носит смешанный характер, представляя собой определенное сочетание объективных и субъективных элементов. Таким образом, лучше всего рассматривать объективно-субъективный континуум как два полярных типа и ряд разнообразных смешанных промежуточных типов. На рис. П2 изображен объективно-субъективный континуум.

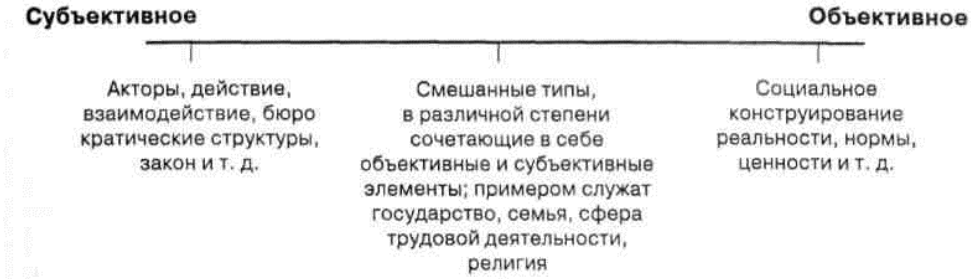

Рис. П2. Объективно-субъективный континуум с обозначением некоторых смешанных типов

Хотя указанные континуумы представляют интерес сами по себе, в данном случае нас занимает взаимосвязь этих двух континуумов. На рис. П4 представлено схематическое изображение пересечения этих двух континуумов и четырех основных уровней социального анализа, вытекающих из этого пересечения.

Здесь утверждается, что интегрированная социологическая парадигма должна принимать во внимание четыре основных уровня социального анализа, указанные на рисунке, а также их взаимосвязи (сходные модели см. в Alexander, 1985a; Wiley, 1988). Она должна рассматривать такие макрообъективные явления, как бюрократия; макросубъективную реальность, например ценности; такие микрообъективные явления, как модели взаимодействия, и микросубъективные факты, например процесс конструирования реальности. Мы должны помнить, что в реальном мире все указанные явления отчасти перемешаны, они образуют более общий социальный континуум, а мы провели некоторые искусственные и довольно-таки произвольные различия, для того чтобы иметь возможность изучать социальную реальность. Данные четыре уровня социального анализа предназначены для исследовательских целей и не считаются точными изображениями социального мира.

Хотя разработка интегрированной социологической парадигмы очень полезна, можно ожидать сопротивления такому подходу с многих сторон. Льюис утверждал, что противодействие интегрированной социологической парадигме исходит от тех теоретиков, «воителей парадигм» (Aldrich, 1988), которые стремятся любыми способами защитить свою теоретическую территорию.

Значительная часть возражений против интегрированной парадигмы имеет не теоретические, а политические основания; интегрированная парадигма угрожает чистоте и независимости и, возможно, даже самому существованию, теоретических подходов, которые находят вдохновение в *оппозиции* существующей теории... Интегрированная парадигма в том виде, в каком она предлагается Ритцером, позволяет и даже поощряет существование более широкого, чем некоторые находят удобным, подхода. Перенять интегрированную парадигму — значит отбросить убеждение в конечной истинности чьей-то излюбленной теории. ...Принятие интегрированной парадигмы требует понимания, и по сути дела, признания ценности, широкого диапазона подходов, а это интеллектуально непростая задача... Хотя Ритцер и не обсуждает данный вопрос, он утверждает, что преодоление массовой *боязни обширного интеллектуального пространства* представляет величайшую сложность для принятия интегрированной парадигмы (Lewis, 1991, p. 228-229).

Возникает очевидный вопрос о том, как четыре уровня интегрированной парадигмы связаны с тремя ранее рассмотренными парадигмами, а также с самой интегрированной парадигмой. На рис. П3 изображены четыре уровня трех парадигм.

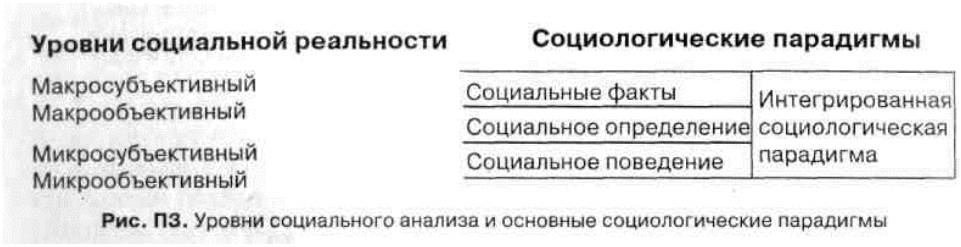

Рис. П3. Уровни социального анализа и основные социологические парадигмы

Парадигма социальных фактов фокусируется главным образом на макрообъективном и макросубъективном уровнях. Парадигма социального определения в основном рассматривает микросубъективный мир и ту часть микрообъективного мира, которая зависит от мыслительных процессов (действие). Парадигма социального поведения рассматривает ту часть микрообъективного мира, которая не включает в себя мыслительный процесс (поведение). Тогда как три существующие парадигмы подразделяют уровни социальной реальности горизонтально, интегрированная парадигма пересекает их вертикально. Из данного изображения становится понятно, почему интегрированная парадигма не вытесняет другие. Хотя каждая их трех существующих парадигм рассматривает все уровни, не каждый уровень она исследует столь тщательно, как другие парадигмы. Таким образом, выбор парадигмы зависит от интересующего нас вопроса. Не все социологические вопросы требуют интегрированного подхода, но некоторые проблемы в этом нуждаются.

Выше мы обрисовали модель предметной области интегрированной социологической парадигмы. Этот беглый очерк следовало бы детализировать более точно, но это другая задача (см. Ritzer, 1981a). Целью данного рассмотрения является не разработка новой социологической парадигмы, а описание обобщающей метатеоретической схемы (M_0), которая позволяет нам анализировать социологическую теорию согласованным образом. Модель, изображенная на рис. П4, образует основу, на которой строилась настоящая книга.

Социологическая теория анализируется с помощью использования четырех Уровней социального анализа, которые изображены на рис. П4. Данная схема дает нам метатеоретический инструмент, который может применяться в сравнитель-

ном анализе социологических теорий. Она позволяет анализировать основные вопросы определенной теории и их взаимосвязь с предметами,, интересующими все остальные социологические теории.

Во что бы то ни стало следует избегать простого отождествления теории или теоретика с конкретными уровнями социального анализа. Разумеется, верно, учитывая вышеприведенное описание современного парадигматического статуса социологии, что социологические теоретики, которые придерживаются определенной парадигмы, склонны концентрировать свое внимание на определенном уровне или уровнях социального анализа. Однако зачастую это вызывает несправедливые оценки, поскольку весь диапазон их творчества приравнивается к рассмотрению одного или нескольких уровней. Например, нередко считается, что Карл Маркс концентрировал свое внимание на макрообъективных структурах, в особенности на экономических структурах капитализма. Но если мы применим схему, где присутствуют многочисленные уровни социального анализа, то увидим, что Маркс глубоко проник во *все* уровни социальной реальности и их взаимосвязи. Аналогичным образом, символический интеракционизм обычно считают подходом, который рассматривает микросубъективность и микрообъективность, однако в реальности он не лишен проникновения в макроуровни социального анализа (Maines, 1977).

Важно также помнить, что использование уровней социального анализа для анализа определенной теории, как правило, нарушает целостность, единство и внутреннюю согласованность этой теории. Хотя уровни и полезны для понимания определенной теории и сравнения ее с другими, следует стремиться к рассмотрению взаимосвязи уровней и целостности теории.

В целом обрисованная на рис. П4 метатеоретическая схема, развитие которой мы проследили в настоящем приложении, обеспечивает основу для анализа рассмотренных в данной книге социологических теорий.

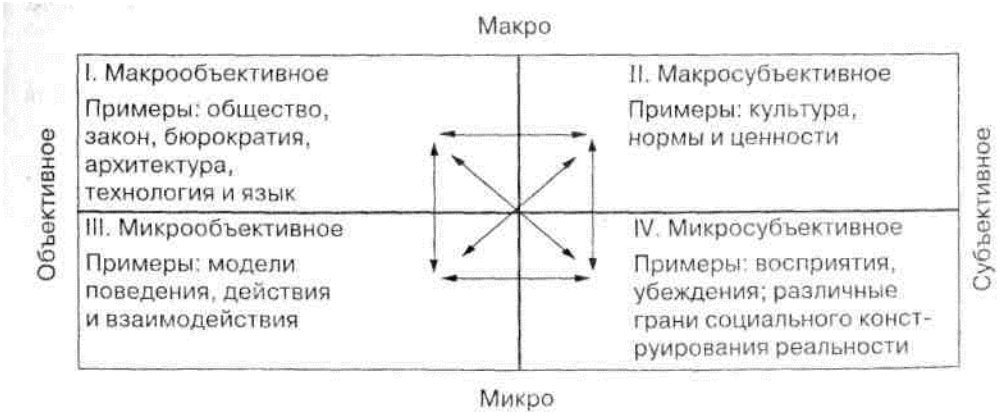

Рис. П4. Основные уровни социального анализа Ритцера[1]

[1] Обратите внимание, что это не «фотоснимок» в определенный момент времени. Он встроен в непрерывный исторический процесс.

[Список литературы есть просто не приложен]